СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XV

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1951 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
М. И. Артамонов

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, С. Н. Замятнин,
Т. Н. Книпович, А. П. Окладников, А. Ю. Якубовский

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Стр.

М. И. Артамонов. Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология 7

И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них 17

М. К. Каргер. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований . . 44

Г. Ф. Корзухина. Серебряная чаша из Киева с надписями XII века 64

Ф. Д. Гуревич. Из истории раннего Гродно 82

П. И. Борисковский. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины . . 96

С. Н. Бибиков. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен юго-восточной Европы . . 122

С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана . 140

В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов северного Причерноморья . 162

А. П. Иванова. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора . 188

В. П. Шилов. Синдские монеты 204

Материалы

Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги 219

Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных 247

Ю. С. Крушкол. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного Исторического музея 256

А. К. Рюмин. Новые данные о Чадобецкой неолитической стоянке на р. Ангаре 273

И. В. Мегрелидзе. Археологические находки в Дидо 281

Н. М. Егоров. Боргустанский клад 1941 г. 292

Л. Н. Иваньев. Древности села Чугуевки в Приморском крае . . 296

А. П. Окладников. Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре. (Предварительное сообщение) . . . 299

Г. Г. Стратанович. Китайская чаша из урочища Большой Дурал . 302

Г. А. Чернов. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры 308

А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры северного Причерноморья. (Опыт хронологической классификации) 325

Е. П. Алексеева. Документы по археологии, хранящиеся в фондах ЦГИАЛ 345

СТАТЬИ

М. И. АРТАМОНОВ

ТРУДЫ ТОВАРИЩА СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Значение гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания не ограничивается тем, что в них раскрыты порочные, антимарксистские взгляды Н. Я. Марра и его последователей на язык, его происхождение и развитие, и показаны корни этих взглядов, заключающиеся в немарксистских теоретических основах так называемого «нового учения о языке». Значение трудов И. В. Сталина, представляющих собою образец творческого развития марксизма-ленинизма, выходит далеко за рамки собственно языковедения. В этих трудах получили разрешение многие вопросы общетеоретического и конкретно-исторического характера. Они знаменуют собою новый этап в развитии всех наук и в особенности наук обществоведческих. В своих трудах И. В. Сталин дал ответ на сложнейшие вопросы, выдвинутые теорией и практикой революционной борьбы и социалистического строительства.

Велико значение трудов И. В. Сталина и для археологии, которая в течение долгого времени развивалась под сильным влиянием псевдомарксистской теории Н. Я. Марра. Н. Я. Марр приложил немало усилий для «тесной увязки языка с материальной культурой», т. е. для того, чтобы направить археологию в сторону разработки и обоснования на своем материале выдвинутых им языковедческих положений. Вследствие недостаточного усвоения кадрами советских археологов марксистско-ленинской теории «учение» Н. Я. Марра приобрело в их среде значительное число последователей, чем в основном было определено направление, по крайней мере, теоретических исследований в области археологии.

Важнейшей задачей археологов в настоящее время является критический пересмотр результатов своей предшествующей работы в свете тех новых теоретических положений, которые внесены И. В. Сталиным в сокровищницу марксистско-ленинской науки. Пересмотру в первую очередь должны быть подвергнуты те заключения, которые были сделаны под прямым или косвенным воздействием так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра и которые являются результатом приложения к археологическим данным этого порочного, псевдомарксистского учения. Сюда относятся получившие среди археологов широкое распространение представления об относительно позднем возникновении звукового языка и о длительном периоде якобы предшествовавшей ему так называемой «ручной», или «кинетической», речи. Сюда относятся перенесение в археологию идеалистического учения Н. Я. Марра о стадиях в развитии мышления и приложение к археологической периодизации пресловутых марровских «стадий» в развитии языка. Решительным образом должны быть пересмотрены заключения археологов относительно проис-

хождения народов и этнической истории вообще, поскольку вся область так называемого «этногенеза» в советской науке строилась на основе лженаучной теории Н. Я. Марра с ее скрещениями и трансформациями (взрывами) как основными явлениями языкового и этнического развития. В этой же связи следует пересмотреть и исправить ошибки, проистекающие из неправильного отожествления некоторыми археологами языка с культурой.

Кроме этих специфических ошибок, связанных с приложением к археологии псевдомарксистского учения Н. Я. Марра, археологи разделяли и другие, более распространенные заблуждения, проистекающие из неправильного понимания некоторых положений марксистско-ленинской теории, полную ясность в отношении которых внесли только труды И. В. Сталина по вопросам языкознания. Так, археологи, подобно представителям других наук, схематически различали только две категории явлений общественной жизни — явления базисного и явления надстроечного порядка, тогда как действительность оказывается значительно сложнее такой упрощенной схемы и включает в себя и такие явления, которые не относятся ни к базису, ни к надстройке. Археологи вместе с историками не понимали действительного значения надстройки в укреплении своего базиса и недооценивали степень ее активности в историческом развитии. Археологи, как и историки, не отдавали себе надлежащего отчета в сущности диалектического скачка и всюду искали «взрывов» и «революций», отвергая эволюционный путь развития. Археологи, как и историки, ошибались в понимании характера империй древности и средневековья, игнорировали устойчивость этнических образований (языков) и заблуждались по многим другим вопросам, получившим исчерпывающее освещение в последних трудах И. В. Сталина.

Остановимся на некоторых ошибках и заблуждениях археологов. Как уже указывалось, археологи, так же как многие этнографы и лингвисты, следуя за Н. Я. Марром и вопреки ясным указаниям основоположников марксизма, полагали, что возникновению звукового языка предшествовал длительный период кинетической, или ручной, речи, сопровождаемой «диффузными» выкриками, из которых и возникли полисемантические звуковые «элементы», лежащие в основе всего богатого словарного запаса человечества. Нелепость этого представления стала очевидной только после высказываний И. В. Сталина относительно сущности и возникновения языка, замечательных по глубине мысли и полноте учета данных современной науки.

И. В. Сталин учит:

«Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка» (стр. 22).[1] Поэтому нет и общества без языка. Отрывая возникновение звукового языка от возникновения общества, Н. Я. Марр и его последователи отрывали возникновение языка от возникновения сознания, мышления, игнорируя известное указание Маркса и Энгельса относительно неразрывной связи сознания и языка и достижения современной материалистической физиологии в области высшей нервной деятельности, получившие классическое выражение в трудах И. П. Павлова. Маркс и Энгельс писали: «Язык так же древен, как и сознание; язык как раз и *есть* практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действитель-

[1] Ссылки в скобках без указания источника относятся к труду И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (Госполитиздат, 1950).

ное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми».[1] И. П. Павлов показал, что специальное устройство головного мозга и особые нервные процессы, позволяющие осуществлять функцию речи и составляющие то, что он назвал «второй сигнальной или словесной системой», коренным образом отличают людей от животных.

И. В. Сталин развил дальше положения основоположников марксизма относительно связи языка с мышлением и со всей категоричностью указал на невозможность существования общества без языка.

Товарищ Сталин учит: «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время» (стр. 46).

Таким образом, звуковая речь возникла еще в процессе становления человеческого общества в связи с развитием общественного труда. Основной функцией ее как теперь, так и с самого начала, было удовлетворение потребности в общении:

«Обмен мыслями является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества, — стало быть, невозможно само существование общественного производства» (стр. 22—23).

Маркс и Энгельс неоднократно указывали на неразрывную связь языка с мышлением. Товарищ Сталин не только подтверждает наличие такой связи, но указывает, что мышление не возможно без языка:

«Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языкового материала, без языковой оболочки, так сказать, в оголенном виде. Но это совершенно не верно. Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой „природной материи“ — не существует. „Язык есть непосредственная действительность мысли“ (М а р к с). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с „природной материей“ языка, о мышлении без языка» (стр. 39).

Н. Я. Марр, как известно, полагал, что звуковая речь возникла относительно поздно, что ей предшествовал длительное время существовавший «язык жестов и мимики». Советские археологи, следуя за Марром, относили время появления звуковой речи к началу верхнего палеолита, связывая это с возникновением нового физического типа человека — homo sapiens (В. И. Равдоникас, П. П. Ефименко, П. И. Борисковский и др.). Только крайняя бедность и неразвитость этого языка, будто бы, вызвала появление изобразительного искусства, посредством которого люди верхнего палеолита восполняли несовершенство средств общения (С. Н. Замятнин).

Порочность такого представления о времени возникновения звуковой речи теперь должна быть ясна всем, так как «. значение так называемого языка жестов ввиду его крайней бедности и ограниченности — ничтожно. Это, собственно, не язык, и даже не суррогат языка, могущий

[1] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. IV, стр. 20—21.

так или иначе заменить звуковой язык, а вспомогательное средство с крайне ограниченными средствами, которым пользуется иногда человек для подчеркивания тех или иных моментов в его речи. Язык жестов так же нельзя приравнивать к звуковому языку, как нельзя приравнивать первобытную деревянную мотыгу к современному гусеничному трактору с пятикорпусным плугом и рядовой тракторной сеялкой» (стр. 46—47).

Эти указания И. В. Сталина требуют от археологов совершенно нового подхода к решению ряда важнейших проблем истории первобытного общества, в частности проблемы первобытного искусства. Чрезмерная примитивизация первобытного человечества на ступени верхнего палеолита, свойственная некоторым археологам, в значительной мере объясняется искусственным снижением оценки уровня развития языка и мышления на этом этапе истории.

Отнесение появления звуковой речи к позднему времени находится в резком противоречии с марксистским учением о роли труда в становлении человеческого общества. Не случайно возникновение звукового языка рассматривается Н. Я. Марром не как выражение потребности в общении людей в процессе труда, а как проявление одного из элементов «магического» действия, в качестве средства воздействия на тотемов, т. е. богов, действия, хотя и призванного обеспечить успешность общественного труда, но оторванного от него в виде особого культового акта. И. В. Сталин метко охарактеризовал учение Н. Я. Марра о происхождении звукового языка «трудмагической тарабарщиной».

Идеалистические представления Н. Я. Марра об условиях возникновения и первоначальной роли звукового языка привели его к грубейшей вульгаризации и к извращению марксизма, заключающихся в признании классовости языка, причем в качестве класса первобытного общества, обладавшего звуковым языком в отличие от «глухонемых» членов общества, у него выступают маги, в руках которых звуковая речь якобы уже была орудием классовой борьбы. И. В. Сталин вскрыл порочную, антимарксистскую сущность учения Н. Я. Марра о классовости языка.

«Не трудно понять, — пишет И. В. Сталин, — что в обществе, где нет классов, не может быть и речи о классовом языке. Первобытно-общинный родовой строй не знал классов, следовательно, не могло быть там и классового языка, — язык был там общий, единый для всего коллектива. Возражение о том, что под классом надо понимать всякий человеческий коллектив, в том числе и первобытно-общинный коллектив, представляет не возражение, а игру слов, которая не заслуживает опровержения» (стр. 12).

Немарксистское, идеалистическое учение Н. Я. Марра о позднем появлении звукового языка и о первичности «кинетической» речи теснейшим образом связано с его несостоятельным учением о развитии человеческого мышления. В истории мышления Н. Я. Марр различал три стадии: стадию тотемическую, космическую и технологическую. Первая из них, соответствующая кинетической речи, характеризуется так называемым «дологическим» мышлением, когда отвлеченных понятий еще не существовало, когда люди даже собственно не мыслили, а воспринимали явления окружающего мира в виде мифологических образов как проявлений производительных сил природы. Понимание действительных связей явлений оставалось чуждым людям, и они воспринимали мир в нереальном, фантастическом отражении. Такое представление о «дологической» стадии мышления не имеет ничего общего с марксизмом, так как отрывает мышление, сознание от действительности. Ф. Энгельс писал о развитии мышления: «. . . возникало сознание — сперва условий

отдельных практических полезных результатов, а впоследствии, на основе этого понимание законов природы, обусловливающих эти полезные результаты».[1]

В. И. Ленин, правда, допускал возможность отлета сознания от жизни и незаметного, несознаваемого превращения абстрактного понятия в фантазию,[2] но эта возможность никогда не была правилом, нормою. Наоборот, люди только потому и могли успешно бороться с природой, что они в своем сознании правильно отображали окружающий их мир, что их слова, в которых мы имеем первые обобщения впечатлений, полученных от внешнего мира, отражали этот мир не в извращенном, фантастическом виде, а в полном соответствии с действительностью. Мышление древнего человечества в той мере, в какой оно отражало его трудовой опыт, было столь же логичным, как и мышление современного человека, что, конечно, не исключало засорения сознания и такими извращенными, фантастическими представлениями, которые вытекали, прежде всего, из стремления опередить истинное знание и связать явления в их отношениях.

Следующая стадия развития мышления, по Н. Я. Марру, — космическая. В тесной связи с этой стадией мышления находится «учение» Н. Я. Марра о четырех лингвистических элементах, к которым, будто бы, восходят все слова человеческих языков. Некоторые археологи, поддавшись влиянию «учения» Н. Я. Марра о стадиальном развитии мышления, некритически принимали положения Н. Я. Марра о том, что история мышления расчленяется на два совершенно различных этапа — конкретно-образного и формально-логического мышления, и соответственно пытались интерпретировать материал (А. П. Окладников). Некоторые археологи увлеклись раскрытием специально космического мировоззрения первобытного человека, якобы получившего вполне определенное выражение в искусстве первобытного общества, и, перенося результаты и приемы семантического анализа, основанного на четырех лингвистических элементах, на исследование памятников материальной культуры, бесплодно затратили немало времени и труда на составление так называемых «семантических пучков» (Б. Б. Пиотровский).

Особенно вредное влияние на развитие советской археологии оказало перенесение в эту науку марровского «учения» о стадиальности в развитии языка. Н. Я. Марр полагал, что развитие языка в мировом масштабе якобы подчинялось некоторым общим закономерностям и что различные типы языков соответствуют различным этапам в развитии социально-экономических отношений. Это «учение» о единстве языкотворческого процесса с его стадиальными взрывами основано на неверном понимании законов развития общества, на смешении совершенно различных общественных явлений. Н. Я. Марр и его последователи не поняли специфических особенностей языка как общественного явления, не относящегося ни к категории базиса, ни к категории надстройки. Они отожествили поэтому развитие языка с развитием идеологической надстройки.

И. В. Сталин показал, что язык не относится ни к базису, ни к надстройке, что он одинаково обслуживает и базис и надстройку, а равным образом и все другие общественные явления и развивается по своим собственным законам. На каждом этапе своего развития язык является продуктом не данной эпохи, а всех предшествующих эпох. Язык, следовательно, является одним из главнейших факторов, обусловливающих

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1950, стр. 14.
[2] В. И. Ленин. Философские тетради. 1947, стр. 308.

единство общества в его историческом развитии. Язык, как и общество, не возникает в каждую эпоху заново, а развивается в течение ряда эпох.

В трудах И. В. Сталина по языкознанию проведено тонкое разграничение между производством, экономическим строем общества — базисом — и надстройкой. Как известно, наиболее подвижным элементом производства являются производительные силы. В зависимости и в соответствии с развитием производительных сил изменяются производственные отношения людей, их экономические отношения, т. е. изменяется экономический строй общества, его базис. Смена базисов и соответствующих им надстроек происходит путем скачков, взрывов, посредством революционных преобразований. Между тем, в отличие от базисов и надстроек в развитии языка нет перерывов постепенности, нет взрывов, нет внезапного уничтожения одного языка и появления на его месте другого. Изменения языка состоят в непрерывных отражениях изменений, происходящих в производственной и во всякой иной деятельности человека. «Но такие изменения, — говорит И. В. Сталин, — ни в какой мере не решают судьбу языка» (стр. 28). Его структура, грамматический строй и основной словарный фонд в продолжение веков остаются без существенных изменений.

Таким образом, «учение» Н. Я. Марра о стадиальности в развитии языка не соответствовало действительной истории языка и основывалось на неверном, немарксистском понимании производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки. Оно оторвало историю языка от конкретной истории общества и исходило из неверного отожествления языка с надстройкой.

Ясно, что приложение вульгаризаторского, порочного учения к исследованию истории общества не могло не привести к серьезным ошибкам. В археологии приложение этого учения выразилось в совершенно нелепом утверждении, будто смена этнического состава населения данной территории в разные эпохи представляет собой не что иное, как проявление закона стадиальности в развитии языка. В результате некоторые археологи договорились до таких понятий, как «скифизация», «сарматизация», «готизация» или «славянизация», понимая под ними самопроизвольное возникновение скифов, сарматов, готов или славян в результате социально-экономического развития. Так, по В. И. Равдоникасу, получалось, что скифизация соответствует становлению патриархального строя, сарматизация — разложению рода, а готизация — феодализации местного автохтонного населения северного Причерноморья. Скифский, сарматский и готский языки оказываются при этом отражением внутреннего социально-экономического развития этого населения.

Не менее ошибочным было представление о возникновении индоевропейцев в результате серьезных изменений в хозяйстве, образе жизни и общественных отношениях неиндоевропейского, «яфетического» населения Европы (М. И. Артамонов, А. Д. Удальцов) или о возникновении славян на основе различных в этническом отношении исходных племен вследствие развития у них одинакового хозяйства и однородных социально-экономических отношений (П. Н. Третьяков).

Опираясь на сходство некоторых элементов культуры на обширных, иной раз отдаленных одна от другой территориях, археологи топили историческую конкретность в понятии стадиальности, приписывая своим стадиям те же свойства, какие усматривал в языковых стадиях Н. Я. Марр. В результате появилась «киммерская», «скифская», «готская», «тюркская» и другие стадии там, где ни киммерийцев, ни скифов, ни тюрок никогда не было. Подменяя понятие того или иного этапа социально-экономического развития понятием стадии, археологи в большей или

меньшей степени смазывали своеобразие исторического развития различных обществ и подменяли изучение конкретной истории абстрактным социологизированием (В. И. Равдоникас, М. И. Артамонов, А. Н. Бернштам, Б. Б. Пиотровский, С. В. Киселев и др.).

В этой же связи находится и предубеждение многих археологов в отношении к миграциям. Рассматривая изменения культур как выражение закономерностей стадиального развития, они крайне враждебно относились к самой возможности миграций и старались во всех случаях объяснить сходство культур не общностью происхождения, а единством стадиального развития (И. И. Мещанинов). Не может быть сомнения в том, что одинаковые причины вызывают одинаковые следствия и что сходные явления могут появиться и действительно появляются независимо друг от друга в разных местах. Но это вовсе не значит, что во всех случаях сходства мы имеем дело только с независимым и самостоятельным возникновением одинаковых культурных явлений. Нередко такое сходство является результатом той или иной формы перенесения данного явления из одного места в другое, а когда мы встречаемся со сходством не отдельных культурных явлений, а целых культур, и не со сходством вообще, а со сходством в деталях, в мелких подробностях, общность их происхождения не может вызвать сомнения. Не может вызвать сомнения и распространение таких культур в порядке расселения их носителей. Теория миграций в ее буржуазной редакции, сводящая все развитие культуры к переселениям и влияниям, не имеет ничего общего с признанием крупной роли передвижений народов в конкретной истории, и советская археология должна в ближайшее время восполнить те серьезные упущения, которые она допустила в области изучения народных передвижений, находясь под влиянием марровского автохтонизма, вытекающего из его же псевдонаучной теории стадиального развития языка.

В теснейшей связи с ошибочными представлениями о стадиальном развитии языка находятся заблуждения в вопросах происхождения народов, распространенные в советской археологической науке. Некоторые советские археологи, смешивая культуру с языком и исходя из марровского учения о стадиальности, полагали, что изменения в культуре означают перемены в этнической сущности носителей данной культуры, причем перемены эти рассматривали как результат внутреннего развития данного общества.

В соответствии с решающей ролью, которую Н. Я. Марр придавал в развитии языка процессам скрещивания, советские археологи уделяли этому моменту также очень большое внимание. Они рассматривали культурное скрещивание также как процесс, в результате которого возникает новое этническое образование с новой культурой и с новым языком.

И. В. Сталин полностью опроверг марровское понимание скрещивания. Он показал, что в результате скрещивания двух языков не получается и не может получиться третьего нового языка; в результате скрещивания может быть только ассимиляция одного языка другим языком с возможностью обогащения языка-победителя некоторыми элементами, заимствованными из побежденного языка.

В ответе товарищу А. Холопову И. В. Сталин отмечает, что его формула относительно скрещивания действительна только для периода до победы социализма в мировом масштабе, а в мировом социалистическом обществе будут действовать другие закономерности в отношениях между языками и формирование сначала зональных, а затем и мирового языка будет происходить не в порядке борьбы, а в порядке сотрудничества и свободного взаимного обогащения языков. Языки социалистического общества будут новыми языками в том смысле, что в них сольются при-

знаки различных языков, они не будут ни одним из ранее существовавших национальных языков в отдельности.

Естественно возникает вопрос — происходила ли ассимиляция языков в период первобытно-общинного строя, когда не было еще классов и классовой эксплуатации, не было национального и колониального гнета, не существовало государства, закрепившего национальную обособленность и взаимное недоверие наций? Происходило ли и тогда скрещивание языков в порядке борьбы за господство одного из языков или были условия для мирного и дружественного сотрудничества народов и для слияния их языков?

Это вопрос, требующий немедленной разработки.

Археология представляет немалое количество примеров скрещивания культур в результате смешения их носителей с последующей победой одной культуры над другой, но с определенным вкладом побежденной культуры в общее достояние.

Ошибки археологов заключались в том, что они нередко отожествляли культуру с языком и явления одного порядка распространяли на явления совершенно иного рода. Культура изменяется независимо от изменений языка в том смысле, что одно и то же общество с одним и тем же в основе языком проходит через ряд культурных состояний. Общность культуры еще не означает общности языка и, с другой стороны, родственные или даже единоязычные общества могут обладать разными культурами.

Однако этим нисколько не оправдывается пренебрежительное или даже отрицательное отношение некоторых историков к возможностям археологии в области изучения этнической истории. Археологическая культура вовсе не то же самое, что культура в обычном значении этого слова. Она обнимает явления разного порядка — и относящиеся к области производства, в частности орудия труда, и характеризующие бытовой уклад общества, и отражающие его экономику, и воплощающие его идеологические представления. Эти разнородные явления изменяются по-разному: одни легко исчезают и заменяются новыми, другие отличаются большей устойчивостью и подвергаются медленным изменениям. Все эти явления, к тому же, отличаются наличием некоторых специфических особенностей, которые являются выражением психического склада данного общества, выработанного в течение многих веков существования этого общества и являющегося устойчивым признаком этноса наряду с другими его признаками, такими, как язык.

Если язык единством своего развития связывает разные эпохи существования общества, то этнографические признаки, воплощающиеся в материальной культуре, точно также связывают разные периоды истории данного народа, представленных на разных этапах его развития различными, но преемственно соединяющимися культурами. Такая связь археологических культур открывает перед археологией замечательные возможности и ставит ее среди других исторических наук на первое место в деле исследования этнической истории. Можно быть уверенным, что, освободившись от ошибок и заблуждений, вызванных влиянием «учения» Н. Я. Марра, советская археология достигнет весьма положительных результатов и совместно с языкознанием, этнографией и антропологией расширит историю современных народов до самых ее истоков.

Предметом археологии, как и истории вообще, являются не мистические «стадии», а история культуры в ее исторической конкретности, реальные народы на всем протяжении их существования, начиная с древнейших времен. В истории языка И. В. Сталин различает ряд этапов:

«. от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным» (стр. 12). Но это, вместе с тем, и этапы этнической истории. Общество, сложившееся из родов в виде особого племени со своим языком, со своими другими этнографическими признаками, в дальнейшем путем объединения с другими родственными племенами становится народностью, из народностей же вырастают нации. Это процесс, отнюдь не основывающийся на простом биологическом размножении. «За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались» (стр. 27), происходили революционные перевороты, старые общественные строи сменялись новыми. Все это вносило большие изменения не только в язык и его развитие, но и в развитие других этнических признаков. В течение этого процесса одни этнические признаки исчезали, другие возникали вновь. Некоторые народы вовсе исчезали, будучи ассимилированы другими народами. Но оставшиеся сохраняли свою самобытность и преемственную связь с начальными формами своего существования.

Советские археологи допустили ряд серьезных ошибок. Труды И. В. Сталина, как яркий прожектор, осветили эти ошибки и показали всю их порочность и антимарксистскую сущность. В данной статье отмечены только некоторые из этих ошибок и заблуждений. За нами, советскими археологами, остается еще большая и серьезная работа по выявлению и критическому преодолению их и созданию новых научных трудов, основанных на гениальных указаниях И. В. Сталина. Это путь творческого марксизма, основанный на глубоком усвоении теории Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Тот факт, что наша наука оказалась под влиянием псевдомарксистской теории Н. Я. Марра, со всей очевидностью показал насколько далеки мы были от подлинного марксизма и как вместо овладения существом теории диалектического материализма довольствовались поверхностным, начетническим, цитатным применением некоторых марксистских положений. Только поэтому трескучая пропаганда марровского «учения», облеченного в революционную фразу, могла оказать свое тлетворное влияние на кадры советских археологов, только поэтому они некритически отнеслись к Н. Я. Марру и приняли его «учение» за подлинный марксизм.

Было еще одно обстоятельство, способствовавшее утверждению марровского учения в археологии. Это то, что И. В. Сталин метко назвал «аракчеевским режимом», который в условиях наших ведущих археологических учреждений выражался в культе Н. Я. Марра и в зажиме критики. Культ Н. Я. Марра создавался еще при его жизни и старательно поддерживался после смерти. Непомерно раздутый авторитет Н. Я. Марра не только как лингвиста, но и как археолога давил на сознание сотрудников ИИМК и распространялся далеко за пределы этого учреждения. В Институте не было свободной и открытой критики положений марровского учения. Критика в лучшем случае была молчаливой, ограничивающейся отказом от приложения теории Н. Я. Марра к исследованию археологических проблем, что, надо сказать, не избавляло молчаливого критика от нападок и обвинений в игнорировании наследия Н. Я. Марра и самым ощутительным образом сказывалось на оценке его работы.

Другой формой «критики» Н. Я. Марра был отбор отдельных положений марровской теории, представлявшихся отвечающими марксизму и приемлемыми, и замалчивание других, абсурдность которых была очевидной. Этого рода «критика» была самообманом и не приносила решительно никакой пользы, так как отвергнутые положения марровского «учения», такие, например, как «учение» о лингвистических элементах,

были органически связаны с другими положениями, являлись их основой и делали их столь же порочными по их сущности, как и эти отвергнутые положения. Этого рода «критика» — робкая и непоследовательная, сводившаяся к подкрашиванию «учения» Н. Я. Марра под марксизм, была особенно вредной для развития науки.

Выступление товарища И. В. Сталина по вопросам языкознания ликвидировало аракчеевский режим в научных учреждениях. Товарищ И. В. Сталин призвал ученых к творческому усвоению марксизма и показал непревзойденные образцы дальнейшего развития марксистской теории. Товарищ И. В. Сталин призвал нас к смелым дерзаниям в области науки, к свободной критике и к борьбе мнений. Научные дискуссии отныне стали основным методом коллективного научного творчества.

За время, истекшее со дня выхода трудов И. В. Сталина, советскими археологами проведена большая и серьезная работа не только по критическому преодолению заблуждений и ошибок, но и по исследованию ряда важнейших проблем истории культуры и вопросов происхождения народов СССР в соответствии с гениальными указаниями И. В. Сталина. На заседаниях Ученого совета и на пленумах ИИМК АН СССР ошибки археологов, связанные с антимарксистской теорией Н. Я. Марра, были подвергнуты суровой критике. На апрельском Прибалтийском пленуме ИИМК были заслушаны доклады, представляющие собой опыт приложения гениальных указаний И. В. Сталина к конкретным вопросам истории народов СССР. Для изданий ИИМК подготовлен ряд работ, свидетельствующих о коренном переломе, происшедшем среди археологов нашей страны в отношении к лженаучным теориям Н. Я. Марра и к связанным с ними историко-археологическим построениям.

В ИИМК'е проведена серьезная подготовка к участию в дискуссиях по периодизации истории первобытного общества и по методологии этногенетических исследований. Значительно укреплена сеть партийного просвещения. Усилена марксистско-ленинская подготовка научных кадров. Но все это по существу является лишь началом той большой теоретической и научно-организационной работы, к которой уже приступил научный коллектив ИИМК и которая позволит ему успешно преодолеть допущенные ошибки.

Овладение подлинно марксистской теорией и творческое применение ее к вопросам археологии является важнейшей задачей наших кадров. Энтузиазм, с которым советские ученые изучают труды классиков марксизма-ленинизма, гениальные труды И. В. Сталина, является залогом успешного разрешения этой задачи.

На основе развертывания серьезной, принципиальной, большевистской критики и самокритики, коллектив советских археологов, здоровый в своей основе, преданный делу партии Ленина — Сталина, вдохновляемый примером своего учителя и друга, гениального корифея науки, вождя народов И. В. Сталина, преодолеет все свои ошибки и добьется небывалого расцвета советской археологической науки.

И. И. ЛЯПУШКИН

ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИЗЫСКАНИЙ 1945 г. В БАССЕЙНЕ р. ВОРСКЛЫ И НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ НИХ[1]

Археологические изыскания 1945 г. в бассейне р. Ворсклы являлись продолжением работ, начатых здесь накануне Великой Отечественной войны (в 1938 г.) П. Н. Третьяковым [2] и нами (в 1940 г).[3] Как и в предшествующие годы, работа носила в основном разведочный характер. Обследованию были подвергнуты берега р. Коломак, общей протяженностью (по прямой) около 100 км (с. Перекоп Харьковской обл. — устье р. Коломак), и Полтава с ее окрестностями (правый нагорный берег р. Ворсклы). Работа проводилась ИИМК АН СССР совместно с Полтавским историко-краеведческим музеем.

1

Река Коломак — левый приток р. Ворсклы — течет в направлении с СВ на ЮЗ, впадая в р. Ворсклу несколько ниже г. Полтавы. В нижнем течении река имеет широкую пойменную долину, доходящую местами до 3—4 км ширины. Начиная с с. Чутово, долина резко суживается, переходя в районе с. Коломак в большую балку. Правый берег реки, как и у большинства рек этого района, высокий и крутой, но не обрывистый. На всем протяжении берег изрезан балками, склоны которых, как и берега реки, или задернованы или распахиваются. Левый берег — пологий, постепенно поднимающийся от поймы.

Бóльшая часть течения р. Коломака, от устья до границы Полтавской и Харьковской обл. (протяжением около 60 км), безлесна. Только в верхнем течении, начиная от с. Чернечья и до истока, берега ее покрыты большим лиственным лесом, преимущественно дубом (так называемый «Коломацкий лес»).

Обследованию подвергся весь правый берег р. Коломака от г. Полтавы до Высокополья и левый — от с. Перекоп (водораздел между Днепром и Доном) до с. Коломак. Обследование носило исключительно поисковый характер, и лишь на территории г. Полтавы, на Красной (бывш. Соборной) площади, было заложено два разведочных шурфа (2×1 и 2×3 м), с целью выяснения характера культурного слоя.

---

[1] Краткое содержание напечатано в КСИИМК, XIX, 1948.—И. И. Ляпушкин. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы.

[2] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Киев, 1947.

[3] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, XII, 1946.—Он же. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, XVII, 1947

Археологическое изучение юго-восточной части Полтавской обл. и прилегающих районов Харьковской, в том числе и бассейна р. Коломака, ведется уже более ста лет. В первой половине прошлого столетия верхнее течение р. Коломака было обследовано Вадимом Пассеком.[1] В последние годы бассейн р. Коломака был обследован работниками харьковских и полтавских научных учреждений.[2] Несмотря на все это, археологический облик района продолжает оставаться слабо освещенным, он почти не изучен, так как большинство проведенных работ носило

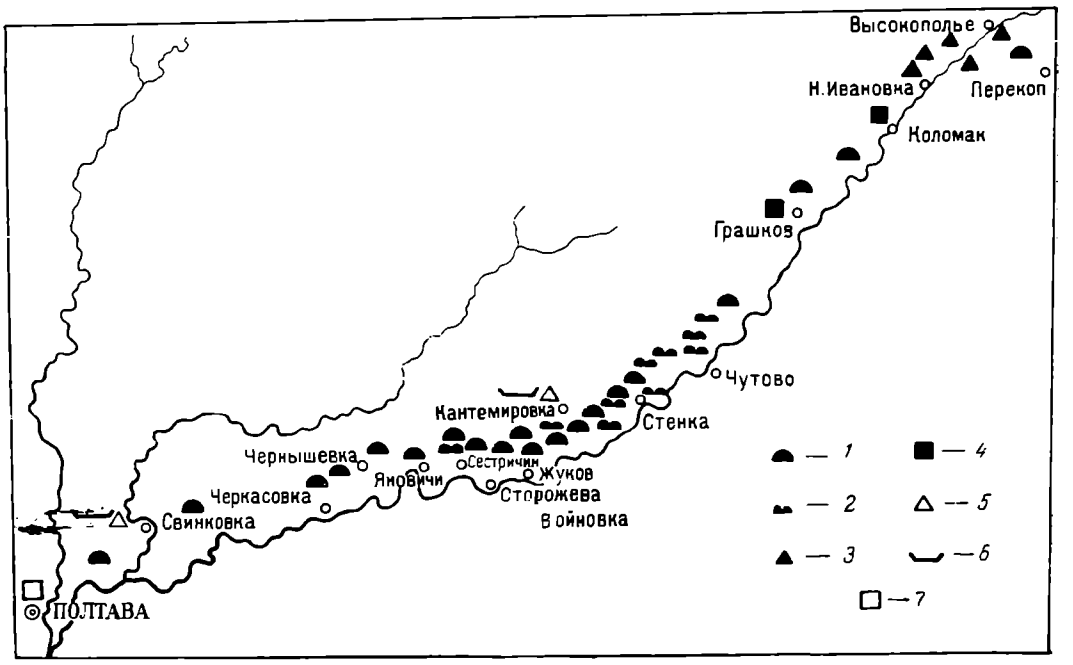


Рис 1. Археологические памятники бассейна р. Ворсклы (р. Коломак) по данным разведок 1945 г. (схема).

1 — курганы; *2* — майданы; *3* — селища скифской поры; *4* — городища скифской поры; *5* — поселения II—IV вв.; *6* — могильники II—IV вв.; *7* — раннеславянские городища.

обследовательский характер. К тому же собранные при этом материалы не были опубликованы, и поэтому мало доступны. Только одна группа памятников этого района — поселение и могильник первой половины I тысячелетия н. э. у с. Кантемировки — была подвергнута более серьезному исследованию. Ряд других частных вопросов археологического порядка остается также не решенным. Так, не дано до сего времени ответа на спорный вопрос о наличии цепи городищ по р. Коломаку в пределах Полтавской обл.[3]

Обследованный район в археологическом отношении оказался хотя и бедным, особенно в юго-западной части течения реки, но достаточно

---

[1] В. Пассек. Курганы и городища в Харьковской губ. ЖМВД, ч. XXV, стр. 539 сл., 1837. — Он же. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. Русск. историч. сб., т. III, кн. 2.

[2] М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. Зап. Всеукр. Археолог. ком., т. I, Київ, 1931, стр. 91—112. — М. Рудинський. Кантамирівські могили римської доби. Там же, стр. 127—158.

[3] В. Пассек. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. — М. Погодин. Древняя русская история до монгольского ига, т. III. М., 1871. — П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 97. — В. Ляскаронский. История Переяславльской земли. Изд. 2-е, Киев, 1903, стр. 113.

интересным. Мы встретились здесь с четырьмя группами памятников; каждая из них территориально более или менее обособлена и связана с определенным географическим ландшафтом. Хронологически памятники распределяются следующим образом:

1. Поселения (городища и селища) скифской поры (IV—II вв. до н. э.).
2. Поселения начала нашей эры (II—IV вв.).
3. Славяно-русские поселения VIII—X—XII вв.
4. Курганы и майданы, хронологические рамки которых без вскрытия их определены быть не могут (рис. 1).

2

Курганы тянутся вдоль всего правого берега реки от устья до верховья. Они расположены группами на плато коренного берега недалеко от долины реки. По маршруту нами зафиксировано 20 таких групп (см. таблицу).

Как правило, в каждой группе насчитывается от 5 до 10 курганов, но это едва ли соответствует первоначальному их числу, так как почти все курганные группы распахиваются или распахивались в недавнем прошлом, вследствие чего одни из них сравнялись с землей, другие стали почти незаметными. Тщательное исследование дает иногда возможность установить, что в том или другом месте не так давно был курган, но провести такое обследование повсюду представляется не всегда возможным. Посевы подсолнуха, кукурузы и других культур скрывают не только следы уже совершенно распаханных курганов, но даже и такие, которые сохранились в виде небольших насыпей. Все это часто лишало возможности установить действительное число курганов в той или иной группе. Повидимому, количество их в отдельных группах все же не выходило за пределы от 5 до 10. Из 20 обследованных групп лишь в двух случаях число курганов превышало 10: у с. Сторожевое — около 30 и у с. Коломака — 13.

Немногочисленны и группы с количеством курганов менее пяти. Есть основания утверждать, что некоторые из этих групп насчитывали в прошлом большее число курганов. Так, в пункте № 7, кроме кургана, имеется майдан, т. е. раскопанный курган. Судя по тому, насколько сильно распаханы курганы в группе № 2 (у хутора Шестаки), можно предполагать, что число курганов и здесь было значительно больше трех. Но даже если эти отклонения от средней действительно имеют место, то все же они незначительны. Из числа 20 обследованных курганных групп 15 более или менее единообразны.

Единообразие наблюдается и в других чертах, свойственных этим курганным группам. Прежде всего бросается в глаза характер расположения курганов относительно друг друга — вытянутость в цепочку и постоянство ориентировки этих цепочек: СВ—ЮЗ.[1] Из 20 групп — 16 вытянуты в цепочку, из которых 14 — ориентированы СВ—ЮЗ (с вариантами ССВ и СВВ). Меньше единообразия в размерах курганов (окружность, высота). Выше мы отмечали, что большинство курганов сейчас распахивается другие распахивались в недалеком прошлом. В результате, естественно, все они потеряли свой первоначальный облик: стали значительно ниже, а местами почти сравнялись с землей, лишь увеличившись в окружности. Тем не менее, некоторые общие черты, свойственные

[1] Возможно, что направление цепочек СВ—ЮЗ определяется течением реки и ее берегами, вдоль которых расположены все обследованные нами курганные группы.

№№ пунктов	Местоположение	Количество курганов	Расположение и направление	Высота курганов (в м)	Расстояние между курганами (в м)	Примечание
1	136-й км (Харьков—Полтава)	5	Цепь СВ—ЮЗ	До 3	—	На поверхности найдено 2 нижних челюсти и другие кости человека.
2	Хут. Шестаки	3	» »	1—2	70—100	
3	с. Черкасовка	6—7	» »	1—2	20—60	
4	»	8—10	Цепь ССВ—ЮЮЗ	1—2.5	20—50	
5	Хут. Витивка и Чернышевка	8—10	Цепь СВВ—ЮЗЗ	1—3	20—60	На поверхности найдены: челюсть и другие кости человека; керамика.
6	Хут. Яновичи	8(3+5)	Цепь СВ—ЮЗ	1—1.5	30—100	
7	Хут. Сестричин	1	—	—	—	
8	»	10	Цепь СВ—ЮЗ	Не выше 2.5	—	
9	с. Сторожевое	6	Разбросаны	Один около 4 м, остальные не выше 1 м	—	
10	»	5	—	Невысокий	50	
11	»	Около 30	Цепь (?) СВ—ЮЗ	1—4	—	Найдены кости ступни и другие кости человека, а также следы деревянного гроба.
12	Хут. Жуков	8	Цепь СВ—ЮЗ	1—1.5	40—150	
13	Против дер. Войновки	4—5	» В—З	1—1.5—2	—	Найдены кости черепа человека.
14	Там же	4—5	» В—З	1.5—2.5	30—100	
15	У д. Стенка	7—9	» СВ—ЮЗ	0.5—4	30—70	Найдены кости человека.
16	Там же	4	» СВ—ЮЗ	1—1.5	30—50	
17	Чутово (СВ)	6	» СВ—ЮЗ	1.5—2	—	
18	Хут. Вдовицин (Харьк. обл.)	5	» СВ—ЮЗ	0.5—1.5	—	
19	У с. Коломак	13	Разбросаны	0.5—3	15—150	
20	Между Высокополье м и Перекопом на линии вала (Калан-городок)	9	Цепь СВ—ЮЗ	2.5—3.5	40—50	Найдены кости человека.

курганным группам в целом, они сохранили: в каждой группе, как правило, выделяется 1—2 кургана бо́льших размеров по сравнению с остальными; преобладают курганы средней величины — от 1.5 до 2 м и т. п.

Наиболее существенной чертой, сближающей рассматриваемые нами курганные группы, является обряд погребения. Хотя раскопок курга-

нов нами и не производилось, все же кое-какие данные, характеризующие эту сторону, удалось собрать. На поверхности ряда курганов нами найдены кости человека и фрагменты керамики (группы №№ 1, 5, 13, 15, 20); в одном из разрытых во время Отечественной войны курганов (группа № 11) были обнаружены остатки погребения в деревянном гробу (левая ступня). Эти материалы свидетельствуют о наличии в обследованных курганах обряда трупоположения, причем покойника или покойников зарывали в насыпи курганов. Правда, у нас нет данных утверждать, что выпаханные и выкопанные костяки являются основными погребениями в этих курганах. Возможно, что это лишь впускные погребения в курганные насыпи более ранней поры. Но этот вопрос может быть решен лишь путем раскопок. О количестве захоронений в кургане говорить трудно. Имеются данные о наличии в одном из курганов (в грушe у 136-го км Харьков—Полтава) двух захоронений. Здесь в выемке было найдено две челюсти человека. Делать отсюда вывод, что и другие курганы содержали по несколько захоронений, пока нет оснований.

К какому времени можно отнести обследованные нами курганы? Помимо костей нам удалось собрать на поверхности распаханных курганов и в разрытых насыпях небольшое число обломков глиняных сосудов. Этот материал позволяет сделать пока лишь один вывод общего порядка — захоронения в курганных насыпях принадлежат эпохе железа.

Важно отметить, что на всем протяжении юго-западной части маршрута (около 60 км), где больше всего встречено курганных групп, не было обнаружено следов поселений (ни городищ, ни селищ), кроме двух пунктов — селищ II—IV вв. (Свинковка и Кантемировка), которые, кстати сказать, стоят вне какой бы то ни было связи с вышеописанными курганными группами. Об этих селищах будет сказано ниже. Повидимому, население, оставившее рассмотренные нами курганные группы, не было связано с постоянным (оседлым) местом жительства. Однако в литературе существует утверждение, до сих пор никем не опровергнутое, что по р. Коломаку в пределах Полтавской обл. вплоть до р. Ворсклы тянется цепь городищ. Впервые об этом писал В. Пассек в 30-х годах прошлого столетия на основании произведенных им полевых обследований в губерниях Харьковской и Полтавской. «Харьковский уезд, — писал он, — довольно богат. курганами, особенно к стороне Змиевского уезда. Полтавский обилен по течению р. Коломака: на протяжении девяноста верст течения этой речки вы видите непрерывную цепь курганов и городищ, по обеим ее сторонам».[1]

Позже это утверждение нашло место в т. III «Древней русской истории домонгольского периода» М. Погодина, в приложении — карта Пассека «Признаки границ и укреплений Южной Руси в XII веке» (*лл.* 107 и 108). В примечании к этой карте М. Погодин писал: «Н. А. Максимович недоволен и цепями городищ на реке Коломаке и Донце»; собственного мнения Погодин однако не высказал. Утверждение В. Пассека уже в конце XIX в. было взято под сомнение. П. Голубовский в своей работе «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар», касаясь южной оборонительной линии Северского княжества, писал: «Эта линия (городищ на водоразделе между р. р. Мож и Коломаком, — *И. Л.*), продолжаясь на Коломаке, начинается Высокопольским городищем и затем продолжается городищем Коломацким. Этот ряд древних укреплений

[1] В. Пассек. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов, стр. 21. — Он же. Курганы и городища в Харьковской губ. ЖМВД, 1837 г., № 9, стр. 539—550. См. также: И. Срезневский. О городищах в землях славянских, преимущественно западных. Зап. ООИД, т. II.

нет возможности продолжать до Ворсклы, ибо мы не имеем никаких сведений о городищах Полтавской губернии, но едва ли можно сомневаться в том, что это продолжение существует».[1] Но утверждение В. Пассека нашло и защитников. В. Ляскоронский в определении юго-восточной пограничной черты, ссылаясь на опубликованную Погодиным карту, где «по р. Коломаку обозначена цепь городищ до самой р. Ворсклы»,[2] заявляет,что «сообщение Голубовского о том, что мы не имеем сведений о городищах по р. Коломаку до впадения его в Ворсклу, не имеет основания».[3]

В основе этих противоречивых утверждений лежит ошибочное зачисление В. Пассеком в число городищ курганов-майданов. «Вот, — писал он в 1839 г., — неотъемлемая принадлежность древнейших городищ: вал от полуторы до пяти сажен вышиной, свернутый в круг с одним или несколькими выходами. Эти выходы обыкновенно защищены двумя небольшими насыпями, или, смотря по величине городища, двойными, тройными и даже четверными валами. . Окружность главного укрепления или собственно городища бывает от 200 до 400 шагов по основанию. Земля во всех мне известных черноземная от вершины до основания, несмотря на высоту вала. Из вещей, кроме небольших брусков, я ничего не находил. Глубина впадины городища обыкновенно ниже уровня земли и заросла травами».[4]

Сооружения подобного типа действительно тянутся цепью вдоль всего правого берега р. Коломака. На том же отрезке пройденного маршрута нами было зарегистрировано 10 таких сооружений, которые есть не что иное, как самые настоящие курганы-майданы. Они полностью подходят под то определение, которое дает городищам В. Пассек. Исходя из такого понимания памятников, утверждение В. Пассека и его последователей о наличии цепи городищ по р. Коломаку в пределах Полтавской губ. вполне законно. Но В. Пассек и его последователи, конечно, не правы. Майданы — не места поселений, не городища: майданы — разрытые курганы; вопрос лишь в том — когда, с какой целью и каким образом они разрывались.[5]

Майданы, как и курганы, тянутся по всему правому берегу. Некоторые из них стоят одиноко, другие входят в комплекс с курганами. Внешний облик их более или менее единообразен: кольцеобразный вал высотой 2—7 м; кольцо в диаметре от 20 до 50 и более метров, с одним или несколькими выходами, от которых по направлению к полю (внешней стороне) отходят валы; высота валов близка высоте основного вала. Встречены майданы и более сложной конструкции, состоящие не из одного, а из двух кольцевых валов, с большим числом выходов и разветвленной сетью отходящих в поле насыпей. Типы майданов хорошо известны из многократных публикаций В. Ляскоронского,[6] В. А. Городцова[7] и др., и поэтому нет надобности останавливаться на них здесь по

---

[1] П. Голубовский, ук. соч., стр. 97. (Разрядка наша, — *И. Л.*).

[2] В. Ляскоронский. История Переяславльской земли. Изд. 2-е, Киев, 1903, стр. 113.

[3] Там же.

[4] В. Пассек. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов, стр. 19.

[5] В. А. Городцов. Майданы. Древности. Тр. МАО, т. XX, вып. II. — В. Г. Ляскоронский. К вопросу о курганах-городищах-майданах. Тр. XIII АС, т. I. — О. Федоровский. Майдани Харківщини та майданові теорії. Зап. ВУАК, т. 1, Киев, 1931.

[6] В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы, майданы и змиевы валы в области днепровского левобережья. Тр. XIV АС, т. III, стр. 1—82.

[7] В. А. Городцов, ук. соч.

дробно. Один из наиболее интересных майданов нашего маршрута у д. Стенки был в свое время опубликован М. Я. Рудинским.[1]

3

Поселения скифской поры сосредоточены в верхнем течении р. Коломака на территории Харьковской обл. в полосе лесов, тянущихся, как сказано, по всему правому берегу реки от границы Полтавской обл. до с. Высокополья (так называемый «Коломацкий лес»). Нами было обследовано здесь 7 пунктов, на которых два городища — Грашковское и Коломацкое — были ранее известны в научной литературе,[2] остальные пять селищ выявлены нами. И те и другие, несмотря на различие во внешнем облике, хронологически принадлежат одной поре, равно как и одной культуре. Абсолютная дата их пока что может быть определена лишь приблизительно.

Коломацкое городище известно давно. Первое письменное упоминание о нем относится к XVI в., к «Росписи 1571 г. кн. Тюфякина»: «Коломак перелезти под Коломацким городищем через Муравский шлях».[3] Городище, повидимому, неоднократно подвергалось научным обследованиям, но результаты их нашли слабое отражение в печати.[4] В сводке М. Фукса Коломацкому городищу уделено буквально десять строк, из которых полторы строчки отведены находкам: «. на ріллі численні уламки посуду з дірочками по вінцю, амфор и т. п.».[5]

Городище расположено в северо-западной части села на левом берегу Лозового яра между двумя оврагами — с севера и юга, — впадающими в Лозовой яр. Оно обнесено кругом валом и рвом. Такой же вал проходит почти посредине городища в направлении с севера на юг, разделяя его на две приблизительно равные части, восточную и западную. В каком отношении находятся они друг с другом, современны ли, или одна из них (восточная) является позднейшей, и одинаковое ли они имели назначение, — сказать трудно, так как внутренний вал, вследствие распашки территории городища, сохранился очень плохо. Подъемный материал также дает очень мало: он однообразен, а в количественном отношении преобладает в западной части, что, быть может, связано с тем, что во время нашего обследования эта часть была вспахана и заборонена, тогда как восточная была покрыта жнивьем.

Такое устройство оборонительных сооружений поселений характерно для большого числа городищ как этого района (городище у хутора Городище Валковского уезда; близ хут. Караван, того же уезда; близ с. Барановки — Козаревское или Хозарское и др.), так и районов, прилегающих к нему с севера (бассейн р.р. Мерла и Уды — у с. Городного у с. Б. Даниловки, у с. Водяного). Оно как бы в миниатюре передает планировку Бельского городища. Исследований в этом направлении до сего времени не велось, и назначение оборонительных сооружений такого устройства остается неясным.

Следы укрепления Коломацкого городища (вал и ров) лучше всего сохранились в восточной части (с напольной стороны). Здесь вал местами достигает 6—7 м (от дна рва). Хуже сохранился вал с северной и северо-западной сторон. Общая длина внешнего вала около 1.5 км; площадь

---

[1] М. Рудинський, ук. соч., стр. 130—131.
[2] М. Рудинський, ук. соч. — М. Фукс, ук. соч.
[3] Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. II, М., 1857, стр. 256.
[4] М. Фукс, ук. соч.
[5] Там же, стр. 98.

городища достигает 10 га. В восточной части вала ясно прослеживается въезд (ворота) в городище. Имеются следы ворот в северной, северо-западной и южной частях, но они так невыразительны, что едва ли их можно отнести ко времени сооружения городища. Некоторые из них безусловно новейшего происхождения, например въезд в восточную часть города с северной стороны.

С восточной стороны за рвом сохранились следы наружного вала — 1.5—2 м высоты, — перехваченного двумя седловинами, вследствие чего насыпь имеет форму расплывчатых и слившихся курганов.

Грашковское городище в 1924 г. было обследовано М. Я. Рудинским с группой работников Полтавского музея.[1] Городище расположено к СЗ от д. Грашково (по местному Гришково), на правом берегу балки, в лесу, в полукилометре от окраины. По форме оно округлое. Большая часть территории городища обнесена валом, и только северная и северо-западная стороны, примыкающие к балке, не имеют следов ни вала, ни рва; склон балки в этом месте подвергнут обработке (сделан более крутым). Поверхность городища имеет некоторую покатость в сторону балки. Диаметр площадки около 150 м, длина вала по гребню около 450 м, наибольшая высота вала (от дна рва) 5—6 м (северо-восточная сторона), глубина рва — до 4 м. В юго-юго-восточной части вала следы въезда (ворот). Вся площадь городища поросла молодым лесом. В нескольких местах на валу есть старые пни в диаметре до 0.7—0.8 м. В южной части городища, около вала, — несколько свежих ям, повидимому, одиночных окопов (времен Великой Отечественной войны). В выбросах из них, а также в выбросах из нор удалось собрать кости животных и керамику.

Селища обнаружены на участке сс. Н. Ивановка—Высокополье (Хмелевая). По своему местоположению, характеру размещения на них культурных остатков они совершенно одинаковы с селищами-зольниками среднего течения р. Ворсклы, обследованными нами в 1940 г.[2] В отличие от последних на Коломацких поселениях нам не удалось проследить ясной выраженности зольников по их окраске и некоторой всхолмленности. Возможно, причина лежит в том, что Коломацкие поселения в период осмотра находились под посевами, в то время как по Ворскле мы имели возможность наблюдать их на полях, только что вспаханных и разборонованных. Правда, и на Ворскле на некоторых поселениях нам также не удалось проследить ясно выраженной окраски и всхолмленности зольников.

Первое селище расположено по обе стороны шоссейной дороги с. Н. Ивановка—с. Водяное, в 1.5—2 км к СЗ от с. Ивановки, на правом коренном берегу р. Коломака. Размер площади точно определить не представилось возможным, так как территория была занята посевами. Во всяком случае она была не менее 150×200 м. На поверхности этой площади повсюду разбросаны фрагменты глиняных сосудов (сильно измельченные) и кости животных. Следы аналогичного поселения, но более слабо выраженные, обнаружены вблизи дороги с. Н. Ивановка — хут. Гвоздев, на правом берегу первой балки, около леса. Обследование этого поселения было еще более трудным, так как вся площадь была покрыта жнивьем и травой, а склоны балки задернованы. Значительно ярче выступают следы поселения у хут. Гвоздева. Площадь этого поселения большая, около 150×400 м. Хотя культурные остатки размещены здесь гнездами, напоминая размещение на поселениях-зольниках среднего течения р. Ворсклы, однако ясно выраженных зольничных пятен (по окраске)

[1] М. Рудинський, ук. соч.

[2] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, XVII, 1947.

проследить не удалось. Площадка и этого поселения, как у с. Н. Ивановка, находилась под посевами различных культур, что крайне затрудняло наблюдения.

Следующее поселение (селище) обнаружено на левом берегу р. Коломака, около слб. Высокополье (с. Хмелевая), к юго-западу от него на поле, также занятом посевами. Из числа обследованных селищ это, пожалуй, наиболее ясно выраженное. Особенно хорошо прослеживается здесь размещение культурных остатков (керамика, кости животных и т. п.) гнездами, но ясно выраженных зольников (как зольных пятен) проследить не удалось и здесь.

Последнее поселение находится против хут. Гвоздева, на левом берегу Коломака. Территория, где прослеживаются культурные остатки, была вся покрыта жнивьем, что очень затрудняло обследование. Никаких обнажений на площадке не встретилось.

Культурные остатки, близко напоминающие материалы только что рассмотренных нами селищ, открыты вблизи с. Крутой Берег, на водоразделе р.р. Ворсклы и Коломака, в 5—6 км от устья. На узкой полосе, занятой посевами подсолнуха, найдены фрагменты керамики, по своему общему облику напоминающие керамику селищ верхнего течения р. Коломак. К сожалению, характерных образцов не найдено. Прилегающая к этой обрабатываемой полосе территория сильно задернована, что ограничивало возможность наблюдения. Повидимому, здесь мы имеем дело с остатками поселения зольничного типа, синхронного верхнеколомацким, но территориально принадлежащего к группе поселений той же поры среднего течения р. Ворсклы. С. Крутой Берег расположено на левом берегу р. Ворсклы, где поселения-зольники нам хорошо известны по обследованию 1940 г., равно как и по более ранним.

И городища и селища дали абсолютно одинаковый материал, только в одних случаях он богаче и разнообразнее, в других — беднее. Это позволяет дать общее описание отдельных групп вещей, с указанием, насколько широко распространены те или другие из них.

Ведущее место среди собранных материалов на всех поселениях (городищах и селищах) принадлежит керамике. По технике производства она представляет две группы: а) гончарную и б) лепную (рис. 2).

Гончарная керамика составляет небольшой процент; это фрагменты амфор, которые, по мнению Т. Н. Книпович, любезно просмотревшей наш материал, можно датировать временем никак не ранее IV в. и не позже II в. до н. э.

Лепная керамика, как и гончарная, представлена лишь фрагментами сосудов (венчиками, стенками, донышками). Несмотря на это, имеется полная возможность по аналогиям восстановить некоторые бытовавшие типы. К числу их относятся кухонные горшки с плоским дном, слегка отогнутым венчиком и слабо профилированными шейкой и плечиками. Край венчика орнаментирован «щипками», насечкой, ногтевыми вдавлениями или совершенно гладкий. Несколько ниже края венчика по всей окружности идут сквозные дырочки. Донышко обрамлено острым или овальным рантиком. Большинство горшков сделано из грубой глины, но без заметной примеси.[1] Стенки довольно гладкие и не толстые, от 0.5 до 1 см. Цвет сосудов преимущественно светлый — от оранжевого до красно-бурого. Подавляющее большинство фрагментов лепной керамики принадлежит сосудам этого типа. Очень близкие по форме и орнаментации цельные сосуды известны из раскопок В. А. Городцова в бывш.

[1] На двух фрагментах донышек сохранились оттиски ткани. Анализом технологии ткани и волокна занимается В. А. Петров.

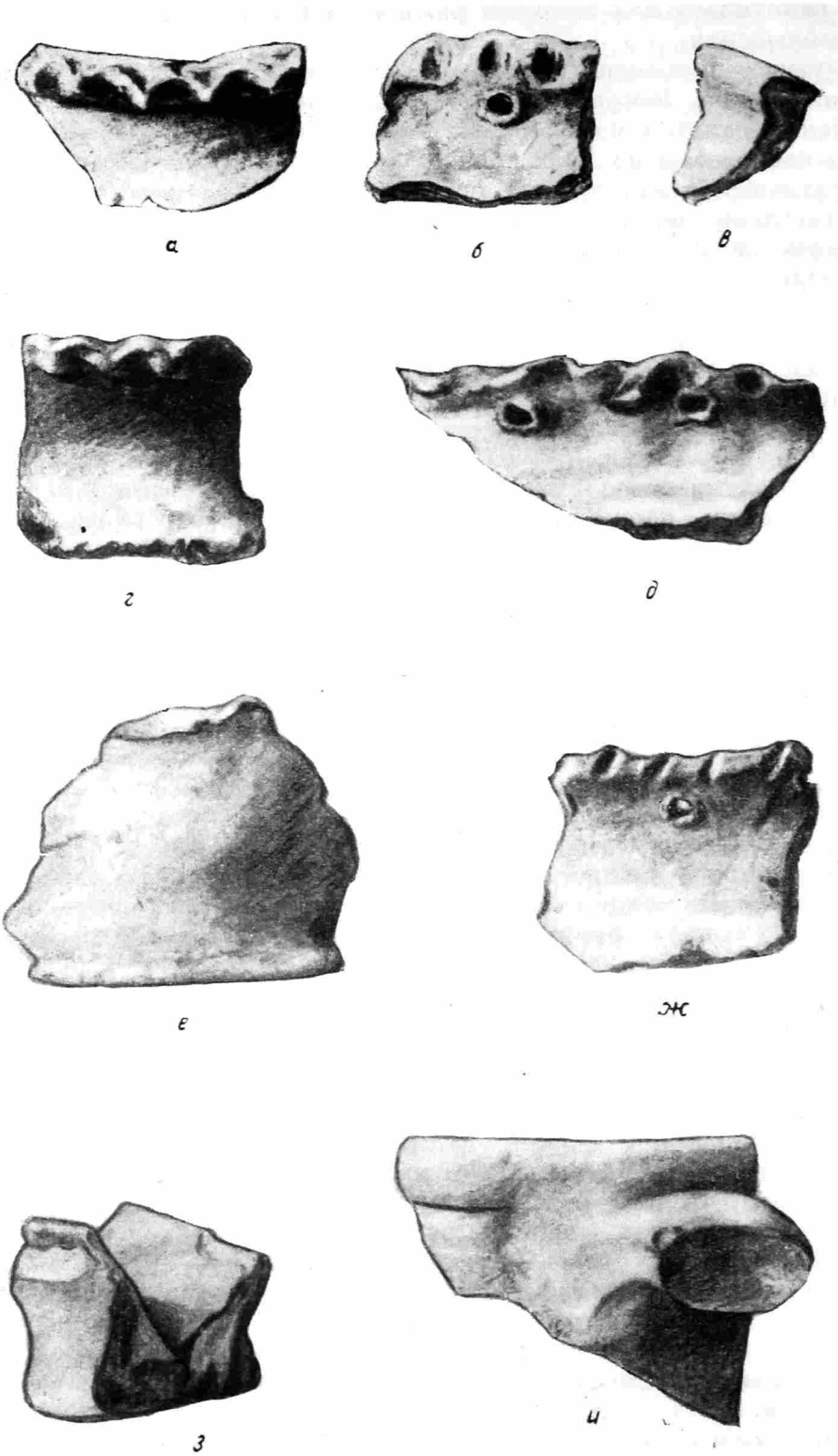


Рис. 2. Керамика поселений скифского времени.

а — Грашковское городище; *б* — селище у с. Высокополье; *в* — *и* — Коломацкое городище.

Зеньковском у. Полтавской губ.[1] Они отличаются от наших лишь дополнительным орнаментом в виде налепных валиков по шейке. Хронологически, как будет показано ниже, они немного древнее. Несколько фрагментов с налепными валиками, правда невыразительных, имеется и среди собранного нами материала. Другой характерный тип сосудов — миски (или плошки) с несколько загнутым внутрь венчиком. Глина чистая, серого или желтоватого цвета. Поверхность, особенно изнутри, гладкая, даже как будто с легким лощением, однако не похожим на черное лощение ранней скифской посуды. Большое место среди собранного материала занимают поделки из глины — «пряслица», «грузила», бусы и т. п. вещи. По форме, размерам и другим признакам они весьма разнообразны: овальные, конические и биконические усеченные, чечевицеобразные, большие и маленькие, орнаментированные и неорнаментированные и т. д. и т. п.

Из единичных находок нужно отметить точильные камни различных размеров и форм (округлые, продолговатые и т. п.) и единственную находку из металла — бронзовую булавку (рис. 3).

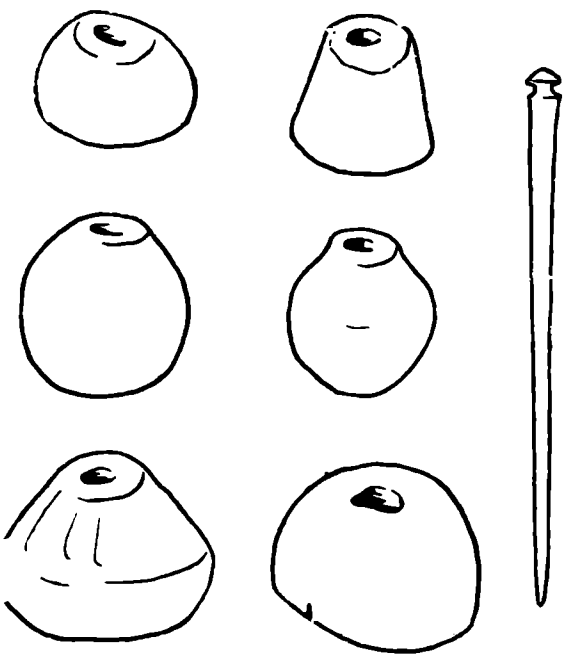


Рис. 3. Вещи поселений скифского времени (Коломацкое городище).

Из числа описанных вещей, наиболее типичными, присущими большинству обследованных поселений и определяющими их культурный облик являются: 1) кухонные горшки, 2) миски (плошки), 3) глиняные поделки (пряслица, грузила, бусы и т. д.). Фрагменты амфор встречены не на всех поселениях, хотя, конечно, это еще не означает, что они там отсутствуют. Но вместе с тем нельзя признать керамику этой группы, привнесенную извне, характерным признаком культуры обследованных нами поселений. Большое значение амфоры имеют лишь при решении вопроса датировки. Выше мы уже отмечали, что амфорная керамика наших поселений датируется временем от IV до II в. до н. э. Эту дату, нам кажется, можно распространить на исследованные поселения в целом, поскольку культурный облик их представляет нечто единое, без каких-либо следов других культур, с которыми можно было бы связать эту амфорную керамику.

Рассмотренная нами группа городищ и селищ по своему культурному облику не стоит особняком среди памятников прилегающих районов и, в частности, бассейна р. Ворсклы. Аналогичный материал был вскрыт в курганах у с. Буд раскопками В. К. Данилевича,[2] а при наших разведках 1940 г. он был встречен на ряде поселений-зольников по среднему течению р. Ворсклы (селища против с. Кучмивки, у с. Стаси, у с. Черпечье, городище «Кардашев Вал» в с. Опошня). Бедность этого комплекса

[1] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, т. III, табл. I.

[2] В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около с. Буд и хут. Березовки Ахтырского уезда. Тр. XII АС, т. I.

по сравнению с комплексом вещей из хорошо известного Бельского зольничного городища, а также ряда поселений-селищ зольничного типа, открытых нами в том же 1940 г. (например у с. Петровки), уже в то время обратила на себя внимание, но тогда для нас было неясно, имеем ли мы дело с различиями хронологическими или какими-то иными. Решение этого вопроса впредь до изучения стратиграфии поселений-зольников нам не представлялось возможным.[1] Теперь, когда подобный комплекс вещей в чистом виде обнаружен на ряде поселений (и городищ и селищ) в сочетании с хорошо датированными вещами (античными амфорами), стало ясно, что этот комплекс характеризует лишь поздний (IV—II вв. до н. э.) пласт весьма сложной и хронологически, и по содержанию культуры поселений-зольников типа Бельского городища (VII—II вв. до н. э.).

Таковы наши выводы. Но существует и иная точка зрения на изучаемый нами комплекс вещей — и в отношении датировки и в отношении его происхождения. Она выдвинута П. Н. Третьяковым в связи с исследованием им истоков роменско-боршевской культуры при анализе материалов из курганов, раскопанных В. Е. Данилевичем у с. Буд.[2]

П. Н. Третьяков считает, что население северо-восточных районов Левобережной Украины VIII—X вв., оставившее археологические памятники в виде городищ роменского типа, передвинулось в эти районы с севера (с Десны). Одно из доказательств этому положению он находит в материалах из курганов у с. Буд, раскопанных В. Е. Данилевичем которые П. Н. Третьяков характеризует следующим образом:

«Инвентарь курганов у с. Буд и хут. Березовка имеет, повидимому, деснинское происхождение. Здесь встречена грубая лепная посуда в виде плоскодонных горшков и, наконец, тарелок. Сосуды орнаментированы по венчику сквозными отверстиями, ямками и ногтевыми вдавлениями. Обрезу венчика приданы волнообразные очертания. Все эти черты характерны для керамики деснинских городищ VII—VIII вв., лежащей в основании роменского слоя. Не противоречат этой дате и деснинскому происхождению и найденные здесь обломки керамики с черной лощеной поверхностью, которая, как мы уже знаем, имела в эту эпоху широчайшее распространение в среде восточнославянских племен. Наиболее ярким материалом, говорящим о деснинском происхождении населения, оставившего эти курганы, являются найденные здесь многочисленные глиняные блоки, загадочные глиняные изделия деснинских городищ, конической, биконической, округлой и других форм»[3] (рис. 4). Итак, материалы, добытые В. Е. Данилевичем в курганах у с. Буд, которые мы относим к позднезольничной культуре, по мнению П. Н. Третьякова, генетически восходят к культуре деснинских городищ и датируются VII—VIII вв. Чем обосновывает автор свои выводы? Сходством погребального обряда исследованных Данилевичем «курганов» с обрядом северных курганов, характерной чертой которого является наличие нескольких погребений под одной насыпью (так называемые «курганы с деревянными камерами»), а также сходством курганного инвентаря из раскопок В. Е. Данилевича с материалами деснинских городищ, тех их слоев, которые непосредственно предшествуют роменским. Для последнего своего вывода автор в качестве сравнительного материала исполь-

[1] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, XVII.

[2] В. Е. Данилевич, ук. соч. — П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, т. 6. — Он же. Стародавні словянські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, 1947, стр. 127.

[3] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, стр. 33.

зует результаты исследований С. А. Гатцука.[1] Произведенный нами тщательный анализ указанных материалов привел нас к выводу, что инвентарь из курганов у с. Буд с материалами деснинских городищ ничего общего не имеет.

Основную массу материалов и здесь и там составляют фрагменты керамических сосудов; ведущий тип — плоскодонные горшки. В этом

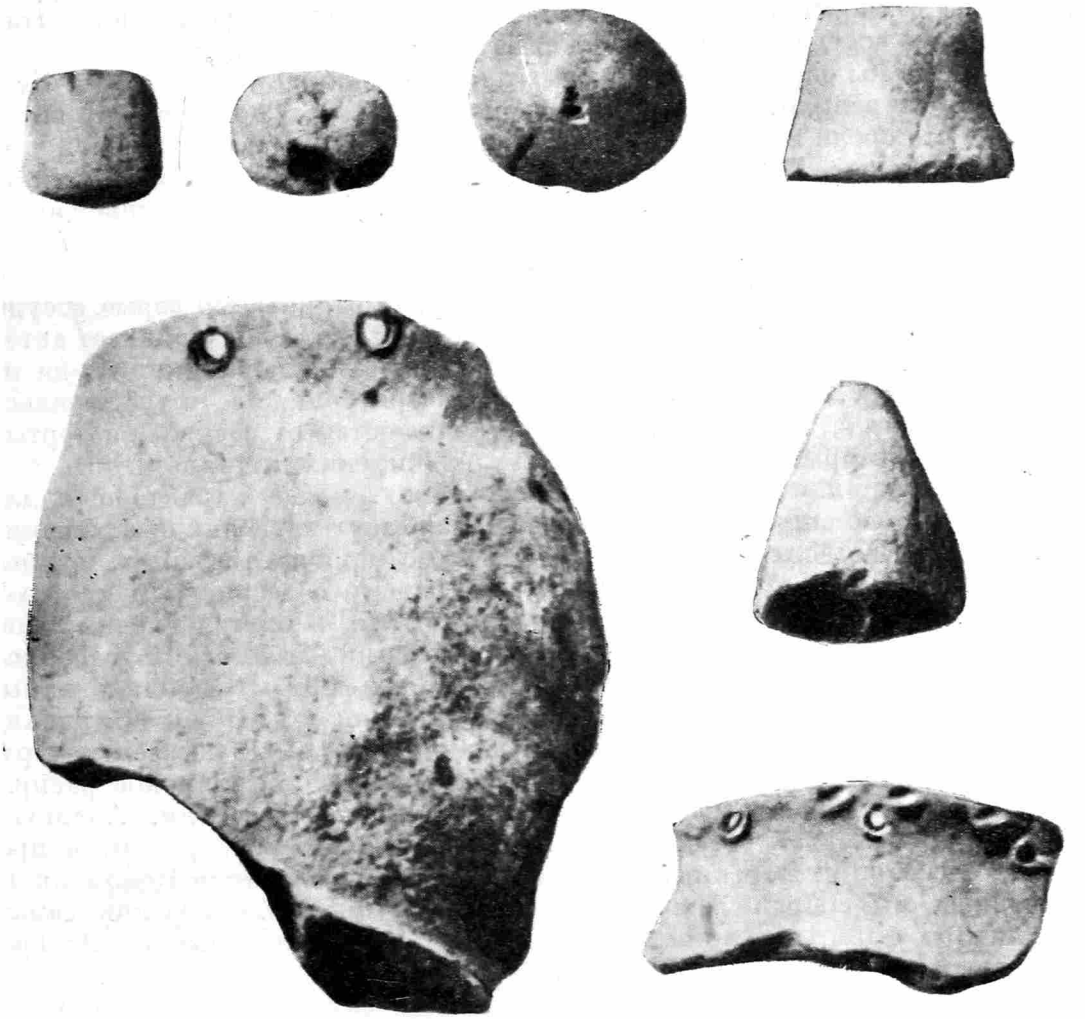


Рис. 4. Материалы из раскопок у с. Буд (по В. Е. Данилевичу).

отношении наблюдается действительно полное сходство материалов. Но дальше этого сходство не идет. Орнаментация горшков из раскопок В. Е. Данилевича отлична от орнаментации деснинских горшков и по внешнему облику и по своему происхождению. Корни орнаментации керамики из раскопок В. Е. Данилевича местные, их мы можем наблюдать на материалах поселений раннескифской поры с VII—VI вв. до н. э. (имеем в виду «щипки» и сквозные отверстия по краю венчика). На по-

[1] Там же, стр. 14—15, 32—33. — В группу деснинских поселений автор считает возможным зачислить некоторые городища по р. Сейму в окрестностях г. Курска, обследованные Л. Н. Соловьевым, а также городище у д. Кривецкие Буды (бассейн Сейма), обследованное К. П. Сосновским. Материалы этих поселений, опубликованные П. Н. Третьяковым, ясно показывают, что это его утверждение не соответствует действительности (рис. 5).

суде среднего течения Десны этот мотив нам не известен. Основная масса горшков деснинских городищ из сборов С. А. Гатцука, по определению П. Н. Третьякова, орнаментирована «примитивными узорами из неправильных ямочных вдавлений». Среди этих ямочных вдавлений встречаются и округлые ямочки, но не сквозные отверстия, и к тому же имеющие совершенно иное расположение, чем сквозные отверстия на посуде из раскопок В. Е. Данилевича. Лишь на одном фрагменте из Юхновского городища имеется сквозное отверстие, но общий облик этого сосуда далек от сосудов из раскопок у с. Буд.[1]

Если же мы обратимся к другим типам сосудов из курганов у с. Буд, например тарелкам, мискам или черной лощеной керамике, то выясняется, что среди материалов деснинских городищ сосудов подобной техники совсем нет. Вот характеристика некоторых видов такой керамики, данная автором раскопок, В. Е. Данилевичем. «Тарелки, — пишет он,— сделаны из хорошей темносерой глины, не содержащей никаких искусственных примесей и мелко просеянной, они обожжены отлично и имеют ту типичную блестящую поверхность, которой отличаются серые сосуды скифских курганов».[2] Родство со скифской культурой подчеркивает автор и при характеристике фрагментов черной лощеной керамики: «Судя по этим обломкам, — говорит он, — сосуды черного цвета, встретившиеся в могильнике около с. Буд, ничем не отличаются от сосудов, натертых графитом, которые встречаются часто в скифских курганах».[3]

Мы не останавливаемся на других типах, менее характерных для культуры могильника у с. Буд и совершенно отсутствующих в деснинских городищах. Но нельзя, однако, пройти мимо «наиболее яркого», по мнению П. Н. Третьякова, материала, «говорящего о деснинском происхождении населения, оставившего эти курганы. — многочисленных глиняных блоков, загадочных глиняных изделий деснинских городищ, конической, биконической, округлой и других форм».[4] Опубликованные П. Н. Третьяковым «глиняные блоки» из кургана у с. Буд нет никаких оснований выводить с Десны. Это обыкновенные так называемые «грузики» и «пряслица» зольничного типа, имеющие самое широкое распространение среди материалов поселений скифского времени. Аналогий им можно отыскать бесчисленное количество здесь же, рядом, в пределах бассейна р. Ворсклы. В частности, при обследовании Коломацкого городища мы собрали около двух десятков подобных изделий самых различных форм, в том числе аналогичных опубликованным П. Н. Третьяковым из курганов у с. Буд.

Таким образом, оказывается, что между материалами из курганов у с. Буд и деснинских городищ нет ничего общего, а тем самым и нет никаких оснований считать первые северными (деснинскими) по своему происхождению. Однако такое решение еще не дает ответа о дате этой культуры вообще, равно и о месте ее среди других памятников, в частности, о ее отношении к культуре поселений зольников.

Как отмечалось выше, помимо датировки П. Н. Третьякова имеется и датировка В. Е. Данилевича, который относит культуру курганов к позднему неолиту. Основанием для такого вывода послужило отсутствие среди курганного инвентаря вещей из металла. После всего сказанного выше едва ли нужна дополнительная аргументация того, что культура этих курганов ничего общего с эпохой неолита не имеет.

Перейдем к выяснению подлинного облика этой культуры.

---

[1] Архив ИИМК АН СССР, ф. 1, д. 41 (1907).
[2] В. Е. Данилевич, ук. соч., стр. 414—415.
[3] Там же, стр. 415.
[4] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, стр. 33.

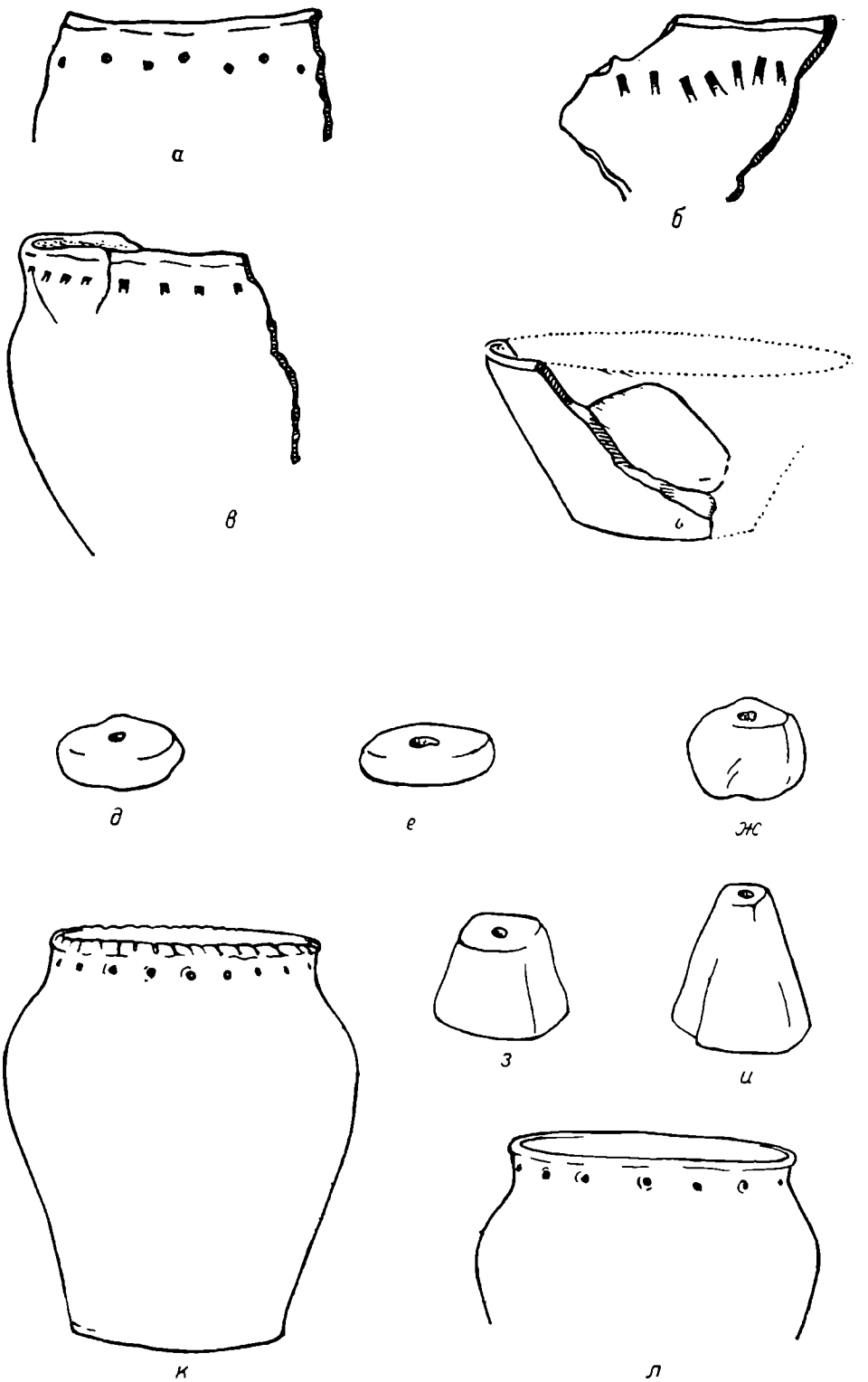


Рис. Материалы поселений.

а—г — бассейна р. Десны; *д—л* — бассейна р. Сейма. (П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена).

Изучение вещественного материала, опубликованного в работе В. Е. Данилевича, а также полевых наблюдений, изложенных им в этой работе,[1] привело нас к выводу, что В. Е. Данилевич не только неправильно датировал, но и вообще не разобрался в характере самого памятника, приняв за курганы поселение зольничного типа.

Если сравнить инвентарь, добытый В. Е. Данилевичем при раскопках, с материалами из поселений зольничного типа, хотя бы с собранными нами при разведочных работах в 1940 и 1945 гг., то можно убедиться, что основные типы вещей имеют полное сходство. И в поселениях-зольниках и в раскопках В. Е. Данилевича ведущим типом являются лепные горшки с плоским дном, орнаментированные по венчику щипками (вследствие чего венчик приобретает волнистый обрез), насечками и сквозными отверстиями. Дно, как правило, имеет рантик (острый или округлый) или, по выражению В. Е. Данилевича, окружено валиком.

Вторым характерным типом являются плошки (или миски) из желтоватой или темной глины, не содержащей искусственных примесей и, повидимому, слегка очищенной. Из такой же глины и тем же техническим приемом изготовлялись и некоторые другие, менее характерные типы, определить которые в силу незначительности фрагментов не представляется возможным.

Совершенно аналогичны как по форме, так и по технике, изготовления, и поделки из глины, так называемые «грузики» и «пряслица».

На родство керамического материала из курганов у с. Буд с керамикой скифской поры указывает и автор раскопок. Правда, он говорит о родстве не всех групп, а лишь некоторых, свойственных преимущественно так называемым «скифским курганам». Это и не удивительно, ибо поселения-зольники с их характерной кухонной керамикой в то время еще не были в достаточной мере известны. Раскопки автора у с. Буд были одним из первых, хотя и не осознанных шагов в их исследовании.

Основываясь на аналогии материалов из раскопок у с. Буд с материалами из поселений-зольников, мы имеем полное право датировать памятники, открытые В. Е. Данилевичем, тем же временем, что и позднезольничные поселения, т. е. IV—II вв. до н. э.

Как же обстоит дело со второй частью нашего утверждения, что раскопанные В. Е. Данилевичем памятники не курганы, а зольники?

По данным В. Е. Данилевича, могильник расположен в полуверсте от с. Буд двумя группами на расстоянии 200 шагов друг от друга. Обе группы сильно пострадали от корчевки леса и распашки, вследствие чего курганы приобрели сильно расплывчатую форму и незначительную высоту (от 0.3 до 0.5 м в первой группе и от 0.4 до 0.6 м во второй). «. Беда была бы не очень велика, — пишет автор, — если бы пострадала одна насыпь курганов, а погребения остались целыми. Но в данном случае в курганах все оказалось перевороченным и отчасти извлеченным наружу, благодаря чему целых предметов почти не встретилось».[2]

Переходя к характеристике раскопок курганов первой группы, состоящей из трех насыпей, автор подчеркивает, что «ни на поверхности этих курганов, ни на прилежащих частях поля не найдено никаких остатков погребения».[3] Не дали ничего и раскопки двух лучше сохранившихся курганов этой группы. «В первой, — пишет автор, — на глубине около 30 см от уровня горизонта обнаружен слой золы мощностью около 60 см. Как в насыпи этого кургана, так и в слое золы ничего не было найдено, и такие же результаты дала дальнейшая раскопка его, дове-

[1] В. Е. Данилевич, ук. соч.
[2] Там же, стр. 411.
[3] Там же, стр. 411—412.

денная до материка. В другом кургане обнаружена зола в небольшом количестве и несколько разрозненных обломков глиняных сосудов, а на глубине около 40 см от уровня горизонта найден небольшой глиняный горшочек (табл. XIX, рис. 136)».[1]

Вторая группа состоит из десяти насыпей, из которых В. Е. Данилевич раскопал шесть. Поверхность курганов и прилегающие участки поля «. усыпаны различными предметами, находящимися в полном беспорядке и при этом сильно поврежденными». Преобладают фрагменты керамики и поделок из камня. Кроме того, встречены «изделия из кости, уголь, человеческие кости, отчасти обожженные или совершенно пережженные, и обломки звериных костей».[2] Раскопки шести курганов этой группы дали материал, совершенно аналогичный найденному на поверхности, на основе чего автор приходит к окончательному убеждению, что «курганы сильно пострадали». Как и в курганах первой группы, никаких следов захоронения автор не нашел. «При раскопке курганов этой группы, — пишет он, — в них обнаружена зола, причем она появилась приблизительно на уровне горизонта или немного ниже. В некоторых курганах зола покрывала всю яму сплошным слоем, а иногда обнаруживалось даже несколько слоев золы. При этом в первом случае слой золы бывал мощностью в 50—60 см, а во втором случае слои золы оказывались значительно тоньше. Зола была или совсем чистой или с примесью мелкого угля, и обыкновенно исчезала на сравнительно небольшой глубине, не доходя до материка».[3] В двух курганах были обнаружены круглые ямы размерами около 1 м в диаметре и 1.5 м глубины. Но и в этих ямах «не найдено никаких остатков погребений».[4]

Подводя итоги своих наблюдений, автор заключает: «В описанных курганах встретился нам обряд погребения с трупосожжением. Плохая сохранность курганов не дает возможности восстановить во всех деталях погребальный ритуал, но в общих чертах картина его ясна: можно признать вполне установленным, что кости сожженного покойника складывались в глиняные урны, которые ставили потом или в насыпи кургана, или на поверхности почвы, т. е. на уровне горизонта, или на небольшой глубине, ниже уровня горизонта. Каждый курган заключал в себе, повидимому, по нескольку погребений, на что указывают кучки золы, имеющейся в некоторых курганах, и большое количество обломков крупных глиняных сосудов. При этом в иных случаях количество погребений должно было достигать значительной цифры, причем урны, судя по пластам золы, располагались в несколько ярусов, один над другим. Урны ставили не прямо на землю, а на подсыпку из золы, иногда с примесью угля. В курганах с погребениями в несколько ярусов урны располагались в слое золы. Можно предположить, что погребальные урны сверху накрывались другими сосудами, на что намекают, повидимому, найденные тут же обломки мелких сосудов — тарелок или крышек».[5]

Попытаемся разобраться в приведенных автором фактах и его наблюдениях. Прежде всего весьма интересно, что ни в одном из восьми раскопанных курганов не было обнаружено никаких следов погребений, за исключением отдельных случаев обожженных или пережженных костей человека (?), которые были находимы и в насыпи и в поле. Автор объясняет это явление разрушением курганов при корчевании леса и распашке, а доказательства этому видит в большом количестве культурных остат-

[1] Там же, стр. 412.
[2] Там же, стр. 412.
[3] Там же, стр. 412.
[4] Там же, стр. 413.
[5] Там же, стр. 424, 425.

ков, разбросанных повсюду и на курганах и на участках прилегающего поля. Однако факты, сообщенные автором, говорят иное. Почти во всех насыпях зольные слои (нередко несколько слоев), на которые и между которыми, по мнению автора, ставились урны с прахом, сохранились в полной неприкосновенности; зола была совершенно чистой, с небольшой примесью углей. Если бы эти слои были задеты корчевкой или плугом, то, конечно, такая сохранность не имела бы места. Но в таком случае, куда же могли деться урны с прахом покойников, которые в курганах с несколькими зольными прослойками, по мнению Данилевича, были расположены между этими прослойками «в несколько ярусов одна над другой»? Если признать раскопанные В. Е. Данилевичем всхолмления за курганы, объяснить это явление невозможно. Иначе обстоит дело, если мы признаем раскопанные В. Е. Данилевичем холмы за зольники.

Тот, кто видел зольники Полтавской области, вероятно хорошо запомнил их внешний облик. Вот как описывает их один из первых исследователей, В. А. Городцов: «Зольники представляют заметные на глаз холмики, шагов около 40 в диаметре. . поверхности распахиваемых зольников постоянно сопровождаются обломками глиняной посуды и осколками костей животных». А вот характеристика зольника Царина могила: «Это — хорошо сформированный и резко выраженный холм, со всех сторон окруженный естественными ложбинами. Поверхность холма усеяна обломками посуды и костей животных».[1]

Судя по данным В. А. Городцова, высота зольных холмов в пределах Бельского городища достигает до $1^1/_2$ арш., т. е. больше метра. Если к этой внешней характеристике зольников, полностью совпадающей с характеристикой «курганных могильников» у с. Буд, добавить, что и по своему внутреннему золистому слоистому строению они совершенно такие же, как и раскопанные В. Е. Данилевичем холмы, и что в числе культурных остатков большинства зольников наряду с керамикой, костями животных и прочими вещами (совершенно аналогичными, как мы показали выше, вещам зольников) содержатся кости человека,[2] то станет совершенно очевидным, что В. Е. Данилевич раскопал у с. Буд не курганы с трупосожжением, а самое настоящее поселение зольничного типа IV—II вв. до н. э.[3]

4

Следующая хронологическая группа обследованных памятников — поселения культуры «полей погребений» — датируется II—IV вв. н. э. В бассейне Коломака известно два таких поселения — у д. Свинковка и у д. Кантемировка. Первое из них было открыто нами в 1940 г.,[4] второе открыто и исследовано М. Я. Рудинским в 1924 г.[5] При разведочных работах 1945 г. наше внимание было сосредоточено на обследовании

[1] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, т. III, стр. 103 и 120.

[2] Там же, стр. 108, 109, 112—114, 116, 123, 124, 149—153.

[3] В 1949 г. автором настоящей статьи были произведены раскопки поселения скифского времени с зольниками в виде курганообразных насыпей близ д. Пожарная Балка Полтавской обл. и района. При вскрытии зольника автор столкнулся с фактами того же самого порядка, что и В. Е. Данилевич при раскопках «курганов» у с. Буд: разбросанными человеческими костями, большим количеством всевозможных культурных остатков, линзами золы, округлыми в плане ямами, заполненными теми же культурными отложениями. Ср. также: М. Рудинський. Мачухська експедиція Інституту археології (1946 р.). Попелища в урочищі Десятеполе. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, стр. 69—79.

[4] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, XVII.

[5] М. Рудинський, ук. соч.

Кантемировского поселения. Нам хотелось собрать и тщательно просмотреть массовый керамический материал поселения, не получившего должного освещения в работе М. Я. Рудинского, внимание которого было сосредоточено преимущественно на могильнике.

Поселение расположено на склоне правого берега Штурмовой балки, впадающей в долину р. Коломак, на усадьбе колхозников хут. Хозары (так называется со времени раскопок М. Я. Рудинским Кантемировского могильника поселок, выделившийся из д. Кантемировки), километрах в трех от долины. Следов укреплений не прослеживается. На вспаханных огородах повсюду разбросаны фрагменты керамической посуды и кости животных. Насыщенность культурными остатками не везде одинакова, они размещены гнездами, однако закономерности в их расположении не наблюдается. Бóльшая насыщенность прослеживается по гребню, на линии хозяйственных построек современного поселка или близко к ним. Вверх (к плато) и вниз (к ручью) количество культурных остатков постепенно понижается. По линии балки (В—З) поселение занимало площадь в пределах современного поселка (между двумя оврагами, впадающими в Штурмовую балку).

Собранная на поселении керамика по технике изготовления представлена двумя группами: 1) сделанная на гончарном круге и 2) лепная. Ведущее место принадлежит первой группе как по количеству, так и по разнообразию сосудов; керамика этой группы найдена на всей площади поселения. Лепная керамика, несмотря на самые тщательные поиски ее, представлена незначительным количеством фрагментов. Следует отметить ее территориальное размещение: наибольшее количество фрагментов найдено на окраине современного поселка (эта была, повидимому, окраина поселения начала н. э.), недалеко от оврага, отделяющего хут. Хозары от деревни Кантемировки. На всей остальной площади поселения находки фрагментов лепной керамики буквально единичны. Каково хронологическое соотношение между этими двумя группами керамики, решить пока не представляется возможным. Здесь мы наблюдаем ту же самую картину, что и на поселении у д. Свинковки, обследованном нами в 1940 г. Что касается соотношения поселения и могильника, то здесь можно определенно утверждать, что поселение в какой-то части своего существования синхронично могильнику, ибо и там и здесь мы имеем совершенно одинаковую гончарную керамику.

Целых сосудов гончарной керамики найдено не было. Она представлена исключительно фрагментами; тем не менее имеется возможность, основываясь на характерных чертах, составить представление и о типах сосудов и о некоторых различиях в технике их изготовления. Вся масса гончарной керамики по внешнему признаку легко членится на две больших подгруппы: 1) лощеную и 2) нелощеную, каждая из которых представлена разнообразными формами сосудов. Подгруппа нелощеной в свою очередь распадается на два вида: а) серую и б) желто-оранжевую, представленную исключительно фрагментами амфор (рис. 6).

Лощеная керамика более разнообразна по формам. Наибольший процент составляют фрагменты мискообразных сосудов с самым различным профилем — с вертикальными, наклонными и горизонтальными венчиками, высокими и низкими шейками, ребристыми и овальными боками и кольцевой ножкой. Интересны детали профилировки: валики, желобки, выступы и углубления, придающие сосудам весьма нарядный вид. Плечики и бока часто орнаментированы волнообразными или перекрещивающимися линиями, нанесенными лощением. Глина очень чистая, тонкая, хорошо промешанная; обжиг сосудов прекрасен.

Кроме фрагментов мискообразных сосудов, имеются фрагменты сосудов и других форм, например высоких кувшинов, так называемых «тыкв», изготовленных теми же техническими приемами.

Серая нелощеная керамика представлена незначительным числом типов сосудов, по форме весьма простых. Некоторые из них легко реконструируемы, благодаря тому что цельные сосуды этих типов были обнаружены М. Я. Рудинским при раскопках могильника в 1924 г.[1] Основную массу составляют фрагменты кухонных горшков с венчиком, овальным в сечении, невысокой, но хорошо выраженной шейкой, переходящей в ясно выраженные, но слабо профилированные плечики и несколько припухлый корпус, сходящий конусообразно ко дну. В отличие от лощеной керамики донья сосудов этой группы не имеют кольцевой ножки. Плечики иногда орнаментированы круговой линией в несколько рядов. Близкую аналогию горшки этой группы находят среди горшков салтово-маяцкой культуры. Следует обратить внимание и на некоторые другие черты, роднящие культуру, вскрытую у с. Кантемировки, с салтово-маяцкой культурой (например катакомбный обряд захоронения).[2] Довольно четко выделяются также обломки сосудов для хранения продуктов, по форме напоминающие пифосы. Венчики таких сосудов отогнуты горизонтально в виде широких лент.

Найденные фрагменты амфор принадлежат исключительно амфорам римского времени. Они высокогорлые, с ребристыми (перекрученными) ручками, высокой острой ножкой с кольцевым основанием. Глина довольно чистая, тонкая. Цвет оранжево-желтый.

Фрагменты лепной керамики количественно, как отмечалось выше, составляют ничтожный процент, а по своему облику слишком мало выразительны, чтобы судить как о типах сосудов, так и о принадлежности их к той или иной культуре.

Повидимому, большинство фрагментов принадлежит кухонным горшкам. Один венчик, вертикальный с горизонтальным срезом, напоминает сосуд баночной формы; судя по другому фрагменту, некоторые сосуды имели плечики, правда, выраженные весьма слабо. Различны были сосуды и по размерам. На некоторых сосудах видны следы горизонтальных бороздок. Глина имеет примесь шамота или дресвы. Зерна примеси крупные, вследствие чего поверхность сосудов шероховатая. Цвет — темнокрасный.

При датировке поселения можно исходить лишь из гончарной керамики, аналогичной добытой из могильника и относящейся к III—IV вв. н. э. Указанная дата, возможно, не охватывает весь период существования поселения. Так, мы совершенно ничего не можем сказать о хронологии лепной керамики.

5

Самую позднюю хронологическую группу обследованных памятников составляют раннеславянские поселения VIII—XII вв., представленные Полтавским поселением. На территории г. Полтавы, главным образом в районе Красной (бывш. Соборной) площади, уже с давних лет были находимы культурные остатки седой старины. Однако вещей времени до X в. не находили. Одной из ранних и наиболее интересных находок является так называемый «Полтавский клад» 1905 г., обнаруженный «при земляных работах по устройству водопровода. состоящий из

[1] М. Рудинський, ук. соч., табл. I, рис. 1 и 2.

[2] И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения на Дону и Тамани по археологическим данным. МИА СССР, вып. 6, стр. 204, табл. II. — Он же. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, стр. 388—399.

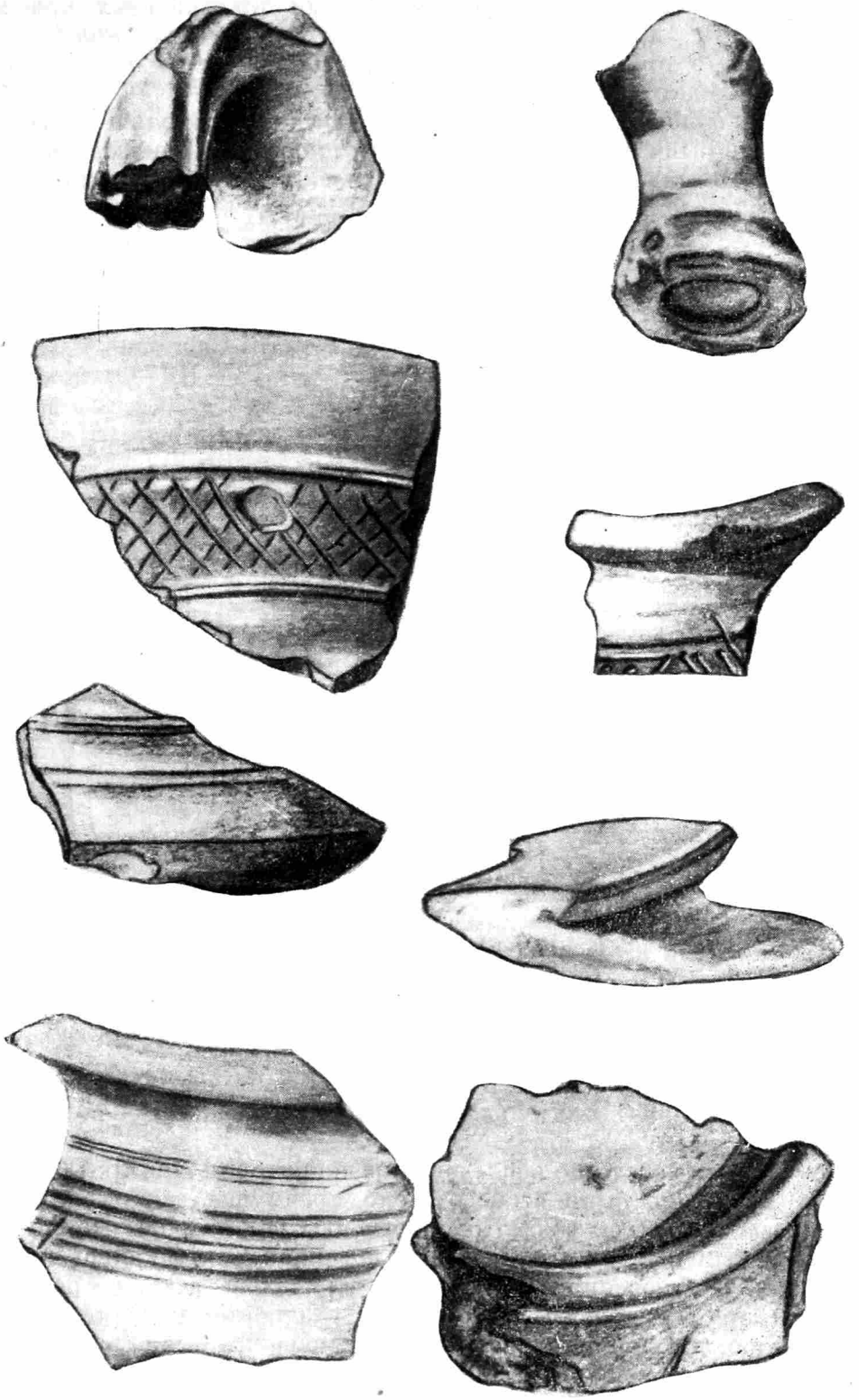


Рис. 6. Керамика поселений культуры «полей погребений» (Кантемировка).

1) шейной гривны, 2) двух серег, 3) восьми проволочных браслетов, 4) десяти штук проволочных спиральных височных колец».[1] Ряд других вещей, в том числе и керамика, были найдены на той же площади и до находки этого клада и позже.

Во время полевых работ 1940 г. по среднему течению р. Ворсклы нами частично были обследованы Красная площадь и прилегающие к ней районы в г. Полтаве. Собранный керамический материал количественно

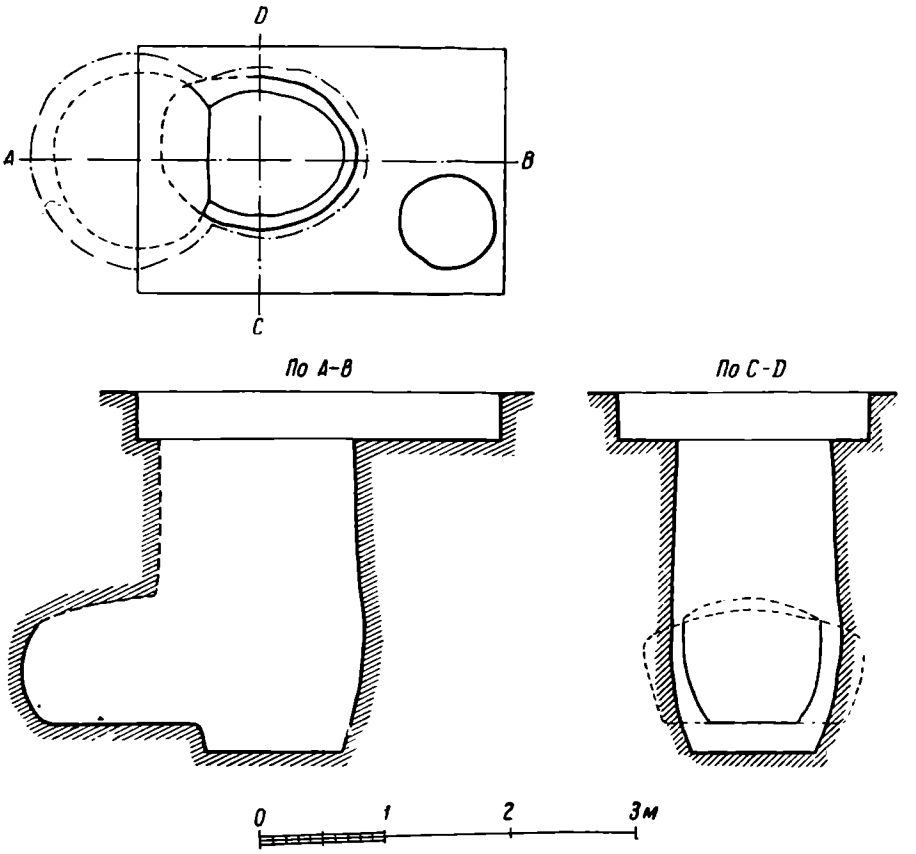


Рис. 7. Поселение в г. Полтаве. Хозяйственная яма славянского времени. (План и разрез).

был незначителен и в то же время мало выразителен. По техническим обстоятельствам более тщательно обследовать район тогда не представлялось возможным.

Летом 1945 г. работа по обследованию территории Полтавы была продолжена. Внимание было сосредоточено преимущественно на Красной площади, где благодаря возделыванию почвы под огороды верхний дерновый слой был вскрыт и на дневной поверхности появились культурные остатки. Наблюдения над вскрытой площадью, а также подъемный материал (керамика, кости животных и различные поделки) привели к заключению, что территория площади в прошлом была занята поселением. С целью проверки выводов, сделанных на основе наблюдений и собранных культурных остатков, на указанной территории, к северо-востоку от собора, были заложены два разведочных шурфа (№№ 1 и 2) размером 2×1 м и 2×3 м. Раскопки подтвердили наличие поселения. В шурфе № 1 был прослежен ясно выраженный культурный слой мощ-

[1] Н. Макаренко. Материалы по археологии Полтавской губ. Тр. Полтавской ученой архивн. комисс., вып. 5, Полтава, 1908 (отд. оттиск).

ностью до 1.5 м. В шурфе № 2 были вскрыты две хозяйственные ямы. Первая из них — небольшая (диаметр 0.7—0.8 м; глубина 0.65 м), цилиндрической формы. Яма была заполнена культурными остатками с большим содержанием углей и золы. Вторая яма глубокая, почти цилиндрическая, с некоторым расширением в нижней части и большим подбоем (нишей) полусферической формы, несколько вытянутым по направлению В—З (рис. 7). Подбой расположен в северной стенке ямы. Глубина ямы 2.6 м, ширина верхней части 1.55 м по длинной оси (С—Ю) и 1.25 м — по короткой (В—З); ширина дна по длинной оси (С—Ю) 1.10 м и по короткой (В—З) — 1 м. Наибольший диаметр на глубине 1.5 м по длинной оси (С—Ю) 1.63 м, по короткой (В—З) — 1.45 м. Ширина устья подбоя в нижней части 0.7 м, в верхней — 1.10 м, высота устья около 1 м. Наибольшая ширина внутри по длинной оси (В—З) 1.8 м, по короткой (С—Ю) — 0.9 м. Верхняя часть ямы, до глубины около 1.5 м, залегала в культурном слое, нижняя — в материке. Подбой (ниша) был сделан на высоте 0.25 м от пола ямы. При высоте потолка около 1 м вполне естественно, что он врезался в подпочву, а может быть задевал даже нижнюю часть культурного слоя. Стенки ямы и подбоя ровные и в нижней своей части (в слое материковой глины) обожжены, что хорошо прослеживалось как по структуре глины, так и по окраске. Пол ямы и подбоя (ниши) твердый, как бы утрамбованный и гладкий. Заполнение ямы, состоящее из культурных отбросов (битая глиняная посуда, кости животных, зола, угли и т. п.), очень легко отделялось и от стенок ямы и от стенок подбоя. Исключением является лишь стенка северной стороны, которая вследствие провала свода подбоя сползла в яму и смешалась с ее содержимым. Это обстоятельство нарушило первоначальные контуры северной стенки ямы, в силу чего при выборке заполнения северную стенку пришлось зачистить произвольно. По этой же причине произвольно зачищен свод (потолок) подбоя.

Немного севернее ямы № 2 обнаружены еще две ямки глубиною около 0.5 м и диаметром 0.35 м. В одной из них оказались следы перегнившего дерева.

К западу и юго-востоку от ямы № 2 наметились контуры еще каких-то углублений, уходящих под стенки раскопа. Не имея возможности расширить раскоп и тем самым полностью вскрыть намечающийся комплекс хозяйственных сооружений, мы решили работу прекратить, раскоп засыпать до того времени, пока не представится возможности вскрыть бо́льшую площадь.[1]

Материал, полученный при раскопках, оказался совершенно аналогичным подъемному, собранному на площади. Основную массу находок составляет керамика двух ясно выраженных культур: зольничной и славянской (рис. 8). Ту и другую в свою очередь можно разбить на две подгруппы: зольничную — на раннюю и позднюю; славянскую — на роменско-боршевскую и великокняжескую.

Зольничная ранняя представлена фрагментами кухонных горшков, орнаментированных щипками по краю венчика, сквозными отверстиями несколько ниже края венчика и налепным валиком, расположенным, как правило, ниже отверстий. Вторая группа керамики этой поры — черная лощеная — представлена бедно.

Зольничная поздняя состоит из фрагментов таких же кухонных горшков, но в орнаментации их отсутствует налепной валик. Вместо

[1] В 1946 г. на территории Красной площади близ шурфа № 2 были произведены раскопки, вскрывшие три жилых помещения и ряд хозяйственных ям. См.: И. Ляпушкин. Старослов'янські поселення VIII—XIII ст. на території м. Полтави. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Киев, 1949.

черных лощеных сосудов ранней поры появляются сосуды (плошки или миски), сделанные из плотной глины, лишь с признаками лощения: цвет этих сосудов преимущественно желтовато-оранжевый или серый.

Роменско-боршевская подгруппа славянской керамики представлена фрагментами двух типов кухонных горшков: 1) небольших, более или менее стройных, с резко выраженными плечиками и венчиком, отогнутым под углом 45—60°, и 2) крупных, высотою от 30—35 см, с диаметром горловины до 30 см, со слабо выраженной шейкой и вялыми плечиками.

Для обоих этих типов характерны толстостенность (от 0.7 до 1.5 см и более), очень плохое качество глины с примесью крупнозернистого

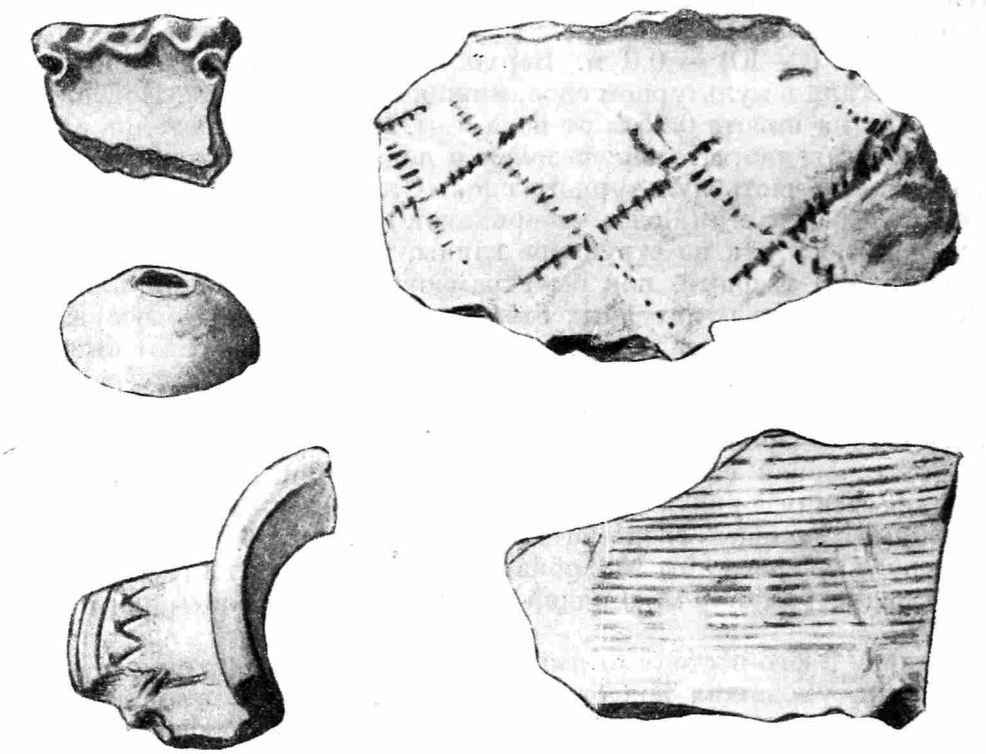


Рис. 8. Керамика поселения в г. Полтаве.

шамота, вследствие чего стенки сосудов имеют неровную и шершавую поверхность. Цвет — темножелтый, в изломе часто черный. Последнее является показателем неравномерности и слабости обжига.

Очень многие фрагменты венчиков и плечиков орнаментированы. Техника орнаментации, главным образом, с помощью зубчатого чекана в сочетании с пальцевыми вдавлениями. Формы орнамента весьма разнообразны. Край венчика чаще всего орнаментирован оттисками зубчатого чекана, расположенными параллельно друг другу. Встречаются и «щипки». Более сложен орнамент на плечиках. Тут можно встретить и наклонные параллельные оттиски, и косые кресты, и ромбовидные фигуры, и зигзаги, и различные другие сочетания все тех же оттисков зубчатого чекана. Среди этой однородной по технике и весьма разнообразной по мотивам орнаментации выделяется несколько фрагментов, выполненных другой, отличной техникой — оттисками концов пальцев. Правда, для роменско-боршевской культуры эта техника также известна. Оттисками концов пальцев в роменско-боршевской культуре часто орна-

ментируется край венчика, иногда и плечики.[1] Но такая орнаментация, повидимому, не имела широкого распространения, встречается она редко.

Керамика великокняжеской поры единообразна по форме (почти одни кухонные горшки), но разнообразна по орнаментации и профилировке венчиков. Вся она изготовлена на гончарном круге и орнаментирована круговой линией и волной в самых различных сочетаниях. Встречено несколько других орнаментальных мотивов, например различные наколы, но они редко встречаются как самостоятельные и являются большей частью дополнением к первым двум. Большинство горшков имеют резко горизонтально отогнутый венчик, по верху которого проложен валик; шейка невысокая, но хорошо профилированная. Некоторые сосуды совсем не имеют шеек, в таких случаях венчик, сидящий прямо на плечиках, отогнут под углом 45—60°. Орнамент размещен на плечиках, но иногда захватывает и среднюю часть корпуса. У некоторых горшков орнаментация в виде наколов имеется и с внутренней стороны венчика. Стенки горшков очень тонкие, не превышают 0.5 см, поверхность ровная. Цвет горшков черный, что объясняется не плохим обжигом, а, повидимому, копотью; в изломе — цвет серый или ярко оранжевый; глина чистая.

Интересно отметить, что среди славянской керамики совершенно отсутствуют сосуды так называемого «переходного» типа от роменско-боршевской культуры к великокняжеской, характерной чертой которых является лепка от руки с применением линейной и волнистой орнаментации, часто в сочетании с чеканом. Сосуды этого типа широко представлены в собственно роменских поселениях — Монастырище, Вашкевичи и др.,[2] т. е. тех, где жизнь текла беспрерывно на протяжении VIII—XII вв.

Из числа других находок следует отметить 4 фрагмента железных изделий (ножа, клинка, гвоздя и какого-то неопределенного предмета), пряслице розового шифера, зеленую стеклянную бусину округлой формы и 2 поделки из кости: 1) трубочку с расширяющимися концами, один из которых, вероятно, был закрыт наглухо какой-то пробкой (из дерева или кости), удерживавшейся гвоздиками, о чем свидетельствуют маленькие отверстия на конце трубки, расположенные одно против другого, и 2) эпифиз шейного позвонка со сверлиной.[3]

Проведенное членение материала (главным образом керамики) по культурно-хронологическим группам стратиграфически четко не прослежено. Одна из причин этого явления — незначительные размеры вскрытых площадей; к тому же большой шурф (№ 2), раскопанный на глубину 0.5 м, не доведен до материка, а лишь до дневной поверхности последнего этапа жизни поселения. Яснее всего стратиграфически выражен роменско-боршевский слой в рухнувшем потолке (своде) подбоя. В этом обвале на полу подбоя, т. е. в нижних слоях культурного слоя, найдена почти исключительно керамика роменско-боршевского типа. В шурфе № 1, где стратиграфия, повидимому, не нарушена, в самых нижних слоях оказалась керамика зольничного типа. В шурфе № 2, где вскрыт лишь верхний культурный слой, было найдено всего три фрагмента зольничной керамики. Много обломков зольничных сосудов мы встретили и на самой дневной поверхности наряду с вещами XX в.

---

[1] М. Макаренко. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу. Niederlův Sbornik, табл. II.

[2] М. Макаренко, ук. соч., табл. II.— Он же. Городище Монастырище. Науковий збірник історичної секції УАН за 1924 г., т. XIX.

[3] И. Ляпушкин. Археологические памятники, стр. 35, рис. 7*а*. Под рисунками ошибочно напечатано вместо поселения в г. Полтаве — у д. Кантемировки.

Повидимому, где-то рядом имели место нарушения культурного слоя (проводка водопровода и т. п.), в результате чего нижние слои оказались наверху.

Из числа вещей, найденных на поверхности при обследовании площади, следует отметить: 1) четырехконечный нательный крест из сланца (размеры: по длинной оси — 4.2 см, по короткой — 3.4 см); на одном конце (по длинной оси) на ребре имеется сверлина; крест найден вблизи шурфа; 2) пряслице из розового шифера.[1]

Таким образом, судя по вещественным остаткам, территория площади была заселена очень рано, с VII—VI вв. до н. э. и вплоть до XII, а может быть, и XIII в. Плохая изученность керамики великокняжеской поры не позволяет датировать верхнюю границу существования поселения более точно. Трудно установить, протекала ли жизнь на этом поселении непрерывно или территория иногда пустовала, а затем вновь заселялась. Мы не располагаем пока данными для подобных заключений и в отношении других поселений, аналогичных Полтавскому.

Не представляется возможным восстановить и внешний облик поселения: было ли это укрепленное поселение или селище? Никаких следов валов и рвов ни на площади, ни на склонах мыса не прослежено. Повидимому, если и были валы и рвы, то при заселении этой части города еще в далеком прошлом они были уничтожены. А то, что поселение в определенный период своего существования было укреплено, в этом едва ли можно сомневаться. Во всяком случае для периода роменско-боршевской культуры (VIII—X вв.) открытых поселений вне связи с укреплениями мы пока еще не знаем.

Открытие Полтавского поселения является одним из существенных результатов полевых изысканий 1945 г. Поселение важно для дальнейшего уточнения границ территории распространения раннеславянских поселений в южном и юго-восточном направлениях на Левобережье, а также по своему культурно-стратиграфическому облику. Оно должно явиться новым дополнительным источником в решении ряда вопросов. Как отмечалось выше, возникновение Полтавского поселения относится к далекому прошлому, к VII—VI вв. до н. э. Из двухтысячелетнего существования лишь последний период его жизни (VIII—XIII вв. н. э.) может быть увязан с определенной этнической группой населения — восточным славянством. Ничего определенного мы не можем пока сказать об этническом облике носителей так называемой «зольничной» культуры, просуществовавшей в этом районе более пятисот лет. Да и в жизни славянского населения VIII—XIII вв. этого района есть много неясностей. Так, весьма существенно проследить, насколько прочно в этом районе, начиная с VIII в. н. э., сидело славянское население. Как известно, большинство раннеславянских поселений юго-востока от верховьев Дона до Днепра (Б. Боршевское городище, городище у Михайловского кордона под Воронежем, городище у д. Шилово, Куземинское городище, Опошнянское и, повидимому, ряд других) прекратили свое существование где-то на грани I и II тысячелетий н. э. Но есть ряд поселений на этой же линии (Донецкое, Петровское, Глинское и в том числе Полтавское), где обнаруживаются следы пребывания славянского населения и в великокняжеский период (X—XII—XIII вв.). Каково отношение населения последнего периода (X—XIII вв.) к предшествующему (VIII—X вв.), до сего времени остается невыясненным. Мало того,

[1] И. Ляпушкин. Археологические памятники, стр. 35.

насколько нам известно, этот вопрос никто и не ставил, а имеющийся материал из раскопок этих поселений (полевые наблюдения и вещи) не содержит данных для каких бы то ни было определенных выводов. Вполне возможно, что Полтавское поселение, содержащее славянские памятники от VIII до XIII в., может оказаться одним из наиболее ценных источников при решении этого вопроса.

Однако при изучении Полтавского поселения для нашей темы более существенное значение имеет вопрос об отношении славянского населения VIII—X вв. не к позднейшему, а к предшествующему времени, представленному так называемой «позднезольничной» культурой, датируемой нами IV—II вв. до н. э. Вопрос этот приобретает особую остроту в связи с наличием в литературе значительных расхождений как в датировке и происхождении поздней зольничной культуры, так и по вопросу об ее отношении к раннеславянской (роменской) культуре VIII—X вв.[1]

Вторым существенным результатом полевых изысканий 1945 г. следует признать выявление в бассейне верхнего течения р. Коломака такой группы поселений зольничного типа скифской поры, которая дала возможность хронологически расчленить зольничную культуру VII—II вв. до н. э., выступавшую до сего времени как единое целое. Эта Коломацкая группа позднезольничных поселений, как отмечалось выше, предварительно может быть датирована IV—II вв. до н. э. По сравнению с раннезольничными поселениями, поселения позднезольничные имеют, повидимому, более широкое распространение. На востоке и северо-востоке они доходят до верховьев Дона (Воронеж); на севере границей их является бассейн р. Сейма; западная граница пока не известна. К сожалению, нельзя ничего сказать о хронологии зольничных поселений северной полосы, особенно о верхней ее границе. Возможно, что там они бытуют дольше, чем в южной полосе. Существенно важным вопросом является выяснение истоков позднезольничных поселений северной полосы, поскольку раннезольничных поселений в этом районе мы пока не знаем. Не является ли позднезольничная, или так называемая «скифоидная», культура северной полосы (Путивль—Курск—Воронеж) хронологически продолжением зольничной культуры границы степи и лесостепи?![2]

Все изложенное выше, конечно, не дает ответа на многие поставленные вопросы и имеет значение лишь как материал, способный осветить некоторые стороны их и показать пути, по которым следует направлять в дальнейшем наши разыскания.

---

[1] И. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, вып. 6, стр. 33. — Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, вып. VI—VII, 1947, стр. 94.

[2] Ср.: И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного левобережья. СА, XII, 1950.

М. К. КАРГЕР

ПАМЯТНИКИ ПЕРЕЯСЛАВСКОГО ЗОДЧЕСТВА XI—XII вв. В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1

Город Переяслав Хмельницкий (в древности Переяславль Русский) принадлежит к числу древнейших городов нашей Родины. В древнерусских летописях Переяславль упоминается впервые в связи с событиями самого начала X в. Повествуя о победоносном походе киевского князя Олега на Царьград, закончившемся капитуляцией византийской столицы, летописец перечисляет мирные условия, предложенные Олегом и принятые императорами Львом и Александром. Империя обязывалась «дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти уклады на Рускыа грады: первое на Киев, тоже на Чернигов и на Переаславль и на Полтеск, и на Ростов и на Любечь и на прочаа городы, по тем бо городам седяху велиции князи, под Олгом суще».[1] Город Переяславль упомянут в приведенном известии в числе крупнейших городов Руси, на третьем месте (после Киева и Чернигова).

К началу 90-х годов X в. летописец относит закладку «города» князем Владимиром, совершенную после победы над печенегами.[2] Рассказ этот, в противоположность первому летописному известию, носит чисто фольклорный характер, представляя наивную попытку объяснения имени города («нарече и Переяславль, зане перея славу отрок»). Однако, принимая во внимание широкую деятельность князя Владимира по укреплению южных и юго-восточных границ Киевского государства, в летописном рассказе можно видеть отголосок реального факта сооружения новых крепостных валов в существовавшем задолго до этого городе на южной границе Руси.

Приведенными летописными сообщениями ограничиваются известные доныне факты древнейшего периода истории города, периода, который может быть понят во всей его исторической реальности лишь в результате систематических, широко поставленных археологических раскопок.

Значительно полнее письменные источники повествуют о более позднем периоде истории города. В XI—XIII вв. Переяславль — стольный

---

[1] Лавр. летопись 6415 (907) г.

[2] В различных списках «Повести временных лет» рассказ этот занесен под разными годами: Ипат., Софийск., Льв., Воскр., Типогр., Рогожск. летописи и летописец Переяславля Суздальского — 6501 (993); Лавр. лет. — 6500 (992); Новг. IV лет.— 6499 (991) г.

город Переяславского княжества — фигурирует не раз на страницах летописей в связи с различными событиями военной и политической истории Русского государства. Являясь крупнейшим городом на южной границе Руси, Переяславль был важнейшим опорным пунктом Киевского государства в борьбе со степными кочевниками, в частности с половцами. Летописные известия свидетельствуют о своеобразном архитектурном облике города, сложившемся к концу XI в. в результате широкой строительной деятельности, развернувшейся здесь в 80—90-х годах XI в. Не может быть сомнения, что в конце XI в. в Переяславле существовало собственное летописание — столь подробны и обстоятельны рассказы о переяславских событиях этих лет, сохранившиеся в составе киевских летописных сводов.

Под 1089 г. в Лаврентьевской летописи читается подробная статья о крупных строительных мероприятиях, осуществленных в Переяславле по инициативе митрополита Ефрема: «В се же лето священа бысть церквы святаго Михаила Переяславьская Ефремом митрополитом тоя церквы, юже бе создал велику сущю, бе бо преже в Переяславли митрополья и пристрои ю великою пристроею, украсив ю всякою красотою, церковными сосуды. Сий бо Ефрем бе скопець, высок телом, бе бо тогда многа зданья въздвиже; докончав церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротех градных во имя святаго мученика Федора и посемь святаго Андрея у церкве от ворот и строенье баньное (камено), сего же не бысть преже в Руси; и град бе заложил камен от церкве святаго мученика Феодора (и украси город Переяславьскии здании церковными) и прочими зданьи».[1]

С незначительными, но существенными для понимания интересующих нас вопросов отличиями этот же текст читается под 1090 г. в Ипатьевской летописи: «В се же лето священа бысть церкви святаго Михаила Переяславлеския Ефремом, тоя церкви митрополитом, иже ю есть создал велику сущю и пристрою в ней велику створи, украсив ю всякою красотою, церковьными съсуды. Сей бо Ефремь в си лета много зданье въздвиже в церкви святаго Михаила, заложи же церковь на воротех святаго Федора и святаго Андрея, у церкве у ворот и город камен и строенно банное камяно,[2] сего же не бысть в Руси; и въкраси город Переяславьскый зданьи церковными и прочими зданьи».[3]

Попытку самостоятельного осмысления древнего летописного текста представляет текст Никоновской летописи, где под 1091 г. читаем: «Сей же Ефрем скопец многодобродетелен высок телом и сух; бе же тогда зданны многа воздвигл: докончав церкви святаго Феодора от ворот, и строение банное, и врачеве и болници, всем приходящим безмездно врачевание, такоже и в Милитине в своем граде устрои, и по иным своим градом митропольским иже суть и со уезды с волостьми и с селы: се же не быть преже в Руси; и град бе Переаславль заложил камен от церкви святаго Феодора и с прочими здании и съверши его чюдие».[4]

Летописная статья, помещенная под 1089(1090) г., сообщая об освящении церкви архангела Михаила, одновременно как бы подводит итоги большой строительной деятельности митрополита Ефрема. Церковь Михаила архангела, выстроенная Ефремом, названа «великой», «укра-

---

[1] Лавр. лет. 6597 (1089) г.

[2] В рукописи слова «строенно банное камяно» исправлены позже в «строенна баня камяно».

[3] Ипат. лет. 6598 (1090) г.

[4] Никон. лет. 6599 (1091) г.

шенной всякою красотою и церковными сосуды». Повидимому, одновременно или несколько ранее «на воротех градных» была заложена церковь Феодора, возле нее церковь Андрея и «строенье баньное камено», о котором летописец добавляет: «сего же не бысть преже в Руси». Наряду с церковным строительством Ефрем развернул и работы по укреплению города: «и град бе заложил камен от церкве святаго мученика Феодора».

2

Из перечисленных построек уже давно вызывало некоторое недоумение и различные толкования исследователей «строенье баньное камено, сего же не бысть преже в Руси». Известие это уже с давних пор чрезвычайно интриговало исследователей. Еще историками XVIII в. по этому вопросу был высказан ряд соображений.

Так, В. Н. Татищев, характеризуя деятельность митрополита Ефрема, писал о нем, опираясь на древний текст «Повести временных лет»: «... создал же церковь на вратах св. Феодора и у врат церковь св. Андрея каменные, и *баню народную каменную*, чего прежде в Руси не бывало...».[1]

М. Щербатов, излагая те же события, повидимому, по тексту Никоновской летописи, писал о Ефреме: «... множество построил церквей, сделал *всенародные бани и больницы*, где всякой приходящей мог безплатежно себе пользование колико было тогда возможно и успокоение обретать, чего прежде в России не бывало. .».[2] И. Н. Болтин, отвергая объяснения В. Татищева и М. Щербатова, предложил другое толкование загадочного летописного текста. Он считал, что летописец, говоря о бане, имел в виду духовную баню, т. е. «купель для крещения возрастных».[3] Более поздние комментаторы летописного текста делали упор на «грекофильство» Ефрема. Так, Е. Голубинский рассматривал переяславскую «баню» митрополита Ефрема как своеобразные общественные «термы» константинопольского типа. Он считал, что Ефрем «... единственный из епископов периода домонгольского, известный тем, что имел охоту употреблять свои средства — не столько, вероятно казенные, от кафедры, сколько свои собственные, ибо лично был человек весьма богатый, — на дела общественные, вместо больницы или богадельни построил в Переяславле *греческие бани*, т. е. вместо того, что было бы полезно, построил то, что ознакомило русских людей с греческим комфортом».[4] Вслед за Е. Голубинским эти же мысли развивал М. С. Грушевский, по мнению которого переяславский митрополит соорудил «публичню лазню, на взір Царгорода, де сей Ефрем довший час жив, і де такі публичні лазні були звичайною принадлежністю церкви».[5]

---

[1] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, ч. 1, кн. 2. М., 1769, стр. 141. (Курсив всюду наш, — *М. К.*).

[2] М. Щербатов. История Российская с древнейших времен, т. II. СПб., 1771, стр. 34.

[3] И. Н. Болтин. Примечания на Историю Российскую кн. М. Щербатова, т. II, стр. 43—55.

[4] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, перв. пол. М., 1901, изд. 2-е, стр. 552.

[5] М. Грушевський. Історія України Руси, т. II. Львов, 1905, изд. 2-е, стр. 353. Взгляд на «строенье баньное», созданное Ефремом, как на общественную, или торговую, баню дожил до наших дней. См.: Н. И. Фальковский. Москва в истории техники. М., 1950, стр. 162.

Еще в самом начале XIX в. все эти толкования летописного текста подверглись критике со стороны И. Р. Мартоса, который указал на то, что слово баня, обозначающее в современном украинском языке купол, по его мнению и в древнем языке имело то же значение.[1] В соответствии с этим И. Р. Мартос утверждал, что в летописном рассказе речь идет о том, что Ефрем «первый построил на каменных церквах своего монастыря церковные куполы, а до того сооружались храмы с простыми верхами, исключая столичный город Киев».[2]

Новую попытку развернутой аргументации этой же точки зрения сделал в начале 90-х годов прошлого века А. В. Стороженко: «Под каменным банным строением, под каменною банею, — писал он, — следует разуметь каменный купол (разрядка автора, — *М. К.*), построенный Ефремом при помощи греческих зодчих на одной из созданных им трех церквей».[3]

Из последовательности повествования летописного текста автор приходил к выводу, что «этим каменным куполом увенчивались ворота с надстроенною над ними церковью Феодора».[4] Ссылаясь на то, что слово «баня» (польское bania) в украинском и польском языках означает «купол», А. В. Стороженко полагал, что и в летописном языке Киевской Руси слово это могло иметь то же значение. Если это утверждение, не будучи ни в какой мере аргументировано автором, все же может быть принято за вероятное, то дальнейший ход доказательств автора был основан на безусловно ошибочных общих представлениях о русском зодчестве домонгольского периода. «Очевидно, — писал А. В. Стороженко, — что каменных куполов не умели строить в тогдашней Руси и вот построение каменного купола летописец отметил как событие выдающееся, которого прежде на Руси не случалось».[5]

По мнению того же автора, «обыкновенно даже на каменных церквах строили деревянные купола», в доказательство чего он ссылался на текст Ипатьевской летописи под 1152 г., относящийся к известной Старогородской божнице, в которой, по летописному выражению, «верх бяше нарублен деревом».[6]

Едва ли есть необходимость останавливаться подробнее на этом совершенно ложном представлении об уровне развития древнерусской строительной техники, для опровержения которого и в начале 90-х годов

---

[1] [И. Р. Мартос]. Исследование банного строения, о котором повествует летописец Нестор. Любителям древности и Исторических Истин. СПб., 1809, стр. 8—19.

[2] Там же, стр. 31. Догадки И. Р. Мартоса вызвали возражения М. Каченовского (см.: Вестник Европы, ч. XL X, М., 1810, № 1, Критика, стр. 60—70), на которые И. Мартос ответил на страницах того же журнала новой статьей: «Изъяснение против критики, помещенной в Вестнике Европы, на книжку, изд. под заглавием Исследование банного строения, о котором повествует летописец Нестор» (Вестник Европы, ч. LIII, М., 1810, № 18, Критика, стр. 145—154). На эту статью в свою очередь отозвался М. Каченовский («Отзыв на Изъяснение против критики на Исследование банного строения». Вестник Европы, т. LIV, М., 1810, № 23, Критика, стр. 218—230).

[3] А. Стороженко. Михайловская и Покровская церкви в г. Переяславле Полтавской губ. Киевская старина, т. XXXII, Киев, 1891, февр., стр. 337—351; позже эта статья перепечатана в сборнике статей того же автора: А. В. Стороженко. Очерки переяславской старины. Исследования, документы и заметки. Киев, 1900, стр. 44—71. Все последующие ссылки сделаны на это последнее издание.

[4] А. Стороженко, ук. соч., стр. 50—51.

[5] Там же, стр. 51.

[6] Там же.

прошлого века (не говоря о наших днях) было немало неоспоримых фактов.

Приходится, к сожалению, констатировать, что интересующий нас летописный отрывок, несмотря на различные попытки его объяснения, нельзя признать вполне понятным. Упоминаемое в летописном тексте «строенье баньное» остается и поныне нерешенной загадкой в истории древнейшего периода русского зодчества. Мы убеждены, что только археологические раскопки на территории Переяславля смогут когда-нибудь способствовать ее решению.

3

В летописной статье под 1089 (1090) г. есть и другие не вполне ясные части. Что представлял собою упомянутый в летописной записи «город камен», выстроенный митрополитом Ефремом? Едва ли можно предположить, что переяславский митрополит обнес каменною стеною городской посад или хотя бы городской детинец (кремль), каковой даже в столице Руси — Киеве — был огражден земляным валом и рвом. Еще упомянутый выше И. Р. Мартос, убежденный в том, что «созидание градов никогда не относилось у нас к обязанностям архиереев», говорил, что «по мыслям Нестора. Ефрем украсил разными каменными зданиями не что иное, как монастырь Переяславский, а не град Переяславль».[1]

А. В. Стороженко полагал, что каменный «город», сооруженный Ефремом, представлял всего лишь «каменную ограду из кирпича или дикого камня *вокруг усадьбы* (курсив наш, — *М. К.*), занятой церковью св. Михаила и принадлежащими к ней зданиями».[2] Последнее предположение представляется нам близким к истине, но не вполне точно сформулированным. Повидимому, Ефрем окружил крепостными каменными стенами с воротными башнями только свой митрополичий двор, находившийся внутри земляных валов детинца и составлявший, возможно, его значительную часть. Напомним, что столетием позже, именно в 1194 г., кн. Всеволод Юрьевич заложил во Владимире на Клязьме каменные стены детинца,[3] связь которого с епископским двором раскрывается последующими сообщениями летописи. Спустя два года после закладки стены, в 1196 г., владимирский епископ Иоанн поставил каменную церковь Иоакима и Анны «у детинца на воротех».[4] Лаврентьевская и Воскресенская летописи сообщают, что эта церковь была выстроена «на воротех святое Богородице»,[5] т. е. на воротах стены, окружавшей Успенский собор. По позднейшему житию князя Георгия Всеволодовича епископ Иоанн заложил эту церковь «на своем дворе».[6] Н. Н. Воронин делал из этих свидетельств справедливый вывод, что «ворота детинца с надвратной церковью Иоакима и Анны были в то же время воротами, ведшими к епископскому собору и, следовательно, стояли где-то поблизости от него на склоне площади от собора к городу».[7] Как известно, часть каменной стены 1194 г. и развалины

---

[1] И. Р. Мартос, ук. соч., стр. 28—29.
[2] А. В. Строженко, ук. соч., стр. 49.
[3] Лавр. лет. 6702 (1194) г.
[4] Никон. лет. 6704 (1196) г.
[5] Лавр. лет. 6704 (1196) г.; Воскр. лет. 6704 (1196) г.
[6] В. Доброхотов. Памятники древности во Владимире Кляземском. М., 1849, стр. 103, прим. 28; стр. 105, прим. 29. — История постройки и ее значение обстоятельно выяснены в статье: Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА СССР, № 11, 1949, стр. 215—216 сл.
[7] Н. Н. Воронин, ук. соч., стр. 216.

упомянутой башни с надвратным храмом Иоакима и Анны были действительно обнаружены на указанном месте раскопками 1936—1937 гг.[1]

В 1948—1950 гг. нашими раскопками на территории Софийского заповедника в Киеве были открыты на значительном протяжении фундаменты каменной стены, повидимому, также окружавшей митрополичий двор. О существовании этой мощной крепостной стены, относящейся, судя по данным строительной техники, к первой половине XI в., в древних киевских летописях не сохранилось никаких упоминаний.

Несмотря на правдоподобность приведенных аналогий, вопрос о «каменном городе», выстроенном Ефремом, как и вопрос о «банном строении», окончательно может быть решен лишь в результате систематических раскопок широкой площадью.

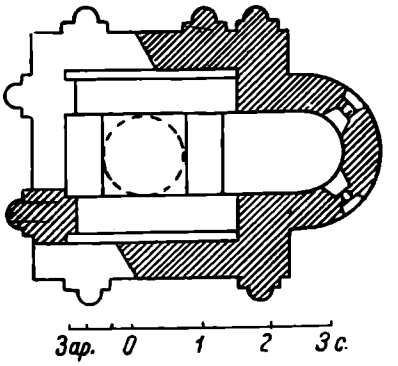


Рис. 1. Переяслав Хмельницкий. План развалин малого храма.

4

Приведенным выше замечательным отрывком древнейшего переяславского летописания, сохранившимся в составе киевских летописных сводов, отнюдь не исчерпываются летописные известия о памятниках переяславского зодчества домонгольского периода.

В конце 90-х годов XI в. разностороннюю строительную деятельность Ефрема продолжил князь Владимир Мономах. По сообщению Ипатьевской летописи под 1098 г., «. заложи Володимер церковь камяну святое Богородице, Переяславли, на княже дворе».[2]

Нужно со всей решительностью отвергнуть выдвинутое впервые П. А. Лашкаревым[3] и широко распространенное до наших дней мнение о том, что сохранившиеся под полом современной Успенской церкви, выстроенной в конце XIX в., остатки стен миниатюрной одноапсидной постройки можно рассматривать как остатки храма, выстроенного в 1098 г. кн. Владимиром Мономахом на княжем дворе. Изучение техники кладки стен, сохранившихся на довольно значительную высоту, и характерных особенностей плана церкви с мощными полуколоннами (рис. 1) исключает возможность отнести названную постройку к столь раннему времени. Размеры употребленного в кладку стен кирпича (31×25×5 см), а особенно сама техника равнослойной кирпичной кладки без применения чередования рядов кирпича, утопленных в кладке, прикрытых раствором, без применения камня—позволяют отнести упомянутую постройку ко времени не ранее середины XII в. Об этой же дате свидетельствуют и характерные полуколонны на фасадах.

Незначительные размеры постройки вообще не позволяют на наш взгляд считать ее самостоятельным сооружением. Раскопки 80-х гг. XIX в., которыми была вскрыта эта постройка, в методическом отношении были крайне неудовлетворительны. Существующая доныне новая церковь, выстроенная в конце XIX в., стоит на достаточно большом по площади возвышении, по отношению к которому площадь древней церкви составляет незначительную часть. Изучение обстоятельств раскопок наводит

[1] Н. Н. Воронин, ук. соч., стр. 217 сл.
[2] Ипат. лет. 6606 (1098) г.
[3] П. Лашкарев. Остатки древней церкви в городе Переяславе. Киевская старина, т. I, 1889, январь. — Он же. Церковно-археологические очерки. Киев, 1898, стр. 221—229.

на мысль, что сохраняющаяся под полом нового храма древняя постройка представляет лишь часть развалин большого архитектурного комплекса, оставшегося невскрытым и непонятым при раскопках.

Под 1146 г. в Ипатьевской летописи упоминается в качестве места заточения какой-то монастырь св. Иоанна, по другим источникам неизвестный.[1]

5

Главное внимание летописца в течение XII—XIII вв. занимал соборный храм архангела Михаила. Вплоть до монгольского завоевания храм играл роль княжеской усыпальницы. В 1114 г. здесь был погребен кн. Святослав Владимирович, сидевший до этого на переяславском столе,[2] в 1141 г. — кн. Андрей Владимирович,[3] в 1150 г. — Ростислав Юрьевич, положенный «близ стрыя своего Андрея и Святослава».[4] Последнее княжеское погребение, упомянутое летописцем, — кн. Владимира Глебовича — относится к 1187 г.[5]

Церковь Михаила упоминается летописцем не только в связи с погребениями в ней переяславских князей.

10 мая 1124 г. храм Михаила был разрушен землетрясением («земля потрясеся мало и падеся церкви великия св. Михаила у Переяславли, мая в десятый, юже бе създал и украсил епископ Ефрем»).[6] Повидимому, разрушения были сравнительно невелики и храм был вскоре восстановлен. Более серьезные повреждения принесло новое землетрясение 1230 г., охватившее значительные районы южной Руси и в частности Киев. В результате землетрясения 1230 г. «в Переяславли Русском церкви св. Михаила камена расседеся на двое и паде перевод кровлею 3-х комар и потроша иконы и паникадила свечми и светилна».[7]

Между 1237 и 1240 гг., еще до взятия Киева, Переяславль был захвачен и разгромлен одним из татарских разведывательных отрядов. Киевский летописец сообщает об этом довольно кратко, но драматично: «. и взят град Переяславль копьем, изби весь и церковь архангела Михаила скруши, и сосуды церковныя бесчисленныя златыа и драгаго каменья взят и епископа преподобнаго Семеона убиша».[8]

6

От многочисленных архитектурных памятников, которыми Переяславль славился в далекой древности, до наших дней не сохранилось почти ничего. Татаро-монгольские полчища, обрушившиеся на Киевскую Русь, разорили город и обратили в руины его богатую архитектуру. Представить древнейший облик Переяславля Русского, его своеобразную архитектуру, понять историческое значение города в развитии древнерусской культуры можно только с помощью археологических раскопок.

Археологическое изучение города, если не считать упомянутых выше дилетантских раскопок, проведенных перед постройкой новой Успенской

---

[1] «Игоря же по 4-х дней емше в болоте приведоша к Изяславу, и посла и в монастырь на Выдобычь, и оковав и посла Переславлю, и всади в поруб в манастырь святаго Иоанна. .» [Ипат. лет. 6654 (1146) г.].

[2] Ипат. лет. 6622 (1114) г.

[3] Ипат. лет. 6649 (1141) г.

[4] Ипат. лет. 6658 (1150) г.

[5] Ипат. лет. 6695 (1187) г.

[6] Ипат. лет. 6632 (1124) г.

[7] Лавр. лет. 6738 (1230) г.

[8] Ипат. лет. 6745 (1237) г.

церкви, началось совсем недавно. Раскопки, проведенные в 1945 г. экспедицией Института археологии АН УССР при участии ИИМК АН СССР, Киевского центрального исторического музея УССР и Московского исторического музея под руководством Б. А. Рыбакова, имели разведочный характер. В задачу экспедиции 1945 г. входили поиски места первоначального поселения — древнейшего ядра будущего города, изучение жизни города XI—XIII вв., в частности поиски древних каменных построек, упоминаемых в летописи, исследование земляных укреплений города.[1] На некоторые из этих вопросов раскопки 1945 г. дали впервые научно обоснованные ответы. Остановимся кратко лишь на вопросах, непосредственно связанных с задачей настоящей статьи.

Поперечный разрез земляного вала, сохранившегося в юго-западной части детинца (раскоп № 1), позволил установить, что основу структуры вала составляет массивная кладка из крупных, толстых сырцовых кирпичей, сложенных в перевязь на глине. Размеры кирпичей: 45×25×7 см; 48×26×7 см; 43×24×7 см; 26×22×7 см. Кирпичи имеют светложелтый, редко — оранжевый цвет. Как на ближайшую аналогию этой сырцовой кладки Б. А. Рыбаков указывал сырцовую кладку в основе вала в Белгороде, прослеженную раскопками В. В. Хвойки. Сырцовую кладку Переяславского вала Б. А. Рыбаков считал возможным связать с упомянутым выше летописным известием о «городе каменном», выстроенном около 1089 г.[2] Не поднимая в настоящей статье дискуссионного в последние годы вопроса, к какой эпохе следует относить сырцовую кладку валов в Белгороде и Переяславле, считаем все же необходимым решительно возразить против отождествления подобной техники с летописным известием о закладке «каменного города». Древнерусская строительная терминология под словом каменный (камен), в приложении к постройке, подразумевает либо кладку из дикого камня, либо из кирпича, либо смешанную (opus mixtum), но совершенно неправдоподобно употребление слова «каменный» в приложении к земляным насыпям с заполнением внутренних деревянных конструкций сырцовым кирпичом.

Раскоп № 2, заложенный на участке в районе впадения речки Альты в Трубеж, где предполагалось найти остатки древнейшего поселения, не оправдал надежд. Четырехметровый культурный слой относился только к XVII—XIX вв. За исключением двух фрагментов домонгольской керамики никаких признаков культурного слоя X—XIII вв. не было обнаружено.[3]

Бо́льший интерес представлял раскоп № 3, заложенный на восток от церкви Успения, под полом которой сохранились упомянутые выше остатки малого храма XII в. На этом участке был обнаружен на значительной глубине культурный слой, относящийся к домонгольскому периоду с остатками жилищ полуземляночного типа. Помимо многочисленных находок керамики XI—XII вв., в том числе амфорной, фрагментов стеклянных браслетов, двух шиферных пряслиц, в этом раскопе были обнаружены фрагменты поливных плиток пола XI—XII вв., а также мозаичные смальты.[4]

Особое значение для интересующих нас вопросов имеет раскоп № 4, заложенный на свободной от новых построек площадке, которая расположена к северу от северной стены Михайловской церкви, примыкающей

---

[1] Б. Рибаков. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. Археологія, т. I, Київ, 1949, стр. 22.
[2] Б. Рибаков, ук. соч., стр. 23.
[3] Там же, стр. 23.
[4] Там же, стр. 24.

своей южной стеной почти вплотную к валу. Этот раскоп ставил задачей поиски древней церкви Михаила, выстроенной Ефремом в 1089 г. Раскоп, заложенный на расстоянии нескольких десятков метров от северной стены существующей церкви, дал значительный материал XVII—XVIII вв., в частности много фрагментов изразцов с рельефной полихромной орнаментикой, однако культурный слой X—XIII вв. не был обнаружен, если не считать находок различных вещей этого времени (керамика, стеклянные браслеты, строительные материалы) в позднейших перекопанных слоях и ямах.[1]

На глубине 2.1—2.7 м, особенно у западного края раскопа, был обнаружен завал строительных материалов XI—XII вв.: обломки плинф, цемянка, обломки голосников и шиферных плит. Значительное количество древних строительных материалов, найденных в раскопе, свидетельствует, по мнению исследователя, о том, «что Михайловская церковь XI в. должна находиться где-то поблизости, может быть на запад от раскопа № 4».[2] Однако никаких частей самой постройки, из которой происходили все эти материалы, обнаружено не было. Раскопками было установлено, что материк залегает на глубине 3.8—4 м от уровня современной поверхности.

Разведочные раскопки 1945 г. в последующие годы продолжены не были.

7

Осенью 1949 г. после завершения двухлетних раскопок развалин Зарубского монастыря, расположенных на берегу Днепра в районе Переяслава, Киевская археологическая экспедиция АН СССР и АН УССР имела возможность провести небольшого масштаба исследования на территории самого города.

В качестве основной задачи этих работ были поставлены раскопки на территории Переяславского детинца с целью поисков развалин древнего собора архангела Михаила. Раскопки, проведенные с 12 по 24 августа 1949 г.,[3] несмотря на крайне ограниченные возможности, увенчались несомненным успехом — раскопками удалось обнаружить и частично раскрыть развалины древнейшего Переяславского храма архангела Михаила, выстроенного в 1089 г. Раскопки показали, что от этой, некогда прославленной постройки под землею отлично сохранились не только фундаменты, но частично и стены.

Раскопки 1949 г. были начаты возле северной стены существующей Михайловской церкви (рис. 2). Предварительное изучение истории постройки этого храма имело большое значение для выбора места раскопок.

Древний храм Михаила после монгольского нашествия лежал в развалинах вплоть до середины XVII в. Между 1649 и 1666 гг. на развалинах древней церкви полковник Переяславский, а затем генеральный судья Федор Лобода соорудили новый храм.[4] В 1711 г. переяславским епископом Захарием Корниловичем был основан Михайловский мона-

---

[1] Б. Рибаков, ук. соч., стр. 24.

[2] Там же, стр. 24.

[3] В составе экспедиции под руководством автора настоящих строк принимали участие: мл. научн. сотрудник ЛОИИМК П. А. Раппопорт, ст. лаборант ЛОИИМК М. Г. Агаронян, ст. лаборант ЛГУ Л. Е. Ковалевская, студенты ЛГУ — Э. Добровольская, А. Кирпичников, З. Костичкина, Е. Ляшенко, А. Плешкова, Е. Сидоренко, В. Фролова и Т. Шубникова, студент Института им. И. Е. Репина Акад. худ. СССР М. Малченко.

[4] М. Максимович, Собр. соч., т. I, стр. 710. — А. В. Стороженко, ук. соч., стр. 55, 56.

стырь, упраздненный при введении штатов в 1786 г. Около 1749 г. церковь Михаила была выстроена заново (реставрирована?), но, повидимому, опять на старом месте.[1] Все вышеизложенное приводило к выводу, что поиски развалин древнего храма Михаила нужно сосредоточить в непосредственной близости от новой церкви.

Предположения эти подтвердились полностью: в первый же день раскопок, спустя три часа после их начала, были обнаружены in situ прекрасно сохранившиеся фундаменты, а местами даже кирпичная

Рис. 2. Общий вид участка раскопок.

кладка стен храма XI в. Расширение площади раскопа по всем доступным направлениям позволило открыть достаточно значительную часть древней постройки, давшую возможность, до известной степени, реконструировать ее первоначальный облик. Вскрытая раскопками 1949 г. часть здания представляет собою фундамент северной и частично западной стен большого каменного храма и примыкающих к нему с севера пристроек. Размер кирпича, техника кладки, план и ряд других особенностей, подробно описанных ниже, не оставляют сомнений, что раскопанные остатки здания относятся ко второй половине XI в.

Вскрытая раскопками кладка фундаментов сохранилась в бóльшей части почти целиком (рис. 3). В ряде мест поверх бутовой кладки фундамента сохранилась каменная (рис. 4), а отчасти кирпичная кладка стен (рис. 5), поднимающаяся местами до 0.5 м над уровнем древнего горизонта.

Северная стена здания (рис. 6) сохранилась от северо-западного угла, повидимому, почти до начала закругления северной апсиды (24 м). К сожалению, эта последняя полностью уничтожена глубоким подвалом XVIII в. Под прямым углом к фундаменту северной стены примыкает вперевязь фундамент западной стены, открытый лишь в северной его части

[1] А. В. Сторожeнко, ук. соч., стр. 56.

(рис. 7); фундамент этот уходит под новую деревянную постройку (склад), пристроенную недавно с северной, восточной и западной сторон

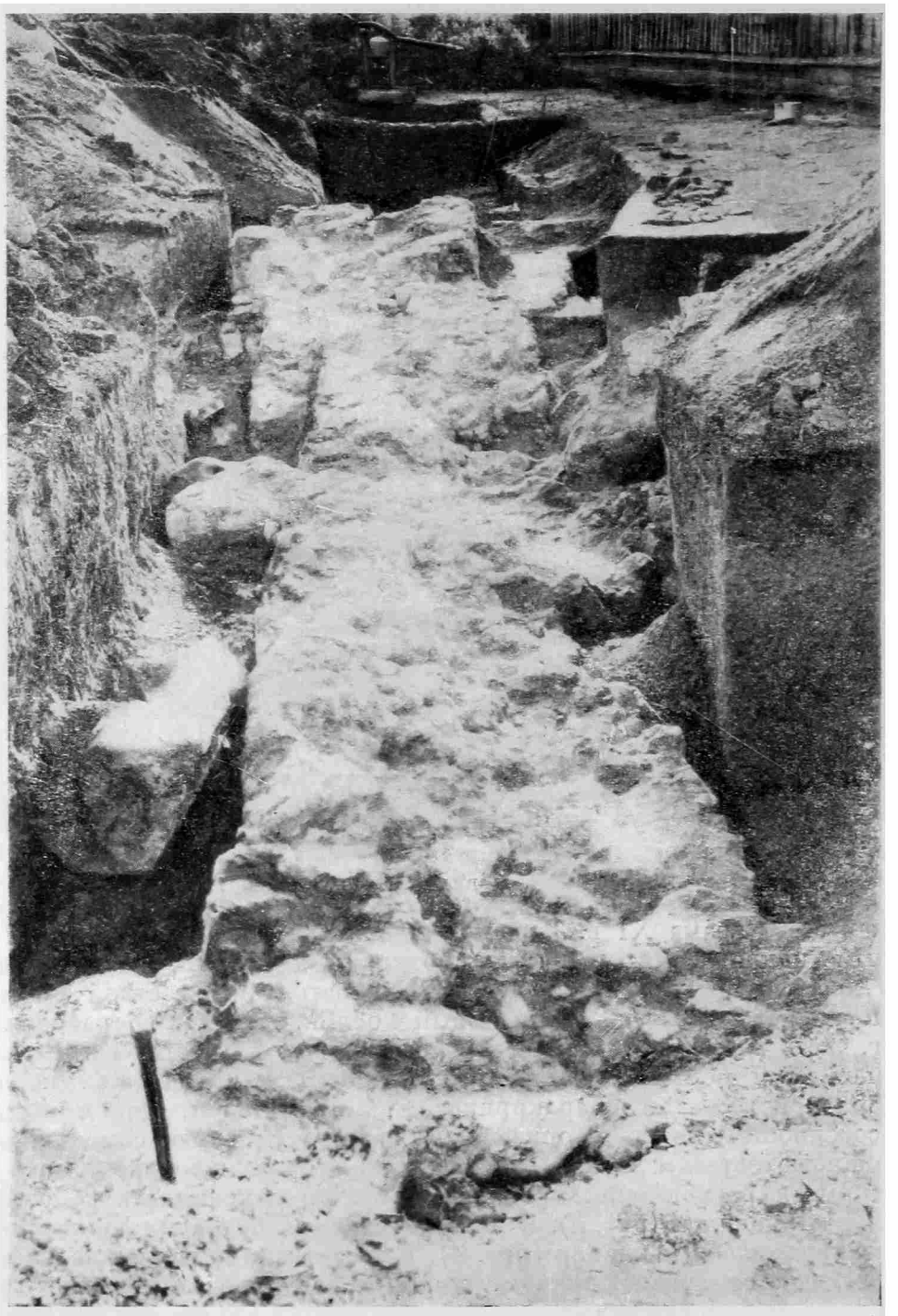


Рис. 3. Фундамент северной стены храма Михаила.

к Михайловской церкви. Под полом этой пристройки, а отчасти под новой церковью XVII—XVIII вв. находится основная часть развалин древнего храма, раскопки которых представляют важнейшую и первоочередную задачу археологического исследования древнего Переяславля.

Фундамент северной и западной стен представляет собою бутовую кладку (шир. около 1.50 м) из крупных валунов на растворе хорошо

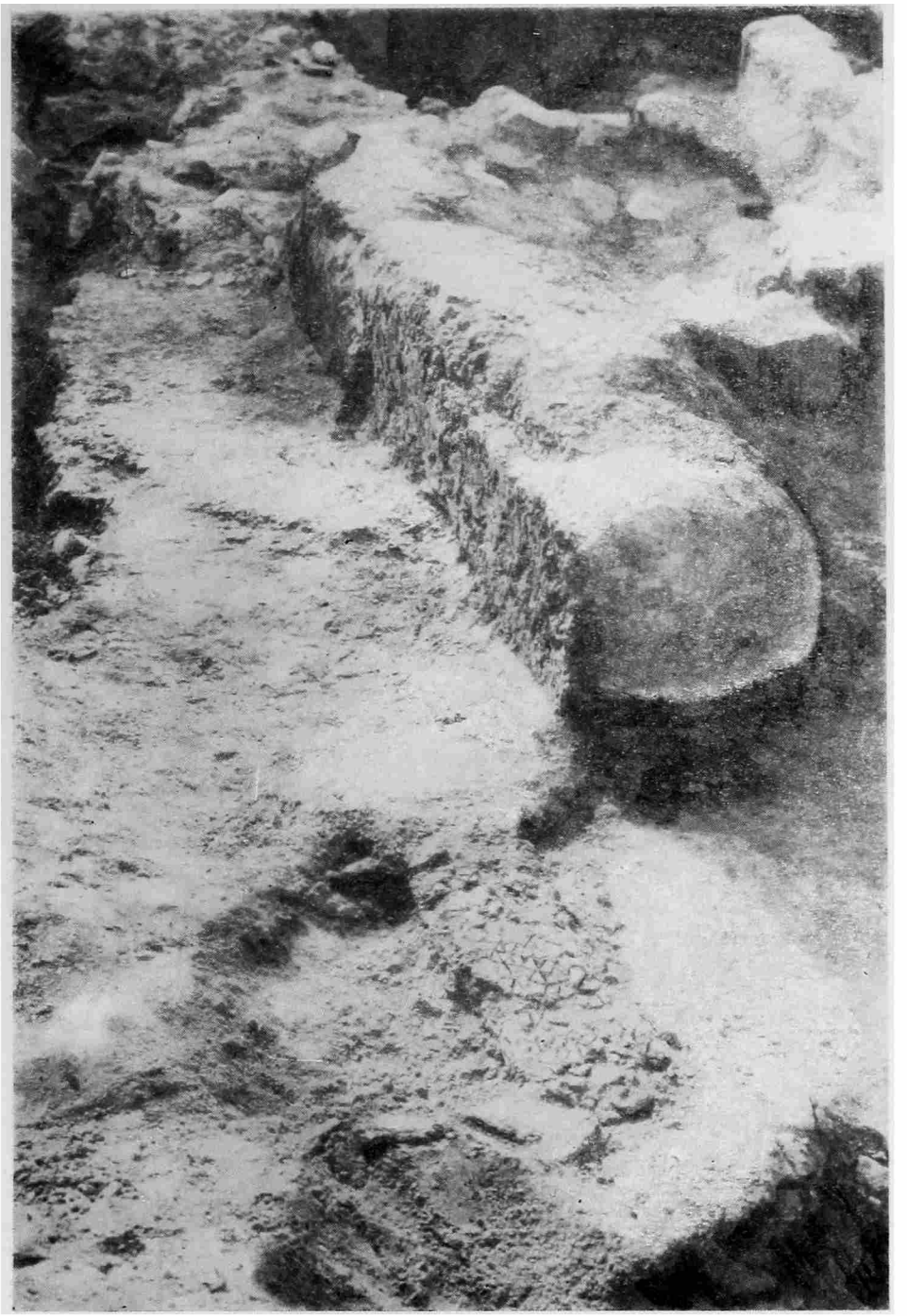


Рис. 4. Кладка стены храма с фресковой росписью.

промешанной извести с примесью мелкотолченого кирпича, отчего раствор имеет ровную интенсивную розовую окраску.

Глубина залегания фундамента от уровня древней поверхности 1.10—1.20 м, от уровня современной поверхности 1.80—2.00 м (рис. 8). В одном месте (у поперечного фундамента, против второй с запада ло-

патки) под кладкой фундамента прослежены следы деревянных лежней Фундаментные рвы вырыты в зеленоватом лёссе с черными прослойками и пятнами. Контрольный шурф, заложенный на дне рва (1.80—2.00 м от уровня современной поверхности), показал, что на 5—10 см ниже дна

Рис. Кирпичная кладка восточной части северной стены.

рва зеленоватый лёсс кончается и далее на глубину до 2.40 м идет слой жирного интенсивно черного гумуса. Только на глубине 2.40 м лежит светложелтый, очень плотный, материковый лёсс.

На внешней линии фундамента западной стены сохранились две мощных лопатки, на внешней линии фундамента северной стены отчетливо прослеживаются лишь две западных лопатки; третья лопатка в восточной ее части сливается с кладкой какого-то утолщения стены, от которого еще дальше к востоку отходит в северном направлении поперечный фун-

дамент северной пристройки (притвора?). Начало фундамента второй, восточной, стены этого же притвора прослежено в восточной части фундамента северной стены. На внутренней поверхности фундамента северной и западной стен лопаток нет.

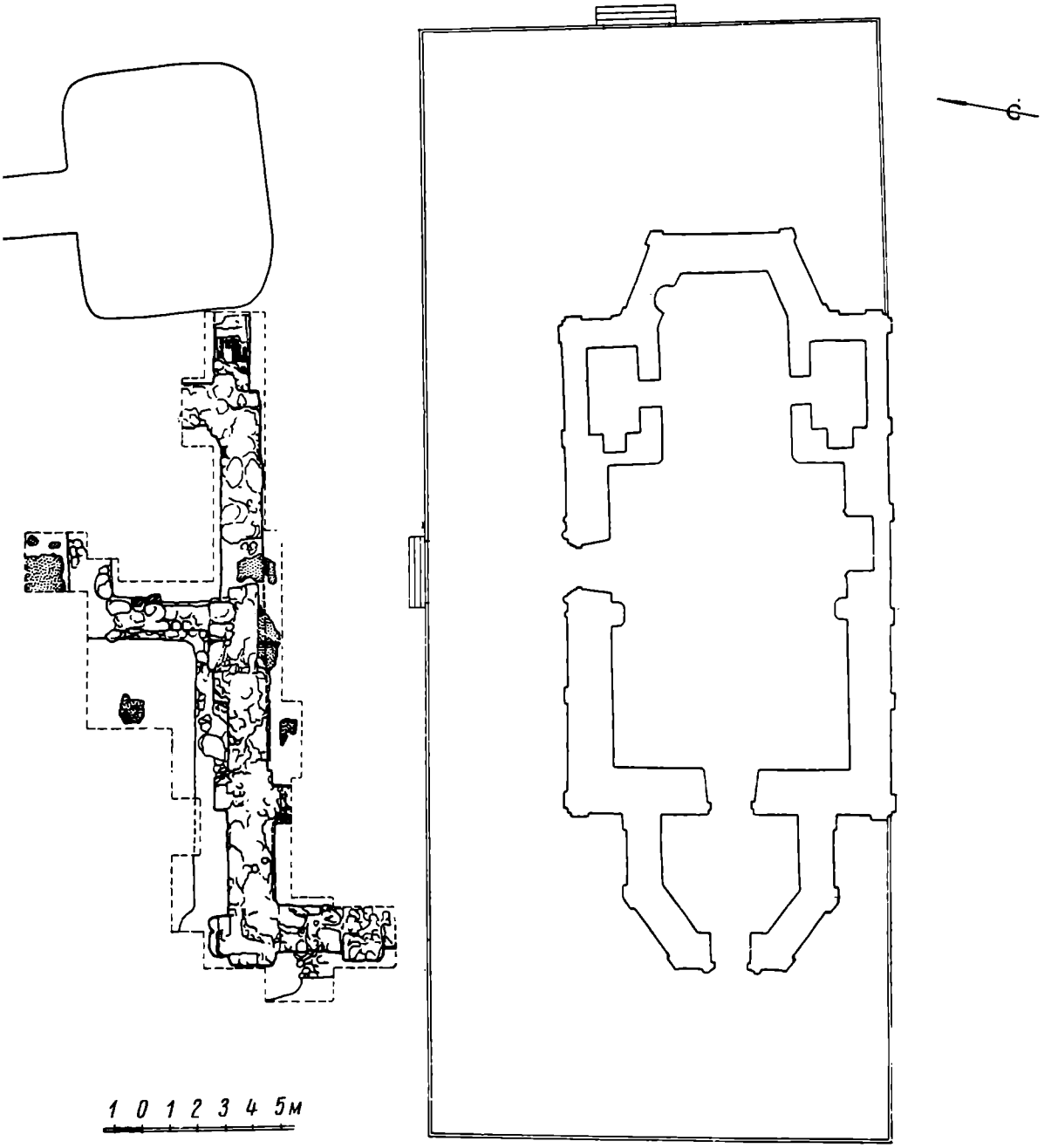


Рис. 6. План развалин древнего храма Михаила и новой церкви того же имени.

Изучение границ фундаментных рвов северной и западной стен позволило установить весьма интересную особенность конструкции фундаментов. Внутренняя линия фундаментных рвов почти совпадает с внутренней линией бутовой кладки фундамента, внешняя же линия рвов северного и западного фундаментов проходит на расстоянии 1.1 м от внешней линии кладки этих фундаментов, причем у северо-западного угла здания линия рва образует как бы некоторое закругление, охваты-

вающее кладку угловых лопаток. Пространство между бутовой кладкой фундаментов северной и западной стен и внешней линией фундаментных рвов заполнено в нижней части довольно небрежной каменной клад-

Рис. 7. Фундамент западной стены храма.

кой на древнем растворе, а выше забито насухо различными древними строительными обломками. Повидимому, эта внешняя обводка древних фундаментов была сделана позднее первоначальной кладки фундаментов, однако, судя по раствору в нижней части этой забутовки, это произошло еще в древности. Не были ли стены храма Михаила укреплены таким обра-

зом после одного из землетрясений, которые, судя по вышеприведенным летописным известиям, дважды нанесли серьезные повреждения постройке? Необходимо подчеркнуть, что глубина этих дополнительных рвов, забученных кладкой, несколько больше глубины заложения основных фундаментов здания.

На фундаментах в двух местах сохранилась нижняя часть кладки стен. Ширина их немного меньше ширины фундаментов (1.15 м). Стены сложены частично из крупных блоков камня, частично из кирпича. Ввиду небольшой высоты сохранившихся частей кладки стен, проследить систему чередования рядов каменной и кирпичной кладки не удалось.

На наружной поверхности кирпичной кладки, сохранившейся в восточной части северной стены на высоту трех-четырех рядов, были прослежены остатки наружной штукатурки — розового раствора с гладко затертой поверхностью. Кирпич (плинфа), употреблявшийся в кладке стен, хорошего обжига, в изломе красного цвета. Реже встречались

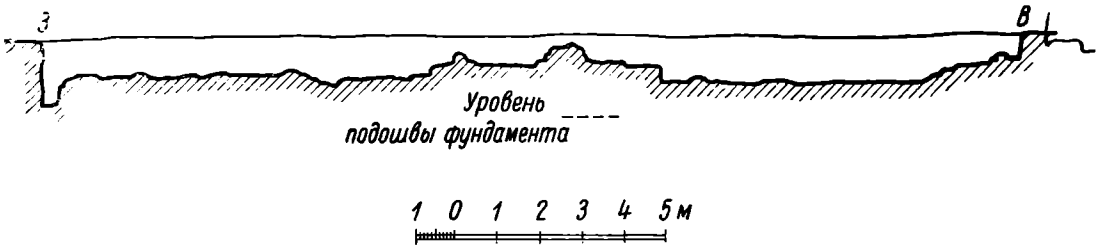


Рис. 8. Продольный разрез фундамента северной стены храма.

кирпичи коричневого и песочно-желтого цвета, тоже хорошо обожженные. Размеры кирпича 36—38×29—26×4.5—3.5 см. Толщина швов раствора между рядами кирпича 4—4.5 см. В слое строительного мусора, кроме плинф, найдены также брускового типа «бороздчатые» кирпичи (так называемого «литовского» типа). В какой мере они связаны со строительной историей самого храма, сказать трудно.

8

На одном участке внутренней поверхности северной стены (в средней ее части) хорошо сохранилась in situ древняя штукатурка с остатками фресковой росписи. Роспись сохранилась на участке протяжением около 2.4 м, на высоту от древнего пола до 0.4 м. Роспись представляет собой три одноцветных поля (каждое из которых голубовато-серое посредине и желтое по сторонам), разделенные красно-коричневыми вертикальными полосами, окаймленными узкими белыми полосками.

Фрагменты штукатурки, покрытой фресковой росписью, встречались также в завале строительных материалов на различных участках раскопа.

Найденные в весьма значительном количестве мозаичные смальты различных цветов, в том числе золотая (употреблявшаяся для фонов), свидетельствуют о том, что наряду с фресковой росписью храм был декорирован в наиболее ответственных частях также и мозаикой.

В системе внутреннего убранства древнерусских храмов домонгольского времени большое место принадлежало роскошной декорировке пола мозаикой и керамическими, майоликовыми плитками. Переяславский храм Михаила не уступал и в этом отношении наиболее пышно декорированным храмам Киева и Чернигова.

На различных участках пола северного нефа храма сохранилась известковая подготовка (с примесью толченого кирпича) со следами

мозаичных наборов из крупных кусков смальты или с отпечатками шиферных плит, положенных на еще незатвердевший раствор. Повидимому, значительная часть пола была покрыта шиферными плитами, в углубленные фигурные вырезы которых инкрустировались наборы смальт. Об-

Рис. 9. Фрагмент мозаичного пола.

ломки таких плит найдены в большом количестве в завале древних строительных материалов, а отчасти и in situ в известковой подмазке пола.

В огромном количестве были найдены куски смальт из мозаичных наборов полов, отличавшиеся от стенной мозаики значительно большими размерами.

На сравнительно небольшой раскопанной площади пола северного нефа храма удалось все же найти один фрагмент мозаичного набора, сохранившийся in situ в растворе известковой подмазки пола вдоль северной стены перед северным порталом храма.

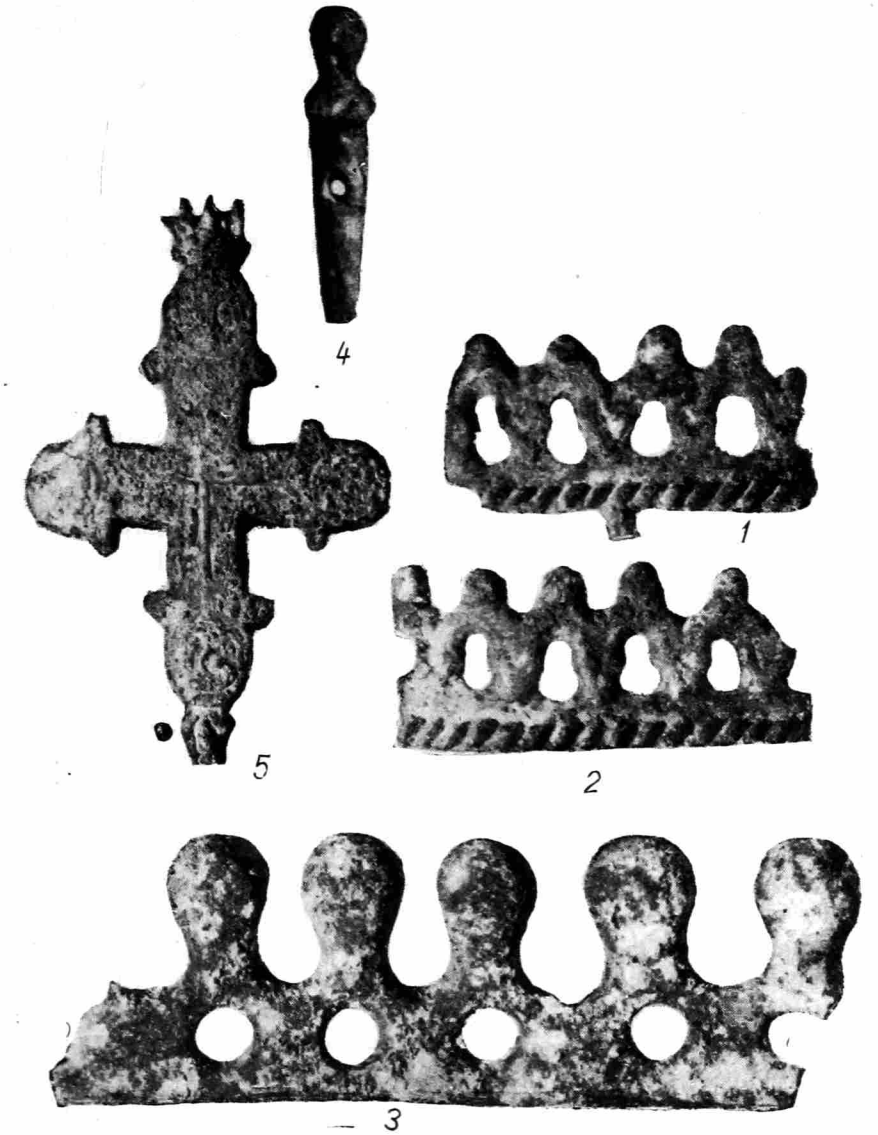


Рис. 10. Вещевые находки.

1—3 — обломки бронзового хороса; *4* — бронзовый амулет; *5* — энколпион.

Мозаика представляет собою орнаментальный рисунок в виде полос, состоящих из треугольных и отчасти квадратных смальт желтого, зеленого и черного цветов. Мозаичный набор и отпечатки смальт в растворе прослежены на площади 60×19 см. По обе стороны от него сохранились отпечатки шиферных плит. Большая часть смальт утрачена; сохранились лишь отпечатки их в растворе. Только на небольшом участке (10×12 см) сохранился полностью мозаичный набор (рис. 9). Смальты, собранные в процессе раскопок в огромном количестве, в основном четырех цветов — желтого, зеленого, вишневого и черного. Желтые смальты имеют различ-

ные оттенки — от лимонного до почти оранжевого. Зеленые смальты в основном имеют один оттенок (изумрудная зелень), но встречались светлее и темнее. Смальты вишневого цвета все одного тона, напоминая красный кварцит. Черные смальты имеют весьма различные оттенки — темно-коричневый, темносиний, темнозеленый. Размеры и формы смальт весьма различны. Толщина смальт колеблется от 5 до 12 мм.

Кроме мозаичных наборов для убранства пола в переяславском храме применялись и керамические плитки. Плитки, найденные в значительном количестве на различных участках раскопа, по характеру глины распадались на три группы: оранжево-желтые, желтые и белые. Верхняя плоскость их гладко затерта. В небольшом количестве попадались плитки, покрытые поливой (зеленой).

Площадь, вскрытая раскопками 1949 г., в основном занята фундаментами постройки и развалом ее наземных частей. Поэтому ожидать многочисленных вещевых находок бытового характера, относящихся к домонгольскому периоду, не приходилось. Однако наряду с многочисленными и разнообразными находками различных строительных материалов, позволивших уточнить многие вопросы строительной техники и декоративного убранства здания (обломки кирпичей, голосников, свинцовой кровли, древнего оконного стекла, фрагменты фресок, мозаичные смальты, шиферные плиты, поливные плитки и др.), в процессе раскопок были сделаны и некоторые находки, непосредственно с постройкой не связанные. В слое, перекрывающем руины постройки, помимо многочисленных остатков украинской поливной посуды и изразцов XVII—XVIII вв., были обнаружены и фрагменты различных керамических изделий домонгольского периода, в том числе: донца сосудов с клеймами, обломки стеклянных браслетов, железное втульчатое копье, шиферное пряслице, бронзовый амулетик в виде миниатюрного кинжальчика широко распространенного типа (рис. 10, *4*), бронзовый крест-энколпион (рис. 10, *5*). Обломки большого бронзового хороса (рис. 10, *1—3*), вероятно находившегося в древности в самом храме, могут быть отнесены к числу находок, характеризующих внутреннее убранство богатейшего храма Переяславля.

Руины древнейшего Переяславского храма Михаила вскрыты раскопками 1949 г. столь неполно, что попытку реконструировать первоначальный облик храма пока еще приходится считать преждевременной. Однако проведенные раскопки, при всей их незавершенности, все же позволяют высказать некоторые предварительные соображения.

Едва ли могут возникнуть сомнения по вопросу о типе здания, к которому необходимо отнести вновь открытый памятник древнерусского зодчества. Переяславская церковь Михаила представляет собою несомненно трехнефный шестистолпный храм широко распространенного в конце XI в. типа. Среди построек, воздвигнутых по инициативе сыновей и внуков Ярослава в Киеве, здания подобного типа достаточно хорошо известны. В решении плана здания, поскольку о нем можно судить по раскопанным частям постройки, должны быть отмечены две особенности: отсутствие продольных и поперечных ленточных фундаментов, за исключением фундамента, отделяющего западный притвор храма, и наличие притвора у северной стены, расположенного почти против центральных подкупольных столбов, но с некоторым сдвигом к востоку.

Однако, судя по тому, что остатки древней известковой подмазки под пол были обнаружены на двух участках, расположенных к северу от северной и к западу от западной стен северного притвора, т. е. вне его (рис. 6), приходится предположить наличие сложного комплекса древних пристроек, примыкавших некогда к основному массиву храма. Невольно встает в памяти летописное известие, приводившееся выше,

о том, что митрополит Ефрем «пристрои ю [церковь] великою пристроею» (Лавр. лет.) или, если пользоваться текстом Ипатьевской летописи: «и пристрою в ней велику створи».

Храм не только по своим масштабам, но и по роскоши своего внутреннего убранства мог конкурировать с наиболее пышно декорированными храмами Киевской Руси накануне ее распада. Обнаружение руин храма Михаила, наряду с неотложной задачей завершения раскопок этого памятника, ставит и более широкую, увлекательную задачу раскрытия всего замечательного архитектурного комплекса конца XI в., столь ярко охарактеризованного древним переяславским летописцем.

Г. Ф. КОРЗУХИНА

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША ИЗ КИЕВА С НАДПИСЯМИ XII в.

Судьба киевских кладов после их находки полна необычайных, иногда трагических случайностей и у каждого из них своеобразна. Лишь немногие спокойно достигали хранилищ, но сохранность их и там не всегда была гарантирована. Некоторые клады прошли через многие руки и только после длительных скитаний попали в музеи. Этот длинный путь не всегда проходил для них бесследно, он часто отражался на их целостности.

Нередко все усилия Археологической комиссии сохранить клад разбивались о непреоборимые препятствия. Так, буквально на глазах Археологической комиссии погиб богатейший клад, состоявший в основном из золотых с эмалью украшений, найденный в 1906 г. в Киеве на Трехсвятительской улице. Через перекупщиков и агентов он попал в конце-концов к крупному торговцу древностями М. Золотницкому, был тайно вывезен во Франкфурт на Майне, а затем перевезен в Англию и продан по частям в Кенсингтонский музей и Пирпонту Моргану.[1] Так погибло для науки много кладов. К этому надо добавить, что в коллекциях частных владельцев, так же как и в музеях с плохо организованным хранением, клады депаспортизовались, и в настоящее время стоит большого труда вновь восстановить их первоначальный состав. Депаспортизации кладов во многом способствовала пагубная традиция делить клады на части между различными отделами музеев. Как правило, отделялась нумизматическая часть. Вещевая часть также иногда дробилась по признаку материала (драгоценные металлы, керамика, железные вещи). Явно привозные вещи — восточные, западные — попадали в соответствующие отделы. В результате такого дробления вещи перепутывались, депаспортизовались, теряли свою связь с кладом и переставали существовать как комплекс.

На один из многих подобных случаев я и хочу обратить внимание в настоящей статье.

В 1876 г. в Киеве было найдено два клада, один 18 марта, в усадьбе Лескова, и, меньше чем через месяц, 13 апреля, другой, в усадьбе Юлиана Чайковского на Рейтарской улице. Находка двух кладов на протяжении одного месяца привела к тому, что при распродаже их в розницу состав обоих кладов был перепутан в первые же годы после их обнаружения.[2]

---

[1] Архив ИИМК, ф. № 1, д. № 116 за 1906 г.

[2] В 1882 г. А. В. Звенигородский через Я. В. Тарновского купил один золотой с эмалью колт, проданный ему как колт из клада Чайковского; на самом деле этот колт происходил из клада Лескова. См.: Н. П. Кондаков. История и памятники византийской эмали. Собрание А. В. Звенигородского, СПб., 1892, стр. III. — Он же. Русские клады. СПб., 1896, стр. 113. — Архив ИИМК, ф. № 1, д. № 10

В состав клада Чайковского, как это видно из описи, составленной через несколько дней после его находки (до 28 апреля 1876 г.),[1] входили следующие вещи:

«1. Серебряная чашка в виде глубокой тарелки на серебряном же пьедестале с латинскою вокруг надписью и выбитыми внутри и на краях пьедестала украшениями и оставшимися на них позолотами (рис. 1—3).

«2. Такая же чашка меньшего формата с оторванным пьедесталом, на котором верхняя и нижняя часть в позолоте (рис. 4 и 5).

«3. 4 браслета вязаных серебряных (рис. 6 *а-г*).

«4. 7 серебряных серег большого размера с тремя на каждой бобончиками (рис. 6 *д*).

Рис. 1. Первая серебряная чаша из Киевского клада 1876 г. с усадьбы Ю. Чайковского.

«5. 4 серьги серебряных, ажурной работы (рис. 6 *е*).

«6. 2 серьги круглые большие, серебряные, работы ажурной, в кругу которых в виде медальона изображены орлы на обеих сторонах (рис. 7).

«7. 2 серебряных кольца, из коих одно разломанное.

«8. 3 серьги золотые большие, с тремя на каждой шарпками в виде клубники.

«9. 5 больших золотых серег ажурной работы, на каждой по три шарика с остатком жемчужин.

«10. Одна большая серьга золотая, с тремя шариками в виде бобончиков с переплетом.

«11. Две серьги золотые малого размера.

«12. Две серьги золотые дутые, обложенные кругом ободком в виде шариков.

за 1876 г., л. 15 (опись клада Лескова). — В 1883 г. А. В. Звенигородский купил часть клада Чайковского; впоследствии клад был продан им в музей Штиглица и в инвентаре музея он фигурирует как клад Лескова. В составе клада Лескова Н. П. Кондаков ошибочно упоминает серебряные колты с ажурной каймой, которые в действительности были найдены в кладе Чайковского: Н. П. Кондаков. Русские клады, стр. 114. — Архив ИИМК, ф. № 1, д. № 10 за 1876 г., л. 15 (опись клада Лескова).

[1] Архив ИИМК, ф. № 1, д. № 10 за 1876 г., лл. 31—33.

«13. Шесть золотых тонких ободков величиною более колец, не спаянные.

«14. Кусок серебра длиною в вершок и шириною в 1/2 вершка, обломок какой-то вещи.

«15. Коронка резная на круглом ободке, позолоченная, длиною 3 и шириною 1/6 вершка.

«16. 2 части разломанного серебряного кольца и 14 маленьких кусочков, отпавших от прописанных вещей, в числе которых одна жемчужина (всего 17 вещей).

«17. 3 серьги золотые с тремя на каждой шариками в виде земляники».

Таким образом, клад Чайковского состоял из двух серебряных чаш, двух золотых и двух серебряных колтов, четырех серебряных браслетов, двух «колец», 25 серег киевского типа (11 серебряных и 14 золотых) и серебряного лома.

В вышедшей вскоре после находки клада работе В. Б. Антоновича [1] говорилось, что все вещи были найдены уложенными в большую чашу, и приводилась латинская надпись на ней. Надпись он знал только по рисунку, предоставленному ему архитектором Николаевым. Повидимому, зарисована она была неточно, и от В. Б. Антоновича неправильно прочитанная надпись перешла в «Русские клады» Н. П. Кондакова.[2] В отчете Археологической комиссии о находке клада сказано буквально два слова.[3]

Из дела Археологической комиссии видно, что клад в 1876 г. был прислан в Археологическую комиссию, что Ю. Чайковский не прочь был продать его Комиссии, но вследствие каких-то неясных причин 31 мая 1876 г. клад был отослан обратно из Петербурга в Киев.

Спустя семь лет, в 1883 г., часть клада купил у Чайковского А. В. Звенигородский (по описи №№ 1—7). Это были серебряные вещи: две чаши, четыре браслета, два колта, одиннадцать сережек и два кольца. Золотые же вещи — 14 трехбусинных серег, два колта, а также серебряный и золотой лом были Чайковским сплавлены и переделаны им на какие-то украшения для своей семьи.[4]

Повидимому, довольно скоро после покупки А. В. Звенигородский продал клад в музей Штиглица (до 1895 г.). Здесь вещи клада были разъединены — украшения попали в одно место, а чаши в другое.[5] Украшения считались тогда происходящими из клада Чайковского, а чаши — из клада Лескова.

Счастливая случайность натолкнула меня на след работы Я. И. Смирнова над какой-то серебряной чашей, связанной с Киевом. Благодаря помощи и исключительному вниманию заведующей Фотоархивом ИИМК Т. М. Девель, указавшей мне негативы безымянной чаши и материалы, связанные с ней, в личном архиве Я. И. Смирнова удалось найти сначала снимки одной из чаш, оказавшейся чашей из клада Чайковского, а затем, пользуясь фотографией, найти и самую чашу в Отделе истории западноевропейского искусства Государственного Эрмитажа.

[1] В. Б. Антонович. Археологические находки и раскопки в Киеве и в Киевской губ. в 1876 году. ЧИОНЛ, кн. I, Киев, 1879, стр. 254. — Он же. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 38. — Состав клада указан не точно.

[2] Н. П. Кондаков. Русские клады, стр. 116—117. — Надпись была прочитана так: «+Esto memor+qui reficis ven. ere oro pauperis». Состав клада указан Н. П. Кондаковым по описи в деле № 10 Археологической комиссии за 1876 г., но вещи перечислены не полностью. Изображений вещей клада также не дано.

[3] ОАК за 1876 г., СПб., 1879, стр. XXXIX.

[4] Архив ИИМК, д. № 10 за 1876 г., лл. 39—40, приписки на копии описи клада 1876 г., сделанные в 1885 г.

[5] Об этом можно судить по инв. номерам коллекции Штиглица: чаши имели №№ 178, 179, а украшения №№ 255—269.

Время и труд, потраченные на поиски чаш, были полностью вознаграждены, так как интерес, который представляют они, а в особенности одна из них, превзошел все ожидания.[1]

Бо́льшая из двух чаш (рис. 1) представляет собою серебряную неглубокую гладкую чашку в форме полусферы (диам. 0.195, выс. 0.093 м) на невысокой широкой ребристой ножке. Эта приземистая ребристая ножка не совсем гармонирует с простой, совершенно гладкой чашкой.

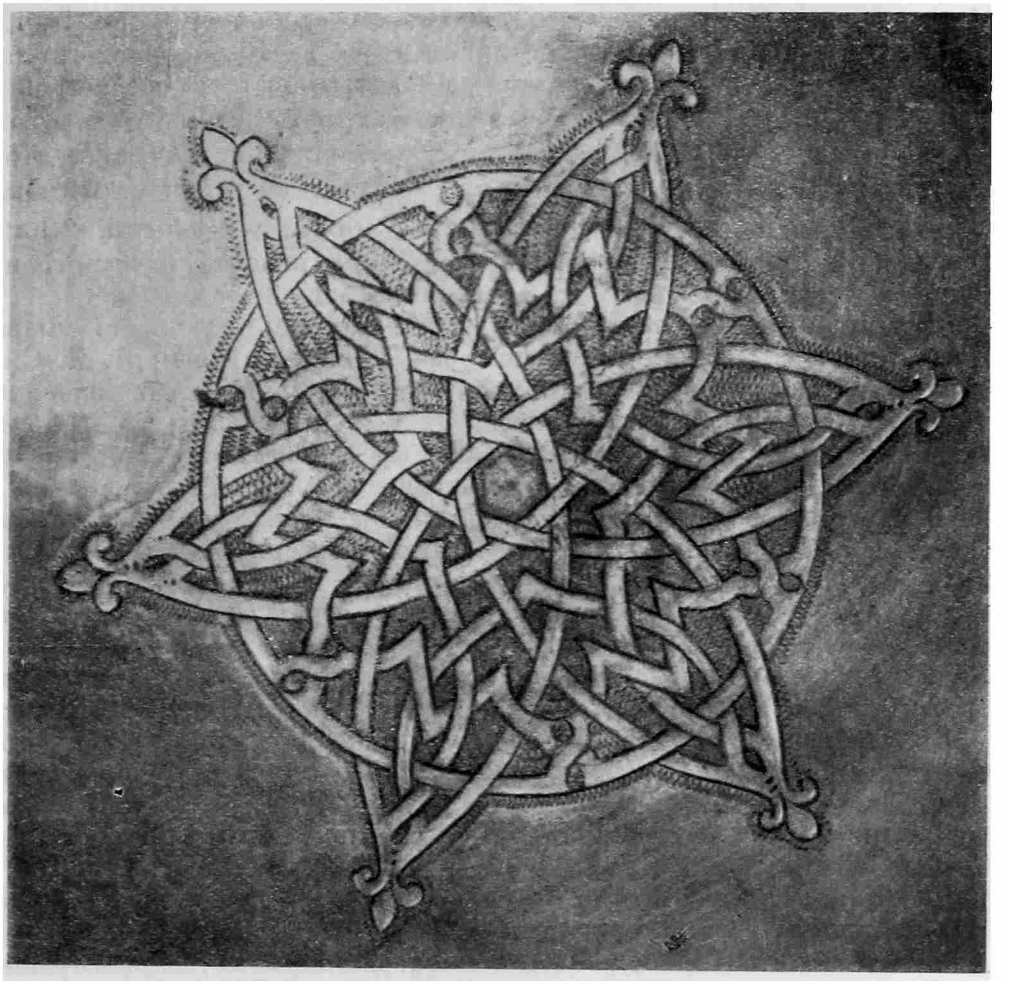


Рис. 2. Первая чаша из Киевского клада 1876 г. с усадьбы Ю. Чайковского. Орнаментация внутренней поверхности дна чаши.

Как чашка, так и ее подставка орнаментированы гравировкой. По наружному краю чаши, между двумя линиями, помещена латинская надпись: + qui reficis. ventrem pauperis. esto. memor [+], т. е. «подкрепляющий чрево, помни о бедняке».[2] Под нижней линией, оконтуривающей надпись, сделана бахромка в виде мелких зубчиков («передвижкой»). Внутри чаши, на ее дне, выгравирована большая плетеная заставка в виде круга, пересеченного шестиконечной звездой (рис. 2). Внешние контуры ее также окаймлены зубчиками. Такими же зубчиками («передвижка») заполнен фон между лентами плетения. Плетение состоит из лент, изги-

[1] Приношу глубокую благодарность за розыски чаши научным сотрудникам Эрмитажа А. В. Банк, Л. Т. Гюзальяну и А. П. Султан-Шах.

[2] Пользуюсь переводом ст. научн. сотрудника ИИМК Е. Ч. Скржинской.

бающихся не плавно и округло, а ломающихся под острыми углами. Все шесть лучей звезды увенчаны трехлистниками.

На нижней части каждой из двенадцати граней ножки помещается стилизованный арабский цветок — многолепестковое растение с острыми листьями. Все они разного в деталях рисунка. Внешние контуры их, а также линия почвы окаймлены теми же зубчиками. Все орнаментированные части чаши и ножки, а также надпись и поясок на месте соединения чаши с ножкой — позолочены.

Основной интерес заключается, однако, не столько в чаше, сколько в надписях, вырезанных тонким острием на ее дне с внешней стороны, между стенками ее ребристой ножки. На дне чаши имеются два слова, не связанных между собой. Одно из них **кънажа**, зачеркнутое множеством процарапанных линий, и над ним более глубоко вырезаное второе слово **спасова** (в две строки); рядом с последним словом поставлен значок типа рюриковичского трезубца, а ниже, под словом **кънажа**, второй значок, еще более глубоко врезанный, в виде незамкнутого прямоугольника, перечеркнутого по диагонали (рис. 3).

Вполне понятно, что чаша с подобной русской надписью вызвала у Я. И. Смирнова живейший к себе интерес. 26 апреля 1915 г. Я. И. Смирнов сделал о ней доклад в Отделении русской и славянской археологии Русского археологического общества. Он был озаглавлен: «Серебряная чаша киевского князя». К сожалению, протоколы Отделения изданы только до 1912 г. включительно, и найти в них след об этом докладе не удалось. Но в личном архиве Я. И. Смирнова [1] сохранились материалы к докладу — вступление (на 1½ страницах в четверку бумажного листа) и выписки и заметки, аккуратно разложенные по обложкам со следующими надписями, сделанными рукой Я. И. Смирнова: «находка и литература», «надпись латинская: чтение и литература», «орнаментация сосуда», «назначение сосуда» и «надпись русская» (всего 39 листов в четверку и осьмушку). Кроме того, в деле имеются карандашные перетирки с надписей и всех орнаментированных частей чаши, а также фотографии, сделанные, очевидно, по его заказу. С русской надписи сделана чудесная макрофотография, увеличивающая ее, примерно, в два раза. В деле имеется также три неаннотированных фотографии каких-то сосудов, определить которые не удалось.

Имеющиеся в деле выписки, заметки и фотографии только отчасти дают возможность восстановить ход мыслей Я. И. Смирнова в отношении большой чаши. Вторая, меньшая чаша, повидимому, его совершенно не интересовала, и в его выписках она никак не отражена.

Крайне увлеченный чашей с надписями, Я. И. Смирнов называл ее «новым даром мне фортуны» (л. 1) и удивлялся, что до сих пор она осталась неизвестной. «Серебряная чаша, которая. стоит перед Вами, — пишет Я. И. Смирнов, — была давно, с самого времени ее находки (в 1876 г. в Киеве), известна нашим археологам, была даже ими раза три описана в печати, но не удостоилась почему-то доселе издания; не понято, повидимому, было ее первоначальное назначение и совершенно просмотрены были те надписи, которые дают некоторые указания на ее былую историю. На сей раз, следовательно, речь будет идти уже не о находке, а лишь о досмотре просмотренного». Далее Я. И. Смирнов замечает, что никто не занимается разработкой вопросов о культурных связях домонгольской Руси с Западом и что «археологический, лежащий по большей части втуне материал мог бы пополнить те довольно-таки скудные исторические данные о сношениях этих, которые были отчасти

[1] Архив ИИМК, ф. № 11, д. № 96.

разработаны Вас. Григ. Васильевским в его исследовании о торговых сношениях Руси с Регенсбургом» (л. 1—1 об.).

На этом текст, написанный для доклада, кончается, и все остальное можно пытаться восстановить только по отрывочным выпискам и заметкам, которые лишь иногда приобретают вид более или менее связно изложенных мыслей. Использовав архив Археологической комиссии и лите-

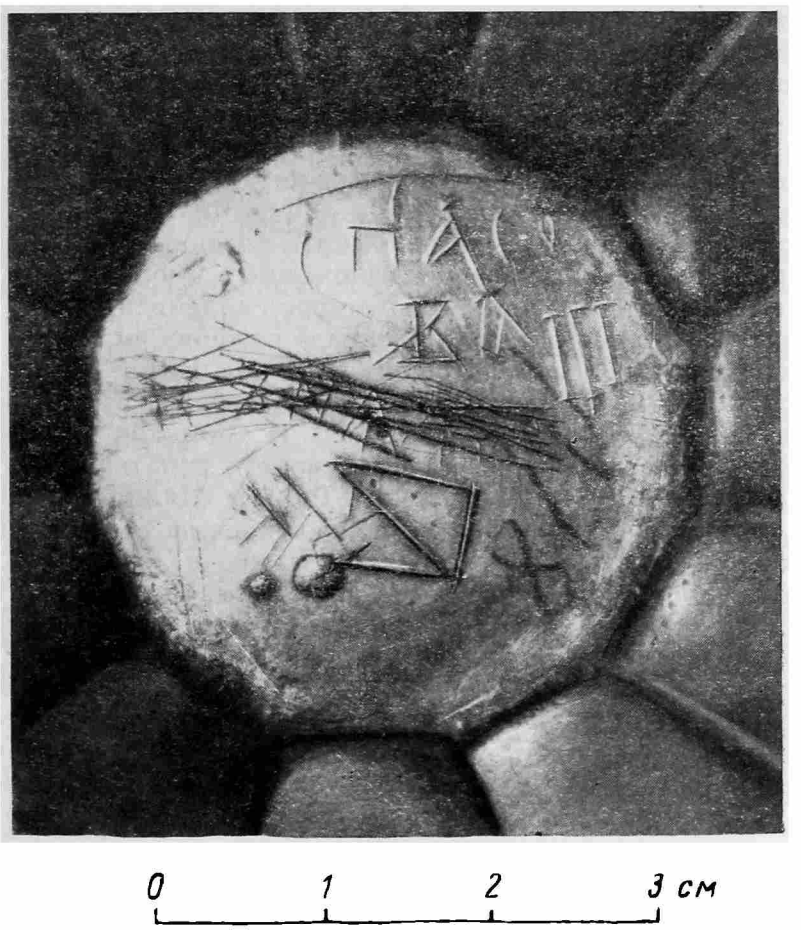


Рис. 3. Первая чаша из Киевского клада 1876 г. с усадьбы Ю. Чайковского. Надписи на наружной поверхности дна чаши.

ратуру о кладе (ОАК за 1876 г., Кондаков, Антонович), Я. И. Смирнов обращается к датировке латинской надписи; в выписках фигурируют даты — XI, XII и XIII вв., но его собственная точка зрения на дату надписи не улавливается (лл. 24—25).

Многочисленные выписки, связанные с назначением чаши (лл. 36—43), указывают на то, что этот вопрос чрезвычайно интересовал Я. И. Смирнова. Судя по собранным выпискам из французских и немецких работ, можно предполагать, что на основании текста латинской надписи Я. И. Смирнов считал чашу предназначенной для раздачи милостыни. Среди выписок фигурирует надпись на свинцовой солонке из музея Клюни: cum sis in mensa, primo de paupere pensa; cum pascis eum pascis amice deum, т. е. «когда сидишь за столом, прежде всего думай

о бедняке; когда пасешь его, пасешь, о друг, (самого) бога».[1] Надпись эта, повидимому, заинтересовала Я. И. Смирнова сходством своего содержания с надписью на киевской чаше.

Серия выписок из иностранной литературы об обычае раздавать бедным милостыню завершается ссылкой на наши летописи. «С особой яркостью, — пишет Я. И. Смирнов, — эта обязанность князя не забывать, пируя, о бедных, выразилась в летописном сказании о Владимире. Лаврентьевская и Ипатьевская летописи 6504 (996)» (л. 43). Под этим годом в летописях рассказывается, как Владимир «устави на дворе в гридьнице пир творити», «повеле пристроити кола», на которых развозили хлеб, мясо, напитки для немощных и больных, которые не могли «долезти» его двора. К вопросам, связанным с назначением чаши, я вернусь несколько позже.

Не меньше, чем назначение чаши, интересовал Я. И. Смирнова и вопрос о ее происхождении (лл. 27—32), которое он старался установить на основании ее орнаментации. Листы, посвященные этому вопросу, имеют характер довольно связно изложенных соображений, носящих полемический характер. В них Я. И. Смирнов полемизирует с Г. И. Котовым, который, повидимому, еще до доклада сообщил ему свою точку зрения на происхождение чаши. Повидимому, Г. И. Котов считал, что чаша сделана в Италии и орнамент ее исполнен в стиле сарацинских плетений. «Мы полагали бы, однако, — пишет Я. И. Смирнов, — не обращаться к сарацинам без особой и очевидной нужды и искать источников этих плетений в плетениях Карловингских и Рима и Италии» (л. 29). «Кругообразные, составленные плетениями полосы орнамента можно найти и на почве Западной Европы» (л. 31). «Отрицать предполагаемое Г. И. Котовым итальянское происхождение сосуда мы, по правде говоря, — не можем, но лишь не зная ни аналогичных несомненно итальянской работы вещей, но не зная и иных, ближайших к сосуду» (л. 32) (повидимому, подразумевается «аналогий»). Как видно из приведенных записей Я. И. Смирнова, он не пришел к определенному выводу относительно происхождения чаши. Из остальных заметок его видно, что он считал возможным установить лишь то, что орнамент чаши, как плетенка, так и листья на ножке, принадлежит «романской эпохе», но ни одной более или менее близкой аналогии чаше он найти не смог.

Правда, существует один документ, из которого как будто следует, что Я. И. Смирнов в конце-концов убедился в южноитальянском происхождении чаши. Это акт на передачу чаш из музея Штиглица в Эрмитаж, составленный Э. К. Кверфельдом 24 октября 1924 г. В специально сделанном Э. К. Кверфельдом примечании к акту говорится: «По докладу Я. И. Смирнова в Археологическом обществе 26 мая [2] 1915 г. эта чаша найдена в 1876 г. в Киеве (Рейтарская ул.) в усадьбе Чайковского, относится к XII или XIII ст. и южноитальянской работы».[3] Примечание это сделано Э. К. Кверфельдом, повидимому, по памяти и к нему следует относиться с осторожностью. Возможно, что в результате прений по докладу, Я. И. Смирнов в конце-концов и согласился с мнением Г. И. Котова относительно южноитальянского происхожде-

---

[1] Пользуюсь переводом Е. Ч. Скржинской. Надпись на солонке Я. И. Смирнов цитирует по: Viollet-le-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français. . , т. II. Париж, 1874, стр. 150. — A. Schultz. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger, т. I. 2-е изд., Лейпциг, 1889, стр. 375.

[2] Месяц указан ошибочно: доклад был сделан 26 апреля 1915 г., см. л. 1 дела № 96 фонда № 11.

[3] Дело актов приемки за 1924 г., хранящееся в Отделе культуры и искусства Востока.

ния чаши. С другой стороны, фигурирующая в акте дата, XII—XIII вв., должна, повидимому, рассматриваться только как самое общее определение эпохи, к которой относится чаша, данное Э. К. Кверфельдом по памяти, но не прямая датировка чаши, данная Я. И. Смирновым. На это имеются некоторые указания в группе заметок, связанных с русской надписью. Судя по этим заметкам, видно, что Я. И. Смирнов старался датировать русскую надпись на основании транскрипции слова **кънажа** через **ъ** и два **а**. Им выписано несколько транскрипций слова «князь» в различных падежах из Остромирова и Мстиславова евангелий и из жития Феодосия Печерского в рукописи XII в. Московского Успенского собора. Никаких заключений о дате русской надписи в заметках не имеется.

На л. 18—18 об. сгруппирован ряд выписок из Печерского патерика: о кладе латинских сосудов, скрытом в Варяжской пещере, и ответы Феодосия Печерского на вопросы в. кн. Изяслава о латинах. Перечисленные памятники указывают на то, что Я. И. Смирнов искал параллели для русской надписи среди ранних памятников XI и XII вв., а не в XIII в. Отсюда следует, что и время самой чаши отодвигается уже во всяком случае в XI—XII вв. и вставленная в акт дата XII—XIII вв. является только самым общим определением эпохи, но не датой чаши.

Так выглядят материалы к докладу о чаше, сохранившиеся в архиве Я. И. Смирнова. Трудно сказать, ограничился ли он тем, что так или иначе отразилось в сохранившихся выписках и заметках, или доклад его содержал что-либо еще, от чего в деле не имеется следов. Судя по имеющимся материалам, Я. И. Смирнова почти совсем не интересовала вторая чаша этого же клада, а также все остальные вещи, найденные совместно с ней. Я. И. Смирнова интересовали в первую очередь вопросы, связанные с происхождением, датировкой и назначением чаши на ее родине, и в меньшей степени вопрос о времени и причинах ее появления на Руси. Меня же интересует прежде всего вопрос о времени и причинах появления чаши в Киеве, где, наполненная русскими колтами и сережками, она и была зарыта в землю. Таким образом через 35 лет после вторичной находки чаши я хочу продолжить работу, начатую в 1915 г. Я. И. Смирновым.

Как уже было сказано, в материалах Я. И. Смирнова нет достаточно ясных указаний на время и место изготовления чаши, поэтому этот существенный момент потребовал некоторой доработки. Вопрос о назначении чаши не так важен для нас, так как, попав в Киев, она могла найти себе совсем не то применение, для которого она была предназначена на Западе. Однако время и место изготовления чаши имеют существенное значение. Подробное и обстоятельное заключение о латинской надписи чаши любезно согласилась дать старший научный сотрудник Института истории материальной культуры Академии Наук СССР Е. Ч. Скржинская.

«Латинская надпись из шести слов расположена по краю неглубокой гладкой серебряной чаши и создает впечатление орнаментации края сосуда в виде охватывающего его борт пояса. Начало надписи отмечено крестом; слова, кроме одного случая, отделены точками. Буквы размещены между двумя неглубокими гравированными линиями, нигде не выходят за пределы ограничивающих их линий, и на первый взгляд письмо представляется капитальным. Таково оно и есть на самом деле, т. е. форма всех 14 употребленных здесь букв (a, c, e, f, i, m, n, o, p, q, r, s, t, v) — капитальная. Однако, в это капитальное письмо врываются три унциальные формы: буквы «e» — **Є** (трижды: v*e*ntrem, paup*e*ris, m*e*mor), «m» — **ᗰ** (ventr*e*m), «t» — **ᘓ** (ven*t*rem). Наряду с унциальной формой, для

тех же трех букв (e, m, t) резчик тут же применил и капитальную (reficis, *e*sto, *mem*or, es*t*o). Таким образом, шрифт этой надписи следует называть капитальным с кое-где встречающимися унциальными формами некоторых букв.

«Относительно времени этой надписи по одному шрифту высказаться с определенностью нельзя. Применение как капитального, так особенно унциального эпиграфического письма растягивается в средние века на ряд столетий (до XV в. включительно). При этом средневековое эпиграфическое письмо не изучено, и не прослежена разница между резьбой букв на каменных плитах и на предметах из металла. В виде общего положения можно сказать следующее: унциал латинских кодексов (т. е. книжное унциальное письмо) процветает в IV—VI вв., продолжается до VIII в., а в заголовках живет и значительно позднее. Ввиду того, что унциальная форма буквы *m* (с закрытием левой части и змеевидным изгибом правой) является позднейшим развитием того, что выработал и долго хранил классический унциал ⲘⲘ, можно отнести надпись — саму по себе невыразительную хронологически — к концу XI — началу XIII в.

«Относительно места, где могла быть сделана надпись, по ее шрифту сказать ничего нельзя. Хронологическое и локальное определение должно быть выведено из рассмотрения вещи в целом и в свете ее связей».

О времени и месте происхождения чаши дала свое заключение старший научный сотрудник Отдела истории западноевропейского искусства Государственного Эрмитажа Э. А. Лапковская. Э. А. Лапковская считает возможным датировать чашу XII в. в целом, не уточняя ее датировки в пределах этого века. При этом она, как и Я. И. Смирнов, отмечает, что ни одной аналогичной чаши ей не извество и что основаниями для датировки могут служить как общий характер предмета, так и отдельные элементы орнамента, в частности, орнамент ножки — так называемый «арабский цветок», широко распространенный в западноевропейской торевтике XII в. По мнению Э. А. Лапковской, своим происхождением чаша, скорее всего, может быть связана с южной Италией. Основным доводом для отнесения чаши к южноитальянским изделиям являются некоторые особенности в характере плетенки на дне чаши. В то время как обычно лента, образующая плетеные узоры, изгибается совершенно плавно, без каких-либо углов, плетеный узор на дне чаши состоит из лент, ломающихся под острыми углами, придающими узору некоторую сухость и резкость так называемых «арабесок», известных в это время в чрезвычайно сложном по своему составу искусстве южной Италии. Мнение Э. А. Лапковской о южноитальянском происхождении чаши, стоящее вне зависимости от ранее высказанного аналогичного заключения Г. И. Котова и, может быть, Я. И. Смирнова, делают южноитальянское происхождение чаши из клада Чайковского довольно вероятным. Ознакомление с западноевропейской торевтикой и другими памятниками XI—XIII вв. как Западной Европы в целом, так и специально южноитальянскими, убедило меня в том, что, действительно, найти близкие аналоги чаше из Киевского клада довольно трудно.

На основании заключений, высказанных в разное время рядом специалистов, я полагаю возможным считать первую чашу южноитальянской по происхождению и датировать ее концом XI—первой половиной XII в.

Еще менее выразительной в смысле происхождения и даты оказалась вторая чаша из клада Чайковского (рис. 4 и 5; диам. 0.155 м, выс. 0.108 м). В отношении ее можно с определенностью сказать только то, что она безусловно не русская. Она представляет, несомненно, меньший интерес, нежели первая, так как на ней нет русских надписей,

она проще, грубее по орнаменту и сделана из очень низкопробного серебра.

Покончив на этом с вопросом о месте и времени создания чаш, обратимся к выяснению дальнейшей судьбы первой чаши, которая привела ее в конце-концов в Киевскую Русь, в древний Киев.

Как указано выше, на дне первой чаши вырезано два слова: **кънажа** и **спасова**. Первое слово зачеркнуто. Очевидно чаша сначала

Рис. 4. Вторая серебряная чаша из Киевского клада 1876 г. с усадьбы Ю. Чайковского.

принадлежала какому-то князю и хранилась в его княжеской казне, позднее же по какой-то причине она попала в ризницу церкви Спаса, где первое слово — **кънажа** — было зачеркнуто, нацарапано второе слово — **спасова** и поставлен трезубый значок, похожий на римскую цифру III. Определить его принадлежность какому-либо князю не удается. По своему характеру он близок довольно позднему (рубеж XII и XIII вв.) значку на иконе Дмитрия Солунского в Государственной Третьяковской галлерее, который связывают с князем Всеволодом Большое Гнездо. Этот значок похож на римскую цифру II.

По палеографическим данным, обе надписи на чаше безусловно могли быть сделаны в XII в.

Прежде чем заняться выяснением, кому из разветвленного княжеского рода Рюриковичей могла принадлежать чаша, попытаемся выяснить, в какую церковь, посвященную Спасу, она могла попасть из княжеской казны. Так как чаша найдена в Киеве, то естественно прежде всего обратиться к церквам и монастырям самого Киева.

Среди церквей и монастырей Киева, названия которых известны по летописи, церквей, связанных с именем Христа, известно только две: церковь Воскресения и монастырская церковь Спаса на Берестове. Церковь Воскресения ни в летописи, ни вообще никогда не называется Спаса-Воскресения, также как нет церквей Спаса-Вознесения или Спаса-Сретения и т. п. Такие церкви называют обычно просто церковью Воскресения или Воскресенской, Сретенской, Входа в Иерусалим, Вознесения и т. д. Исключением являются церкви, посвященные празднику Преображения, которые очень часто называют церквами Спаса-Преображения или просто Спаса. Какому из праздников, связанных с Христом, была посвящена церковь Спаса на Берестове, мы не знаем. В летописях, начиная с XI в. и вплоть до XIII в., она именуется просто церковью или монастырем «святого Спаса», а именно:

под 1072 г. — «Герман игумен святого Спаса»;

под 1138 г. — умерла княгиня Еуфимия Владимировна «положена бысть на Берестовем у святаго Спаса»;

под 1157 г. — умер князь Георгий Владимирович «и положиша и в церкви у Спаса святаго на Берестовем»;

под 1172 г. — князя Глеба «положиша и у святаго Спаса на Берестовем»;

под 1185 г. — игумен «святаго Спаса на Берестовем» Лука;

под 1230 г. — дважды упоминается «игумен Спасский» и игумен «монастыря святаго Спаса Киеве на Берестовем Петр Акерович»;

под 1231 г. — при поставлении Кирилла в епископы Ростова, в церемонии поставления участвовали, кроме Киевского митрополита, «окрестные епископы» и игумены киевских монастырей: Михайло Выдобытьский, Петр Спасьскый, Семен Андреевьскый, Корнил Феодоровьскый, Афанасий Васильевскый и Семен Въскресеньскый.[1]

Из приведенного перечня видно не только, что церковь Спаса на Берестове неизменно именуется просто церковью Спаса, но и что церковь Воскресения не называется церковью Спаса. Поэтому, судя по надписи на чаше, именующей место ее нового хранения церковью или монастырем Спаса, можно предположить, что чаша была в какой-то момент передана в церковь Спаса на Берестове. У нас нет, конечно, гарантии, что в Киеве не существовало второй церкви Спаса, сведений о которой в летописи не сохранилось. Однако одна деталь делает наше предположение довольно вероятным. Известно, что Берестовский монастырь был княжеским монастырем, расположенным по соседству с княжеским двором на Берестове. В этой связи интересен тот трезубец или родовой знак Рюриковичей, который поставлен рядом со словом «Спасова». Человек, зафиксировавший принадлежность чаши церкви или монастырю Спаса, поставил рядом со словом и трезубец в знак принадлежности ее княжескому монастырю.[2]

Перейдем теперь к выяснению владельцев чаши до того, как она попала в ризницу церкви Спаса на Берестове.

В 1097 г. венгерский король Коломан женился на дочери короля Рожера Сицилийского Бузилле. Брак длился недолго. В 1103 или 1104 г. Бузилла умерла, оставив Коломану двух сыновей. Через восемь лет после смерти Бузиллы, в 1112 г., венгерский король Коломан, уже старый и обладавший, по отзывам венгерских летописцев, крайне неприят-

[1] Лавр. лет. под 6580, 6646, 6665, 6680, 6693, 6738 и 6739 гг.

[2] Попутно следует заметить, что мы, повидимому, неправильно поворачиваем княжеские двузубые и трёзубые знаки зубцами вверх. Это может быть установлено по тем вещам со знаками, которые не могут быть обернуты в любую сторону. На чаше знак, написанный рядом со словом, обернут зубцами вниз. То же самое наблюдается

ным характером, решил жениться вторично. Его выбор пал на одну из русских княжен, дочь Владимира Мономаха, Евфимию Владимировну. В Ипатьевской летописи это событие отмечено следующими словами: «того же лета [1112 г.] ведоша Володимерьну Офимью в Угры за короля».

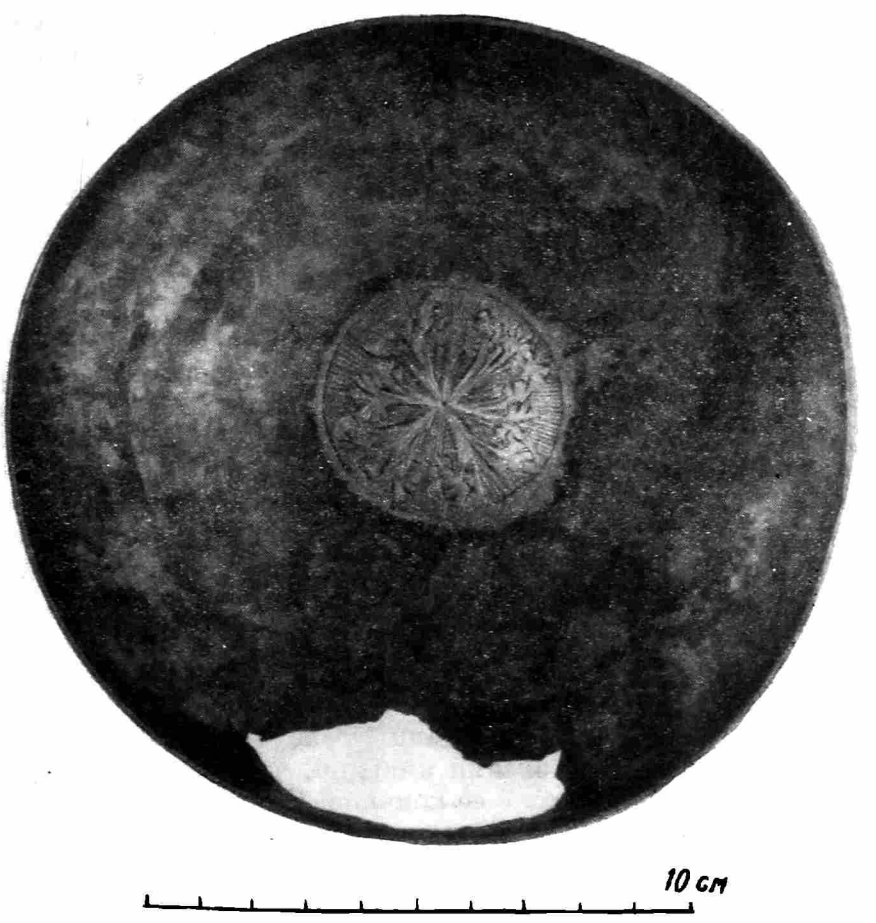


Рис. 5. Вторая чаша из Киевского клада 1876 г. с усадьбы Ю. Чайковского. Орнаментация внутренней поверхности дна чаши.

Через год Коломан заподозрил жену в неверности, и Евфимия вернулась обратно на родину, в Киев, где у нее родился сын Борис. Борис Коломанович первую половину своей жизни провел в Киеве. С 1130-х годов он вел безуспешную борьбу за венгерский престол, пользуясь помощью византийского императора Иоанна Комнина.

со знаком, выложенным из кирпича на пилястре собора XI в., существовавшего на территории Михайло-Златоверхого монастыря в Киеве и известного только по рисункам Вестерфельда (Я. И. Смирнов. Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в. Тр. XIII АС, т. II, М., 1908, табл. VII, 2). Вниз зубцами обернут трезубый значок, вытисненный на бронзовой трапециевидной подвеске из Белгородки (коллекции Киевского исторического музея, инв. № 25566 — с. 21353) и на ряде литых трапециевидных подвесок из Белгородки, Киева (Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, М.—Л., 1940, рис. 33—36) и из коллекции В. Гезе (собр. ГРМ, инв. № 4769). Вниз зубцами обернуты также значки на литейной форме из Саркела, на матрице для колта (колл. ГИМ), на печати с изображением св. Андрея (Рыбаков, ук. соч., рис. 82—88). Но в некоторых случаях знаки обернуты зубцами вверх, например на таких же трапециевидных подвесках из Киева, Рюрикова городища. (Рыбаков, ук. соч., рис. 31—32 и 37 и собр. ГРМ, инв. № 6978).

Несмотря на помощь Византии, Польши и ряда влиятельных лиц Западной Европы, Борису Коломановичу не удалось завладеть венгерским престолом; между 1151 и 1155 гг. он был ранен в одном из очередных походов и умер.[1]

После возвращения в Киев мать его, Евфимия Владимировна, перестала интересовать летописи, и мы о ней ничего не знаем в течение 26 лет. Только через 26 лет русская летопись снова вспоминает о ней, чтобы сообщить о ее смерти. «В лета 6647 [1139] представися Володимерьня Ефимья месяца апреля в 4 день, в понедельник порозное неделе»[2] и «положена бысть на Берестовем у святого Спаса».[3] О судьбе Евфимии Владимировны можно было бы и не вспоминать, если бы не чаша, найденная в 1876 г. в Киеве.

Между чашей и судьбой дочери Мономаха, бывшей венгерской королевы Евфимии, прослеживается слабая, едва уловимая связь. Как указывалось выше, чаша могла быть сделана в южной Италии, входившей тогда в состав Сицилийского королевства. Первая жена венгерского короля Коломана, Бузилла, была дочерью сицилийского короля Рожера, следовательно, она приехала в Венгрию из южной Италии. С ней чаша могла проделать первую половину своего пути, из Италии в Венгрию. Вторую половину пути, из Венгрии до Киева, она могла совершить с Евфимией Владимировной, к которой чаша могла перейти после смерти первой жены Коломана. Привезенная в Киев чаша поступила в княжескую сокровищницу Мономаха, где на ней была сделана пометка «**кънажа**». Дальнейшей расшифровке слово это не поддается. Оно может быть истолковано как «княжеская» (подразумевается «чаша»), и тогда оно может быть понято двояко: чаша князя или чаша княгини. Думаю, однако, что последнее понимание слова **кънажа** будет неправильным. При бесправном положении Евфимии после возвращения на родину, она, повидимому, не имела звания княгини, что видно даже и по летописному тексту, сообщающему о ее кончине. В нем она названа не княгиней, а просто «Володимерьня Ефимья». Наименование ее по отцу, возможно, и должно служить указанием на расшифровку слова «**кънажа**» в смысле «князя», т. е. «чаша князя», чаша, поступившая в казну князя, ее отца, в семью которого она вынуждена была вернуться вновь, не обладая никакими личными правами. Тем не менее, находясь в казне отца, чаша не теряла связи со своей владелицей и, когда Евфимия в 1139 г. умерла и была погребена в церкви Спаса на Берестове, чаша последовала за ней в виде обычного вклада. Здесь на ней и появилась вторая надпись — «**спасока**» — и родовой знак Рюриковичей — трезубец.

История скитаний чаши, однако, на этом не кончилась, хотя дальнейшая судьба ее прослеживается с еще бо́льшим трудом. Из монастырской ризницы чьи-то руки перенесли ее в Киев, на территорию города Ярослава, где она и была, наконец, зарыта и пролежала в земле не менее 600 лет невдалеке от Софийского собора. Трудно сказать, какие обстоятельства сопутствовали выносу ее из монастыря. Это могло случиться, например, в тревожные дни 1169 г., когда впервые в истории Киева войска Андрея Боголюбского «весь Киев пограбиша, и церкви и монастыре, за 3 дня, и иконы поимаша и книгы и ризы».[4] В эти бурные дни, вместе с другим

[1] В. Г. Васильевский. Из истории Византии в XII веке. Союз двух империй (1148—1155 гг.). Славянский сборник, т. II, СПб., 1877, стр. 265—268. — С. П. Розанов. Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. Изв. Акад. Наук СССР, Отд. гуманитарных наук, 1930, № 8, стр. 585—599 и № 9, стр. 649—671.

[2] Ипат. лет. под 6647 (1139) г.

[3] Лавр. лет. под 6646 (1138) г.

[4] Лавр. лет. под 1168 г.

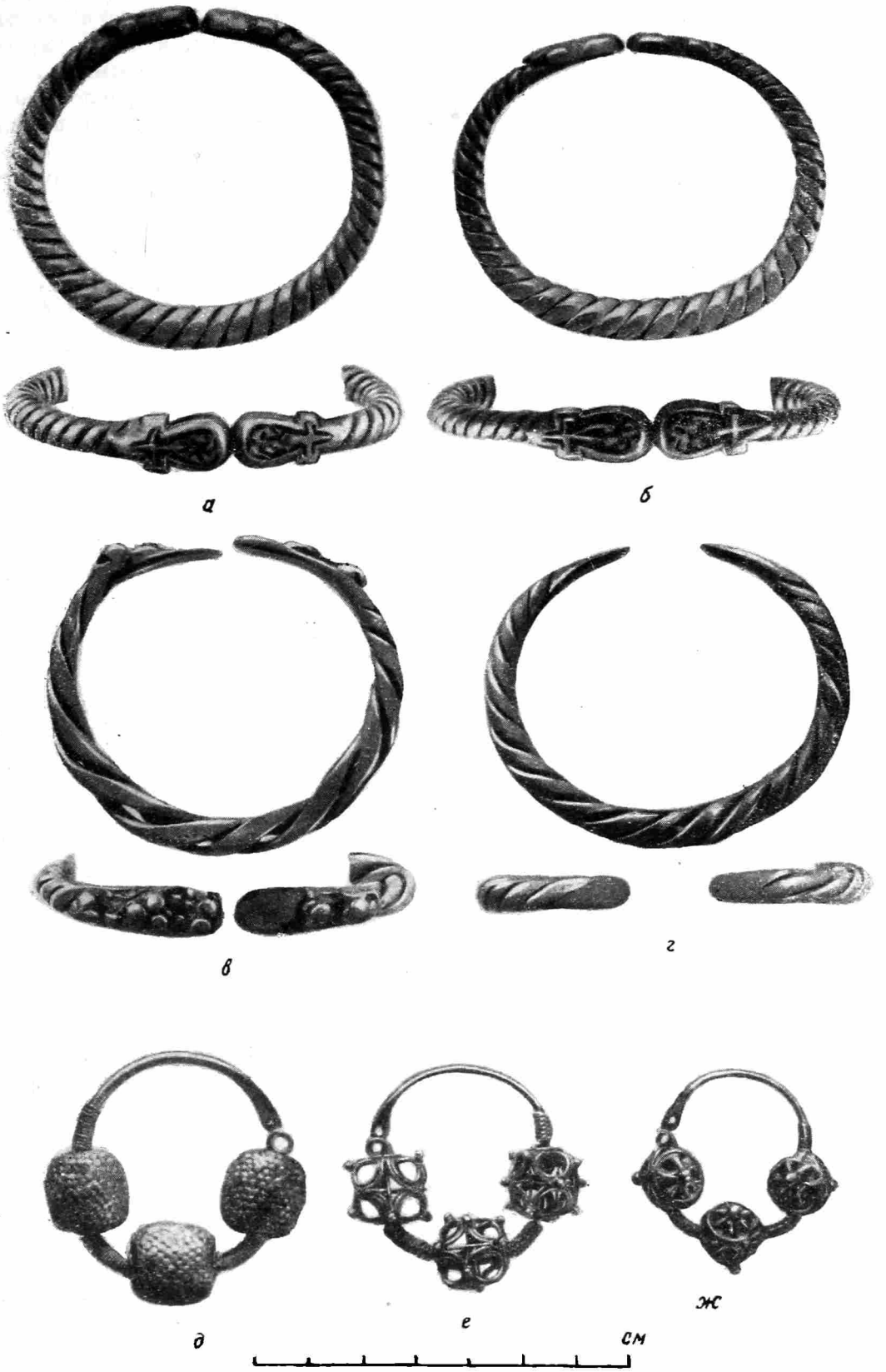


Рис. 6. Серебряные браслеты (*а—г*) и серьги (*д—ж*) из Киевского клада 1876 г. с усадьбы Ю. Чайковского.

имуществом ризниц, из церкви Спаса могла быть вынесена и чаша. Однако это, конечно, не более, чем предположение. Ясно только одно, что в землю чаша попала не непосредственно из ризницы, а была зарыта каким-то светским лицом. Чьи-то руки наполнили ее золотыми и серебряными женскими украшениями — серьгами, колтами и браслетами — и бережно прикрыли второй чашей. Эта вторая чаша, как я говорила выше, мало выразительна, и о ней можно сказать с уверенностью только одно, что она по своему происхождению не русская. Было ли это случайным совпадением, что в одном кладе оказалось две нерусских чаши, или они странствовали вместе, неизвестно, но возможно, что и вторая чаша некогда входила в состав имущества Евфимии Владимировны. Когда и почему владельцы этих драгоценностей оказались вынужденными спрятать их в землю, установить трудно.

Все сохранившиеся серебряные украшения клада относятся к XII в., примерно к третьей его четверти. Это, в первую очередь, вещи с чернью — пара колтов и два парных браслета. Из сережек только одна ажурная может оказаться более старой (первой половины XII в.), но такие серьги делали и во второй половине XII в. Все же остальные серьги (крупные зерневые и с бусами из трех конусов) типичны для второй половины XII в. О золотых вещах сказать что-либо определенное трудно, описания их слишком суммарны. Однако золотые вещи все реже встречаются в кладах XII в. В последней четверти XII в. они почти полностью отсутствуют. В кладе же Чайковского их довольно много (пара колтов и 14 сережек). Наличие их в кладе, а также хорошая сохранность серебряных вещей говорят о том, что вещи были в употреблении сравнительно короткий срок. Хрупкие, непрочные колты с ажурной каймой почти никогда не встречаются так хорошо сохранившимися, как колты этого клада. Большей частью их находят рассыпавшимися на множество мелких кусочков. Вещей явно поздних (конца XII—XIII вв.) в кладе нет. Следовательно клад мог быть зарыт еще в XII в., задолго до монгольского завоевания.

Предложенное мною объяснение появления в кладе Чайковского серебряной чаши с латинской надписью, безусловно, следует считать только одним из многих возможных вариантов. Если встать на тот путь, по которому мы шли до сих пор, то можно указать еще на ряд тесных родственных связей с венгерским королевским домом, не говоря уже о многочисленных перекрестных браках, заключавшихся между польским и сербским королевскими домами [1] и членами разветвленного русского княжеского рода. Так, дочь Ярослава Мудрого была выдана замуж за венгерского короля Андрея I.[2] В 1104 г. «ведена Передъслава, дщи Святополча в Угры за королевич августа в 21 день».[3] В 40-х годах XII в. за венгерского короля Гейзу II была выдана Ефросинья Мстиславна, внучка Владимира Мономаха, следовательно, двоюродная сестра злополучного Бориса Коломановича.[4] Брат Ефросиньи Мстиславны, Владимир Мстиславич, в 1150 г. женился на родственнице венгерского короля Гейзы II.[5]

Примеры можно было бы умножить. Все эти родственные связи между княжескими домами соседних стран создавали почву для про-

---

[1] Л. М. Савелов. Родство потомков Владимира святого с домом Пястов. Сб. статей в честь гр. П. С. Уваровой, М., 1916, стр. 249 и сл.

[2] Там же, приложение I.

[3] Лавр. и Ипат. лет. под 6612(1104) г. — С. П. Розанов, ук. соч., стр. 586—588. — В. Г. Васильевский, ук. соч., стр. 265.

[4] Ипат. лет. под 6657(1149) г. — С. П. Розанов, ук. соч., стр. 658.

[5] Ипат. лет. под 6658(1150) г.

никновения русских вещей на Запад и западных на Русь. Каждый визит, а в особенности сватовство и свадебные торжества сопровождались бога-

Рис. 7. Серебряные колты из Киевского клада 1876 г. с усадьбы Ю. Чайковского.

а и *в* — лицевые стороны, *б* и *г* — оборотные стороны.

тыми подарками в виде роскошных тканей и одежд и всякой драгоценной золотой и серебряной утвари.[1]

[1] С. П. Розанов приводит одно любопытное известие из хроники Альберта Штаденского. Вторая жена Святослава Ярославича Ода, овдовев, уехала с сыном к себе на родину. Она «собрала такое множество драгоценностей, что с собой могла увезти только часть, а прочее закопала в надежном месте, причем, чтобы скрыть следы клада, велела или согласилась убить зарывавших его рабов. Потом, будто, сын ее, вернувшись в Россию, перед смертью опять завладел этими сокровищами» (С. П. Розанов, ук. соч., стр. 623, примеч. 1).

Встает, однако, вопрос о возможности дальнейшего использования в Киевской Руси этой «латинской» утвари — различных сосудов, чаш, кувшинов, блюд и т. д. Мы не знаем, пользовались ли ими в быту или на них смотрели главным образом как на материальную ценность. Легендарный клад «латинских» сосудов, закопанный, якобы, в Варяжской пещере на Печерске, прельщал всех в первую очередь именно как огромная материальная ценность.

Латинская чаша из клада Чайковского не была церковным сосудом, это была светская вещь с нравоучительной надписью. Смысл этой надписи был вполне понятен как «латинянам», так и русским. Как указано выше, аналогичная по содержанию надпись была найдена Я. И. Смирновым на солонке в музее Клюни в Париже: «когда сидишь за столом, прежде всего думай о бедняке». Она, действительно, близка латинской надписи на Киевской чаше: «подкрепляющий чрево, помни о бедняке». И в русской литературе мы находим подобные изречения. Так, в Стословце Геннадия, вошедшем в Изборник Святослава 1076 г., находим ту же мысль в одном из его ста наставлений: «седящю ти над мьногоразличъною трапезою, помяни и сух хлеб ядущтааго».[1] В моленни Даниила Заточника мы также читаем: «но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сух хлеб ядуща».[2] Таким образом, по своему содержанию латинская надпись на Киевской чаше могла быть понятной и могла не вызывать в сознании ее русского владельца чувства протеста или неприязни. Однако эта надпись слишком откровенно подчеркивала явную принадлежность чаши к «латинскому» миру, и это могло вызывать к ней особое отношение.

Известно, что после разделения церквей шла ожесточенная борьба за чистоту православной веры, выразившаяся в создании целой серии полемических сочинений в виде посланий против латинян. Эти послания падают как раз на тот период времени, которым мы здесь больше всего занимались — на вторую половину XI в. и на первую четверть XII в. (1068—1121 гг.).[3]

В этих посланиях, отличавшихся крайней нетерпимостью не только к вере латинской, но и вообще ко всему латинскому, мы как будто находим ответ и на интересующий нас вопрос. В «Послании» киевского митрополита Никифора, умершего в 1121 г., говорится: «нам же православным христианом не достоить с ними (латиною, — *Г. К.*) ни ясти, ни пити, ни целовати их; аще случится правоверным с ними ясти по нужди да кроме поставлять им трапезы и съсуды их. .».[4] Судя по приведенному тексту, запрещалось давать пищу в своих сосудах людям неправославной веры, чтобы они не осквернили их («ибо ядять со псы в одином сосуде»). Отсюда следовало бы сделать вывод, что пользование чужой посудой было безусловно запрещено. Однако в другом послании,

---

[1] В. Шимановский. К истории древнерусских говоров. Исследование с приложением полного текста Сборника Святослава 1076 г. Варшава, 1887 г., Приложение, стр. 016, лист текста Изборника 40а.

[2] Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. (Памятники древнерусской литературы, вып. 3, Л., 1932, стр. 15).

[3] Таковы: Слово Феодосия игумена (Печерского монастыря о вере Варяжской (до 1068 г.); Стязание митрополита Георгия с Латиною (до 1079 г.); Послание папе Клименту III киевского митрополита Иоанна об опресноках (1080—1089 г.); Послание к латинам русского митрополита Леонтия (до 1008 г.); Послание митрополита киевского Никифора (до 1121 г.) и ряд переводных с греческого посланий того же и более раннего времени. См.: А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, гл. 1.

[4] А. Попов, ук. соч., стр. 116.

озаглавленном «Вопрошание князя Изяслава, сына Ярославля, внука Володимирова, игумена Печерского великого Феодосия о Латине», указывается известный выход из такого положения. После аналогичного запрещения «ни с ним из единаго судна ясти ни пити, ни брашна их приимати», дается указание, как поступать в исключительных случаях: «тем же пак(и) у нас просящим б(ог)а ра(ди) ясти и пити дати им, но в их судех, аще ли не буд(ет) у них судна, в своем дати, потом измывши дати м(о)л(и)тву», после чего можно было продолжать пользоваться ею. По-видимому и «латинские» дары не лежали мертвым кладом в княжеских кладовых, но после совершения над ними каких-то очистительных манипуляций включались в княжескую обиходную утварь. Возможно, однако, что пользование явно чужеземной посудой, такой, например, как чаша из клада Чайковского, и было несколько затруднено.

Киевская Русь никогда не чуждалась и не отгораживалась от соседей, перенимая у них лучшее. Тем не менее, следует отметить, что среди огромного количества памятников материальной культуры и искусства, собранных в наших музеях, мы с трудом можем найти полгора десятка предметов западного искусства, проникших к нам в период существования Киевской Руси, и еще значительно меньше предметов, которые были бы сделаны русскими мастерами в подражание западноевропейским образцам. Очевидно искусство Запада не находило себе отклика ни во вкусах мастеров, ни во вкусах их заказчиков. Отдельные западноевропейские вещи, попадавшие на Русь, оставались изолированными и не вызывали подражания. Такое отношение к западноевропейскому искусству объяснялось, конечно, не какими-либо церковными запретами, а тем, что веками складывавшаяся своеобразная и богатая культура Киевской Руси имела свой особый склад, заставлявший ее оставаться равнодушной к несозвучной ей культуре Запада.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ РАННЕГО ГРОДНО

Первое упоминание о Гродно в русских летописях появляется довольно поздно. Оно относится к 1127 г.: «Посла князь Мстислав Великий князь Киевский с братьей своею многы Кривичи четырьмя пути: Вячеслова из Турова, Андрея из Володимера, Всеволодка из Городна».[1] Имеется также косвенное свидетельство, относящееся к Всеволодке, под 1116 г.: «Том же лете Володимер отда дщерь свою Огафью за Всеволодка».[2] Под 1132 г. встречается известие о походе Всеволодка Городненского на Литву и под 1141 г. о его смерти.[3]

В середине XII в. упоминаются два сына Всеволодка — Борис и Глеб, а также князь Мстислав Городенский; к 1183 г. относится известие: «Городень погоре весь и церкви каменная от блистания молнии и пошибения грома».

В литературе, посвященной Гродно, вплоть до начала XX в. дискутировался вопрос: какое именно Гродно имела в виду летопись — Гродно на Немане или Городно Пинского у. Минской губ.? Историография этого вопроса приведена в работе Е. Орловского.[4] Присоединяясь к взглядам тех историков, которые считали, что в летописи упоминается Гродно на Немане, автор полагал, что основание этого города могло быть связано с походами Владимира (983 г.) или Ярослава (1038 г.) на ятвягов и Гродно выросло, таким образом, как предельный пункт южнорусской колонизации.

Эта мысль кажется Орловскому наиболее приемлемой потому, что Берестье и Слоним, стоявшие на Гродненской земле, известны летописцу уже за сто лет до первого упоминания о Гродно.

При всей своей убедительности выводы Орловского были построены лишь на логических рассуждениях: настоящих, веских материалов для доказательств — о каком именно Гродно свидетельствовал летописец — у него не было.

Археологическая литература, посвященная изучению Гродно и его окрестностей, сравнительно не велика. Если говорить о русских дореволюционных исследованиях, то история самого города оставалась почти без внимания, и работы, посвященные прошлому Гродно, ограничивались, почти исключительно, исследованием его выдающегося архитектурного памятника — Коложской Борисоглебской церкви. Из трудов, свя-

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 11.
[2] Там же, стр. 8.
[3] Там же, стр. 12, 18.
[4] Е. Ф. Орловский. Основание г. Гродны и его история до 1241 г. Гродно, 1910.

занных с археологическими памятниками Гродненской земли, нужно упомянуть исследование, посвященное древностям Дрогичина Надбужского и окружающим его могильникам.[1] В Трудах X Археологического съезда, вышедших в 1897 г., помещена археологическая карта Гродненской губ., составленная Ф. В. Покровским, который из-за малой исследованности этого района был вынужден ограничиваться, чаще всего, внешним описанием памятников или просто их регистрацией.[2]

А. А. Спицын, характеризуя древности Гродненской губ., опирается, почти исключительно, на данные Авенариуса и описывает, главным образом, курганы с трупосожжением и каменные могилы. Спицыным же отмечено, что в губернии известно большое количество кладбищ.[3]

С конца 20-х годов нашего века, под руководством директора Гродненского музея Иодковского, начинается археологическое изучение Гродно и его края. Предварительное изучение так называемой «Шведской горы» в Волковыссе убеждает Иодковского в том, что в этих местах можно найти следы ранней истории Гродненской земли,не отразившейся в летописи.

После работ на Волковысском городище (где он обнаружил значительный керамический материал) Иодковский приступил к археологическому изучению территории, окружающей Коложскую церковь. Предпринятые там раскопки позволили установить наличие культурного слоя. Основную массу находок составляла керамика, орнаментированная насечками. Кроме того, были найдены бронзовые украшения, бусы и другие изделия.[4]

В 1932 г. начались реставрационные и раскопочные работы в Старом замке Гродно, находящемся у слияния р. Городничанки с Неманом. В результате работ здесь выявился мощный культурный слой до 8 м толщины, со следами деревянных и каменных жилых, хозяйственных и культовых построек. Иодковский, стоявший во главе этих работ, высказал предположение, что памятник, открывшийся в Старом замке, является остатками варяго-русского города,возникшего на рубеже XI—XII вв. и служившего центром Гродненского княжества. Автор полагал, далее, что поселение XI в. возникло на месте более древнего поселения.[5]

Таким образом, Иодковский первый сумел показать на археологическом материале, что долетописное Гродно соответствовало поселению, открытому в Старом замке на берегу Немана. Правильно поставив вопрос об отожествлении поселения в Старом замке с древним Гродно, Иодковский, однако, без всякого основания называет его варяго-русским городом.

Из других работ Иодковского, относящихся к истории Гродно, можно упомянуть его статью, посвященную знакам, изображенным на кирпичах постройки нижнего горизонта Гродно. Автор отмечает сходство между знаками на кирпичах и изображениями на дрогичинских

---

[1] Н. П. Авенариус. Древности Северо-Западного края. МАР, 1890, № 4.

[2] Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губ. Тр. X АС, т. I, 1897.

[3] А. А. Спицын. Обозрение губерний в археологическом отношении. Гродненская губ. ЗРАО, н. с., т. XI, вып. 1—2, 1899, стр. 295—296.

[4] Материалы хранятся в Гродненском историко-археологическом музее.

[5] J. Jodkowski. Crodno wczesnośredniowieczne w świetle prac wykopaliskowych, dokonanych na królewskim Zamku starym w Grodnie w Latach 1932 u 1933. Варшава, 1934.

пломбах, усматривая в них родовые знаки гродненских удельных князей.[1]

Методика раскопок Иодковского в Гродно была, однако, забракована, и впоследствии раскопками на Замковой горе в 1937—1938 гг. руководил З. Дурчевский.

Варшавский археолог Дурчевский довольно резко выступает против основных положений своего предшественника, считая ложными все его основные выводы, в силу того, что они базировались на результатах ненаучно проведенных археологических работ. Так, Дурчевский отвергает вывод о катастрофическом падении культуры в те времена, когда Гродно входило в состав литовско-русского государства. Он считает, что при несомненном различии в культуре русского и литовского периодов Гродно отдельные изделия русского города можно встретить и в более позднее время. К ним относятся, в частности, стеклянные браслеты, бытующие в Гродно до XIV в.

Ничем не оправдана, по мнению Дурчевского, датировка Иодковским части находок IX веком, ибо самые ранние русские вещи падают здесь на XII в. Наряду с основными выводами Иодковского отвергается ряд частных его положений. Так, Дурчевский показывает, что строение, которое Иодковский принимал за жертвенник литовского времени, находилось в культурном слое русского города. Располагая материалом как раскопок Иодковского, так и собственных широко поставленных работ в 1937—1938 гг., Дурчевский устанавливает стратиграфию соответственно уровням деревянных построек. Граница между русским и литовским городом проходила, по его мнению, между 5 и 6 слоями построек, соответствующими XIII в.[2]

Далее Дурчевский дает характеристику археологического материала русского и литовского слоев.

Оценивая работу Дурчевского, следует отметить, что несмотря на то, что в его распоряжении находился значительный славяно-русский археологический материал, автор не счел необходимым отметить тот факт, что раскопками открыт один из крайних западных центров Руси с развитой русской культурой.

Некоторые вопросы ранней культуры истории Гродно ставит в своей работе И. Войцеховский, полагая, что этот город в XI—XII вв. был центром высокой культуры. Войцеховский также склонен считать Гродно варяго-русским городом.[3]

Таковы основные работы польских археологов, связанные с публикацией и трактовкой археологического материала, относящегося к древнему Гродно.

Можно сказать, что вновь открытая раскопками культура древнерусского города в этих работах либо безосновательно объявлялась варяго-русской, либо о ее значении вообще не говорилось.

Война прервала раскопки в Гродно.

Материалы польских раскопок сохранились в Гродненском музее, но документация, чертежи и дневники пропали. Только в недавнее время случайно удалось найти фрагментарные записи Дурчевского, весьма лаконичные и не восполняющие отсутствия документации.

---

[1] J. Jodkowski. O znakach na cegłe «Teremu» książęcego w Grodnie. Wiadomości numizmaticzno-archeologiczne, т. XV, стр. 62—67, Краков, 1934.

[2] Z. Durczewski. Stary Zamek w Grodnie, w świetle wykopalisk dokonanych w Latach 1937—1938. Гродно, 1939.

[3] J. Wojciechowski. Stary Zamek w Grodnie. Biuletyn historii sztuki i kultury, т. VI Варшава, 1938.

В 1945 г. над приведением в порядок коллекции из раскопок в Старом замке работали В. и Е. Голубовичи. По полевым ярлычкам пакетов они составили опись и тем самым провели первичную систематизацию вещей. В 1948 г. вышла работа В. Голубовича, посвященная родовым знакам на некоторых гродненских изделиях. Автор сравнивает клейма на кирпичах Коложской церкви со знаками на литейных формах и выделяет среди них группу знаков, принадлежащих первым гродненским князьям. Знаки особого рода, встречающиеся на формах, автор считает возможным отнести к одному из сыновей князя Всеволодка Городенского.

Гродненский материал, как полагает В. Голубович, показывает, что на периферии Руси княжеские знаки собственности живут дольше, чем в ее центральной части.[1]

В 1947 г. над гродненским материалом работал Н. Н. Воронин, который впервые в советской литературе поставил вопрос об археологических и архитектурных памятниках Гродно. Н. Н. Воронин дал краткий обзор материала из раскопок в Гродно и пришел к выводу, что напластования русского города более значительны, чем это признавал Дурчевский. Последний полагал, что русский слой начинается лишь с 6-го слоя деревянных строений, но Н. Н. Воронин отводит литовскому городу только 3 верхних слоя, считая уже 4-й слой принадлежащим русскому городу. Возникновение Гродно Н. Н. Воронин относил к XII в.[2]

В 1948 г. над материалами из раскопок древнерусского города работала группа сотрудников ИИМК под руководством Н. Н. Воронина. Автор настоящей работы занимался изучением археологического материала, относящегося к древнейшему периоду в истории Гродно (12—10 слоев раскопок).

Анализируя материалы этих слоев, мы замечаем, что по составу культурных остатков они представляют собой единое целое. Основную массу находок составляет керамика.

Керамика нижних слоев поселения в Старом замке является типичной русской керамикой великокняжеского времени.

Здесь встречены сосуды исключительно гончарной выделки. Во всей массе просмотренных фрагментов черепки лепных сосудов встретились в единичных случаях, но даже и эти сосуды частично (их шейки) были обработаны на гончарном круге. Сосуды коричневатые или красновато-желтые, покрыты с наружной или внутренней стороны копотью. Тесто сосудов нередко имеет примесь дресвы, причем довольно часто она видна не только в изломе сосуда, но и отчетливо проглядывает с внутренней его стороны. Наряду с этой грубой керамикой встречаются сосуды лучшей выработки, без примеси дресвы.

Бóльшую часть (80%) всех сосудов составляют горшки диаметром 20—22 см. Толщина стенок сосудов достигает 6—7 мм. Венчики горшков отогнуты наружу и обычно закруглены и срезаны (рис. 2). Второй формой сосудов являются кринки. Состав теста и обжиг их такие же, как и у горшков.

Кринки часто массивнее горшков, в некоторых случаях толщина их стенок (рис. 1, *5*) более 1 см, прямые венчики кринок вверху закруглены, горизонтально срезаны или скошены внутрь.

---

[1] W. Holubowicz. Znaki rodowe i inne na przedmiotach z wykopalisk w Grodnie. Slavia Antiqua, I, 1948, стр. 572—582.

[2] Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. КСИИМК, XXVII, стр. 138—148.

К числу крупных сосудов, фактура которых такова же, как и у предыдущих групп, относятся толстостенные миски, с краями, также слегка скошенными внутрь (рис. 1, *4* и рис. 2).

Тонкостенных сосудов (толщина стенок 3—4 мм) встречено меньше. Это горшки из красной и желтой глины, венчики у них тонкие и слегка отогнуты наружу, иногда в середине венчика проведена бороздка.

Сосуды имеют преимущественно линейный орнамент, полоски слегка вдавлены. На грубых толстых сосудах линии шире, чем на тонких.

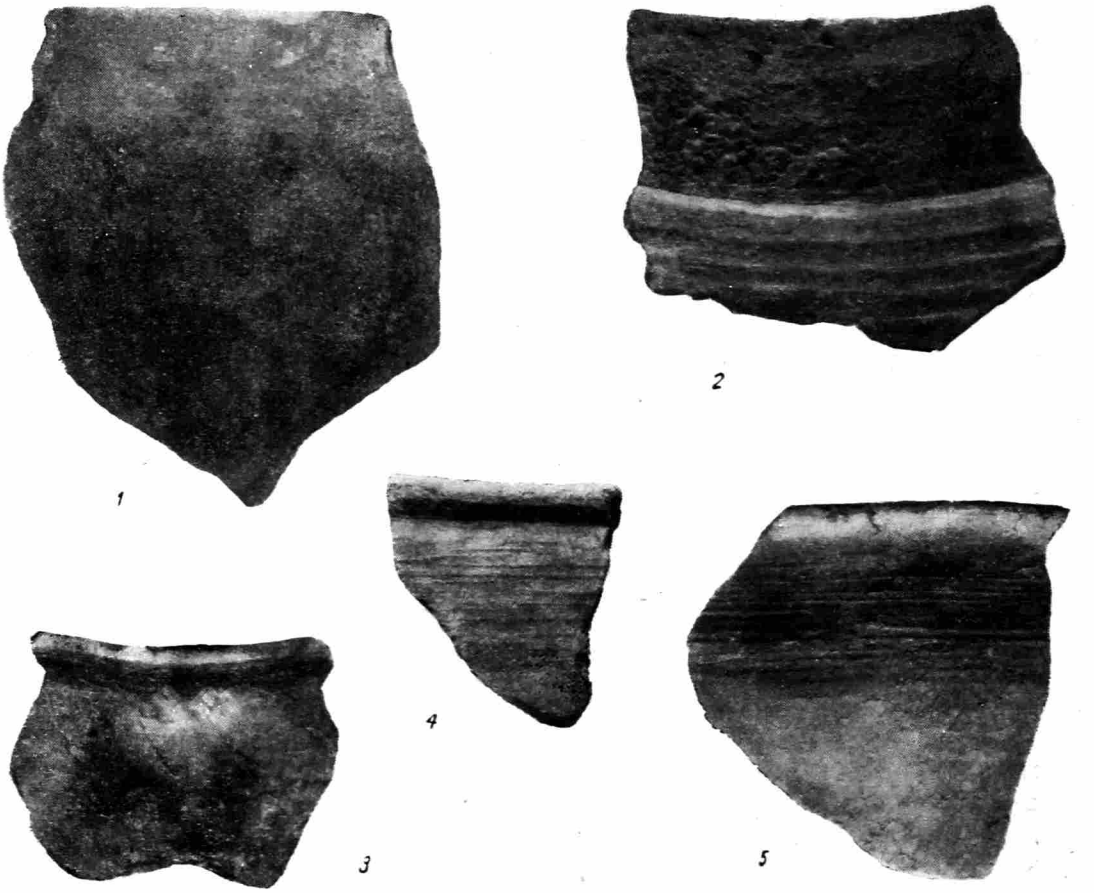


Рис. 1. Гончарная керамика из 12—10 слоев.

Волнистый орнамент встречается в этом слое редко, чаще это острые грубые зигзаги. Иногда орнамент, состоящий из крупных волн, сочетается с линейным. На более тонких сосудах мелкий линейный орнамент сочетается с мелкой волной (рис. 3).

Рядом с этой основной группой керамики 12—10 слоев обращает на себя внимание одна небольшая, но специфическая группа. Это фрагменты более тонких сосудов, розовато-красной, коричневой и желтой глины, сравнительно хорошего теста. Налета копоти, как на обычной гродненской кухонной посуде, здесь нет.

Эта группа керамики отличается своей орнаментацией. Можно отметить рифленые фрагменты, орнаментированные насечкой.

Чаще всего встречаются сосуды, орнаментированные гребенчатым штампом, а также оттисками различных фигурных штампов (розетки,

составленные из треугольников, крест, вписанный в круг, ромбы и другие геометрические фигуры).

Керамика, отличающаяся своим орнаментом от обычного линейно-волнистого, встречается также на поселениях, составляющих окружение Гродно — в Сураже и Волковысске.[1] Подобная орнаментация штампом отмечена и в гончарной керамике восточнославянских племен,[2] но особенно типична она для западных славян.

На территории, занятой полабскими славянами, сосуды, сделанные на гончарном круге, орнаментированные штампами, сходными с гродненскими, являются массовыми находками. Некоторые из них найдены

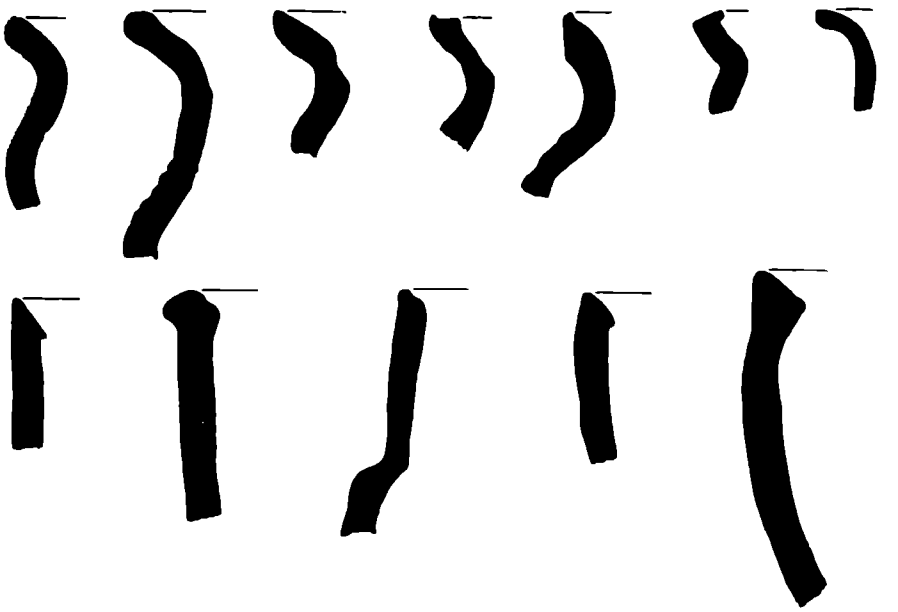


Рис. 2. Профили сосудов.

совместно с монетами XI в. Аналогичная керамика часто встречается среди изделий польских и чешских поселений.[3]

Повидимому, пограничное положение Гродно с западнославянским миром накладывало соответствующий отпечаток на культуру славяно-русского населения.

Из нехарактерной керамики, встреченной в 11 слое, можно отметить: 1) фрагмент узкогорлого прямостенного сосуда розовой глины, хорошо обработанного снаружи и значительно хуже изнутри, с весьма несовершенным линейным орнаментом (рис. 1, *2*); 2) верхнюю часть горшка серо-черного цвета, с примесью в тесте слюды, обработанного на круге только с внутренней стороны: венчик его закруглен, орнамент выцарапан ногтем. На примере этого последнего весьма архаического фрагмента видно, что в это время еще доживает традиция лепной техники (рис. 1, *3*).

Типы керамики 10 слоя почти не изменяются по сравнению с керамикой двух более глубоких слоев: основным типом сосудов являются толстостенные горшки с отогнутым венчиком, с ногтевым и волнистым орнаментом. Однако посуда здесь обработана лучше, даже массивные толстостенные сосуды не имеют той сильной примеси дресвы, которая характерна для керамики 12 и 11 слоев. Тесто хорошо промешано, наружная

---

[1] По материалам Гродненского историко-археологического музея.

[2] МАР, 28, табл. 10.

[3] J. Z. Pič. Cechy za doby Knižeci, т. III, ч. 1, стр. 215. Прага, 1909, табл. XXI, XXV. — J. Kostrzewsky. Kultura prapolska. Познань, 1947, стр. 423.

и внутренняя стороны заглажены. То же отмечается и для кринкообразных сосудов. Помимо обычных форм, часто встречаются новые. Так, найден миниатюрный сосуд (диаметр 4.5 см) из тщательно промешанного теста, хорошего обжига, с рифленым дном (рис. 4). Интересен маленький сосуд серо-черной глины, с округлым туловом, слабо выраженной шейкой и со слегка отогнутым венчиком. Сосуд орнаментирован мелкими линиями. Сравнительно с небольшими размерами горшка стенки его довольно толсты и равняются 5 мм.

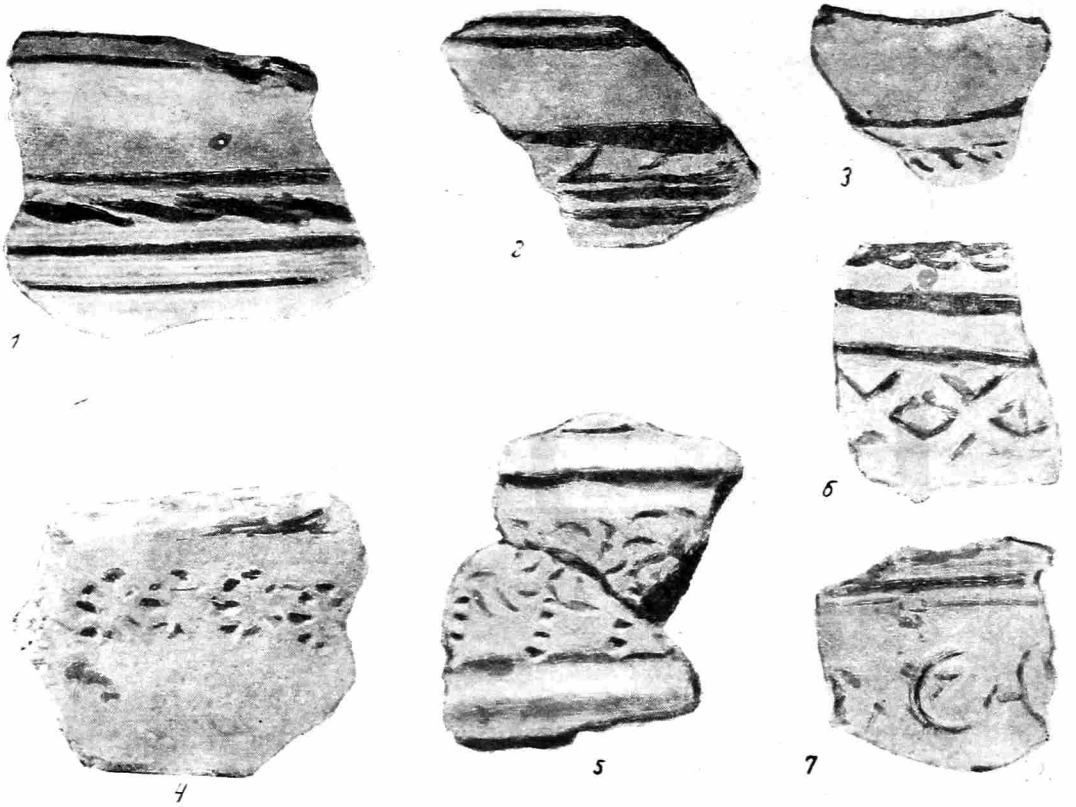


Рис. 3. Гончарная керамика, орнаментированная штампом.

В 10 слое встречаются фрагменты поливной керамики и амфор (рис. 5).

Керамика, подобная гродненской, встречается в Сураже и Волковысске, т. е. в непосредственном окружении Гродно.[1]

Прочие вещевые находки из нижних слоев поселения в Старом замке численно не велики.

В 12 слое найдено 3 костяных изделия: длинная граненая палочка с выемкой внизу, возможно — штамп для нанесения орнамента; заготовка костяного гребня с намеченными, но не прорезанными зубцами (рис. 6, *1*) и шаровидная буса.

В 11 слое вещевой материал несколько увеличивается. Преобладают изделия из железа. Больше всего найдено гвоздей, среди них много крупных.

Встречены ножи, суженные у острия и черенка, наконечники стрел, ключ (рис. 6, *5*) и другие железные изделия. Довольно часто встречаются железные шлаки. Найдены бронзовые изделия, среди них подковообразные пряжки (рис. 6, *3*, *4*). Изделия из кости представлены обломком костя-

[1] По материалам Гродненского историко-археологического музея.

ного отполированного ножа. Обнаружено несколько пряслиц, одно из них шиферное (рис. 6, *2*), но вообще преобладают глиняные бикониче-

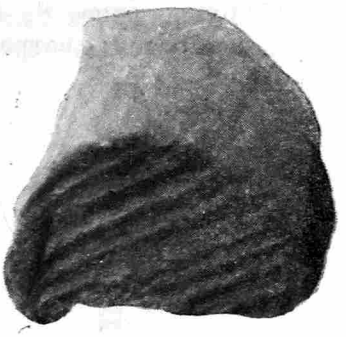


Рис. 4. Фрагмент гончарного сосуда из 10 слоя.

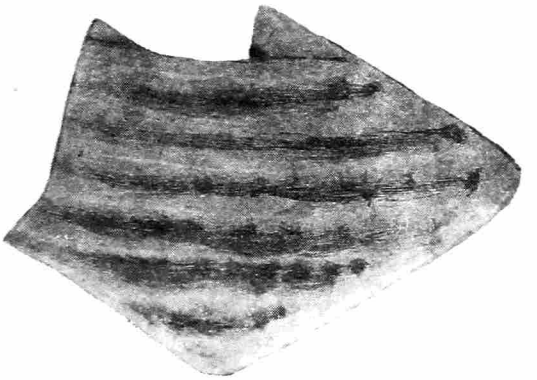


Рис. 5. Фрагмент амфоры из 10 слоя.

ские. Среди поделок из дерева обращает на себя внимание рукоять деревянного меча (рис. 6, *6*). Подобная рукоять, служившая, повидимому,

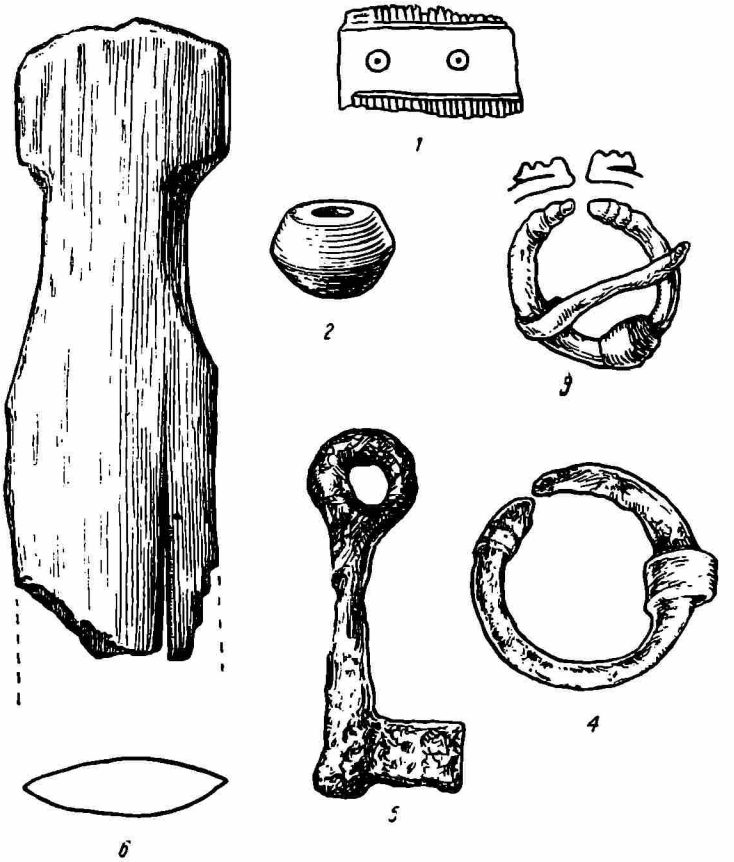


Рис. 6. Находки из 12—11 слоев.

1 — заготовка для костяного гребня; *2* — шиферное пряслице; *3*, *4* — бронзовые пряжки; *5* — железный ключ; *6* — рукоять деревянного меча.

игрушкой, найдена при раскопках Старой Ладоги в 1947 г. Из других находок можно упомянуть стеклянные бусы, тигельки, кусок янтаря и т. д.

В 10 слое количество вещевых находок еще больше, чем в 11 слое. Набор железных изделий становится разнообразнее (рис. 7).

Из новых изделий можно отметить трубчатый замóк (рис. 8, *3*),[1] наконечник копья листовидной формы и т. д. Возрастает число изделий из бронзы, среди них пластинки, часть шпоры и другие (рис. 8, *4*, *6*). Набор костяных изделий также стал более разнообразен: встречено

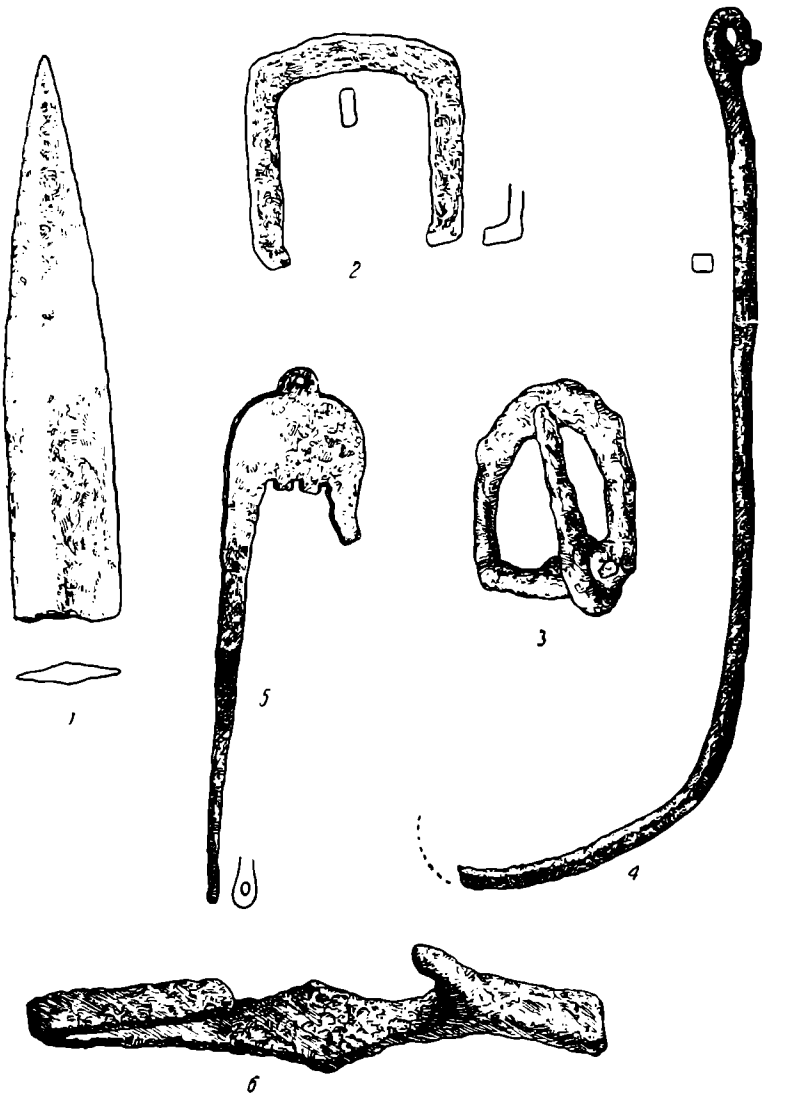


Рис. 7. Находки из 10 слоя.
1—4, *6* — железо; *5* — бронза.

несколько обломков гребней с кружковым орнаментом (рис. 9, *3*, *4*), штамп для нанесения орнамента на керамике.

Бус значительно больше, чем в нижних слоях. Чаще всего встречаются стеклянные, круглые в сечении, ординарные и сдвоенные светло-зеленого цвета (диаметр 7—10 мм) и наряду с ними белые и лиловые. Имеется несколько пастовых бус, одна из них довольно крупная миндалевидной формы. Найден также красный бисер. Янтарь встречается также чаще.

[1] Б. А. Рыбаков отмечает этот тип замков как характерный для южнорусских городищ (Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 218).

К 10 слою Голубович относит формочку для отливки «перстня» с печатками (на одной стороне птица, на другой зверь)[1] (рис. 10).

В этом же слое впервые встречены два стеклянных браслета (в более поздних слоях они попадаются в большом количестве): витой — зеленого стекла, и гладкий — синего (рис. 9, *5*, *6*). Вообще число находок из стекла здесь значительно возрастает.

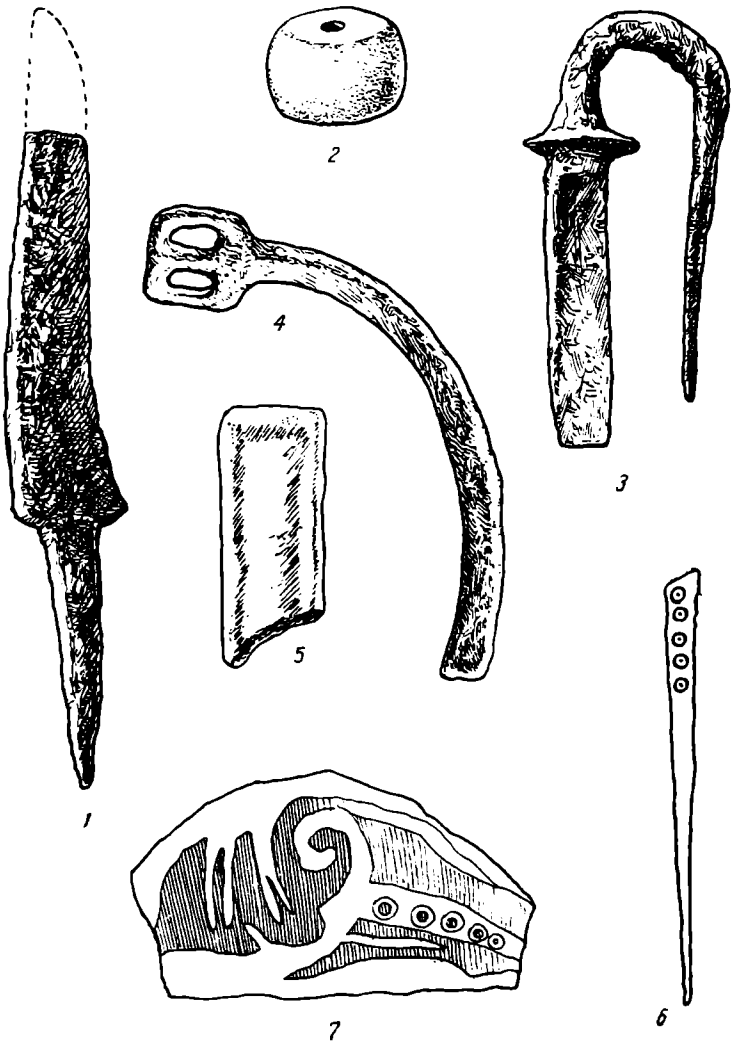


Рис. 8. Находки из 10 слоя.

1 — железный нож; *2* — пряслице из сланца; *3* — железный замóк; *4* — бронзовая шпора; *5* — брусок; *6* — бронзовая пластинка; *7* — фрагмент расписного стекла.

Как ни малочисленны гродненские находки из нижних слоев поселения, но и среди них можно отметить изделия, характерные для других русских городов великокняжеского времени. Выше мы уже отмечали трубчатый замóк южнорусского типа, браслеты и шиферное пряслице. На древнерусских поселениях этого периода часто встречаются фрагменты амфор, которые мы можем отметить и для Гродно. Следует упомянуть в этой связи также о костяных изделиях с характерным славянским кружковым орнаментом.

[1] W. Holubowicz, ук. соч., стр. 576.

Попытаемся высказать некоторые предположения о времени основания поселения на Замковой горе. Этот вопрос более или менее определенно решается характером керамики.

В Гродно обнаружена исключительно гончарная керамика. Единственные обломки лепной посуды, найденные при раскопках 1949 г., отно-

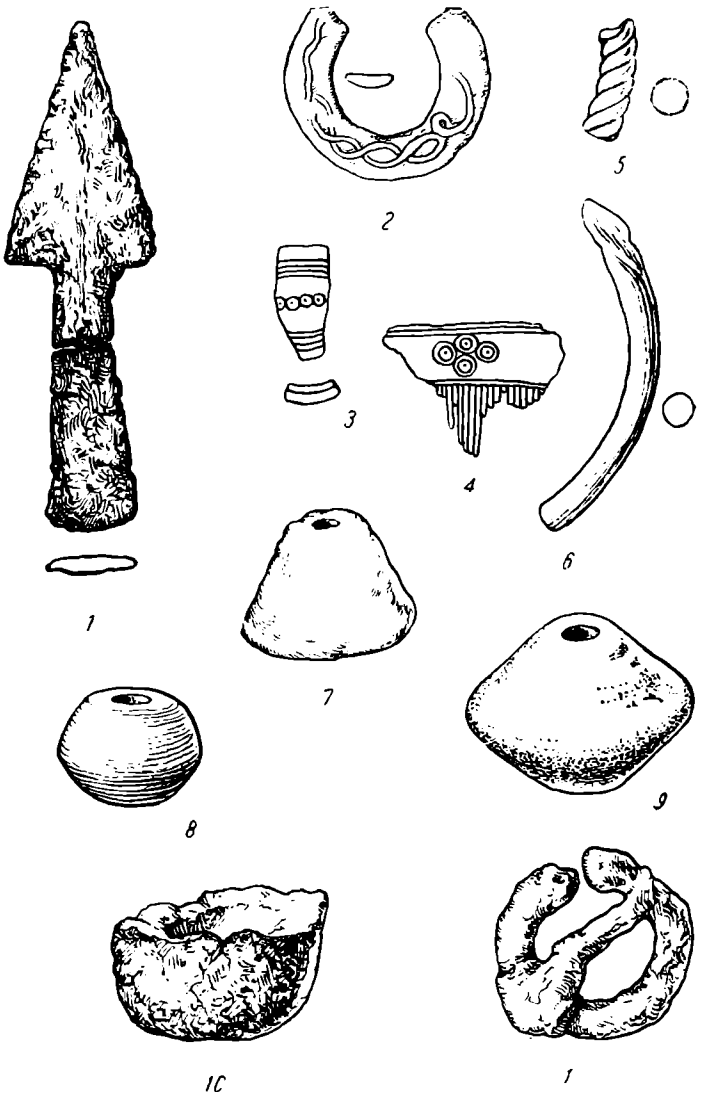


Рис. 9. Находки из 10 слоя.

1 — железный наконечник стрелы; *2* — пластинка из бронзы; *3*, *4* — обломки костяных гребней; *5*, *6* — обломки стеклянных браслетов; *7* — свинцовый грузик; *8* — пряслице из сланца; *9* — пряслице из глины; *10* — тигелек; *11* — железная пряжка.

сятся к концу I тысячелетия до н. э.[1] Известно, что первые гончарные изделия по своей форме близки лепным. На материале гродненской керамики можно убедиться в том, что традиция лепной техники здесь забыта. Встречен лишь один фрагмент в 11 слое, фактура и форма которого близки лепной керамике. В общем, здесь можно отметить развитые формы гончарных сосудов.

Почти полное отсутствие вещей в 12 слое и увеличение их ассортимента и числа в 11 и 10 слоях, видимо, отражает картину постепенного

[1] Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 398.

«обживания» города, развития его хозяйственной жизни и внешних связей. В керамике наблюдается некоторое улучшение техники производства.

Обращает на себя внимание тот факт, что в 12 слое нет шиферных пряслиц и стеклянных браслетов. Шиферные пряслица появляются лишь в 11 слое, а браслеты в 10, да и то в виде единичных находок. Появление стеклянных браслетов падает на вторую половину X в.,[1] но основная масса их встречается в слоях XI в. Распространение шиферных пряслиц относится также к этому времени.

Все это заставляет предположить, что поселение в Старом замке могло быть основано на рубеже X—XI вв., а не начала XII в., как думал Н. Н. Воронин при первом ознакомлении с материалом. Последующие работы Н. Н. Воронина в Гродно (в 1949 г.) подтверждают этот вывод. В результате раскопок получен новый обильный материал, дающий представление о хозяйственной жизни русского города XI—XIII вв.[2]

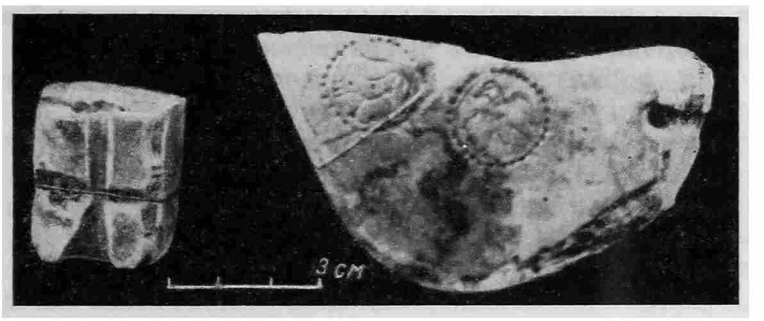


Рис. 10. Формочка для отливки украшений.

Гродно был не изолированным славяно-русским городом в северо-западной части восточного славянства. Из ближайших крупных центров, на которых производились археологические исследования, можно указать древний Минск, раскопки которого показали, что и он был основан в начале XI в. на берегу Свислочи, в районе Замчища.[3]

В свое время А. А. Спицын обратил внимание на группу могильных памятников Понеманья, считая их предположительно памятниками так называемой «Черной Руси», или литовско-русского государства.[4]

В свете раскопок Гродно становится возможным поставить вопрос об этнической принадлежности этой группы могильных памятников более определенно.

Наиболее вероятным будет предположить, что каменные могилы Понеманья являлись погребальными памятниками Гродненской земли не только во времена литовско-русского государства, т. е. начиная с XIII в., о чем писал А. А. Спицын, а с более раннего периода, относящегося к древнерусскому Гродно. Основание к этому утверждению дают некоторые находки древнерусского Гродно. Отметим тот факт, что в инвентаре каменных могил найден перстень с таким же изображением птицы, какое известно по литейной формочке из 10 слоя.

---

[1] Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 466.

[2] Н. Н. Воронин. Гродно — древний русский город. Гродненская правда, № 225, 15 XI 1949.

[3] Н. М. Нікольскі. Раскопкі на месцы стара жытнага Мінска. Весці Акадэміі Навук БССР, № 1, 1947, стр. 51.

[4] А. А. Спицын. Предполагаемые древности Черной Руси. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, стр. 303—310.

Вопрос о принадлежности находок из Гродно и каменных могил Понеманья одной культуре может быть решен на основании анализа всего материала поселений и погребений. В нашем же распоряжении имеется только часть находок, относящихся к более поздним этапам существования русского города. Тем не менее, и в этом ограниченном материале можно отметить сходные изделия, встречающиеся и на поселении, и в погребениях. Сошлемся на некоторые примеры. В каменных могилах найдены медные крестики с расширяющимися концами, подобные обнаруженным на поселении. Одна из формочек, найденных в верхних слоях Гродно, служила для отливки сердцевидных бляшек; множество подобных бляшек обнаружено в каменных могилах. Встречающиеся в каменных могилах разнообразные медные бубенчики найдены и в поселении на Замковой горе.

Наиболее характерными предметами для каменных могил А. А. Спицын считает медные литые ключи, имевшие лишь символическое значение, так как они слишком мягки и для практического употребления не пригодны. Такие ключи имеются и в гродненском материале.

Совпадает и форма ножей, обнаруженных как в погребениях, так и среди гродненских находок.

А. А. Спицын считает, что древнейшие из каменных могил Понеманья можно отнести к XIII в. Нам кажется, что приведенные аналогии позволяют связывать эти памятники с ранним периодом существования древнего русского города. Русский инвентарь каменных могил, видимо, отражает заселение Гродно и его края.

Каменные могилы по Неману связаны с подобными же памятниками по Западному Бугу. Совпадение археологических находок в погребениях Западного Побужья и в Дрогичине отмечено в работе Авенариуса, который пишет: «Вообще сравнение вещей, находимых в каменных могилах и Дрогичине, приводит к заключению, что и те и другие принадлежали одному племени и веку».[1]

Особенностью этих двух поселений является то, что каждое из них связано с группой специфических могильных памятников: Дрогичин — с каменными могилами Западного Побужья, Гродно — с подобными же сооружениями в Понеманье. Сравнение дрогичинских изделий с гродненскими также приводит к выводу об их сходстве. Это относится к керамике, бронзовым крестикам с расширяющимися концами, костяным изделиям, ножам, пряслицам, бусам и другим предметам.

Сходство дрогичинских вещей с гродненскими позволяет объединить и Дрогичин, и Гродно в нечто целое, куда, вероятно, войдут при дальнейшем исследовании Волковысск, Сураж, Слоним и другие города Принеманья. До сих пор нам известны отдельные находки из этих мест, сходные как с дрогичинскими, так и с гродненскими. Появление этих более ранних вещей в Дрогичине, т. е. на юге Западного Побужья, могло отражать реальный процесс последовательного продвижения русских князей и русской колонизации вглубь этой территории.

Что касается Гродно, то основание и развитие его может быть объяснено и понято, в первую очередь, в связи с обостряющейся и непрерывной борьбой Руси с ятвягами. В ходе этой борьбы здесь и была заложена крепость. Ятвяги упоминаются в летописи уже с конца X в. в связи с походом на них князя Владимира: «Иде Володимер на ятвяги и победи и взя землю их».[2] Возможно, что сведения о ятвягах можно отметить еще раньше: имеем в виду упоминание Лаврентьевской

---

[1] Н. П. Авенариус, ук. соч., стр. 24.
[2] ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 35.

летописью под 945 г. некоего «ятвяга» в числе лиц, заключавших договор с греками. В XI—XII вв. сведения о походах русских князей против ятвягов носят отрывочный характер, но и по ним можно судить, что борьба, начатая в конце X в., не прекращалась и позднее. «Ярослав иде на ятвяги», — сообщает летопись под 1038 г., — видимо, победа Владимира 983 г. не была прочной. Столь же непрочны были завоевания ятвяжских земель в XII в.; в 1112 г. Ярослав Святополчич снова вынужден итти походом на ятвягов,[1] а в самом конце XII в. Роман Мстиславич «ходи на ятвяги отомщеваться, бахуть бо воевали волость его, и таке Роман вниде в землю их».[2] Высокого напряжения борьба с ятвягами достигает в половине XIII в., когда душой и организатором противоятвяжских походов становится князь Даниил Романович Галицкий, ведший вместе с русской ратью силы князей Самовита и Кондара. Именно в результате этих походов в 50-х годах XIII в. были разбиты основные ятвяжские силы, предопределилось окончательное их поражение, после чего ятвяги исчезают со страниц летописи.

В одном из сообщений прошлых лет мы подробно останавливались на свидетельствах, которые сохранились об этих племенах.

Гродненская земля являлась той территорией, на границах которой нередко появлялись ятвяги. В этой связи и может быть объяснено основание русского города на рубеже X—XI вв. в таком месте, где можно было обороняться от ятвягов и совершать на них походы.

Позднее, вероятно в XII в., Гродно становится центром образовавшегося здесь Гродненского княжества.

Более ранних находок в Гродно пока не обнаружено, и какая культура предшествовала здесь появлению русских, сказать трудно.

Таким образом, ознакомление с материалом нижних слоев из раскопок Гродно, добытым польскими археологами в 1932—1938 гг., приводит нас к выводу, что на рубеже I и II тысячелетий н. э. на правом берегу Немана, у впадения в него р. Городничанки, был основан русский город. Культура его родственна культуре других поселений великокняжеского периода, и нет никаких оснований, как это делали польские археологи, причислять ее к «варяго-русской».

---

[1] Там же, стр. 3.
[2] Там же, стр. 150.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА УКРАИНЫ

Накануне Великой Отечественной войны итоги наших знаний о древнем палеолите Украины, о распространении и времени известных на территории Украины древнепалеолитических памятников подвел М. В. Воеводский в своей статье «Ранний палеолит русской равнины».[1]

М. В. Воеводский констатировал широкое распространение на Украине мустьерских памятников (в Приазовье, на Донце, на Днепре и на Десне) и установил, что наиболее ранние из них относятся еще к до-рисскому времени и перекрыты мореной максимального рисского или днепровского оледенения, что памятники более древние, чем мустьерские, на территории Украины не известны. Таким образом, группы неандертальцев раннемустьерского времени, заселившие северо-восток Украины (Черниговская обл.) и распространившиеся дальше на север почти до 54° северной широты, были затем надвинувшимся днепровским оледенением потеснены к югу.

Работы 40-х годов дали новые важные материалы по древнему палеолиту Украины и дополнили в некоторых отношениях выводы, сформулированные М. В. Воеводским.

По течению Днестра, его притоков и Прута было отмечено не менее десяти мустьерских местонахождений.[2] Кроме того, на территории Украины обнаружены памятники гораздо более древние, чем мустьерские, относящиеся к различным стадиям ашельского и шелльского времени.

Таким образом достоверно известная нам нижняя граница эпохи первого заселения людьми территории Украины значительно отодвинулась в глубь времени. Среди этих, наиболее древних местонахождений следует назвать Луку-Врублевецкую, относящуюся к шелльскому времени, Круглик, одновременный нижнему слою Киик-Кобы, и пещеру Выхватинцы, относящуюся, вероятно, к раннемустьерскому времени. Последний памятник расположен на территории Молдавской ССР в нескольких десятках километров от границ Украины. Он интересен, в частности, тем, что в отличие от всех известных до сих

---

[1] Уч. зап. Моск. унив., вып. 115. Тр. Муз. антропологии, 1948.

[2] Касперовцы, Ивановка (Янов), Букивна, Бильче Золотое, Печерна, Хотин, Молодова, Наславча, Герман-Думены, Скуляны, Куконешти (4 последних местонахождения расположены на территории Молдавской ССР). Что же касается до кремней древнего облика, происходящих из окрестностей Кременца, то мы их сейчас не упоминаем как недостаточно достоверные.

пор мустьерских и более древних местонахождений Украины является типичным охотничьим поселением и содержит хорошо выраженный, не переотложенный культурный слой.

Находки остатков обильной фауны млекопитающих в раннеплейстоценовых отложениях Приазовья и в тираспольском гравии позволяют утверждать, что в раннем плейстоцене на юге Украины складывались благоприятные условия для жизни крупных млекопитающих и человека. Можно ожидать, что в дальнейшем на территории юга Украины будут обнаружены культурные остатки и более древние, чем Лука-Врублевецкая.

Несмотря на наличие на Украине значительного количества (свыше 20) мустьерских местонахождений, а также нескольких шелльских и ашельских, древний палеолит Украины все же известен нам очень слабо. Кремневый материал, происходящий из местонахождений, очень немногочислен. Отсутствуют четкие хронологические подразделения мустьерских памятников. Впрочем, при отсутствии многослойных памятников и при скудности фаунистических материалов, такие хронологические подразделения в пределах мустьерской эпохи очень трудно было бы выдвинуть, учитывая своеобразный характер развития древнепалеолитической техники, ее застойность, чередование периодов прогресса с периодами возвращения к старым техническим приемам и к старым формам орудий. В частности, среди мустьерских памятников Украины отсутствуют поздние, обнаруживающие признаки перехода к верхнему палеолиту, аналогичные Шайтан-кобе или Ильской.

В связи с этим не может быть конкретно обрисован и генезис верхнепалеолитического населения Украины.

Все же мы считаем ошибочным взгляд Я. Я. Рогинского [1] и В. П. Якимова,[2] возвращающихся к давно отвергнутым советскими исследователями построениям, отрицающим генетическую связь между европейскими неандертальцами и европейским населением эпохи верхнего палеолита и утверждающим, что homo sapiens возник из неандертальского типа вне Европы, проник в Европу в эпоху верхнего палеолита, вытеснив или ассимилировав продолжавших там существовать европейских неандертальцев. Конструировать подобную миграцию — значит совершенно отвлекаться от конкретной исторической обстановки тех древнейших эпох, когда отсутствовали какие-либо межгрупповые объединения и связи, население было крайне редким и человек делал лишь самые первые шаги на пути покорения окружающей природы. Тогда могло иметь место только исключительно медленное расселение людей в ранее необитаемых областях, но никак не переселение людей современного физического типа в уже заселенную неандертальцами Европу. Крупные этнические массивы, которые могли бы осуществить своего рода «переселение народов», тогда отсутствовали, а единичные группы людей современного физического типа, проникшие на охотничью территорию неандертальцев, были бы последними уничтожены.

Мы имеем основание утверждать, что предками верхнепалеолитического населения Украины явились шелльские и мустьерские обитатели тех же территорий, оставившие такие шелльские и мустьерские местонахождения, как Лука-Врублевецкая, Кодак, Деркул и др.

Переходя к проблеме начальной поры верхнего палеолита Украины следует указать, что нет оснований говорить о непосредственной смене на терри-

[1] Я. Я. Рогинский. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М., 1949.

[2] В. П. Якимов. О двух морфологических типах европейских неандертальцев. Природа, 1949, № 10.

тории Восточно-Европейской равнины мустьерских памятников солютрейскими, о том, что верхний палеолит Восточно-Европейской равнины начинается с памятников типа Тельманской стоянки (верхний культурный слой), непосредственно сменяющих мустьерские памятники типа Ильской. Залегающие под солютрейскими верхнепалеолитические культурные слои обнаружены не только в северной Испании (Кастильо, Морин, Хорнос де ла Пена, Куето де ла Мина, Парпальо и другие), во Франции (Трилобит, Рют, Верхнее Ложери и другие), в Германии (Зиргенштейн, Офнет), но и на правом берегу Прута, на советско-румынской границе (Станца Рипицены). Есть все основания ожидать подобных находок и на территории Европейской части СССР. Следует считаться с общим сравнительно незначительным количеством известных нам многослойных верхнепалеолитических памятников. Во всяком случае количество многослойных поселений, в которых верхнепалеолитические (ориньякские) культурные слои перекрыты солютрейскими, не меньше количества поселений, в которых верхнепалеолитические (мадленские) культурные слои подстилаются солютрейскими, и распространение тех и других групп памятников в общем совпадает (рис. 1).

Наличие отдельных мустьерских форм орудий, главным образом остроконечников, в солютрейских комплексах типа Тельманской стоянки (верхний культурный слой) не является аргументом в пользу признания непосредственной связи мустьерской и солютрейской культур. Отщепы, скребла и остроконечники мустьерского облика вообще распространены в верхнепалеолитических поселениях Европы. По направлению к более поздним слоям их количество уменьшается, но этот процесс идет далеко не равномерно. В некоторых многослойных поселениях можно констатировать отсутствие мустьерских форм в более ранних верхнепалеолитических слоях и появление их в более поздних слоях. Так, например, в Верхнем Ложери в протосолютрейском слое представлено много отщепов, скребел и остроконечников мустьерского облика, тогда как в подстилающих этот слой слоях ориньякского времени такие формы совершенно отсутствуют. В Плакар орудия, напоминающие мустьерские скребла встречены в раннемадленском слое, лежащем над солютрейским. Отдельные мустьерские отщепы и остроконечники встречены в мадленском комплексе Тимоновки.[1]

Однако остается фактом почти полное отсутствие на территории Украины верхнепалеолитических поселений, одновременных и аналогичных нижним, досолютрейским слоям соседнего румынского грота Станца Рипицены. В. И. Громов и М. В. Воеводский убедительно объясняют это тем, что начало и середина ориньякской эпохи соответствуют времени распространения максимального рисского или днепровского оледенения.[2] Таким образом в начальные эпохи верхнего палеолита значительная часть территории Украины была неблагоприятна для обитания людей. Непригодны были для обитания как обширные территории, покрытые льдами, так и территории, примыкающие к полосе льдов. Они представляли собой тундры, прорезанные сетью приледниковых потоков

[1] Подробнее о ранней поре верхнего палеолита см.: П. И. Борисковский. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья. Вестн. Ленингр. унив., 1948, № 2. — Выдвинутое там положение (стр. 107), что солютрейским слоям таких поселений, как Тельманская стоянка, вероятно, предшествовал целый ряд верхнепалеолитических, ориньякских слоев, было подтверждено обнаружением А. Н. Рогачевым в 1949 г. в Тельманской стоянке нижнего досолютрейского верхнепалеолитического культурного слоя.

[2] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. 1948, стр. 382.

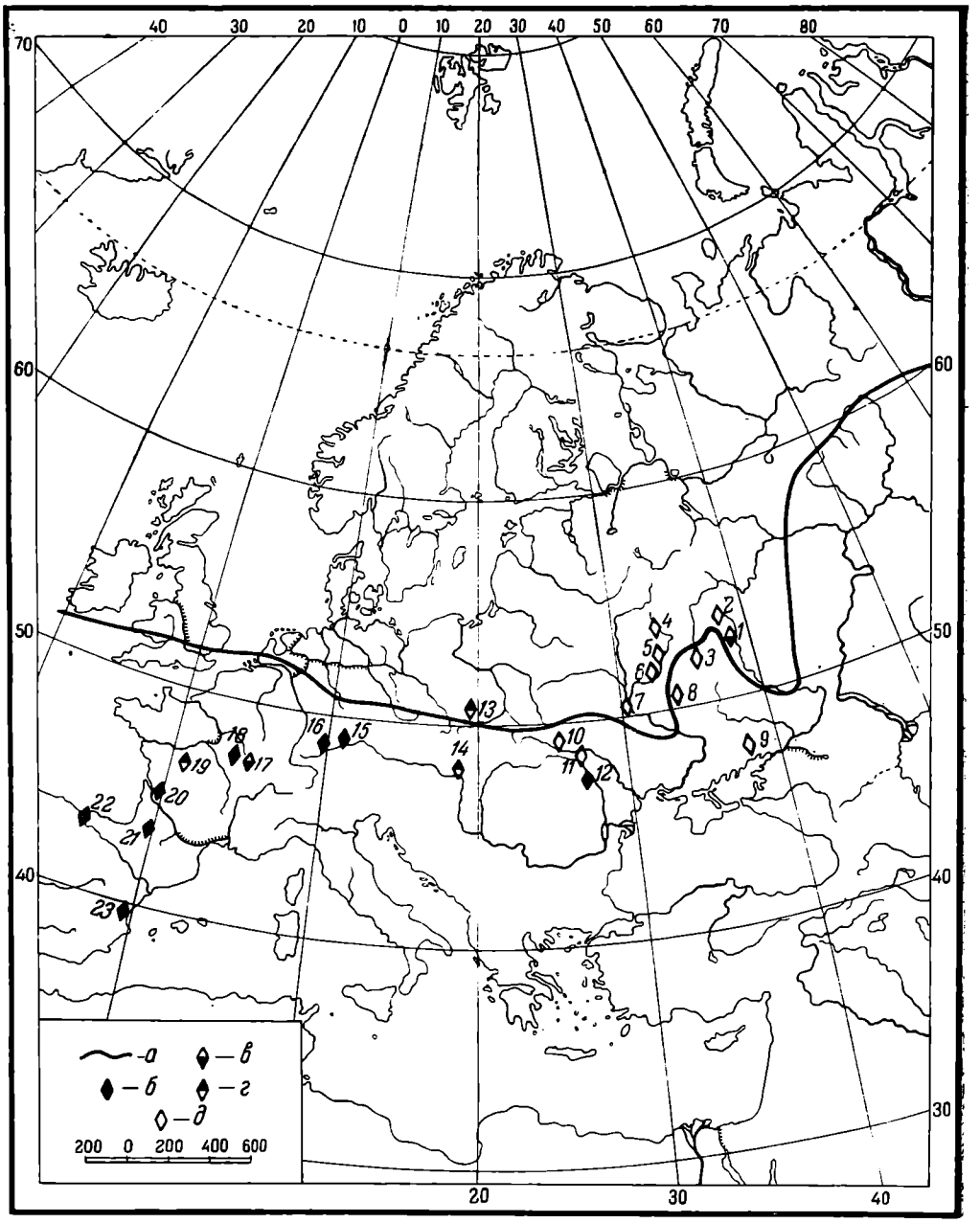


Рис. 1. Верхнепалеолитические поселения Европы.

а — граница распространения максимального днепровского (рисского) оледенения; *б* — поселения, в которых установлено переслаивание верхнепалеолитических культурных слоев, относящихся к досолютрейскому, солютрейскому и послесолютрейскому времени; *в* — поселения, в которых установлено переслаивание верхнепалеолитических культурных слоев, относящихся к досолютрейскому и солютрейскому времени; *г* — поселения, в которых установлено переслаивание верхнепалеолитических культурных слоев, относящихся к солютрейскому и послесолютрейскому времени; *д* — остальные верхнепалеолитические поселения, упоминаемые в тексте. *1* — Тельманская стоянка; *2* — Гагарино; *3* — Авдеево; *4* — Тимоновка и Супонево; *5* — стоянки окрестностей Новгород-Северска (Пушкари — Новгород-Северск — Чулатово); *6* — Мезин; *7* — Кирилловская; *8* — Гонцы; *9* — Амвросиевка; *10* — Лисичники; *11* — Бабино; *12* — Станца Ринпицены; *13* — Ежмановская; *14* — Янкович; *15* — Офнет; *16* — Зиргенштейн; *17* — Солютре; *18* — Трилобит; *19* — Плакар; *20* — Верхнее Ложери; *21* — Брассампуи; *22* — Кастильо; *23* — Парпальо.

и озер. Поэтому шансов найти на Украине памятники самого начала верхнего палеолита гораздо меньше, чем шансов найти памятники более поздних эпох. Только после отступления русских ледников на север, да и то, очевидно, не сразу, верхнепалеолитические люди заселили большую часть Украины.

Современное состояние наших знаний о верхнем палеолите Украины позволяет выделить в нем несколько хронологических групп.

Пожалуй, четче и бесспорнее всего выделяется наиболее поздняя группа. Она представлена такими поселениями, как Журавка, стоянки порожистой части Днепра, Пушкари VII (Покровщина), Владимировка, относящимися ко времени перехода от плейстоцена к голоцену, к эпохе исчезновения на территории Украины сибирского носорога, мамонта, а вслед за тем и северного оленя. Это временные стойбища с тонким культурным слоем. Другая, более древняя группа ближе всего напоминает типичный мадлен периодизации Мортилье. Она представлена такими поселениями, как Мезин, Гонцы, а также Тимоновка и Супонево в более северных районах. Это типичные для верхнего палеолита оседлые поселения охотников на мамонта, со скоплениями костей и бивней последнего, с остатками постоянных жилищ. В поселениях этой группы развита обработка кости. Среди кремневого инвентаря много орудий, предназначенных для обработки кости, в частности резцов и проколок.

Еще более древней является группа поселений, относящихся к так называемому «архаическому мадлену», представленная такими памятниками, как Кирилловская, Студеница, Амвросиевка. По типу поселений и жилищ, по основным формам хозяйства эта группа не отличается от предыдущей; отличается она более примитивной техникой раскалывания кремня и кремневыми орудиями, среди которых преобладают нуклевидные скобели и нуклевидные и атипичные резцы.

Наконец, ранняя пора верхнего палеолита — ориньяко-солютрейское время — представлена такими поселениями, как Пушкари I, некоторыми местонахождениями Поднестровья, а в более северных районах — Авдеевым, Тельманской стоянкой, Костенками I. По типу поселений и жилищ эти памятники, насколько нам известно, не отличаются от двух предыдущих групп. Но обработка кости здесь развита несколько слабее, а самое главное — кремневая техника очень своеобразна и по сравнению с предшествующей группой высоко развита. Резцов мало. Преобладают острия и наконечники разных типов. Иногда появляется солютрейская отжимная ретушь.

Эти четыре хронологические группы верхнепалеолитических поселений не только территории Украины, но и всей Восточно-Европейской равнины (табл. I), общеизвестны. Они установлены, главным образом, работами П. П. Ефименко [1] и в основном являются общепризнанными.

Разумеется, такое деление на четыре хронологические группы в какой-то мере схематично. Между группами есть черты генетической связи, так же как есть памятники, занимающие промежуточное место между группами. Более подробно на подразделениях внутри групп и на промежуточных формах мы остановимся впоследствии. Впоследствии же мы приведем и стратиграфические обоснования этих четырех групп, так же как и их подразделений. Сейчас остановимся на содержании, вкладываемом в перечисленные основные хронологические группы.

Наиболее поздняя группа, четвертая (с нее мы начали перечисление, приведенное несколько выше), сильно отличается от всех предыдущих по форме хозяйства, по типу поселений и жилищ, по образу жизни людей,

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, табл. на стр. 440.

Таблица I

IV. Позднемадленские и раннемезолитические памятники	Владимировка, Журавка, Боршево II и др.
III. Мадленские памятники	Тимоновка, Супонево
II. Раннемадленские памятники	Студеница, Кирилловская, Амвросиевка, Костенки II, Костенки III
I. Ориньяко-солютрейские памятники	Колачковцы I и Бабино на Днестре. Станца Рипицены — слои I, III, V. Пушкари I, Гагарино, Костенки I, Тельмановская стоянка

оставивших эти поселения, не говоря уже о кремневой технике. Поселения этой группы располагаются, как правило, у самой реки, значительно ниже и ближе к реке, чем поселения более древние, напоминая характером своего расположения неолитические охотничье-рыболовческие поселения. В них отсутствуют постоянные полуземляночные или наземные жилища, заполненные костями мамонтов и других животных и сооружавшиеся с использованием в конструкции таких костей. Отсутствуют ямы, заполненные костями крупных животных, и скопления таких костей в слое. Поселения представляют собой остатки временных, сезонных стойбищ бродячих групп охотников-собирателей, вероятно состоящих из легких наземных жилищ вроде шалашей. Культурный слой в них тонкий — до 10 см толщины. Характерно, что при его исследовании практикуется в процессе расчистки оставление на местах первоначального залегания всех культурных остатков, включая сюда и небольшие осколки кремня. Такая методика возможна лишь в том случае, если исследователь имеет дело с тонким, бедным находками культурным слоем. Гораздо чаще, чем более древние поселения, эти позднепалеолитические памятники бывают многослойными, причем перекрывающие друг друга слои очень близки между собой по времени и по характеру культурных остатков. Они отложились за сравнительно короткий промежуток времени в результате сезонных перекочевок и периодического возвращения людей на места их первоначального обитания.

В хозяйстве обитателей этих позднепалеолитических поселений перестала играть ведущую роль охота на мамонтов. Объектами охоты являлись различные, часто мелкие животные. Охота на последних с применением ловушек и силков могла, по справедливому предположению С. Н. Замятнина, подготовить появление лука, так же как развитие кремневой вкладышевой техники, проявляющееся в микролитизации и хорошо прослеженное в поселениях этой группы, могло подготовить появление стрел.

Все перечисленные признаки резко отличают наиболее позднюю, четвертую группу верхнепалеолитических поселений Украины и прилегающих областей Восточно-Европейской равнины не только от непосредственно предшествующей ей третьей, но в равной мере от всех трех более древних. Сопоставляя между собой три более древние группы, представленные такими известными памятниками, как Пушкари I, Кирилловская, Супонево и другие, мы видим различия между ними, проявляющиеся в технике обработки кремня, в типах кремневых орудий. Но более существенных различий — в образе жизни, типах поселений и жилищ, формах хозяйства, различий, которые можно было бы сопоставить с признаками, отделяющими четвертую группу от всех пре-

дыдущих, — мы между тремя более древними группами поселений констатировать не можем. Данный вопрос очень важен и на нем следует остановиться более подробно.

На Украине наиболее выразительным памятником первой, древнейшей группы верхнепалеолитических поселений является стоянка Пушкари I.[1] Материалы этого поселения согласуются с материалами также принадлежащих к относительно ранней поре верхнего палеолита и в общих чертах одновременных ему поселений, расположенных за пределами Украины, — Гагарина, Тельманской стоянки, Костенок I. Стоянка Пушкари I представляет собой весьма обширное оседлое поселение охотников на мамонтов, включавшее временные легкие наземные жилища, а может быть, и просто костры, горевшие на открытом воздухе, и прочное постоянное зимнее жилище полуземляночного типа, около 50 кв. м площадью, с тремя очажными линзами, расположенными по его длинной оси. При сооружении жилища как части его конструкции использовались черепа мамонтов. Основным объектом охоты был мамонт. Охота на других животных в хозяйстве обитателей поселения играла незначительную роль. Для кремневых орудий характерно обилие крупных правильных пластин и острий разных типов: часть из них служила наконечниками охотничьего оружия. Орудия обработки кости — резцы — редки и атипичны. Налицо единичные довольно массивные рубящие орудия, приготовленные из отщепов и кусков кремня, и небольшие прямоугольные и сегментовидные орудия, свидетельствующие о существовании вкладышевой техники. Из кости изготовлялись подвески, а также лопаточки, часть которых использовалась как землекопные орудия, в частности, вероятно, при сооружении жилища. Скопление бивней и челюстей мамонтов, которыми заполнено основание жилища, является свидетельством тотемистических верований и обрядов.

Материалы такого богатого и интересного поселения, как Костенки I, могут во многом дополнить приведенную нами краткую характеристику, сделанную на основании материалов Пушкарей I. Однако они не заставят изменить или исправить эту характеристику.

Мезинское поселение относится к значительно более поздней группе верхнепалеолитических поселений Украины. О его более позднем возрасте свидетельствуют и материалы геологии.[2] Характеристику образа жизни, хозяйства, форм поселения и жилищ обитателей Мезинской стоянки можно составить как на основании напечатанных работ Ф. К. Волкова,[3] П. П. Ефименко [4] и М. Я. Рудинского,[5] так и на основании рукописных отчетов Ф. К. Волкова и его сотрудников о раскопках 1912, 1913 [6] и 1916 гг.[7]

П. П. Ефименко было вскрыто в 1909 г. на территории Мезинской стоянки — 18 кв. м. Раскопы 1912, 1913 и 1916 гг. составляют продолжение раскопа П. П. Ефименко к востоку и югу-востоку и образуют сплошной прямоугольник площадью 10×12 м. Раскоп 1914 г. расположен

[1] М. Я. Рудинский. Пушкари. СА, IX. — П. І. Борисковський. Палеолітична стоянка Пушкарі І. Палеоліт і неоліт України, 1947.

[2] В. И. Громов, ук. соч., стр. 153.

[3] Ф. К. Волков. Палеолитическая стоянка в Мезине Черниговской губ. Тр. XIV АС, т. III. — Th. Volkov. Nouvelles découvertes dans la station de Mezine. Congr. intern. d'anthropologie et d'archéol. préhist., Compte Rendue de la XIV sess. Женева, 1912.

[4] П. П. Ефименко. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезине. Ежегодник Русск. антрополог. общ. при СПб. унив., т. IV, 1913. — Он же. Первобытное общество, стр. 499—507.

[5] Мізин, 1931.

[6] Архив ИИМК, ф. 1, д. № 366, 1913.

[7] Архив ИИМК, ф. 1, д. № 154, 1916.

к северо-западу от раскопа П. П. Ефименко и также составляет его прямое продолжение. Площадь раскопа 1914 г. — около 34 кв. м.

В раскопе 1909 г. П. П. Ефименко было обнаружено линзообразное утолщение культурного слоя. Большое скопление костей, в частности бивней мамонта и рогов северного оленя, а также кремней, заполняло впадину, вытянутую с юго-запада на северо-восток вдоль склона возвышенности. Общие размеры и форма впадины не могли быть прослежены ввиду небольшой площади раскопа. Она должна была иметь около 1 м в глубину и в данном сечении (приведенном в статье П. П. Ефименко 1913 г.) около 4 м в диаметре. П. П. Ефименко в своей книге «Первобытное общество» высказывает предположение, что это углубление являлось какой-то частью жилья.

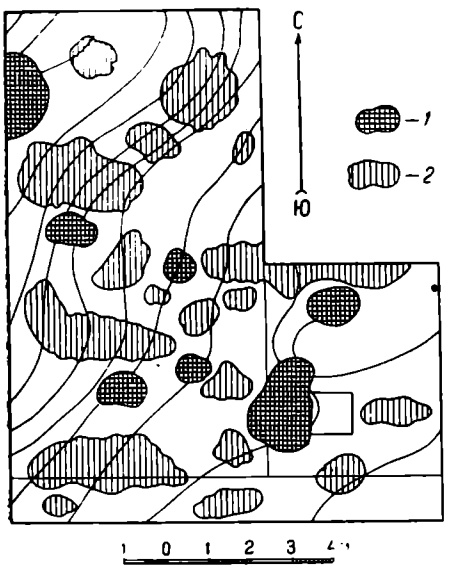


Рис. 2. Мезин. План расположения кострищ и скоплений костей в культурном слое Раскопки 1912—1913 гг. По Ф. К. Волкову. Горизонтали проведены через 20 см.

1 — кострища; *2* — скопления костей.

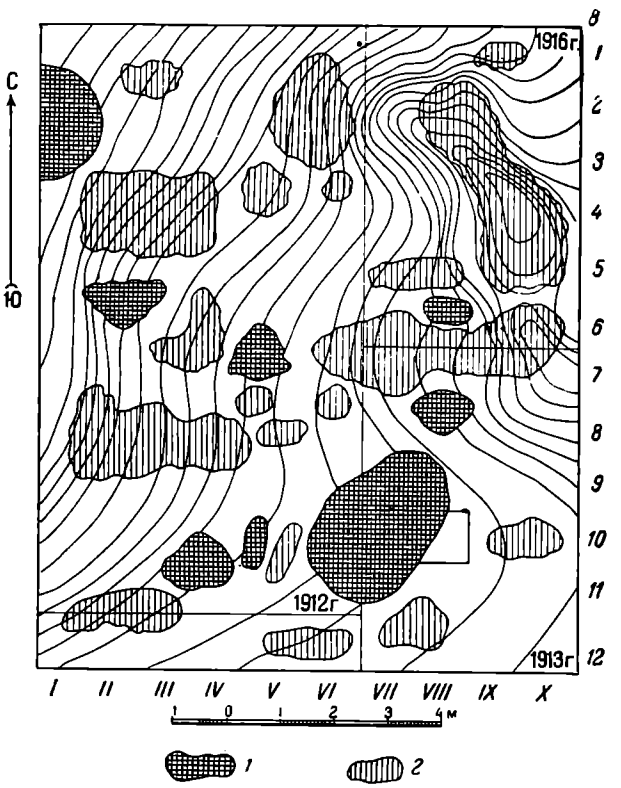


Рис. 3. Мезин. Сводный план расположения кострищ и скоплений костей в культурном слое. Раскопки 1912, 1913 и 1916 гг. По отчету о раскопках 1916 г.

1 — кострища; *2* — скопления костей.

Раскопками 1912, 1913 и 1916 гг. на площади 120 кв. м был обнаружен интенсивный культурный слой и в нем было раскрыто по меньшей мере восемь кострищ различных, большей частью овальных, очертаний и разных размеров — от 30 см до 3 м в поперечнике. На этой же площади между кострищами было раскрыто 19 скоплений костей неправильных очертаний и различных размеров — от 1 до 4.5 м в поперечнике (рис. 2, 3). Какую-либо систему в расположении кострищ и скоплений костей по планам и описаниям Волкова и его сотрудников нам проследить не удалось; не представляется возможным и интерпретировать их как остатки поселения того или иного определенного типа. Заслуживает внимания то, что скопления костей, как и в поселениях более древней первой группы, состоят по преимуществу из костей мамонта и лошади. Охота на северного оленя и мускусного овцебыка играла не малую роль в хозяйстве обитателей Мезинского поселения, так же как и охота на песца. Однако мамонт, как и в более ранние эпохи верхнего палеолита, составлял

основную массу охотничьей добычи. По подсчетам И. Г. Пидопличко, из раскопок Мезина происходят остатки 18 особей мамонта, 13 особей лошади, 14 особей мускусного овцебыка, 10 особей северного оленя, 38 особей песца.[1] Особый интерес представляет раскрытое во время раскопок 1916 г. скопление костей размерами примерно 5×1.5 м, заполняющее удлиненное углубление в древней поверхности (рис. 3). Скопление включает черепа мамонта и лошади, лежащие отдельными группами лопатки мамонтов, длинные кости мамонтов и рога северных оленей. Вполне возможно, что здесь налицо основание древнего жилища полуземляночного типа. В полевом отчете отмечена сортировка костей и то, что они были специально сложены человеком. К этому скоплению примыкает расположенное несколько выше, на древнем склоне, небольшое кострище ок. 80 см в поперечнике, заполненное древесным и костным углем и расколотыми кремнями. В кострище было найдено много раковин-подвесок и несколько шильев и других поделок из кости. В юго-восточном углу раскопа 1916 г. в том же углублении начиналось на расстоянии около 50 см от первого скопления другое скопление костей, уходившее в стенку раскопа. В расчищенной его части были обнаружены сложенные друг на друга три черепа мамонта и череп лошади, а между ними — два клина из мамонтового бивня.

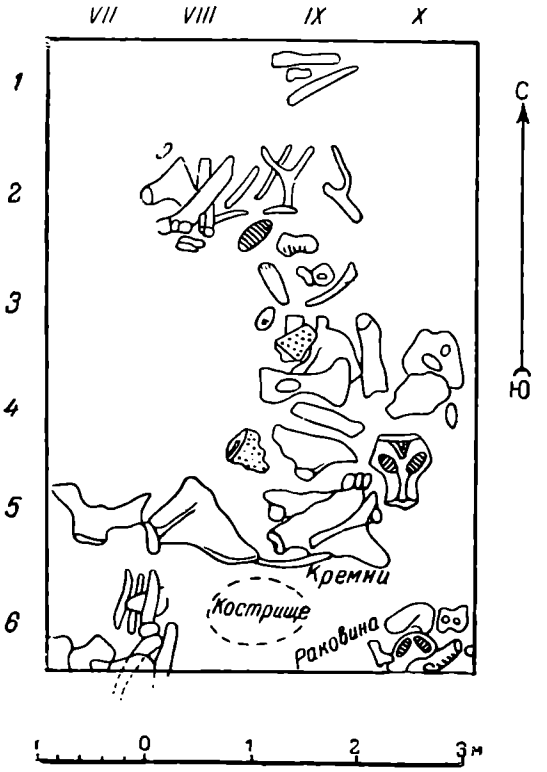


Рис. 4. Мезин. Расположение костей в культурном слое. Раскопки 1916 г. По отчету о раскопках 1916 г.

В раскопе 1913 г. также было обнаружено заполненное интенсивным культурным слоем и частично костями углубление, правда меньших размеров (1—2 м в поперечнике). Волков трактует его как древнюю ложбину, прорытую в свое время водой; опять напрашивается мысль о том, что мы имеем здесь дело с каким-то жилым сооружением. Из кострищ особый интерес представляет одно, небольшое, имеющее около 1 м в поперечнике и расположенное в северной части раскопа 1913 г. В центре его, где вертикальный разрез обнаружил несколько последовательных и вогнутых слоев угля, оказались две длинные кости мамонта, торчавшие в земле совершенно вертикально по сторонам кострища и как-будто нарочно вкопанные в землю для того, чтобы поддерживать перекладину над очагом. Подобные же вертикально вкопанные кости были обнаружены мною при расчистке одного из кострищ Пушкаревского жилища. Там они, вероятно, имели такое же назначение.

В раскопе 1914 г. также прослежен культурный слой, насыщенный большим количеством костей и кремней, и в нем скоп-

[1] И. Г. Пидопличка. Итоги изучения фауны Мезинской палеолитической стоянки. Природа, 1935, № 3.

ление крупных костей, достигающее 1.5 м в поперечнике. Как мы уже указывали, имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет дать обобщающую картину Мезинского поселения. В частности, кучи костей, о которых пишет Волков в своих отчетах, по аналогии с Костенками I и Гонцами скорее всего являются заполнением ям разного характера в древней поверхности. Имеющийся материал свидетельствует о Мезине как о весьма обширном оседлом поселении, включающем различные части, не менее сложном, чем Костенки I, и несомненно содержащем остатки постоянных жилищ. Материалы Мезина свидетельствуют о том, что это поселение существенно не отличается от более древних поселений, относящихся к более ранней поре верхнего палеолита.

Гонцовская стоянка относится к еще более позднему времени, чем Мезин, и хронологически непосредственно примыкает к временным, сезонным стойбищам четвертой группы, таким как Владимировка и стоянки окрестностей Днепрогэс. Но форма поселения здесь такая же, как в Пушкарях I и Мезине. Таков же, как в этих более древних памятниках, и характер хозяйства палеолитических обитателей Гонцов. Как известно, Гонцовская стоянка раскапывалась Ф. И. Каминским в 1873 г.,[1] В. А. Городцовым и другими лицами в 1914—1916 гг.[2] и И. Ф. Левицким и А. Я. Брюсовым в 1935 г.[3] Критический анализ материалов дореволюционных раскопок Гонцов дан П. П. Ефименко.[4] П. П. Ефименко показал, что наиболее крупная «куча» костей мамонта, раскрытая в 1914—1916 гг., на самом деле представляет собой остатки палеолитической землянки, имеющей около 6 м длины и около 4 м ширины, обложенной черепами и лопатками мамонтов, с основанием, углубленным в землю на несколько десятков сантиметров (толщина слоя костей в первой куче — 40 см). П. П. Ефименко с полной убедительностью показывает, что Гонцовское жилище представляет прямую аналогию более древним жилищам в Костенках I, Лангманнерсдорфе и Елисеевичах.

С своей стороны отметим, что рядом деталей это Гонцовское жилище близко напоминает Пушкаревское. Как и в Пушкарях, здесь, при обилии бивней и черепов мамонтов, очень редки их нижние челюсти (на 27 черепов и 30 бивней приходится 6 нижних челюстей). Как и в Пушкарях, бивни извлечены из альвеол и черепа вкопаны в одинаковом положении — альвеолами (бивневыми трубами) вниз.[5] Остальные пять «куч» костей, вскрытые в 1914—1916 гг., имеют площадь каждая от 1 до 7 кв. м. Их «высота» достигает 70 см. И. Ф. Левицкий в своем отчете о раскопках 1935 г. справедливо отмечает, что на самом деле это не кучи, а ямы, заполненные костями и кремнями и связанные с жилыми комплексами. Подобные ямы разных размеров обнаружены, в частности, в Костенках I. Наиболее крупная из гонцовских ям, площадь которой достигала 7 кв. м, могла быть и землянкой, подобно землянкам, расположенным на территории большого наземного жилища в Костенках I. Остальные могли служить ямами для хранения запасов. После того, как поселение было оставлено человеком, ямы могли заполниться обычным содержимым палеолитического культурного слоя — костями, кремнем, углями.

---

[1] Ф. И. Каминский. Следы древнейшей эпохи каменного века на р. Суле и ее притоках. Тр. III АС, т. I.

[2] В. А. Городцов. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. Тр. Отд. археологии РАНИОН, I, 1926.

[3] І. Ф. Левицький. Гонцівська палеолітична стоянка. Палеоліт і неоліт України, 1947. — А. Я. Брюсов. Гонцовская стоянка. СА, V, 1940.

[4] П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 556—560.

[5] Такая же картина обнаружена и в Елисеевичах.

Раскопками 1935 г. была вскрыта очень большая площадь — 480 кв. м, на одном из участков непосредственно примыкающая к основному раскопу Городцова и захватывающая его. В своем отчете Левицкий указывает на наличие в Гонцах пяти палеолитических горизонтов, перекрывающих один другой и близких друг другу по времени. Однако самый верхний горизонт (*i*) и два самых нижних (*m* и *n*) представлены единичными изолированными находками обломков костей и кремней и культурными слоями в собственном смысле слова не являются. Культурными слоями в собственном смысле слова являются горизонт *k*, подстилающий горизонт *i*, и горизонт *l*, подстилающий горизонт *k*.

Культурный слой *l* — основной культурный слой Гонцовского поселения, распространенный на всей его площади, исследовавшийся до того раскопками Каминского и Городцова и обнаруженный на всей территории больших раскопов 1935 г. К нему относятся землянка и примыкающие к ней ямы, вскрытые Городцовым. Левицкий в своем отчете указывает, что в 1935 г. в этом культурном слое было обнаружено недалеко от описанной выше землянки основание наземного жилища в виде субквадрата неправильных очертаний, размерами 4×4 м, заполненного скоплением культурных остатков. Близ него располагалось несколько округлых ям-хранилищ, имеющих до 1.5 м в поперечнике и до 70 см глубины. Левицкий полагает, что часть ям, вскрытых в 1914—1916 гг., также относится к этому наземному жилищу. На других участках раскопов 1935 г. были вскрыты, по Левицкому, остатки двух аналогичных жилищ и ряд кострищ, достигающих 3.5 м в поперечнике, содержащих сплошной зольный слой до 2 см толщиной. Близ этих кострищ находились скопления костей мамонта, северного оленя и других животных.

Таким образом, можно констатировать, что основной культурный слой Гонцов, подобно Мезину, Пушкарям I, Костенкам I и многим другим верхнепалеолитическим памятникам, дает картину сложного оседлого поселения, состоящего из нескольких частей, включающего жилища земляночного типа, легкие наземные жилища и связанные с теми и другими кострища и большие скопления костей мамонтов. Каких-либо принципиальных отличий тип Гонцовского поселения, по сравнению с гораздо более древними верхнепалеолитическими поселениями, не дает.[1]

Верхний культурный слой (*k*) был обнаружен в Гонцах только во время раскопок 1935 г. Он представлен над основным культурным слоем (*l*) всего лишь в одном месте, на площади 92 кв. м, и залегает выше него на 70—90 см. На этой площади Левицкий прослеживал основание наземного жилища в виде заполненной культурными остатками округлой площадки, имеющей в поперечнике 4.25 и 3.90 м. В центре площадки расположена очажная ямка, имеющая около 40 см в поперечнике, 18 см глубины и заполненная золой и углями. На территории жилища Левицким расчищен ряд небольших ямок. Их диаметр 5—20 см. В таких же пределах колеблется и их глубина. Часть из них, по мнению Левицкого, сохранилась от каркаса огнища, а остальные являлись ямками от столбов, подпиравших кровлю жилья. По наклону ямок, в которые упирались столбы, поддерживавшие кровлю, Левицкий устанавливает высоту жилища, равную 4 м. Отдельные, выводы и утверждения Левицкого

[1] Продолжение изучения материалов Мезина и Гонцов привело нас к выводу, что в Мезине сохранились остатки такого же большого наземного жилища, как в Костенках I и в Авдееве, в то время как Гонцовский жилой комплекс ближе всего напоминает жилой комплекс Пушкарей I, также включающий остатки зимнего жилища-полуземлянки, легких временных летних жилищ и костров, горевших на открытом воздухе.

являются спорными. Сомнительны устанавливаемые им следы глиняной обмазки этого палеолитического жилища и метод определения высоты последнего. Но применявшаяся им методика расчистки культурного слоя и фиксации наблюдений очень точна, и основные наблюденные им факты сомнений не вызывают.

В 5 м к северу от жилища располагались остатки костра в виде насыщенной золой линзы 55 и 50 см в поперечнике и до 1.5 см толщины. Костер, вероятно, горел на открытом воздухе.

Обращает на себя внимание отсутствие в верхнем культурном слое Гонцов больших скоплений костей мамонтов, столь характерных для нижнего, основного культурного слоя (в фауне верхнего слоя, как и в нижнем, представлены мамонт, северный олень и заяц). Обращает на себя внимание также то, что верхний культурный слой тонок, не содержит остатков ни землянок, ни ям-хранилищ, а лишь остатки наземного жилища и костра, горевшего на открытом воздухе. Левицкий отмечает сходство этого жилища с жилищем, открытым им в Осокоривке. Кремневые орудия верхнего слоя мало чем отличаются от нижнего. Левицкий указывает лишь, что в верхнем слое значительно меньше, чем в нижнем, боковых резцов.

Большинство советских исследователей с полным основанием относит Гонцы (основной культурный слой) к позднемадленскому времени. И в этой связи открытие в Гонцах в 1935 г. верхнего культурного слоя, сохранившегося от поселения совершенно другого типа, чем поселение, от которого сохранился нижний культурный слой, представляет большой интерес. Видимо, Гонцы находятся на рубеже более древней, весьма длительной эпохи существования оседлых поселений охотников на мамонта и более поздней, значительно менее длительной эпохи распространения временных, сезонных стойбищ, составляющей переход к мезолиту. Основной, нижний, культурный слой Гонцов представляет собой один из самых поздних (можно даже сказать запоздалых) памятников более древней эпохи, охватывающей бо́льшую часть верхнего палеолита. Верхний культурный слой Гонцов, содержащий кремневые орудия и фаунистические остатки, весьма близкие к нижнему слою, открывает собой более позднюю, уже тяготеющую к мезолиту эпоху. Переход к этой более поздней эпохе, изменение характера поселений и форм хозяйства едва ли были вызваны относящимся к концу плейстоцена исчезновением с территории Украины сначала мамонта, а затем северного оленя. В верхнем культурном слое Гонцов, как и в ряде других поселений четвертой группы, представлены кости и того и другого вида. Мы имеем здесь дело с общим процессом развития охотничьего хозяйства.

Мы выбрали три наиболее изученных поселения, относящихся к различным эпохам верхнего палеолита, чтобы убедиться на их примере в однородности образа жизни, форм поселений и хозяйства первобытного населения Украины на протяжении бо́льшей части верхнего палеолита, охватываемой первыми тремя из перечисленных в начале этой работы хронологических групп памятников. О такой однородности свидетельствуют и другие верхнепалеолитические поселения Украины, относящиеся к тем же эпохам. Но ввиду меньшей изученности материалы их менее показательны и могут быть использованы лишь как дополнительные к материалам перечисленных выше поселений.

Кирилловская палеолитическая стоянка, относящаяся ко второй хронологической группе описываемых нами верхнепалеолитических памятников Украины, исследовалась В. В. Хвойкой полвека назад, в 90-х годах XIX в. Методика, применявшаяся Хвойкой, была передовой и

заключалась в прослеживании планировки культурных остатков в горизонтальной плоскости и в оставлении культурных остатков в процессе их расчистки на местах. Однако описания условий залегания культурных остатков Кирилловской стоянки, приводимые в статьях Хвойки, являются очень краткими и отрывочными. Нижний культурный слой, раскрытый в общей сложности на площади около 9000 кв. м, содержал большие скопления костей мамонтов, принадлежащие по меньшей мере 67 особям. Среди костей мамонтов находилось большое количество бивней и черепов. В нижнем культурном слое Хвойкой было прослежено несколько скоплений костей и других культурных остатков. Одно из них, 40—50 см толщины, имело свыше 50 м в длину и 15—18 м в ширину, причем содержимое его состояло преимущественно из пережженных или обгоревших костей мамонта, из золы и угля; вокруг него были нагромождены необгоревшие кости мамонта. Вполне вероятно, что такое скопление или другие ему подобные представляли собой остатки постоянного жилища земляночного типа, аналогичного описывавшимся выше. В нижнем культурном слое Кирилловской стоянки мы имеем дело опять-таки с обширным сложным оседлым поселением большой группы (вероятно, целого рода) охотников на мамонтов.

В верхнем культурном слое Кирилловской стоянки отсутствуют большие скопления костей мамонтов, столь характерные для нижнего слоя. Культурный слой состоит из округлых зольных пятен, имеющих около 2 м в поперечнике и 5—10 см толщины. На вскрытой площади верхнего культурного слоя, равняющейся 600 кв. м, было обнаружено 20 таких пятен. В верхнем культурном слое было обнаружено много обработанного кремня и некоторое количество обломков костей.

Кремневые орудия верхнего культурного слоя очень близки к орудиям нижнего слоя и свидетельствуют о небольшой разнице во времени между ними.[1] Они демонстрируют уровень техники, близкий к Гонцовскому, но более древний. Фауна обоих культурных слоев Кирилловской стоянки также свидетельствует об их близости между собой во времени. Переход от нижнего к верхнему культурному слою Кирилловской, так же как переход от нижнего к верхнему культурному слою в Гонцах, характеризует общий для всей территории Украины (да и для соседних территорий Восточно-Европейской равнины) процесс перехода от больших сложных оседлых поселений охотников на мамонтов к позднепалеолитическим временным сезонным стойбищам. Видимо, этот процесс не на всей территории Украины проходил совершенно одновременно и в совершенно одинаковых формах. Кремневые орудия нижнего слоя Гонцов свидетельствуют о его более позднем возрасте по сравнению с верхним горизонтом Кирилловской. А тип поселения, представленный верхним горизонтом Кирилловской, носит более поздний характер, чем тип поселения, представленный нижним слоем Гонцов. Правда, следует иметь в виду, что такие расхождения захватывают сравнительно небольшой отрезок времени. Переход к новым формам хозяйства и к новому образу жизни происходил не совсем равномерно и не всюду абсолютно совпадал во времени с изменением каменных орудий. Возможно, у древних обитателей Кирилловской стоянки дольше удержались старые формы каменных орудий. Возможно и другое, — что они раньше, чем другие племена, перешли к новому образу жизни, сохранив еще на некоторое время ста-

---

[1] П. И. Борисковский. Кирилловская палеолитическая стоянка. МИА СССР, № 2, 1941.

рые орудия. Но подобные расхождения во времени и в темпах едва ли были особенно большими.

Амвросиевское поселение по формам своего кремневого инвентаря более всего напоминает поселения второй группы, такие как Кирилловская (нижний культурный слой), и, вероятно, близко́ к ним по времени. Оно расположено в степях Приазовья, благоприятствовавших продуктивной охоте на зубров. Поэтому мы имеем здесь дело не с поселением охотников на мамонта, как в Кирилловской, Гонцах, Мезине и т. д., а с поселением охотников на зубра.

Тотемистические верования и обряды, нашедшие столь яркое отражение в Пушкарях, видимо, в такой же точно форме представлены и в Амвросиевке. Только здесь тотемом, чьи кости тщательно хранились и складывались в определенное место, был зубр.

Для территории Украины мы можем констатировать на протяжении большей части верхнего палеолита, начиная от эпохи, представленной такими памятниками, как Пушкари I, и кончая эпохой, представленной Гонцами, — распространение и существование одного и того же типа больших, сложных, оседлых поселений и жилищ. Они отражают в основных чертах один и тот же образ жизни, одни и те же формы хозяйства. Об однородности форм хозяйства на протяжении всего этого весьма длительного времени свидетельствуют и фаунистические остатки. Во всех поселениях основным объектом охоты, как было сказано выше, является мамонт; это относится и к таким памятникам, как Мезин, где немалую роль играет охота на северного оленя и мускусного овцебыка. Исключение составляет Амвросиевка, где в связи с условиями окружающей местности место мамонта занимает зубр.

О формах орудий, характерных для разных поселений, о развитии каменных и костяных орудий и процессах, с этим связанных, речь будет итти несколько дальше. Сейчас остановимся только на двух группах орудий — копательных и рубящих.

Распространенные в поселениях перечисленных нами первых трех групп верхнепалеолитических памятников жилища-землянки и разного рода ямы — требовали для своего сооружения копательных орудий. Последних требовали также нужды собирательства и, вероятно, охоты (ловля животных в ямы). Потребность в землекопных орудиях была значительно больше, чем в древнем палеолите, когда человек, надо думать, удовлетворялся простой деревянной копательной палкой. Но потребность была значительно меньше, чем в неолите, когда, в связи с нуждами огородничества, появляются четко выработанные каменные и роговые наконечники мотыг, повторяющие одни и те же формы. Большое количество верхнепалеолитических каменных и костяных орудий на протяжении длительных эпох повторяет одни и те же устоявшиеся, выработанные формы (скребок, резец, наконечник с выемкой, игла, гарпун и т. д.). Но к наконечникам копательных орудий это не относится. Доземледельческая копка была развита все-таки сравнительно мало, и потребность в копательных орудиях с костяными наконечниками, способных пробивать твердый грунт (лёсс, суглинок, промерзшую землю), была эпизодической, в отличие от постоянной, стойкой потребности в орудиях обработки кости, обработки шкур, наконечниках метательного оружия и т. д. Этим объясняется то, что, например, пушкаревская мотыга была сделана из ребра и больше напоминала обычные верхнепалеолитические лощила, в то время как мезинские мотыги были сделаны из бивня мамонта, но сильно отличались формой и размерами от сделанных также из бивня мамонта костенковских мотыг и от мотыг из оленьего рога стоянки Боршево II.

Еще в бóльшей мере это относится к рубящим орудиям. На существование их было указано П. П. Ефименко.[1] Но устойчивая повторяющаяся форма среди них отсутствует. Мы видим здесь и удлиненные овальные топорики (Костенки I, Тимоновка), и округлые диски, и небольшие двусторонне отесанные орудия неправильных очертаний (Амвросиевка, Гонцы),[2] и толстые отщепы, оббитые по одному краю (Пушкари I), и гигантолиты, достигающие 45 см длины и 8 кг весом (Новгород-Северск).[3] Во многих поселениях функции рубящих орудий, вероятно, выполняли нуклевидные формы (стоянка Поднестровья — Липа — в окрестностях Дубно) крупные пластины с подтеской с брюшка — pièces écaillées (некоторые стоянки Костенковско-Боршевского района). В отличие от эпохи неолита, когда потребность в рубящих орудиях была постоянной и формы топоров были устойчивыми, в верхнем палеолите потребность в рубящих орудиях, вероятно, была эпизодической и техника их приготовления не устоялась, так же как не устоялась сама техника рубки. Потребность в рубящем орудии удовлетворялась каждый раз по-разному. Техническая проблема изготовления рубящего орудия для того или иного случая, очевидно, каждый раз разрешалась заново, с использованием уже бытующих технических приемов, применявшихся при изготовлении резцов, пластинок с подтеской с брюшка и т. д. В этой связи обращает на себя внимание поразительное сходство новгород-северских гигантолитов с овальным топориком из Костенок I с характерными для верхнего палеолита скошенными резцами (burins busqués), а также со своеобразными нуклевидными орудиями из стоянки Липа в окрестностях Дубно (раскопки М. И. Островского и М. Я. Рудинского). Последние небольших размеров, в среднем около 5 см длины, но обработаны с одного конца, точно так же как гигантолиты, узкими, длинными, параллельными пластинчатыми сколами, образующими лезвие нуклевидного скобеля. Противоположный конец тоже, подобно гигантолитам, обработан двусторонней стеской. У древних обитателей Липы эти орудия могли выполнять функции и режущих и рубящих орудий.

Мы видели, что верхнепалеолитические поселения Украины, начиная с таких относительно ранних, как Пушкари I, и кончая такими относительно поздними, как Гонцы, относятся к одной большой эпохе, для которой характерны в общем одинаковые формы хозяйства, поселений, жилищ. Но можно ли в пределах этой эпохи проследить хронологические различия и каково будет историческое и экономическое содержание данных различий?

Мы уже перечисляли три группы поселений, относящихся к этой большой эпохе. Сейчас нам предстоит более подробно остановиться на подразделениях внутри трех групп, на стратиграфических обоснованиях и групп и их подразделений, наконец, на содержании и тех и других.

Ряд известных на территории СССР верхнепалеолитических поселений с двумя разновременными культурными слоями (их значение с этой точки зрения не всегда освещено) позволяет поставить на твердую основу многие вопросы относительной хронологии верхнего палеолита СССР. Перечислим такие важные в хронологическом отношении памятники.

Раскопки А. Н. Рогачева 1938 и 1948 гг. обнаружили в Костенках I нижний культурный слой, содержащий типичные солютрейские кремневые наконечники, сплошь обработанные с обеих поверхностей отжимной ретушью. Это открытие показало, что Тельманская стоянка, во мно-

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 400—403.
[2] И. Ф. Левицкий, ук. соч., стр. 215, рис. 8.
[3] И. Г. Пидопличка. Кремневые «гигантолиты» из Новгород-Северска. МИА СССР, № 2, 1941.

ном близкая нижнему культурному слою Костенок I, является более древней, чем основной культурный слой Костенок I, и что последний относится к концу солютрейского времени, к периоду исчезновения солютрейской отжимной ретуши и солютрейских наконечников.[1]

Стоянка Авдеево, расположенная в 35 км от Курска и исследовавшаяся М. В. Воеводским в 1946, 1947 и 1948 гг. и А. Н. Рогачевым в 1949 г., является однослойным памятником. Но ее культурные остатки весьма достопримечательны в хронологическом отношении. Как известно, своими культурными остатками Авдеево в точности напоминает Костенки I, является их копией (кремневые орудия и техника их приготовления, костяные лощила, наконец, женские статуэтки, найденные в 1948 г.). Но в то же время Авдеево (особенно материалы из раскопок 1948 г.) обнаруживает отдельные черты, отсутствующие в Костенках I и генетически связывающие его с более поздними поселениями. Среди кремневых орудий Авдеева представлен ряд поздних форм, напоминающих поселение Костенки IV Это узкие тонкие пластинки с затупленным краем, узкие тонкие острия с двумя затупленными краями («кремневые шилья», как их называет Рогачев в Костенках IV), пластины, составляющие переходную форму от представленных в Костенках I экземпляров с легкой ретушью с брюшка на конце к экземплярам с подтеской с брюшка, представленным в Костенках IV, наконец, пластинка с зубчиками по длинному краю, — форма, представленная в Костенках IV, но отсутствующая в других более древних поселениях. Этим чертам генетической связи Авдеева, а значит и Костенок I и Тельманской стоянки, с более поздними Костенками IV соответствует факт находки в Костенках IV под культурным слоем прекрасного солютрейского кремневого кинжала или наконечника копья.[2]

С другой стороны, орнамент на кости из Авдеева, отличаясь от костенковского, во многом напоминает Мезин. В Авдееве представлены многочисленные зигзаги, иногда усложненные, образующие уже переход к меандру, шевроны и т. д.

Культурные остатки Авдеева имеют большое самостоятельное значение. В данном случае они интересны как показатель генетической связи поселений типа Костенок I с поселениями типа Костенок IV и Мезина и для определения их хронологических отношений.

Важные хронологические выводы позволяют сделать палеолитические поселения окрестностей с. Пушкари на Десне.

Кремневый инвентарь, находимый на поверхности поселения Пушкари I, несколько отличается от кремневого инвентаря, происходящего из культурного слоя, и представляет более поздний, верхний культурный слой поселения. Среди подъемного материала, как и в культурном слое, много разнообразных острий, имеются формы, близкие к наконечникам с выемкой. Но в отличие от инвентаря культурного слоя среди подъемного материала имеется значительное количество коротких правильных концевых скребков до 4 см длины и маленьких правильных боковых резцов до 4.5 см длины с узким вертикальным резцовым сколом и мелкой крутой затупливающей ретушью на конце. Такие формы отсутствуют в культурном слое, для инвентаря которого вообще характерны сравнительно крупные размеры пластин и орудий, а также малое количество и атипичность резцов. А между тем, как раз такие формы являются дати-

[1] А. Н. Рогачев. О нижнем горизонте культурных остатков Костенок I. КСИИМК, вып. XXXI.

[2] Новейшие исследования А. Н. Рогачева, посвященные Костенкам IV, заставляют пересмотреть возраст этого интересного поселения, которое, может быть, окажется более древним, чем это предполагалось ранее.

рующими и характерны для более поздних, уже средне- и позднемадленских стоянок.

Подъемный материал стоянки Пушкари I в точности напоминает материал стоянки Погон, или Пятый метр, открытой и раскапывавшейся М. В. Воеводским и расположенной в 200 м к юго-востоку от стоянки Пушкари I.[1] Из культурного слоя этой стоянки происходит значительное количество острий разных типов, несколько наконечников с выемкой и пластинок с затупленным краем, имеющих прямоугольные очертания. Все эти орудия представлены и в культурном слое и среди подъемного материала стоянки Пушкари I. Но стоянка Погон содержит также много типичных срединных и боковых резцов на правильных удлиненных пластинках и коротких правильных концевых скребков (в отдельных случаях даже двойных) мадленского типа. Наличие этих орудий позволяет говорить о близком сходстве стоянки Погон и верхнего слоя стоянки Пушкари I, к которому относится подъемный материал. Вероятнее всего, подъемный материал стоянки Пушкари I представляет собой остатки тянущегося сюда, выходящего на поверхность и размытого культурного слоя стоянки Погон. Этому соответствуют и высотные отметки обеих стоянок. Но культурный слой стоянки Погон в той ее части, которая раскапывалась М. В. Воеводским, перекрыт культурным слоем стоянки Бугорок, имеющим, правда, значительно меньшее распространение и содержавшим кости мамонта и мускусного овцебыка, а также многочисленные кремневые орудия.[2] Кремневый инвентарь стоянки Бугорок близко напоминает такие поселения, относящиеся уже ко второй половине мадленской эпохи, как Гонцы и Чулатово II. Размеры орудий небольшие. Среди орудий преобладают боковые резцы, острия со скошенным концом, короткие концевые скребки, в том числе и двойные геометризованные. Представлены и нуклевидные скребки. Совершенно отсутствуют симметричные острия и наконечники с выемкой, найденные в стоянках Погон и Пушкари I. Таким образом, культурный слой стоянки Пушкари I перекрыт культурным слоем стоянки Погон, а последний (на другом участке) перекрыт культурным слоем стоянки Бугорок. Все это дает нам возможность построить стратиграфически обоснованную колонку:

III. Стоянка Бугорок.

II. Стоянка Погон (то же самое — подъемный материал стоянки Пушкари I).

I. Стоянка Пушкари I (культурный слой).

Таким образом, стратиграфически обосновывается относительная хронология поселений первой группы верхнепалеолитических памятников, таких как Пушкари I, и поселений третьей группы, скорее даже переходных от третьей группы к четвертой, таких как Гонцы и Бугорок. Стоянка Погон, кремневый инвентарь которой содержит элементы более поздней техники, по своему стратиграфическому положению и по характеру этого инвентаря образует связующее звено между двумя группами — ориньяко-солютрейской и мадленской. Материалы стоянки Погон свидетельствуют о неправильности для территории Восточно-Европейской равнины резкого расчленения этих двух групп и противопоставления их друг другу.

Таким образом, стоянки окрестностей Пушкарей обосновывают связь памятников типа Гонцов и Бугорка с более древней первой группой.

---

[1] М. В. Воеводский. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX.

[2] М. Д. Гвоздовер. Палеолитическая стоянка Бугорок. КСИИМК, вып. XV, 1947.

Два культурных слоя Гонцов, о которых речь шла выше, стратиграфически обосновывают последовательность самых поздних памятников группы III и самых ранних памятников группы IV.

Два культурных слоя Кирилловской стоянки, о которых речь шла выше, стратиграфически обосновывают последовательность памятников группы II и самых поздних памятников группы III.

Три культурных слоя стоянки Боршево II стратиграфически обосновывают взаимную последовательность памятников группы IV и их связь с самыми поздними памятниками группы III.

Таким образом, мы видим, что на территории Восточно-Европейской равнины все-таки имеются несколько многослойных верхнепалеолитических поселений, материалы которых позволяют стратиграфически обосновать последовательность наших верхнепалеолитических памятников, начиная с самых ранних и кончая наиболее поздними (табл. II). Материалы этих многослойных поселений столь же важны в хронологическом отношении, как материалы расположенного па правом берегу Прута многослойного грота Станца Рипицены.

Как известно, Станца Рипицены содержит перекрывающие друг друга слои — среднеориньякский, позднеориньякский, солютрейский и среднемадленский.

Основываясь, главным образом, на этих многослойных памятниках (включая грот Станца Рипицены), мы можем следующим образом изложить взаимную последовательность верхнепалеолитических поселений Украины.

Первая группа, древнейшая. Возможно, что в дальнейшем на юге Украины, далеко от границ максимального распространения днепровского оледенения, будут обнаружены памятники, относящиеся к самой ранней поре верхнего палеолита, аналогичные абри Оди и раннеориньякскому слою Зиргенштейн. Но в настоящее время наиболее ранними верхнепалеолитическими памятниками Украины являются Бабино, урочище Яма, Колачковцы I и Ганусивцы, одновременные двум нижним слоям Станца Рипицены. К близкому, но несколько более позднему времени должны были бы относиться позднеориньякские памятники с кремневыми наконечниками с выемкой. Однако известная на территории СССР группа этих памятников (Гагарино, Боршево I, Бердыж, Пушкари I), в результате сделанных за последние годы открытий многослойных памятников (Костенки I, Пушкаревские стоянки), нуждается в передатировке и в большей своей части оказывается относящейся к значительно более позднему времени. Гагарино следует относить ко времени более позднему, чем Костенки I и Авдеево. Также следует передатировать Пушкари I, памятник, тесно связанный с Погоном, а через него и с памятниками III и IV группы.

К еще более позднему времени следует отнести поселение Боршево I, кремневый инвентарь которого с его многочисленными маленькими боковыми резцами, небольшими концевыми скребками и миниатюрными тонкими пластинками с затупленным краем, служившими вкладышами,[1] близко напоминает Погон и даже нижний культурный слой Боршево II.

Следующая ступень представлена на смежных с Украиной территориях такими солютрейскими памятниками, как Тельманская стоянка, нижний слой Костенок I, пятый слой Станца Рипицены, Городница на Днестре. На территории Украины сюда относятся отдельные находки

[1] Малые размеры кремневых орудий и нуклеусов Боршева I нельзя объяснить характером сырья, находившегося в распоряжении человека, так как во многих соседних поселениях Костенковско-Боршевского района из того же кремня изготовлялись значительно более крупные орудия.

солютрейских кремневых наконечников, сделанные в окрестностях Бабино на Днестре Морошаном в 1932 г. и А. П. Чернышем в 1948 г., а также находки, сделанные выше по Днестру в Незвиске и Конюшках. К несколько более позднему времени относятся позднесолютрейские памятники, как Костенки I и Авдеево. Еще позднее их Пушкари I и Гагарино. Для всей этой большой группы поселений, обычно именуемой ориньяко-солютрейской, характерен довольно высокий уровень обработки кремня, малое количество орудий обработки кости — резцов — и преобладание разного рода острий и наконечников, часть из которых служила наконечниками копий и дротиков. В определенную эпоху для обработки этих кремневых наконечников применяется отжимная солютрейская ретушь.

Такие памятники, как Авдеево и Погон, свидетельствуют о тесной, генетической связи поселений первой группы с более поздними поселениями третьей группы. С этой точки зрения стоянку Погон следует даже вынести за пределы первой группы, рассматривая ее как памятник переходный.

Представляет значительные трудности датировка второй, более поздней группы верхнепалеолитических поселений Украины (Кирилловская, Студеница, Амвросиевка, а также Костенки II и Костенки III на соседних территориях). Генетические связи устанавливаются для первой группы непосредственно с третьей, минуя вторую. Внутри второй группы только верхний культурный слой Кирилловской стоянки свидетельствует о некоторых генетических связях с поздними памятниками III группы. Но четкие генетические связи второй группы с первой пока не прослеживаются. Я считаю все же вполне обоснованными аргументы, которые выдвигает П. П. Ефименко, доказывая, главным образом на материалах Костенковско-Боршевского района, раннемадленский возраст этой группы. Следует подчеркнуть широкую распространенность на территории СССР поселений такого типа. Они характеризуют определенную стадию развития кремневой техники.

В третьей группе памятников, как и в первой, можно выделить более древние и более поздние. Наиболее древним, пожалуй, является Мезин, рассматриваемый П. П. Ефименко как памятник солютрейско-мадленский.

К несколько более позднему времени относятся Тимоновка, Супонево, возможно Чулатово I. К еще более позднему времени относится значительная группа памятников — Гонцы, Бугорок, некоторые памятники Поднестровья (Барвинская гора, Кишла-Неджимова, Сокол). Эти поселения постепенно переходят в поселения четвертой позднепалеолитической группы, о которой шла речь в начале нашей работы и которая также постепенно переходит уже в собственно мезолит.

Но каково содержание обрисованной нами смены верхнепалеолитических поселений, каково содержание процесса развития кремневых орудий, ими представленного? В верхнем палеолите Украины (и прилегающих территорий Восточно-Европейской равнины) можно выделить две большие эпохи — одну, охватывающую большую часть верхнего палеолита Украины и представленную памятниками, начиная с древнейших верхнепалеолитических стоянок Поднестровья и Пушкарей I и кончая Гонцами, и вторую — позднепалеолитическую, непосредственно переходящую в мезолит. Смена этих двух эпох заключается не только в смене техники и форм каменных и костяных изделий. Эти две большие эпохи имеют разное историческое содержание и их смена соответствует большим историческим изменениям. Первая эпоха — верхний палеолит северной приледниковой провинции в собственном смысле

слова, эпоха возникновения и оформления матриархального родового строя в его ранней форме. Еще отсутствуют лук и стрелы. Основным объектом охоты является мамонт — животное, при охоте на которого ничтожную роль играет метательное оружие, успех же охоты зависит от слаженности коллектива охотников, а главным образом от случайного стечения обстоятельств. Хозяйство еще очень неустойчиво, источники средств существования еще очень ненадежны. Переход ко второй эпохе не был вызван значительными изменениями окружавших человека природных условий. В верхних слоях Гонцов и Кирилловской, так же как и в нижних слоях Владимировки и Боршева II, как в Лисичниках, по-прежнему налицо остатки мамонта и других представителей позднеплейстоценовой фауны. Изменение характера поселений и хозяйства, изменение техники были обусловлены общим процессом развития общественных и хозяйственных отношений палеолитических обитателей Украины. Эти изменения означали переход к более высокой ступени развития охотничьего хозяйства. Поселения нашей четвертой группы верхнепалеолитических памятников Украины непосредственно связаны с памятниками мезолитическими и образуют постепенные переходы к ним. Резкие изменения, прослеживаемые на рубеже третьей и четвертой группы, связаны с появлением лука и стрел, переходом к более высокому уровню развития охоты и собирательства, изменением форм того и другого. Развивающаяся все больше в четвертой группе поселений микролитизация кремневых орудий, развитие вкладышевой техники позволяют предполагать наличие лука и стрел. Топография поселений, размещение их не на возвышенных террасах и плато, а у самой воды, начинает напоминать топографию неолитических охотничье-рыболовческих поселений. Охота на мамонта хотя и не исчезает вовсе, пока водятся мамонты, но постепенно вытесняется охотой на других животных меньших размеров; успех этой охоты зависел уже главным образом от совершенства охотничьего оружия. Охота на мамонта никогда не могла бы стать одной из нормальных отраслей труда ввиду ненадежности ее результатов. Видимо, развитие техники вообще и в частности охотничьей техники и охотничьего оружия сделало возможным такой переход от охоты на мамонта к охоте на других животных. Формы хозяйства теперь начинают несколько приближаться к формам неолитического охотничье-рыболовческого хозяйства. В то же время формы техники и хозяйства территории Украины начинают напоминать формы техники и хозяйства более южных, далеких от границ оледенения районов. Если специфические формы северной приледниковой жизни и охоты вызвали появление отличной от южных районов материальной культуры, то переход к новому большому этапу развития первобытного хозяйства был общим процессом, протекавшим в сходных формах на обширных территориях.

Но если при переходе от одной большой эпохи верхнего палеолита Украины к другой можно констатировать крупные исторические и хозяйственные перемены, то в пределах первой большой эпохи крупных, значительных исторических и хозяйственных изменений не прослеживается. На всем протяжении этой эпохи от Тельманской стоянки до Гонцов одинаковый характер имеют поселения и жилища. Одинаковый характер имеет охотничье хозяйство. Одинаковый характер имеют тотемистические, религиозные верования и обряды, нашедшие отражение в пушкаревском и амвросиевском культовых скоплениях костей животных-тотемов. В эпоху верхнего палеолита Украины мы можем констатировать изменение типов и техники кремневых орудий от более древних к более поздним памятникам этой большой эпохи, так же как и некоторое изменение обработки кости. Но чем вызвано это изменение?

Мы имеем здесь дело просто с усовершенствованием орудий и техники их приготовления в процессе общественного труда, вызванным желанием людей облегчить свой труд и добиться ближайшей, ощутимой выгоды. Однако это усовершенствование орудий и техники прошло через ряд этапов, протекало неравномерно, о чем свидетельствует хотя бы расцвет, а затем полное исчезновение солютрейской отжимной ретуши. В памятниках ориньяко-солютрейской группы по направлению от более древних к более поздним можно наблюдать постепенное усовершенствование охотничьего оружия в виде разного рода кремневых острий и наконечников, при обработке которых в определенный период начинает применяться солютрейская отжимная ретушь. Но почему она исчезает в таких памятниках, как Пушкари I, Погон, Гагарино, хотя кремневые острия и наконечники продолжают существовать в большом количестве? Этот процесс скорее всего можно связывать с распространением костяных наконечников, вытесняющих каменные, а главным образом с развитием вкладышевой техники, с заменой кремневых наконечников более совершенными составными, состоящими из костяной или деревянной оправы и кремневых вкладышей.

Процесс развития вкладышевой техники охватывает весь верхний палеолит и завершается распространением мезолитических микролитов. С первыми этапами этого процесса мы встречаемся еще в поселениях, относящихся к сравнительно ранней поре верхнего палеолита. Но в северной приледниковой зоне верхнепалеолитической эйкумены маленькие кремневые вкладыши в начале верхнего палеолита не получают широкого распространения. Небольшие серии их лишь спорадически появляются в отдельных культурных слоях отдельных стоянок, затем быстро исчезая. Развитие техники и в частности развитие охотничьего оружия в северной, приледниковой зоне сначала идет по пути выработки отжимной солютрейской ретуши и разнообразных кремневых острий — наконечников охотничьего оружия. Лишь позднее, после исчезновения солютрейской отжимной ретуши, а затем и кремневых наконечников, вкладышевая техника снова, на этот раз широко распространяется и через такие памятники, как Погон, Боршево I, затем Супонево, Тимоновка, потом Гонцы и Боршево II, приводит к мезолитическим памятникам. Таким образом, основным содержанием развития верхнепалеолитической техники явилось усовершенствование охотничьего оружия. С изготовлением последнего были связаны и распространяющиеся в поселениях третьей группы разного рода резцы и проколки. Значительные исторические или хозяйственные сдвиги на протяжении первой большой эпохи верхнего палеолита Украины не прослеживаются.

Количество верхнепалеолитических поселений и местонахождений, известных на Украине, во много раз превосходит количество известных там мустьерских памятников. Следует, правда, считаться с тем, что мустьерские местонахождения, как значительно более древние, в большей мере подверглись разрушению и имели меньше шансов сохраниться до наших дней. Мустьерские памятники представляли собой остатки временных стойбищ, без больших постоянных жилищ полуземляночного типа, без таких огромных скоплений костей, какие обнаруживаются в верхнепалеолитических поселениях. Это обстоятельство тоже способствовало худшей сохранности мустьерских памятников по сравнению с верхнепалеолитическими. При характеристике расселения верхнепалеолитического человечества на территории Украины следует считаться с тем, что очень многие памятники и их группы не обнаружены, что многие районы Украины не исследованы на палеолит. Все же некоторые выводы по вопросу о расселении сделать можно. Можно констатировать, что в верх-

нем палеолите территория Украины была заселена гуще, чем в мустьерскую эпоху. Появляются отдельные густо заселенные «обжитые» районы, где располагается значительное количество разновременных верхнепалеолитических поселений (окрестности Новгород-Северска, окрестности Каменец-Подольска, Залещиков, Дубно, окрестности Костенок и т. д.).

Известные на территории Украины верхнепалеолитические памятники распределяются очень неравномерно, что в значительной мере связано со степенью исследованности различных районов. Можно утверждать, что вся территория Украины была заселена редкими разбросанными группами верхнепалеолитических людей. Исключение составляет Полесье, заболоченные пространства которого едва ли были заселены в палеолите.

Во многих районах поселения верхнепалеолитических людей тяготели к крупным рекам, долины которых, возможно, были путями расселения.

Можно ли говорить о выделении в эпоху верхнего палеолита на Украине нескольких племенных групп со своей обособленной культурой, значительно отличающейся от одновременной им культуры других племенных групп, живших тогда же в соседних районах Украины? Я полагаю, что такое явление, характерное для неолита и более поздних эпох, еще отсутствовало на Украине в эпоху верхнего палеолита и что внутри северной, приледниковой провинции плейстоценовой Европы отсутствовали племенные группы, значительно различающиеся между собой культурой. Нет оснований, в частности, выделять, как это делает М. Я. Рудинский,[1] особую южноукраинскую «эпиориньякскую» провинцию — промежуточную между северной, приледниковой, и южной. Кремневые орудия находящейся на этой южноукраинской территории Амвросиевки, близко напоминая Кирилловскую стоянку и некоторые верхнепалеолитические памятники Поднестровья, столь же близко напоминают стоянки Костенки II и Костенки III. Четыре охарактеризованные в начале нашей работы группы верхнепалеолитических памятников представлены в равной мере и в северных и в южных причерноморских районах Украины. Верхнепалеолитические памятники Поднестровья, на которые ссылается М. Я. Рудинский, в такой же степени, как и памятники других районов Украины, размещаются по этим четырем группам. Намеченная нами несколько выше последовательность верхнепалеолитических памятников представлена в одинаковых чертах во всех районах Украины.

Сделанная в 1948 г. А. Н. Рогачевым в нижнем слое Костенок I достопримечательная находка маленьких треугольных кремневых обработанных отжимной ретушью наконечников, близко напоминающих неолитические наконечники стрел, казалось бы является свидетельством специфических особенностей верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины, резко отличающих его от верхнего палеолита более западных территорий Европы. Однако в верхнесолютрейских слоях испанской (провинция Валенсия) пещеры Парпальо тоже найдены чисто неолитические кремневые наконечники стрел.[2] Не приходится допускать каких-то непосредственных межплеменных связей или обмена верхнепалеолитических обитателей Восточно-Европейской равнины и Пиренейского

---

[1] М. Я. Рудинський. Пушкарівський палеолітичний постій і його місце в українському палеоліті. Археологія, I, Киев, 1947.

[2] Pericot Garcia. La cueva del Parpallo. Мадрид, 1942, стр. 59—63, 71. — Формы кремневых наконечников, близко напоминающих нижний слой Костенок I еще до того отмечались в солютрейских слоях ряда пещер Испании. См.: Obermaier. Fossil man in Spain. 1925, стр. 171.

полуострова. Остается предполагать, что подобные своеобразные солютрейские наконечники будут в дальнейшем найдены и на пространствах, отделяющих Пиренейский полуостров от бассейна Дона. Обнаружение столь своеобразных форм в сходных и, видимо, одновременных комплексах (на территориях, так далеко отстоящих друг от друга, что исключена возможность отнести эти комплексы к одной культурной провинции) является лучшим подтверждением мысли о единстве развития хозяйства и культуры обитателей Европы эпохи палеолита.

Отсюда мы не делаем вывода об абсолютном сходстве культуры всех верхнепалеолитических обитателей приледниковой провинции Европы и об автоматической одновременности смены их культуры и техники. Уже из нашего изложения видна невозможность вытянуть все верхнепалеолитические поселения Украины в одну линию — от более ранних к более поздним. В поселениях Пушкари I, Погон и Бугорок мы видели непосредственную связь первой группы с третьей и даже с поздними памятниками третьей группы (минуя вторую группу и ранние памятники третьей группы). В Кирилловской мы видели связь второй группы с ранними памятниками четвертой группы, а в Гонцах последним предшествовали поздние памятники третьей группы. Таким образом, развитие техники и культуры верхнепалеолитического населения Украины можно было бы изобразить не в виде одной генетической линии, а в виде пучка или ствола. Имело место отставание и опережение культурного развития отдельных общин (Гонцы и Кирилловская), имели место различия форм хозяйства, связанные с особенностями окружающей среды (Амвросиевка). Пример такой неравномерности дает стоянка Лисичники. Это типичный позднепалеолитический многослойный памятник, аналогичный Владимировке и Боршеву II, но происходящие оттуда кремневые орудия, подобно кремневым орудиям верхнего культурного слоя Кирилловской стоянки, во многом напоминают более древние памятники типа Костенок II и Костенок III.

Несмотря на всю эту неравномерность и расхождения, общий процесс развития хозяйства, техники, культуры на всей обширной приледниковой территории Европы был единым, так же как в древнем палеолите он был единым во всей эйкумене вообще. Происходили, вероятно, и перекочевки отдельных родов, имевших те или иные второстепенные особенности культуры, те или иные специфические технические традиции, родов, несколько опередивших своих соседей или несколько отставших от них. Такие поселения, как трехслойный памятник Боршево II, средний культурный слой которого резко выклинивается из последовательности, демонстрируемой нижним и верхним слоем, возможно, связаны с тем, что районы выходов высококачественного мелового кремня были временно заняты враждебными общинами.

Какую же общую периодизацию на основании рассмотренного нами материала можно выдвинуть для верхнего палеолита Украины и смежных территорий?

Исторически тут, как мы уже видели, — две эпохи: 1) верхний палеолит в собственном смысле слова и 2) поздний палеолит, непосредственно переходящий в мезолит. Не исчезновение мамонта и сибирского носорога и не та или иная степень микролитизации кремневых орудий намечают рубеж между этими двумя большими эпохами, несколько различающимися между собой по историческому содержанию. Рубежом надо считать появление поселений нового типа, исчезновение оседлых поселков и жилищ охотников за мамонтом, появление лука и стрел. Поэтому такие памятники, как верхние слои Гонцов и Кирилловской, Лисичники, Боршево II, Чулатово II, не говоря уже о Владимировке и Журавке, следует

относить ко второй большой эпохе, открывающей собою мезолит.

Какие хронологические подразделения прослеживаются в первой большой эпохе, в верхнем палеолите Украины в собственном смысле слова?

Первый период (I) — древнейший из известных нам до настоящего времени периодов развития верхнего палеолита Украины. Для него характерна типичная верхнепалеолитическая техника, но еще отсутствуют какие-либо намеки на солютрейскую ретушь. Два нижние слоя Станца Рипицены, Бабино, Колачковцы I, Ганусивцы.[1]

Второй период (II). Для него характерны листовидные кремневые наконечники, обработанные с двух поверхностей солютрейской отжимной ретушью.[2] Тельманская стоянка, нижний слой Костенок I, солютрейский слой Станца Рипицены, Городница и отдельные находки солютрейских кремневых наконечников на Днестре.

Третий период (III). Листовидные, обработанные с двух поверхностей отжимной ретушью наконечники отсутствуют. Характерны наконечники с выемкой, частично обработанные отжимной ретушью. Костенки I, Авдеево.

Четвертый период (IV). Солютрейская отжимная ретушь исчезла, но в кремневом инвентаре продолжают преобладать острия и наконечники разных типов, в том числе и наконечники с выемкой. Пушкари I, Гагарино.

Пятый период (V). Для него характерно большое многообразие форм кремневой техники, возможно связанное с процессом перехода от кремневого охотничьего оружия к костяному. Изложенные выше в тексте работы аргументы и в частности материалы стратиграфии заставляют отнести к этому периоду все перечисленные здесь памятники с разнохарактерными кремневыми орудиями. Погон, Боршево I, Мезин, Студеница, Кирилловская (нижний горизонт), Амвросиевка, Костенки II, Костенки III.

Шестой период (VI). Для него характерна высоко развитая, приспособленная к обработке кости техника обработки камня (многочисленные и разнообразные резцы, проколки и т. д.). Чулатово I, Супонево, Тимоновка.

Седьмой период (VII). Микролитизация кремневого инвентаря еще при прежних формах хозяйства и типах поселений. Гонцы (нижний горизонт), Бугорок, Сокол, Кишла-Неджимова, Барвинская гора.

Этот период сменяется памятниками, относящимися уже к другой исторической эпохе и входящими в группу мезолитических. Открывается новая эпоха такими памятниками, как Кирилловская (верхний горизонт), Гонцы (верхний горизонт), Лисичники, Чулатово II, Боршево II (нижний горизонт). Возможно, в дальнейшем сюда придется отнести Бугорок, Сокол, Кишлу-Неджимову и Барвинскую гору (табл. II, III).

Разумеется, такая хронологизация в какой-то мере упрощает и схематизирует действительность, игнорирует переходы и черты генетической связи между отдельными периодами, о чем шла речь выше, игнорирует некоторую неравномерность развития отдельных общин, о чем также речь шла выше. Напомню снова хотя бы о чертах генетической связи Мезинской стоянки (относимой мною к пятому периоду) с шестым перио-

[1] Сюда же должен быть отнесен исследованный А. Н. Рогачевым в 1949 и 1950 гг. нижний культурный слой Тельманской стоянки.

[2] Здесь называются лишь внешние, наиболее бросающиеся в глаза признаки техники каждого периода. Напомним снова, что исторических различий между ними не прослеживается и что все они относятся к одной большой эпохе.

дом. Стоянка Погон генетически связана с четвертым периодом, а с другой стороны, непосредственно с седьмым периодом. Напомню о чертах генетической связи Лисичников не только с седьмым, но и с пятым периодом.

Изложенная здесь схема носит рабочий характер. В нее намеренно не включены бедные и мало выразительные местонахождения типа Глиняны, не говоря уже о случайных находках и об Искорости, палеолитический возраст которой весьма сомнителен. Не включены пока в нее и такие памятники, как Новгород-Северск и Липа, датировка которых является неясной.

Я отдаю себе отчет в неравномерности отдельных периодов этой рабочей схемы, в том, что обнаружение новых многослойных памятников позволит в дальнейшем подразделить некоторые из периодов (особенно первый и пятый). Но не представляется возможным укрупнить эти периоды, выделить в верхнем палеолите Украины две-три эпохи, резко, принципиально различающиеся между собой.

Таблица II

Многослойные верхнепалеолитические памятники Украины и сопредельных территорий

	Пушкари — Погон	Кирилловская стоянка	Гонцы	Тельманская стоянка	Костенки I	Станца Рипицены
Древнейшая фаза мезолита		+	+			+
Период VII	+		+			
» VI						
» V	+	+				
» IV	+					
» III					+	+
» II				+	+	+
» I				+		+

Примечание. Значком + обозначено наличие в стоянке культурного слоя данного периода.

При оценке критериев выделения памятников собственно верхнепалеолитических и памятников, открывающих собою мезолит, следует учитывать, что различие типов поселений могло иметь не только хронологическое значение, но и быть связано с определенными бытовыми особенностями. И с самыми ранними верхнепалеолитическими оседлыми поселениями могли в отдельных случаях сосуществовать временные стойбища, памятники коротких остановок охотничьей группы на ночлег или для того, чтобы расчленить тушу убитого животного. Но к тем памятникам, о которых шла речь в настоящей работе, такая интерпретация не применима. Стратиграфия Гонцов и Кирилловской, фаунистические материалы, кремневые материалы (микролитизация) — все это свидетельствует об относящемся к определенному времени крупном историческом сдвиге.

Таблица III

Схема хронологизации верхнепалеолитических памятников Украины и сопредельных территорий

Древнейшая фаза мезолита		Лисичники, Кирилловская — верхний слой. Гонцы — верхний слой. Чулатово II, Боршево II, Владимировка.
Верхний палеолит	Период VII	Гонцы — нижний слой, Бугорок (Пушкари), Сокол, Кишла-Неджимова, Станца Рипицены — VII слой, Барвинская гора.
	» VI	Чулатово I, Супонево, Тимоновка.
	» V	Погон, Боршево I, Мезин, Кирилловская — нижний слой, Студеница, Амвросиевка, Костенки II, Костенки III.
	» IV	Пушкари I, Гагарино.
	» III	Костенки I, Авдеево.
	» II	Городница. Отдельные находки солютрейских наконечников на Днестре. Станца Рипицены — слой V, Костенки I — нижний слой, Тельманская стоянка — верхний слой.
	» I	Колачковцы I, Бабино (Яма), Станца Рипицены — слои I и III, Тельманская стоянка—нижний слой.
Древний палеолит		

С. Н. БИБИКОВ

КУЛЬТОВЫЕ ЖЕНСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПЛЕМЕН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ[1]

Одно из видных мест в изучении мировоззрения древних обществ занимает исследование женского образа в памятниках скульптуры, живописи или в графике.

Женские изображения, возникшие еще в эпоху верхнего палеолита, являются древнейшими сюжетами, раскрытию значения которых мы обязаны советским исследователям П. П. Ефименко и С. Н. Замятнину. Однако районы распространения этих статуэток ограничены, так же как ограничено число находок их. Значительно шире распространены женские изображения в эпоху раннеземледельческих племен конца неолита и энеолита — число находок статуэток этого времени во много раз превосходит известные нам женские фигурки из памятников палеолита. Скульптурные изображения женщин, возникшие в среде охотничьего хозяйства, в среде, характерной крайне низким уровнем развития производительных сил, к концу палеолита как бы отмирают, с тем чтобы вновь возродиться на другой хозяйственной основе, в другой среде — среде раннеземледельческих и примитивно-скотоводческих племен, населявших южную половину Европы, юго-западное и юго-восточное Причерноморье до Палестины и Месопотамии включительно. Огромные собрания скульптур, в том числе женских, уже насчитывающие не одну тысячу экземпляров, происходят из поселений древних земледельцев и скотоводов IV—II тысячелетий до н. э.

Изучением скульптур из раннеземледельческих памятников занимались десятки исследователей, давших множество публикаций и толкований женских изображений. Начиная от наивных объяснений скульптур Айльо, видевшего в них предметы для детской игры, до приближающихся к научным объяснений женских скульптур как носительниц идей плодородия (Чайльд и др.), толкования эти носят все же отвлеченный характер и делаются в большинстве своем попутно, а иногда в целях показать истоки, из которых вырастали божества уже сложившихся религий рабовладельческих обществ (Дж. Томсон). Женские изображения рассматривались как заместители жертв (Гадачек, Цегак). Блинкенберг связывает изготовление статуэток с культом мертвых. Чайльд, Э. Мейер, В. Шмидт и другие авторы видят в женских скульптурах богиню плодородия. По отношению к более поздним божествам женские статуэтки эпохи неолита и ранней бронзы рассматривались как праобразы суммерийской богини-матери, финикийской Астарты, Иштарь, Афродиты, Анахит и т. д. и т. п. Разные авторы пользуются

[1] Доклад на заседании Ученого совета ЛОИИМК 4 мая 1950 г.

наиболее близким им материалом от пластики Триполья до поздней кикладской скульптуры. Но даже в целом ряде монографических публикаций, которые, кстати сказать, достаточно многочисленны, авторы предпочитают ограничивать свои задачи классификацией скульптурных изображений, их детальным стилистическим анализом, изучением иконографии, сравнительным изучением и, наконец, установлением распространения тех или иных сюжетов на различных территориях. Оставляя пока в стороне анализ пластики раннеземледельческих племен северного и южного Средиземноморья, равно как и более южных и юго-восточных областей Передней Азии, укажем только, что в целом ряде элементов можно установить очень близкие черты сходства фигур, например из Передней Азии, Крита, южных и северных Балкан, с трипольской пластикой. Это сходство неоднократно отмечалось исследователями и особенно внимательно рассмотрено К. Маевским, который пытался определить пути проникновения отдельных сюжетов из южных стран в юго-восточную Европу.

К числу серьезных недостатков западноевропейской археологии, проявляющихся и в данной области, следует отнести односторонность приемов изучения. При попытке объяснения значения женских скульптур исследователи, как правило, избегают привлечения этнографических источников. Пожалуй, только Чайльд, но и то очень ограниченно, пользуется этнографическими сравнениями. Вообще буржуазная археология в отношении изучения первобытной пластики или скульптуры не пошла в своих приемах исследования дальше уже известных формально-типологических схем, не перешагнула заколдованного круга эстетствующих характеристик и миграционистских построений. Не случайно в западноевропейской литературе мы столь часто встречаемся с характеристикой женских и иных пластических изображений, выраженной одним собирательным понятием — идол (или идолы), без уточнения содержания этого понятия. Столь упрощенная форма объяснения функций фигур, естественно, почти ничего не раскрывает. В самом деле, разве можно отождествить по их значению статуэтки, даже происходящие из одного более или менее обширного собрания, например Бутмира, Винчи, Гумельницы, Луки-Врублевецкой и др.?

Еще задолго до того, как появились крупные монографические исследования, посвященные раннеземледельческой пластике, А. Скрыленко, пользуясь собраниями Хвойки, дала общую классификацию их и рассмотрела вопрос о дальнейшем преломлении идеи женского божества в скульптуре и мифологии сложившихся религий. Данная публикация Скрыленко впоследствии лишь дополнялась новыми фактическими сведениями, и вопрос о назначении пластических женских изображений остается, как об этом пишет сейчас и Т. С. Пассек, еще не разрешенным.[1] Правда, сама Т. С. Пассек использовала пластику Триполья в новом и оригинальном направлении, пытаясь определить антропологический тип населения эпохи Триполья, не ставя себе цели дешифровки изображений в широком плане.

Таково вкратце положение современной науки в отношении изучения пластических женских изображений, имеющих столь широкое распространение и входящих в столь многочисленные собрания.

В одной из статей, посвященных археологическому материалу из Луки-Врублевецкой, мне уже приходилось затрагивать вопрос о скульп-

---

[1] Т. С. Пассек. Периодизация памятников трипольских поселений. М.—Л., 1949, стр. 93—95.

турных изображениях людей и животных, встреченных при раскопках этого раннеземледельческого поселения.[1]

Из группы терракот мое внимание привлекли, главным образом, женские скульптуры, но не столько для решения вопроса о значении их, сколько для объяснения причин фрагментарности статуэток. В той же статье я сделал попытку использовать собрания терракот из Луки-Врублевецкой для перспективной наметки возможных путей решения более общих вопросов и в частности семантики женских скульптурных изображений. С тех пор прошло уже достаточно времени, накопился новый, свежий материал, позволяющий пойти дальше того, что было сделано раньше.

Прежде всего о содержании самой коллекции пластических фигур из Луки-Врублевецкой. Как известно, в течение четырех летних сезонов объединенной археологической экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР и Института археологии АН УССР проводились широкие работы по изучению раннеземледельческого поселения Луки-Врублевецкой, расположенного на берегу Днестра недалеко от Каменец-Подольска. При раскопках жилищ, из которых некоторые были вскрыты полностью, найдено более 260 глиняных статуэток.

Огромное большинство статуэток обнаружено или в жилых углублениях, представлявших собою полуземлянки, или в огневых ямах. Даже в случае находок статуэток на древней дневной поверхности их положение в большинстве случаев соответствует размещению золисто-углистых выбросов при чистке ям от золы. Подавляющее большинство статуэток принадлежит изображениям женщин то с явно выраженными половыми признаками, то с несколько стушеванными стилизацией. Из всей массы статуэток мужским изображениям принадлежат две, причем обе они имеют гипертрофированные признаки пола. Не более 10 скульптур принадлежат животным. Своеобразно оформление отдельных частей тела человеческих фигурок. Головы скульптур имеют вид удлиненных конических отростков, почти прямые плечи заканчиваются более короткими плечевыми отростками. Ноги, как правило, расчленены неглубокой бороздкой и конически сходятся к ступням, чаще не отмеченным в скульптуре. Женские статуэтки часто наделены сильно выраженными стеатопегическими чертами.

Помимо разграничения статуэток по признакам пола, их можно классифицировать по наличию или отсутствию орнамента, по положению тела (сидячее, полусидячее и, как редкое исключение, прямое), по величине (от крупных — 15 см — до миниатюрных статуэток), по характеру орнаментации. По стилю оформления статуэтки также имеют свои различия. В одних случаях объемные части тела передаются реалистично, в других — в очень схематических чертах. Последнее явление уже не раз отмечалось в литературе применительно к трипольским изображениям (Е. Цегак, К. Маевский и др.). Интересную группу составляют статуэтки, наделенные индивидуальными чертами.

В общей оценке пластику из Луки-Врублевецкой можно рассматривать как раннее звено в развитии скульптуры Триполья, с которой она имеет много общих черт.

Помимо того, что их роднят стиль и приемы изготовления, можно отметить еще и некоторое сходство сюжетных мотивов.

---

[1] С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР. СА, XI.

Кроме отдельных фигур, так широко представленных в пластике из Луки-Врублевецкой, нужно отметить еще наличие здесь же пластических изображений людей, входящих в качестве деталей в композиционное построение сосудов. Имеются в виду известные к западу от Южного Буга сосуды на полых кольцевых подставках, передающих то в очень реалистической манере, то в совершенно схематической — группу человеческих фигур, поддерживающих на воздетых кверху руках сосуд. Этот сюжет не характерен для восточного Триполья и представляет собой новый антропоморфный элемент, выделившийся среди керамики раннего Триполья. О половой принадлежности фигур, поддерживающих сосуд, вследствие схематизации изображений сказать что-либо трудно. Если судить по аналогиям (например Тишаполгар или Ленгиель), то и здесь имеют место женские изображения.

Итак, нам известны сейчас не только внешние особенности статуэток из Луки-Врублевецкой, но и условия нахождения статуэток, равно как и приемы изготовления скульптур. Известно также, что лишь ничтожная часть их найдена в целом виде. Этот факт едва ли может быть случайным и его нельзя не поставить в связь с характером их использования. Более подробно я об этом говорил в уже упомянутой статье.

Таковы самые общие данные о скульптуре из раннеземледельческого поселения в Луке-Врублевецкой. В настоящем сообщении нас будут занимать два вопроса: 1) с каким кругом представлений связаны наши статуэтки и 2) при каких условиях и когда они изготовлялись. Постановка этих вопросов не может иметь всеобъемлющего значения для всей группы статуэток уже потому, что не все даже женские статуэтки имели одинаковое функциональное назначение, о чем говорят, например, их отличительные особенности. С другой стороны, в основе изготовления их, видимо, лежала все же одна и та же идея, претворявшаяся в различных материальных выражениях.

После детальной расчистки скульптурных изображений на 6 фрагментах скульптур были замечены какие-то продолговатые и округлые ямки, беспорядочно разбросанные по корпусу скульптур. По первому впечатлению их можно было принять за выпавшие из глиняной массы крупнозернистые примеси к глине, особенно часто применяемые при изготовлении кухонной посуды. Однако от этого заключения сразу же пришлось отказаться: среди этих ямок с полной очевидностью определились оттиски зерен злакового растения. Таким образом, было установлено, что, кроме обычных примесей, в глине, из которой изготовлялись статуэтки, имеется еще и примесь зерен (рис. 1 и 2). Оставалось установить: случайное это явление или зерна включены в глиняную массу преднамеренно. Не может быть сомнений в том, что примесь зерен к глине не случайна, а явилась следствием религиозно-магического культа, вытекающего из определенного мировоззрения. Об этом прежде всего говорит происхождение статуэток из разных жилищ, т. е. из разных пунктов раскопок. Это первое важное обстоятельство, само по себе снимающее вопрос о случайности. Второе состоит в том, что степень насыщенности глиняного теста зернами слишком велика, зерна густо замешаны на глине. Больше того, на одной статуэтке внизу живота наметился даже поясок из вставленных зерен. Для определения степени насыщенности зернами глиняной массы были (как будто, впервые для археологической керамики) использованы рентгеновские лучи. Опыт применения их дал отличные результаты.

В Гос. Эрмитаже рентгенологом Т. Н. Сильченко были просвечены 60 скульптур с поверхностными оттисками зерен. Оказалось, что не-

которые статуэтки, содержащие снаружи несколько отпечатков зерен, внутри буквально насыщены продолговатыми пустотами — следами находившихся внутри зерен (рис. 3). Это нетрудно установить при сопостав-

Рис. 1. Статуэтки с отпечатками зерен. Лука-Врублевецкая.

лении оригиналов с рентгеноснимками. Например на статуэтке № 29 из III раскопа на поверхности заметно 12 оттисков. Рентгеноскопический снимок дает вдвое большее количество ясно различимых отдельных полостей и несколько слитых в виде гнезд.

Однако не только этим исчерпываются наблюдения над примесью

зерен. Относительная малочисленность статуэток с оттисками зерен способствовала постановке другого вопроса: не имело ли место примешивание к предназначавшемуся для выделки статуэток глиняному тесту муки. Этот вопрос также нашел свое практическое разрешение.

Рис. 2. Статуэтки с отпечатками зерен. Лука-Врублевецкая.

Из серии скульптур было выделено 12—15 фрагментов, отличающихся пористостью глиняного теста и некоторой рыхлостью его. На одной из статуэток этой группы, отмеченной наличием мельчайших ямок на поверхности корпуса, хорошо заметна ямка, сохранившая продольную перемычку — след от желобка зерна. Благодаря этой находке стало

совершенно очевидно, что в этом случае к глиняному тесту вместо зерен было прибавлено измельченное зерно довольно крупного помола (рис. 4, *а*). Таким образом, можно считать установленным, что в каче-

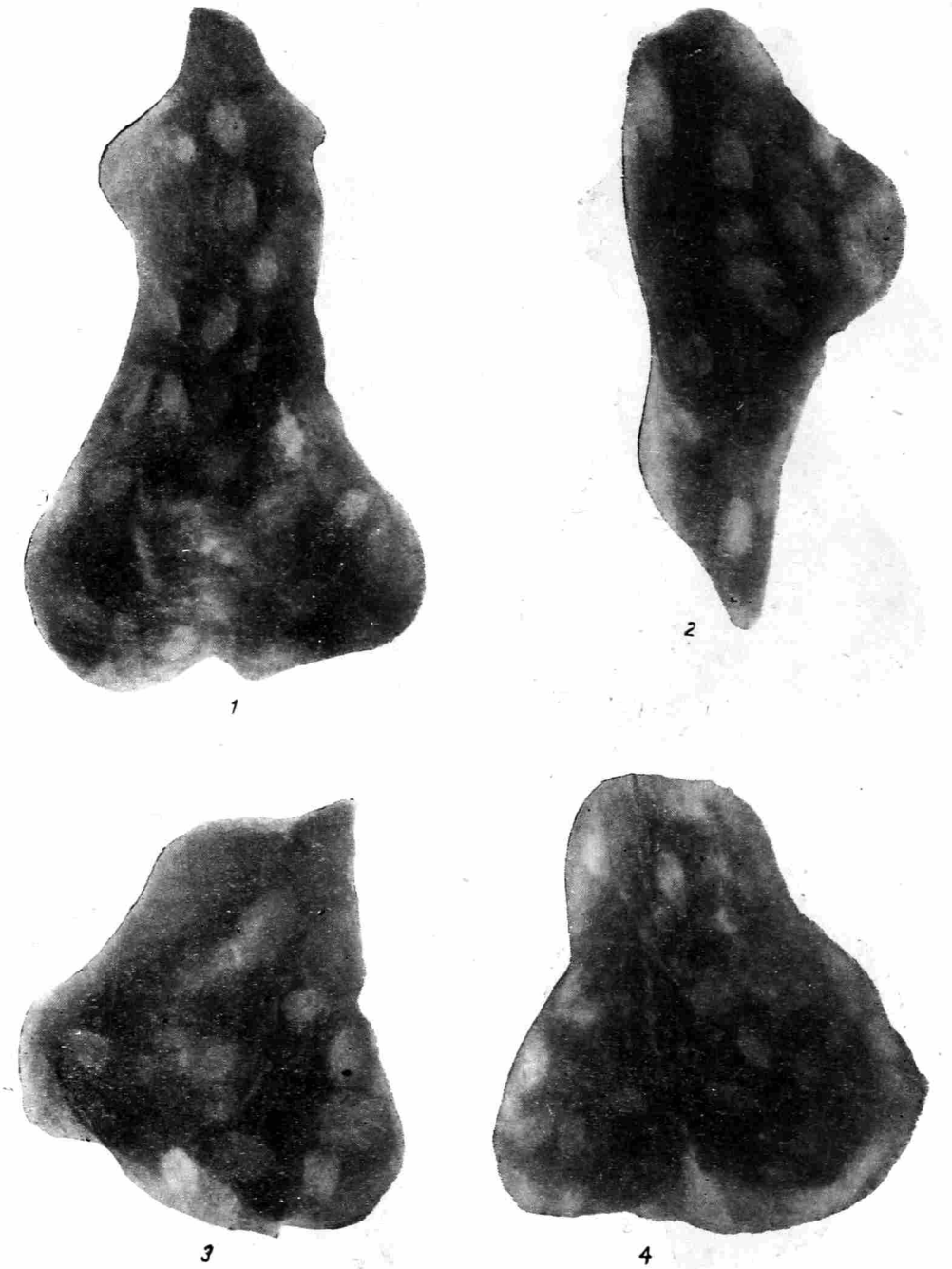


Рис. 3. Рентгенограмма статуэток с отпечатками зерен.

стве примеси к глине при изготовлении статуэток применялись и зерна и мука.

Чтобы расширить наблюдения, я просмотрел, в пределах доступности, имеющиеся в музеях собрания статуэток трипольского возраста, но поиски среди них скульптур с зерном оказались пока безрезультатными. Материал из Луки-Врублевецкой остается единственным в своем роде, хотя вполне допустимо, что беспорядочно расставленные удлиненные

углубления на стилизованной глиняной фигурке из Замбраска,[1] опубликованной Думитреску, соответствуют оттискам зерен, но остались незамеченными автором (рис. 5).

По аналогии со сказанным нельзя не вспомнить краткого сообщения М. Шмидта, сделанного на XII сессии Конгресса антропологии и археологии в 1900 г. в Париже. Шмидт доложил конгрессу об открытии Сарау-

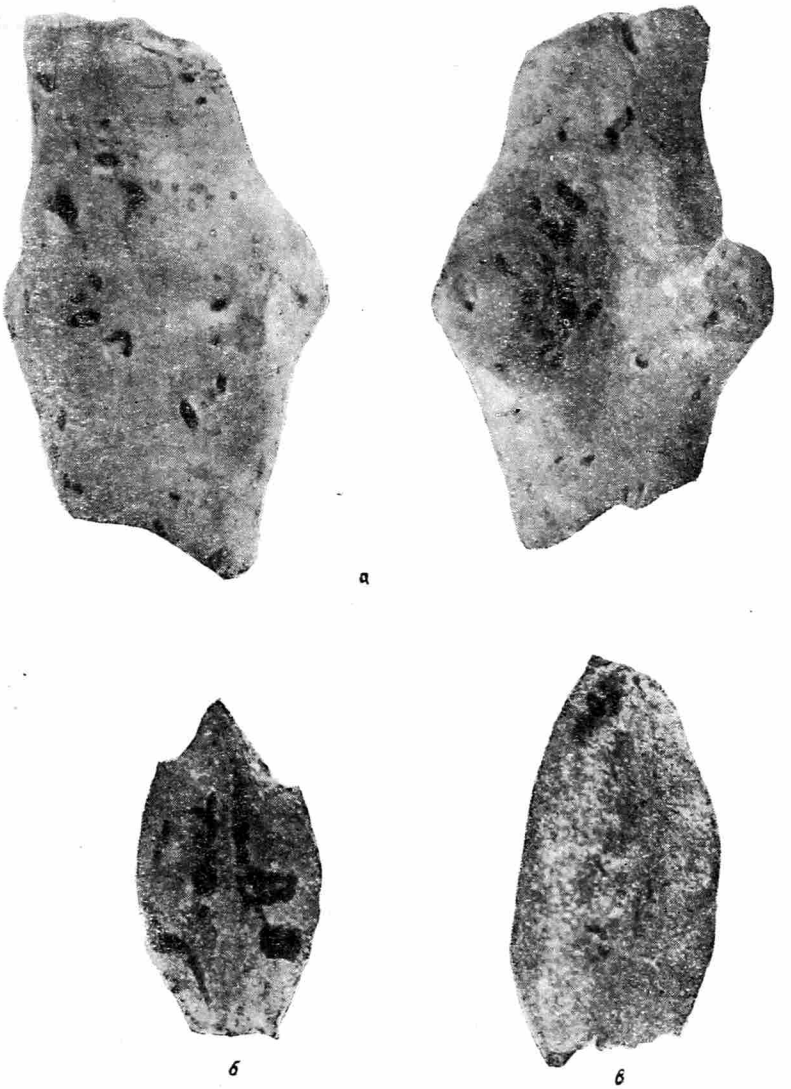


Рис. 4.

а — статуэтки с отпечатками размолотых зерен; *б*, *в* — зерна пшеницы (увеличено).

вом инкрустации из зерен на ютландской доисторической керамике, а также на сосудах из различных скандинавских собраний.[2] Несмотря на значительный интерес, с которым следует отнестись к сообщению Шмидта, крайняя скупость его изложения не дает возможности составить себе представления об этой оригинальной категории памятников.

[1] JPEK, 1932—1933, стр. 65, табл. 13, 7.

[2] M. V. Schmidt. Poteries préhistoriques avec céréales incrustées, découvertes par M. Sarauw. Congr. Intern. d'Anthrop. et d'Arch. Préhist., XII ses., Париж, 1900. L'Anthropologie, т. XIII, № 1, 1902, стр. 63—64.

Возвращаясь к статуэткам из Луки-Врублевецкой, содержащим оттиски зерна, можно все же предположить, что это явление не носит узко локального характера. Кроме статуэтки из Замбраска, может быть, и в других коллекциях будут обнаружены статуэтки с оттиском зерен или следами примеси муки. Пока же такое предположение носит условный характер и основывается, главным образом, на значительной общности пластики Триполья с пластикой зарубежных раннеземледельческих поселений, равно как и на поразительной общности культур в целом.

В. А. Петров, занимавшийся определением видового состава зерен по отпечаткам и натуральным остаткам злаков (рис. 4, *б*, *в*), обнаруженным в глиняном комке вместе с отпечатком колоска, определяет их принадлежность к пшенице-двухзернянке (Triticum decoccum). Для нас это особенно важно потому, что после обильных сборов остатков злаковых культур, произведенных Хвойкой на трипольских площадках, вплоть до раскопок в Луке-Врублевецкой, зерна в памятниках Триполья не встречались. Старые сборы Хвойки оказались распыленными и почти полностью утраченными. Лишь небольшая часть их была определена

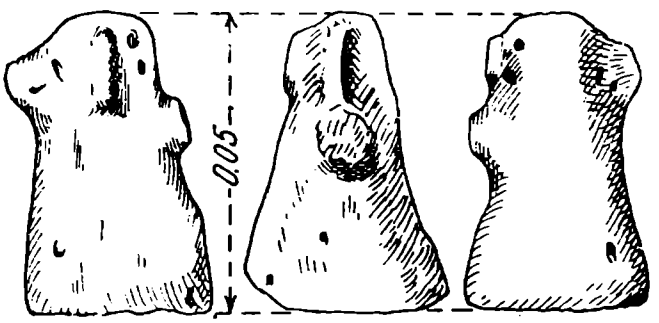


Рис. 5. Статуэтка из Замбраска (по Думитреску).

Флаксбергером, установившим наличие в Триполье в основном мягкой пшеницы и нескольких зерен твердой пшеницы, которую он выводит с Балкан.[1]

Хотя число определений, сделанных для злаковых остатков из трипольских поселений, очень невелико, но, присоединив к ним определения злаков мягкой пшеницы из Фрумушицы (Румыния), можно заключить, что в эпоху Триполья культивировалось несколько видов пшеницы.

Все только что изложенное касается тех фактов, которые установлены на археологическом материале из Луки-Врублевецкой. Факты эти, как мне кажется, представляют большой познавательный интерес и способствуют разрешению ряда проблем, связанных с изучением мировоззрения древнеземледельческих племен.

Прежде всего особенно важным является не случайное сочетание отпечатков зерен именно с пластическими изображениями женщин. Сейчас ясно, что женские статуэтки действительно отражают культ плодородия, культ воскресающей растительности. Образ женщины олицетворяет, как мы постараемся показать, и плодоносные силы природы.

Обратившись к этнографическим фактам, легко убедиться в том значении, которое придается женскому изображению в самых различных пережиточных явлениях, связанных с культом плодородия. При этом распространенность таких культов особенно вырисовывается в земле-

[1] К. Флаксбергер. Находки культурных растений доисторического периода. Тр. Инст. науки и техники АН СССР, сер. 1, вып. 2, 1934.

дельческих обществах начиная от Америки[1] (племена Мексики, выращивающие маис) до Евразии. Чайльд,[2] например, указывает на отдельные случаи культовых приношений женских пластических фигур в современной Индии и в странах Средиземноморья. А какой богатейший этнографический материал представляют древнерусские обычаи! В славянской среде весенне-летние или даже осенние земледельческие праздники предполагали обязательно главное участие в них девушек или женщин (кстати, чаще девушек), причем нередко основные участники подменялись чучелами или куклами, обряженными в женское или девичье платье, березкой, украшенной девичьим одеянием, и т. д. Интересно, что эти типичные празднества были связаны с земледельческим бытом, с определенными циклами подготовляемых весенних или летних работ или, хотя и значительно реже, с законченным земледельческим циклом.

Русским земледельческим праздникам посвящено не мало описательных и аналитических работ, выявивших идею, лежавшую в основе многих из этих празднеств, — идею умирающего и воскресающего бога растительности. Фрезер раскрыл содержание этой идеи в мировоззрении огромного числа племен, но еще до Фрезера Афанасьев, автор крупнейшего и единственного в своем роде труда «Поэтические воззрения славян на природу»[3] показал на широком этнографическом материале, что идея умирающего и воскресающего бога была присуща мировоззрению славян.

Вместе со специальными празднествами, происходившими в определенное время года, имели место эпизодические жертвоприношения при испрашивании плодородия. Так, например, абхазы, как сообщает исследователь быта абхазов Н. С. Джанашиа,[4] во время засухи устраивали религиозное шествие к реке с куклой, опускали ее в воду и испрашивали дождя. У тех же абхазов существовал и другой обряд, связанный с испрашиванием плодородия: наряженную куклу с пением бросали в воду, причем куклу изготовляли девушки. Аналогичный обряд во время засухи наблюдался и у чуваш, которые из теста или дерева делали фигурки людей и относили их в овраг или поле.

Не во всех случаях литературные и архивные источники указывают нам на половую или возрастную атрибуцию кукол. Общее впечатление таково, что весенние и летние праздники предполагали, главным образом, изготовление девичьего изображения. Это тем более интересно, что здесь, видимо, имеются в виду молодые плодоносящие силы, скрытые еще в потенции, так же как коренятся они в зерне, готовом произвести обильный урожай.

Таким образом, этнографические факты в известной мере позволяют нам рассматривать женские изображения как выражение идеи плодородия. Именно в раннеземледельческих обществах, благополучие которых в значительной мере зависело от плодородия той растительности, которую они культивировали на своих полях, женский образ мог получить такое значение.

Но идея плодородия не исчерпывает содержания женского образа, ибо само произрастание растительности зависело от космических сил — дождя, солнца, засухи и тому подобных явлений, что нашло свое отраже-

---

[1] Г. Паркс. История Мексики. М., 1949, стр. 31.

[2] Г. Чайльд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 184.

[3] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, тт. I—III. М., 1866—1869.

[4] Н. С. Джанашиа. Абхазский культ и быт. Христианский восток, т. V, вып. III, Пгр., 1917, стр. 161—162.

ние в известной множественности значений женского образа в земледельческой среде.

Примером отголоска древнего отождествления женского образа с солнцем могут служить представления, сохранившиеся в восточнославянской среде,[1] равно как и у других народов, в частности у мингрелов, как об этом сообщает И. А. Кипшидзе.[2]

Сочетание женского изображения с астральной символикой представляется особенно интересным, так как показывает определенную связь женского образа с космическими элементами. Здесь прежде всего следует обратить внимание на существенные отличия в оформлении статуэток и на их орнаментацию. Образ женщин передается в различных формах и положениях частей тела — замена рук коническими отростками, руки, опущенные к низу живота, руки внизу и на плече и др. Но самое существенное — наличие крыльев на спине у двух статуэток. Надо сказать, что статуэтки птиц нередко встречаются в пластике Триполья (Лука-Врублевецкая, Фрумушица, Городница, Глина, Гумельница и т. д.), и анализ этого образа может послужить специальной темой. Изображения людей, снабженных имитированными крыльями, для Триполья явление уникальное, но перекликающееся с изображениями человеко-птиц в переднеазиатской и средиземноморской пластике. Факт таких находок вводит нас в мир представлений о предвестниках весны, так же как, вероятно, сюжет поднятых кверху рук, поддерживающих сосуд (Лука-Врублевецкая, Извоар, Фрумушица, Ленгиель и др.), или просто статуэток с поднятыми руками в виде обычной скульптуры, а иногда в виде налепов на сосуды (Сушкивка, Чока, Брио, Степановичи, Бутмир, скульптура Подунавья), — передает жест адорации при испрашивании плодородия.

Некоторые статуэтки из Луки-Врублевецкой, как мы уже говорили, содержат в себе примесь зерен пшеницы. Пытаясь дать объяснение столь интересному явлению, мы входим в область новых фактов, тоже вполне гармонирующих с символикой плодородия, а следовательно, и с женским образом. Начнем опять-таки с этнографических свидетельств о пережиточных явлениях, оттеняющих существо идеи плодородия в обрядах, связанных с зернами. Не имея намерения давать исчерпывающий обзор и анализ этнографических материалов об обрядовых действиях, связанных с зерном, все же на основных из них мы считаем необходимым остановиться для того, чтобы объяснить присутствие зерен пшеницы в глиняных фигурках из Луки-Врублевецкой.

В земледельческой среде в обрядовых действиях хлебу придается огромное значение. Зерно, каша, хлеб являются постоянными и неизменными спутниками празднеств, имеющих отношение к земледелию или, шире, к идее астрального сочетания неба и земли, земного — мужчины и женщины. Зерно, каша и хлеб выступают в обрядах как атрибуты благоденствия, обилия, плодородия. Можно привести сотни этнографических примеров в подтверждение сказанного. Ограничимся лишь несколькими фактами, почерпнутыми, главным образом, из сводных трудов и частных публикаций. Обрядовое употребление зерен, а также каши и хлеба можно разделить на две основные группы явлений: 1) зимне-весенние обряды, в основном совпадающие с временем солнцеворота — рождественские праздники (святки); 2) свадебные обряды — тоже относящиеся к зимне-весеннему сезону. Как редкое явление, можно отметить

---

[1] А. С. Фамицын. Божества древних славян. 1884, стр. 197, 281.

[2] Зап. Вост. отд. Русск. археологич. общ., т. XXIII, вып. III—IV, Протоколы заседаний, стр. XIV.

обрядовое употребление зерен и каши на крестинах и похоронах. Близость культовых обрядов крестин и похорон в общем не противоречит древнему мировоззрению, нормы которого вполне допускают единство представлений о жизни и смерти.

Один из лучших знатоков этнографии славян Н. Ф. Сумцов, специально занимавшийся обрядовым значением хлеба в славянском мире, равно как и знаток славянской мифологии Афанасьев собрали и в ряде случаев дали объяснения целому ряду этнографических обрядовых явлений, в которых видное место принадлежит зерну — хлебу. Сумцов, Снигирев и советский исследователь В. И. Чичерев отмечают особенную насыщенность аграрными обычаями и обрядами зимне-весеннего сезона (святок). В числе таких обычаев и обрядов находился, например, обряд сжигания дубового полена, обсыпанного зерном.[1] Заметим, что обряд этот совершался в сочельник, т. е. в канун рождества, или в дни солнцеворота, и был распространен у южных славян (сербов, черногорцев и др.). В «бадний» день приносили в дом дубовую колоду, обмазывали по краю медом, посыпали зерном и клали в печь. Любопытно, что колоду привозили из лесу на 6—8 парах быков (тоже определенная символика). Затем, по окончании предобеденной молитвы, во время которой у всех членов семьи горело в руках по свече, домохозяин брал у всех свечи, соединял их в один пучок и гасил их, опуская зажженными концами в зерна. В последнем действии тоже, видимо, имела место своя символика: огня, солнца — плодородия. Обряд сжигания бадняка сопровождался мольбами о плодородии в стадах и жатвах и изобилии в доме.[2]

Той же идеей плодородия были пронизаны и другие обряды — хождение на новый год по хатам и осыпание зерном (Украина), осыпание зерном дорогого гостя при встрече (Болгария), посыпание последа зерном при захоронении под полом хаты (Украина), употребление каши или хлеба при жертвоприношении земле (в первую неделю поста на Украине, 9 марта в Болгарии), при основании нового поселка (на Украине), при жертвоприношениях домашнему очагу хлеба (в бывш. Галиции, в Витебской губ.) и т. д. Не могу не отметить и обряда растирания в порошок благовещенских просфор и смешивания его (т. е. порошка) с зерном, предназначенным для посева.

Особенно выразительными и широко распространенными были обряды употребления зерен, каши и хлеба на свадебных церемониях. Здесь приходится отметить, во-первых, действительно очень широкую распространенность этого обряда, например осыпания молодых зерном, при относительной унифицированности порядка действий. Молодых осыпали овсом, ячменем, пшеницей, горохом, орехами, маком и т. п. Этот обычай характерен для многих народов Европы, но встречается он и в Индии (осыпание рисом).

В восточнославянском мире обряд осыпания зерном принимал иногда сдвоенную форму — осыпания и окропления водой; последнее, как думает Сумцов, — наиболее древняя форма обряда.[3] При анализе обряда осыпания зерном молодых не остается сомнений в том, что в нем со всей отчетливостью раскрывается основная и ведущая идея плодородия, далеко не ограниченная рамками земного бракосочетания молодых, ведущего, как пишет Афанасьев, к увеличению чадородия или к увеличению домашнего благополучия. В нем выступают идеи аграрно-космического порядка и, как пишет сам Афанасьев, «обряд посыпания,

[1] Н. Ф. Сумцов. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885, стр. 32.
[2] А. Н. Афанасьев, ук. соч., т. II, стр. 42, 48, т. III, стр. 733—734.
[3] Н. Ф. Сумцов, ук. соч., стр. 37.

совершаемый у нас на первый день нового года, а у сербов на рождество, знаменует весеннее осеменение матери-земли, вступающей в брачный союз с просветленным небом, причем хлебные зерна служат эмблемой оплодотворенного семени дождя и солнечных лучей». И дальше: «Заметим, что на старинных свадьбах новобрачных осыпали овсом, ячменем и укладывали спать на необмолоченных снопах. Для того чтобы земля принесла добрый урожай, поселяне, отправляясь засевать, надевают на себя подвенечную сорочку».[1] Вот почему имеют место совпадения свадебных обрядов с обрядами испрашивания плодородия и с обрядами рождественскими. В. И. Чичерев, давший монографический анализ зимнего периода русского земледельческого календаря XVI—XIX вв., специально остановился на «аграрно-брачных» обрядах, игравших очень существенную роль в мировоззрении славян. В этом круге представлений земледельческого мировоззрения, видимо, только и возможно найти истолкование женских скульптур с зерном, найденных в Луке-Врублевецкой.

До сих пор мы искали смысловых объяснений для отдельных элементов пластики Триполья, пользуясь видимыми признаками — женские фигурки, зерна пшеницы, замешанные в глину, из которой лепились статуэтки, некоторые сюжеты орнаментации и др. Выявилась, как мне кажется, взаимосвязь женского образа с плодородием. Но есть еще один элемент мировоззрения, отраженный в системе орнаментации статуэток: это солнце—огонь. Прежде чем установить следы этого ряда представлений в пластике, нужно сделать отступление в сторону археологических и этнографических свидетельств.

Как это ни покажется странным, но до сих пор нет еще строгого учета условий нахождения пластических фигур в раннеземледельческих памятниках. Виной такому положению, едва ли сейчас исправимому для старых раскопок, является низкий уровень методики раскопок. Наиболее полные сведения о размещении скульптур при раскопках можно почерпнуть лишь по данным Т. С. Пассек, обращавшей внимание на необходимость вести наблюдения в этом направлении для решения вопроса о значении скульптур. По данным Т. С. Пассек, статуэтки встречаются у печи, около жертвенника, в пределах жилых площадок, а также и вне жилищ «среди скоплений костей животных, раковин и фрагментов керамики», т. е. среди бытовых отбросов. Глухие сведения об этом же содержатся в украинских публикациях и польских изданиях (Гимнер, Маевский). В Луке-Врублевецкой подавляющее большинство статуэток встречено в пределах жилищ и только ничтожная часть за пределами жилых сооружений. Таким образом для статуэток является характерным близость их местонахождения к очагам или к выбросам из очагов. В данной связи важно отметить еще одну черту — неоднородность фигурок по степени совершенства их выделки, что может быть связано с различием в функциональном назначении их. К большой группе статуэток худшей выделки относятся и скульптуры с примесью зерна. На них лежит печать поспешности и небрежности в формовке и орнаментации. Создается впечатление, основанное к тому же и на слабом обжиге керамического теста, что это были скульптуры, сделанные наспех, служившие краткое время, а затем оставленные без всякого внимания.

Из сказанного можно сделать два существенных вывода:

1) Статуэтки бросались в огонь, причем тотчас после формовки, без предварительной просушки их, когда зерна пшеницы, находясь во влажной глинистой среде, еще не успевали разбухнуть. Последнее нетрудно установить по величине и форме отпечатков зерен. Вслед за

[1] А. Н. Афанасьев, ук. соч., т. III, стр. 746—747.

этим религиозно-магическим актом статуэтками больше не пользовались. Они предавались забвению или уничтожению. Думаю, что так поступали не только со статуэтками с зерном или замешанными на муке. Скорее всего такое же назначение имело большинство скульптурных фигурок, во всяком случае наиболее многочисленная группа слабообожженных или поспешно выделанных.

2) Действие это происходило в определенное время года, видимо, в зимне-весенний период.

Первое едва ли нуждается в специальных пространных объяснениях вследствие очевидности самого факта, но может быть подкреплено и целым рядом этнографических свидетельств. Вышеупомянутые культы, связанные с плодородием (за исключением осыпания молодых зерном при свадебных обрядах), чаще всего сочетаются с применением огня — сжигание «бадняка», осыпанного зерном, гашение пламени свечей в зерне, «кормление» огня зерном и мукой. Добавим к этим культам интереснейший обряд осыпания пеплом зерна и окрапления его водой перед посевом (Славония). И, наконец, сжигание или потопление в реке женских изображений, практиковавшееся в весенне-летнее время (изгнание зимы у восточных славян, сжигание изображения «бабы» у славенцев, сжигание Мары у украинцев при встрече весны и т. п.).

Второе заключение (по поводу времени изготовления женских изображений) также находит свое разъяснение в этнографических источниках. Нет нужды заниматься длинным перечнем примеров, из которых можно сделать один вывод, что весенне-летние праздники, равно как и осенние, не проводились в помещениях. Для празднеств избирались иные места — у реки, в роще, в лесу, в поле, но не дома, не в жилищах.

В какие же сроки происходили зимне-весенние празднества, связанные с будущим урожаем, браком и т. п.? В русском земледельческом календаре XVI—XIX вв., сообщает В. И. Чичерев, имели место магические обрядовые действия, «нередко содержащие мотивы брака и связанные с ними заклятия урожая, попытки предугадать судьбу. В октябре—декабре подобные обряды справлялись в дни, на которые приходились имена святых, особенно почитавшихся женщинами и девушками. , различные праздники: богородицы, Параскевы, Кузьмы и Демьяна и др. Особый цикл наиболее усиленных празднеств приходится на Солнцеворот — Спиридоний поворот (25 декабря), т. е. поворот к весне».[1] Думаю, что наши статуэтки изготовлялись в осенне-зимний сезон, ближе к декабрю (принимая во внимание южное расположение поселения). Этим объясняется нахождение статуэток в зоне очагов и в очагах, расположенных в тесных и душных полуземлянках.[2] Зимнее время определяло выполнение обряда в пределах жилища при использовании огня, вместо воды, как это может быть отмечено для весенне-летних празднеств (потопление кукол, хождение к реке и т. п.).

Во всем сказанном важно именно участие огня в совершении обряда, причем, конечно, не для обжига статуэток (во всяком случае статуэток с зерном или мукой), а в чисто ритуальном его значении, в значении символа неба — солнца — плодородия. Образом солнца-огня проникнуты, как показывалось на этнографических примерах, в первую очередь обряды, связанные с плодородием. Но солнце отождествляется также с образом женщины, что находит свое подтверждение в этнографических фактах, в том числе и в восточнославянской среде.

---

[1] КСИЭ, XIII, 1949, стр. 72.
[2] Г. Чайльд, ук. соч., стр. 91.

Не берусь с уверенностью произвести полную атрибуцию женских изображений из Луки-Врублевецкой, но все же полагаю, что по некоторым скульптурным признакам их можно отождествлять с девушками. Но дело, конечно, не только в этих по существу формальных признаках, а в той идее плодородия, которую отражают трипольские статуэтки.

Дело в том, что мы их связываем с зимне-весенними праздниками, т. е. с тем периодом, когда магические действия, производимые с зерном, имеют цель вызвать плодородие, когда то же значение приобретает обряд осыпания зерном молодых, т. е. с периодом астрального бракосочетания неба и земли. В этих обрядах как бы подчеркиваются потенциальные способности к плодоношению. В связи с этим образ женщины в трипольской пластике скорее воплощал в себе образ женщины-девушки, связанный с солнцем и с идеей воскрешающей растительности. Такое толкование находит подтверждение в ведущей роли девушек при весенних празднествах, известной нам по этнографическим данным. Напомним, кстати, исследование М. П. Грязнова о минусинских каменных изваяниях, изображающих родовые божества. Анализ их привел М. П. Грязнова к мысли, что изваяния изображают именно дев-прародительниц, родоначальниц. Быть может, в этих более поздних минусинских памятниках образ женщины трансформировался и приобрел иное выражение, сохраняя то же древнее значение девушки-солнца.

Чтобы приблизить все сказанное о семантике женских пластических изображений к установлению внешней обрядовой стороны магического ритуала, не могу не привести одного отрывка из книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Вот как описывает С. П. Крашенинников один из эпизодов ноябрьского праздника у камчадалов: «По прошествии одного или полутора часа (после внесения в юрту березы, — *С. Б.*) брошено в юрту восемь тюленьих кож, в которых навязана была юкола, сладкая трава и пузыри с тюленьим жиром, а за ними брошены и четыре рогожи, которые даваны были с кормом, посылаемым за березою, а в них находились березовые обрубки в запас остаточный. Рыбу из тюленьих кож, сладкую траву и жир камчадалы разделили по себе, кожи послали под лесницею, а из березовых обрубков начали делать остроголовых болванчиков, Камуда называемых, в образе тех бесов, кои в женский их пол вселяются во время плясания. , сделав 55 болванчиков, посадили их рядом и сперва вымазали брусницею лице им, после того поставили перед них в трех посудах толченой сараны и перед каждого положили маленькую ложку, таким образом стояло кушанье несколько времени, а как болванчики, по мнению камчадалов, уже довольны были, то сарану съели сами, а болванчикам, надев на головы травяные колпаки и навязав сладкой травы и тоншича на шеи, связали их в три пучка и каждый пучок по два человека с воплем и плясанием в огонь бросали, а с ними вместе жгли и щепы, которые при делании их нарублены».[1]

Надо подчеркнуть, что ноябрьский праздник камчадал был пронизан той же идеей смерти и воскрешения, но выросшей в другой производственной и социальной обстановке.

Описание ритуала у камчадалов, приведенное Крашенинниковым, показывает идейное содержание праздника, — праздника, связанного с культом очищения, началом нового цикла, культом плодородия. Кроме того, процитированное место дает представление о внешней, обрядовой стороне. Взятые вместе идейные и обрядовые стороны праздника, при учете неолитического уровня развития камчадальского общества, делают по-

[1] С. Крашенинников. Описание земли Камчатки, ч. III и IV. СПб., 1819, стр. 125—127.

нятным, почему привлечена нами для возможной живой реконструкции обрядовых действий в Триполье эта параллельная аналогия. Именно параллельная, так как об установлении каких бы то ни было генетических связей или культурно-исторических влияний между камчадалами и раннеземледельческими обществами говорить более чем рискованно. В обрядовых действиях этого праздника имеют место небезынтересные детали, сообщенные Крашенинниковым: во-первых, большое число болванчиков, участвующих в церемонии, во-вторых, характерная остроголовость их, связанная с определенным обрядовым действием, т. е. надеванием на голову колпачков из травы, и, наконец, в-третьих, бросание фигурок в огонь. Три названных признака, отмеченные в камчадальском культе, выглядят совершенно параллельными явлениям, установленным для статуэток из Луки-Врублевецкой. Аналогия с камчадальскими верованиями оправдывается близостью уровня социального развития обществ камчадальского и раннетрипольского, в одном случае охотничьего, в другом — земледельческо-скотоводческого. Близость уровня их общественного развития определила и сходство возникших надстроечных явлений, т. е. идей, связанных с плодородием, и действенных отражений этих идей в обрядах. Если пойти несколько дальше, то в свете сказанного, может быть, будет найдено объяснение и находкам стульчиков для статуэток, миниатюрных сосудиков и других небытовых предметов. Но пока это только догадка.

В заключение очень кратко остановлюсь на вопросе, могущем сыграть, как мне представляется, свою роль в дальнейшей разработке больших и сложных проблем. Прежде всего на значении, которое может приобрести дальнейшее изучение пластики раннеземледельческих племен или их материальной культуры в целом для истории древнейшего славянства.

В современной советской литературе виднейшие слависты (Б. Д. Греков, Ю. В. Готье, Н. С. Державин, В. В. Мавродин и др.) постоянно обращаются к трипольским памятникам, когда речь заходит об этногенезе восточных славян. Вряд ли кто-нибудь из историков имеет в виду прямую преемственную связь между трипольскими и раннеславянскими племенами, как думал в свое время Хвойко. Но столь высоко развитая земледельческая культура Триполья не могла исчезнуть бесследно, не передав своих традиций племенам, выросшим на ее основе или сменившим ее. Земледельческие традиции Триполья, видимо, все же вошли в культуру ранних славян. Это предположение хотя и не вызывает больших сомнений, но остается теоретическим. Археологический материал, впрочем, так же как и этнографический, пока еще не дает возможности проследить раннеземледельческие традиции Триполья в среде древнейших славянских племенных образований. Может быть, в этом отношении кое-какие связующие пути поможет установить изучение элементов мировоззрения. Я не имею в виду слишком обобщенных сопоставлений, например культа плодородия Триполья с культом плодородия у славян, хотя и в первом и во втором случае имеет место одинаковое воплощение самой идеи плодородия — в женском образе. Л. А. Динцес, специально занимавшийся изучением некоторых мотивов вышивок в украинском творчестве, выделил в них древний сюжет в виде изображения женщины в сочетании с растительными элементами, не оставляющий сомнений в том, что этот образ целиком отражает культ плодородия.[1] В более широком плане изучением женского образа занимался В. А. Городцов, установивший

[1] Л. А. Динцес. Историческая общность русского и украинского народного искусства. СЭ, V, 1941. — Он же. Русская глиняная игрушка. Л., 1936.

связь дако-сарматского искусства с русской народной вышивкой.[1] Сейчас можно сказать, что истоки подобного понимания женского образа, безусловно, лежат в древнейшем раннеземледельческом мировоззрении, может быть восходящем еще к эпохе Триполья. Аналогичное сопоставление можно также сделать и в другом направлении. Н. Ф. Сумцов еще в 1885 г. в докторской диссертации высказал одну очень интересную мысль. «Повидимому, — пишет Сумцов, — судя по этнографическим сборникам, обрядовое употребление хлебных зерен в настоящее время сохранилось преимущественно у славян южных и восточных: болгар, сербов, малороссов и великороссов и почти не встречается у славян западных, поляков и чехов». Высказанному положению Н. Ф. Сумцов придавал, видимо, весьма существенное значение, иначе он не включил бы его специальным параграфом в очень сжатые тезисы диссертации. Вполне доверяя Н. Ф. Сумцову, его выводу, основанному на этнографических источниках, можно сделать и другой вывод, опирающийся на археологический материал, а именно о сходстве обрядового употребления зерна у южных и восточных славян с обрядовым употреблением зерна у раннеземледельческих племен. Это сопоставление дает еще одно звено в линии установления преемственных черт в мировоззрении древнеземледельческих племен юго-восточной Европы с определенными современными славянскими этническими образованиями. Но вопрос этот получает еще большее освещение, как только мы обратим внимание на карту распространения женских пластических фигур в пределах Европы. Оказывается, что наиболее широкое распространение их может быть отмечено в южной и юго-восточной полосе: Балканы с островами и далее к востоку, охватывая территорию западного и северо-западного Причерноморья, в том числе Югославию, Болгарию, Румынию и Правобережную Украину. В Чехословакии и Польше (за исключением южных областей), так же как в средней полосе Европы, распространенность глиняных скульптур в раннеземледельческих поселениях значительно ослабевает и ни количественно, ни качественно не идет ни в какое сравнение с пластикой южных областей.[2] Это заключение имеет не менее существенное значение, чем первое. Итак, распространение женских изображений имеет какие-то реальные географические границы. Это еще раз подтверждает наше положение, что эти изображения отражают культ плодородия, созревший в достаточно развитой земледельческой среде, так как к северу, где земледельческий уклад носил более отсталый характер, подобных находок значительно меньше или нет вовсе.

В свете данных, накопленных советской археологией в последние годы, как будто начинает вырисовываться и вопрос о взаимоотношении трипольской культуры с областями, расположенными к северу от нее, т. е. в среднеевропейской полосе. Едва ли сейчас можно будет придерживаться уже устаревшего взгляда на выведение трипольской культуры из линейно-ленточной, скорее можно утверждать об одновременном существовании двух различных по своему уровню хозяйственных укладов — южного, в том числе и трипольского, более передового, и северного, связанного с областями распространения линейно-ленточной орнамента-

---

[1] В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. Гос. Историч. муз., вып. 1, 1926.

[2] Нет никаких оснований предполагать, что здесь, в средней полосе Европы, женские глиняные фигурки заменялись, например, деревянными. Этому противоречит близкое сходство лесных ландшафтов центральной и средней Европы с древним лесным ландшафтом Поднестровья (фауна, например, Луки-Врублевецкой содержит таких типичных представителей леса, как лося, белку, медведя, рысь, лесную куницу и т. п.).

ции, — более отсталого, с еще типичными неолитическими чертами. Окончательное решение этого вопроса, конечно, не может зависеть от изучения одной пластики, а должно быть обосновано на комплексном материале. В нашей статье, устанавливая связи древних земледельческих представлений с пережитками их в славянской среде, мы не претендуем на решение этногонических проблем. Однако мы считаем, что приведенные материалы могут быть приняты в расчет при рассмотрении проблемы этногенеза славян.

С. С. ЧЕРНИКОВ

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ДРЕВНИХ БРОНЗ КАЗАХСТАНА

В 1935—1938 гг. лабораторией ГАИМК—ИИМК были проведены серии качественных анализов металла древних бронзовых орудий, происходящих из следующих районов Казахстана: Восточно-Казахстанская область — материал экспедиции ГАИМК 1935 и 1937 гг. по исследованию древних выработок на олово в Калбинском и Нарымском хребтах и случайные находки из этих же районов, хранящиеся в Семипалатинском музее (табл. I); Акмолинская и Кокчетавская области — материал экспедиции ИИМК 1938 г. по исследованию древних работ на золото в районе г. Степняк и случайные находки из коллекций, собранных Знаменовской и Чудиновым, хранящиеся в Государственном Эрмитаже (табл. II); Алмаатинская область и Северная Киргизия — случайные находки, хранящиеся в Центральном музее Казахстана в Алма-ата (табл. III).[1] Анализы были произведены на 10 элементов (см. табл. I—III) по методике, разработанной в Институте исторической технологии ГАИМК.[2]

Кроме упомянутых анализов, в настоящей работе нами использованы также данные анализов из Сибири (Минусинский край; табл. IV),[3] Прибайкалья,[4] Кавказа,[5] а также Западной Европы.[6]

В настоящее время еще не представляется возможным дать для всей территории Казахстана последовательную картину производства брон-

---

[1] Упомянутые экспедиции были проведены под руководством автора. Все предметы из 1-го района (Восточный Казахстан) связаны с древней добычей олова и золота. Во 2-м районе (Северный Казахстан) бронзовые изделия происходят из поселений (на Степняке, Сталинском руднике и Бес-тюбе), находящихся около древних работ на золото, культурный слой которых разрабатывался старателями. В том же районе есть и древние работы на медь. Вещи из Алмаатинского музея были получены А. А. Иессеном в 1935 г. специально для производства анализов в лаборатории ГАИМК.

[2] Анализы производились химиками Петренко, Михайловым, Гущиной и Лаптевым. Последним произведено наибольшее количество анализов. О методике см.: В. В. Данилевский. Историко-технологическое исследование древних бронзовых и золотых изделий. Изв. ГАИМК, вып. 110, 1935.

[3] Случайные находки, главным образом из известной коллекции Лопатина. Анализы произвел Д. А. Сабанеев в 1883 г. Архив ИИМК, ф. РАО, папка Комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз.

[4] Материалы А. П. Окладникова. Глазковский этап. Анализы произведены в лаборатории ИИМК в 1939 г. А. А. Лаптевым.

[5] Сводка анализов в работе: А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935.

[6] Сводка анализов в «Трудах Комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз» (Бюллетень, № 1, вып. 1 и 2, РАО, СПб., 1884), также см.: W. Geilmann. Chemische Untersuchungen an vorgeschichtlichen Bronzewaffen Niedersachsen. Геттинген, 1937.

зовых орудий по этапам развития.[1] Поэтому мы принуждены ограничиться только материалом анализов, относящихся к периоду наибольшего расцвета культуры бронзы, предшествующему переходу к железу, т. е. к позднеандроновской культуре. В Казахстане карасукская культура, столь характерная для Енисея, не прослеживается. Сейчас мы имеем все основания утверждать, что андроновская культура, особенно в районах наибольшего развития древней металлургии и горного дела (западный Алтай, Степняк), продолжается очень долго, вплоть до начала кочевого скотоводства и широкого освоения железа, и генетически связана с культурой ранних кочевников. В Минусинском крае расцвет металлургии бронзы падает на карасукскую и раннетагарскую культуры, на Кавказе на так называемый «III этап» и в Западной Европе на III—IV периоды периодизации Монтелиуса. Таким образом, мы рассматриваем бронзовые изделия, относящиеся ко времени от конца II тысячелетия до н. э. и до III—II вв. до н. э. В связи с этим из предлагаемых выше подсчетов исключен ряд анализов вещей как более ранних, так и более поздних. Также исключены анализы предметов, сделанных из другого материала (свинец, сурьма и т. п.), анализы только качественные [2] и анализы, не внушающие доверия по своей методике. Всего нами использовано 289 анализов различных изделий из бронзы, найденных на территории СССР. Анализы бронз Западной Европы приводятся в сводных таблицах только для сравнения.

Рассмотрение серий анализов, имеющихся в нашем распоряжении, позволяет сделать ряд выводов о составе и характере сплава древних бронзовых изделий.

Остановимся сперва на элементах, имеющихся в бронзовом сплаве помимо основной примеси — олова.

Элементы эти следующие: свинец, сурьма, железо, никель, золото, сера, мышьяк, цинк, висмут. Все они встречаются в сплаве в очень незначительных количествах (в среднем 0.10—0.50%) и несомненно являются естественными примесями в медной руде (исключение составляют только некоторые изделия из района Казбека и Минусинского края, где свинец и цинк являются сознательной присадкой к меди, для улучшения качества сплава).[3] Их присутствие в сплаве не зависело от мастерства древних металлургов.[4] Как видно из табл. V и Va, соотношение этих примесей было в разных районах различное, что указывает на особую для каждого из них рудную базу.[5]

---

[1] Анализы предметов, относящихся к более ранним этапам в других районах, дают почти чистую медь и в некоторых предметах очень незначительную примесь олова. Так, например, на Сев. Кавказе в вещах I и II этапов процент олова не превышает 1.25 (см.: Иессен, ук. соч., стр. 216, табл. I). Анализ наконечника стрелы ранней доандроновской формы из района Степняка (рудн. Джеламбет) дал следующее: Cu — 96.52, Sn — 1.56, Pl — 0.14, Fe — 0.16, Au — следы, S — 0.19%.

[2] Большое количество качественных анализов различных бронзовых изделий приводится в упоминавшейся статье В. В. Данилевского, однако они не дают главного — характера бронзового сплава.

[3] А. А. Иессен, ук. соч., стр. 220. Анализы №№ 43—58, Архив РАО. Анализы Сабанеева №№ 5, 9, 18, 24, 26. Необходимо оговориться, что анализы Сабанеева внушают некоторые сомнения; по сообщению А. А. Иессена, проверка части этих анализов, произведенная в лаборатории ГАИМК, присутствия цинка не обнаружила.

[4] Технологическую характеристику перечисленных примесей см.: E. Reyer. Die Kupferlegierungen, ihre Darstellung und Verwendung bei den Völkern des Alterthums. Archiv für Anthropologie, XIV, Вена, 1883.

[5] Табл. V содержит подсчет количества изделий, имеющих те или иные примеси. Для того, чтобы сделать эти величины сравнимыми, в табл. Va подсчитано, в каком проценте изделий того или иного района встречаются сопутствующие элементы. Чтобы не получить искаженной картины, следы элементов выделены особо. Несмотря на недостатки этих таблиц, проистекающие от неполноты аналитических работ, они все же

На основании этих таблиц можно отметить следующее:

1. Примесь сурьмы и свинца является характерной особенностью металла, изготовлявшегося на базе Алтайских медных месторождений, на большинстве которых нам известны следы древних работ, датирующихся тем же временем, что и рассматриваемые нами орудия.[1] Как видно из табл. Va, процент бронзовых изделий Восточного Казахстана, содержащих небольшие количества этих металлов, очень велик. В Северном же Казахстане количество изделий с сурьмой резко падает.

Несомненно, что для района Степняка источником олова служили Калбинское и Нарымские месторождения. В местной же медной руде примеси сурьмы (так же как и свинца) нет (см. табл. IX). Эта руда (малахит и азурит, т. е. окисленные руды) взята на месторождении Уротюбе из древней выработки, одновременной с поселениями Степняка. Медь, обрабатывавшаяся на этих поселениях, вероятнее всего происходит из двух ближайших месторождений — Уро-тюбе и Ащилы, геологическая структура которых почти одинакова. Следовательно, сурьма в степняковских бронзовых изделиях навряд ли имеет местное происхождение и вероятнее всего попала в сплав с калбинским оловом.

Не обнаружено в районе Степняка также и следов совместной плавки касситерита и местной медной руды. Следовательно, мы можем предположить, что олово на Степняк шло с западного Алтая не в виде чистого металла или касситерита, а в виде бронзовых слитков или готовых изделий, которые и переплавлялись с местной медью.

Характерно, что в степняковских орудиях, отлитых несомненно на месте (кирки, клинья и т. п., имеющие очень малый процент олова), свинец встречается гораздо реже, чем в орудиях с высоким содержанием олова (табл. VIII). Известно, что свинец при различных переплавках металла является наиболее стойкой примесью.[2]

2. Более чем в одной трети изделий из Степняка есть следы золота. Так как в этом районе в качестве флюса при вторичной плавке медной руды (на поселениях) употребляли охру и дробленый кварц,[3] а его было сколько угодно после промывки золота, то этот факт указывает на несомненно местное производство этих орудий, тем более, что в Восточном Казахстане следов золота в изделиях нет.

Наличие золота в бронзах Минусинского края заставляет предполагать там такие же «золотопромышленные» поселения, что и на Степняке, на поиски которых имеет смысл обратить внимание.

3. Бронзовые изделия как Восточного, так и Северного Казахстана совсем не содержат присадок к бронзе других металлов, сознательно сделанных человеком. При наличии близких месторождений олова сплав его с медью полностью удовлетворял тем требованиям, которые древние металлурги предъявляли к металлу для своих орудий.

Иную картину мы видим на Северном Кавказе, где наряду с оловом в качестве дополнительного металла употреблялся еще и свинец

представляют интерес для характеристики рудных баз различных районов. Однако отсутствие того или иного элемента в таблице не всегда означает отсутствие его в сплаве. Так, например, при производстве анализов находок из Северного Казахстана мышьяк по техническим причинам определен быть не мог. Возможны и другие подобные случаи, особенно для старых анализов.

[1] Н. Ф. Григорьев и С. М. Глебов. Полиметаллические месторождения рудного Алтая. Сб. «Большой Алтай», т. I, Л., 1934, стр. 53.

[2] E. Reyer, ук. соч.

[3] С. С. Черников. Древнее горное дело в районе г. Степняк. Изв. АН Каз. ССР, № 46, сер. археологическая, вып. 1, Алма-ата, 1948, стр. 28.

Таблица I

Анализы бронз Восточного Казахстана

(Верхнее Прииртышье)

№№ п. п.	Предмет	Cu	Sn	Pl	Sb	Fe	Ni	Au	S	As	Музей и №№ коллекций	Местонахождение	№№ рисунков
1	Нож	95.14	0.70	0.24	0.32	0.07	—	—	—	—	СМ, 34-1231	Никольский пункт	3,7
2	Пешня	98.99	0.85	—	0.08	0.06	—	—	—		СМ, 8-2028	Устькаменогорский у.	1,3
3	Обломок клина	93.57	2.85	—	0.24	0.11	0.30	—	Сл.	—	ГАИМК, 97	Урунхай	Тип 3,3
4	Молоток	96.20	3.14	Сл.	0.32	0.11			—		МАЭ, 1520	Река Джепама	Тип 2,6
5	Кирка[1]	96.00	3.27	Сл.	0.13	0.09	—	—	Сл.	0.12	СМ, 41-1230	Каркаралинский у.	Тип 1,5
6	Нож [2]	92.70	3.46	Сл.	0.24	0.27	—	—	—	1.04	ГАИМК, 178	Кара-гоин	1,2
7	Кирка	95.50	3.56	Сл.	0.44	0.06	—	—		—	Антр. М (М.)	Река Сенташ	Тип 1,5
8	Кирка	95.58	3.86	Сл.	0.23	0.15	—	—	—	—	МАЭ, 1520-6	Река Джепама	Тип 1,5
9	Слиток	93.21	3.90	Сл.	0.04	1.35	—	—	—	0.03	ГАИМК,	Мынчункур	—
10	Пешня	94.10	4.27	—	0.40	0.11	—	—	—	0.06	МАЭ, 1726-66	Река Курчум	Тип 1,3
11	Слиток	93.50	5.06	0.13	0.26	0.07	—	—	—	—	СМ, 665-1516	Окрестн. Семипалатинска	—
12	Кайла	92.27	5.74	0.17	0.12	0.11	0.10	—	Сл.	—	СМ, 2-1230	Аблаинкит	1,4
13	Обломок клина	92.65	6.03	Сл.	0.17	0.05	—	—	0.02	—	ГАИМК, 209	Урунхай	Тип 3,3
14	Слиток	91.42	6.19	0.35	0.26	0.07	—	—	—	—	ГАИМК, 120	Река Чебунды	—
15	Кирка	92.82	6.28	—	0.12	0.06	Сл.	—	Сл.	Сл.	СМ, 31-1230	Евгеньевский пункт	1,5
16	Нож [3]	90.29	6.58	Сл.	0.42	0.02	—	—	—	Сл.	СМ, 16-1231	Пункт Степанова	3,8

Примечание. Все предметы с шифром ГАИМК переданы в Гос. Эрмитаж.

[1] Также следы кобальта.

[2] Также следы кобальта и висмута.

[3] Поверхность ножа была покрыта тонким слоем олова.

Продолжение табл. 1

№№ п.п.	Предмет	Cu	Sn	Pl	Sb	Fe	Ni	Au	S	As	Музей и №№ коллекций	Местонахождение	№№ рисунков
17	Кельт-лопатка	87.30	11.08	—	0.22	1.06	—	—	Сл.	—	СМ, 6-2027	Владимирский пункт	—
18	Слиток	91.60	13.00	0.17	0.19	1.35	—	—	—	Сл.	ГАИМК, 9	Мынчункур	—
19	Кинжал	84.90	13.28	0.30	0.68	0.18	—	—	—	0.12	МАЭ, 1520-9	Река Курчум	Тип 3, *6*
20	Обломок ножа	81.79	13.38	1.60	0.12	0.09	—	—	—	—	СМ, 21-1232	Пункт Степанова	Тип 1, *2*
21	Тесло	84.50	14.18	—	0.16	0.09	—	—	—	—	СМ, 12-1371	Там же	Тип 2, *10*
22	Слиток [4]	77.70	20.96	1.22	—	—	—	—	—	—	—	Урунхай	—
23	Кинжал	90.20	7·70	0.57	0.60	0.11	—	—	—	0.26	СМ, 158-1366	Баты	3, *6*
24	Кельт [5]	91.50	7.73	—	0.12	0.18	—	—	—	—	МАЭ, 1520-9	Река Курчум	Тип 1, *1*
25	Обломок ножа	87.90	8.55	Сл.	1.05	0.08	—	—	—	0.17	ГАИМК, 179	Кара-гоин	Тип 1, *2*
26	Нож	90.74	8.83	—	0.17	0.07	—	—	—	0.02	СМ, 18-2020	Пункт Степанова	Тип 3, *7*
27	Слиток	90.60	9.15	Сл.	0.27	—	—	—	—	0.01	ГАИМК, 157	Мынчункур	—
28	Кинжал	88.90	10.04	—	0.36	0.41	—	—	—	0.02	СМ, 13-1366	Устькаменогорский у.	Тип 3, *6*
29	Косарь или нож	89.30	10.04	Сл.	0.16	0.07	—	—	—	0.04	СМ, 840-1516	Окрестн. Семипалатинска	—
30	Нож	88.00	10.29	0.50	0.21	0.04	—	—	—	—	СМ, 24-2020	Устькаменогорский у.	3, *7*
31	Обломок ножа	86.70	10.36	Сл.	0.24	0.02	—	—	—	0.29	СМ, 20-1232	Пункт Степанова	Тип 1, *2*
32	Кельт	88.70	10.60	—	0.03	0.14	—	—	—	—	СМ, 9-1229	Река Май-копчегай	Тип 1, *1*

[4] Исследован в лаборатории Дальгеолтреста (Благовещенск) в 1933 г. Данные анализа сообщены А. В. Безлюдным.
[5] Также следы кобальта.

Таблица II

Анализы бронз Северного Казахстана
(Район Степняка)

№№ п.п.	Предмет	Cu	Sn	Pl	Sb	Fe	Ni	Au	S	As	Музей и №№ коллекций	Местонахождение	№№ рисунков
1	Слиток плоский	98.72	—	—	—	0.15	0.10	—	Сл.	—	ГЭ, 1405-102	Сталинский руди.	—
2	Слиток	98.27	—	0.17	—	0.15	—	Сл.	0.05	—	ГЭ, 1405-104	Там же	—
3	Обломок кирки	99.20	—	—	0.48	0.05	—	—	—	—	ЭМ, 4812-21	Степняк	Тип 1,5
4	Обломок кирки	99.60	—	—	—	0.08	Сл.	—	—	—	ЭМ, 4812-28	»	То же
5	Обломок кирки	98.93	—	Сл.	0.19	0.08	Сл.	—	—	—	ЭМ, 4812-22	»	То же
6	Обломок кельта	97.60	—	Сл.	—	2.32	Сл.	—	Сл.	Сл.	ЭМ, 4812-28	»	—
7	Обломок кирки	97.00	Сл.	—	—	0.04	—	Сл.	0.03	—	ГЭ, 1406-43	Бес-тюбе	Тип 1,5
8	Кирка без втулки	97.92	Сл.	Сл.	—	0.43	—	Сл.	0.12	—	ГЭ, 1406-3	»	То же
9	Обломок кайлы	99.32	0.15	—	0.32	0.07	—	—	—	—	ЭМ, 4633-14	Степняк	Тип 1,1
10	Серп	98.65	0.37	Сл.	—	0.51	—	Сл.	0.12	—	ГЭ, КЗ-6	»	1,5
11	Слиток	97.72	0.48	Сл.	1.04	0.32	—	—	—	—	ЭМ, 4812-24	»	—
12	Пешня с одним ушком	98.09	0.56	—	—	0.19	—	Сл.	0.06	—	ГЭ, КЗ-8	»	1,4
13	Обломок серпа	97.82	0.70	—	0.11	0.08	—	—	—	—	ЭМ, 4812-5	»	Тип 3,4
14	Обломок кирки	98.23	0.71	0.27	—	0.14	—	Сл.	—	—	ГЭ, 1406-20	Сталинский руди.	Тип 1,5
15	Слиток	98.00	1.14	Сл.	0.09	0.04	—	—	—	—	ЭМ, без №	Степняк	—
16	Обломок клина	97.61	1.20	—	0.49	0.33	—	—	—	—	ЭМ, 4812-20	»	3,3
17	Обломок серпа	96.15	2.19	—	—	0.26	—	—	0.10	—	ГЭ, 1405-137	»	Тип 3,5
18	Обломок клина	96.79	2.24	—	—	0.09	Сл.	—	0.05	—	ГЭ, КЗ-7	»	Тип 3,3
19	Нож	97.03	2.31	—	—	0.09	—	—	0.02	—	ГЭ, КЗ-10	»	3,1
20	Молоток	96.38	2.56	—	—	0.05	—	—	0.06	—	ГЭ, 1405-271	Аульная площадь	2,6
21	Нож	95.44	3.03	Сл.	—	Сл.	—	—	0.10	—	ГЭ, КЗ-5	Степняк	Тип 3,1
22	Слиток	96.17	3.25	Сл.	—	0.18	—	—	0.07	—	ГЭ, 1405-278	Аульная площадь	—
23	Шило	93.92	4.61	0.60	—	0.05	—	—	—	—	ГЭ, 1405-273	Там же	Тип 2,4

Продолжение табл. II

№№ п.п.	Предмет	Cu	Su	Pl	Sb	Fe	Ni	Au	S	As	Музей и №№ коллекций	Местонахождение	№№ рисунков
24	Шило	94.15	5.16	—	—	0.06	—	—	Сл.	—	ГЭ, 1405-136	Степняк	Тип 2, *4*
25	Обломок серпа	90.90	5.82	—	—	0.09	—	—	0.12	—	ГЭ, 1405-103	Сталинский рудн.	Тип 3, *5*
26	Шило	93.34	6.21	—	—	0.15	—	Сл.	0.10	—	ГЭ, 1405-5	Бес-тюбе	2, *4*
27	Кинжал	91.32	6.39	0.14	—	0.28	—	Сл.	0.13	—	ГЭ, 1405-105	Сталинский рудн.	2, *1*
28	Обломок долота	91.29	7.48	—	0.22	0.02	—	—	—	—	ЭМ, 4812-9	Степняк	Тип 2, *3*
29	Наконечник стрелы	89.34	7.90	—	—	—	—	—	—	—	ГЭ, 1405-8	Бес-тюбе	2, *7*
30	Долото с втулкой	90.78	8.22	—	—	0.15	—	—	0.09	—	ГЭ, 1405-6	»	2, *5*
31	Нож	86.78	8.39	0.14	—	0.87	—	Сл.	0.13	—	ГЭ, 1406-18	Сталинский рудн.	Тип 3, *1*
32	Наконечник копья	87.16	8.50	0.22	Сл.	0.25	—	Сл.	0.38	—	ГЭ, КЗ-9	Степняк	Тип 2, *2*
33	Тесло	90.78	8.74	Сл.	Сл.	0.31	—	Сл.	0.15	—	ГЭ, КЗ-11	»	Тип 2, *10*
34	Долото (брак литья)	86.74	10.04	0.09	—	0.13	—	—	0.11	—	ГЭ, 1406-16	Сталинский рудн.	Тип 2, *5*
35	Обломок ножа	85.61	10.17	0.03	—	0.21	—	Сл.	0.08	—	ГЭ, 1405-7	Бес-тюбе	Тип 3, *1*
36	Нож	87.77	11.02	0.74	Сл.	0.27	—	Сл.	0.08	—	НИГРИЗ	Аульная площадь	То же
37	Топор вислообушный	87.73	11.36	—	—	0.09	—	—	0.04	—	ГЭ, 1406-24	Сталинский рудн.	2, *8*
38	Тесло	87.66	11.68	0.27	Сл.	0.12	—	Сл.	0.05	—	ГЭ, 1405-272	Аульная площадь	2, *10*
39	Тесло	87.46	12.12	—	0.08	—	—	—	0.03	—	ГЭ, КЗ-22	Степняк	Тип 2, *10*
40	Обломок ножа	86.22	12.22	—	—	0.67	—	—	0.06	—	ГЭ, 1406-13	Сталинский рудн.	Тип 3, *1*
41	Наконечник копья	84.79	12.24	0.10	—	0.33	—	Сл.	0.10	—	ГЭ, 1405-1	Бес-тюбе	2, *2*
42	Нож	86.50	12.41	0.08	—	0.13	—	Сл.	0.03	—	ГЭ, КЗ-23	Степняк	3, *2*
43	Обломок тесла	85.76	12.63	0.26	—	0.12	Сл.	—	0.05	—	ГЭ, 1406-15	Сталинский рудн.	Тип 2, *10*
44	Тесло	85.62	12.80	0.19	Сл.	0.96	—	—	0.06	—	НИГРИЗ	Степняк	То же
45	Долото	86.11	13.00	0.40	—	0.09	—	—	—	—	ГЭ, 1406-19	Сталинский рудн.	2, *5*
46	Шило	86.18	13.37	—	Сл.	0.25	—	Сл.	0.07	—	ГЭ, 1405-2	Бес-тюбе	2, *4*
47	Долото	84.81	14.40	—	—	0.38	—	Сл.	—	—	ГЭ, КЗ-12	Степняк	Тип 2, *5*
48	Тесло	84.86	14.70	—	—	0.33	—	Сл.	0.09	—	ГЭ, КЗ-3	»	Тип 2, *10*

Таблица III

Анализы бронз Южного Казахстана и северной Киргизии

№№ п. п.	Предмет	Cu	Sn	Pl	Sb	Fe	Ni	Au	S	As	Музей и №№ коллекции	Местонахождение
1	Серп	99.50	—	—	0.12	0.20	—	—	—	0.03	Ал.-ат. м., 116	Окрестн. Алма-ата, с. Узун-агач
2	Клин	98.47	0.50	—	0.22	0.05	Сл.	—	—	0.13	Ал.-ат. м., 289	Окрестн. Алма-ата
3	Нож	98.10	1.06	0.06	0.16	0.05	—	—	0.02	—	Ал.-ат. м., А-15	Копальский у., р. Терсаккан, п. Кокау
4	Топор проушной	95.70	3.47	0.07	0.23	0.43	Сл.	—	—	—	Ал.-ат. м., 462	Ю. Турксиб, раз. № 14, 308-й км
5	Долото втульчатое	95.65	4.04	Сл.	0.16	0.02	—	—	—	0.02	Ал.-ат. м., А-15	Там же
6	Кинжал	99.00	8.76	0.93	0.24	0.07	—	—	—	0.24	Ал.-ат. м., 1709	Каратальский р-н, колх. 1-го мая
7	Топор клиновидный	99.60	—	—	0.16	0.21	—	—	—	—	Антр. м., М., 51-1	Сев. Киргизия, р-н Каракола
8	Топор с втулкой	96.96	—	—	0.24	0.07	—	—	Сл.	2.63	Антр. м., М., К-520-6	Там же
9	Слиток	98.89	—	—	0.16	0.14	—	—	—	0.52	Антр. м., М., К-520-3	»
10	Долотовидное орудие	97.47	1.91	0.39	0.04	0.08	Сл.	—	0.01	0.10	Антр. м., М., 51-3	»

Таблица IV

Анализы бронз Сибири

(Район Минусинска, Красноярска, Ачинска)

№№ п. п.	Предмет	Местонахождение	Cu	Sn	Zn	Pl	Ag	Sb	S	Fe	Au	Bi	Где опубликован
1	Кельт	д. Кускун, Красноярский окр.	97.6	—	2.0	—	Сл.	—	Сл.	Сл.	—	—	ЗРАО, т. X, в. 1, стр. 363
2	Кельт	Красноярский окр.	97.5	—	2.3	—	0.01	—	Сл.	—	—	—	МАР, в. 27, II, 11
3	Кинжал	д. Ужур, Ачинский окр.	97.3	0.1	2.1	Сл.	Сл.	Сл.	Сл.	Сл.	0.2	Сл.	МАР, в. 5, X, 15
4	Кинжал	д. Седельникова, Красноярский окр.	98.5	0.1	1.2	Сл.	0.05	Сл.	Сл.	0.1	Сл.	—	МАР, в. 5, XI, 12
5	Кинжал	д. Сорокино, Минусинский окр.	94.4	0.1	5.2	Сл.	Сл.	—	Сл.	0.1	Сл.	—	—
6	Нож	Минусинский окр.	97.2	0.2	2.2	—	Сл.	Сл.	—	Сл.	Сл.	Сл.	—
7	Удила	Там же	99.0	0.2	—	0.1	Сл.	Сл.	Сл.	—	Сл.	—	—
8	Кинжал	д. Татарская, Красноярский окр.	98.0	0.4	0.7	0.6	0.01	—	Сл.	0.1	Сл.	—	МАР, в. 5, IX, 13
9	Кельт	с. Караульное, Минусинский окр.	93.4	0.6	5.2	0.3	0.01	—	Сл.	Сл.	—	—	—
10	Нож	Минусинский окр.	98.2	1.2	—	0.15	Сл.	Сл.	Сл.	—	—	—	—
11	Грузило	Там же	92.8	1.2	4.6	0.6	Сл.	Сл.	Сл.	0.4	—	Сл.	—
12	Обломок ножа	»	98.0	1.3	1.1	—	Сл.	Сл.	Сл.	0.05	Сл.	Сл.	—
13	Кинжал	д. Побережки, Ачинский окр.	98.9	1.5	—	Сл.	Сл.	Сл.	Сл.	0.05	—	—	МАР, в.5, VIII, 1
14	Топор	Минусинский окр.	97.4	1.6	—	0.1	—	Сл.	—	—	—	—	—
15	Кинжал	д. Седельникова, Минусинский окр.	67.9	1.9	—	0.4	Сл.	Сл.	Сл.	0.2	Сл.	—	МАР, в. 5, XII, 3
16	Кинжал	д. Быскар, Минусинский окр.	95.7	1.9	1.3	0.4	Сл.	—	Сл.	Сл.	—	—	МАР, в. 5, VIII, 13
17	Кинжал	д. Ельская, Красноярский окр.	99.4	3.5	—	0.2	0.02	—	Сл.	0.1	—	—	—

Продолжение табл. IV

№№ п. п.	Предмет	Местонахождение	Cu	Sn	Zn	Pl	Ag	Sb	S	Fe	Au	Bi	Где опубликован
18	Кельт	Бол. Телек, Минусинский окр.	91.2	4.0	4.0	1.0	Сл.	—	Сл.	Сл.	—	—	МАР, в. 27, III, 9
19	Кинжал	д. Батени, Минусинский окр.	93.9	4.4	0.6	0.5	0.02	—	Сл.	Сл.	—	—	—
20	Кинжал	д. Янова, Минусинский окр.	93.9	5.0	—	0.4	—	—	—	Сл.	—	—	МАР, в. 5, X, 3
21	Кинжал	д. Парная, Ачинский окр.	93.1	5.2	0.5	0.4	0.02	—	Сл.	Сл.	Сл.	—	—
22	Кельт	Минусинский окр.	92.0	6.1	0.8	0.4	0.02	—	Сл.	—	—	—	—
23	Кинжал	д. Тесь, Минусинский окр.	91.9	7.4	—	0.5	0.02	—	Сл.	Сл.	—	—	МАР, в. 5, VIII, 14
24	Кельт	с. Солонцы, Красноярский окр.	87.9	8.2	4.0	0.05	0.02	—	Сл.	Сл.	—	—	—
25	Кинжал	д. Шуваево, Красноярский окр.	88.6	8.8	1.2	1.4	Сл.	—	Сл.	Сл.	—	—	МАР, в. 27, II, 8
26	Обломок ножа	Минусинский окр.	83.1	9.6	6.6	—	—	—	—	—	—	—	—
27	Кинжал	д. Кильская, Минусинский окр.	88.1	10.1	0.8	0.4	Сл.	—	Сл.	0.05	—	—	МАР, в. 5, X, 8
28	Кинжал	окрестн. Красноярска	87.4	11.6	0.8	0.2	Сл.	—	Сл.	—	—	—	МАР, в. 5, XI, 1
29	Обломок ножа	Минусинский окр.	87.6	12.1	1.1	Сл.	Сл.	—	—	Сл.	Сл.	—	—
30	Нож	б. Енисейская губ.	82.31	12.6	—	5.03	—	—	—	—	—	—	См.: Флоринский. Первобытные славяне, ч. II, стр. 374.
31	Нож	Там же	85.5	13.46	—	0.64	—	—	—	—	—	—	
32	Нож [1]	Ачинский окр.	85.0	15.0	—	—	—	—	—	—	—	—	

[1] Последние 3 анализа в сводные таблицы не включены ввиду их неполноты.

(до 10.23%). Это говорит о том, что на Кавказе олова было мало, оно было дорого и человек искал дополнительный материал для улучшения качества своих орудий.

Характеристика отдельных элементов, встречающихся в качестве естественных примесей руды в бронзовых сплавах, может быть следующая:

1. Свинец имеется в большом количестве изделий во всех районах и не может поэтому служить признаком, характеризующим месторождения меди какого-либо одного района. Ввиду способности свинца сохраняться в сплаве при многократных переплавках, он мог распространяться на очень большие расстояния от первоначальной рудной базы.

2. Сурьма является характерной примесью к бронзам Восточного и Южного Казахстана. Надо оговориться, что вследствие крайне незначительного количества анализов (10) какие-либо выводы по Южному Казахстану и северной Киргизии делать еще преждевременно. Пока обращает на себя внимание факт большого сходства в составе бронзы этих двух, отдаленных друг от друга районов. В Минусинском крае и на Северном Кавказе мы встречаем только следы сурьмы и незначительное количество ее в Закавказье.

Таблица V

Количество изделий, содержащих другие элементы (кроме олова) [1]

Сопутствующие элементы / Место-нахождение изделий	Pl	Sb	Fe	Ni	Au	S	As	Zn	Bi	Ag
Вост. Казахстан, 31 анализ	10 / 12	30 / —	29 / —	2 / 1	—	1 / 5	12 / 5	—	—	—
Сев. Казахстан, 48 анализов	14 / 9	9 / 6	47 / —	1 / 5	— / 19	31 / 3	— / 1	—	—	—
Южн. Казахстан и сев. Киргизия, 13 анализов	6 / 1	10	10	— / 3	—	2 / 1	8	—	—	—
Минусинск, Красноярск, 29 анализов	19 / 5	— / 10	8 / 13	—	1 / 9	— / 24	—	21	— / 4	10 / 16
Сев. Кавказ, 49 анализов	19 [2] / 14	— / 3	1 / 10	—	—	2 / 2	2 / 1	—	—	— / 3
Закавказье, 40 анализов	9 / 3	2 / 7	23 / 1	—	—	9 / 5	— / 2	3 / 1	—	1 / 1

Примечание. Под чертой количество изделий, содержащих только следы соответствующих элементов.

[1] Не включены в таблицу следующие анализы бронз Кавказа: №№ 1—9, 24, 41, 49, 51, 53, 54, 62, 63, 70, 81, 94—98, а также анализы предметов из скифских курганов. См.: А. А. Иессен, ук. соч.

[2] В таблицу не включены 12 изделий, имеющих процент Pl свыше 4.

Таблица Va

Процент изделий, содержащих другие элементы (кроме олова) [1]

Сопутствующие элементы / Местонахождение изделий	Pl	Sb	Fe	Ni	Au	S	As	Zn	Bi	Ag
Вост. Казахстан	32.3	96.5	93.7	6.45	—	3.22	38.17	—	—	—
	38.7	—	—	3.2		16.1	9.66			
Сев. Казахстан	28.5	18.3	95.8	2.2	—	63.3	2.2	—	—	—
	18.3	12.2	—	10.2	38.8	6.1	2.2			
Южн. Казахстан и сев. Киргизия	46.1	100	100	—	—	15.4	61.5	—	—	—
	7.7	—	—	23.4		7.7	—			
Сибирь (Минусинск, Красноярск)	65.5	—	27.6	—	3.4	—	—	72.4	—	34.6
	17.3	34.6	44.8		31.2	82.7			13.7	55.1
Сев. Кавказ	38.8 [1]	—	2.2	—	—	4.4	4.4	6.1	—	—
	28.6	61.0	22			4.4	2.2	2.2		6.1
Закавказье	22.4	5.0	57.5	—	—	22.4	—	7.5	—	2.5
	7.5	17.5	2.5			12.5	5.0	2.5		2.5

Примечание. Под чертой — процент изделий, содержащих только следы соответствующих элементов. Среднее содержание каждого элемента в сплаве — 0.10—0.50% (за исключением содержания цинка в бронзовых изделиях Сибири: как уже указывалось, содержание цинка здесь является сомнительным).

3. Железо. В Казахстане встречается почти во всех бронзовых изделиях, в Минусинском крае и в Закавказье — в половине, на Сев. Кавказе—в очень немногих. Вопрос о том, обусловливается ли это характером медной руды тех или иных месторождений, или употреблявшейся при плавке казахстанских руд охрой (вводившейся в шихту в качестве флюса), остается пока открытым. Вероятно имело место и то и другое.[2]

4. Никель. Встречается только в казахстанских рудах и в незначительном количестве. Видимо, и в Казахстане месторождения меди с примесью никеля редки,[3] а в Минусинском крае и на Кавказе их нет.

5. Золото. Как уже указывалось, следы золота в бронзовом сплаве являются вероятнее всего результатом плавки металла на поселениях, связанных с обработкой золотой руды. Указания на естественную примесь золота к медной руде в использованных нами материалах не встретились.

6. Сера. Присутствие ее — характерный признак всех медных месторождений, поскольку окисленная зона месторождений, разрабатывавшаяся древними рудокопами, является в сущности продуктом естественного окисления сернистых медных руд. То, что в бронзах Минусинского

[1] 12 изделий имеют свыше 4% свинца и в таблицу не включены.

[2] В некоторых, особенно сильно патинизированных предметах железо в металл могло попадать и из земли, в результате долгого воздействия подпочвенных железистых вод и т. п. См.: W. Geilmann, ук. соч.

[3] Незначительную примесь никеля имеют медные руды Риддерского и Зыряновского месторождений.

края имеются лишь следы серы, а в соответствующих изделиях с Северного Кавказа малое ее количество, указывает или на большую тщательность и чистоту обработки металла, или на наличие сплава, полученного в результате неоднократной переплавки изделий, происходящих из других районов.

Относительно большое количество серы в бронзах Северного Казахстана можно объяснить ограниченной рудной базой (небольшие месторождения Ащилы и Уро-тюбе), где добывались уже и сернистые руды, искусственно окислявшиеся затем путем оставления руды в кучах на воздухе в течение нескольких лет.[1]

7. Мышьяк. Имеется в небольшом количестве изделий всех районов, кроме Минусинского края. Чаще встречается в Восточном Казахстане.

8. Цинк. В казахстанских бронзах не встречается вовсе,[2] на Кавказе — лишь в немногих изделиях. Наличие большого процента цинка в некоторых анализах Сабанеева (Минусинский край) возбуждает, как уже указывалось, сомнения.

9. Висмут. Встречаются только следы в небольшом количестве бронз Минусинского края, что, повидимому, является характерным для одного или небольшой группы месторождений этого района.

10. Серебро. Место его в таблице анализов то же, что и висмута. Встречается в небольшом количестве бронзовых изделий Кавказа.

Незначительные естественные примеси всех перечисленных элементов несомненно влияли на качество сплава, в большинстве случаев в положительную сторону. Древний металлург не имел, вероятно, почти никакого понятия о свойствах различных металлов в сплаве, однако знал, что медная руда с различных месторождений дает металл лучшего или худшего качества.

Приведенные материалы дают основание полагать, что металл, из которого отлиты бронзовые изделия (в пределах каждого района), происходит не из одного какого-либо рудного центра, а из многих месторождений, каждое из которых характеризуется своим составом примесей. Уточнены эти данные будут только тогда, когда в нашем распоряжении будет серия анализов руд и шлаков с мест древней добычи и плавки руды из разных районов.

Перейдем теперь к олову, этому важнейшему металлу, та или иная примесь которого определяла качество орудий труда и оружия, вплоть до появления железа. Если мы расположим наши анализы в порядке нарастания процента олова в изделиях, то легко заметить здесь определенную закономерность.[3]

По своей механической функции все орудия эпохи бронзы, грубо говоря, можно разделить на 6 типов: 1) орудия ударные (кирки, кайлы, пешни, мотыги, клинья, молоты и т. п.); 2) орудия рубящие (кельты, топоры, мечи и секиры); 3) орудия режущие (ножи, кинжалы и серпы); 4) орудия колющие (наконечники стрел и копий, шилья, иглы); 5) орудия ударно-строгальные (тесла, долота) и 6) предметы, испытывающие только давление на изгиб и на растяжение (пряжки, бляхи, кольца, браслеты, подвески и другие украшения).

Требования, предъявляемые человеком к каждому типу орудий по их механическим функциям, различны. От соответствия орудий этим требованиям зависит и их качество. Кирки и мотыги должны быть сде-

[1] Определения проф. Евсеева и инж. Александровского.

[2] Поэтому графа Zn в таблицу анализов не помещена. По данным лабораторного журнала А. А. Лаптева, цинк в казахстанских бронзах не встречен ни в одном изделии.

[3] По этому принципу расположены все анализы в прилагаемых таблицах.

Рис. 1.

1 — кельт бронзовый с двумя ушками (Зайсанский у., р. Май-кончегай, Семипалатинский музей, 9-1929); *2* — нож бронзовый с кольцом на рукоятке (Калбинский хребет, Кара-гоин, Гос. Эрмитаж, опись ГАИМК, № 97); *3* — пешня бронзовая с втулкой (Устькаменогорский у., Семипалатинский музей, 8-2028); *4* — кайла бронзовая четырехгранная (Устькаменогорский у., окрестности Аблаикита, Семипалатинский музей, 2-1230); *5* — кирка бронзовая четырехгранная (Чердояк, ключ Поперечный, найдена на глуб. 2 м, Гос. Эрмитаж).

ланы из металла, который не ломался бы от сильного удара, хотя бы и в ущерб твердости. В ножах, кинжалах и топорах металл должен быть тверже, чтобы орудие не гнулось; слишком твердый металл тоже не годится, так как лезвие будет выкрашиваться. В колющих и ударно-строгальных орудиях твердость нужна еще бо́льшая, орудие не должно гнуться, хотя бы и за счет некоторой хрупкости металла. И, наконец,

Таблица VI

Типы орудий \ % олова в изделиях	от 0% до 4%	от 4% до 8%	от 8% и выше
Долота и тесла	⊗	◍ ⊗	◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍
Ножи и кинжалы	◍ ◍ ◍ ◍ ⊗	◍ ◍ ◍	◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍
Наконечники копий и шилья		◍ ◍ ◍ ◍	◍ ◍ ◍ ◍ ⊗
Кельты и топоры	◍ ⊗ ⊗ ⊗	◍	◍ ◍ ◍ ◍
Серпы	◍ ◍ ◍ ⊗	◍	
Кирки, клинья, пешни, молотки	◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍	◍ ◍ ◍ ◍	
Слитки	◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍ ◍	◍ ◍	◍ ◍ ◍ ◍
Типы орудий \ % олова в изделиях	от 0% до 4%	от 4% до 8%	от 8% и выше

◍ Вост. Казахстан (Прииртышье)

◍ Сев. Казахстан (Степняк)

⊗ Южн. Казахстан и Сев. Киргизия

в предметах последнего типа (украшения) к требованиям твердости присоединяется требование звонкости и красивого, блестящего цвета металла.

Древние металлурги прекрасно разбирались в качестве различных сплавов бронзы и умели изготовлять их применительно к функциональному назначению тех или иных орудий. Так как качество бронзы зависит от количества содержащегося в нем олова, то следовательно и средний процент его в орудиях различного назначения различен. Для орудий ударных процент олова редко превышает 4. Для рубящих и режущих

Рис. 2.

1 — кинжал бронзовый (Степняк. Сталинский рудник. Гос. Эрмитаж. 1405-105); *2* — наконечник копья с тамгой (Степняк. Бес-тюбе. Гос. Эрмитаж. 1405-1); *3* — долото бронзовое с втулкой и расширяющимся лезвием (Степняк. Сталинский рудник. стоянка № 1. Гос. Эрмитаж. 1406-19); *4* — шило бронзовое четырехгранное с черенком (Степняк. Бес-тюбе. Гос. Эрмитаж. 1405-2); *5* — долото бронзовое с втулкой и заостренным лезвием (Степняк. Бес-тюбе. Гос. Эрмитаж. 1405-6); *6* — молоток медный с прямоугольной проушиной (Степняк. Аульная площадь. Гос. Эрмитаж, 1405-271); *7* — наконечник стрелы бронзовый (Степняк. Бес-тюбе. Гос. Эрмитаж, 1405-8); *8* — топор бронзовый вислообушный (Степняк. Бес-тюбе. Гос. Эрмитаж. 1406-24); *9* — шило бронзовое (Степняк. Бес-тюбе. Гос. Эрмитаж. 1405-5); *10* — тесло бронзовое с расширяющимся лезвием (Степняк. Аульная площадь. Гос. Эрмитаж. 1405-272).

орудий мы имеем в среднем от 5 до 9% олова. Колющие и ударно-строгальные орудия содержат от 9 до 12% олова и выше.[1] Украшения большей частью делались из металла также с высоким содержанием олова.

Несколько выпадают из этой схемы серпы. Во всех случаях процент олова в них очень низок, хотя они и являются режущими орудиями. Это можно объяснить тем, что тонкое лезвие серпа не должно было выкрашиваться при работе и твердая бронза тут не годилась. Вспомним, что современные серпы делаются из железа, а не из стали. С другой стороны, серпы (как и кирки и мотыги) были чисто хозяйственными орудиями, изготовлялись на месте, тщательно не отделывались, как, например, кинжалы, и металл на них можно было пустить и похуже.

В остальном же эта закономерность, несмотря на неполноту имеющегося в нашем распоряжении материала, прослеживается достаточно четко на всех группах бронзовых изделий (табл. VI и VII). Внутри каждой группы процент олова колеблется очень значительно, что и естественно, так как у человека далеко не всегда был металл того качества, который был ему желателен (табл. VII).

Вопрос о зависимости сплава от функционального назначения изделий ставил А. А. Иессен, намек на это есть также и у Рейера,[2] но только большие серии анализов из Казахстана дали возможность подтвердить это предположение фактическим материалом.

Любопытно, что китайские письменные источники относят открытие различных типов бронз к эпохе династии Чжоу (1123—247 гг. до н. э.) и приводят рецепты шести различных сплавов: 1) для колоколов и котлов, 2) для топоров и копий, 3) для ножей, 4) для сабель, 5) для зеркал, 6) для наконечников стрел.[3]

В античное время мы видим появление сплавов для скульптурного литья, для монет и т. д.

С переходом к железу умение составлять различные сплавы бронзы, видимо, в ряде районов теряется, и сплав делается случайным. Бронзовыми остаются главным образом украшения, которые имеют самый разнообразный состав сплава.[4]

В эпоху железа бронзу все же продолжали ценить за красивый цвет и звонкость и, вероятно, грабили древние могилы не только ради золота, но и ради бронзы. Невероятно, чтобы во всем громадном количестве находимых археологами разграбленных могил было золото. В таких могилах и мало-мальски массивных бронзовых изделий также не находилось.

Сравнение содержания олова в изделиях для различных районов показывает, что средний процент его был не одинаков и находился в прямой зависимости от близости месторождений олова (табл. VII). Их было не так уж много, и естественно, чем дальше от них, тем олово (скорее высокооловянистая бронза) ценилось больше и средний процент его в изделиях был меньше. Особенно показательно это будет, если мы сравним кирки и клинья (т. е. орудия, несомненно выделывавшиеся на месте)

---

[1] Эта закономерность прослеживается и в более позднее время, например в наконечниках скифских стрел (см. дополнение к табл. VII).

[2] А. А. Иессен. Олово Кавказа. Изв. ГАИМК, вып. 100, 1935. — E. Reyer, ук. соч.

[3] Цитирую по: Гернес. Культура доисторического прошлого. Бронзовый век. М., 1914. — Видимо, в перевод с китайского вкралась ошибка, так как в эпоху Чжоу были мечи, а не сабли, появившиеся много позднее.

[4] См. анализы бронзовых украшений из курганов IX—XI вв. н. э. в Ленинградской области (раскопки Ивановского и Бранденбурга. Тр. Комисс. по анализу древн. бронз, РАО, Бюлл. № 1, вып. I и II, СПб., 1884), где никакой закономерности в составе сплава проследить нельзя.

Таблица VII

Среднее содержание олова в бронзовых изделиях (в %)

Районы \ Типы бронзовых изделий	Долота и тесла	Наконечники стрел и копий, шилья	Ножи, кинжалы, мечи	Кельты и топоры	Украшения и пряжки	Кирки, клинья, пешни, мотыги	Серпы
Восточный Казахстан[1]	14.18*	—	0.70 до 13.38 ср. 8.16 12	7.73 до 11.08 ср. 9.8 3	—	0.85 до 6.28 ср. 4.08 9	—
Северный Казахстан[2]	7.48 до 14.70 ср. 11.34 10	4.61 до 14.40 ср. 9.5 8	2.31 до 12.41 ср. 8.24 8	0.0. 11.36	—	0.0 до 2.56 ср. 0.38 10	0.37 до 5.82 ср. 2.28 4
Район Минусинск—Красноярск[3]	—	—	0.1 до 15.0 ср. 5.2 21	0.0 до 8.2 ср. 2.91 7	—	—	—
Северный Кавказ[4]	—	10.49 *	10.08 *	4.2 *	0.0 до 14.85 ср. 10.005 39	—	—
Закавказье [4]	—	0.0 *	0.0 до 12.19 ср. 6.43 10	2.26 до 8.53 ср. 5.55 4	0.0 до 17.4 ср. 8.54 15	0.0 *	—
Швейцария и Савойя [5]	—	9.99 *	7.47 до 10.35 ср. 9.15 9	0.18 до 16.06 ср. 8.71 19	1.21 до 18.85 ср. 9.78 43	—	0.68 до 6.00 ср. 3.7 3
Германия и Австрия[5]	—	7.86 до 15.72 ср. 12.23 6	0.52 до 19.72 ср. 7.68 8	Сл. до 25.00 ср. 10.63[6] 11	0.0 до 18.86 ср. 9.29 91	—	—

Примечание. Верхние цифры — наименьший и наибольший процент олова в данной группе. Цифры под чертой — общее количество анализов. Цифры со звездочкой — содержание олова в единичных анализах.

Дополнение к табл. VII

Скифские стрелы — 14 экз., от 8.2 до 27.88 Среднее 15.5 [7]	Англия, Дания, Франция Мечи — 15 экз., от 4.0 до 17.20 Среднее 11.9 [8]	б. Уфимская губ. — серп, 0.0 б. Самарская губ. — серп, 2.47 [9]	Прибайкалье — Глазковский эт. Ножи — 3 экз., от 6.24 до 7.70 Среднее 7.2 [10]

[1] Анализы ГАИМК 1936—1939 гг.
[2] То же
[3] Сабанеев, Архив ГАИМК.
[4] А. А. Иессен. К вопросу о древней металлургии меди на Кавказе.
[5] Тр. Комисс. по анализу древн. бронз, вып. I и II.
[6] W. Geilmann. Chemische Untersuchungen an vorgeschichtlichen Bronzewaffen Niedersachsen. Геттинген, 1937 г.
[7] А. А. Иессен, ук. соч.: Тр. Комисс. по анализу древн. бронз, вып. II.
[8] Тр. Комисс. по анализу древн. бронз, вып. II.
[9] Там же.
[10] Анализы ГАИМК. Материал А. П. Окладникова.

Северного и Восточного Казахстана (табл. VIII). В первом случае средний процент олова 0.38, во втором — 4.08. Если мы сравним процент олова в кинжалах, ножах, кельтах и топорах во всех рассматриваемых районах, то увидим, что там, где нам известны месторождения олова, разрабатывавшиеся в древности (Восточный Казахстан, Рудные горы в Чехословакии), этот процент значительно выше, чем в районах, где олово не найдено (Минусинский край, Кавказ,— табл. VII). Правда, средний процент олова в украшениях почти одинаков, и в отношении Кавказа, возможно, придется внести существенную поправку. Обращает на себя внимание сравнительно низкий процент олова в бронзах Минусинского края, который мы привыкли считать территорией классической бронзы.

Коренных месторождений в верховьях Енисея нет, однако там известны находки кристаллов касситерита в золотых россыпях (вспомним большое количество следов золота в бронзах этого района).[1] Вероятно, это был один из способов покрытия потребности в олове, однако этого было недостаточно, и олово приходилось получать путем обмена.[2]

Данные анализов все же показывают, что если бы в Минусинском крае были коренные месторождения олова, средний процент его в изделиях был бы выше. Вопрос этот требует еще дальнейших исследований.

То, что бронза в местах, удаленных от месторождений олова, ценилась очень высоко, показывает факт нахождения на Урале ножей (ранней андроновской формы) с бронзовым лезвием и медной рукояткой (рис. 3, *10—12*).[3] Подобные же изделия производились, повидимому, и в Саксонии, судя по анализам кинжалов В. Гейльмана.[4] Эти примеры указывают на большую опытность и мастерство древних металлургов и их умение производить различные сплавы и оперировать с ними в зависимости от той или иной потребности.

В заключение несколько слов об истории вопроса. Анализы древних бронз начали производить еще в XVIII в., однако вплоть до работ А. А. Иессена и В. В. Данилевского археологи, так сказать, не знали, что с ними делать. В упомянутых работах впервые была сделана попытка

---

[1] П. В. Еремеев. Кристаллы оловянного камня из некоторых золотоносных россыпей Енисейского округа. Зап. Мин. общ., 1887, ч. 23, стр. 269. — Подобные находки есть и на Урале. См.: Естественные производительные силы России, вып. 12. Олово. Пгр., 1917.

[2] А. А. Иессен и Г. П. Сосновский. К истории использования олова в Приенисейском крае. КСИИМК, V, 1940. — Возможно, что олово шло также из Тувинской обл., однако ввиду полной археологической неизученности этой территории вопрос пока остается открытым.

[3] Зарисовки и описание трех таких ножей, хранящихся в Свердловском музее, любезно предоставил мне М. П. Грязнов.

[4] W. Geilmann, ук. соч. — Нужно отметить, что он анализировал только патинизированную поверхность изделий, а в ней процент олова всегда выше, так как медь в земле окисляется быстрее, чем олово. — См. также: П. Мяликов. Химический анализ древних бронзовых стрел. ЗООИД, т. XXV, 1904.

Рис. 3.

1 — нож бронзовый (Степняк, Гос. Эрмитаж, колл. Знаменовской, КЗ-10); *2* — нож бронзовый (Степняк, Гос. Эрмитаж, колл. Знаменовской, КЗ-23); *3* — обломок бронзового клина, согнутый (Гос. Эрмитаж, колл. Знаменовской, КЗ-7); *4* — пешня медная массивная с втулкой и одним ушком (Степняк, колл. Знаменовской, КЗ-8); *5* — серп медный с загнутым кверху коротким черенком (Степняк, Гос. Эрмитаж, колл. Знаменовской, КЗ-6); *6* — кинжал бронзовый с двумя петельками на рукоятке (Устькаменогорский у., окрестности с. Баты, Семипалатинский музей, 158-1366); *7* — нож бронзовый с валиком на рукоятке (Устькаменогорский у., золотые прииски, Семипалатинский музей, 24-2020); *8* — нож медный с загнутым краем (Устькаменогорский у., Никольский пункт, Семипалатинский музей, 34-1231); *9* — нож бронзовый пластинчатый (Устькаменогорский у., пункт Степанова, Семипалатинский музей, 16-1231); *10* — нож, лезвие светлой бронзы, рукоятка красной меди, по лезвию процарапан тонкой иглой орнамент (оз. Ирбитское, Свердловский музей); *11* — нож, лезвие желтой бронзы, рукоятка красной меди (р. Каменка Кульмековской вол. Екатеринбургской губ., Свердловский музей); *12* — нож, лезвие желтой бронзы, рукоятка красной меди (оз. Б. Куяш, с. Огневское, Свердловский музей).

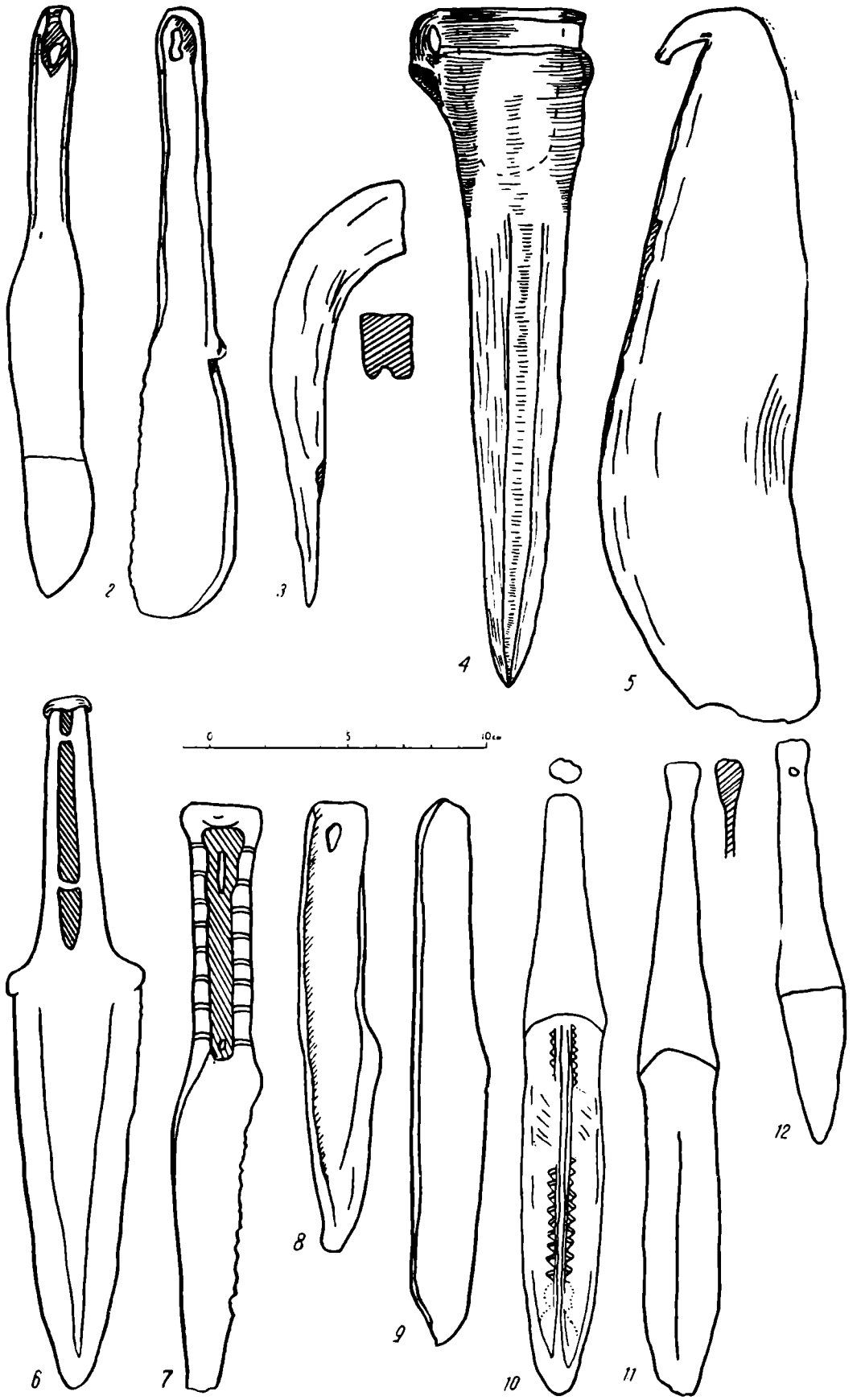

1
2
3
4
5
0
5
10cm
6
7
8
9
10
11
12

Таблица VIII

Содержание олова в бронзовых орудиях горного дела (кирки, кайлы, клинья) Северного и Восточного Казахстана

Орудия	Cu	Su	Средний % Sn
Вост. Казахстан			
Пешня	98.99	0.85	
Обломок клина	93.57	2.85	
Кирка	96.00	3.27	
Кирка	95.50	3.56	4.08
Кирка	95.58	3.86	
Пешня	94.10	4.27	
Кирка	92.27	5.74	
Обломок клина	92.65	6.03	
Кирка	92.82	6.28	
Сев. Казахстан			
Обломок кайлы	99.20	—	
Обломок кайлы	99.60	—	
Обломок кайлы	98.93	—	
Обломок кирки	97.00	Сл.	
Кирка	97.92	Сл.	0.38
Обломок кайлы . . .	99.32	0.15	
Пешня с одним ушком	98.09	0.56	
Обломок кирки	98.23	0.71	
Обломок клина	97.61	1.20	
Обломок клина	96.79	2.24	

Таблица IX

Анализ медной руды из древних выработок Уро-тюбе

(Район Степняка)

Медь . .	Cu	2.27%
Кремнезем	SiO_2	44.62
Глинозем . .	Al_2O_3	6.48
Окись железа	Fe_2O_3	10.14
Окись кальция	CaO	16.18
Окись магния	MgO	11.24
Сера	S	3.74
Вода + окись углерода	$CO_2 + H_2O$	3.28
		100.05%

Примечание. «. . . исследованная медная руда относится, по современной ее характеристике, к типу богатой медью породы (больше 3%), а по общему химическому составу может быть характеризована средним типом». Анализ произведен проф. М. В. Евсеевым и инж. В. А. Александровским в Институте огнеупоров (Ленинград), 1939 г.

использовать анализы как археологический источник, на основании которого можно сделать те или иные выводы. Необходимо отметить, что до последнего времени выбор предметов для анализа носил все же слу-

чайный характер, благодаря чему значение их (несмотря на большое количество) несколько обесценивается.

Имеющиеся в настоящее время серии анализов древних бронзовых изделий дают возможность только наметить основные приемы использования сплавов меди. Дальнейшая работа в этой области должна уточнить выдвигаемые положения, для чего необходимо: а) производить анализы не только украшений, кинжалов и т. п., но также и орудий труда, предназначавшихся к употреблению на месте (кирки, мотыги, серпы), что даст более ясную картину обеспеченности данного района оловом и укажет на возможные пути обмена; б) произвести серии анализов бронзовых изделий Урала, Поволжья, Приднепровья, Средней Азии и Восточной Сибири для получения материалов к характеристике бронзового века на территории СССР; в) произвести анализы более ранних бронзовых изделий для получения материала о развитии древней металлургии.

Анализы древних бронз не есть что-то добавочное к археологическому исследованию, они являются важным археологическим источником, данные которого не могут быть получены иными средствами.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ и С. И. КАПОШИНА

К ВОПРОСУ О МЕСТНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ В КУЛЬТУРЕ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Плодородные степи юга СССР, берега больших полноводных рек — Днестра, Буга, Днепра, побережья лиманов и Черноморское побережье в античную эпоху были заселены скифскими оседлыми и кочевыми племенами. Обширные пространства к востоку от Дона, а также степи Северного Кавказа занимали кочевые племена сарматов. В восточном Приазовье и Прикубанье жили племена меотов, на Таманском полуострове обитали синды.

Все эти племена выступили на историческую арену в I тысячелетии до н. э. организованными в племенные союзы и обладавшими самостоятельной, яркой культурой.

Значение скифо-сарматской эпохи в древней истории нашей родины определяется тем, что в этот период впервые на территории Европейской части СССР сложились классовые общества и возникли древнейшие государства.

История скифо-сарматских племен северного Причерноморья тесно связана с историей греческих колоний, возникших на северном побережье Черного моря в VI—V вв. до н. э.

Маркс, объяснивший греческую колонизацию как вынужденную эмиграцию, обусловленную закономерностями внутреннего развития греческих рабовладельческих государств, вскрыл основную причину античного колонизационного процесса и его историческое своеобразие.[1]

Торговые сношения северного Причерноморья с Ионией в VII в. до н. э., при всей нерегулярности их, сыграли особенно важную роль при основании сначала греческих торговых пунктов-факторий, а затем и городов-колоний. В развитии торговли была заинтересована родоплеменная верхушка местных племен. Осознав возможности обогащения, которые открывала эта торговля, вожди местных племен и родовая знать не только не препятствовали оседанию колонистов в прибрежной полосе Скифии, но и оказывали им порой активную поддержку.

Племена, населявшие северное Причерноморье, были достаточно сильными, чтобы отразить попытки враждебного проникновения иноземцев на территорию Скифии. Провал завоевательного похода Дария I является ярким примером того, как плачевно заканчивались попытки агрессивного вторжения в скифские земли.[2] О военной силе скифов го-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278.
[2] В. В. Струве. Дарий I и скифы Причерноморья. ВДИ, № 4, 1949, стр. 15 сл.

ворят их победоносные походы на Лидию и территории других древневосточных обществ, вплоть до Египта.[1]

В рассказе о Скиле,[2] переданном Геродотом (IV, 78 — 80), очень ярко отражено, как на почве обоюдной экономической заинтересованности происходило сближение верхушечного слоя местных племен с греческими колониями. Именно это и создавало для последних благоприятные условия, чтобы прочно закрепиться в Скифии в качестве самостоятельных государственных образований.

Греческие города-государства: — Тира, Ольвия, Херсонес, а также Боспорское царство, возникшее из объединения ряда греческих полисов (Пантикапей, Фанагория и др.), — в течение многих столетий своего существования (до III—IV вв. н. э.) находились в тесных взаимоотношениях с скифо-сарматскими, а в северо-восточной части Причерноморья — и с меотскими племенами.

Эти взаимоотношения — экономические, политические и культурные — имеют свою достаточно сложную и многообразную историю, без должного учета которой совершенно невозможно правильное понимание общего исторического развития северного Причерноморья в античную эпоху.

Одной из важных проблем современного изучения истории культуры античных городов северного Причерноморья является вопрос о роли, которую играла в ее сложении местная этническая среда (скифы, сарматы, меоты и т. д.). Как известно, старая, так сказать традиционная, долгое время господствовавшая точка зрения признавала лишь одностороннее воздействие античной культуры на «варваров». Под этим углом зрения местное население рассматривалось как некая «пассивная» среда, обеспечивавшая своим физическим трудом материальное благополучие и процветание греческих городов, поставлявшая им рабов, снабжавшая их в порядке торгового обмена хлебом и пр. Что касается области культуры, то в местных племенах видели только сторону, воспринимающую и усваивающую достижения античной цивилизации, но не оказывающую при этом никакого своего воздействия на культурное развитие античных городов.

Как далеко заходило такое крайне упрощенное понимание значения античных городов и к каким иногда выводам приводило оно, видно из следующего. Некоторые весьма авторитетные исследователи, например, серьезно полагали, что местные племена «обратились к занятию земледелием под благотворным влиянием греков» (Ю. Кулаковский), другие склонны были приписать ионийскому искусству роль исходного начала для развития скифского искусства, скифского «звериного» стиля (Б. В. Фармаковский) и т. д.

Правда, в нашей русской науке высказывались порой и другие взгляды, выражавшие признание своеобразия античной культуры причерноморских городов, обусловленного взаимодействием с культурой местных племен. Но такие отдельные высказывания некоторых ученых все же не определяли собой основного подхода к изучению причерноморской античности в науке XIX и начала XX в., решительно отброшенного советскими

[1] Б. Б. Пиотровский. Скифы в Закавказье. Уч. зап. ЛГУ, вып. 13, 1949, стр. 172—189. — Он же. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 295—325. — А. И. Мелюкова. Античная литературная традиция о скифской непобедимости. КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр. 110.

[2] Что скифский царь Скил, о котором пишет Геродот, не легендарная, а вполне реальная личность, подтверждается находкой в Румынии (в 10 км южнее Истрии) золотого перстня, на щитке которого, наряду с изображением скифской богини выгравировано по-гречески имя Скила (Σκύλεω). См.: V. Canarache. Monetele scitilor din Dobrogea Acad. Rep. Pop. Rom. Studii si cercetări de istorie veche, I, 1950, стр. 216—217.

археологами-античниками; отброшенного потому, что этот подход прежде всего не соответствует фактам, противоречит исторической действительности.

Разумеется, нет никаких оснований отрицать значительность экономического и культурного влияния античных греческих городов на местные племена северного Причерноморья. При этом надо заметить, что с возникновением городов неуклонный рост производительных сил и общественное развитие местных племен не только не замедлились, но, напротив, быстро прогрессировали. Достаточно ярким выражением этого является образование в III—II вв. до н. э. скифского государства.

Не вызывает сомнений и греческий в своей основе характер строя и культуры античных городов северного Причерноморья со всеми присущими этой культуре достижениями и характерными особенностями.

Но вместе с тем надо признать, что, изучая города, археологи постоянно наталкиваются на такие черты своеобразия в их культуре, которые могут быть правильно поняты только при учете всей совокупности местных факторов, в том числе и культурных традиций местной этнической среды, в тесных взаимоотношениях с которой протекала многовековая история и Ольвии, и Херсонеса, и Боспора.

Конечно, процесс взаимодействия в определенных исторических условиях проявлялся не везде одинаково: в Ольвии он происходил иначе, чем в Херсонесе, на Боспоре он протекал со значительными отличиями и от Херсонеса, и от Ольвии. Ясно также, что в ранние периоды более интенсивным был процесс эллинизации местного населения (особенно в районах, непосредственно прилегающих к городам), нежели обратное культурное воздействие со стороны негреческого местного населения на античные города, тогда как с течением времени оно усиливалось, прогрессировало. Задача конкретных исследований и состоит в том, чтобы в полной мере выявить своеобразие культуры отдельных античных центров северного Причерноморья на всем протяжении их исторического развития. В работах советских исследователей вопросу о «местных элементах» уже уделялось немало внимания (С. А. Жебелев, Т. Н. Книпович, А. П. Иванова и др.), но сделанное далеко еще не исчерпывает всей проблемы.

В настоящем обзоре мы хотели бы подвести некоторые итоги уже проделанной работы и наметить пути дальнейшего изучения культуры античных городов северного Причерноморья.

Проблема взаимоотношений крупных городских центров — Ольвии, Херсонеса, Пантикапея (где ранее сосредоточивалась вся работа археологов) — с местным населением может быть разрешена только при широком исследовании окружавших эти города территорий, заселенных местными племенами. В связи с этим советскими археологами проводятся, наряду с исследованием Пантикапея и Фанагории, большие археологические работы в районе столицы Боспорского царства на Керченском полуострове, где открыт и подвергнут изучению ряд небольших городов и поселений Боспора.

Систематически исследуется Прикубанье. Несколько работ посвящено Танаису — одному из наиболее своеобразных (в смысле сочетания местных и греческих элементов культуры) городов северного Причерноморья.[1] Планомерные исследования Херсонеса советскими археологами неоднократно затрагивали и прилегающий к Херсонесу, в высокой степени интересный район Гераклейского полуострова, являвшийся

[1] Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949.

в древности густо заселенной сельскохозяйственной округой этого города.[1] Важные результаты получены в итоге обследования северо-западного побережья Крыма с его древними городскими центрами — Керкинитидой (Евпатория) и Калос Лименом (пос. Черноморское). Большое значение для древней истории северного Причерноморья имеют раскопки Неаполя — столицы Скифского царства.

Ведутся археологические изыскания древних поселений по берегам Буга, Буго-Днепровского и Березанского лиманов, уже давшие яркую картину окружения Ольвии. Одновременно продолжаются раскопки территории самой Ольвии. Широкие масштабы раскопок, их планомерность и методологически правильная целеустремленность, наконец, хорошо разработанная методика полевых исследований, применяемая советскими археологами, позволили вскрыть большие площади древних городов, выявить многочисленные памятники их многовековой материальной культуры.

Постепенно стал все более выясняться и вопрос о местной основе греческих колоний. Давно уже было замечено, что названия многих северопричерноморских городов — негреческие (сюда относятся: Керкинитида, Китей, Илурат, Пантикапей, Корокондама, Тирамба и др.). Это дает все основания полагать, что греческие города в бо́льшей своей части создавались на местах, где уже ранее существовали поселения, тип которых, конечно, определялся соответствующими этапами первобытно-родового строя местных племен северного Причерноморья в период, когда сюда распространилась греческая колонизация.

При раскопках боспорских городов (Мирмекия, Тиритаки, Илурата) систематически встречаются в культурных отложениях античной эпохи шлифованные секиры (из диабаза, базальта, порфира, габбро-диорита) и кремневые поделки позднебронзового периода. Аналогичные предметы известны и по находкам из Пантикапея. Не менее показательной является находка в Тиритаке нескольких каменных плит с человеческими изображениями еще киммерийского времени (начала I тысячелетия до н. э.).[2] Они были использованы в качестве строительного материала жителями Тиритаки в V в. до н. э. Совсем недавно открыты следы селища киммерийского периода близ городища Тиритаки. В яме-землянке, служившей жилищем, обнаружены обломки лепной керамики, тонко обработанный кремневый серп, кости быка и красной рыбы. Обитавшие здесь в начале I тысячелетия до н. э. люди занимались скотоводством, рыбной ловлей, а также земледелием.

Мы имеем еще сравнительно мало данных об этих древнейших местных поселениях, так как они в большей своей части перекрыты выросшими на их месте боспорскими городами. В процессе интенсивного развития последних старые местные поселения застраивались, отчасти разрушались и погребались под мощными культурными наслоениями городов. Лишь по мере все более широкого развертывания исследований остатков этих городов постепенно возрастает и количество памятников, относящихся к доколонизационным поселениям.

Многочисленные каменные орудия, собранные уже давно при раскопках Херсонеса и принадлежащие отчасти также к началу I тысячелетия до н. э., могут с полным правом рассматриваться как следы древнего таврского поселения, на месте которого вырос затем Херсонес.

---

[1] К. Э. Гриневич. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района. «Крым», № 2 (10), стр. 38—50.

[2] МИА СССР, № 4, стр. 39.

Каменные топоры, принадлежащие II тысячелетию до н. э., были найдены также и в Ольвии.[1] В различных слоях Ольвии встречены обломки сосудов, относящихся к эпохе бронзы. Имеется и группа лепной керамики раннескифского периода, предшествующая по времени греческому привозному материалу.

Как ни отрывочны пока еще археологические материалы, относящиеся к доколонизационному периоду, они все же позволяют заключить, что греческие колонии северного Причерноморья возникали на местах издавна обжитых, где ко времени появления греческих колонистов уже существовали и некоторые местные оседлые поселения. Селища эти (с жилищами в виде землянок, с неизжитыми еще каменными орудиями и т. д.), конечно, не имели ничего общего с теми фантастическими «городами», в которые якобы греки попросту переселились «для своих торговых дел», на чем так настаивал в свое время Н. Я. Марр, внося и в этот вопрос путаницу, основанную на его «четырехэлементном» анализе данных причерноморской древней топонимики.

Реальные проявления связей греков с местным населением обнаруживаются в культурных остатках античных городов.

Изучение ольвийского некрополя позволило выявить группы погребений, различающихся по ритуалу, по формам могил, по составу инвентаря. Они не могли принадлежать этнически однородному населению. При этом уже в древнейшем некрополе Ольвии и Херсонеса оказались погребения, которые по своему обряду должны принадлежать только местному населению: в Ольвии — скифам, в Херсонесе — таврам. Сюда относятся захоронения в скорченном положении и погребения с пережитками ритуального окрашивания.[2] В Ольвийском некрополе выявлена также группа могил, в камеры которых впущены небольшие деревянные срубы из бревен или досок,[3] а также могилы, перекрытые досками. Эти элементы устройства погребальных сооружений находят соответствия в скифских могильниках и восходят к доскифской поре. Появившиеся в конце V в. до н. э. и распространившиеся широко в более позднее время в ольвийском некрополе так называемые «подбойные» могилы представляют широко известную форму захоронений нижнего Поднепровья и нижнего Побужья, возникшую еще у доскифского населения.

В ольвийском некрополе выделяется группа захоронений воинов, погребенных со скифскими стрелами, мечами, копьями. Следует отметить, что погребения, в которых наблюдаются черты скифского обряда (положение костяка, форма могилы или иные особенности захоронения), не выделены территориально в некрополе Ольвии и расположены рядом с другими погребениями, которые сохраняют черты греческого обычая.

Это явление характерно для раннего некрополя. В более позднем некрополе эллинистического времени уже довольно трудно выделить погребения чисто греческие и чисто скифские. При использовании местных форм могил в составе инвентаря почти не наблюдается характерных местных элементов, и, наоборот, в инвентаре зачастую можно видеть смешение греческих и скифских элементов, тогда как форма могилы не является типично местной. При этом в погребениях негреческого типа

---

[1] А. А. Иессен. Греческая колонизация северного Причерноморья, стр. 60.

[2] С. И. Капошина. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. СА, VII, 1941, стр. 161 сл. — Она же. Пережитки ритуального окрашивания костяков в Ольвийском некрополе и в погребениях приднепровских скифов. КСИИМК, XII, 1946, стр. 26 сл. — Она же. Проблема состава населения Ольвии по материалам архаического некрополя. Тезисы кандидатской диссертации, 1937.

[3] Ср.: Т. Н. Книпович. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища. СА, VI, 1940, стр. 104. — М. И. Артамонов. Вопросы истории скифов в советской науке. ВДИ, 1947, № 3, стр. 78, 79.

можно наблюдать, что одни из них близки по ряду признаков могилам среднего Приднепровья, другие имеют сходные черты с погребениями скифов нижнего Поднепровья или скифов Поднестровья.

Крупный городской торгово-ремесленный центр, каким была Ольвия, втягивал в себя население из различных мест Скифии, т. е. представителей различных скифских племен.[1]

По составу погребального инвентаря могилы скифского типа не могут быть целиком отнесены к имущественно несостоятельному слою населения. Скорее, напротив, могилы с наиболее богатым инвентарем дают часто в наиболее сконцентрированном виде местные элементы. При этом необходимо учитывать, что для греческих обычаев того времени характерно было стремление к наименьшей пышности захоронений, тогда как погребения скифской знати отличаются всегда особой роскошью.

Смешанный характер ольвийского некрополя является показателем этнической неоднородности ольвийского населения.

Археологические исследования Херсонеса за последнее десятилетие также дали очень интересные новые материалы, освещающие вопрос о составе населения названного города. Херсонес еще в древности, как об этом мы знаем из сообщения Плиния Старшего,[2] славился устойчивостью своей греческой культуры,греческих обычаев и нравов, очевидно, в отличие от других причерноморских городов, в которых уже с раннего времени происходил более интенсивный процесс этнического смешения и культурного взаимодействия.

В этой связи весьма показательны раскопки наиболее раннего херсонесского некрополя, впервые открытого в северной прибрежной части городища в 1936 г. В нем оказалось много погребений конца V и IV в. до н. э., которые по ряду признаков (скорченность костяков и др.) должны быть отнесены к местному таврскому населению. Некоторые исследователи даже полагают, что это сплошной таврский некрополь.[3] Более правильным представляется толкование этого некрополя как смешанного, т. е. заключающего в себе погребения и греков и тавров. Наличие общего некрополя, в котором вперемежку расположены погребения разных этнических групп населения, свидетельствует, что и в Херсонесе состав жителей этнически не был однородным.[4]

Совместная жизнь греков с таврами и скифами не могла не сказаться и на культурном облике Херсонеса. Наличие в Херсонесе культа синкретического греко-варварского божества, поклонение которому составляло главный культ херсонесцев, убедительно это подтверждает.[5] Поэтому свидетельство Плиния о чистоте греческой культуры Херсонеса может быть принято с известными ограничениями.

Наличие негреческого населения и в Ольвии, и в Херсонесе, притом даже в ранние периоды их жизни, вполне очевидно. Но каково было его социальное положение? Может быть, это были только рабы? Вряд ли. И характер погребального инвентаря во многих захоронениях

---

[1] С. И. Капошина. Пленум ЛОИИМК, посвященный северному Причерноморью. ВДИ, 1946, № 3, стр. 323.

[2] N. H., IV, 85.

[3] С. Ф. Стржелецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. Херсон. сб., IV, 1948, стр. 93.

[4] Отчеты об исследованиях этого некрополя издавались руководителем херсонесских раскопок Г. Д. Беловым. См.: Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. 1948, стр. 31 сл. (публикации отчетов перечислены на стр. 31). — Он же. Некрополь Херсонеса классической эпохи. СА, XIII, стр. 272—284.

[5] Н. В. Пятышева. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 3, стр. 213—218. — Она же. Тавры и Херсонес Таврический. (Тезисы диссертации). КСИИМК, XXIX, стр. 122 сл.

местного типа и ряд других признаков не позволяют огульно относить весь негреческий контингент жителей к классу рабов. Как показывает пример Скила, в городах могли жить и отдельные представители местной знати. Очевидно, еще большее число аборигенов работало здесь в качестве ремесленников, трудилось в различных отраслях производства и т. д., будучи формально свободными людьми.

Но в условиях греческих рабовладельческих полисов, как известно, «варвары» не могли пользоваться политическими правами. Северное Причерноморье не было в этом отношении исключением. Показательно, что в официальных эпиграфических документах Ольвии в догетский период почти совершенно не упоминаются негреческие имена. Государственная власть находилась полностью в руках греков. В этой связи уместно вспомнить слова Энгельса: «Древним показалась бы безумной мысль о том, что греки и варвары, свободные и рабы, граждане государства и те, кто только пользуется его покровительством, римские граждане и римские подданные (употребляя последнее слово в широком смысле), — что все они могут претендовать на равное политическое значение».[1]

Положение изменилось в более позднее время (для Ольвии — после гетского разгрома), когда этническая смешанность стала резко усиливаться, а в состав господствующего класса, несомненно, влилось немало в той или иной мере эллинизованных «варваров».

На Боспоре, где греческие полисы очень скоро потеряли свое значение, дифференциация по этническому признаку была менее резко выражена, и здесь уже с ранних пор в рабовладельческую верхушку государства входят представители местной знати.

Некрополи боспорских городов представляют в высокой степени ценный и яркий исторический источник, помогающий раскрыть развитие Боспора с VI в. до н. э. при неуклонно возраставшей роли местного населения в жизни и формировании культуры его городов. Даже в тех захоронениях, где состав погребального инвентаря и устройство самой могилы не выдают каких-либо явных признаков принадлежности местному населению, устройство на месте захоронений курганных насыпей и наличие в могиле значительного количества дорогих вещей, включая изделия из драгоценных металлов (что характерно для значительной массы погребений боспорских городских некрополей IV—III вв. до н. э. и I—II вв. н. э.), может быть объяснено только при учете культурных традиций местного, негреческого населения. Хорошо известно, что в Греции в VI в. до н. э. рабовладельческие государства вели упорную борьбу с роскошью погребений. С VII—VI вв. до н. э. греческие некрополи «беднеют», вещей в могилы кладут все меньше, ограничиваясь преимущественно керамикой, а предметы роскоши, драгоценные вещи, оружие, как правило, отсутствуют.

При сопоставлении некрополей основных боспорских городов и прилегающих к ним районов с некрополями греческими приходится признать, что первые весьма существенно отличаются от вторых.

В расположенных обычно поодаль от боспорских городов курганах несомненно погребены местные жители из состава негреческого населения, часто это могилы в той или иной степени эллинизованных представителей местной знати (скифов, синдов, меотов и др.). Но даже если исключить из рассмотрения эти курганы, городские некрополи Боспора, взятые в узких рамках, все же обнаруживают много черт, которые могут быть объяснены только как результат культурного взаимодействия греческого и «варварского» населения. Лишь при этом условии можно правильно понять при-

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1950, стр. 97.

сущее боспорским городским некрополям обилие вещей, даже в не очень богатых могилах. Весьма характерно, что уже в первые века нашей эры в городских некрополях Боспора захоронения часто сопровождаются значительным количеством дорогих вещей и ювелирных изделий, причем тогда же особенно распространяется обычай класть в могилу оружие и части конской сбруи. Общие тенденции к «роскоши» и отдельные составные части погребального инвентаря (особенно такие, как оружие, конский убор и т. д.) являются проявлением обычаев и традиций местного населения Боспора.

Самобытная культура основной массы населения Боспора не была ни поглощена, ни вытеснена греческой цивилизацией. В определенном соединении с элементами последней местная культура продолжала жить и развиваться, усиливаясь постепенно до такой степени, что в первые века нашей эры она уже определяла основной колорит культурного облика даже столичных центров Боспорского царства.

Одним из важнейших результатов археологического изучения причерноморских городов советскими учеными является выяснение наличия в городах широко развитых ремесел, различного рода материальных производств, делавших эти города во многом не зависимыми от импорта заморских товаров.

Уже в VI в. до н. э. в Ольвии было широко развито производство металлических изделий, в частности существовали мастерские, изготовлявшие художественные металлические изделия, предметы быта и вооружения.

Все найденные в Ольвии бронзовые наконечники стрел (иногда с незаточенными концами) являются скифскими. Находки частей литейных форм для отливки наконечников стрел показывают, что и способ их выделки и формы стрел — скифские.

Металлическое производство Ольвии характеризуется развитым литейным делом. В слоях VI—V вв. до н. э. особенно часты находки медного шлака, обломков медно-бронзовых изделий. Меднолитейный горн был открыт в Ольвии в 1932 г. В 1948 г. были открыты остатки меднолитейного производства VI в. до н. э., содержавшие производственные отбросы (шлаки, обломки тиглей, остатки разрушенного горна и т. п.).

Особенно интересны находки в Ольвии литейных форм, показывающих большое разнообразие и высокое мастерство отливавшихся изделий (рис. 1).

На обширной территории Скифии найдены различные высокохудожественные изделия, вышедшие из ольвийских мастерских.[1] Техника их изготовления отличалась от греческой техники производства металлических изделий. Одновременно или наряду с изготовлением художественных литых изделий с изображением, например, животных в скифском «зверином» стиле, в той же технике отливались вещи греческого стиля, в том числе и изображения животных.

Происходящая из Ольвии широко известная группа бронзовых зеркал отлита в ольвийских мастерских, но украшения зеркал частично выполнены в скифском стиле, частично в стиле греческого искусства. Примеры такого сочетания различных художественных стилей в вещах, исполненных техникой скифского литья, можно значительно увеличить[2] (рис. 2).

---

[1] Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России. МАР, № 34.

[2] Ольвийские зеркала, как и другие металлические изделия, происходящие из Ольвии, были исследованы Е. О. Прушевской, которая определила технический способ их отливки, присущий ольвийскому металлическому производству, и установила, что в ольвийском металлическом производстве прослеживаются некоторые технические приемы, свойственные не греческому, а скифскому ремеслу.

Одновременно с процветанием в Ольвии литейного дела успешно развивалось производство изделий из металла путем тиснения. В 1926 г. была найдена замечательная матрица для тиснения тонких золотых пластинок. Тисненые золотые бляшки из раскопок Б. В. Фармаковского являются показателем высокого развития этой отрасли художественного ремесла. В скифских курганах Приднепровья, а также и в более

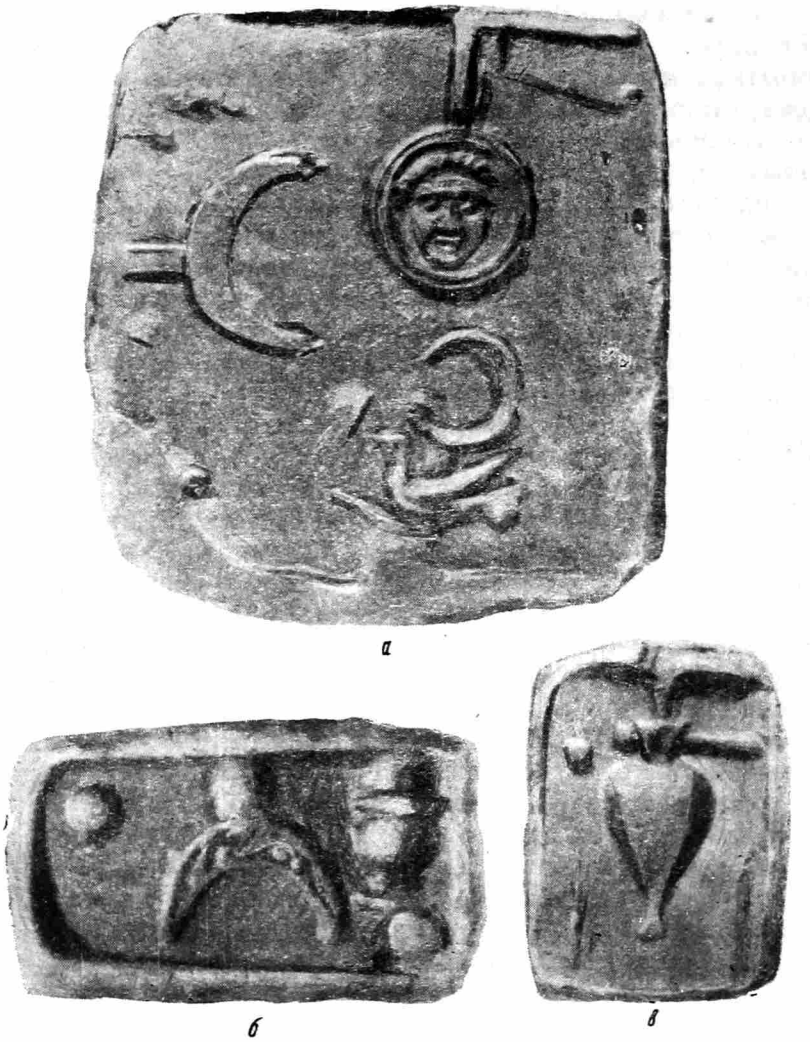


Рис. 1. Отливки с литейных форм Ольвии IV—II вв. до н. э.
а — медальон с изображением Горгоны, серьга с птичкой и подвеска-лунница; *б* и *в* — подвески.

отдаленных местах Скифии неоднократно находили золотые и тисненые украшения — произведения ольвийских мастеров.

Прекрасными образцами ольвийской торевтики являются найденные в погребениях золотые ушные украшения, на круглых выпуклых щитках которых изображены львиные головки. Идентичные золотые ушные украшения найдены в скифском кургане у Емчихи. Прямых аналогий в греческом искусстве эти изделия не имеют.[1] Форма их соответствует распространенным в Скифии золотым серьгам (с большими круглыми

[1] Б. В. Фармаковский, ук. соч., стр. 25.

выпуклыми щитками),[1] но львиные головки, украшающие ольвийские находки и находку из Емчихи, выполнены не в скифском стиле. Ольвийские мастера умело сочетали в этих украшениях скифскую форму с привнесенными мотивами [2] (рис. 3).

В Ольвии неоднократно были находимы художественные изделия, ближайшие аналогии которым встречаются чаще всего в курганах среднего Приднепровья. Мастера, работавшие в причерноморских городах, изготовляли эти вещи для удовлетворения вкуса скифских потребителей, но такие же изделия художественного ремесла удовлетворяли

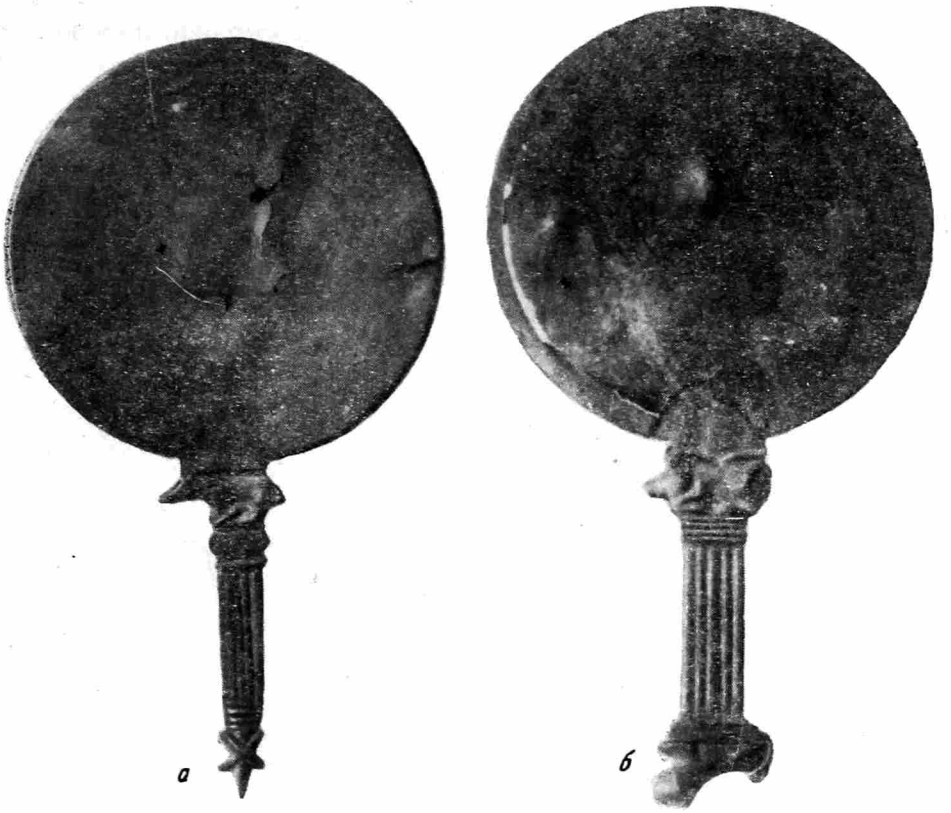


Рис 2. Бронзовые зеркала ольвийского производства VI—V вв. до н. э.
а — из Ольвии; *б* — из района Нальчика.

спрос и городского населения. В этом отношении очень характерно, что украшения в скифском «зверином» стиле найдены, например, не только в скифских курганах за пределами Ольвии, но и на Ольвийском городище и в некрополе.

Упомянутая выше группа бронзовых литых зеркал обнаружена в Ольвийском некрополе, но точно такие же зеркала найдены и в скифских погребениях вне Ольвии. По распространению в Скифии ольвийских зеркал и крестовидных блях прослеживаются пути прохождения ольвийских изделий.[3] Кроме зеркал, в Ольвии найдены различные украшения в скифском «зверином» стиле, бытовавшие в среде городского населения. К ним относятся найденные при раскопках городища в

[1] Б. Н. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, табл. XXIX, 253, 254; вып. III, табл. LX, ц.

[2] Б. В. Фармаковский, ук. соч., табл. IX.

[3] Б. Граков. Чи мала Ольвия торговельні зносини з Поволжям і приуралям в архаїчну класичну епохи? Археологія, I, Київ, 1947, стр. 23 сл.

1946 — 1947 гг. прекрасные художественные украшения скифской конской узды (рис. 4).

Подобного рода находки в Ольвии распространены в слоях и погребениях VI—V вв. до н. э. Значительно реже они встречаются в IV в. до н. э. В более позднее время масштаб ольвийского металлического производства, повидимому, сократился под воздействием сильной конкуренции со стороны Боспора. Роль Боспора, его производственных центров в снабжении Скифии металлическими изделиями, прежде всего предметами художественной торевтики, была очень велика. С конца V в. до н. э. Боспор занял первое место в этом отношении. Начиная от бесчисленных золотых тисненых бляшек, которыми скифы украшали свою одежду,

Рис. 3. Золотые серьги VI в. до н. э. из Ольвии.

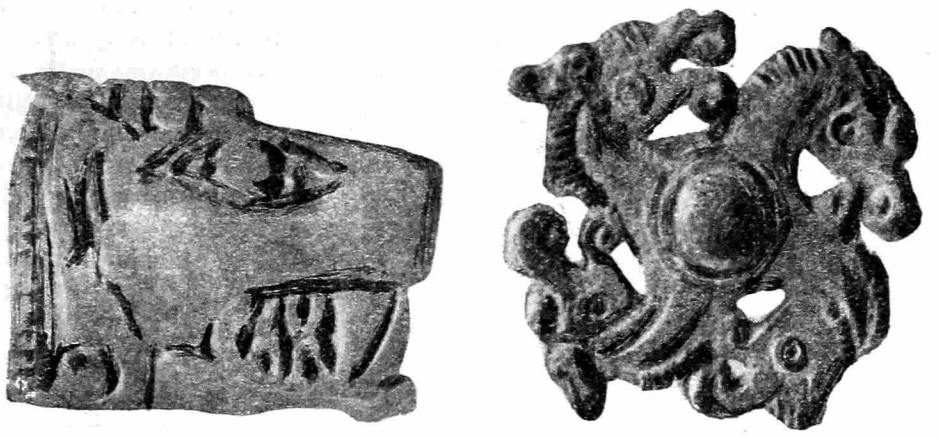
и кончая великолепнейшими по художественному исполнению сосудами, вроде знаменитой чертомлыцкой серебряной амфоры или кульобского электрового сосуда с реалистическими изображениями скифов, — все эти изделия выходили из мастерских боспорских торевтов, в которых работали и греческие мастера и ремесленники из среды местного населения. Последние многому научились у греков, но и греческие мастера, работая в городах Боспора, испытали на себе сильнейшее воздействие художественных вкусов и культурных традиций, присущих местному, скифо-сарматскому и меото-синдскому, населению. В результате такого творческого контакта на Боспоре появились металлисты, торевты, ювелиры, которых мы вправе называть боспорскими мастерами, причем таковыми могли быть в равной мере как греки, так и представители эллинизованной части местного населения.

Убедительным подтверждением широкого развития на Боспоре производства художественных металлических изделий служит замечательная находка, сделанная в 1937 г. при раскопках Тиритаки: был найден бронзовый штамп с изображением бюста богини Афродиты.[1] С помощью

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. 1949, стр. 119.

этого штампа в III—II вв. до н. э. тиритакский торевт чеканил золотые бляшки с рельефным изображением богини. Бляшками украшались медальоны, перстни, они же могли применяться как нашивные украшения для одежды. Весьма показательно, что точно такие же бляшки, отчеканенные штампом, тождественным тиритакскому, были найдены в одном из погребений, открытом в 1908 г. в районе Танаиса.[1]

Находка тиритакского штампа свидетельствует, что даже в небольших боспорских городах были ремесленники, которые делали посредством чеканки и тиснения различные художественные вещи из драгоценных металлов. Мы имеем все основания считать, что в больших масштабах эта же отрасль производства процветала в столичных центрах Боспорского царства и прежде всего в Пантикапее.



а *б*

Рис. 4. Украшения конской узды в скифском «зверином» стиле из Ольвии.

а — роговая пряжка начала VI в. до н. э.; *б* — бронзовая бляха VI — III вв. до н. э.

В этой связи представляют несомненный интерес обнаруженные недавно среди неизданных вещей в фондах Одесского музея четыре бронзовых штампа-пунсона, найденные в Пантикапее и приобретенные в свое время Одесским музеем. Штампы эти служили, как и тиритакский, для чеканки рельефных золотых украшений. На одном штампе изображение пальметки, на другом — раковинки, на третьем — какого-то животного, четвертый штамп неразборчив.

Перечисленные выше орудия боспорских торевтов полностью опровергают взгляды тех исследователей, которые еще и сейчас недооценивают огромную роль Боспора в развитии Причерноморского художественного металлического производства IV—III вв. до н. э. В свете приведенных фактов мы должны признать города Боспора важнейшими производственными центрами, обогатившими сокровищницу мировой культуры выдающимися, в высокой степени оригинальными произведениями торевтики, своеобразие которых объясняется именно тем, что на Боспоре (как и в Ольвии) эта отрасль художественного ремесла развивалась на основе плодотворного сочетания скифского искусства и ремесла с искусством и ремеслом греков.

Высокого уровня развития достигло в Ольвии керамическое производство. Уже в VI в. до н. э. лепная керамика численно значительно уступает керамике, изготовленной на гончарном круге. В то же время

[1] Т. Н. Книпович. Танаис. 1949, стр. 62.

ввозилось много керамических изделий из греческих ионийских центров, а с конца VI в. все более обильным становится ввоз из Аттики. В этот древнейший период в истории Ольвии возникает местное производство посуды на гончарном круге.

В VI в. до н. э. в Ольвии выделывалась на гончарном круге посуда, которая воспроизводила формы греческой керамики, но зачастую с лощением поверхности. Наряду с нею изготовлялась посуда и таких форм, которые не были присущи греческой керамике (рис. 5).

Особенно обильны находки местной ольвийской гончарной посуды эллинистического времени, среди которой продолжают сохраняться детали форм, заимствованные от лепной скифской керамики.[1] Вместе с тем не была вытеснена полностью из обихода и простая лепная керамика, продолжавшая бытовать на всем протяжении жизни Ольвии, причем количество ее в позднеэллинистическое время, а также в первые века н. э., увеличивалось. Лепная керамика Ольвии находит себе соответствия в скифской керамике, и ее скифский генезис не вызывает сомнений.[2]

Рис. 5. Сосуд конца VI в. до н. э. из Ольвии.

Однако в ольвийской лепной керамике нередко встречается воспроизведение форм или их деталей, свойственных греческой керамике.[3]

В керамическом производстве Ольвии заметное место занимает художественная расписная керамика. Группа расписной керамики III—II вв. до н. э. отличается от аналогичной греческой тем, что роспись наносится по лощеной поверхности сосудов — прием, не известный в греческой керамике. При сохранении античных форм и применении античных мотивов и приемов росписи поверхность сосудов этой группы обрабатывается в технике лощения, свойственной скифской и сарматской керамике.[4]

Наличие собственного развитого гончарного производства в Ольвии не мешало внедрению в быт, в первую очередь зажиточной части населения, привозной художественной керамики.

Торговые связи Ольвии (как и других городов) хорошо прослеживаются по привозной керамике, шедшей в ранний период из малоазийских центров Ионии, Навкратиса, островов Родоса, Самоса, а также из Коринфа. В V—IV вв. преобладает импорт из Афин, афинская керамика поступает и в эллинистическое время,[5] но наряду с нею теперь обильно ввозится продукция Пергама, Александрии и других центров античного мира. Привозная художественная керамика высоко ценилась не только в городах, но и в самой Скифии, куда она поступала при

[1] Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа II. Ольвия, т. I. Киев, 1940, стр. 144.

[2] Там же, стр. 135.

[3] В скифских комплексах Приднепровья также порой встречается лепная керамика, воспроизводящая греческие формы.

[4] Т. Н. Книпович. Керамика местного..., стр. 166. — Она же. Из истории художественной керамики северного Причерноморья. СА, VII, 1941, стр. 150.

[5] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний северного Причерноморья в эпоху эллинизма. СА, XI, стр. 271—284.

посредстве городов; об этом свидетельствуют многочисленные находки в богатых скифских погребениях. Распространение привозных художественных изделий является также показателем и художественных вкусов местного общества и высокого уровня его культуры.

Херсонес обладал своим развитым керамическим производством в эллинистический период. Херсонесские гончарные мастерские выпускали в большом количестве расписную и чернолаковую керамику, простую обиходную посуду, пифосы, амфоры для вина, кровельные черепицы, терракотовые статуэтки и пр. В первые века нашей эры Херсонес производил краснолаковую посуду. Все эти изделия широко распространялись по району, который был втянут в торговый обмен с Херсонесом, — ближайшая херсонесская округа, северо-западный и центральный Крым.

Но и в Херсонесе, несмотря на явное преобладание керамики греческих типов как привозной, так и своего, местного изготовления, продолжала бытовать лепная посуда, свойственная местному — таврскому и скифскому — населению.

В городах Боспора мы наблюдаем примерно такую же картину.

Как показали раскопки Нимфея, керамическое производство, выпускавшее посуду, изготовленную на гончарном круге, начинается с VI в. до н. э. В Нимфее на территории раскопок святилища Деметры обнаружены следы двух обжигательных печей и большое количество остатков продукции в виде разнообразных сероглиняных сосудов, поверхность которых подвергнута лощению, а также сосудов расписных, являющихся оригинальным местным вариантом ионийской керамики. Там же найдены формы VI в. до н. э. для выделки терракотовых статуэток. Но производством простой сероглиняной и красноглиняной посуды самых разнообразных форм и типов, терракот, а начиная с IV в. остродонных амфор, кровельных черепиц и различных архитектурных украшений дело на Боспоре не ограничивалось.

Даже такие группы эллинистической керамики, как сосуды с рельефными украшениями поверхности (так называемые «мегарские» чаши), считавшиеся обычно импортными, частично изготовлялись непосредственно в городах Боспора, как об этом стало известно по находкам глиняных форм, которые служили для изготовления таких сосудов (в 1947 г. фрагмент формы найден в Пантикапее,[1] в 1949 г. — в Мирмекии).

В III в. до н. э. местные керамические мастерские (в Пантикапее и Фанагории) выпускали в высокой степени оригинальные полихромные расписные вазы, которые являются особенно ярким образцом того, как греческие элементы искусства, проявлявшиеся в производстве расписных ваз, подвергались творческой переработке в боспорских мастерских, отражавших вкусы этнически смешанной среды Боспора [2] (рис. 6 и 7).

Вместе с тем надо отметить, что керамика греческих типов, привозная и боспорская, проникая в порядке торгового обмена в смежные с Боспорским царством районы, например Прикубанье, использовалась иногда местными меото-синдскими гончарами в качестве образцов. Воспроизводя некоторые греческие типы сосудов, местные гончары не просто копировали, слепо следуя оригиналу, а по-своему передавали форму этих сосудов в соответствии с местными вкусами (рис. 8).

Необходимо также сказать и о бытовании в городах Боспора скифо-сарматской лепной посуды. Она никогда не была полностью вытеснена гончарной керамикой. Напротив, в первые века нашей эры, по мере

---

[1] В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг. Бюллетень Гос. Музея изобраз. искусств им. А. С. Пушкина, № 2, 1947, стр. 14.

[2] В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 140 сл.

того как в боспорских городах все более увеличивался удельный вес негреческого населения, лепная керамика, изготовленная в традиционной местной технике, т. е. без применения гончарного круга, становится особенно популярной и распространенной.

Лепная посуда преобладает в поселениях, более отдаленных от крупных торговых городов, т. е. именно там, где основная масса населения была негреческая.

Весьма показательно также, что в боспорских городах в первые века н. э. стали широко входить в быт типичные сарматские сосуды, в частности с ручками в виде животного.

Рис. 6. Полихромный лекиф с портретным изображением. III в. до н. э., из Пантикапея.

Приведенные примеры из области материального производства и искусства северочерноморских городов говорят о большом своеобразии их культурного облика.

В городском каменном строительстве, в возведении каменных оборонительных стен, в постройке общественных и жилых домов, в их планировке, в планировке городских кварталов применялись греческие технические и архитектурные приемы. Однако эти приемы приспосабливались к местным условиям, определявшимся климатическими и другими особенностями страны.

В городском строительстве Ольвии, а также в строительстве окрестных поселений Побужья наблюдается широчайшее применение сырца, особенно при постройке жилых комплексов VI—V вв. до н. э.: на каменных фундаментах часто возводились сырцовые стены. В эллинистическое время в Ольвии в бурно развернувшемся в это время городском строительстве применялись слоевые субструкции, служившие фундаментами каменных стен. Слоевые субструкции представляют массивные, плотные сооружения из прослоек глины и золистых слоев, специально утрамбованные, на которых уже возводились наземные каменные стены. Эти субструкции предохраняли здания от оползней, которым подвержен ольвийский лёсс. На слоевых субструкциях были построены ольвийские оборонительные стены IV—III вв. до н. э. Субструкции, не имевшие распространения в греческом строительстве, широко применялись в Ольвии в связи с особым характером ее почвы. В это же время почти все постройки Ольвии имеют каменные подвалы, служившие хранилищами, а также использовавшиеся под жилье. Стены их с внутренней стороны облицованы хорошо обработанными камнями и порой оштукатурены. Устройство подвалов, в особенности приспособленных для жилья, — также специфическая черта ольвийского строительства.

Находки многочисленных архитектурных деталей, а также сведения письменных и эпиграфических источников говорят, что в крупных городах северного Причерноморья возводились храмы, посвященные греческим божествам. Не подлежит, однако, сомнению, что и в монументальной архитектуре греческие формы и строительные приемы в той или иной степени видоизменялись под влиянием местных условий. Найденные в Тамани (здесь был боспорский город Германасса) обломки мраморного фриза позволили реконструировать храм, которому он принад-

лежал, и сделать вывод, что храм был построен боспорскими зодчими, которые по-своему интерпретировали некоторые греческие формы орнамента и т. д.[1]

Каменное строительство было известно не только в больших городах, но и в поселениях, окружавших крупные центры. В поселениях южного Побужья (некоторые из них относятся к VI—V вв. до н. э., другие к IV—III вв. до н. э.) было распространено каменное строительство уже в VI—V вв. до н. э.

Открытые в поселениях Побужья остатки каменных жилых домов с замощенными камнем дворами и каменными водостоками чрезвычайно близко напоминают ольвийские городские кварталы, — видимо, городское строительство в побужских поселениях развивалось под влиянием Ольвии.

Однако применение камня, по крайней мере в погребальных сооружениях северного Причерноморья, было известно в эпоху, предшествующую колонизации. В третьем Разменном кургане близ станицы Костромской, возможно, относящемся к VIII в. до н. э., над могильной ямой было сооружено уступчатое покрытие из каменных плит.[2]

Рис. 7. Полихромная амфора с изображением борьбы греческого воина с амазонкой. III в. до н. э., из Пантикапея.

Большие достижения в строительном искусстве принадлежали боспорским зодчим. В IV в. до н. э. ими построены многочисленные подкурганные гробницы с уступчатыми покрытиями, в том числе такие превосходные сооружения, как склепы Царского, Мелек-Чесменского и многих других курганов.

В строительстве монументальных гробниц боспорской знати был использован богатый опыт возведения купольных гробниц в Средиземноморье (Крит и Греция — эгейской эпохи, Этрурия).[3] Но на Боспоре строительство подкурганных склепов с так называемым «ложным» сводом

---

[1] Л. П. Харко. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской. СА, VII, стр. 85, 90. Ср.: К. В. Тревер. К вопросу об античном храме в Гарни (Армения). СА, XI, стр. 285—304.

[2] М. И. Артамонов. Третий Разменный курган в стан. Костромской. СА, X, стр. 162. — Ср.: А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, стр. 179 сл.

[3] С. А. Кауфман. Об уступчатых склепах Боспора. Акад. архит. СССР. Сообщ. Инст. истории и теории архитектуры, вып. 6, 1947, стр. 1—32.

приобрело совершенно оригинальные формы, что позволяет говорить о вполне самобытных боспорских памятниках архитектуры.

Уже упоминавшийся выше курган, раскопанный у стан. Костромской, как и ряд других курганов эпохи бронзы в Прикубанье,[1] свидетельствует, что здесь еще задолго до появления греков самостоятельно подходили к разрешению задачи построения уступчатого покрытия.

Новые исследования различных областей искусства Боспора (скульптуры, живописи и др.) все более раскрывают интенсивный процесс культурного взаимодействия.

Становится все более ясным, что даже высококвалифицированные греческие мастера (например скульпторы), работавшие на Боспоре, уже в V в. до н. э., имея дело с местными материалами и общаясь с местной, смешанной по этническому составу средой, выработали «ряд своеобразных художественных приемов, которые с течением времени стали органическими элементами местного боспорского стиля».[2]

Исследование окружения Ольвии и других крупных античных городов северного Причерноморья начато сравнительно недавно, но уже дало ценные результаты.

Начиная от устья Днестра, по берегу Черного моря, на берегах Сухого лимана, Березанского лимана, Буго-Днепровского лимана, а затем Бугского лимана до Николаева выявлено несколько десятков местных поселений, культура которых сходна с культурой Ольвии. В них обильно представлен привозный материал; лепная керамика распространена значительно больше, чем в Ольвии, хотя и здесь она не является преобладающей. При этом лепная керамика указанного района по технике выделки, формам и орнаментации идентична одновременной ольвийской лепной керамике. Так же, как и в Ольвии, большое место в обиходе занимала простая серая керамика, изготовленная на гончарном круге. Привозный материал (начиная с VI в. до н. э.) происходит из тех же центров, с какими поддерживала оживленные торговые сношения Ольвия. Земледельческий характер поселений прибрежного района северо-западной части Причерноморья не вызывает сомнений, большую подсобную роль в их хозяйстве, несомненно, играло рыболовство. Изобилие костей домашних животных говорит о скотоводстве. В рассматриваемых поселениях, особенно в IV—III вв. до н. э., было широко развито каменное строительство. Все это создает впечатление некоторого единства культуры Ольвии и поселений, существовавших на прилегающей к ней территории. Естественно, что Ольвия имеет и определенные черты отличия от указанных территорий. В городском строительстве Ольвии в бóльшей степени ощущается зависимость от греческой архитектуры, оно гораздо богаче, как богаче и находимый в Ольвии привозный материал. Однако черты сходства культуры Ольвии с культурой поселений указанного выше района прибрежной Скифии позволяют выделить его как район, отличавшийся высоким уровнем культуры и экономически весьма тесно связанный с Ольвией.

Указание Геродота на то, что ближайшая к Ольвии область была заселена племенем каллипидов, называвшихся эллинами-скифами, подтверждает сильное культурное воздействие Ольвии на этот район Ски-

---

[1] А. А. Иессен, ук. соч., стр. 179 и 182.

[2] А. П. Иванова. Новая скульптурная находка в Керчи. КСИИМК, XXIII, стр. 35. — Она же. Черты местного стиля в деревянной резьбе Боспора римского времени. Тр. Отд. ист., иск. и культ. античн. мира, т. I, Гос. Эрмитаж, Л., 1945, стр. 167—197. — Она же. Боспорская живопись первых веков н. э. Истор.-археолог. сб. Научно-исслед. инст. краеведч. и музейн. работы, М., 1948.

фии. Каллипиды Геродота выступают в III—II вв. до н. э. в эпиграфических памятниках Ольвии под именем миксэллионов.[1]

Государственный строй Ольвии как греческого рабовладельческого города-государства (полиса) не противоречит известному единству культурного облика Ольвии и поселений Побужья, экономически тесно связанных с нею.

Эпоха расцвета причерноморских городов падает на IV—III вв. до н. э. Дальнейшие их взаимоотношения с местным населением слагаются в зависимости от развития последнего, от социальных сдвигов, которые происходили у местного населения северного Причерноморья.[2] Племенные передвижения и процесс формирования скифского государства привели к тому, что Ольвия, вместе с ее окружением, во II в. до н. э. перешла под власть скифов, государственный центр которых теперь уже был в Крыму.[3]

Рис. 8. Кубок («канфар»). III—II вв. до н. э., из ст. Марьевской на Кубани.

Надпись в честь богатого ольвийского гражданина Протогена рисует положение Ольвии на рубеже III—II вв. до н. э. мрачными красками. Ольвии приходится откупаться от наступавших со стороны степи скифов данью или дарами, город постигают бедствия. Однако открытые археологическими раскопками большие участки городских кварталов второй половины III в. до н. э. говорят о продолжавшемся еще интенсивном строительстве, постройке богатых жилых и общественных зданий.[4]

Подлинное бедствие обрушивается на северо-западное Причерноморье, а вместе с ним и Ольвию и все Побужье при нашествии в середине I в. до н. э. гетов, разоривших цветущие города и поселения. Раскопками открыты пожарища, обрушившиеся кровли, разрушенные дома.

Но Ольвия вскоре возрождается, правда, уже в уменьшенных размерах. Отстраиваются новые оборонительные стены, оживает торговля. Важнейший источник, рисующий Ольвию после гетского разгрома, Дион Хрисостом, говорит, что город возродился по желанию окружающего местного населения, заинтересованного в торговле.[5]

---

[1] Б. Н. Граков. Термин Σκύθαι и его производные в надписях северного Причерноморья. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 82.

[2] М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. Вестник Лен. Гос. унив., № 8, 1948, стр. 67.

[3] Там же, стр. 70. — Он же. Вопросы истории скифов в советской науке. ВДИ, № 3, 1947, стр. 80. — Б. Граков. Скіфи. Киев, 1947, стр. 26.

[4] Л. М. Славин. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части Верхнего города. СА, VII, стр. 292 сл.

[5] Дион Хрисостом. Борисфенитская речь. SC, I, стр. 173.

Советскими археологами проведены большие работы на ольвийском городище, выявившие границы города и оборонительные стены после гетского нашествия; эти работы открыли новые страницы в истории Ольвии первых веков н. э. Значение Ольвии как торгового и ремесленного центра в этот период не уменьшается. Высокого развития достигает гончарное производство, в частности производство черепицы. В Ольвии открыты целые районы с остатками хорошо сохранившихся больших обжигательных печей для обжига черепицы и посуды. В это время для ольвийского производства становится характерной серая лощеная керамика и керамика, украшенная геометрическим орнаментом, выполненным путем лощения. Такая керамика получает впоследствии большое распространение в местных поселениях первых веков н. э.

Рис. 9. Известняковый рельеф с изображением танцовщицы. Первые века н. э.

Из Ольвии и поселений южного Побужья и нижнего Приднепровья происходит серия каменных известняковых рельефов с изображением женских фигур в негреческих одеждах.[1] Иногда эти фигуры держат друг друга за руки, как бы образуя хоровод, или изображаются отдельные пляшущие фигуры (рис. 9 и 10).

В этих рельефах отражаются культовые представления местного населения первых веков н. э. Аналогичные памятники известны и в Херсонесе. На херсонесском рельефе интересны изображения бычьих голов, размещенных между женскими танцующими фигурами. Эти древние мотивы необычайно долго живут у населения Восточной Европы и впоследствии выступают в русском народном искусстве.[2]

В III—IV вв. н. э. Ольвия приходит в упадок. На территории городища еще не открыты остатки IV в. н. э. и позднее. Но из погребений в окрестностях Ольвии происходит группа богатых золотых украшений V—VI вв. н. э. Найденный у Херсона Келегейский клад золотых вещей и монет VII в. н. э.,[3] а также открытое в 1949 г. раннеславянское поселение на Березанском лимане и остатки славянского селища на Березани [4]

[1] Дион в своей речи отмечает, что ольвийцы в его время были одеты в полуварварскую одежду.

[2] В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. Гос. Историч. муз., вып. I, 1926, стр. 16, рис. 14; стр. 17, рис. 16.

[3] Літопись Музею, Херсон, 1927, стр. 16, рис. 18.

[4] М. Болтенко. Розкопки на острові Березані в 1946 г. Археологічні пам'ятки, т. II, Киев, 1949, стр. 31—37. Он же. Стародовня руська Березань. Археологія, т. I, Киев, 1947, стр. 39—50.

свидетельствуют о том, что жизнь в низовьях Буга и Днепра никогда не замирала и на месте городов и селищ античного времени сформировались славянские поселения.

Вторичный экономический и культурный расцвет Боспорского царства, начинающийся в I в. н. э. и заканчивающийся в первой половине III в. н. э., протекал под знаком все более усиливавшейся активности местных элементов во всех областях жизни рабовладельческого Боспора. Именно в этот период с исключительной отчетливостью выступает в полном своем объеме своеобразие боспорской культуры, обусловленное действенным участием в ее формировании местного населения.

Оживленные и очень широкие торговые связи Боспора в I—III вв. н. э. с заморскими странами и в первую очередь с Малой Азией, с горо-

Рис. 10. Каменный рельеф с изображением пляшущих женщин. Первые века н. э., из Херсонеса.

дами южного Причерноморья, а также с Египтом и Сирией, давали обильный приток разнообразной продукции в виде виноградных вин, оливкового масла, тканей, керамических изделий, стеклянной посуды, предметов роскоши и т. д. Однако, как и раньше, не этот многообразный импорт, приходивший в обмен на хлеб, рыбу, кожи и другое сырье, определяет основные черты культурного облика Боспора и в первые века н. э. В рассматриваемый период на Боспоре успешно развиваются самые разнообразные отрасли материального производства и художественных ремесел, причем во всех областях жизни государства и его культуры местные элементы становятся уже доминирующими (рис. 11).

Политическая зависимость Боспорского царства от Римской империи никакого сколько-нибудь ощутимого влияния на культуру Боспора не оказала, никакой «романизации» Боспорского царства не произошло.

Расцвет материальной культуры Боспора, его экономики в период I—III вв. н. э. с исключительной яркостью раскрыт новейшими раскопками городов Боспора.

Наиболее выразительным памятником в указанном отношении является, несомненно, Тиритака — небольшой боспорский город, расположенный к югу от Пантикапея и подвергшийся широкому археологическому изучению в течение последних 18 лет. Здесь мы можем воочию убедиться в том, насколько оживленно и продуктивно действовали различные отрасли хозяйства Боспорского царства в I—III вв. н. э. Доста-

точно сказать, что бóльшая часть территории Тиритаки занята производственно-хозяйственными сооружениями — рыбозасолочными цистернами, винодельнями и т. д. Все это придает городу чрезвычайно своеобразный характер промыслового поселения, аналогий которому в Причерноморье мы пока не знаем.

В I—III вв. успешно развивалось сельское хозяйство, а наряду с этим рыбный промысел, виноделие, различные отрасли ремесла, строительного дела и т. д., базировавшиеся на эксплоатации труда рабов и зависимых сельских жителей. В ювелирном искусстве Боспора в это время наступает расцвет полихромного инкрустационного стиля, отвечавшего вкусам все более сарматизующегося населения. Не менее отчетливо прослеживаются эти же черты своеобразия во всех отраслях боспорского искусства — в живописи, скульптуре, малой пластике и т. д. [1]

Увеличение удельного веса негреческого населения в городах Боспора, что связано с притоком туда, главным образом, сарматов, еще более усиливало «сарматизацию» культуры Боспорского царства, включая и его столичные центры (рис. 12). К сказанному надо добавить, что и правители Боспора в этот период, начиная с царя Аспурга, тесно связаны с туземной (сарматской) знатью азиатской части Боспора. [2] С конца I в. н. э. это обстоятельство отчетливо проявляется в именах царей (Савроматы).

Для истории культуры Боспора в первые века нашей эры большое значение имеют начатые в 1948 г. Боспорской археологической экспедицией раскопки города Илурата (развалины его находятся в 17 км юго-западнее Керчи). В отличие от других городов, которые изучались в последние два десятилетия, Илурат — поселение не приморское, а внутристепное.

Название города, повидимому, восходит к этническому имени елуров (Ἔλουροι) — одного из скифских племен, упоминаемого в словаре Стефана Византийского.[3]

Поселение Илурат представляло собой сильную крепость, построенную в I в. н. э., но потом не раз перестраивавшуюся в целях увеличения ее оборонительной мощи. Крепость просуществовала три столетия. Воздвигнута она была на месте, где существовало селище еще в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Об этом говорят систематически встречающиеся среди развалин внутригородских построек Илурата каменные орудия (шлифованные топоры) и фрагменты керамики, принадлежащие еще периоду поздней бронзы. Крепость была заселена жителями, в основной своей массе принадлежавшими к местному населению. К I в. н. э. оно уже было в той или иной степени «эллинизовано», т. е. подверглось культурному воздействию, исходившему из приморских торговых городов и главным образом из боспорской столицы Пантикапея, для защиты подступов к которой собственно и была построена крепость Илурат.

---

[1] См.: М. М. Кобылина. К изучению искусства древнегреческого города Фанагории. ВДИ, № 2, 1938, стр. 336 сл. — Она же. Памятники искусства Боспора из раскопок ГМИИ. Бюлл. Гос. Муз. изобраз. искусств им. А. С. Пушкина, № 2, 1947, стр. 16—20.

[2] Интересные наблюдения сделаны С. П. Толстовым над боспорскими царскими тамгообразными знаками, сопоставление которых с хорезмийскими тамгами позволяет ему сделать вывод о наличии определенной близости между ними (С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 184 сл.). Мысль о культурно-экономических взаимосвязях между Боспором и Хорезмом безусловно заслуживает самого пристального внимания и дальнейшего исследования. Археологические работы последнего времени, проводимые как в северном Причерноморье, так и в Средней Азии, все больше и больше дают материалов, которые свидетельствуют о существовании связей между Средней Азией и северным Причерноморьем, осуществлявшихся через сармато-аланскую этническую среду.

[3] SC, I, стр. 259.

Можно думать, что жители Илурата были на положении военных поселенцев (κάτοικοι): они вели свое хозяйство (хлебопашество, скотоводство, домашние ремесла — ткачество, керамическое производство и т. д.), будучи обязанными нести службу гарнизона крепости, готового в любой момент оборонять последнюю в случае вторжения неприятельских сил со стороны крымских степей, т. е. с запада.

Крепость занимает угловую часть возвышенности так, что с двух сторон ее ограничивают крутые склоны, значительно усиливающие обо-

Рис. 11. Рельеф с изображением Афины в склепе Нимфея. I—II вв. н. э.

Рис. 12. Терракотовая статуэтка, изображающая скифа. I в. н. э., из Пантикапея.

ронительные возможности. В плане крепость представляет не совсем правильный прямоугольник, вытянутый с юго-запада на северо-восток.[1]

Раскопками уже раскрыты значительные участки оборонительных стен, полностью исследована одна внешняя угловая башня, раскопана вылазная калитка, возле нее расследована внутренняя пристройка вместе с ведущей на нее каменной лестницей.[2]

Интересно, что в целях усиления оборонительной стены впритык к ней снаружи пристроен второй пояс, который, как панцырем, охватывает первую, более раннюю линию боевых стен. Таким же способом утолщены башни. В результате дополнительных пристроек юго-восточная стена, первоначально имевшая в ширину 2.4 м, превратилась в огромный сдвоенный пояс стен, шириною 6.4 м. При этом особого внимания заслуживает внешний панцырь стены, сооруженный во II в. н. э. Его

[1] СА, XIII, стр. 177

[2] Более подробно о результатах раскопок Илурата в 1948 и 1949 гг. см.: СА, XIII, стр. 190 сл. и КСИИМК, XXXVII, стр. 196 сл.

облицовка состоит из громадных, грубо обколотых известняковых плит весом в тонну и больше. Снаружи такая кладка производит впечатление могучей циклопической стены, заставляющей вспоминать по аналогии циклопические стены Тиринфа эгейской эпохи.

В характере циклопических крепостных сооружений Илурата II в. н. э. отчетливо выступает и мощь Боспора и в то же время сильная насыщенность местными элементами его культуры. Последнее и придает илуратским боевым стенам особый облик, далекий от античных, чисто греческих образцов.

Рис. 13. Терракотовая протома Афродиты. II—III вв. н. э., из Илурата.

Возведение дополнительных поясов каменных крепостных стен, пристраиваемых впритык к внешней стороне уже существовавших стен, известно не только в Илурате, но и в Китее (боспорский город, развалины которого лежат на берегу Черного моря в 35 км южнее Керчи).

Вместе с тем весьма показательно, что этот же прием усиления крепостных стен особенно широко применялся в фортификационно-строительной практике крымской столицы скифов, — Неаполя. Общность строительных методов возведения долговременных крепостных сооружений в скифском Неаполе и в городах Боспора в первые века нашей эры достаточно красноречиво характеризует основные черты боспорской культуры этого времени.

Раскопки внутри Илурата, благодаря редкой сохранности городских кварталов, с исключительной наглядностью раскрывают перед нами картину жизни обитавшего в крепости населения в I—III вв. н. э.

При раскопках развалин домов Илурата среди многочисленных вещей, связанных с хозяйственными занятиями жителей и их повседневной жизнью, в 1949 г. обнаружена серия в высшей степени интересных терракотовых статуэток, превосходно передающих особенности культуры Боспора во II—III вв. н. э. Большинство найденных терракот имеет прямое отношение к культу.

На первом месте здесь выступает изображение Афродиты, представленной в виде полуфигуры с яблоком у лона; голова богини увенчана калафом (рис. 13). Наличие яблока в качестве символа ясно показывает, что Афродиту почитали здесь как покровительницу плодородия, как божество, от которого, в представлении боспорцев, зависели производительные силы природы. Илуратская протома Афродиты представляет собою интересный образец переработки боспорскими мастерами греческого образа богини. В том, что это действительно Афродита, не может быть никаких сомнений: — рядом с протомой была найдена глиняная фигура крылатого Эрота, обычного спутника Афродиты. Но и этот образ интерпретирован местными мастерами совершенно по-своему. Руки у Эрота не показаны, они как бы слились с крыльями, но особенно интересно, что шея охвачена массивной гривной с подвеской, являющейся

совершенно не свойственным грекам видом украшения, широко распространенным, однако, у скифов и сарматов (рис. 14). Греки своих божеств с гривнами на шее не изображали.

Следует здесь же напомнить, что культ Афродиты на Боспоре очень древний, он восходит к VI в. до н. э.[1] Главные центры указанного культа находились на азиатской стороне Боспора, на территории теперешнего Таманского полуострова — в Фанагории и Апатуре, где были святилища и храмы, посвященные Афродите. В первые века нашей эры Афродита почиталась в качестве покровительницы Боспорского царства, ее изображения чеканились тогда на боспорских монетах (несколько

Рис. 14. Терракотовая фигурка Эрота. II—III вв. н. э., из Илурата.

Рис. 15. Глиняный штамп с изображением женского божества. II—III вв. н. э., из Илурата. (Фото со слепка).

таких монет III в. н. э. с изображением Афродиты, сидящей на троне, найдены в Илурате). Но столь большая популярность данного божества у боспорцев объясняется тем, что культ богини, близкой по своему значению греческой Афродите, существовал издавна у местного населения и особенно был распространен у меото-синдских племен.[2] Именно поэтому на азиатской стороне Боспора и были сосредоточены главные места почитания Афродиты, именовавшейся Афродитой Апатурой или Афродитой Уранией. Местный культ слился с культом греческой Афродиты и стал общим для всех боспорцев. Однако несмотря на внешнюю эллинизацию этого культа, его местные ссновы не исчезли. Население Боспора, широкие народные массы продолжали сохранять свой самобытный образ божества, покровительницы растительного и животного царства.

В этой связи надо отметить исключительную по своему значению находку в Илурате круглого глиняного штампа (диам. 9.5 см), ко-

[1] Л. П. Харко. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском. КСИИМК, XIII, стр. 137 сл.

[2] Подробнее об этом см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 212 сл.

торым, вероятно, делались рельефные оттиски на священных лепешках или хлебцах (рис. 15).

На штампе в центре представлено в схематизированном виде изображение богини, одетой в расширяющееся книзу платье негреческого покроя. Голова окружена лучистым сиянием, руки распростерты и показаны горизонтальными линиями, причем левая рука заканчивается древесной ветвью («прорастающая рука»). По бокам изображены крылатые животные (повидимому, грифоны), а над правой рукой богини помещен крестообразный знак, в котором, возможно, следует видеть эмблему солнца или изображение птицы.

Рис. 16. Терракотовая фигурка с подвесными ногами. II—III вв. н. э., из Илурата.

Глубоко самобытный тип культовой композиции, представленный на штампе, несомненно связан с скифо-сарматским населением, его верованиями, его искусством. И очень показательно, что он сосуществует буквально в одном доме, у одной семьи вместе с изображениями аналогичного божества, но в эллинском облике. Глиняный штамп и упоминавшиеся выше терракоты Афродиты и Эрота найдены при раскопках одного дома. В нем же обнаружена терракотовая женская статуэтка («марионетка») с подвесными ногами. Своеобразен ее костюм, не имеющий ничего общего с одеждой греческого типа, оригинален и ее затейливый головной убор. Подвесные ноги устроены так, что их можно было приводить в движение посредством подергивания нитки, продетой внутри статуэтки и выходящей наружу через отверстие в голове (рис. 16). Ее одежда и головной убор очень близко напоминают внешний облик богини, изображенной на штампе, и вряд ли можно сомневаться в том, что статуэтка с подвесными ногами имеет непосредственное отношение к тому же кругу религиозных представлений, с которыми связан и глиняный штамп.

Столь выразительное переплетение местных элементов с греческими, выявляющееся в Илурате, дает яркое представление о характерных особенностях культуры Боспорского царства I—III вв. н. э.

К сказанному надо добавить, что в 1948 г. в Илурате открыто «святилище» III в. н. э., в котором оказался каменный жертвенник с лежавшей на нем отрубленной человеческой головой, что подтверждает существование у илуратцев какого-то кровавого культового ритуала. О существовавших у скифов и тавров суровых варварских обычаях, в которых определенную роль играла отрубленная человеческая голова, мы хорошо знаем из сообщений древних писателей и, прежде всего, от Геродота.[1]

Культовый комплекс Илурата представляет большой интерес особенно потому, что он подтверждает, с какой настойчивостью коренное население Боспорского царства удерживало в античную эпоху свои традиции и религиозные верования. Многовековый процесс «эллинизации» не по-

---

[1] Об илуратском святилище см.: СА, XIII, стр. 196 сл.

давил в местном населении основ самобытной его культуры, включая и присущие ему некоторые обычаи, уходящие своими корнями в глубокую древность.

Историческое значение античных городов северного Причерноморья определяется тем, что они были не только «периферией» античного греко-римского мира. Это были культурно-экономические центры, органически связанные с населением Скифии—Сарматии. Культура этих городов отнюдь не простое воспроизведение античной греческой культуры. Она складывалась и развивалась в северном Причерноморье при активном участии местного населения. В этом своеобразии ее мировое историческое значение.

А. П. ИВАНОВА

МЕСТНЫЕ МОТИВЫ В ДЕКОРАТИВНОЙ СКУЛЬПТУРЕ БОСПОРА

К числу самых блестящих страниц в истории русской археологической науки принадлежат, бесспорно, исследования Керченского и Таманского полуостровов — территории древнего Боспорского царства, проводившиеся систематически из года в год с начала XIX в. В результате этой работы русских археологов в научный обиход вошел ряд уникальных памятников древнего искусства.

Коллектив советских историков, археологов и исследователей античного искусства не только продолжает и расширяет работу в области археологического исследования Боспора, но и по-новому осмысливает огромный материал, накопленный дореволюционной русской наукой.

Прочным завоеванием советской науки в настоящее время можно считать выявление активной творческой роли коренного местного населения в истории культуры и искусства Боспора, выявление творческой переработки образов античного искусства местными боспорскими художниками.

С этой точки зрения большой интерес представляет один широко распространенный в боспорской декоративной скульптуре мотив — изображение женской полуфигуры, ноги которой переходят в растительный орнамент.

Этот мотив встречается там уже начиная с IV в. до н. э. Мы видим его среди золотых бляшек, найденных в Большой Близнице.[1]

Такая женская полуфигура украшает хранящийся в Эрмитаже фронтон деревянного саркофага, найденного в 1868 г. на Таманском полуострове, по дороге, ведущей на Тузлу.[2] Фигура изображена в технике углубленной резьбы, в древности была инкрустирована, но инкрустация в настоящее время утрачена. На голове этой фигуры мы видим калаф — обычный аттрибут богини плодородия.

Сходный, хотя и не вполне аналогичный мотив украшает ручку серебряного блюда из Чертомлыцкого кургана.[3] В данном случае это не полуфигура (поясное изображение), а скорее бюст, вырастающий из чрезвычайно пышного растительного орнамента.

---

[1] ОАК за 1865 г., табл. III, рис. 4, 5; за 1866 г., табл. II, рис. 3, 5.

[2] ОАК за 1868 г., стр. X; ОАК за 1869, Приложение, стр. 176 сл., рис. на стр. 177 и 178. — И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. I, стр. 37, рис. 44. — C. Watzinger. Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexander des Grossen, 1905, стр. 37 сл., № 13, рис. 65, 66.

[3] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. II, стр. 111, рис. 98.

Мотив женской полуфигуры того типа, который нам дает фронтон таманского деревянного саркофага, получает особенно широкое распространение в боспорском декоративном искусстве первых веков нашей эры. В частности, он становится одним из излюбленных мотивов для гипсовых прилеп деревянных саркофагов.[1] Тип деревянного саркофага с колоннами и заключенными между ними гипсовыми прилепами получает особенно широкое распространение на Боспоре в I—II вв. н. э. Женская полуфигура изображается, как правило, крылатой. Начиная от пояса фигура переходит в побеги аканфа, руки ее опущены и придер-

Рис 1 Двусторонняя скульптура, найденная на горе Митридат в 1882—1883 гг.

живают аканфовые завитки. Боспорские гипсовые прилепы отличались пестрой и яркой раскраской. Многие экземпляры в коллекциях Эрмитажа и Керченского музея сохранили значительные следы голубой, красной и желтой краски на крыльях и листьях аканфа.[2] Что касается пластической моделировки, то она в гипсовых прилепах обычно отличается суммарностью. В связи с этим важно отметить подчеркнуто рельефное изображение грудей — черта, характерная для изображения богини плодородия.

Этот образ нашел свое отражение и в скульптуре Боспора.

Интересный образец такой скульптуры был найден в 1882—1883 гг. на северном склоне горы Митридат у южной стены старого кладбища и хранится в настоящее время в Керченском музее [3] (рис. 1).

---

[1] См., например, гипсовый рельеф, купленный А. А. Бобринским в Керчи в 1891 г (ОАК за 1891 г., стр. 56, рис. 35), а также гипсовый рельеф от саркофага II в. н. э., найденного в Керчи в 1883 г. у богадельни Золотаревых. См. подлинный рисунок Гросса в альбоме рисунков за 1883 г. в архиве ИИМК.

[2] С точки зрения хорошей сохранности раскраски интересно отметить некоторые экземпляры из археологической коллекции музея в г. Иваново, поступившей в 1946 г. в Керченский музей.

[3] Kieseritzky — Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Берлин, 1909, № 155, табл. X (в дальнейших сносках: K. — W.).

Это двустороннее изображение женской полуфигуры из крепкого известняка (так называемый «дикарный» камень) размером 0.88 × 0.79 × × 0.23 см, того же типа, который мы видим обычно на гипсовых прилепах.

Изображена обнаженная женская фигура до бедер. Нижняя часть ее скрыта аканфовыми листьями, от которых, на месте ног, симметрично в обе стороны отходят побеги аканфовой ветви, заканчивающиеся усиками и цветами арацеи. Руки женщины опущены, подобно тому как мы это видим обычно в гипсовых прилепах, и придерживают аканфовые побеги. В отличие от гипсовых прилеп женская полуфигура не имеет крыльев. Это, может быть, связано с тем, что скульптура представляет двустороннее изображение.

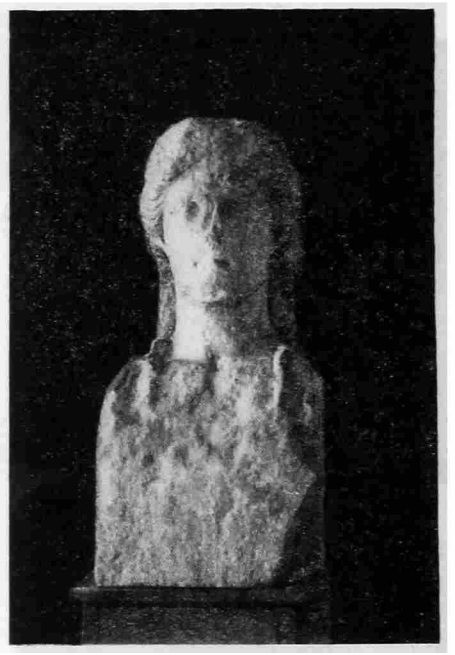


Рис. 2. Герма Деметры, найденная на горе Митридат в 1882 г.

Трактовка тела чрезвычайно плоскостна, только груди показаны рельефно, как это имеет место и в гипсовых прилепах.

Обработка фигуры с двух сторон совершенно одинакова, но сохранность их различна — одна сторона сильно повреждена выветриванием известняка, другая сохранилась сравнительно хорошо.

Боковые грани ее не обработаны: повидимому, она была рассчитана на одинаковый фронтальный вид с двух точек зрения и представляет скорее двусторонний рельеф, чем круглую скульптуру.

Поза фигуры фронтальна, композиция строго симметрична. Трактовка орнамента отличается некоторой сухостью и линеарностью. Местами применен бурав, хотя довольно сдержанно.

Голова фигуры отбита, причем недостает части шеи. В Керченском музее имеется такая же двусторонняя голова, подходящая к этой фигуре по материалу и размерам, а также отчасти и по стилю: поверхность лица трактована так же плоскостно, как и поверхность фигуры (характерны плоско лежащие глаза), но более мягко, чем поверхность тела; интересна тщательная пластическая моделировка рта. Несколько большей свободой отличается трактовка волос, обрамляющих лицо сравнительно короткими волнистыми прядями, извивающимися наподобие змей. Сохранность головы также неодинакова с двух сторон: с одной сбита нижняя часть лица.

В Керченском музее была осуществлена реставрация этой скульптуры: голова была приставлена к фигуре и укреплена при помощи цемента, на голове был укреплен такой же двусторонний головной убор в виде калафа, из которого вырастает сложный растительный орнамент. Когда именно была осуществлена эта реставрация — неизвестно, вернее всего, что это было сделано уже в советский период, так как в издании Кизерицкого и Ватцингера фигура воспроизведена без головы. В 1945 г эта реставрация была возобновлена, не был только, по техническим причинам, укреплен головной убор. Но в настоящее время, на основа-

нии архивных данных, удается установить, что голова не принадлежит фигуре. К сожалению, мы располагаем крайне неполными и неопределенными сведениями об обстоятельствах находки нашей скульптуры: 6 декабря 1882 г. керченский мещанин Савелий Борзых доставил в музей случайно найденную им на горе Митридат за южной оградой кладбища мраморную герму Деметры, хранящуюся и в настоящее время в Керченском музее (рис. 2). В связи с этой находкой директор музея Веребрюсов немедленно занялся расследованием этого места, причем им были найдены хранящиеся в настоящее время на Царском кургане большие архитектурные плиты из крепкого

Рис. 3. Карнизы из местного известняка, найденные на горе Митридат в 1882 г.

известняка: карниз, орнаментированный аканфовыми листьями (рис. 3), карниз с изображением собак, преследующих зайцев среди побегов аканфовой ветки, и плита с изображением бородатой маски силена, составляющая продолжение этого карниза (рис. 4).[1] Работы на этом участке продолжались с 15 марта по 1 апреля 1883 г., причем были обнаружены сильно разрушенные остатки построек, принадлежавшие, по мнению Веребрюсова, к различным строительным периодам: иногда попадались «обломки архитектурных украшений и куски мрамора».[2]

В альбоме рисунков Археологической комиссии за 1883 г., исполненных Гроссом, наряду с рисунками герма Деметры и архитектурных плит, упомнаемых в рапорте Веребрюсова, изображена и интересующая нас скульптура, без головы.[3] Под рисунком имеется следующая подпись: «Акротер из крепкого известняка, вышиною 13¾ верш., найденный там же». Никаких сведений об одновременной находке головы нет. Сведения об обстоятельствах находки головы, которыми мы располагаем, так же отрывочны, как и сведения о находке фигуры.

В числе хранящихся в архиве ИИМК подлинных рисунков Гросса, относящихся к раскопкам А. А. Бобринского в 1891 г. в Керчи, под № 15 имеется рисунок головы с шеей и частью плеч, в настоящее время

---

[1] Архив ИИМК, ф. 1, д. № 7 (1882), л. 24—25. Рапорт Веребрюсова от 7 января 1883 г. за № 2.

[2] Там же, д. № 3 (1883), л. 36—37. Журнал раскопок Веребрюсова 15 марта—1 ноября 1883 г.

[3] Альбом рисунков Археологической комиссии за 1883 г., л. 1, рис. 2.

не сохранившихся. На голове тот же сложный и своеобразный головной убор в виде калафа, из которого вырастает растительный орнамент. Как обычно, в рисунках Гросса плоскостный характер трактовки поверхности лица не передан, но зато чрезвычайно тщательно и правильно передан характер трактовки волос и рисунок рта. Рядом с головой помещен рисунок опущенной вниз руки, держащей завиток аканфа. Гросс реконструирует пунктиром недостающую верхнюю часть руки до ее соединения с плечом. На том же листе имеются рисунки двух мелких фрагментов аканфовых завитков[1] (рис. 5). Таким образом, перед нами, несомненно, ряд отдель-

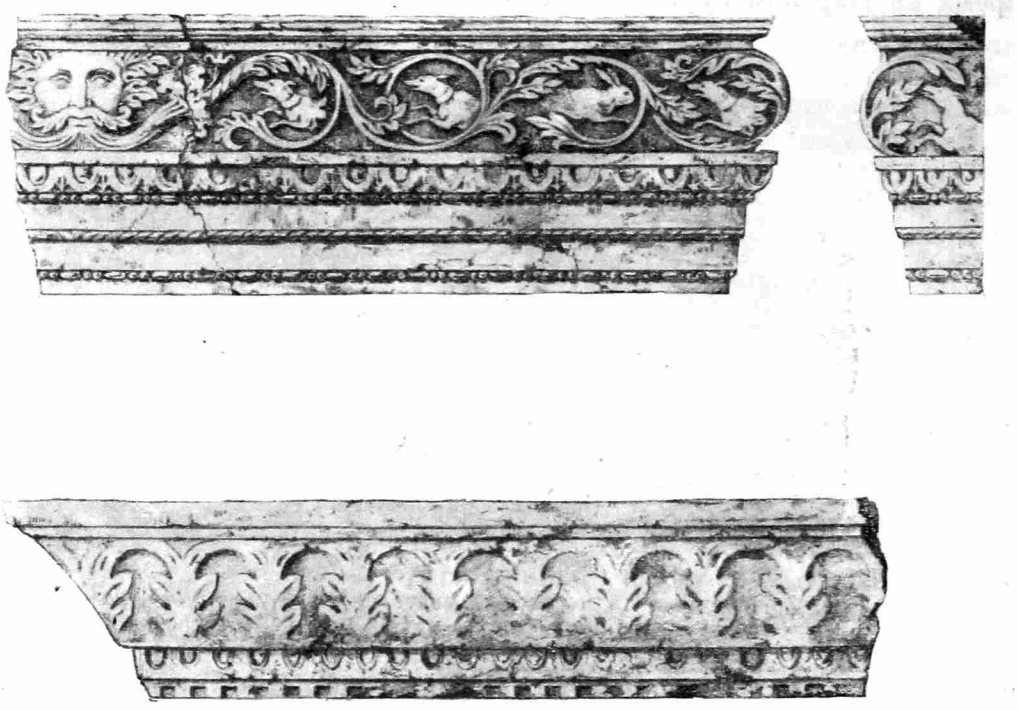


Рис. 4. Фрагменты скульптур из раскопок Бобринского на горе Митридат в 1891 г.

ных фрагментов второй декоративной скульптуры, аналогичной скульптуре 1882—1883 гг. Рисунки Гросса имеют заголовок «Фрагменты из крепкого известняка из пепелища на горе Митридат». Но, к сожалению, в отчете о раскопках Бобринского в Керчи в 1891 г., в разделе, озаглавленном «Раскопки пепелищ на северном склоне горы Митридат, далее к западу по направлению к Золотому кургану»,[2] ни слова не говорится о находке интересующих нас фрагментов и вообще о находке каких бы то ни было скульптур. Бобринский в отчете о своих раскопках на восточном склоне горы Митридат, выше старого здания музея[3] (т. е. в центральной части городища Пантикапея, где он натолкнулся на какие-то значительные строительные остатки), сообщает о находке скульптурных фрагментов, но не из известняка, а «обломков статуй из белого мрамора». Если допустить, что интересующие нас скульптурные фрагменты найдены

[1] Эти рисунки Гросса были воспроизведены Думбергом в виде приложения к тщательно проверенной им, по просьбе Археологической комиссии, описи скульптур Керченского музея, в связи с подготовкой оставшегося неосуществленным труда С. А. Жебелева, посвященного античной скульптуре, найденной в пределах северного Причерноморья; см.: Архив ИИМК, д. № 225 (1898), л. 34.

[2] Архив ИИМК, д. № 53 (1891), л. 63—69.

[3] Там же, л. 60—61; ОАК за 1891 г., стр. 24.

там же, то это был бы второй случай находки подобной скульптуры на территории городища Пантикапея. Однако не исключена и возможность предположения, что эти фрагменты были найдены на пепелище северного склона горы Митридат на территории Пантикапейского некрополя и что Бобринский так же забыл упомянуть об этой находке, как Веребрюсов забыл упомянуть о находке целой скульптуры.

Фрагменты, найденные в 1891 г., представляют во всяком случае значительный интерес, как доказательство того, что женская полуфигура Керченского музея не была единственным образцом скульптуры подобного рода. Обстоятельства находки головы остаются неясными. Скульптура 1882—1883 гг. найдена в окружении какого-то, повидимому, значительного архитектурного комплекса.

Несовершенство раскопочной методики 80-х годов XIX в., крайняя суммарность и небрежность фиксации найденного материала не дают представления о характере этого комплекса, нет даже возможности установить сколько-нибудь точно, действительно ли найденные за южной оградой городского кладбища архитектурные и скульптурные фрагменты являются составными частями одного комплекса, или их совместная находка была случайной.

Материал скульптуры 1882—1883 гг. — крепкий известняк — сходен с материалом найденных одновременно с ней архитектурных плит. Это наводит на мысль, что они действительно могут принадлежать одному зданию.

Трудно сказать что-нибудь определенное о назначении нашей скульптуры. В подписи под рисунком в альбоме Археологической комиссии она названа акротерием. Против этого говорит то обстоятельство, что скульптура двусторонняя. Ее одинаковая обработка с двух сторон и необработанные боковые грани свидетельствуют о том, что она не была рассчитана на вид сбоку.

В издании Кизерицкого и Ватцингера эта скульптура опубликована как венчающая часть надгробной стелы. Такому пониманию ее противоречат обстоятельства ее находки на городище, а не в некрополе. Против этого говорят и размеры скульптуры: если бы она была венчающей частью стелы, то следовало бы предположить стелу необычных для Боспора грандиозных размеров. Да и двусторонняя обработка говорит против такого понимания, так как мы знаем на Боспоре только единичные примеры двусторонних стел, как, например, стела Каллисфении, жены Баста,[1] причем их двустороннюю обработку приходится объяснять вторичным использованием.

Состояние скульптуры подсказывает, что одна сторона ее больше подвергалась действию ветра и дождя, чем другая, находившаяся в более защищенном месте. Напрашивается предположение, что такая декоративная скульптура могла стоять между колоннами здания, по аналогии с малоазийскими зданиями, где мы сплошь и рядом видим статуи, стоящие между колоннами.[2] В этом случае можно представить себе, что наша скульптура стояла так, что одна сторона ее была обращена наружу, а другая к стене здания, хотя и не примыкала к ней. Боковые грани ее,

---

[1] В. В. Латышев. IosPE, II, №№ 247, 290. — K. — W., № 249, табл. XVII. — В описании Кизерицкого и Ватцингера, так же как в подписях к упоминавшимся выше рисункам Гросса, двусторонний характер обработки скульптуры не отмечен.

[2] См., например, алтарь Афины Полиады в Приене (Th. Wiegand, H. Schrader. Priene. Берлин, 1904, стр. 120, рис. 91, стр. 124, рис. 96). Эта традиция восходит к значительно более ранним малоазийским памятникам, как, например, Галикарнасский мавзолей или памятник Нереид в Ксанфе.

обращенные к колоннам, были, следовательно, не видны и поэтому могли остаться необработанными.

Если голова и фрагменты 1891 г. были найдены не на городище, а в некрополе северного склона горы Митридат, то можно было бы предположить, что они принадлежали какому-то монументальному погребальному сооружению, а не обычной надгробной стеле. Наконец, не исключена возможность предположения, что они найдены при вторичном использовании.

В фондах Керченского музея имеется еще одна, также двусторонняя женская голова, принадлежавшая, очевидно, подобной же скульптуре. Происхождение ее не известно.

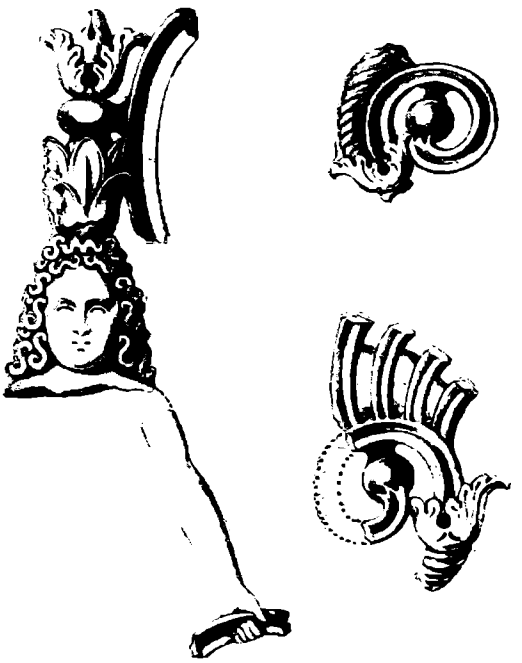


Рис. 5. Фрагмент двусторонней скульптуры. Царский курган.

На Царском кургане в Керчи хранится фрагмент еще одной, повидимому аналогичной, скульптуры, также неизвестного происхождения.[1] Сохранились незначительные остатки расходящихся симметрично в обе стороны побегов аканфовой ветви, укрепленных на постаменте, увенчанном профилированным карнизом с овами и жемчужной нитью; под карнизом видны три розетки. От постамента сохранилась только верхняя его часть. По своему оформлению он очень напоминает венчающую часть боспорской надгробной стелы. В качестве такового он и издан Кизерицким и Ватцингером, но такому пониманию фрагмента противоречит, опять-таки, его двусторонняя обработка, о которой, повидимому, не знали Кизерицкий и Ватцингер, издававшие фрагмент по фотографии.

Все эти материалы убедительно говорят, что на Боспоре был выработан особый, своеобразный тип декоративной скульптуры, воспроизводящий образ богини растительности и плодородия. Если допустить, что эта скульптура ставилась между колоннами, то гипсовые прилепы, украшавшие боспорские деревянные саркофаги с колоннами, можно было бы считать прямым подражанием такого рода декоративным скульптурам.

Кизерицкий и Ватцингер датируют скульптуру 1882—1883 гг. первым веком н. э. Вопрос датировки местных боспорских скульптур представляет значительные трудности, так как путь развития стиля в условиях северного Причерноморья значительно отличается от путей стилистической эволюции в античном Средиземноморье. Описанные выше обстоятельства находки нашей скульптуры не дают возможности твердо связать ее с определенным археологическим комплексом, который мог бы быть использован для ее датировки, тем более что найденные вместе с ней архитектурные плиты в настоящее время почти недоступны для изучения: они хранятся в полутемном дромосе Царского кургана, где их невозможно сфотографировать, а рисунки Гросса в альбоме Археологической комиссии далеко не точно передают их стиль.

---

[1] K. — W., № 153, табл. X. Другой, повидимому аналогичный, фрагмент см. там же под № 154.

Что касается до гермы Деметры, то она производит впечатление копии середины или второй половины II в. н. э. с греческого оригинала IV в. до н. э.: характерна для времени Антонинов трактовка уголков рта при помощи буравчика, но сравнительно сдержанное его применение не позволяет отодвигать датировку гермы далеко во вторую половину II в. Впрочем, герма Деметры не может иметь решающего значения для датировки нашей скульптуры, так как у нас нет никакой уверенности в принадлежности их одному комплексу.

Если исходить в датировке из самой скульптуры, то наиболее надежным показателем может служить орнаментальная часть — аканфовые ветви и листья, так как в этой части местный боспорский мастер более строго придерживался общеантичных образцов; в трактовке тела он был более самостоятельным. Трактовка аканфового побега находит наиболее близкую аналогию на симе башни ветров в Афинах.[1] Сходный мотив мы встречаем в Баальбеке,[2] но трактовка его носит более живописный характер — орнамент керченской скульптуры отличается сухостью и линеарностью. Строгая и сухая стилизация завитков, заканчивающих аканфовые побеги, напоминает орнаментальный фриз с форума Траяна.[3] Таким образом, все основные аналогии говорят за датировку керченской скульптуры первой половиной II в. н. э.[4] О той же датировке говорит сухая, линеарная трактовка аканфовых листьев и систематическое, хотя довольно сдержанное, применение буравчика.

Что касается до головы, то ее следовало бы датировать более ранним временем, скорее всего началом I в. н. э. Сравнительно мягкая пластическая моделировка волос и поверхности лица находит аналогию в лучших боспорских стелах этого времени. Крайне ограниченное и сдержанное применение буравчика говорит также против более поздней датировки головы.

Мотив женской полуфигуры, вырастающей из растительных побегов, был довольно широко распространен в эллинистическом искусстве, в особенности в восточноэллинистической архитектурной орнаментике. Близкой аналогией к керченской скульптуре может служить акротерий из Пергама в виде женской полуфигуры, переходящей, начиная от бедер, в аканфовые побеги.[5] Интересно отметить архаизирующий стиль исполнения скульптуры, особенно плоскостную трактовку торса, на котором рельефно выделяются только груди.

---

[1] M. Schede. Antikes Traufleistenornament. Страсбург, 1909, табл. VII, *40*.

[2] Там же, табл. XII, *80*.

[3] P. Gusman. L'art décoratif de Rome de la fin de la République au IV siècle, Париж. — Сходный характер трактовки завитков наблюдается также на декоративном фризе в Лувре с изображением двух грифонов по сторонам вазы, от ножки которой по обе стороны отходят аканфовые побеги, заканчивающиеся каждый цветком (P. Gusman, ук. соч., табл. 46). Гусман датирует этот фриз временем Антонинов; принимая во внимание чрезвычайно сдержанное применение буравчика, этот памятник можно было бы датировать еще первой половиной II в. н. э. Близка к нему декоративная композиция, украшающая стенку саркофага времени Траяна в Ватиканском музее (P. Gusman, ук. соч., табл. 54: два грифона изображены симметрично по сторонам не вазы, а ствола аканфа, от которого отходят побеги, также заканчивающиеся цветами).

[4] Принципиально иную, значительно более свободную и живописную трактовку того же мотива можно наблюдать на эллинистических памятниках, как, например, сима храма Афины в Приене (Th. Wiegand, H. Schrader. Priene. Берлин, 1904, стр. 81, рис. 50) или на фрагменте карниза из Пергама (Altertümer von Pergamon, III, I, табл. XVII).

[5] Altertümer von Pergamon, VII, Text, 2. — F. Winter. Die Skulpturen mit Ausnahme der Altarreliefs, стр. 203 сл., рис. 221. Фрагмент второго подобного акротерия — рис. 222.

На акротерии Артемисиона в Магнесии изображена женская полуфигура с калафом на голове, вырастающая из листьев и побегов аканфа.[1] Аналогичный мотив повторяется на архитраве внутреннего помещения Артемисиона[2] и на капители пилястра храма Зевса Sosipolis.[3] Встречается этот мотив также в орнаментике Дидиймеона в Милете[4] и в Приене.[5] Этот мотив имеет место также на архитраве портика одной из скальных гробниц Ликии.[6] К наиболее ранним изображениям этого мотива следует отнести мозаику, открытую в Олинфе.[7] Традиция подобных изображений сохраняется в восточноэллинистическом художественном круге и в римское время. Ближайшей аналогией к акротерию Артемисиона в Магнесии может служить угловой акротерий Траянеума в Пергаме.[8]

Интересным образцом использования этого мотива могут служить капители из Афродисия[9] и Гераклеи,[10] хранящиеся в Оттоманском музее в Константинополе.

Этот мотив был использован также и парфянским декоративным искусством.[11]

Необходимо, наконец, особенно отметить широкое распространение этого мотива в искусстве северного Причерноморья. Так, мы неоднократно встречаем этот мотив в херсонесских памятниках. К числу наиболее интересных и своеобразных памятников этой категории, бесспорно, принадлежит найденная в 1946 г. в Херсонесе и опубликованная Н. В. Пятышевой терракотовая пластинка.[12]

Античное искусство знает также образ мужского божества плодородия с ногами, переходящими в растительный орнамент. В этом отношении

---

[1] Humann, Kohte, Watzinger. Magnesia am Meander. Берлин, 1904, стр. 69, рис. 60. Реконструкция акротерия на стр. 67, рис. 57.

[2] Там же, стр. 75, рис. 65; стр. 77, рис. 69.

[3] Там же, стр. 147, рис. 158.

[4] Rayet Thomas. Milet et la Golfe Lathmique, табл. 45, 46.

[5] Durm. Die Baukunst der Griechen, стр. 275, рис. 196.

[6] Ch. Fellows. An Account of Discoveries in Lycia. 1840, табл. к стр. 197.

[7] David M. Robinson. Excavations of Olynthus, V (Mosaics, vases and lamps found in 1928 and 1931), 1933, стр. 10.

[8] Humann, Kohte, Watzinger, ук. соч., стр. 71, рис. 62.

[9] Gustave Mendel. Musées Impériaux Ottomans. Catalogue des sculptures grecques, romaines et byzantines, I, Константинополь, 1912, №№ 494—495.

[10] Там же, №№ 1101—1102.

[11] См., например, капитель из Варка (M. Dieulafoy. L'art antique de la Perse, стр. 27, рис. 16). Мотив человеческой головы, бюста или фигуры в окружении растительного орнамента, связанный с культом божеств плодородия и растительности, в различных вариантах, играет значительную роль в античном искусстве. Можно указать, в частности, на некоторые памятники древне-италийского искусства, как, например, группу терракотовых алтариков из Тарента, в орнаментации которых большую роль играет этот мотив (E. Jastrow. Two Terracota Reliefs in American Museums. AJA, 1946, № 1, стр. 67 сл., рис. 1—7). Различные варианты подобных декоративных мотивов дают терракоты Кампана. Можно указать, например, на известный антефикс архаизирующего стиля в Лувре с изображением стоящей в фас крылатой женской фигуры на листе аканфа. На голове у нее калаф, из которого вырастают пальметки. Такой переходящий в растительный орнамент головной убор напоминает керченскую голову 1891 г. По обе стороны фигуры симметрично расходятся аканфовые побеги, вырастающие из центрального листа (см.: P. Gusman, ук. соч., табл. 13).

С интересующим нас мотивом можно сблизить другой терракотовый рельеф из собрания Кампана с изображением бюста Изиды между двумя сфинксами, мужским и женским. Бюст Изиды вырастает из листа аканфа, а хвосты сфинксов переходят в растительные побеги с усиками и цветами (см.: Rohden-Winnefeld, табл. 164).

Вырастающую из аканфового листа полуфигуру или бюст мы видим в рельефах Кампана с изображением Диониса-ребенка (см., например: Rohden-Winnefeld, табл. 73—74).

[12] Н. В. Пятышева. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 3, стр. 213 сл.

интересна группа памятников архаистической декоративной скульптуры IV в. — рельеф мраморного трона, происходящий из афинского акрополя[1] и близкие к нему рельефы в Берлине,[2] Риме (S. Gregorio)[3] и Бостоне. Все эти памятники воспроизводят один и тот же декоративный мотив: из побегов аканфа вырастает высоко подпоясанная, архаически стилизованная бородатая мужская фигура с калафом на голове. Руками она держится за побеги аканфа.[4]

Мотив женской полуфигуры с ногами, переходящими в растительные побеги, переживает в искусстве Боспора своеобразную трансформацию.

На золотой диадеме царицы из Куль-обы[5] изображение крылатой женской фигуры с ногами, переходящими в аканфовые побеги, чередуется с пальметками. Между тем и другим изображением мы видим головы драконов, являющиеся как бы ответвлением побегов аканфа.

В числе кульобских золотых бляшек имеется также изображение женской фигуры, на месте ног которой мы видим две пары змеиных голов. Головами драконов или грифонов заканчиваются также крылья богини.[6]

Среди гипсовых прилеп деревянных саркофагов имеется также любопытный вариант интересующего нас мотива, где ноги богини переходят не в побеги аканфа, а в змеиные туловища. Два экземпляра этого типа были найдены в 1843 г. на Карантинном шоссе.[7]

Образ змееногой богини получил довольно широкое распространение в искусстве северного Причерноморья. Прежде всего следует указать на золотые бляшки, найденные в Херсонесе.[8]

Интересный вариант той же композиции дает конский налобник из Цимбаловой могилы.[9] Изображена почти целая женская фигура с калафом на голове и в длинной одежде. Вместо ног мы видим у нее два симметрично расходящиеся в стороны туловища драконов, которых она держит за рога; под ними также симметрично расходящиеся в противоположные стороны шеи и головы грифонов, далее пальметка, волюты которой повторяют тот же мотив; вниз от пальметки тянутся два побега, также заканчивающиеся змеиными головами.

Змееногие персонажи достаточно хорошо известны в греческой мифологии и греческом искусстве. Помимо общеизвестных изображений Эрихтония, гигантов и т. п., можно привести в пример недавно найденную в Олинфе бронзовую пластинку, которая дает чрезвычайно близкую композиционную аналогию памятникам северного Причерноморья. Изоб-

---

[1] Hans Möbius. Eine dreiseitige Basis in Athen. AM, LI, 1926, стр. 117 сл.

[2] Там же, табл. XX, *2*.

[3] Там же, табл. XX, *3*.

[4] Мебиус считает эту фигуру изображением Сабазия — мужского божества плодородия (См. также: Ludwig Curtius. Sardanapal. JdI, XLII, 1928, стр. 292 сл.). Любопытный вариант того же мотива дает хранящийся в Эрмитаже, куда он поступил из собрания Мусина-Пушкина, архаистический акротерий. Центральную часть его занимает вырастающая из аканфовых листьев полуфигура мужчины в остроконечной фригийской шапке, душащего двух грифонов, расположенных симметрично по обе стороны центральной фигуры (см.: Hans Möbius, ук. соч., табл. XIX, *1*). Мебиус без достаточного основания высказывает предположение о происхождении этого памятника из северного Причерноморья и ставит его в связь с мифом о борьбе аримаспов с грифонами.

[5] Древности Боспора Киммерийского (ДБК). СПб., 1854.

[6] А. Ашик. Боспорское царство, III, № 142. — ДБК, табл. XX, *8*. — M. Rostowzew. Iranians and Greeks in South Russia. 1922, стр. 131, рис. 17.

[7] ДБК, табл. LXXVI, *8*.

[8] ОАК за 1893 г., стр. 4, рис. 1, 2, 3. — A. Manzewitsch. Ein Grabfund aus Chersonnes. 1932, табл. I, *4*. — M. Rostowzew, ук. соч., табл. XVIII, *4*.

[9] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности, вып. II, стр. 115, рис. 99.

ражена крылатая и бородатая мужская полуфигура, выходящая из аканфовых листьев, которые покрывают ее талию. Ноги переходят в протомы львиноголовых грифонов, которых он держит руками за рога. Между грифонами внизу помещено изображение орла.[1]

Но для северного Причерноморья образ змееногой богини имел особое значение. Вспоминается известный рассказ Геродота о происхождении скифов от брака Геракла с женщиной-змеей.[2]

Описание этого существа смешанной породы у Геродота чрезвычайно точно соответствует изображениям его на памятниках северного Причерноморья: «Тут он нашел в пещере смешанной породы существо, полудеву и полуехидну, у которой верхняя часть тела от ягодиц была женская, а нижняя — змеиная».

Эта женщина-змея являлась владычицей скифской земли и родоначальницей скифских царей.[3] Следовательно, это один из аспектов верховной богини скифов.[4]

Вполне закономерно, что та же самая богиня выступает в северном Причерноморье и в другом своем аспекте как богиня плодородия и растительности.

Наконец мы знаем и третий вариант трактовки того же самого образа в декоративном искусстве северного Причерноморья: местная верховная богиня выступает также в своем аспекте владычицы зверей, в виде крылатой «персидской Артемиды» (можно напомнить, например, изображения ее в этом аспекте из Александропольского кургана).[5] Образ владычицы зверей имеет место и среди керченских гипсовых прилеп: один из гипсовых рельефов Эрмитажа изображает крылатую женскую полуфигуру, придерживающую руками двух коней.

Скульптура Керченского музея может служить ярким примером местного боспорского стиля. Характерна строгая симметрия, фронтальность и плоскостность композиции, особенно подчеркнутая двусторонним изображением при необработанных боковых гранях: каждая из сторон рассчитана только на одну точку зрения, т. е. фигура задумана, как было отмечено выше, скорее как двусторонний рельеф, а не как круглая скульптура.

Голова, принадлежащая, повидимому, другой аналогичной скульптуре, несколько более раннего времени, отличается более высоким качеством работы. И самый стиль ее носит своеобразный характер. Наряду с чертами условной стилизации и плоскостности она отличается более мягкой и пластической моделировкой — характерна в этом смысле лепка

---

[1] David M. Robinson. Excavations at Olynthus. X, 1941, табл. V, рис. 16, стр. 30 сл. — Следует отметить, наконец, значительную роль, которую играл образ змееногого божества в искусстве древнего Востока. Интересные наблюдения и соображения по этому поводу высказывает Н. Д. Флиттнер (Сиро-хеттские памятники Эрмитажа. ТОВЭ, т. I, Л., 1939, стр. 27 сл.).

[2] Her., IV, 8 — 10. На связь интересующего нас круга памятников с культом скифской змееногой богини указала в вышецитированной статье Н. В. Пятышева. Не могу согласиться с ней только в том, что она ставит знак равенства между изображениями змееногой богини и изображениями богини с ногами, переходящими в растительные побеги. Это два различных аспекта местной верховной богини.

[3] Her., IV, 9.

[4] Змея в античной мифологии и искусстве часто выступает, помимо своего общеизвестного хтонического значения, так же как божество-охранитель данной местности; можно напомнить, в частности, изображения genius loci в виде змеи на помпеянских домашних алтарях и ларариумах (см.: George R. Bouse. Signification of the Serpents on Pompeian House Shrines. AJA, 1942, XLVI, № 1, стр. 13 сл.).

[5] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности, вып. II, стр. 92, рис. 75; стр. 97, рис. 84.

губ. Чрезвычайно интересна и своеобразна трактовка волос: их волнистые пряди извиваются наподобие змей. Как известно, в античном искусстве это было обычным приемом в изображении Медузы. Можно указать хотя бы на те же керченские гипсовые прилепы, среди которых часто встречается маска Медузы.[1] В области классической греческой скульптуры можно указать на Медузу Людовизи.[2] Очень хорошо выражена эта черта на реверсе кипрской монеты с архаическим горгонейном.[3] Можно сослаться на многочисленные изображения головы Медузы на золотых бляшках, найденных на Боспоре;[4] для римского времени характерными примерами могут служить маски Медуз, украшающие саркофаги.[5]

Помимо изображений Медузы в античном искусстве, керченская скульптура находит любопытную параллель в одном памятнике Римской Галлии — рельефе Эпинальского музея, изображающем стоящую в фас женщину, очевидно, богиню — Гигию или Весту, держащую в руке змею.[6] На голову ее накинуто покрывало, но над лбом видны пряди волос, извивающиеся наподобие змей.

Эпинальский рельеф трактован в характерной для галло-римского искусства манере: формы переданы суммарно, но с подчеркиванием их объемности, крупными массами. Это делает особенно выразительной трактовку волос.

На скульптурной голове из Керчи, в соответствии с ее общим стилем, трактовка волос носит значительно более условный и стилизованный характер, но подражание извивам змеиного тела выражено достаточно ясно, оно даже особенно ощутительно наряду с плоскостной трактовкой лица.

Таким образом, та утраченная скульптура, к которой принадлежала голова, была одним из интереснейших памятников местного боспорского искусства и может служить ярким образцом творческой переработки античных мотивов местным художником. Эта скульптура передавала образ верховной скифской богини не только в аспекте богини плодородия, но подчеркивала, вместе с тем, и ее змеиную природу.

Интересно отметить, что образ скифской змееногой богини сохранился в видоизмененном виде и с новым содержанием в древнерусском искусстве.

Я имею в виду изображения на так называемых «змеевиках» — медальонах или образках, служивших, повидимому, амулетами, предохраняющими от болезней.[7] На лицевой стороне этих образков помещается

---

[1] См., например: ДБК, табл. XXV, *4*, *6*; ОАК за 1891 г., стр. 45, рис. 21.

[2] Brunn-Bruckmann. Denkmäler griechischer und römischer Skulptur, табл. 238.

[3] G. F. Hill. Greek coins acquired by the British Museum in 1927. Numismatic Chronicle, 5-я сер., т. VIII, № 38, табл. II.

[4] ДБК, табл. XXI, *11*, *12*, *15*, *19*. Ср. также бляшки из Большой Близницы, где извивающиеся кудри прямо переходят в змеиные туловища (ОАК за 1865 г., табл. III, *6*).

[5] См., например, саркофаг III в. н. э. с изображением подвигов Геракла в вилле Боргезе (P. Gusman, ук. соч., табл. 10). Для более раннего времени характерным образцом может служить относящаяся ко времени Калигулы бронзовая голова Медузы, извлеченная из озера Неми вместе с другими фрагментами затонувшей в I в. н. э. античной барки (P. Gusman, ук. соч., табл. 37).

[6] F. Voulot. Femme tenant un serpent. Bas-relief gallo-romain, découvert à Xertigny (Vosges) et déposé au Musée d'Epinal. RA, 3-я сер., 1883, август, стр. 65 сл., табл. XVII.

[7] И. И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеевиками. Зап. РАО, т. III, 1888, стр. 363 сл. — А. С. Орлов. Амулеты-змеевики Исторического музея. Приложение V к Отчету ГИМ 1916—1925 гг. М., 1926.

обычно изображение архистратига Михаила, Феодора Стратилата, богоматери с младенцем, крещения или другого христианского сюжета, а на обороте — изображение человеческой головы, от которой отходят змеи. Таких змеиных голов обычно бывает 7, 10 или 12. Классифицируя змее-

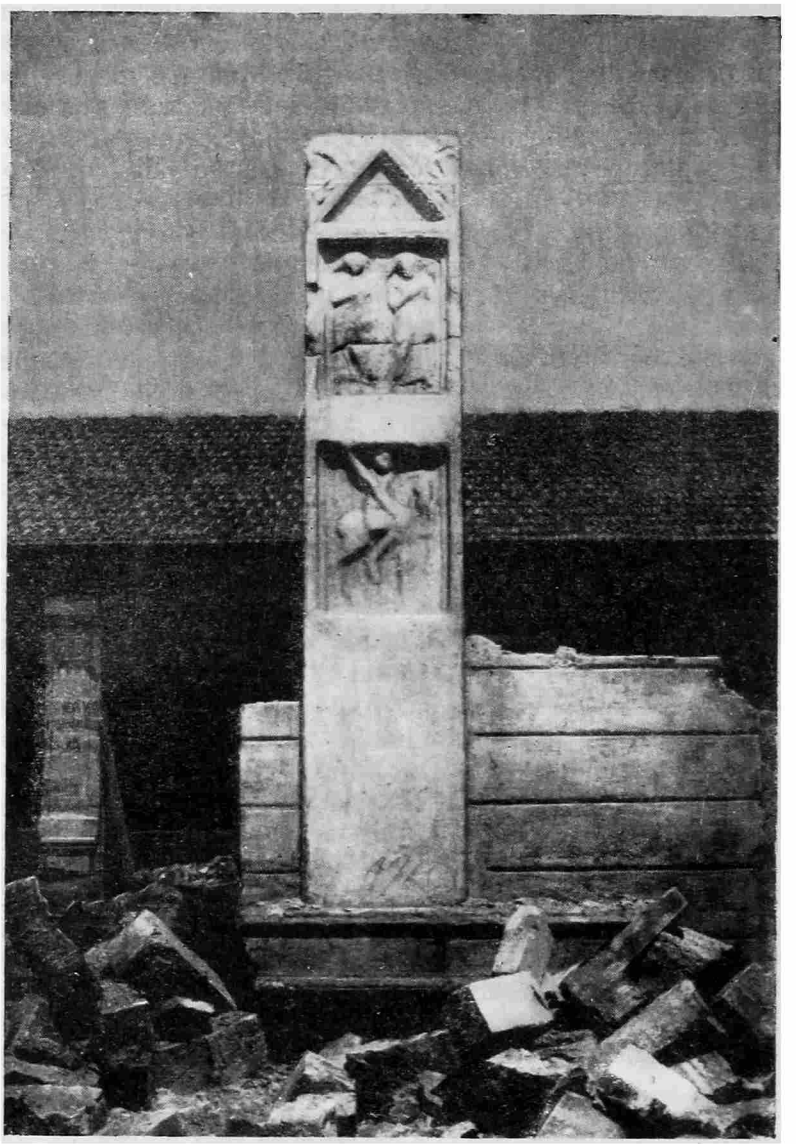


Рис. 6. Колоссальная мраморная стела, найденная в 1911 г. на Рыбном базаре в Керчи.

вики по характеру изображений оборотной стороны, И. И. Толстой выделяет особый тип, «где центром служит уже не голова, а фигура до ног, от которой разветвляются змеи».[1] Этот тип чрезвычайно близок композиционно к разобранным выше изображениям скифской змееногой богини. И. И. Толстой отмечает, что не всегда возможно определить, является ли изображенная на змеевиках голова мужской или женской.

[1] И. И. Толстой, ук. соч., стр. 39 сл., рис. на стр. 21 (№ 14), табл. XV, *1*; XVII, *3*. — В. И. Лесючевский. Некоторые змеевики в собрании Художеств. отдела Гос. Русского музея. Материалы по русскому искусству, т. I, стр. 11, рис. 1; тр. 16, рис. 7—8. — Интересно, что эта композиция встречается на древнейших меевиках XII—XIII вв.

Русские змеевики отделены от памятников боспорского декоративного искусства настолько большим промежутком времени, что это совпадение композиции можно было бы считать случайным. Но, повидимому, это не случайное совпадение, а действительное переживание в русском

Рис. 7. Фронтон колоссальной мраморной стелы, найденной в 1911 г на Рыбном базаре в Керчи.

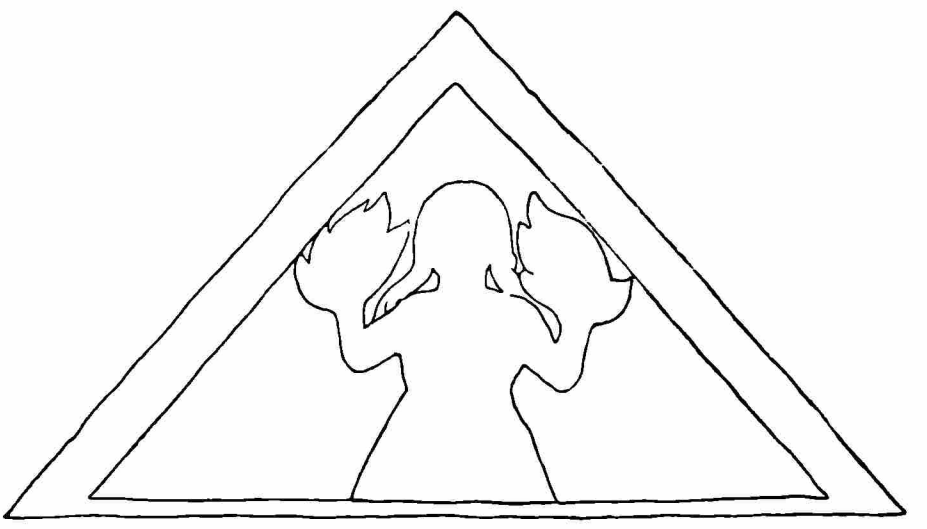


Рис. 7а. Прорись того же фронтона.

искусстве образа, восходящего в своей основе к скифской мифологии. Этот скифский образ мог проникнуть в русское искусство через славянское язычество. В качестве промежуточного звена между этими двумя рядами разновременных памятников можно было бы указать на ряд антропоморфных фибул VI—VII вв. н. э., на которые недавно обратил внимание Б. А. Рыбаков также в связи с вопросом о скифо-сарматском

вкладе в русское искусство.[1] На этих фибулах мы неоднократно встречаем полуфигуру богини в окружении змей, птичьих голов и коней.

Возвращаясь к боспорской декоративной скульптуре, следует отметить один оригинальный памятник, воспроизводящий образ той же местной верховной богини как богини растительности, а именно: рельеф, украшающий фронтон колоссальной мраморной стелы, найденной в 1911 г. на Рыбном базаре в Керчи, где она была вделана в стену здания (в настоящее время хранится на Царском кургане) (рис. 6).[2]

Эта стела выделяется в ряду других керченских стел, главным образом, своими колоссальными размерами (4.14 × 0.84 × 0.49 м), а также материалом: преобладающим материалом этих памятников служат разновидности местных известняков, мраморные же стелы сравнительно редки на Боспоре.

Но украшающие эту стелу рельефы, насколько можно судить (поверхность сильно стерта), представляют довольно обычные для боспорских надгробных стел композиции: рельефы расположены в два яруса, что характерно для позднейших боспорских стел конца I—начала II в. н. э.; в верхнем ярусе изображены две стоящие в фас фигуры, в нижнем — традиционный всадник на спокойно стоящей лошади. Стела увенчана треугольным фронтоном, который также украшен рельефом. Поверхность рельефа тоже сильно стерта, но основную композицию различить можно; в центре фронтона находится поколенное изображение женской фигуры, контур которой обведен слегка углубленной линией. Она одета, повидимому, в длинную, подпоясанную по талии одежду. На плечи спадают длинные волосы. Руки ее согнуты и подняты — поза, называемая в христианской иконографии позой оранты. Вместо кистей рук мы видим непропорционально большие листья (рис. 7 и 7а).

Этот оригинальный памятник боспорского искусства приводит на память изданные В. А. Городцовым русские вышивки, центральным мотивом которых являлся образ верховной языческой богини славян — «языческой царицы небесной», преемственно связанной с верховной богиней скифов.[3] В. А. Городцов поставил эти традиционные мотивы русского народного искусства в связь с изображениями скифской верховной богини на треугольной золотой пластине от головного убора из Карагодеуашхского кургана [4] и на серебряном ритоне из дер. Мерджаны Кубанской области.[5] Эти памятники восходят, повидимому, к монументальным культовым изваяниям местной верховной богини, не дошедшим до нас.

Культовую статую богини, стоящую в храме, мы видим неоднократно также на вышивках, изданных В. А. Городцовым. Материал русской вышивки был использован в последнее время Н. Н. Ворониным [6] и

---

[1] Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве (Женское божество и всадники). СЭ, 1948, № 1, табл. III, *Б*, *В*. — В дальнейшем развитие тех же типов Б. А. Рыбаков прослеживает в русских курганных находках X—XII вв. (ук. соч., табл. III—IV). — Он же. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948, рис. 7, стр. 58.

[2] ИАК, вып. 56, стр. 18—19, рис. 7. — Первоначально была обнаружена еще в 1843 г.

[3] В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, вып. 1, разряд археологический, М., 1926, стр. 7 сл.

[4] МАР, вып. 13, табл. III; ИАК, вып. 49, табл. II, *1*.

[5] ИАК, вып. 49, табл. X.

[6] Н. Н. Воронин. К характеристике древнейшего зодчества восточных славян. КСИИМК. XVI, 1947, стр. 97 сл.

Л. А. Динцесом [1] как источник для реконструкции архитектуры древнейших языческих славянских храмов.

В. А. Городцов отметил одну характерную особенность русской вышивки: тесную связь образа богини с образом священного дерева.[2] В отдельных случаях образ богини сливается с образом священного дерева. Ближайшую параллель к фронтону керченской мраморной стелы дают изображения, где кисти поднятых рук богини переходят в древесные ветви.[3]

Эти отдельные частные наблюдения в области боспорской декоративной скульптуры позволяют поставить вопрос о том, что некоторые мотивы местного искусства Боспора продолжали жить в измененном и переработанном виде в русском народном искусстве, что боспорское художественное наследие сыграло известную роль в процессе формирования и развития русского искусства. О том, что этот вклад был довольно значительным, позволяют предполагать наблюдения, сделанные В. А. Городцовым, Б. А. Рыбаковым, Л. А. Динцесом и Н. Н. Ворониным.[4] Выяснить его значение в полной мере можно только в результате дальнейших наблюдений и накопления соответствующих материалов.

---

[1] Л. А. Динцес. Дохристианские храмы древней Руси в свете памятников народного искусства. СЭ, 1947, № 2, стр. 67 сл.

[2] В. А. Городцов, ук. соч., стр. 12.

[3] СЭ, 1947, № 2, стр. 84, рис. 17; КСИИМК, XVI, стр. 98, рис. 30; стр. 102, рис. 33.

[4] В дополнение к сделанным выше наблюдениям можно было бы напомнить замечания Л. А. Динцеса в его работе «Русская глиняная игрушка» (М.—Л., 1936, стр. 28 сл.) о местных боспорских терракотовых статуэтках I—III вв. н. э., изображающих ту же верховную скифскую богиню, как и на карагодеуашхской золотой пластине и серебряном ритоне из дер. Мерджаны, в которых он видит прототип украинской народной игрушки.

В. П. ШИЛОВ

СИНДСКИЕ МОНЕТЫ

А. Н. Зограф рассматривал мотивы изображений синдских монет как результат скрещения двух культур — местной и греческой.[1] Поскольку недавно появилась статья Д. Б. Шелова,[2] пересматривающего точку зрения А. Н. Зографа, нам кажется существенно необходимым решить вопрос о характере и происхождении синдских монет.

Все синдские монеты изготовлены из серебра[3] и делятся на три группы:

1) На лицевой стороне монет первого типа изображена голова безбородого Геракла, покрытая львиной шкурой, а на оборотной, внутри углубленного квадрата, — голова коня, повернутая вправо, и надпись ΣΙΝΔΩΝ над ней.[4] А. Н. Зограф установил сходство этого типа монет с гераклейскими, но при этом отмечал, что «осторожнее было бы, может быть, остановиться лишь на констатировании этих фактов, так как никаких прямых указаний на возможные связи Фанагории с Херсонесом или Гераклеей у нас нет».[5]

Гораздо дальше идет, развивая эту мысль, Д. Б. Шелов, который пишет: «заимствование синдами типов иностранных монет, в том числе и у Гераклеи, говорит о наличии самостоятельной политики синдов, независимой от Спартокидов».[6] Мы не можем согласиться с этим выводом, так как никаких данных для такого утверждения нет. Если мы сравним монеты синдов с гераклейскими, то общность их не простирается далее самого общего сходства мотивов лицевых сторон. И здесь, и там

---

[1] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, стр. 168 сл.

[2] Д. Б. Шелов. Монеты синдов. КСИИМК, XXX, стр. 113 сл.

[3] В 1946 г. Ю. С. Крушкол издала золотую синдскую монету (ВДИ, № 4, 1946, стр. 164—165), переизданную затем В. Ф. Гайдукевичем (Боспорское царство. М.—Л., 1949, табл. I, *10*). В. Д. Блаватский (ВДИ, № 4, 1949, стр. 158) и Д. Б. Шелов (КСИИМК, XXX, стр. 113—114) высказали сомнение в ее подлинности. Со своей стороны мы можем добавить следующее: в Гос. Эрмитаже, в отделе нумизматики, как любезно сообщила нам Л. Н. Белова-Кудь, хранится золотая синдская монета того же штемпеля, что и изданная Ю. С. Крушкол; как установил А. Н. Зограф, монета Эрмитажа была изготовлена известным керченским ювелиром, торговцем древностями Мурзиным.

[4] П. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям. Одесса, 1884, табл. XXIII, *6—8*. — Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des monnaies d'Asie Mineure, т. I, вып. 2, стр. 345—346, табл. LV, *1—4*.

[6] А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 170.

[7] Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 116—117. — Ссылка на работу А. Н. Зографа, впервые установившего сходство гераклейских и синдских монет (ук. соч., стр. 170), у Д. Б. Шелова отсутствует.

изображен Геракл в львиной шкуре, причем и сам Д. Б. Шелов, сопоставляя лицевые стороны синдских и гераклейских монет, усматривает существенные отличия, — на гераклейских монетах Геракл изображается бородатым и вокруг головы его помещается точечный круг,[1] в то время как на синдских монетах Геракл воспроизводится безбородым и точечный круг здесь отсутствует.

Далее тот же автор заключает: «. . не будучи совершенно точной копией с гераклейских монет, синдский тип, вероятно, является все же результатом заимствования лишь с небольшой переработкой гераклейских типов».[2]

Следовательно, ни о какой стилистической близости здесь говорить не приходится. Следует лишь отметить общность мотива, по иному выраженного в каждом из рассматриваемых районов.

Посмотрим, как широко в это время распространен данный мотив в греческом искусстве. М. И. Максимова, разбирая различные изображения головы Геракла, покрытой львиной шкурой, при анализе античных фигурных ваз считает, что эта композиция «представляет собой сокращение известного архаического типа Геракла, Геракла-победителя Немейского льва, сделавшего себе из шкуры побежденного чудовища своеобразное индивидуальное вооружение: панцырь и шлем. Фигурные вазы передают нам лишь голову этого образа героя».[3] Среди многочисленных изображений, отражающих этот мотив, по мнению М. И. Максимовой, можно выделить два типа: 1) Геракл с бородой и усами, 2) Геракл с усами, но без бороды. Оба типа возникли в ионийском искусстве в конце VII в. до н. э. и сосуществуют довольно длительное время, причем первый тип характерен для Ионии, второй — для Аттики.[4]

Следовательно, мотив изображения головы Геракла в львином шлеме не является свойственным только Гераклее, а довольно широко распространен в греческом пластическом искусстве архаического времени. Этот же мотив неоднократно встречается и на античных монетах V в. до н. э.

Так, бородатая голова Геракла в львином шлеме встречается на лицевой стороне электровых кизикских статеров второй половины V в. до н. э.[5] Подобное же изображение бородатой головы Геракла в отчетливо углубленном квадрате мы видим на монетах Ликии того же времени.[6] Воспроизведение аналогичного мотива, с той разницей, что Геракл представлен безбородым, появляется на монетах города Камарины (в Сицилии) в конце V в. до н. э.; на оборотной стороне этих монет изображена квадрига, Ника и две амфоры внизу.[7]

Тот же мотив безбородого Геракла в львином шлеме мы находим на косских монетах, датирующихся концом V в. до н. э. и имеющих на реверсе изображения краба, а под ним лука в горите.[8]

---

[1] Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 111.
[2] Там же.
[3] М. И. Максимова. Античные фигурные вазы. М., 1916, стр. 87 сл.
[4] Там же.
[5] W. Greenwell. The electrum coinage of Cyzicus. Numism. Chronicle, 1887, стр. 82—83 (62), табл. III, *13*.
[6] Ch. Fellows. Ein Ausflug nach Kleinasien und Entdeckungen in Lycien Перевод с английского Zenker'a. Лейпциг, 1840, стр. 434—435, табл. 33, *23*.
[7] W. Greenwell. On some rare Greek coins. Numism. Chronicle, 1885, стр. 2, табл. I, *2*; см. также: R. Weil. Die Künstlerinschriften der sicilischen Münzen zum Winkelmanns Feste-Programm (44). Берлин, 1884, стр. 14, 15, табл. II, *7*.
[8] A. Loebbecke. Griechische Münzen aus meiner Sammlung, II. Zeitschrift für Numism., XII, Берлин, 1885, стр. 324, табл. XIII, *7*.

Сходный мотив мы можем наблюдать на электровых монетах Селембрии, где на лицевой стороне изображена голова безбородого Геракла в львином шлеме, а на оборотной — квадрат, разделенный на 4 части. Эти монеты датируются еще VI в. до н. э.[1]

Любопытны также в этом отношении и монеты кипрского царя Евагора I, на лицевой стороне которых изображена та же безбородая голова Геракла в львином шлеме, а на реверсе, вправо, воспроизведена передняя часть козла. Появление этих монет Сисс относит к 410 г.[2]

Приблизительно к тому же времени относятся бронзовые монеты Эретрии с аналогичным мотивом (бородатый Геракл) на лицевой стороне. На реверсе этих монет оттиснут вдавленный круг. Эти монеты датируются рубежом V и IV вв. до н. э.[3]

Мы могли бы привести еще ряд монет середины или конца V в. до н. э. с изображением головы Геракла в львином шлеме, которые свидетельствуют о широком распространении их в Ионии и даже, как мы указали, в южной Италии (Сицилии).[4]

Следовательно, вопрос о происхождении мотива лицевой стороны синдских монет с изображением головы Геракла в львином шлеме в свете вышеприведенных аналогий представляется гораздо сложнее, чем это предполагает Д. Б. Шелов. В самом деле, мы имеем целый ряд монет середины и конца V в. до н. э. (а некоторые могут быть датированы еще более ранним временем), на лицевых сторонах которых используется один и тот же мотив. Сопоставление синдских монет с вышеперечисленными позволяет нам сделать вывод, что стилистические особенности изображения Геракла на них ничего общего не имеют с синдскими монетами. Д. Б. Шелов путем поверхностного сопоставления лицевых сторон гераклейских и синдских монет этой группы приходит к выводу, что изображения на лицевой стороне синдских монет заимствованы у гераклейских, и объясняет это, вопреки исторической истине, существованием каких-то интересов Гераклеи в восточной части Боспорского царства. Значительные же различия в характере изображений он сводит к местной переработке гераклейского типа. Прибегая к вышеупомянутым аналогиям, мы могли бы „доказать" существование каких-то интересов Гераклеи не только в восточной части Боспора, но и в Сицилии, Ликии, Кипре и других районах, где были найдены интересующие нас монеты, а различия этих монет относить, так же как и Д. Б. Шелов, за счет местной переработки.[5]

Посмотрим же, какова была историческая обстановка в это время на Боспоре и, в частности, в Синдике.

В 438 г. до н. э., как сообщает Диодор Сицилийский,[6] происходит смена династий на Боспоре. Династию Археанактидов сменяют Спартокиды, которые являются по своему происхождению, как показало исследование М. И. Артамонова, синдской династией.[7] В конце V в. до н. э. начинается борьба Сатира за присоединение Феодосии. Поводом к этой борьбе послу-

---

[1] B. V. Head. Metrological notes on ancient electrum coins. Numism. Chronicle, т. XV, 1875, стр. 292, табл. X, *13*.

[2] J. P. Six. Du classement des séries cypriotes. Rev. numism., стр. 280, табл. VI, *5*, *6*.

[3] B. V. Head. A Catalogue of the Greek coins in the British museum. Лондон, 1892, стр. 122, табл. XV, *8*.

[4] Catalogue British museum, Italy (Этрурия), стр. 1; Catalogue British museum, Troas, Aeolis and Lesbos. Лондон, 1884, табл. XXXI, *27*.

[5] Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 112.

[6] Диодор Сицилийский, XX, 31, 1.

[7] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов. ВДИ, № 1, 1949, стр. 29 сл.

жили, вероятно, боспорские изгнанники, жившие в Феодосии.[1] Сторону Феодосии поддерживает Гераклея Понтийская, которая послала на помощь Феодосии военные суда под командованием Тинниха.[2] С. А. Жебелев считает, что участие Гераклеи в этой войне было обусловлено заинтересованностью Гераклеи в Херсонесе, так как в случае укрепления Боспора в Феодосии и при дальнейшей его экспансии на запад нависла бы угроза и над колонией Гераклеи — Херсонесом.[3] Гераклее временно даже удалось снять осаду Феодосии, но все же эта борьба закончилась при Левконе I полной победой Боспора. Таким образом, династия Спартокидов, а вместе с ней и синды столкнулись с Гераклеей в V в. до н. э. Следовательно, историческая обстановка, как мы видим, складывается не в пользу тезиса Д. Б. Шелова о заимствовании синдами изображения с лицевой стороны монет Гераклеи. Гераклея и синды выступают в это время как два враждебных воюющих лагеря, и поэтому говорить о каком-либо заимствовании в этот период не приходится. Каким же образом могли появиться одинаковые мотивы изображения на лицевых сторонах монет синдов, Гераклеи, Камарины, Кипра, Коса, Ликии и т. д.? Мы не будем касаться здесь происхождения всех монет, так как это не входит в нашу задачу, а коснемся лишь интересующих нас номиналов.

Мы уже установили, что наши монеты ничего общего, за исключением общности сюжета, не имеют с монетами других районов. Далее мы показали, что мотив изображения головы Геракла в львином шлеме широко распространен в архаическое и классическое время в пластическом искусстве и нумизматике Ионии, Малой Азии и Сицилии. Очевидно, этот мотив был хорошо известен и грекам, обосновавшимся в Фанагории и других городах азиатского Боспора. Наконец, мы знаем, как почитался Геракл в этих краях. Страбон сообщает, что в Фанагории имелось святилище Афродиты Апатуры, т. е. обманчивой. «Для объяснения происхождения этого прозвания богини приводят миф, — пишет Страбон, — будто богиня, когда гиганты там напали на нее, призвала на помощь Геракла и спрятала его в какой-то пещере, а затем, принимая отдельно каждого гиганта, поодиночке передавала Гераклу, чтобы он умерщвлял их обманом».[4]

Таким образом, Геракл являлся популярнейшим героем среди греков, живших в Синдике, и ничего удивительного нет в том, что его образ появляется на ранних синдских монетах. Итак, появление изображения головы Геракла в львином шлеме на лицевой стороне синдских монет следует рассматривать как местную переработку трафаретного мотива, бытующего почти на всей территории Греции, а не как результат заимствования у Гераклеи Понтийской.

Оборотная сторона как этого типа синдских монет, так и почти всех других представляет, в отчетливо обозначенном квадрате, изображение головы лошади вправо, над которой начертана надпись σινδῶν.[5]

А. Н. Зограф отметил, что «изображение фигуры или головы коня на монетах Пантикапея появляется не ранее начала IV в., и таким образом мотив головы коня в синдской чеканке был выбран совершенно самостоятельно. Однако такой выбор не может удивлять, если учесть, что страна в значительной мере населена кочевыми племенами. Думаю,

[1] Перипл Анонима, § 77. В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I. СПб., 1893, стр. 283.

[2] Полиен. Военные хитрости. Тинних. В. В. Латышев, ук. соч., т. I, стр. 563, 564.

[3] С. А. Жебелев. Боспорские этюды. ИГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1934.

[4] Страбон. География, XI, II, 10. В. В. Латышев, ук. соч., т. I, стр. 133.

[5] П. Бурачков, ук. соч., табл. XXXIII, *7*, *8*.

что объяснить появление этого мотива просто отражением местных условий правильнее, чем искать его мифологического или символического истолкования, тем более, что об обычаях и религиозных представлениях специально синдов мы ничего не знаем, а переносить на них данные, известные нам относительно скифов, нет основания».[1]

Археологические источники свидетельствуют о том, какую огромную роль играла лошадь в экономической жизни меотов. Кубанские курганы скифского времени дают захоронения целых гекатомб лошадей. Ни в одном районе собственно Скифии мы не встречаем такого огромного количества погребенных лошадей (ульские, келермесские, елизаветинские, костромской и воронежский курганы и т. д.). Следовательно, прав А. Н. Зограф, рассматривая изображение лошади как отражение реальных местных условий.

Д. Б. Шелов, высказывая мнение, что монеты синдов являются «более греческими, чем пантикапейские», пишет: «Туземный элемент, местные художественные вкусы не получили никакого отражения в чеканке синдов, если не считать, конечно, чисто формальных моментов вроде изображения коня, но и эта местная эмблема трактована, как мы видим, в совершенно эллинском духе».[2]

Посмотрим, в чем же проявляется эта «эллинская трактовка» головы лошади на синдских монетах? На стр. 112 Д. Б. Шелов пишет: «лошадиные головы синдских монет принадлежат к той же системе развития греческого искусства, что и сиракузские нумизматические шедевры».[3] Вот крайне лаконичное доказательство Д. Б. Шелова для обоснования своей точки зрения об «эллинской трактовке» изображений голов лошадей на синдских монетах, если не учитывать ссылок на Маркмана и Гилла. Автор совершенно игнорирует искусство северного Причерноморья, которое создало в это время или «чуть-чуть позже» «превосходные композиции с лошадьми».[4]

Достаточно вспомнить замечательную композицию квадриги с лошадьми на золотой пластинке из кургана Карагодеуашх.[5] Особенно близки по стилю к синдским монетам этого типа оконечности гривен с изображением всадника из Кульобского кургана.[6] И здесь, и там мы наблюдаем круто поднятую голову с коротко остриженной, переходящей на лоб гривой. Совершенно одинаково в обоих случаях трактованы морды. Близка по стилю к изображениям на наших монетах и композиция с лошадьми на замечательном гребне из кургана Солоха. Наконец, мы имеем замечательные композиции лошадей на Чертомлыцкой вазе, которая хотя и относится к более позднему времени, но продолжает старую традицию, возникшую гораздо раньше. Мы могли бы привести еще немало примеров, но вряд ли в этом есть надобность.

В. Ф. Гайдукевич довольно убедительно показал, что центром производства этих изделий являлся Пантикапей.[7] Поэтому ничего удивительного нет в том, что изображения головы лошади появляются на синдских монетах и органически связываются по стилю с искусством северного Причерноморья.

Следовательно, если аверс синдских монет этого типа можно рассматривать как местную переработку общегреческого мотива, то реверс необ-

[1] А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 168.
[2] Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 116.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 112.
[5] МАР, вып. XIII, табл. III, *1*.
[6] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. I. СПб., 1889, стр. 59.
[7] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 118 сл.

ходимо связывать как по форме, так и по содержанию с местным искусством. Таким образом, синдские монеты с головой Геракла в львином шлеме являются по своему характеру результатом взаимодействия двух культур — местной и греческой, синкретизм которых дал неподражаемые образцы монетного искусства северного Причерноморья.

2) Аналогичную картину мы наблюдаем и на втором типе синдских монет, лицевая сторона которых представляет сидящего грифона (вправо) с округло загнутыми вперед крыльями и с зерном перед клювом, а оборотная сторона повторяет мотив предшествующего типа — голову коня и надпись ΣΝΙΔΩΝ, обрамленные углубленным квадратом. Мотив изображения грифона характерен для памятников VII—VI вв. до н. э. как скифского, так и ионийского искусства. Еще Кёне писал, что «на монетах Теоса, Фокеи, Смирны, Ионии, Абдеры, колонии Теоса и других городов представлены грифы, подобные синдским», и высказывал предположение, что «быть может, через ионийских моряков тип сидящего ионийского грифа разлился в стране синдской».[1]

Миннз считал, что ближайшей аналогией лицевой стороны синдских монет этого типа являются монеты Теоса.[2] А. Н. Зограф сопоставлял последние с монетами Теоса и особенно Абдеры.[3] Д. Б. Шелов повторяет сопоставление А. Н. Зографа.[4] Посмотрим, как широко распространен мотив сидящего грифона на греческих монетах. Близкие изображения грифона, помимо Теоса и Абдеры, встречены на электровых монетах Самоса. Здесь грифон представлен (так же как на теосских и абдерских) сидящим с вытянутой вперед лапой.[5] Аналогичные изображения сидящего грифона наблюдаются на монетах Фокеи и Смирны.[6] Любопытно, что округлая трактовка крыльев, которой уделяет такое внимание Д. Б. Шелов,[7] считая ее стилистической особенностью теосских и абдерских монет, встречается и в указанных районах. Монеты с изображением сидящего грифона с вытянутой вперед лапой обнаружены и в Ликии,[8] на электровых статерах Кизика, где крылья трактованы так же, как на монетах Абдеры и Теоса, т. е. округлыми, загнутыми вперед, с трехчастным или двухчастным делением плоскости.[9] Наряду с этим здесь встречаются не совпадающие с синдскими монетами изображения сидящего грифона с остроконечными, отброшенными назад крыльями.[10] Мы могли бы привести еще ряд монет, где изображены сидящие грифоны, стилистически почти не отличающиеся от вышеуказанных;[11] однако рассмотренные выше монеты наряду со сходством с синдскими монетами обнаруживают и существенные отличия. Так, ни в одной из просмотренных нами коллекций монет не встречено сочетания в одной композиции сидящего грифона и зерна. Следовательно, здесь даже лицевая сторона обнаруживает в композиции местную трактовку, не характерную для городов Ионии.

---

[1] Кёне. Описание музея князя В. В. Кочубея, т. I. СПб., 1857, стр. 445.
[2] Minns. Scythians and Greeks. Кембридж, 1913, стр. 632.
[3] А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 169; изображение монет см.: E. Regling. Die antike Münze als Kunstwerk. Берлин, 1924, табл. XXII, 493.
[4] Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 113.
[5] B. V. Head. Catalogue of the Greek coins of Ionia. Лондон, 1892, табл. XXXIV, *20*, *22*, *23*.
[6] Кёне, ук. соч., т. I, стр. 445.
[7] Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 113.
[8] Ch. Fellows, ук. соч., стр. 430.
[9] W. Greenwell. The electrum coinage of Cyzicus. Numism. Chronicle, сер. III, т. VII, табл. VI, *6*.
[10] Там же, табл. VI, *8*.
[11] Brandis. Das Münz-Mass und Gewichtswesen in Vorderasien. Берлин, 1866, стр. 310.

Поэтому нет основания выводить этот тип лицевой стороны синдских монет из Теоса или Абдеры, как это делает целый ряд исследователей. Сам мотив изображения грифона имел довольно широкое распространение не только в Греции, но и в Иране,[1] Скифии и других областях. Любопытно, что Аристей Проконесский называет даже страну грифов, расположенную где-то между иссидонами и гипербореями, т. е. в пределах территории нашей родины.[2]

Изображения грифона мы встречаем, начиная с конца VII в., и в северном Причерноморье.[3] Наряду с изображениями грифонов, терзающих других животных, мы здесь встречаем грифонов и в сидячем положении. Близки к воспроизведениям на синдских монетах изображения грифонов на знаменитом зеркале из Келермесского кургана.[4] Оттуда же происходит и изображение на ритоне Кибелы, удерживающей руками двух грифонов, сидящих по одну и другую сторону от богини.[5] Особенно близкое к нашим монетам изображение сидящего грифона мы наблюдаем на кульобской золотой бляхе, как это отметил и Д. Б. Шелов.[6] Наряду с этими ранними изображениями в северном Причерноморье известны воспроизведения грифонов в аналогичной позе и в более позднее время.[7]

Оборотная сторона этих монет воспроизводит голову лошади вправо, изображение которой послужило предметом нашего внимания при разборе монет первого типа.

Таким образом, второй тип синдских монет отражает местные мотивы не только на оборотной стороне, но и на лицевой (мотив грифона и зерна). Последний момент особенно важно отметить, так как земледелие наряду со скотоводством служило основой экономической базы меотов и, в частности, синдов.

3) Третий тип синдских монет воспроизводит на лицевой стороне молодого присевшего Геракла с луком, а на оборотной стороне — сову с раскинутыми крыльями, над которой расположена надпись ΣΙΝΔΩΝ. Они обрамлены отчетливо заметным квадратом. Лицевое изображение этого типа синдских монет А. В. Орешников сравнивает с изображением на одном из кизикинов второй группы Фритце, датируемых 550—475 гг. до н. э.,[8] и отмечает их поразительное сходство. Детали фигуры Геракла синдских монет, по мнению А. В. Орешникова, были «рабски скопированы» с указанного кизикина.[9] Однако сам А. В. Орешников вынужден признать различие между ними: «Разница, — пишет он, — заключается лишь в голове человека: на статере он одет в коринфский шлем, а на монете Синдики — голова без покрытия».[10] Точку зрения А. В. Орешникова разделяет и Д. Б. Шелов, который в качестве дополнительных аргументов выставляет широкое распространение кизикинов в V в. до н. э. в денежном обращении Боспора, наличие «копирования» кизикских типов монет в чеканке Тиры и Херсонеса[11] и, наконец,

---

[1] Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. II, стр. 1668 сл.

[2] Геродот, IV, 13.

[3] Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 112—113.

[4] Г. И. Боровко. Бронзовый олень из Ульского кургана. ИРАИМК, т. II, стр. 202, рис. 10.

[5] Гос. Эрмитаж, инв. № Ку, 1904, 1.4. Пользуемся случаем выразить свою признательность М. И. Максимовой за указанную аналогию.

[6] Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 113.

[7] Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1949, табл. XXI.

[8] Die Elektronprägung von Kizikas. Nomisma, VII, 1912, табл. IV, *3*.

[9] А. В. Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИРАИМК, II, стр. 124.

[10] Там же, стр. 124.

[11] Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 114.

то обстоятельство, что мотив аверса синдских монет заимствован у кизикинов. Ни один из этих доводов не может быть принят. Во-первых, уже А. Н. Зограф отметил, что главное отличие лицевой стороны синдских монет от кизикинов заключается не столько в отсутствии шлема на голове фигуры на кизикинах, сколько в трактовке фигуры, «значительно более детальной на синдской монете, чем на кизикине».[1] Следовательно, говорить о том, что фигура Геракла синдских монет «рабски скопирована» с кизикинов, не приходится. Во-вторых, Д. Б. Шелов в своей статье «Кизикские статеры на Боспоре» пишет, что «мы не имеем никаких прямых свидетельств того, что кизикины имели хождение на Боспоре ранее IV в. до н. э.»,[2] точнее раньше 30-х годов IV в. до н. э., т. е. конца IV в. К середине IV в. до н. э. относятся и монеты Херсонеса и Тиры, которые А. Н. Зограф считает копией кизикинов.[3] Любопытен также и ход рассуждения Д. Б. Шелова. В последней статье [4] основным аргументом в пользу широкого распространения кизикинов в денежном обращении Боспора V в. до н. э. для Д. Б. Шелова является то обстоятельство, что аверс синдских монет походит на лицевую сторону кизикинов. В первой же статье, нами неоднократно цитированной, ход рассуждения автора идет в обратном порядке.[5] Здесь он доказывает возможность заимствования синдами лицевой стороны кизикина тем, что последние были широко распространены в V в. до н. э. в денежном обращении Боспора. Таким образом, вопрос о широком распространении кизикинов в денежном обращении Боспора в V в. до н. э. остается открытым. В-третьих, помимо кизикинов, изображение присевшего Геракла с луком встречается и на монетах других городов Греции. Так, после битвы при Коронее в Фивах чеканятся замечательные статеры с изображением присевшего молодого Геракла, натягивающего лук, которые датируются 446—426 гг. до н. э. и воспроизводят некоторые метопы Парфенона.[6] На лицевой стороне этих статеров иногда изображается, кроме фигуры Геракла, и его атрибут — палица, причем фигура Геракла на обоих вариантах этих статеров воспроизводится без головного убора. Детали трактовки статеров отличаются от синдских монет, так же как и от кизикинов. Во всяком случае, синдские монеты не представляют точной копии ни кизикинов, ни статеров Фив. Очевидно, мы здесь имеем дело с тем же явлением, на которое мы обращали внимание при разборе аверса синдских монет первого типа. Популярность образа Геракла среди жителей Синдики явилась причиной возникновения аверса этого типа монет, сам же мотив присевшего Геракла, натягивающего лук, был чрезвычайно распространен среди греков Ионии, поэтому нет надобности связывать появление этого изображения на синдских монетах с тем или иным влиянием. Таким образом, лицевая сторона синдских монет второго типа представляет сочетание двух различных элементов — греческих (фигура Геракла) и местных (скифский лук).

Гораздо сложнее вопрос о происхождении реверса этих монет, где изображена сова с распростертыми крыльями. Возникновение этого мотива связывается большинством исследователей с афинским влиянием на Боспоре.[7] А. А. Сибирский на основании сопоставления реверса этого

[1] А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 169.
[2] ВДИ, № 2, 1949, стр. 94 сл.
[3] А. Н. Зограф. Херсонесские монеты. ИРАИМК, т. V, стр. 386—387.
[4] ВДИ, № 2, 1949, стр. 95.
[5] Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 114.
[6] B. V. Head. Historia numorum, Оксфорд, 1887, стр. 296, рис. 196.
[7] А. В. Орешников, ук. соч., стр. 123—124. — А. Н. Зограф, Античные монеты, стр. 169. — Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 114. — А. А. Сибирский. Боспорский город Стратоклея и новая монета синдов. Тр. III АС, т. I, стр. 121—129.

типа монет с сообщением Плиния Старшего (VI, 6) допускал возможность существования в азиатской части Боспора афинского города Стратоклеи и считал, что династия Спартокидов была афинского происхождения. Эта теория получила в свое время поддержку со стороны А. В. Орешникова[1] и отчасти Д. Б. Шелова.[2]

Вопрос о династии Спартокидов в настоящее время решен советскими историками в пользу местного ее происхождения, в частности синдского,[3] причем смена династии Археанактидов Спартокидами явилась результатом реакции местных племен на афинскую экспансию в северное Причерноморье (Нимфей).[4] Если мы сопоставим эту дату смены династии (438 г. до н. э.) на Боспоре со временем возникновения предполагаемой А. А. Сибирским афинской колонии Стратоклеи (425 г. до н. э.), то теория А. А. Сибирского не выдерживает никакой критики, так как в результате прихода к власти Спартокидов одержали победу местные племена, враждебно настроенные по отношению к Афинам. Следовательно, нет никаких данных говорить об основании в Синдике в 425 г. до н. э. новой колонии Афин, тем более что в этот период Аттика начинает активно бороться со Спартой, развязывая Пелопонесскую войну. Именно в 425 г. до н. э. Спарта со своими союзниками совершает вторжение на территорию собственно Аттики. В свете этих исторических фактов совершенно неубедительно звучат и утверждения ряда исследователей, что мотив реверса синдских монет явился результатом афинского влияния в Синдике. Этому противоречит и ряд других причин.

Если мы просмотрим афинские монеты конца V в. до н. э., то увидим, что изображения совы встречаются здесь на монетах двух типов. Первый тип, которому принадлежит подавляющее большинство монет, воспроизводит сову с поджатыми крыльями; на втором типе, связанном только с декадрахмами и тригемиоболами, сова изображается с распростертыми крыльями. И первый и второй типы этих монет были довольно широко распространены не только в Афинах, но и на всей территории Греции, начиная с архаического времени и вплоть до позднего эллинизма. Так, сова с поджатыми крыльями изображается на монетах (V в. до н. э.) Ликии,[5] Евбеи,[6] Коринфа,[7] Амбракии,[8] Сиракуз,[9] Тиры,[10] Тегеи [11] и других районов. Второй тип монет менее известен, но также имеет широкий ареал распространения. Кроме декадрахм и тригемиоболов Афин,[12] сова с распростертыми крыльями воспроизводится на электровых статерах Лесбоса,[13] датируемых V в. до н. э., на статерах Киликии,[14] Амиса [15] и других мест. Поскольку в Синдике найдены монеты второго

---

[1] А. В. Орешников. Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов. М., 1884, стр. 7—8.

[2] Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 115.

[3] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 29 сл. — В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапея. Вестн. МГУ, № 8, 1948, стр. 17 сл.

[4] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 29 сл.

[5] Catalogue of the Greek coins in the British museum, Lykia, Pamphilia and Pisidia. Лондон, 1897, стр. 23, табл. VI, *6*.

[6] Catalogue of the Greek coins. Central Greece, стр. 136, табл. XXIV, *18*.

[7] Catalogue of the Greek coins. . . Corinth etc., стр. 18, табл. V, *6*.

[8] Там же, стр. 105, табл. XXVII, *12*.

[9] Там же, стр. 99, табл. XXV, *10*.

[10] K. Regling, ук. соч., табл. XII, 267; табл. XXIX, 599.

[11] Catalogue British museum.. Peloponessus, Лондон, 1887, табл. XXXVII, *10*.

[12] Catalogue British museum. Attica etc., Лондон, 1888, табл. III, *1*; табл. IV, *16*.

[13] Catalogue British museum. Troas, Aeolis and Lesbos, Лондон, 1884, табл. XXXII, *2*.

[14] Catalogue British museum. Lycaonia, Isauria and Kilikia, табл. IX, *11* и *12*; табл. XL, *5*, *6*.

[15] Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 114.

типа, нас, естественно, более всего будет интересовать эта группа. А. В. Орешников на основании сопоставления афинских декадрахм с синдскими монетами считал, что синды заимствовали оборотную сторону своих монет с аттического «десятидрахмовика»,[1] а А. Н. Зограф — с афинских тригемиоболов.[2] Сравним стилистически оба типа афинских монет с изображением совы с распростертыми крыльями. И там и здесь сова представлена стоящей прямо. Изображения на монетах отличаются формой крыльев совы: на тригемиоболах крылья короче по сравнению с туловищем, чем на декадрахмах, кроме того, поверхность крыльев первых монет расчленена в вертикальном направлении на две части, вторых — на три части. Различия наблюдаются и в форме головы совы. Таким образом, сопоставление изображений двух различных номиналов Афин выявляет особые стилистические приемы. Следовательно, единый стиль изображения совы с распростертыми крыльями в Афинах отсутствует. Точных копий афинских монет не представляют и электровые статеры Лесбоса. Чрезвычайно резко отличаются стилистическими особенностями от афинских номиналов монеты Амиса и Киликии. Не являются точной копией афинских тригемиоболов и монеты синдов. Следовательно, стилистически ни одна из вышеупомянутых монет не может являться копией афинских декадрахм или тригемиоболов. Широкое распространение этого мотива в греческой нумизматике вызывает сомнение в афинском его происхождении.

Любопытно, что изображение совы, символа богини Афины, встречается на монетах V в. до н. э. в ряде государств Греции, входивших в состав так называемого «Пелопонесского союза», который в конце V в. до н. э. вел длительную войну с Афинами. А на некоторых монетах чеканился даже бюст Афины (Коринф). Таким образом, не всегда появление совы или головы Афины на монетах следует связывать с влиянием Афин. Наличие этого мотива на монетах ряда греческих государств, являющихся политическими противниками Афин, позволяет сделать вывод, что во многих случаях происхождение этого мотива вызвано распространением культа богини, а не результатом политического воздействия Афин. Рассматриваемый мотив мы встречаем и на ряде памятников северного Причерноморья. Так, сова с поджатыми крыльями воспроизведена на золотых бляшках из второго Семибратнего кургана,[3] кургана у Дарьевки близ местечка Шполы.[4] Помимо этого воспроизведение совы встречается и в чеканке монет северного Причерноморья. Так, в Ольвии чеканились монеты с изображением сидящей совы,[5] хотя они относятся к более позднему времени, чем синдские монеты.

Таким образом, из приведенных выше аналогий явствует, что мотив изображения совы имел очень широкое распространение как на территории Греции, Малой Азии, так и северного Причерноморья. Этот мотив на монетах V в. до н. э. является трафаретным и излюбленным, порой отражающим культ богини, а иногда уже утратившим свое прежнее значение (бляшки из кургана Дарьевки). Следовательно, и этот, греческий по своему характеру, мотив превратился в трафарет, не отражающий в большинстве случаев никаких политических связей с тем или иным государством Греции.

---

[1] А. В. Орешников, ук. соч., стр. 125.
А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 169.
[3] ОАК, 1876, табл. III, *7* — Minns, ук. соч., стр. 208, рис. 106, *7*.
[4] А. Бобринский. Смела, II, стр. 128—130, табл. XIII, *6*.
[5] А. В. Орешников, ук. соч., стр. 123. — П. Бурачков, ук. соч., табл. VI, *118—120*.

Тем самым выявляется и характер синдских монет, который следует определять по мотивам изображения и по стилистическим особенностям. По мотивам изображения синдские монеты представляют сочетание местных (изображение коня, скифского лука, композиция зерна и грифона) и греческих элементов, причем греческие мотивы творчески перерабатывались местными мастерами, которые создавали подчас не встречающуюся в греческой чеканке местную композицию (грифон с зерном). Стилистически же синдские монеты представляют достижение местной чеканки,[1] которая имеет близкие связи, как отмечал уже А. Н. Зограф, с синхронной пантикапейской чеканкой монет с головой барана на оборотной стороне. «Помимо одинакового стиля, — пишет А. Н. Зограф, — и тут и там мы видим тот же отчетливо выраженный вдавленный квадрат, утерявший уже свое техническое значение, обусловленный скорее декоративными тенденциями и принявший пережиточную форму простого обрамления; и тут и там надпись идет вдоль верхнего края квадрата, буквы ее одинакового характера. Наконец, что очень важно отметить, подбор номиналов в обоих случаях тот же: диоболы, гемиоболы, тетартемории».[2]

На основании этого сходства А. Н. Зограф датирует все монеты синдов последней четвертью V в. до н. э.[3] Этим же временем датировали монеты синдов Бертье-Делагард и Миннз.[4] Итак, конец V в. до н. э. ознаменовался для Синдики двумя важнейшими историческими событиями: в 438 г. до н. э. синды заняли руководящее положение в Боспорском государстве,[5] а в последней четверти V в. до н. э. появилась чеканка собственных монет. Оба эти события свидетельствуют о наличии в это время в Синдике государства. Крайне противоречива по этому вопросу точка зрения Д. П. Калистова.[6] На стр. 219-й он соглашается со взглядом М. И. Артамонова, что «династия Спартокидов вышла из синдской среды и что синды явились той силой, которая помогла им утвердиться у власти». На страницах же 150—153-й он пытается опровергнуть точку зре-

[1] Д. Б. Шелов, полагая, что монеты синдов по своему характеру являются более греческими, чем пантикапейские, пытается объяснить этот факт тем, что эллинизация Синдики по сравнению с Пантикапеем зашла более глубоко (стр. 116). Последнее положение он аргументирует крайне своеобразно: «Отдельные случайные находки и систематические раскопки синдских городищ (разрядка наша, — *В. Ш.*) свидетельствуют об очень значительной роли греческих привозных изделий в быту местного населения». Далее следуют ссылки на работу Ростовцева «Скифия и Боспор» (1925, стр. 370 и сл.) и работу В. И. Мошинской «О государстве синдов» (ВДИ, № 3, 1946, стр. 205 сл.). На указанных страницах М. И. Ростовцев вовсе не упоминает не только о раскопках, но и о существовании синдских городищ. В. И. Мошинская упоминает два городища. Касаясь раскопок Варенниковского городища, она пишет, что в слое V в. «было обнаружено много керамики как местной, так и привозной», причем местная керамика у нее стоит на первом месте, что же касается городища у ст. Раевской, то оно никак не может служить подтверждением довода Д. Б. Шелова, так как, во-первых, наиболее ранний материал его относится к III в. до н. э., что отмечает и В. И. Мошинская (стр. 205); во-вторых, это городище следует связывать не с синдами, а с торетами. Даже если допустить, что материал ст. Раевской датируется V в. до н. э., то тезису Д. Б. Шелова будет противоречить следующее наблюдение В. И. Мошинской: «поражает обилие местной, разнообразной по форме керамики» (В. И. Мошинская, ук. соч., стр. 205).

[2] А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 168. — Сходство синдской чеканки монет с пантикапейской отмечает и Д. Б. Шелов (ук. соч., стр. 115), однако, несмотря на полное совпадение его аргументации с доводами, приведенными в работе А. Н. Зографа (стр. 168), ссылка на последнего и здесь отсутствует.

[3] А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 168.

[4] Нумизмат. сб., т. II, стр. 94. — Minns, ук. соч., стр. 632.

[5] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 29 сл. — В. Д. Блаватский, ук. соч., стр. 17 сл.

[6] Д. П. Калистов. Очерки по истории северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1949.

ния В. И. Мошинской о существовании государства у синдов.[1] Не входя в подробный разбор точки зрения Д. П. Калистова, мы ограничимся лишь следующим замечанием. Вряд ли синды могли занять руководящее положение в Боспорском государстве, если бы их общественное развитие не достигло уровня государственности.

Большое значение имеет также вопрос о месте чеканки синдских монет. По этому вопросу были высказаны в основном две точки зрения. А. В. Орешников считал, что монеты синдов чеканились в Синдской гавани,[2] А. Н. Зограф предполагал, что наиболее вероятным местом чеканки синдских монет являлась Фанагория, причем не настаивал на этом утверждении. Он пишет: «Однако, если я упомянул Фанагорию, географически во всяком случае примыкавшую к стране синдов, как возможное место чеканки этих монет, то именно потому, что отсутствие в ней каких-либо монет в течение всего V в. кажется странным, а тип грифона в этом городе, как в теосской колонии, был бы уместен».[3] Таким образом, никаких твердых данных считать Фанагорию местом чеканки синдских монет у А. Н. Зографа нет, и вся аргументация его в пользу своего предположения сводится лишь к тому «странному» явлению, что в Фанагории отсутствовали монеты V в. до н. э. Что же касается типа грифона, то, как мы показали, он является трафаретом для греческой нумизматики, и связывать его появление с теосскими или абдерскими монетами нет никаких оснований. Большое значение для решения вопроса о месте чеканки синдских монет имеет топография их находок, но, к сожалению, до сего времени мы не знаем ни одного случая находок этих монет на городищах in situ, так как все хранящиеся в Государственном Эрмитаже и Государственном Историческом музее синдские монеты были приобретены у частных коллекционеров. Во всяком случае доводы А. Н. Зографа не исключают возможности чеканки синдских монет в Синдской гавани. Будущие археологические исследования в Синдике позволят окончательно решить вопрос о местонахождении синдского монетного двора.

Таким образом, рассмотренные нами монеты представляют результат синкретизма двух культур, который мы наблюдаем в Синдике уже в конце V в. до н. э. Синкретизм проявляется не только в отношении чеканки монет, но и в других, более существенных звеньях греческо-меотской культуры. Если процесс слияния двух культурных начал в V в. коснулся лишь побережья азиатского Боспора, то в конце IV—III вв. до н. э. он перемещается в глубь территории Прикубанья. Не следует, однако, рассматривать этот процесс как одностороннее явление, только как эллинизацию местных племен, так как мы наблюдаем в это же время обратный процесс — сильное влияние местной культуры на греческую; процесс, который затронул и столицу Боспора — Пантикапей, что особенно хорошо можно наблюдать на не опубликованном полностью огромном Пантикапейском некрополе. Это же явление наблюдается и в других городах Боспорского государства.

---

[1] В. И. Мошинская. О государстве синдов. ВДИ, № 3, 1946, стр. 203 сл.
[2] А. В. Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. М., 1914, стр. 51.
[3] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 169.

МАТЕРИАЛЫ

Я. В. СТАНКЕВИЧ

КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ ДРЕВНЕГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТАРОЙ ЛАДОГИ

(По материалам раскопок 1947—1949 гг.)

Непрерывное и строго преемственное развитие материальной культуры, представленной в Старой Ладоге и прослеживающейся по многочисленным остаткам, особенно четко проявляется в наиболее массовом материале — в керамике. Эта особенность была отмечена исследователями еще при изучении сравнительно небольших коллекций, добытых в результате раскопок Н. И. Репникова в 1911—1913 гг.[1] Тем более ярко и наглядно выявляется отмеченная непрерывность развития культуры древнего населения Ладоги на огромном вещественном материале, полученном при широко поставленных систематических раскопках данного памятника, производившихся под руководством В. И. Равдоникаса как в 1938—1940 гг., так, в особенности, и в 1947—1949 гг.

Основой для настоящего исследования послужили более точно фиксированные остатки керамики из раскопок 1947—1949 гг., в то время как материал за довоенные годы раскопок, документация которого оказалась частично утраченной, привлекался лишь в качестве аналогий.

При изучении многочисленных остатков керамики древнего культурного слоя Староладожского земляного городища приходится фактически иметь дело преимущественно с россыпью черепков, лишь в некоторых случаях собиравшихся в целые сосуды (следует учитывать, что значительная часть материала, в особенности из раскопок 1948—1949 гг., еще находится в процессе камеральной обработки).

На первый взгляд весь этот материал кажется весьма однообразным и однотипным, и лишь при более глубоком изучении выявляются те или другие характерные черты, позволившие разработать более или менее детальную классификацию керамики данного памятника.

Одним из основных критериев для построения классификации является форма профиля сосуда, а в тех случаях, когда это полностью установить невозможно, — профиль наиболее характерной верхней части его или даже одного венчика, дающего большое количество разнообразных вариантов: по степени отгиба, характеру среза края, наличию на нем утолщений, бороздок, валиков и т. д.

---

[1] Г. П. Гроздилов и П. Н. Третьяков. Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, производившихся Н. И. Репниковым в 1909—1913 гг. Старая Ладога. Сб. Этнограф. муз., Л., 1948, стр. 78.

В результате анализа всего керамического материала (нескольких сот целых и фрагментарных сосудов и нескольких тысяч разрозненных фрагментов), с помощью его картографирования и составления корреляционной таблицы нам удалось выделить ведущие формы сосудов и их вариантов. Количественное их соотношение в определенных горизонтах древнего культурного слоя дало возможность выделить характерные комплексы керамики и проследить их последовательное развитие, чем в известной мере устанавливалась их относительная датировка.

В итоге проделанного нами исследования среди общей массы керамических остатков, на первый взгляд чрезвычайно однообразных и однотипных, определилось достаточное разнообразие форм сосудов, в особенности характерное для верхних горизонтов нижнего культурного слоя.

Опуская подробные описания и выкладки, проделанные в процессе работы, ограничимся лишь сжатой характеристикой выделенных нами основных типов сосудов, представленных на сводной таблице, формы их профиля (рис. 1) для разъяснения дальнейшего хода исследования.

Тип *I*. Сосуды цилиндрической формы, снабженные прямым венчиком с прямо срезанным краем и отвесными массивными стенками. Наиболее древний вариант *I-1* представлен, главным образом, крупными сосудами для хранения сухих запасов, а также миниатюрными сосудами того же типа из горизонтов e_3 и e_2.

Варианты *I-2—3* имеют выступающие и, реже, утолщенные в разрезе плечики; характерны как для массивных сосудов-корчаг, так и для настольной посуды. Среди последней несколько выделяются более поздние варианты *I-4—5* — сосуды с едва намеченным изгибом шейки и угловато выступающими плечиками.

Вариант *I-6*. К нему относятся тонкостенные, часто орнаментированные сосуды-мисочки с прямым широким венчиком и ребром-валиком на плечиках, четко отделяющим широкую верхнюю часть, составляющую, примерно, одну треть сосуда; стенки сосуда конически суживаются к донышку. Представлен преимущественно парадной настольной посудой, без следов нагара на стенках; из горизонта e_1.

Вариант *I-7* Сосуды с прямым высоким венчиком, с косо срезанным внутренним его углом и округлым туловом. Орнаментированы волной. Относятся к развитой гончарной керамике.

Тип *II*. Сосуды с прямым широким венчиком, с закругленным его краем. Наиболее ранние варианты *II-1—2* аналогичны цилиндрическим сосудам типа *I-1* и отличаются лишь закруглением края венчика.

Варианты *II-3—4*. Отличаются от предыдущих лишь незначительно утолщенным краем венчика и слабой профилировкой плечиков. Представлены разнообразным набором — от крупных, прокопченных на огне корчаг до миниатюрных сосудов-чашечек с закругленным донцем, преимущественно из горизонта e_2.

Варианты *II-5—7* Представляют типично очажную посуду с немного или значительно изогнутой шейкой и округлыми плечиками, из того же горизонта.

К вариантам *II-8—9* относится преимущественно миниатюрная настольная посуда, часть которой изготовлена на гончарном круге. Происходит из горизонтов e_2, e_1 и $д$.

Среди отмеченной группы особую, сравнительно редкую форму составляют круглодонные бомбовидные сосуды, с широким косо поставленным венчиком, с закругленным краем — вариант *II-10*.

Варианты *II-а—в* отличаются утолщением закругленного венчика. Распространены они сравнительно мало, так же как и аналогичные со-

суды с прямым, чуть заостренным краем венчика, относящиеся к вариантам *II-г—е*.

Наиболее поздний вариант сосудов с заостренным краем венчика относится к числу развитой гончарной керамики, орнаментированной глубоким горизонтальным рифлением.

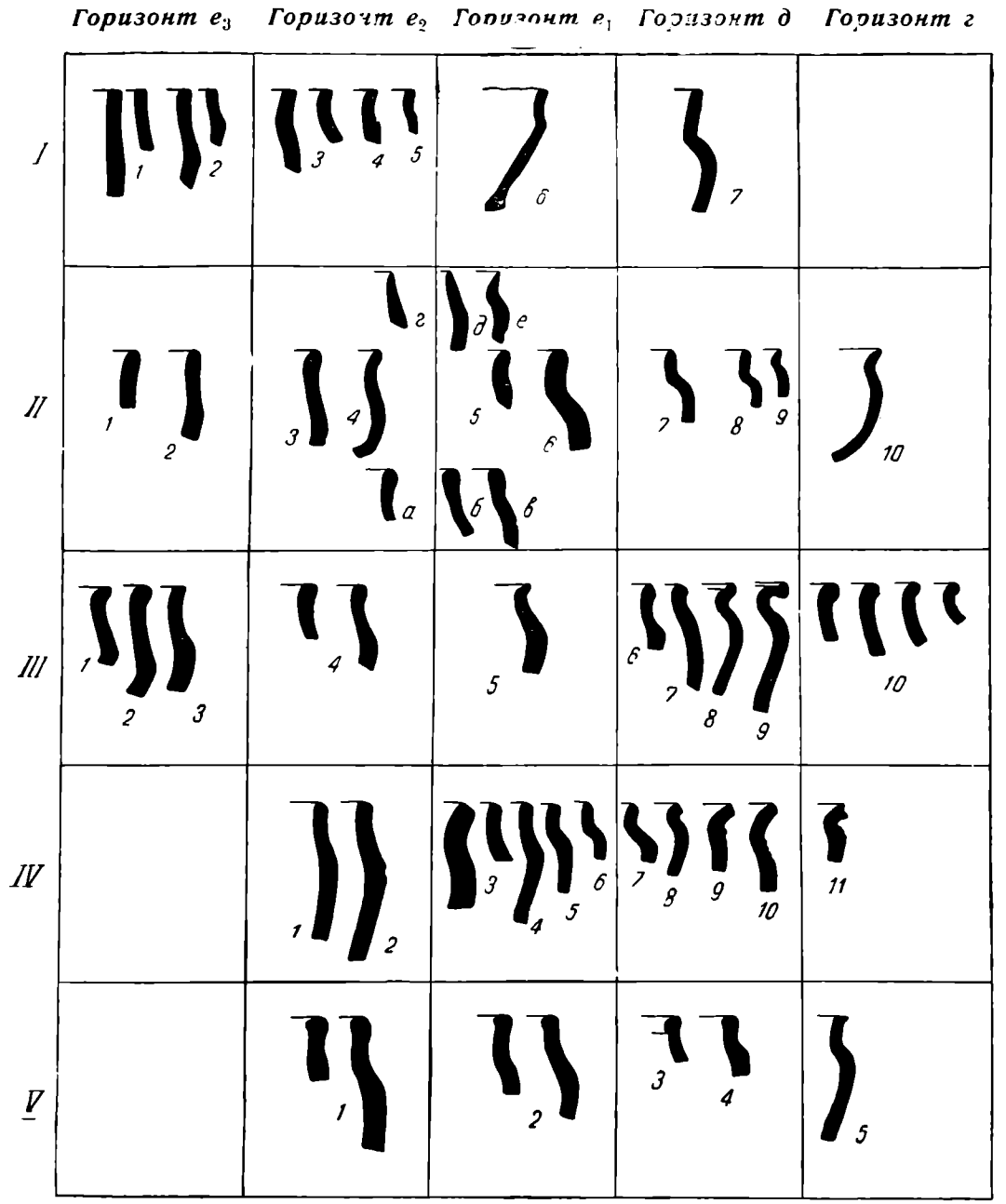


Рис. 1. Сводная таблица основных типов профилей венчиков древней керамики из раскопок Старой Ладоги.

Тип *III*. Сосуды с карнизообразно утолщенным наружным краем отогнутого венчика.

Наиболее древнюю форму представляют варианты *III-1—2*, для которых характерен ребристый излом тулова (горизонт e_3).

Вариант *III-3* характеризуется чуть утолщенными округлыми плечиками и прямым, едва отогнутым широким венчиком. Отмечен в наиболее древнем горизонте e_3.

Вариант *III-4* отличается от предыдущего смягченно округлыми высокими плечиками, отмечен в горизонте e_2 и частично в горизонте e_3.

Дальнейшее развитие форм сосудов данного типа представляет вариант *III-5*, к которому относятся преимущественно горшки с сильно утолщенными округлыми плечиками и слабо выраженным венчиком с косо срезанным внутрь краем (горизонт e_1).

Варианты *III-6—7* охватывают орнаментированные, изготовленные на гончарном круге сосуды с широким прямым венчиком, иногда с карнизообразным наружным его краем и округлым туловом (горизонт *д*).

К вариантам *III-8—9* относится орнаментированная гончарная керамика с сильно профилированными округлыми плечиками и горизонтальным отогнутым наружу венчиком, снабженным желобком на внутренней его стороне (горизонт *д*).

Вариант *III-10*, самый поздний для данного ряда, отличается валикообразно закругленным наружу краем венчика, невыраженной шейкой и округлым туловом. Единично отмечен в горизонте *д*, наиболее характерен для позднегончарной керамики Ладоги из горизонта XVI—XVII вв.

Тип *IV*. Сосуды-корчаги и другая крупная утварь с косо срезанным наружным краем венчика.

Наиболее слабо профилированные из них, составляющие вариант *IV-1*, отмечены в горизонтах e_2 и частично e_3 и e_1. Специфически местную форму представляет вариант *IV-2*, характеризующийся наличием на округлых утолщенных плечиках горизонтального желобка. Отмечен среди крупных сосудов для хранения сухих запасов из горизонта e_2.

Последующие варианты *IV-3—4* представлены корчагами и сосудами с прямым венчиком и заглаженными, ребристыми, чуть утолщенными плечиками из горизонта e_1.

Более поздние варианты *IV-5—7* отличаются резкой профилировкой ребристого или округлого тулова. Относящиеся к этим вариантам орнаментированные сосуды уже частично изготовлены на гончарном круге.

Наибольшее разнообразие вариантов этого типа (*IV-8—11*) дает развитая керамика горизонта *д*, изготовленная на гончарном круге. Среди нее особо отметим сосуды с горизонтальным налепным валиком по шейке— вариант *IV-9*, а также сосуды с раздвоенным краем отогнутого венчика в виде так называемого «крыла ласточки» — вариант *IV-11*.

Тип *V* Сравнительно мало распространен. К нему относятся сосуды с утолщенным как внутренним, так и частично наружным краем венчика и в различной степени моделированным туловом. Наиболее ранний, единично прослеживающийся вариант *V-1* характеризуется карнизообразным выступом с внутренней стороны массивного венчика и небольшим перегибом плечиков. Отмечен в горизонте e_2.

Вариант *V-2* отличается от предыдущего сглаженным закругленным туловом; встречен в горизонте e_1.

Варианты *V-3—4* характеризуются более сложным профилем и относятся к числу гончарной посуды из горизонта *д*. Первый из них отличается утолщенным нависающим внутренним краем венчика, для второго, кроме того, характерны массивные плечики с перегибом.

К числу наиболее поздних и сравнительно редко встречающихся относится вариант *V-5*. Под эту рубрику подпадают сосуды с округлым, значительно утолщенным наружным краем почти прямого венчика и

слабо профилированным туловом. Прослеживаются в верхней части горизонта *д* и выше.

На этом мы ограничим сжатую характеристику выделенных в процессе работы основных типологических рядов керамики и их вариантов.

Однако основной задачей настоящей работы является не столько типологическая классификация материала, имевшая значение предварительной его систематизации, сколько выделение последовательных, хронологически сменяющихся ведущих форм керамики в составе комплексов домашней утвари из жилых построек основных горизонтов древнего культурного слоя Ладоги.

Как уже отмечалось, разработанная на массовом материале городища схема изменения профиля сосудов полностью подтвердилась выделившимися комплексами керамики из жилых сооружений древних горизонтов. Среди них, если итти по хронологически восходящей линии — от древнейших к более поздним, были выделены две четко разграничивающиеся, хронологически последовательные группы, непосредственно связанные с жилыми постройками, перекрывающими одна другую.

Первую группу составляет исключительно лепная керамика, расчленяющаяся в свою очередь на: а) подгруппу древнейшей лепной керамики, связанной с комплексом большого жилого дома на материке из горизонта *е*з (по раскопкам 1947 г.), датирующегося в основном VII в. н. э., и б) подгруппу более развитой лепной керамики, связанной с горизонтом горелых построек, датирующихся VIII—началом IX в. н. э.

Вторую группу составляет керамика переходного типа от лепной к раннегончарной, зачастую разнообразно орнаментированная, встречающаяся в составе материала из верхней толщи древнего культурного слоя Старой Ладоги. И эта группа, в свою очередь, расчленяется на две подгруппы: а) подгруппу позднелепной керамики и еще несовершенной раннегончарной, увязывающуюся с отдельными комплексами небольших жилых сооружений горизонта $е_1$ и датирующуюся IX и началом X в. н. э.; б) подгруппу более совершенных, разнообразно орнаментированных керамических изделий, изготовленных на гончарном круге простейшего типа; в основном увязывается с верхним горизонтом *д* древнего культурного слоя Ладоги и датируется X и первой половиной XI в. н. э.

При изучении этих основных групп древней глиняной посуды ладожан весьма важным является не только определение соотношений ведущих форм сосудов и их орнаментации, но и установление как функционального назначения, так и техники их изготовления. За внешними признаками совершенствования формы, а в дальнейшем и орнаментации сосудов скрывается сложный процесс изменения гончарного производства в целом: от архаической техники ручной лепки к более усовершенствованной технике — производству сосудов на ручном гончарном круге.

Переходя к главному разделу работы, анализу выделенных хронологически последовательных групп керамики, отметим лишь основной принцип, которым мы руководились при подобном делении. Естественно, что основным критерием при выделении керамических комплексов должна являться стратиграфия памятника, условно принятое в процессе раскопок членение культурного слоя на горизонты, связанные с определенными ярусами деревянных сооружений и контролирующиеся глубинными отметками от репера.

Однако сложный процесс домостроительства, отразившийся в нижних горизонтах Староладожского городища, происходил далеко не равномерно по всей его территории. В то время как на центральных участках поселения процесс сооружения и смены жилых построек происходил более быстро, причиной чего зачастую являлись большие пожары, на

окраинных его частях этот же процесс происходил значительно медленнее. Таким образом, мощность одного условно принятого горизонта деревянных сооружений, имеющего отдельные западины и выступы, далеко не всегда одинакова на всей площади поселения. Отсюда неизбежно происходят некоторые колебания глубинных отметок одного и того же горизонта.

Эти сложные моменты приходилось учитывать в процессе работы. Обычно при выделении определенных комплексов керамики производилась поквадратная сверка материала с учетом керамических находок из смежных горизонтов. Попадание в ряде случаев фрагментов одного и того же сосуда в разные, однако соприкасающиеся горизонты сигнализировало о наличии здесь единого жилого комплекса. Таким образом, в процессе анализа керамического материала выяснилось его значение в качестве важного контролирующего элемента при восстановлении отдельных жилых комплексов.

Выделение древнейшей группы керамики городища не вызывает особых затруднений ни в отношении стратиграфии, ни в части определения ее ведущих форм, что в известной мере обусловлено небольшими размерами вскрытой площади древнейшего горизонта Ладоги. К данной группе мы относим керамику условно выделенного в процессе раскопок нижнего горизонта *е*з, залегающего на глубине 1.40—1.60 м от репера, непосредственно на материке, и в основном увязывающегося с остатками жилого комплекса так называемого «большого дома».

При тщательном рассмотрении данной группы керамики бросается в глаза простота ведущих ее форм, почти полное отсутствие орнаментации и относительная грубость материала. В ее составе наиболее характерными являются массивные корчаги и крупные, толстостенные, неорнаментированные сосуды как цилиндрические, с прямыми стенками, так и биконические, а также миниатюрные сосуды-чашечки, повторяющие те же относительно слабо профилированные коническую и биконическую формы. Наряду с этими основными типами сосудов встречаются единичные привозные изделия с лощением в виде косой сетки.[1]

Необходимо отметить, что к этой же древнейшей группе лепной керамики Старой Ладоги следует отнести сравнительно небольшой материал из промежуточного слоя, залегающего на глубине 1.25—1.40 м от репера, между нижним горизонтом (*е*з) и горелыми постройками(*е*2). Этот слой связан с остатками плохо сохранившихся построек.

Среди извлеченных отсюда до 30 раздавленных сосудов, а также разрозненных фрагментов керамики в основном преобладают уже отмеченные выше толстостенные корчаги и сосуды биконической формы с широким венчиком.[2] Наряду с древними типами сосудов здесь были отмечены и небольшие баночные сосуды с чуть моделированным туловом, представляющие как бы промежуточный тип к более профилированной посуде вышележащих горизонтов. Следует также отметить,что для этой группы керамики промежуточного слоя характерно не только отсутствие привозных сосудов с лощением, но и некоторое ухудшение качества основной массы изделий.

Детальное сравнительное изучение древнейшей группы керамики Ладоги, особенно важное для уточнения ее датировки, позволило нам установить следующее: а) древнейшие элементы керамики данной группы находят аналогии в памятниках типа малых полей погребений Смолен-

---

[1] Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги (по материалам раскопок 1947 г.). СА, XIV, рис. 3, *3*.

[2] Там же, стр. 193, рис. 2, *3*.

щины и южной Белоруссии (Нямыкары, Казаргац), частично в древнейшей посуде Банцеровского городища и лишь в отдельных случаях в керамике из длинных курганов Псковщины; б) массово распространенные в этой группе биконические и близкие им формы сосудов находят многочисленные связующие звенья в разнообразных памятниках Смоленщины и верховьев Днепра: длинных и круглых курганах с сожжением (Точилище, Русанова Гора), а также старейших белорусских и смоленских городищах банцеровского типа (Бельчицкое городище, селище у дер. Рудня, Гаревые и др.), датирующихся в основном VI—VII вв. н. э.

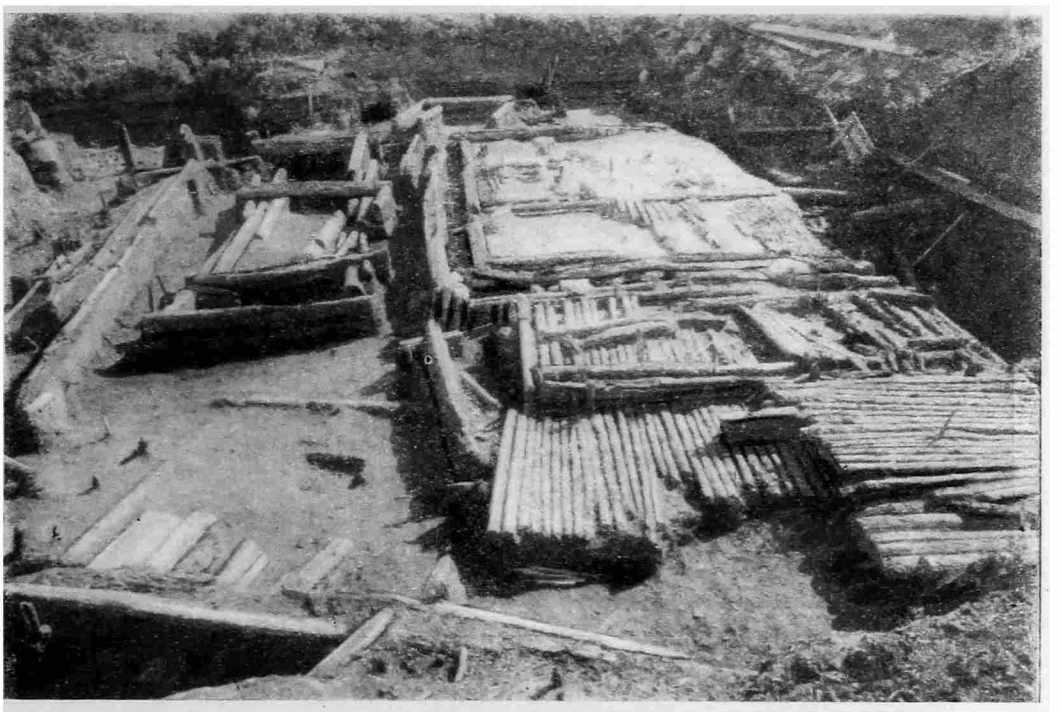


Рис. 2. Большой комплекс горелого дома из горизонта e_2.

Лишь более поздние дериваты отмеченных древнейших форм сосудов находят аналогии в могильных памятниках северо-запада, поздних длинных и древних круглых курганах (с сожжением) Псковщины, Новгородчины и Ленинградской обл. (Овинище, Обрыня, Княжое село и др.).

Исследование древнейшей группы керамики Старой Ладоги, данные привлеченных аналогий, а также установленная дата древних погребений Волховских сопок, синхронных нижней толще культурного слоя городища Ладоги, дают основание для ее предварительной датировки VII в. Подробной разработке этих вопросов, связанных с древнейшей группой керамики Старой Ладоги, посвящена указанная выше специальная статья.[1]

Весьма существенно, что многочисленные аналогии, связывающие наиболее древние элементы культуры Старой Ладоги с синхронными ей или даже несколько более древними памятниками в верховьях р. Днепра и на территории Смоленщины, не только дают основание для определения времени возникновения поселения на территории Староладожского городища, но и в известной мере указывают пути прихода

[1] Я. В. Станкевич, ук. соч.

сюда славянского населения. Так, древнейшая группа лепной керамики Ладоги, наиболее близкая материалам древнеславянских памятников Смоленщины, подтверждает ранее высказанное предположение о возможном приходе и расселении в Ладоге в VII — начале VIII в. группы восточных славян с юга — с верховьев Днепра, которые перенесли сюда достаточно высоко развитую земледельческо-скотоводческую культуру.[1]

Исключительно обильные остатки керамики, в значительной степени связанные с целостными жилыми комплексами, дают последующие гори-

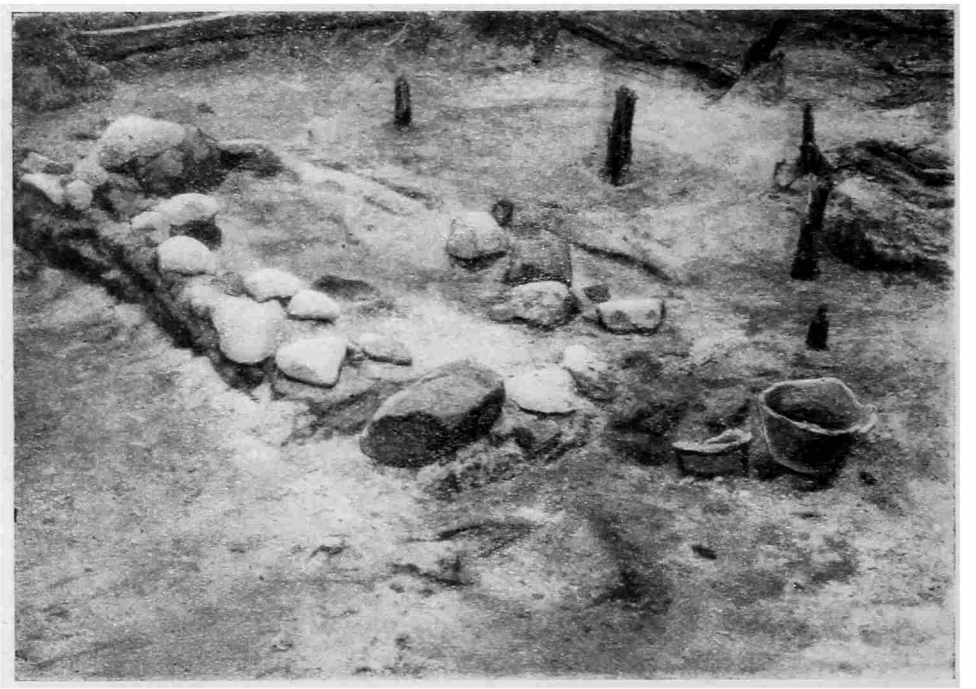


Рис. 3. Деталь комплекса горелой постройки горизонта e_2 и сосуды подле нее.

зонты нижнего культурного слоя Ладоги. Особый интерес представляет материал из более древнего горизонта e_2. Здесь, на глубине 1.08—1.30 м от репера, раскопками были вскрыты остатки погибшего от пожара жилого комплекса вместе с его хозяйственными пристройками (рис. 2). Этот же горелый слой отмечен был и в смежном раскопе Н. И. Репникова (соответствует выделенному им 2-му ярусу деревянных построек). Следы пожара, прослеживающиеся по всему горизонту, дают весьма ценные указания о синхронности всех этих построек. В силу внезапной стихийной гибели до нас дошла основная часть хозяйственной утвари, предметы обихода и убора, орудия труда в том сочетании, в каком они бытовали в древности. Так, из горизонта горелых построек только за время раскопок 1947 г. было извлечено 83 разбитых сосуда и несколько сот разрозненных черепков других сосудов. Наиболее характерный набор глиняной утвари дала большая жилая постройка с остатками настила от крыльца.[2] Скопления битых сосудов самых разнообразных типов и форм были отмечены как на задворках двора, так и под мостками, ведущими

[1] В. И. Мошинская и А. И. Смирнов. Археологические исследования в РСФСР за 1947 г. КСИИМК, XXVI, 1949, хроника, стр. 136.

[2] В. И. Равдоникас. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.), ч. II. СА, XII, стр. 16.

к указанному жилому дому, и в закоулках, представляющих, очевидно, места, куда выбрасывалась вышедшая из употребления посуда. Наибольший интерес, естественно, представляет комплекс керамики, извлеченный из внутреннего заполнения жилища. Здесь было обнаружено до 20 сосудов различного назначения и разнообразных форм, начиная от корчаг очень крупных размеров (до 50 см в диаметре) и кончая миниатюрными сосудами-мисочками. Поверхность большинства из них сильно ошлакована под воздействием огня во время пожара. Любопытно отметить, что на каменной подстилке у печи, находившейся в центральной части жилища, были обнаружены два сосуда, наполненные углями; сохранилась лишь нижняя их часть (рис. 3).

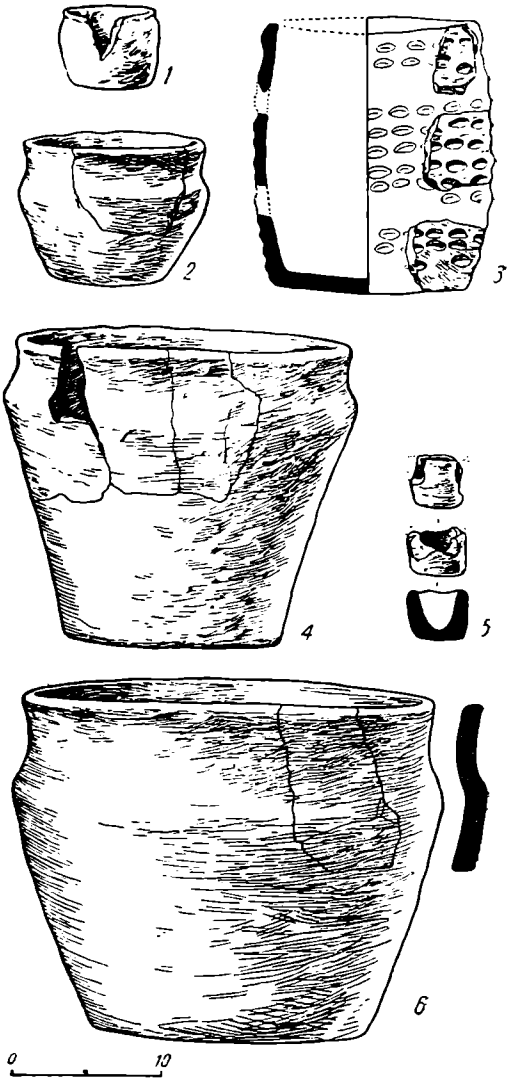


Рис. 4. Сосуды из горизонта e_2. Реконструкция.

Среди очажного инвентаря горелой постройки мы находим, так же как и в древнейшем комплексе большого дома, массивные корчаги (типа *II-5*), отличающиеся от более древних форм лишь закругленной линией плечиков (рис. 4, *6*). Однако представлены они здесь в значительно меньшем количестве. Среди общей массы сосудов крупных и средних размеров эти корчаги, диаметр которых доходит до 50 см, составляют лишь 13%. Биконическая форма, столь характерная для сосудов самых древних горизонтов Старой Ладоги, сохраняется и здесь, но она присуща теперь не ходовой очажной посуде, а почти исключительно миниатюрной настольной. Так, длительное переживание этих форм наглядно вырисовывается на маленьких сосудах-чашечках — биконических, с резким ребром, отделяющим верхнюю половину или треть сосуда (рис. 5, *3*).

Сосуды-чашечки этого типа обычно имеют расширенную верхнюю часть, прямой венчик, резко профилированные плечики и суженные книзу стенки, снабженные у днища тонкой боковой закраинкой (типа рис. 5, *1*).

Встреченный в этом же комплексе небольшой баночный горшочек с закругленными плечиками представляет довольно распространенную в раннеславянских памятниках, однако мало типичную форму (рис. 9, *2*, см. также рис. 6, *2*). Кроме того, в комплексе керамики, обнаруженной во дворе основной постройки, был встречен маленький сосудик-чашечка с закругленным дном, судя по остаткам порошкообразной массы внутри, применявшийся для специальных целей (при литье?) (рис. 4, *5*).

В целом эта группа миниатюрных сосудов-чашечек составляет до 30% в общей массе глиняной посуды горизонта горелых построек и находит близкую аналогию среди уже отмечавшейся выше керамики, происходящей из курганов у дер. Обрыня б. Деменского у. Новгородской губ., из раскопок П. А. Садикова в 1911 г.[1]

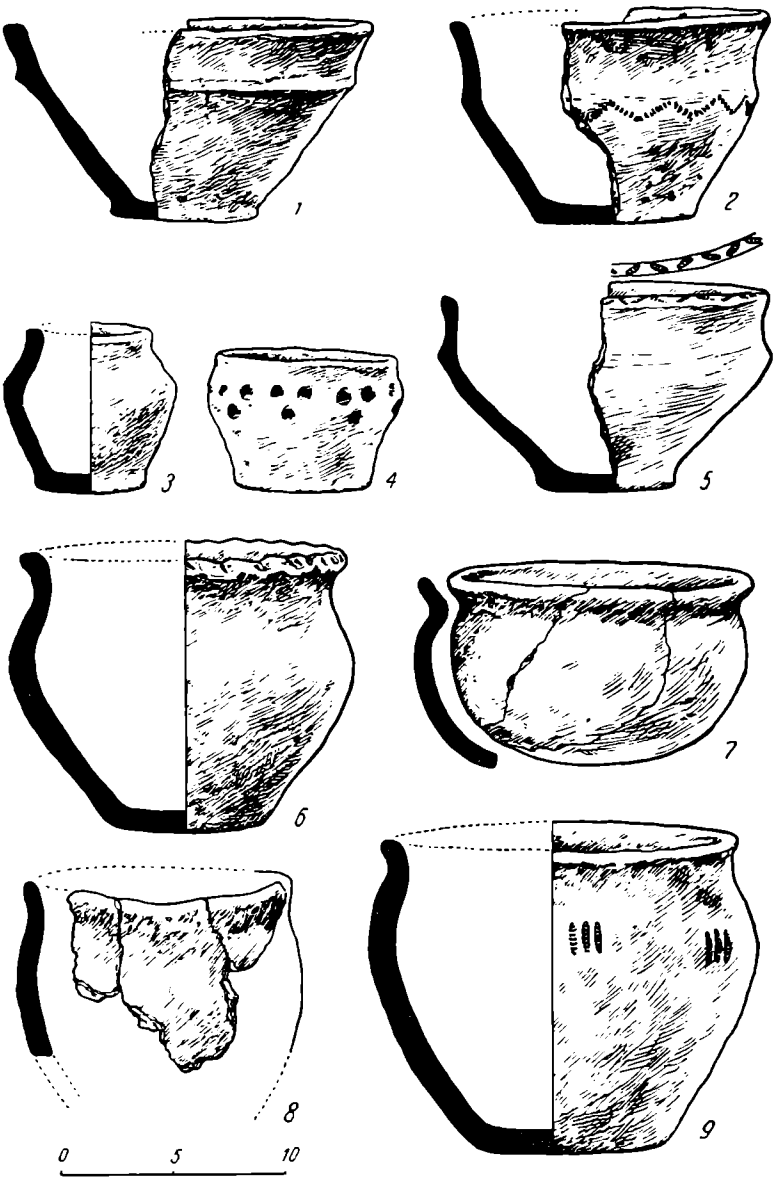


Рис. 5. Сосуды из горизонта e_1. Реконструкция.

Следует учесть, что ассортимент настольной посуды древних ладожан значительно пополнялся самой разнообразной долбленой из дерева утварью, как то: чашами, мисками, ковшами, ложками и т. п., неоднократно встреченными среди материалов нижних горизонтов древнего культурного слоя городища.

Более типичны для описываемой группы керамики единично отмеченные также в нижележащем горизонте сосуды с заглаженным ребром на высоких плечиках. Разновидностью этого типа является, например,

[1] Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, коллекция 851/8.

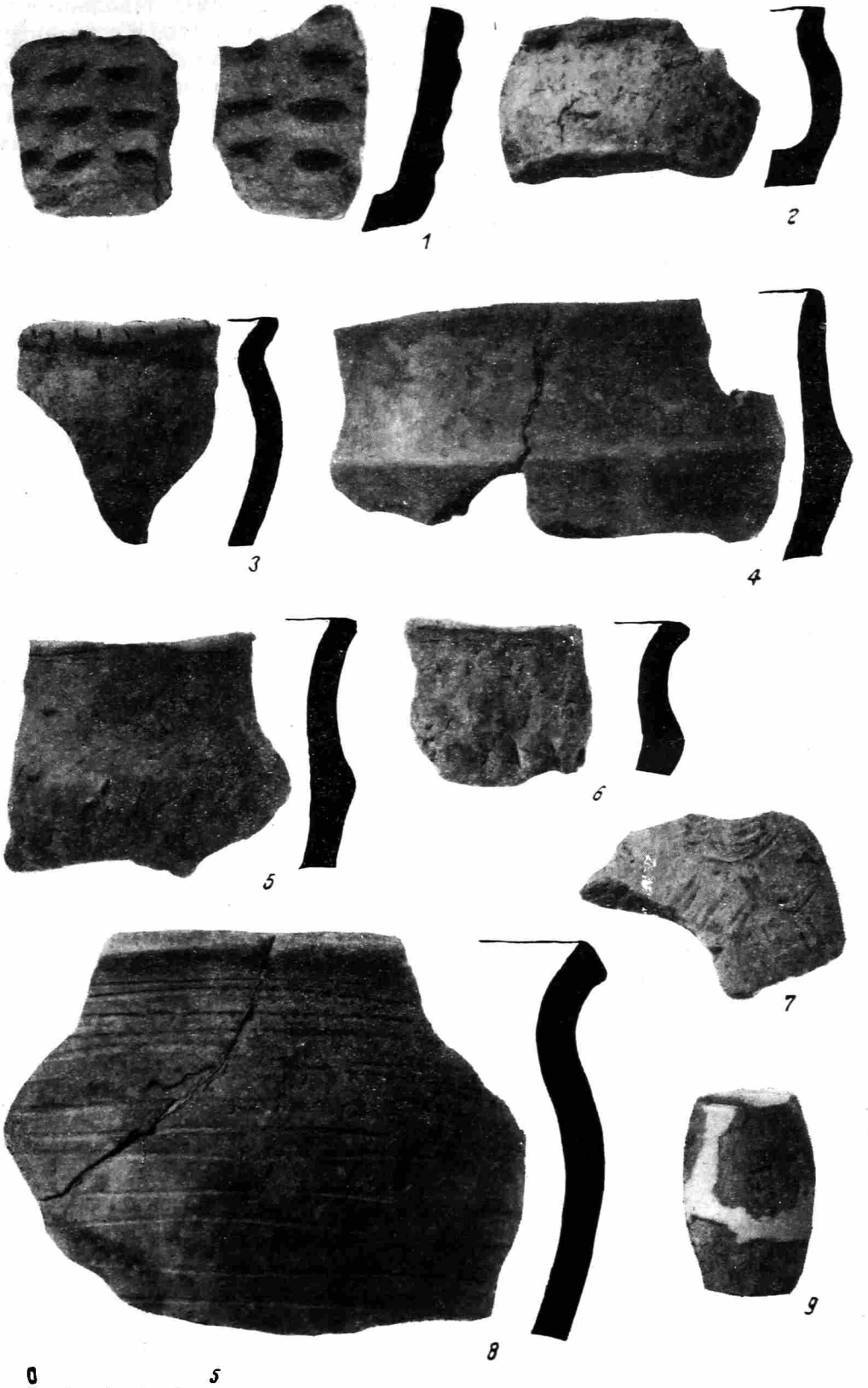


Рис. 6.

1—8 — образцы керамики из горизонта e_2 и e_1; *9*—боченковидный сосудик из раскопок П. А. Садикова у дер. Подсосонье.

сосуд с широкой верхней частью (диаметром 22 см), довольно резким переломом плечиков, отделяющим верхнюю 1/6 его часть, и с значительно суженными к днищу стенками (рис. 4, *4*). Подобную форму повторяет сосуд меньшего размера, встреченный в верхней половине описываемого горизонта. Наконец, сюда же можно отнести низкий широкодонный сосуд, близкий баночной форме, со сглаженным ребром, отделяющим 1/3 его часть.

К числу новых, впервые отмеченных элементов следует отнести сосуд, встреченный в сенях жилой горелой постройки. Фрагменты второго сосуда этого же типа были, кроме того, обнаружены в районе южного двора. Он имеет форму слабо профилированного обычного горшка с расширенной верхней частью (диаметром 18 см), законченной чуть отогнутым и скошенным наружу краем венчика; слабо округлое его тулово суживается к днищу; линия плечиков подчеркнута проходящим здесь горизонтальным желобком, отделяющим верхнюю 1/4 часть сосуда (рис. 9, *1*). Описываемый сосуд отличается и по качеству глины неравномерного обжига, темносерого и до черного в изломе цвета, содержащей мелкие примеси песка. Отсутствие на его стенках нагара, а также рыхлость глины свидетельствуют о его употреблении не для варки пищи, а для хранения сухих запасов, в пользу чего говорит и его местонахождение — в сенях жилой постройки.

Следует также остановиться на встреченной в комплексе керамики горелой постройки небольшой части любопытного лепного сосуда. Судя по имеющимся фрагментам от венчика, средней и придонной части сосуда, он имел баночную форму и прямой венчик, снабженный карнизообразным утолщением. Вся его поверхность была сплошь украшена вертикальными рядами горизонтально поставленных овальных ячеек, или углублений, что придает в профиле ребристость наружным стенкам сосуда (см. рис. 6, *1* и реконструкцию — рис. 4, *3*). Изготовлен он из светложелтой, темной в изломе глины слабого обжига, с мелкими примесями.

Достаточно близкие аналогии подобной орнаментации можно найти среди керамики из поселений бассейна Западной Двины (как на территории Великолукской обл., так и в Латвии), датируемых серединой I тысячелетия н. э. Кроме того, известные аналогии этим материалам имеются в так называемых «аваро-славянских» древностях Венгрии, как, например, в погребении № 24 могильника Regöly.[1] Происходящий из этого погребения сосуд имеет высокую баночную форму и вся его поверхность покрыта такими же ячейками, составляющими две горизонтальные полосы, идущие по плечикам, и спускающиеся от них вертикальные парные полосы. Аналогичный сосуд был встречен в погребении в Бирки (№ 1002—2), датирующемся IX — началом X в.[2] Вся поверхность этого сосуда была покрыта овальными углублениями-ячейками.

В заключение, для более полной характеристики комплекса керамики горелых построек, остановимся еще на одной встреченной здесь в двух случаях разновидности крупных высоких сосудов, один из которых был обнаружен в развале бревен горелой постройки. Для них также характерно относительно высокое, вытянутое тулово с закругленными плечиками и расширенной верхней частью, законченной чуть отогнутым венчиком, снабженным валикообразным утолщением (рис. 1, *III-4*). Для этой группы соотношение высоты и ширины будет несколько иным,

---

[1] J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Брауншвейг, 1905, т. III, табл. 192.

[2] Holger Arbman. Birka I. Die Gräber. Стокгольм, 1943, табл. 256, *1*.

чем в предшествующей группе приземистых сосудов, а именно — ширина равна высоте, а если и превышает высоту, то очень незначительно.

Необычным и, казалось бы, не увязывающимся с характером основной массы находок описываемого горизонта является встреченное в юго-восточном секторе раскопа 1947 г., при разборке вымостки между оградой скотного двора и пешеходными мостками, донце миниатюрного лепного сосуда из плотной глины. На его наружной стороне имеется углубление округлых очертаний, представляющее, повидимому, отпечаток оси какой-то простейшей гончарной подставки.

Вся вышеописанная группа керамики горизонта горелых построек выделяется значительным улучшением качества изделий, проявляющимся как в составе глины, так и в степени обжига. Соотношение различных категорий глиняной посуды выразится следующим образом:

1) группа керамики из рыхлой глины плохого обжига составляет лишь 18%;

2) группа изделий из достаточно плотной глины черно-бурого оттенка составляет 52%;

3) группа изделий из тонкой глины хорошего обжига занимает в общей массе посуды 30%.

Следует также отметить, что при тщательном технологическом анализе в составе последней из перечисленных категорий керамики выделяется небольшая группа фрагментов, отличающихся как по содержанию глиняного теста — наличию в нем тонких, хорошо перемешанных частиц песка и блестящих на поверхности чешуек слюды, — так и по прослеживающимся на их хорошо заглаженной поверхности слабо прочерченным горизонтальным или чуть наклонным штрихам. Если принять во внимание эти признаки и сопоставить с ними факт находки в основании горизонта e_2, непосредственно под горелыми постройками, уже упомянутого нами донца сосудика с отпечатком оси, то следует признать, что частично уже в горизонте e_2 мы улавливаем признаки применения при изготовлении глиняной посуды простейшей и еще несовершенной центрированной подставки. Более отчетливо это выступает на материале вышележащего горизонта e_1. Впрочем, вопросы, связанные с развитием техники гончарного дела, мы затрагиваем здесь лишь вскользь, поскольку им посвящена наша специальная работа.

Отметим, что в комплексе керамики горизонта e_2 образцы привозной лощеной посуды отсутствуют.

Среди сопровождающего керамику многочисленного вещественного материала горизонта e_2 отметим наиболее типичные для него части деревянных игрушечных мечей с треугольной головкой типа VIII — начала IX в., многочисленные костяные поделки, среди них зачастую орнаментированные острия для плетения сетей, гребни односторонние, широкозубые, с высокой разнообразно орнаментированной спинкой; миниатюрные подвески-уточки типа близкого известным из длинных курганов; бронзовые подвески; многочисленные крупные глазчатые и мозаичные стеклянные, а также пастовые, сердоликовые и хрустальные бусы и пронизки разнообразного раннего типа и другие предметы. Наконец, в этом же горизонте во время раскопок 1948 г. была встречена деревянная миниатюрная мужская стилизованная фигурка.[1]

Описанные выше ведущие типы сосудов горизонта горелых построек (e_2) Старой Ладоги находят достаточно широкие и многочисленные аналогии и, в первую очередь, среди могильных памятников северо-запада, в частности, в курганах с сожжением. Поскольку в этой группе еще

[1] В. И. Равдоникас. ук. соч., СА, XII, рис. 31.

в значительной мере сохраняются древние биконические, ребровидные и тому подобные формы сосудов, подробно описанные в группе керамики нижнего горизонта Ладоги, то и для них остаются в силе уже приводившиеся нами выше аналогии. Что касается отмеченных новых элементов, выявляющихся в керамике горизонта e_2, то, как уже было указано, они находят непосредственные аналогии среди материалов из ранних курганов с сожжением северо-запада. Так, сравнительно маленький, невысокий сосуд с заглаженным ребром и чуть отогнутыми плечиками, приближающийся к обычного типа раннеславянским горшкам, был встречен П. Г. Любимовым при вскрытии сопки у дер. Золотое Колено (в нижнем течении р. Мсты); сосуд сопровождался бронзовыми спиралями раннего типа и сердоликовой бипирамидальной бусой и датировался исследователями IX—X вв.[1]

Кроме того, аналогичный староладожским высокий сосуд с сильно расширенной верхней частью и ребристыми плечиками был встречен в кургане № 3 у дер. Городище на р. Сясь Ленинградской обл. при раскопках 1909 г. Н. И. Репниковым.[2] Среди сопровождающего малохарактерного инвентаря можно лишь отметить костяную гребенку типа IX—X вв.[3]

Несколько более древний, уже отмечавшийся нами ранее, погребальный комплекс происходит из грабительских раскопок курганов с сожжением у дер. Княжое Село Боровичского района Новгородской обл., в инвентаре которого имеется аналогичного типа керамика. Все 5 сосудов этого комплекса имеют сглаженно-биконическую форму — от небольших широкодонных до высоких широкогорлых горшков с крутыми плечиками.[4] Среди сопровождающего инвентаря имеются раннего типа железные ножи с расширенным основанием черенка, — форма, столь характерная для Волховских сопок, бронзовые колечки, бронзовые спиральки большого диаметра из плоской пластины, украшенной продольной бороздкой, глазчатые бусы раннего типа и голубые пронизки, а также обрывки кольчужной сетки.[5] В целом этот комплекс может быть датирован VIII—началом IX в. Близкие аналогии нашим материалам дают также длинные курганы Псковщины. Кроме того, многочисленные аналогии керамике горизонта горелых построек Ладоги мы найдем и в приводившихся выше памятниках Смоленщины. Так, сосуды, весьма близкие по формам к ладожским, были встречены среди материалов из длинных курганов у дер. Верхне-Гаревые Полоцкого района БССР.[6] Еще больше аналогий поздним дериватам биконических сосудов Ладоги дают раннеславянские городища верховьев Днепра, как, например, Банцеровское городище, городище на Речице (Круглый стол) у Смоленска [7] и целый ряд других, им синхронных памятников. Более отдаленные аналогии этим формам мы найдем также в составе группы раннеславянских памятников Боршевского городища.

В итоге следует отметить, что горизонт e_2 с остатками горелых построек на основании встреченных здесь вещественных материалов увязывается с достаточно многочисленными и синхронными ему могильными памят-

---

[1] Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА СССР, № 6, М.—Л., 1941, табл. IX, *4*.

[2] Н. И. Репников. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах. ЗОРСА, т. XI, рис. 5, *3*.

[3] МАР, № 18, табл. V, *3*.

[4] ОАК, 1912, отдел II, случайные находки и приобретения, рис. 86, 87; см. также: Я. В. Станкевич, ук. соч., СА, XIV, рис. 5, *1—2*.

[5] Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, колл. 852.

[6] Працы Археолёгічнай камісcіі, т. II, стр. 184, рис. 1.

[7] Там же, стр. 300, табл. VII, *5* и др.

никами (сопками, курганами) не только на территории Приладожья, но и Ленинградской, Псковской и Новгородской обл. Нельзя не отметить, что, повидимому, одновременным вышеописанному горизонту Ладоги в первую очередь является обнаруженный и исследованный в 1938 и 1948 гг. на территории земляного городища древний могильник с сожжением, суммарно датированный С. Н. Орловым второй половиной I тысячелетия н. э.[1]

Итак, общий характер керамики горизонта e_2, в значительной степени повторяющий формы древнейшей посуды Ладоги, отражает в то же время последующий этап в общей генетической линии ее развития. Приведенный нами сопутствующий керамике горизонта e_2 вещественный материал, а также аналогии — в первую очередь среди наиболее близких могильных памятников как на территории Ленинградской, так и соседних областей, датирующихся находками в основном VIII или первой половиной IX в., — дают нам основание для датировки этой группы ладожской керамики и соответствующего горизонта в целом также VIII — самым началом IX в.

Присутствие в древнейших жилых комплексах Старой Ладоги столь характерной и отличающейся значительными размерами грубой очажной посуды, наиболее типичной для горизонтов e_3 и e_2, а также отмеченное здесь центральное расположение печей в жилище дают известные указания на наличие общности очага и потребления в большой патриархальной семье, очевидно являющейся первоначальной производственной ячейкой древнейшего населения Ладоги. Вместе с тем в каждой такой патриархальной семейной ячейке существовало сосредоточенное в руках женщин и рассчитанное на удовлетворение своих внутренних нужд домашнее производство глиняной утвари.

При изучении материала, происходящего из верхней толщи древнего культурного слоя Ладоги (горизонты e_1 и ∂), прежде всего следует учитывать значительно более сложные условия стратиграфии. Сравнительно целостную картину дает горизонт e_1, однако отмеченные в нем жилые сооружения небольшого размера с уличной их планировкой далеко не всегда увязываются с определенными целостными комплексами керамики. Все же при описании происходящих отсюда керамических остатков мы прежде всего стремились, там, где это было возможно, полнее осветить те комплексы керамики, которые были связаны с определенными жилыми сооружениями. Достаточно многочисленная переходная группа лепной керамики горизонта e_1, непосредственно предшествовавшая массово появляющимся, начиная с горизонта ∂, ранним изделиям гончарного круга, дает большое разнообразие не только форм глиняной посуды, но и впервые здесь появляющегося орнамента. И в этой группе, как уже отмечалось, еще частично сохраняются массивные корчаги и крупные сосуды для варки пищи. Они представлены в своих наиболее поздних вариантах, т. е. с закругленными плечиками или туловом и чуть отогнутым венчиком (рис. 1, *II-6*). Кроме того, для описываемой группы довольно характерны уже отмечавшиеся относительно высокие сосуды, частично сохраняющие ребристость плечиков (рис. 6, *4*). Эти же формы единично были отмечены среди инвентаря сожжений из курганов Приладожья. Своеобразную форму поздних биконических сосудов представляют низкие, неуклюжие, толстостенные горшки с широким горлом, снабженные несколько заглаженным ребром, отделяющим верхнюю $^1/_4$ сосуда, и с широким массивным днищем с чуть выступающей закраи-

[1] С. Н. Орлов. Могильник в Старой Ладоге. Ученые зап. ЛГУ, серия историч. наук, вып. 10, Л., 1940.

ной. Эта форма в ряде случаев повторяется в ранних сожжениях из курганов Приладожья. Не лишен интереса встреченный в этом горизонте небольшой боченкообразный сосуд с чуть вогнутым внутрь краем прямого венчика и легким перегибом плечиков, изготовленный из черной глины. Близкую аналогию ему дает миниатюрный высокий сосудик, происходящий из кургана с сожжением у дер. Подсосонье (б. Деменского у. Новгородской губ.), раскопанного П. А. Садиковым [1] (рис. 6, *9*).

Среди более тонкостенной посуды горизонта e_1 следует отметить еще достаточно архаическую, повидимому, местную форму изящных сосудов-мисочек с прямым широким венчиком и проходящим под ним чуть утолщенным ребром, отделяющим верхнюю широкую $^1/_3$ сосуда от нижней его части, суживающейся на конус к днищу. Они обычно изготовлены из более тонкой глины с примесью мелких блесток слюды, сравнительно хорошо обожжены и часто орнаментированы. Орнамент чаще всего наносился гребенчатым штампом, в виде зигзагообразной, опоясывающей сосуд линии (рис. 5, *2*, *5*), в отдельных же случаях плечики подчеркнуты небольшим валикообразным утолщением (рис. 5, *1*). Характерно, что на некоторых сосудах этой группы на внутренней стороне их стенок прослеживаются тонкие горизонтальные штрихи, представляющие, видимо, следы частичной их подправки на вращающейся подставке. Кроме того, в описываемом горизонте было встречено несколько сосудов шарообразной формы, с округло уплощенным днищем и широким, немного отогнутым наружу венчиком (рис. 5, *7*). Сосуды изготовлены из рыхлой глины с мелкими примесями. Аналогии подобной форме были отмечены в курганах Приладожья.[2] Среди них особо выделяется обнаруженный в кургане № 4 у дер. Новосельск массивный сосуд-чаша округлой формы, с проходящим посредине тулова горизонтальным наплывом-ребром, представляющим не орнаментальный элемент, а техническую деталь, появившуюся в результате архаического способа лепки в мискообразной подставке, что было характерно для слабо развитого гончарного производства у финского населения Приладожья. В самой Ладоге, кроме того, были встречены пережиточные варианты этих округлой формы сосудов, более высоких и со значительно уплощенным днищем.

Однако отмеченные новые элементы орнаментации значительно разнообразнее представлены в группе высоких сосудов с округлыми плечиками и частично среди баночных. В этой группе имеются горшки с округлым туловом, обычной славянской формы, орнаментированные по утолщенному срезу чуть отогнутого венчика глубокими косыми вдавлениями (рис. 5, *6*) или украшенные по плечикам тройными сочетаниями вертикальных оттисков гребенчатого штампа (рис. 5, *9*). Особенно разнообразно представлены фрагменты сосудов с подобной орнаментацией среди соответствующих материалов из раскопок 1948 и частично 1949 гг. Среди них имеются почти аналогичные вышеописанным фрагменты с косыми насечками по срезу венчика (рис. 5, *6* и 6, *3*) и более богато орнаментированные как по срезу венчика, так и по плечикам сплошной полосой из рядов косо поставленных оттисков овального гребенчатого штампа (рис. 8, *4*). К числу новых элементов можно также отнести орнаментацию в виде опоясывающего весь сосуд ряда из крупных, но не глубоких ямочных вдавлений (рис. 8, *1*), в отдельных случаях сочетающихся с гребенчатыми оттисками по краю венчика (рис. 8, *3*). Среди материалов из раскопок 1948 г. имеется миниатюрный горшочек с чуть выступающими

---

[1] Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, колл. № 851/10.

[2] Например в кургане у дер. Прилуки (№ 11, МАР, № 18, табл. X, *6*).

плечиками, орнаментированными пояском из повторяющихся тройных ямочных вдавлений (рис. 5, *4* и 9, *3*).

Аналогичные сосуды баночной формы, орнаментированные широкими неглубокими ямками, были встречены в отдельных наиболее ранних сожжениях из курганов Приладожья, как, например, у дер. Усть-Рыбижны.[1]

В итоге описания мы установили весьма существенный факт появления впервые в горизонте e_1 Старой Ладоги достаточно разнообразной орнаментации в виде оттисков гребенчатого штампа, насечек, ямочных вдавлений и т. п., особенно характерной для более развитых форм сосудов с высокими плечиками, столь обычных среди раннеславянских памятников. Вместе с тем эта группа орнаментированной посуды составляет лишь меньшую часть (до 40%) в общей массе керамики горизонта e_1 Старой Ладоги, среди которой имеются как пережиточные формы более древних биконических сосудов с ребристыми плечиками (составляют до 20%), так и уже отмеченные обычные формы высоких сосудов, лишенные орнаментации. Вместе с тем при технологическом анализе керамического материала описываемого горизонта выяснилось, что для него характерно дальнейшее улучшение качества глины и обжига, отразившееся на количественном соотношении технологических групп керамики.

1. Так, сосуды из плохо обожженной глины с примесями составляют здесь только 20%.

2. В известной мере продолжают изготовляться старыми приемами корчаги и крупные сосуды из черной плотной глины среднего обжига, составляя в общей массе керамики 30%.

3. Тщательно изготовленные сосуды из тонкой серой глины хорошего обжига составляют в общей массе керамики уже 50%.

Следует отметить, что как на отдельных орнаментированных сосудах-мисочках и в некоторых случаях на очажной посуде, сохраняющей характерную для лепных изделий ребристость, так и на ряде более обычных для горизонта e_1 сосудов с округлыми плечиками прослеживаются горизонтальные штрихи от частичного и еще несовершенного заглаживания стенок на вращающейся гончарной подставке. В целом эта группа составляет до 20% в общей массе керамики горизонта e_1.

К совершенно новым элементам орнаментации, связанным с вращательным движением простейшей гончарной подставки, должны быть отнесены впервые и лишь в нескольких случаях отмеченные в данном горизонте фрагменты сосудов с неправильно и неравномерно прочерченными и наскакивающими одна на другую крупными волнистыми линиями, покрывающими значительную часть стенок (рис. 6, *7*). Кроме того, здесь были отмечены также фрагменты крупных сосудов с округлым туловом, шероховатые стенки которого сплошь покрыты опоясывающей по спирали рифленой прямой линией (рис. 6, *8*). Аналогии подобной раннегончарной керамике известны в древнем Киеве.

Таким образом, на керамическом материале Старой Ладоги прослеживается появление и постепенное распространение, начиная с горизонта e_1 и выше, новых элементов орнаментации сосудов, неизвестных в нижележащих горизонтах, однако столь характерных для славянских типов лепных сосудов с округлыми плечиками. Необходимо, кроме того, особо подчеркнуть, что самые разнообразные вариации орнамента, нанесенного зубчатым и гребенчатым штампом, дает керамический материал из горизонта e_1, в особенности из раскопок 1948 г.

---

[1] МАР, № 18, табл. X, *3*.

Из остального инвентаря наряду с сохраняющимися здесь уже отмеченными выше типами украшений из горизонта e_2 следует, кроме того, указать орнаментированные односторонние гребни, костяные полукруглые и глиняные фигурные орнаментированные прясла, массивные глиняные грузила, орнаментированные штампом, отдельные бронзовые украшения и многое другое.

Ближайшие аналогии наиболее ранним типам подобных сосудов Ладоги мы найдем среди материалов, добытых А. В. Тищенко в 1910 г. у дер. Ловницы в б. Валдайском у. Новгородской обл.[1] Того же характера керамика была обнаружена во время раскопок П. А. Сухова в 1940 г. на городище в южном Белозерье Кирилло-Белозерского района Вологодской обл., ориентировочно датированном исследователем IX—X вв.;[2] здесь она также сочеталась с высокими сосудами с округлыми плечиками и значительно суживающимися книзу стенками, лишенными орнамента. Аналогичные формы как орнаментированных, так и гладких сосудов прослеживаются и на более широкой территории. Так, на Смоленщине подобная посуда широко распространена, как уже отмечалось, начиная с древнейших славянских могильных памятников. Можно указать, что сосуды с высокими плечиками и орнаментом в виде косых или зигзагообразных отпечатков гребенки и с насечкой по венчику были встречены при раскопках удлиненных курганов у дер. Ярцево В. И. Сизовым в 1903 г.[3]

Аналогичная керамика известна также из древних круглых курганов с трупосожжением на Смоленщине. Так, в кургане № 33 у дер. Шиловка Пореченского района, исследованном И. С. Абрамовым в 1905 г., был обнаружен небольшой, невысокий из грубой глины сосуд с округлым туловом и плечиками, украшенный по срезу венчика косыми оттисками гребенчатого штампа; среди сопровождающих вещей имеется сплав синих стеклянных бус, широкие бронзовые спирали и обломок трапециевидной подвески, украшенной концентрическими кружками, а по краю — рубчиками.[4] Отмечены эти формы лепной посуды и в некоторых наиболее ранних сожжениях Гнездовского могильника.[5] Поскольку для последнего памятника, начиная с первой половины X в., характерны широко распространяющиеся здесь гончарные сосуды с линейным и волнистым орнаментом, очевидно, что более древняя лепная посуда, орнаментированная гребенчатым штампом, может быть отнесена к IX и самому началу X в. В пользу датировки ранней группы керамики на территории Смоленщины концом VIII и IX в. говорит также встреченная в отмеченном выше кургане № 33 у дер. Шиловка трапециевидная подвеска сравнительно ранней формы. Примерно такую же датировку — IX—X вв. — раннеславянских памятников дает П. Н. Третьяков на основании своих разведочных работ в 1938 г. в верхнем течении р. Ворсклы, где тоже была обнаружена аналогично орнаментированная лепная керамика.[6] Достаточно характерны эти формы раннеславянских горшков с гребенчатым орнаментом и для района верхнего течения Волги; здесь, в исследованных нами раннеславянских могильниках у дер. Тимирево и с. Михайловского, кроме того, были встречены довольно древние про-

[1] Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, колл. 8/722.

[2] П. А. Сухов. Славянское городище IX—X вв. в южном Белозерье. МИА СССР, № 6, Л., 1940, табл. I.

[3] ГИМ, отдел. III.

[4] А. С[пицын]. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1. СПб., 1906, стр. 194 и 206, рис. 40.

[5] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. МАР, № 28, СПб., 1902, рис. 73 и 76.

[6] П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, I, Киев, 1947, стр. 134.

тотипы этих форм, орнаментированные оттисками веревочки и рядами вдавлений по краю венчика, датирующиеся комплексом инвентаря концом VIII и началом IX в. Однако и здесь в комплексах IX — начала X в. более обычен орнамент, нанесенный гребенчатым штампом, доживающий до середины X в. и сосуществующий уже в это время с гончарными сосудами, как об этом свидетельствует погребение в кургане № 4 Тимиревского могильника, сопровождавшееся арабской монетой — диргемом 914—943 гг.[1]

Наконец, необходимо отметить, что достаточно близкие аналогии высоким сосудам с гребенчатым орнаментом Староладожского городища мы найдем среди памятников в первую очередь городищ, а также и курганов роменско-боршевского типа. А. А. Спицын, отмечая в своих заметках те памятники, где была встречена лепная посуда с «гусеничным» (гребенчатым) орнаментом, перечисляет до 16 городищ, главным образом роменско-боршевского типа, в том числе Гочевское, Роменское и Боршевское городища.[2] Последний из указанных памятников дает наиболее близкие аналогии староладожской керамике; так, здесь отмечены довольно разнообразные формы высоких баночных сосудов, украшенных разнообразными сочетаниями оттисков гребенки.[3] Точно так же раннеславянские городища роменского типа, широко распространенные в области Левобережья Днепра и, в частности, по течению рек Сулы и Ромны, исследованные Н. Е. Макаренко, дают аналогичную лепную керамику с самым разнообразным сочетанием орнаментации — гребенчатым штампом, насечками и неглубокими ямочными вдавлениями. Последняя наиболее характерна для ранней группы керамики этого типа.[4]

Вопросу о датировке памятников роменско-боршевского типа уделено за последнее время достаточное внимание, причем большинство исследователей (П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин и др.) склоняются к их датировке в основном IX—X вв.[5]

В итоге проделанного анализа мы можем отметить значительно более пеструю картину разнообразия и вариаций форм сосудов, которую дает выделенная нами вторая основная группа керамики городища, главным образом связанная с двумя верхними горизонтами нижнего культурного слоя Ладоги. Верхний горизонт культурного слоя городища дает наряду с сохранением дериватов древних форм сосудов наиболее развитые формы поздней лепной керамики, соответствующей выделенной нами первой подгруппе второй основной группы керамики городища. Это преимущественно баночные сосуды с округлыми профилированными высокими плечиками и отогнутым венчиком, часто украшенные оттисками зубчатого или гребенчатого штампа, находящие аналогии в славянских памятниках IX — начала X в. лесной полосы СССР, а также, частично, в более южных памятниках роменско-боршевского типа. Весь этот достаточно широкий круг памятников, дающих прямые или близкие аналогии как по форме, так и по орнаментации рассмотренной группе позднелепных сосудов Старой Ладоги, увязывается с территорией расселения восточнославянского племени кривичей. Эта территория более или

---

[1] Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА СССР, № 6, Л., 1940, стр. 70, рис. 5, *6* и табл. II, *3*.

[2] Архив ИИМК, ф. 5, д. № 378; А. А. Спицын. Днепровские городища, л. 5 и сл.

[3] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА СССР, № 8, М.—Л., 1948, табл. XIII и XIV, *2*.

[4] Микола Макаренко. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу. Niderlûv sb., obsor praehistoricny, IV, 1925, табл. I и II.

[5] См. кроме указанных работ: И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947.

менее четко определяется ареалом распространения подобных памятников, известных как в Ленинградской обл., так и в южном Белозерье, на Смоленщине и в верховьях Волги. Вместе с тем подобные аналогии в известной мере определяют верхнюю хронологическую границу для горизонта e_1 Старой Ладоги. На основании распространения отмеченных сравнительно поздних форм орнаментированных крупных сосудов среди территориально и хронологически наиболее близких Старой Ладоге памятников — Ленинградской обл., южного Белозерья и Смоленщины — и их датировки, мы можем с достаточной уверенностью отнести эту группу керамики Ладоги в основном к IX в., с частичным продлением этой даты вглубь (конец VIII в.) и вверх (самое начало X в.).

Тем самым более или менее ясно определяется верхняя хронологическая граница древней части нижнего культурного слоя Старой Ладоги тем же временем, т. е. IX—началом X в.

При изучении материала, происходящего из верхнего горизонта *д* древнего культурного слоя Ладоги, необходимо учитывать чрезвычайную сложность отчленения верхней его границы от вышележащего более позднего культурного слоя. Эти значительно более сложные условия стратиграфии горизонта *д*, на некоторых участках городища перекрытого остатками более поздних построек, нагромождениями различного рода вымосток, каменной кладки или даже частично затронутого позднейшими ямами, в известной мере определяют фрагментарный характер извлеченного отсюда материала, в особенности из вышележащей части горизонта. Эта трудность усугубляется еще и тем, что обнаруженные в данном горизонте небольшие по размерам постройки городского типа с уличной их планировкой не дали еще сколько-нибудь целостных и характерных комплексов керамики, связанных с определенными жилыми сооружениями. При этом следует учитывать, что состояние керамического материала с незаконченной камеральной обработкой не дало возможности использования его в полной мере при исследовании. В связи с этим мы ограничимся в настоящем разделе работы лишь общей суммарной характеристикой группы керамики верхнего горизонта нижнего культурного слоя земляного городища Старой Ладоги, условно именуемого в процессе раскопок горизонтом *д*.

Между тем, происходящая отсюда значительная по количеству группа керамики представляет особенно пеструю картину не только по отмеченным здесь формам сосудов, но и по разнообразию их орнаментации. В процессе изучения этого материала из горизонта *д* в целом, учитывая вышеотмеченные особенности, мы имели возможность убедиться в неоднородности его, что вызывает необходимость более дробного членения. Нам представляется возможным предварительно расчленить керамический материал горизонта *д* на две подгруппы. Так, более древняя подгруппа, в основном происходящая из нижней части горизонта, прежде всего характеризуется особенно разнообразной орнаментацией. В незначительном количестве здесь еще переживает лепная керамика, составляя до 25%. Среди керамики данной подгруппы частично сохраняются старые элементы орнаментации в виде гребенчатых оттисков, ямочных и ногтевых вдавлений и кружков (рис. 8, *1*, *3*). Так, здесь имеются фрагменты небольших сосудиков слабо профилированных, с редко расположенными по округлым плечикам оттисками гребенчатого штампа или простой ломаной линии (рис. 7, *3*, *6*). Наряду с этим отмеченные аналогичные формы украшены по плечикам одним рядом вертикально поставленных овальных врезов, или ячеек (рис. 8, *6*). Среди достаточно крупных толстостенных сосудов со слабо профилированными стенками имеются отдельные экзем-

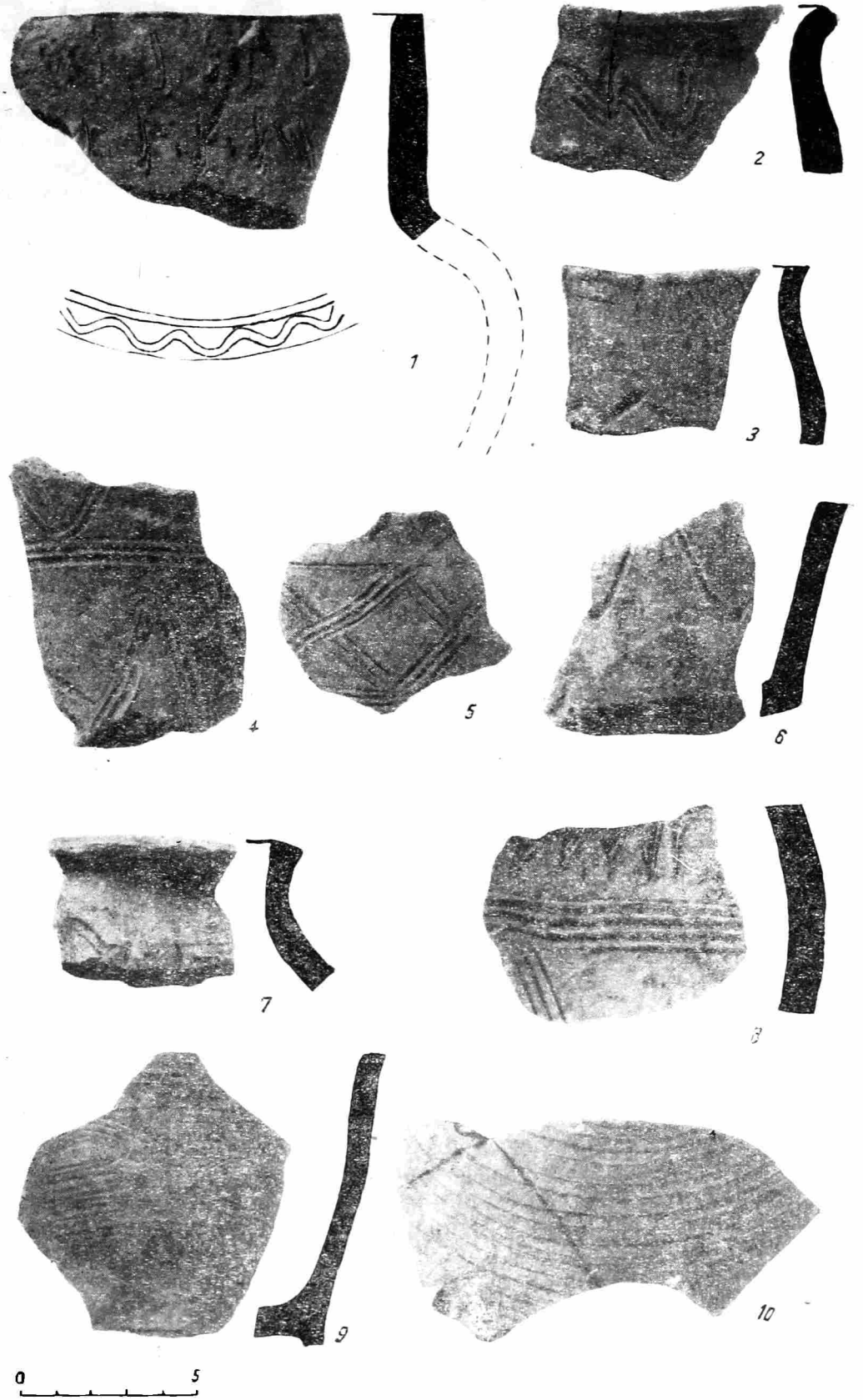


Рис. Образцы керамики из горизонта *д*.

пляры, орнаментированные горизонтальным пояском из правильных ямочных вдавлений.

Однако основное значение для характеристики этой группы керамики имеют впервые появляющиеся еще в горизонте e_1, а здесь получающие свое дальнейшее развитие новые элементы орнамента в виде параллельных, ломаных, перекрещенных и волнистых линий, зачастую проведенных еще недостаточно четко. Среди обычных довольно крупного размера горшков с чуть округлым туловом и слабо отогнутым венчиком повторяется уже отмеченный орнамент в виде рядов крупных, иногда набегающих одна на другую волн (рис. 8, *7*); в ряде случаев прочерченные двух- или трехзубым инструментом крупные волны образуют ряд высоких арочек, отделенных интервалами с проведенными между ними аналогичным инструментом горизонтальными поясками (рис. 7, *4* и *8*). Наряду с наиболее типичными для раннегончарной группы керамики слабо профилированными сосудами здесь же были отмечены довольно крупные сосуды с почти горизонтально отогнутым венчиком, орнаментированные по тулову двумя поясками из тройных параллельных линий и аналогичной зигзагообразной полосой между ними (рис. 8, *2*), а в других случаях — двумя перекрещивающимися зигзагообразными линиями, образующими ромбы (рис. 7, *5*). К числу довольно обычной в этой группе орнаментации относится проведенная по плечикам широкая волнистая линия (рис. 7, *2*); более своеобразна встреченная в нескольких случаях орнаментация в виде кружков и арочек, нанесенных полым штампом (рис. 8, *5*).

Значительная часть представленной здесь керамики, а именно — до 70% ее общего количества, может быть отнесена к числу раннегончарных изделий, сделанных на круге. Она отличается еще недостаточно симметричными, но уже частично заточенными стенками, покрытыми иногда еще сохраняющим угловатые линии орнаментом, однако в основном уже связанным с хотя и несовершенным еще вращательным движением сосуда при его формовке на круге (рис. 7, *7*). Характерно также наличие в составе данного комплекса керамики образцов южной привозной посуды — красноглиняных амфор с линейно-канеллюрным орнаментом, составляющих до 5% в общей массе керамики горизонта *д* (рис. 7, *10*).

Среди остальных вещественных находок можно отметить: костяные орнаментированные гребни середины X в. и другие костяные поделки,[1] крупные стеклянные глазчатые бусы; сердоликовые, хрустальные гранчатые и особенно обильные мелкие золоченые, а также желтые и синие как бусы, так и пронизки и даже отдельные ожерелья из мелких желтых пастовых бус; восточные монеты X в. в виде единичных находок и небольших кладов.

В целом весь этот комплекс более древней керамики горизонта *д* характеризует последующий существенный этап в общей генетической линии развития нашего памятника и на основании сопровождающих находок и аналогий может быть датирован первой половиной и серединой X в. н. э.

Более поздняя подгруппа керамики горизонта *д* отличается еще большей фрагментарностью, в ней почти полностью отсутствуют целые сосуды и тем более комплексы, связанные с отдельными жилыми постройками. Основной характерной чертой для данной подгруппы является почти полное вытеснение лепной керамики изделиями гончарного круга в достаточно уже развитых формах и со столь характерным для них несколько

[1] В. И. Равдоникас, ук. соч., СА, XI, рис. 33 и 34.

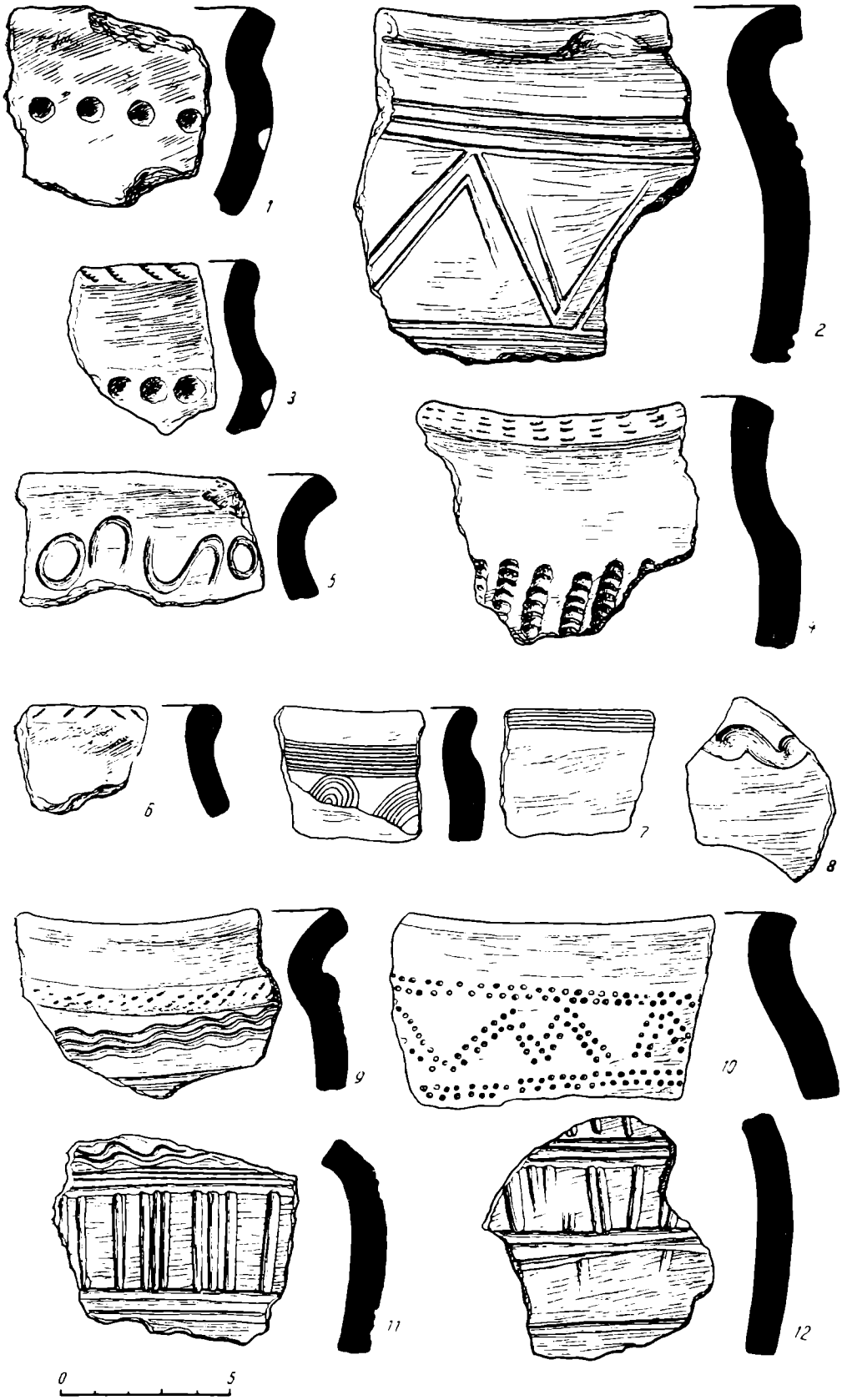


Рис. 8.

1—7 — образцы керамики из горизонта *д*; *8—12* — позднегончарная керамика из горизонта *е*.

стандартизированным орнаментом в виде параллельных и волнистых линий. В общей ее массе отмечено незначительное количество (до 5%) керамики лепной, производящей впечатление случайно сюда попавшей.

При изучении фрагментарного, однако весьма разнообразного по характеру материала этой подгруппы керамики существенное значение имеет привлечение аналогичного синхронного материала из погребений юго-восточного Приладожья.

Довольно обычны для описываемой подгруппы впервые отмеченные еще в горизонте e_1 сосуды, сплошь покрытые глубокой рифленой линией, спирально спускающейся по стенкам. Почти аналогичные формы характерны и для погребений юго-восточного Приладожья конца X—начала XI в. Среди более ранних из них имеются сосуды, довольно примитивно орнаментированные неровно проведенной лишь по плечикам рифленой линией. Обычно эти формы сопровождаются грубыми лепными сосудами. В погребениях же, датированных монетами началом XI в., чаще всего отмечены сплошь рифленые сосуды как, например, в кургане № 12-I у дер. Карлуха (рис. 9, *5*). Вместе с тем необходимо указать, что курганный инвентарь не дает того разнообразия переходных типов раннегончарной керамики, как мы это наблюдаем на городищенском материале, что в известной мере объясняется более длительным переживанием в погребальном ритуале грубых лепных урн, сменяющихся в дальнейшем уже развитыми типами гончарной посуды.

Для более поздней подгруппы керамики горизонта *д* особенно типичны среднего и небольшого размера сосуды, различной степени профилировки, с прямо или косо срезанным краем венчика и со стенками, значительно или сплошь украшенными чередующимися поясками из параллельных и волнистых линий, в ряде случаев образующих глубокие канеллюры (рис. 7, *9*). Аналогичные формы сосудов широко распространены в погребениях Приладожья конца X — первой половины XI в. К несколько более поздним вариантам этого типа относится отмеченный в горизонте *д* фрагмент сосуда среднего размера с точно таким же орнаментом, дополнительно снабженный по вогнутому изгибу шейки округло выпуклым валиком, украшенным косыми рядами из тройных ямочных наколов (рис. 8, *9*). Почти аналогичный по форме сосуд был обнаружен в погребении из кургана № 112-IV выше с. Леонова,[1] датирующемся по инвентарю (в числе которого имелся меч конца X в.) концом X — началом XI в. Своеобразную форму представляет собой отмеченный в описываемой подгруппе сосуд из глины красного оттенка, с несколько шероховатыми стенками, снабженный прямым широким венчиком, орнаментированным двумя поясками из тройных волнистых линий, а по прямому срезу венчика — аналогичной двойной волной. Судя по частично сохранившемуся переходу от шейки к плечикам, сосуд имел сильно профилированное округлой формы тулово (рис. 7, *1*). Подобные сосуды с широким венчиком-воротничком и шаровидным туловом, обычно покрытым линейным волнистым орнаментом, отмечены в некоторых погребениях Приладожья: в кургане № 7-I у дер. Ильино,[2] в кургане № 9-I по р. Кумбита [3] и др. В нескольких случаях здесь были отмечены фрагменты слабо профилированных, толстостенных сосудов, орнаментированных по внешнему и внутреннему краю венчика поясом из параллельных линий, а по плечикам правильно закругленной волной (рис. 8, *7*); орнамент нанесен особо тонким многозубым инструментом, что находит

---

[1] МАР, № 18, табл. X, *1*.
[2] На днище этого сосуда имелось клеймо.
[3] МАР, № 18, табл. X, *5*.

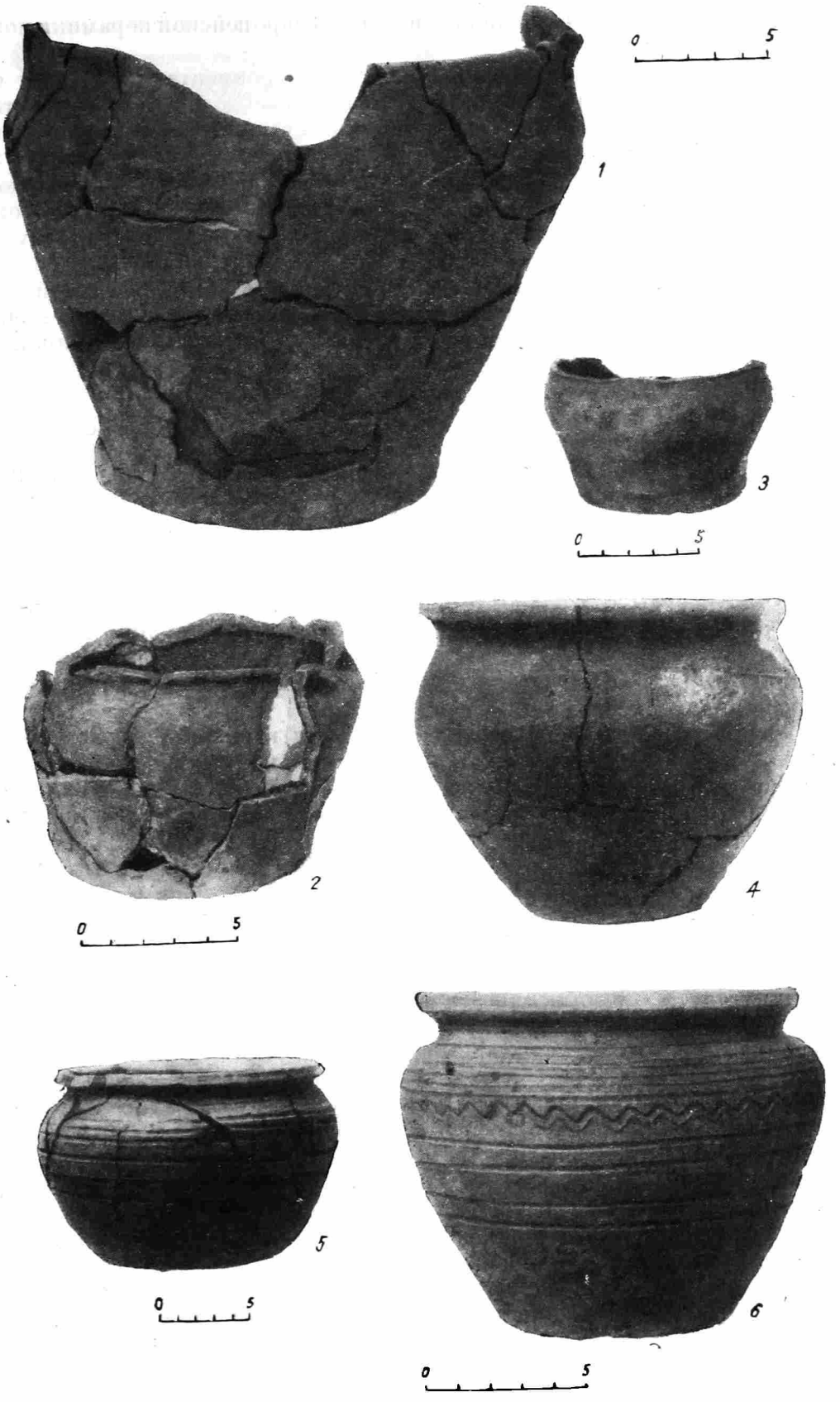


Рис. 9.

1 -2 — сосуды из комплекса горелого дома горизонта e_2; *3* — сосудик из горизонта e_1; *4—6* — сосуды из погребений в курганах Приладожья.

известные отдаленные аналогии среди западноевропейской керамики позднеримского времени.

К числу сравнительно поздних элементов орнаментации следует отнести встреченные на некоторых фрагментах сосудов с чуть отогнутым утолщенным венчиком ряды удлиненных насечек или углублений, косо поставленных по срезу венчика или по выпуклым плечикам (рис. 10, *9*).

Итак, в группе более развитой гончарной керамики Старой Ладоги (второй подгруппе горизонта *д*) можно наблюдать постепенное, все большее усложнение профиля сосудов, появление значительно отогнутых фигурных венчиков, снабженных утолщениями, валиками или бороздками, сочетающимися с правильно округлой или покатой формой плечиков. На днищах подобной посуды, происходящей преимущественно из погребений Приладожья середины XI — начала XII в., часто имеются гончарные клейма, главным образом в виде вписанного в круг креста. В Ладоге аналогичные случаи единично отмечены в относительно более поздней керамике.

Как можно судить по керамике великокняжеского времени Староладожского городища и аналогичному датированному материалу из курганов Приладожья, для гончарных сосудов XI в. характерны правильные развитые формы и четкие линии орнаментации, в которых чувствуется уверенная рука мастера. Среди достаточно совершенных гончарных изделий, орнаментированных рифленой линией и волной (рис. 9, *6*), появляются сосуды с хорошо заточенной неорнаментированной поверхностью округлого тулова и значительно отогнутым широким венчиком, что достигалось при вращении гончарного круга с помощью, видимо, деревянного ножа. К числу подобных относится сосуд из кургана № 1-I по дороге в дер. Заозерье (типа рис. 9, *4*).

На основании сопровождающих находок в горизонте *д* разнообразных типов пастовых, золоченых стеклянных бус, мелкого цветного бисера, сердоликовых четырнадцатигранных бус, сравнительно поздних типов складных и ординарных костяных гребней и восточных монет конца X в., бронзового наконечника ножен меча с изображением птицы с распростертыми крыльями, обломка овальной фибулы и других предметов украшения,[1] а кроме того, на основании аналогий из синхронных погребений Приладожья,— вся эта категория керамики может быть датирована концом X и, главным образом, первой половиной XI в. И здесь мы наблюдаем ту же картину генетически закономерного развития ведущих форм глиняной утвари на протяжении нескольких столетий жизни древнерусского города Старой Ладоги. В этой смене форм отражается сложный процесс перехода от недифференцированного женского домашнего гончарного производства, рассчитанного на удовлетворение своих внутрисемейных потребностей, к более развитому мужскому гончарному ремеслу. Развитие специализированного гончарного ремесла было обусловлено происшедшими на рубеже I и II тысячелетий важными изменениями в хозяйственном укладе древних ладожан, переходом к пашенному земледелию, развитием скотоводства и известной индивидуализацией хозяйства, связанной с увеличением потребностей в глиняной посуде и другой утвари.

В целом более развитая гончарная керамика Старой Ладоги XI в., со столь характерным стандартизированным орнаментом в виде резко прочерченной рифленой или волнистой линии, обычна для славянских памятников великокняжеской поры. Так, аналогичная керамика была

---

[1] В. И. Равдоникас, ук. соч., СА, XI, стр. 45—63.

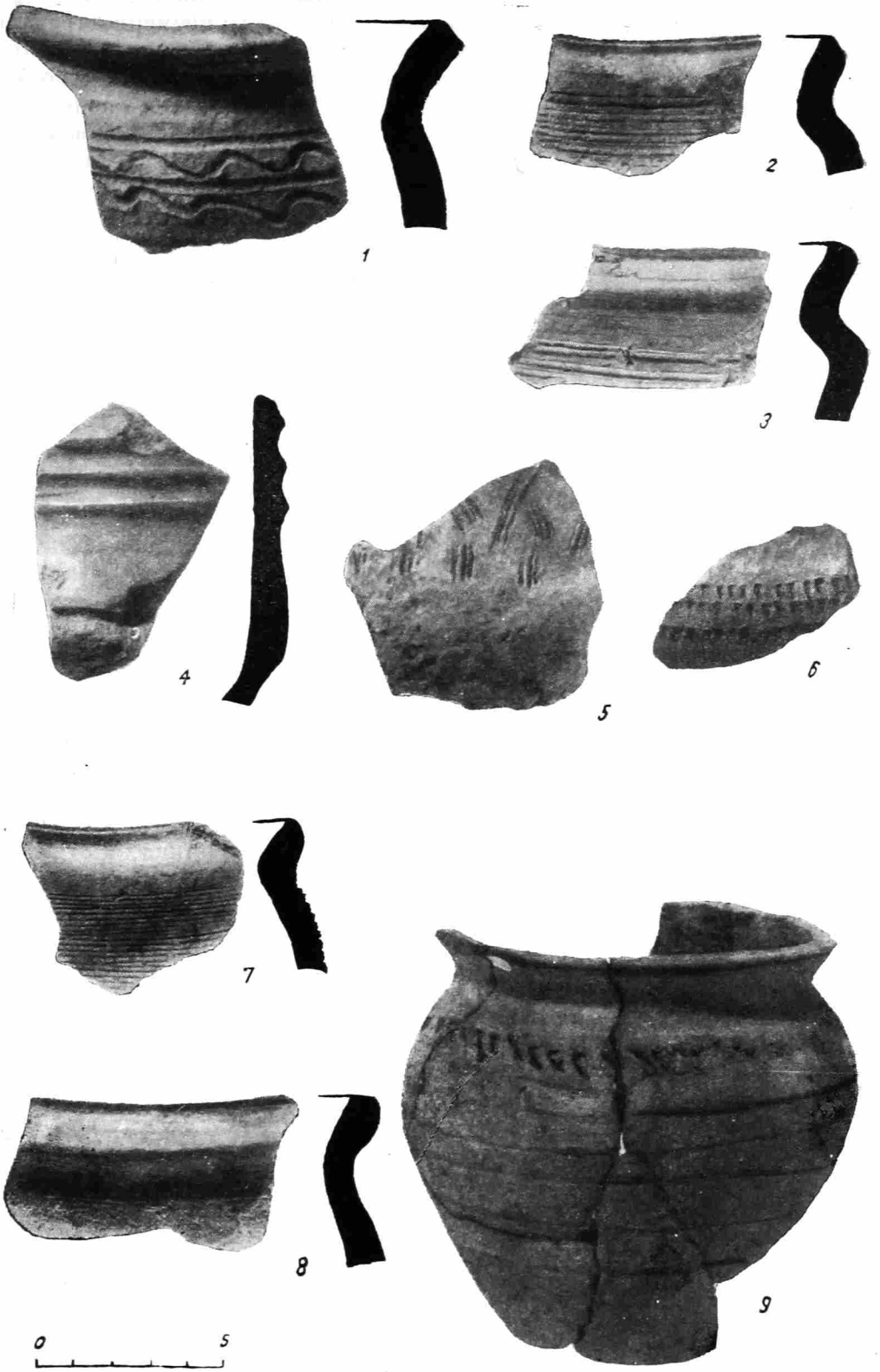


Рис. 10. Образцы позднегончарной керамики Старой Ладоги.

отмечена в древнем Новгороде, Пскове, очень близкие, но еще более развитые формы известны в древнем Киеве. Для этого времени характерно значительно большее разнообразие и увеличение ассортимента глиняной посуды Ладоги в виде сосудов различной формы и размеров — сосудов-плошек, мисочек, кувшинов и т. п. Следует учесть, что это разнообразие в особенности настольной посуды еще значительно дополнялось различного рода деревянной точеной утварью в виде деревянных мисок, чаш, ковшей, черпаков, ложек и т. п., известных в Ладоге, начиная с ее древнейших горизонтов, но, естественно, в ее вышележащих горизонтах не дошедшей до нас.

Разнообразие ассортимента глиняной утвари Ладоги особенно полно проявляется в позднейшем материале, начиная с керамики XII—XIII и до XVII в. включительно, из комплексов поздних жилых сооружений. Среди нее, наряду с отмеченными уже формами, появляются различного рода миски, тарелки, сосуды-чаши на высокой полой ножке с расширенным основанием и, наконец, высокие привозные кувшины московского типа из светлой глины, а также серо-черная лощеная посуда с канеллюрным орнаментом (рис. 10, *4*). Для этой группы посуды весьма характерен самый разнообразный причудливый изгиб шейки и венчика, с различного рода утолщениями, фигурными вырезами и т. п. Сильно стандартизированный волнисто-линейный орнамент (рис. 10, *1*, *3*) значительно оживляется самыми разнообразными сочетаниями насечек (рис. 10, *5*), а также городков, квадратных, треугольных, точечных и тому подобных вдавлений, полученных с помощью передвижного штампа в виде зубчатого колесика (рис. 8, *10* и 10, *6*). Среди достаточного многообразия позднегончарной керамики Старой Ладоги выделяются и довольно типичные местные формы, к числу которых в первую очередь могут быть отнесены обычные сосуды из светлокоричневой глины, своеобразно орнаментированные поясками из правильно врезанных параллельных и волнистых линий и поперечно поставленных между ними полос в виде тройных городков (рис. 8, *11*, *12*); печные неорнаментированные горшки приземистой формы, с округлым туловом и округло утолщенным краем венчика, в отдельных случаях обернутые полоской бересты (рис. 1, III-*10*).

Однако рассмотрение вопроса о позднегончарной керамике Старой Ладоги не входит в задачу настоящей статьи и может явиться темой специального исследования.

Е. Г. КАСТАНАЯН

САРМАТСКИЕ СОСУДЫ ИЗ ТИРИТАКИ С РУЧКАМИ В ВИДЕ ЖИВОТНЫХ

Изучение местной керамики скифо-сарматской эпохи, представленной в городах северного Причерноморья, является настоятельной необходимостью для правильного понимания специфики культуры этих городов, в формировании которых большую роль играли местные элементы.

Настоящая статья посвящена одной из групп сарматской керамики, добытой при раскопках боспорского города Тиритаки. Это сосуды с ручками в виде фигур животных, столь распространенные в сарматских поселениях, в окружении которых формировалось само Боспорское царство. Тем более важно поэтому изучение этой группы сосудов, одним своим присутствием в боспорских городах доказывающих тесную связь, существовавшую между боспорскими городами и их сарматской периферией.

В этой серии сосудов надо прежде всего выделить сосуды с фигурками собак. Таких сосудов, вернее их обломков, в Тиритаке найдено два. Один из них — с рельефной фигуркой собаки с широко расставленными лапами, торчащими короткими ушами и коротким хвостом — описан в отчете Керченской экспедиции за 1932—1934 гг.[1] Найден этот сосуд в слое раннеримского времени. Второй фрагмент сосуда с рельефной фигуркой собаки, повернутой мордой влево (рис. 1), был обнаружен в мешаном слое. Фрагмент этот принадлежал сосуду с округлым туловом и кольцеобразно изогнутой вертикальной ручкой с глубоким желобком посредине. Боковые грани ручки внизу расходятся в разные стороны и загибаются вверх. Под ручкой и расположен налеп в виде данной в профиль собаки в беге, с острой мордой, короткими острыми торчащими вверх ушами и поднятым коротким хвостом.[2] Оба сосуда лепные.

Изображение животных встречается в Тиритаке и на сосудах, изготовленных на гончарном круге. Фрагмент такого сероглиняного тонкостенного лощеного сосуда изображен на рис. 2.[3] Ручка его представляет собой фигурку кабана с удлиненной мордой, торчащими в стороны коническими ушами и дугообразно изогнутым туловищем. Всеми четырьмя лапами кабан упирается в стенки сосуда.

Вышеописанные два фрагмента лепных сосудов с изображением собак могут быть отнесены к I—II в. н. э. Характерна форма ручки сосуда, под которой помещено изображение собаки, — с глубокой продольной

[1] МИА СССР, № 4, 1941, стр. 51, рис. 2; хранится в Керченском историко-археологическом музее им. А. С. Пушкина (А-1587).

[2] ЛОИИМК АН СССР, инв. № Л-38/217.

[3] ЛОИИМК АН СССР, инв. № К-39/97.

выемкой и выступающими краями. Подобные ручки лепных сосудов в большом количестве находились в слоях I—II вв. н. э. как Тиритаки, так и Мирмекия.

Этому же времени свойственны ручки с двумя расходящимися от нижнего их основания отростками, представляющими продолжение боковых граней ручки, переходящих в налепы на стенках сосуда. Такие налепы характерны для сарматской керамики первых веков н. э. Так, например, подобные отростки ручки на стенках сосуда (правда, в несколько иной

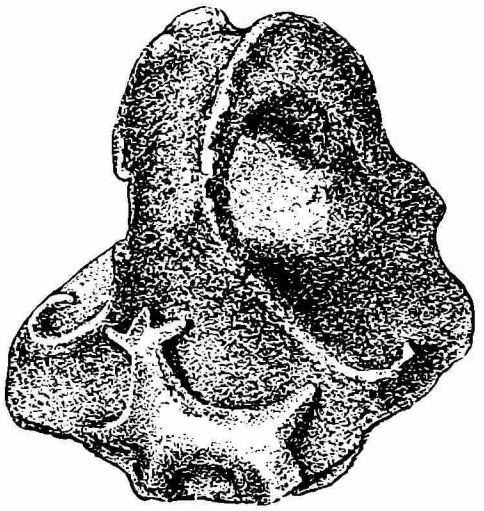


Рис. 1. Обломок лепного сосуда с рельефной фигуркой собаки под ручкой. Тиритака. Нат. вел.

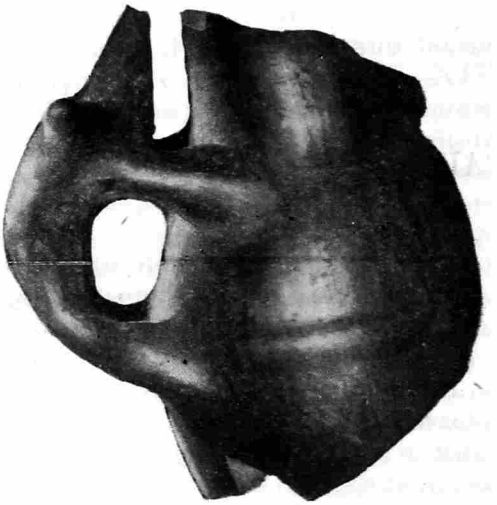


Рис. 2. Обломок сероглиняного лощеного кувшина с ручкой в виде фигурки кабана. Тиритака. Нат. вел.

форме) мы видим и на кувшине, найденном Н. И. Веселовским в 1914 г. на Лысой горе близ Майкопа, а также на сосуде, обнаруженном им же в 1902 г. в одном из курганов «Девяти Братьев» близ ст. Усть-Лабинской. Издавшая эти сосуды К. М. Скалон рассматривает эти отростки как условное изображение нижних конечностей животного.[1]

Некоторую аналогию нашей ручке представляет и ручка кувшина, найденного в земляном склепе одного из сарматских могильников Прикубанья первых веков н. э. Здесь мы также видим отростки, идущие от нижнего конца ручки, и два круглых плоских налепа, расположенных в верхней ее части.[2]

Что касается третьего упомянутого выше фрагмента — с ручкой в виде кабана, — то аналогии ему как по форме, так и по трактовке фигуры животного мы встречаем в целой серии подобных же сосудов I—II вв. н. э., происходящих из района Керчи.[3]

Интересен найденный в Тиритаке обломок лепного сосуда с ручками в виде птицы. Это был лепной кувшинчик, от которого сохранилась лишь часть горла и ручки (рис. 3).[4] Горло имеет цилиндрическую форму со слегка отогнутым наружу краем, закругленным и немного уплощенным сверху. Ручка сделана в виде птицы, которая держит клювом край сосуда; круглые налепы со сквозной дырочкой посредине символизируют

---

[1] К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. Эрмитаж, ТОИПК, т. I, Л., 1941.

[2] Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 152, рис. 53.

[3] Там же, табл. III—VII и IX.

[4] ЛОИИМК, инв. № Л-47/751.

глаза. На спине имеется тонкий желобок, от которого отходят на туловище короткие врезанные штрихи, обозначающие оперение. Ноги птицы слиты в одну общую массу, соединяющуюся с горлом сосуда. Не известно, какова была нижняя часть ручки, утраченная на нашем фрагменте. Она могла быть двух вариантов: либо при обязательном присутствии нижнего соединения ручки со стенками сосуда существовал еще отросток на нижнем конце ее, долженствующий обозначать хвост, как на ручке из склепа «Сахарной головы» на горе Митридат в Керчи,[1] либо такого отростка не было, как, например, на ручке из катакомбного погребения в Кисловодске.[2] И в том и в другом случае изображение птицы на тиритакском обломке не носило бы вполне реального характера, поскольку оно подвергнуто здесь сильной стилизации. Условия находки в самом верхнем слое, включающем средневековый и римский вещевой материал, как будто говорят о позднем происхождении сосуда. Однако датировать находки из верхних слоев городища только на основании сопутствующего материала было бы довольно рискованно. Точных же аналогий у нас не имеется. Обратимся поэтому к аналогиям, более или менее отдаленным. Мы имеем в виду ручки на кувшинах из катакомбных погребений, раскопанных в Кисловодске. К. М. Скалон считает эти ручки изображением фигуры животного или птицы и датирует их V в. н. э.[3] Сближает кисловодскую ручку с нашей трактовка головы, хотя на кисловодском экземпляре клюв расположен у горла кувшина, почти касаясь его, тогда как птичья голова тиритакского сосуда захватила клювом край венчика. Лапы птицы из Кисловодска слиты, как на нашем экземпляре. Одинаково трактованы глаза, со сквозным отверстием, проходящим через голову. На кисловодской ручке нет оперения, показанного штриховкой.

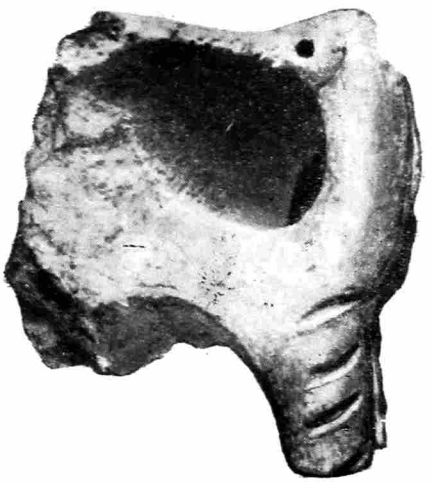


Рис. 3. Обломок горла лепного кувшина. Тиритака. Нат. вел.

Трактовка тиритакской птицы имеет еще много реалистических черт, что заставляет отнести ее ориентировочно к первым векам н. э., когда реалистические черты в трактовке фигур животных на сосудах являются характерными, тогда как в поздней лепной керамике Тиритаки мы столкнемся с преобладанием чисто условных форм изображений. Сравнительно близкое сходство тиритакской ручки с кисловодской, которая относится к V в. н. э., не должно нас смущать. Нередко кавказские вещи более позднего времени носят на себе те же черты, которые встречаются на памятниках материальной культуры северного Причерноморья в более ранние периоды. Объяснить это можно тем, что в нагорных областях Кавказа значительно дольше удерживались ранние формы. Это можно проследить хотя бы на таких примерах, как сходство зооморфных ручек на сосудах из кавказских горных могильников раннесредневекового времени — Задалиска (IV—V вв. н. э.), Кумбулты (IV—VII вв. н. э.), аула Шомат

[1] К. М. Скалон, ук. соч., стр. 205, рис. 15.
[2] Там же, стр. 213, рис. 19.
[3] То же.

(IV—VIII вв. н. э.) — с подобными ручками из Моздокского могильника, а также из керченских погребений III в. н. э.[1]

Ручка в виде полуреального животного имеется еще и на обломке кувшина, найденного в Тиритаке в 1948 г. (рис. 4).[2] Сосуд из яркожелтой глины изготовлен в лепной технике, снаружи сглажен инструментом с зубчатой поверхностью, благодаря чему на стенках с внешней стороны заметны вертикально идущие пучки тонких врезанных штрихов. Сохранились лишь часть горла и плечей сосуда, а также вертикальная, уплощенная с боков ручка, квадратная в сечении. На верхнем конце ее имеется выступ в виде головы барана, с закрученными рогами и вытянутой мордой, с несколько расширенными ноздрями. На нижней оконечности ручки — короткий конусообразный отросток, обозначающий хвост животного. Наибольшая длина ручки 10.8 см, толщина 2.4 см. Этот сосуд надо также отнести к сарматским сосудам с зооморфными ручками I—II вв. н. э. Сходные ручки в виде баранов имеются на многих сарматских сосудах этого времени, как, например, на кувшине из могильника № 2 Усть-Лабы (аналогичная трактовка рогов), хранящемся в Краснодарском музее,[3] на кувшине Новочеркасского музея (аналогичный нижний отросток),[4] на кувшине из Армавирского городища (близка трактовка морды)[5] и др.

Рис. 4. Обломок горла лепного горшка из Тиритаки, найденный в рыбозасолочной ванне II в. н. э. Нат. вел.

Итак, факт существования в лепной керамике Тиритаки ручек в виде животных, изображения которых носят черты реальных животных, что так характерно для сарматской керамики, можно считать установленным.

Ручки сосуда в виде животных встречаются в Тиритаке и в более позднее время, во II—IV вв. н. э., но характер изображений становится более условным. В этой группе отметим прежде всего обломок кувшина с плавно расширяющимися от горла стенками, слегка отогнутым наружу краем и вертикальной ручкой. Диаметр горла 8.5 см, длина ручки 8 см (рис. 5).[6] Ручка данного сосуда имеет на верхней плоскости три резко выступающих острых ребра, разделенных двумя широкими желобками. Ребра оканчиваются вверху ручки небольшими выступами. По бокам ручки, у ее верхнего основания, на стенках горла имеются налепы в виде плоских кружков. Такие же налепы расположены на верхнем и нижнем концах ручки. На верхнем — один налеп, помещенный между выступами, образуемыми ребрами ручки и венчиком сосуда. Три других —

[1] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, стр. 188 сл., 210 сл., 285 сл., табл. XXXV, 6; XCIX, *1*; CXXVIII, *14*; CXXIX, *7*. Ср.: К. М Скалон, ук. соч., стр. 210 сл., рис. 18 и табл. XV, *1*.

[2] ЛОИИМК, инв. № Л-48/208.

[3] К. М. Скалон, ук. соч., стр. 177, рис. 2. См. также: М. В. Покровский, Тр. Краснодарского Гос. Педагог. инст., т. IV, вып. 1, 1937, стр. 11, рис. 8.

[4] К. М. Скалон, ук. соч., стр. 179, рис. 4.

[5] Там же, табл. II, *2*.

[6] ЛОИИМК, инв. № Л-40/144.

на нижнем конце ручки: два боковых заходят на стенки сосуда, третий помещается посредине между ними. Ребра ручки оканчиваются внизу тремя отростками, размещенными по корпусу сосуда. Средний — в виде плоского налепа, расширяющегося книзу, в форме усеченного треугольника (нижняя часть его отбита), боковые — в виде тонких кольцевидных на концах полос.

Сосуд хорошего обжига, тонкостенный, тщательной выделки, что является, как правило, отличительным признаком лепной керамики Боспора I—II вв. н. э. (по сравнению с более поздним временем). Найден данный фрагмент на уч. XV Тиритаки, в яме римского времени. Рассматриваемая ручка имеет некоторые аналогии среди керамики кубанских городищ. Такова ручка сосуда, хранящаяся в Гос. Эрмитаже и изданная К. М. Скалон, которая трактует ее как стилизованное изображение лошадиной головы с высоко стоящими ушами и глазами в виде таких же

Рис. 5. Обломок горла лепного кувшина из Тиритаки, найденный в яме II—III вв. н. э.

Рис. 6. Лепной горшочек, найденный в здании III—IV вв. н. э. Тиритака. Ок. нат. вел.

круглых плоских налепов, как и на нашем фрагменте, т. е. перемещенных с ручки — морды животного — на стенки сосуда.[1] Однако трудно сопоставить налепы на нашем обломке с глазами животного уже по одному тому, что, во-первых, они встречаются на боспорских сосудах без какого бы то ни было наличия в ручке черт животного и, во-вторых, потому, что налепов не два, а гораздо больше, и расположены они не только по бокам ручки вверху, но и на ее средней плоскости, как вверху, так и внизу. Возможно, что в Тиритаке также существовали сосуды с изображениями животных, настолько условными, что некоторые черты их передавались круглыми налепами, расположенными по бокам ручки, подобно тем сосудам из сарматских поселений, о которых говорит К. М. Скалон. В таком случае налепы на нашем сосуде, может быть, являются подражанием им, но уже чисто механическим, когда мастер,

[1] К. М. Скалон, ук. соч., стр. 199, рис. 12.

лепивший сосуд, не сознавал связи выделываемой им ручки с образом животного.

О трактовке задних конечностей животного в виде налепов на стенках сосуда уже говорилось выше, при рассмотрении обломка лепного сосуда с рельефной фигурой собаки на ручке. Из приведенных в этой связи аналогий с Лысой горы и Усть-Лабы к разбираемому случаю больше всего подходит ручка кувшина из Устьлабинского кургана,[1] с которой роднит нашу ручку трехреберная форма самой ручки и, соответственно, три выступа на верхнем конце ее, а также налепы под ручкой в виде продолжения ее краев. Расположенные на горле сосуда по бокам верхнего конца ручки круглые налепы также роднят кувшин из Усть-Лабы с нашим кувшином, хотя имеются и некоторые отличия: на кувшине из Тиритаки налепы располагаются не только по бокам ручки, на горле кувшина, но и на нижнем конце ручки и под нею. Кроме того, у нашей ручки грани более острые, так же как и выступы на ее верхнем конце; отростки нижнего конца ручки имеют другую форму, и т. д. Несмотря на различия в деталях, обе ручки сходны, что заставляет предполагать их хронологическую близость.

Такого типа ручки — с выступами на верхнем конце, символизирующими торчащие уши животного (может быть лошади), и с глазами в виде круглых налепов, перемещенных на стенки сосуда, — датируются К. М. Скалон тем же временем (I—II вв. н. э.), что и ручки в виде реальных животных, либо видоизмененных лишь настолько, что можно легко определить, какое животное они должны изображать. Условия находки нашего фрагмента не позволяют датировать его столь ранним временем. Найден он был в зольной яме, которая прорезала раннеримский слой и, следовательно, должна быть отнесена ко времени более позднему. Наиболее вероятным будет приурочить его к III в. н. э., так как такие признаки, как высоко выступающие боковые грани ребра на ручках и наличие между ними налепов в виде плоских кружков, характерны для лепной керамики боспорских городищ этого времени. В Тиритаке, Мирмекии и Илурате они встречаются в комплексах III в. н. э. Таким образом, тиритакская ручка занимает как бы промежуточное место между более ранними реалистическими изображениями животных и поздними зооморфными ручками, в которых образ животного передается до крайности условными формами.

Отметим лепной горшочек с двумя ручками, найденный в Тиритаке на полу одного из помещений дома III—IV вв. н. э. Горшочек плоскодонный, двуручный, тонкостенный, с плавно отогнутым наружу и утолщенным сверху венчиком (рис. 6).[2] Глина красноватого цвета, поверхность подвергнута лощению. На верхнем конце каждой ручки имеется выступ, напоминающий голову животного (выс. — 3.5 см, диам. горла — 6.5 см, дл. ручек — 3.3 см). Сходной формы ручку имеет обломок лепного кувшина, найденного в Тиритаке на участке 1939 г. (рис. 7).[3] Вертикальная, уплощенная ручка трактована в виде схематического изображения животного. Сходство с животным подчеркивается небольшим выступом, напоминающим звериную голову. Конечности животного не дифференцированы и образуют вместе с туловищем сплошную изогнутую линию ручки, уплощенной с боков. Этот тип ручки следует датировать, по сходству с ручками предыдущего сосуда, также III—IV вв. н. э. Близка по форме ручка на кувшине из гробницы, открытой В. В. Шкорпилом

[1] Там же, табл. XI.
[2] ЛОИИМК, инв. № Л-40/397.
[3] ЛОИИМК, инв. № Л-39/1.

в 1904 г. и относящейся к V в. н. э. Фигура животного дана здесь в еще более схематичном виде, чем на описанных выше тиритакских сосудах.[1]

К той серии сосудов с зооморфными ручками, в которых черты животных напоминает лишь выступ на верхнем конце ручки, следует отнести сосуд, найденный в Тиритаке на участке XV, в пифосе позднеримского времени (рис. 8).[2] Это лепной кувшин красной глины, с невысоким, расширяющимся кверху горлом (выс.— 16 см, диам.: горла 6 см, дна — 6.5 см). На верхнем конце вертикальной ручки, квадратной в сечении, имеется небольшой выступ, прилегающий к горлу кувшина. Выделка сосуда небрежная, линии венчика и ручки неправильные, горло асиммет-

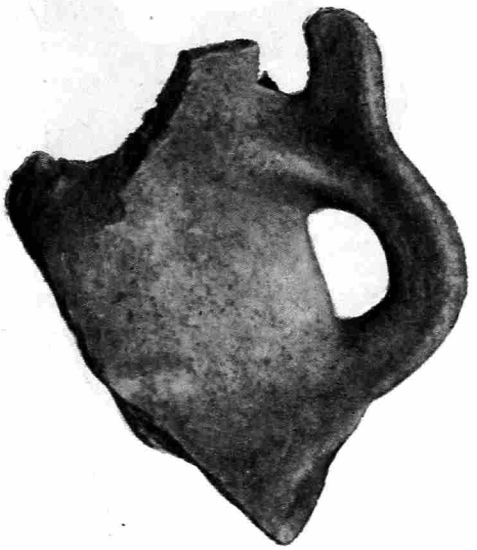


Рис. 7. Обломок горла лепного кувшина. Тиритака. Нат. вел.

Рис. 8. Лепной кувшин из Тиритаки, найденный в пифосе IV в. н. э. $^3/_4$ нат. вел.

ричное; поверхность неровная, с буграми и вдавлинами, заметны штрихи, образовавшиеся от сглаживания ее соответствующим инструментом.

На ручке этого кувшина схематизация животного настолько сильна, что на первый взгляд она не имеет ничего общего с зооморфными ручками. Однако, если мы сравним ее с типом ручки вышеописанных двух сосудов, то связь можно уловить. Есть еще одна деталь (если только она не случайна) — наличие на выступе ручки с правой стороны резной дугообразно изогнутой черточки, которая, может быть, должна обозначать глаз животного. Отсутствие такой детали на другой стороне выступа не позволяет, однако, говорить об этом с уверенностью.

К III—IV вв. н. э. относится еще один сосуд, найденный в том же пифосе (рис. 9).[3] Он представляет собой одноручный тонкостенный кувшинчик (выс.—8.5 см, диам. горла—6.5 см, дл. ручки—3.5 см) с коротким широким горлышком, отогнутым наружу, овально закругленным краем, округлыми стенками и плоским дном. Вертикальная ручка, квадратная в сечении, с резкими гранями, оканчивается кверху невысоким конической формы выступом, расположенным на уровне края венчика. Глина серая, формовка довольно небрежная, на поверхности заметны выпук-

[1] К. М. Скалон, ук. соч., стр. 212 и табл. XV, *3*.
[2] ЛОИИМК, инв. № Л-36/314.
[3] ЛОИИМК, инв. № Л-40/326.

лости и вдавлины, хотя сосуд был подвергнут лощению. Аналогичны этому кувшинчику два фрагмента с тождественными ручками, найденные в той же Тиритаке.[1] Они происходят также из позднего слоя III—IV вв. н. э. Подобные ручки, утратившие свои звериные черты, которые более резко выступали на их прототипах, можно встретить и в других районах: укажем, например, на кувшин, хранящийся в Керченском музее.[2]

К позднему типу относится, по всей вероятности, и темносерый лепной широкогорлый кувшин, вернее, его фрагмент, из красной в изломе глины, со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 10).[3] Вертикальные ручки (дл. 9 см) оканчиваются вверху коническим выступом, отдаленно напоминающим голову животного с заостренной мордой. Конечности

Рис. 9. Лепной горшочек из Тиритаки, найденный в пифосе III—IV вв. н. э. Нат. вел.

Рис. 10. Обломок горла лепного кувшина. Нат. вел.

«животного» не дифференцированы, через ручку в продольном направлении проходит сквозное отверстие, так что ручка исполняла здесь роль носика. Сосуд найден в слое III—IV вв. н. э. Аналогичные сквозные отверстия через ручку имеются на двух других керченских кувшинах, хранящихся один в Эрмитаже,[4] другой — в Керченском музее.[5]

Имеется еще одна подобная ручка со сквозным отверстием: на кувшине, найденном в погребении VI—VIII вв. н. э. в бывш. Тульской губернии.[6] На всех этих сосудах — тиритакском, двух керченских (рис. 10) и тульском, — объединяемых сходством устройства ручки, степень схематизации изображения животного достигает крайних пределов. Однако ручки их продолжают линию развития формы зооморфной ручки кувшина, изображенного на рис. 7, также носящей на себе элементы уже сильной схематизации.

Итак, на основании рассмотренной нами группы сосудов Тиритаки первых веков н. э. с ручками в виде животных можно сделать вывод,

---

[1] ЛОИИМК, инв. № Л-338; Л-46/338.
[2] К. М. Скалон, ук. соч., табл. VIII, *1*.
[3] ЛОИИМК, инв. № Л-38/155.
[4] Гос. Эрмитаж, Отдел истории первобытной культуры, СГ-41/31.
[5] ОАК, 1908, стр. 115, рис. 162.
[6] Архив ЛОИИМК, д. 66, 1905 г. Сосуд хранится в Гос. Историческом музее в Москве за № 0-66. (Эти материалы мне были указаны К. М. Скалон).

что она имеет много общих черт с керамикой сарматских поселений. Зооморфные ручки носили в более ранний период вполне реальные черты определенных животных, но с течением времени они все более схематизировались, принимая условный характер, удерживая лишь слабый намек на лежавшее в их основе изображение животного. Неоднократность находок сосудов с ручками в виде сильно схематизированных фигур животных в комплексах Тиритаки позднеримского времени (III—IV вв. н. э.) и отсутствие в этот период находок с реалистическими изображениями подтверждают наш вывод. Связями с Сарматией нельзя, однако, объяснить существование на сосудах Тиритаки изображений собак, описанных нами в начале нашей статьи. Их мы не встречаем среди многочисленных сарматских материалов, собранных К. М. Скалон. Зато изображения собаки часто встречаются на памятниках материальной культуры Кавказа.[1] Скорее всего, изображение собаки как мотив украшения сосудов проникло на Боспор именно оттуда, тогда как изображения кабана, барана и птицы, а также отмечавшиеся нами схематические изображения других животных связывают керамику Боспора с сарматской культурой. На примере керамики Тиритаки ясно прослеживается та трансформация, которую претерпевают изображения животных на сосудах, — от реалистических изображений, свойственных первым двум векам н. э., к условным, схематическим, присущим позднеримскому периоду. И если К. М. Скалон в своей работе пришла к выводу о сосуществовании реалистических и схематических изображений в первые века н. э. в керамике сарматских поселений, то материал Тиритаки свидетельствует о процессе развития от реалистических изображений к схематическим, где реальные черты животного настолько видоизменяются и упрощаются, что и сам мастер вряд ли отождествлял делаемую им в силу сохранившейся традиции ручку с образом животного. Возможно поэтому, что такие изображения перестают уже играть роль оберегов, как это имело место в раннеримское время, когда они отличались реалистичностью. Отрицать, таким образом, эволюцию развития изображений животных от реалистических к схематическим, исходя из изучения керамики Боспора, не приходится.

Неоднократные находки на Боспоре, в частности в Тиритаке, сосудов с ручками в виде животных, имеющих аналогии среди керамики сарматских поселений, еще раз доказывают, насколько сильны были в керамическом производстве боспорских городов элементы сарматской культуры. Эти находки говорят о сильном притоке в эти города в римское время сарматского населения, привносившего свои навыки и вкусы, со всею отчетливостью проявляющиеся в памятниках материальной культуры боспорских городов.

---

[1] А. А. Миллер. Изображения собаки в древностях Кавказа. ИГАИМК, т. II, 1922, стр. 237 сл.

Ю. С. КРУШКОЛ

МОНЕТЫ ФАНАГОРИЙСКОГО ГОРОДИЩА РАСКОПОК 1937 и 1939 гг. ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В настоящей статье мы делаем попытку собрать данные о монетах фанагорийского городища. Основным материалом являются впервые здесь публикуемые монеты из раскопок в Фанагории, производившихся Государственным Историческим музеем в 1937 и 1939 гг. Эти монетные находки мы рассмотрим в увязке со слоями, в которых они встречены.

С самого начала работ на Фанагорийском городище там встречались монеты. Так, мы имеем следующие сведения:

1. При раскопках В. Г. Тизенгаузена в 1868 г. среди фрагментов мрамора и различных сосудов было найдено несколько медных боспорских монет.[1]

2. При раскопках А. Е. Люценко в 1870 г. были найдены медные, сильно поврежденные монеты.[2]

3. При разведках И. Е. Забелина в 1870 г. было найдено 200 медных боспорских монет.[3]

4. При раскопках И. Е. Забелина в 1871 г. было найдено 120 медных боспорских монет II и III вв. н. э.[4]

5. При раскопках А. Е. Люценко в 1872 г. было найдено несколько сильно поврежденных медных боспорских монет.[5]

6. При доследовании каменной гробницы в районе фанагорийского городища А. Е. Люценко в 1872 г. на гребне Комендантской горы был найден золотой статер Лизимаха I (323—282 гг. до н. э.).[6]

7. При раскопках В. Г. Тизенгаузена в 1879 г. близ ст. Сенной в культурных наслоениях были найдены нечеткие бронзовые боспорские монеты.[7]

Кроме этих находок, о которых имеются только отрывочные известия, мы имеем из раскопок К. К. Гёрца довольно большой материал, хранящийся в настоящее время в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Как находки, перечисленные выше, так и находки К. К. Гёрца являются монетами Пантикапея и боспорских царей.

Впрочем, монеты из раскопок Фанагории в то время никого не интересовали. Они казались слишком серым, незаметным материалом и никогда специально не изучались.

---

[1] ОАК, 1868 г.
[2] Там же, 1870 г.
[3] Там же, 1870 и 1871 гг.
[4] Там же, 1870 и 1871 гг.
[5] Там же, 1872 г.
[6] А. Н. Зограф. Античные золотые монеты Кавказа. Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг., II. Изв. ГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935, стр. 189, № 31.
[7] ОАК, 1878 и 1879 гг.

Работы советских археологов дали уже гораздо больший материал. При разведках и обследовании Таманского полуострова, которые велись Л. П. Харко с 1927 по 1938 г., им была составлена большая коллекция монет, собранных на Фанагорийском городище.

Л. П. Харко любезно предоставил мне эту коллекцию для изучения, за что и приношу ему большую благодарность.

Бóльшая часть монет, собранных Л. П. Харко, принадлежит к автономным пантикапейским, меньшая является монетами царей Боспора. Боспорские царские монеты представлены полностью, начиная с царских монет времени Тиберия с монограммой ВАР и кончая монетами Рискупорида VI. Есть несколько монет неизвестного народа — подражание римским динариям.[1]

В очень небольшом количестве имеются также и монеты римских императоров: одна императора Траяна (98—117 гг. н. э.) и одна императора Валента (364—378 гг. н. э.).

С возобновлением плановых археологических работ в Фанагории, предпринятых, начиная с 1936 г., Гос. Историческим музеем и Гос. Музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, изучение нумизматического материала Фанагории стало более систематическим.

Монетный материал раскопок 1936 г. был послан в Гос. Эрмитаж на определение А. Н. Зографа.

Не останавливаясь на подробностях, привожу сводку этого материала.[2]

		Число монет
Пантикапей	IV в. до н. э.	8
	III » » » »	55
	II » » » »	22
	I » »	2
Фанагóрия конец III в до н. э.		11
Боспорские царские	I в. до н. э.	1
	I в. н. э.	3[3]
	конец III в. — нач. IV в. н. э.	6[4]
Неизвестного народа, подражание римским динариям, III в. н. э. (?)		1
Амис, I в. до н. э.		2
Рим, IV в. н. э.		1[5]

Монеты, найденные в 1936 г., поскольку они не являлись специальным объектом моей работы, не приурочены мною к определенным археологическим слоям раскопок, но общая картина данного нумизматического материала получается довольно ясной.

Материал, в основном, продолжает ту же линию, какая имеется в материале, собранном Л. П. Харко. В большей части это автономные монеты Пантикапея, затем монеты, чеканенные в Фанагории (очень немного), ряд монет боспорских царей, очень мало монет императорского Рима, монета неизвестного народа и, наконец, монета Амиса.

---

[1] Н. А. Захаров. Монеты неизвестного народа. ВДИ, 1937, № 1. — А. Н. Зограф. Находки античных монет на Кавказе. Тр. Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, Л., 1945, стр. 45—47. — А. В. Орешников. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892, стр. 35.

[2] По данным списка монет, присланных на определение в Гос. Эрмитаж.

[3] В том числе 2 монеты Аспурга (13—39 гг.) и 1 монета Котиса I (46—63 гг.).

[4] В том числе 1 монета Фофорса (279—308 гг.), 1 монета Радамсадия (309—318 гг.), 4 монеты Рискупорида VI (319—332 гг.).

[5] Имп. Валентиниана (375—392 гг.).

Переходим теперь к нашей основной задаче — публикации монет, найденных в Фанагории в 1937 и 1939 гг.

Монеты из раскопок Фанагории за 1937 и 1939 гг., как и вообще большинство монет, найденных при раскопках городища, отличались чрезвычайно плохой сохранностью, были покрыты окисью и представляли собой на вид просто кусочки сильно окисленного металла. Поэтому прежде всего была произведена очистка монет; работу эту выполнил заведующий химическим кабинетом ГИМ А. Д. Чиварзин.

В результате чистки многие монеты стали читаемыми, но немало монет при чистке совершенно рассыпалось, так как окись разъела весь металл. Часть монет представляет собой лишь кусочки бронзы почти

Монеты Фанагорийского городища.

1 — серебряная драхма I в. до н. э. (Пантикапей. Найдена под камнями № 107); *2* — бронзовая монета времени Митридата VI Евпатора (Синопа. Монограмма ⋀⋀); *3* — бронзовая монета времени Митридата VI Евпатора (Синопа. Монограмма ⋀⋀. Найдена под камнями № 7); *4* — бронзовая монета времени Митридата VI Евпатора (Синопа. Найдена под камнями № 7).

без всяких изображений и надписей. Определять их пришлось с большим трудом, но, по большей части, все-таки определение их и по деталям было возможно.

Плохая сохранность монет очень затрудняла их фотографирование. Снимки были произведены с гипсовых слепков. Работу эту прекрасно выполнил научный сотрудник Музея изобразительных искусств А. Н. Луппол.

Ввиду того, что большинство монет — бронзовые, я буду указывать на металл лишь в тех случаях, если монета серебряная.

В текст мной введены следующие сокращения: А. В. Орешников. Каталог собрания Уварова, вып. 7 — Ор.; П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884 — Бур.

Найденные в 1937 г. при раскопках Фанагории монеты Пантикапея хронологически распределяются следующим образом:

Автономные, III в. до н. э. .	4	экз.
Времени Митридата VI Евпатора	1	»
Преемников Митридата VI	2	»
Автономные, I в. до н. э.	11	»
Монеты, где сохранились только надписи, III—I в. до н. э	5	»
Боспорского царя Савромата IV, (276 г. н. э.	1	»
Боспорского царя Тейрана, 276—279 гг. н. э.	1	»
Одного из поздних царей Боспора, IV в. н. э.	1	»

Как видно из представленного выше перечня находок, бóльшее число находок относится к I в. до н. э., самые ранние — ко II в. до н. э. Монет

№№ п. п.	№ квадрата	№ штыка	Описание монет и ссылка	Размер, вес	Сохранность	Датировка	Археологический слой	Примечание
1	VIII		Неизвестного происхождения с изображениями, напоминающими крест	21 мм 10 мм,	Плох.	?	Слой средневековый	Монета чрезвычайно интересная, повидимому средневековая; имеет сходство с византийскими.
2	XII	6	Пантикапей *Лицевая сторона*: голова бородатого Пана вправо *Оборотная сторона*: лук со стрелой, надпись стерта Ор., № 402—407 (поздний тип)	1.75 г	»	I в. до н. э.	Слой II (IV—V вв. н. э.)	Хотя тип пантикапейских монет с изображением Пана относится к IV и III вв. до н. э., но данный тип мелких монет с очень небрежным изображением А. В. Орешников считает поздним, позже II в. до н. э.; см.: Ор., стр. 54, № 402—407, прим.
	XII	6	Савромат IV (276 г. н. э.) Ор., № 761. — Кёне, т. II, стр. 342, № 1*а*	15 мм, 6.18 г	»	III в. н. э.	Там же	
4	Раскопки 1936		Тейран Ор., № 762	20 мм, 6.25 г	»	III в. н. э. (276—279 гг.)	Слой IV (II в. н. э.)	
5	Там же		Пантикапей Ор. № 472/473	12 мм, 0.8 г	»	Кон. I в. до н. э. (Полемон I)	Слой IV (II в. н. э.)	
6—11	»		Пантикапей (6 экз.) *Лиц. сторона*: сатир *Об. сторона*: лук со стрелой, внизу: П. N Ор., № 401 (поздний тип)	9—11 мм, 0.8—1.1 г	Оч. плох.	I в. до н. э.	Там же	
12	»		Пантикапей Ор., № 475/476. — Бур., табл. XXI, 131	5 мм, 2.51 г	»	Кон. I в. до н. э. (Полемон I)	Слой IV (II в. н. э.)	
13	»		Синопа *Лиц. стор.*: голова Зевса вправо *Об. стор.*: орел на молнии, монограмма, надпись внизу: ΣΙΝΩΠΗ	20 мм, 5.8 г	Плох.	Кон. II — нач. I в. до н. э. (Митридат VI Евпатор)	Там же	Очень интересная монета Синопы, одна из немногих в данных раскопках монет, чеканенных не в городах северного Причерноморья.

Продолжение

№№ п. п.	№ квадрата	№ штыка	Описание монет и ссылка	Размер, вес	Сохранность	Датировка	Археологический слой	Примечание
			Cat. Brit. Mus. Pont., Paphlagonia, Bythinia Bosporus, Табл. XXIII, № 2 (см. наш рисунок, *2*)					
14—16	Раскопки 1936	1	Пантикапей (3 экз.) *Лиц. стор.*: голова Пана *Об. стор.*: лук со стрелой, надпись плохо сохранилась Ор., №402—407 (поздний тип)	15 мм, 2.58 г 12 мм, 1.45 г 11 мм, 1.1 г		I в. до н. э.	Слой IV и V (II—I вв. до н. э.)	
17	XVII		Пантикапей *Лиц. стор.*: голова Диониса вправо *Об. стор.*: горит, украшенный головой грифона; по бокам ремни или ленты; монограмма не сохранилась Ор., № 430—436	25 мм, 16.1 г	Плох.	Кон. II—I вв. до н. э. (Митридат VI Евпатор)	Слой IV—V, (II—I вв. до н. э.)	Монета данного типа встречается довольно часто в области Боспора. С внешней стороны она отличается большой художественностью исполнения. Монограммы данного типа монет весьма разнообразны. Эти монеты чеканились (по мнению Орешникова) только при Митридате VI Евпаторе. Считая бога Диониса своим покровителем, Митридат VI изображал его на монетах.
18	XVI	Под камнями № 107	Синопа *Лиц. стор.*: голова Ареса в шлеме, обращ. вправо *Об. стор.*: меч в ножнах с лентами, надпись: ΣΙΝΩΠΗ. — Cat. Brit. Mus. Pont., Paphlagonia, стр. 100, № 49, табл. XXIII, № 4 (см. наш рисунок, *4*)	15 мм, 6.97 г	Удовл.	Кон. II — нач. I в. до н. э.	Слой VII, (III—II вв. до н. э.)	
19	XVI	Там же	Синопа (ср. № 18) с монограммой (см. наш рисунок, *3*)	18 мм, 5.48 г	»	Кон. II — нач. I в. до н. э.	Слой VII (III—II вв. до н. э.)	

Продолжение

№№ п. п.	№ квадрата	№ штыка	Описание монет и ссылка	Размер, вес	Сохранность	Датировка	Археологический слой	Примечание
20	XVI	Под камнями № 107	Синопа *Лиц. стор.*: голова Зевса вправо в лавровом венке *Об. стор.*: орел на молнии, надпись и монограмма (подобна № 19)	16 мм, 5.98 г	Удовл.	Кон. II — нач. I в. до н. э.	Слой VII (III—II вв. до н. э.)	
21	»	Там же	Пантикапей (драхма) *Лиц. стор.*: голова Артемиды с колчаном за плечом вправо *Об. стор.*: пасущийся олень, надпись: ΠΑΝΤΙ..ΠΑΙΤ.. Бур., табл. XXII, № 168 (см. наш рисунок, *1*)	16 мм, 2.92 г	»	I в. до н. э.	Там же	
22	»	»	Фанагория (драхма) *Лиц. стор.*: голова Диониса вправо *Об. стор.*: тирс, украшенный лентами, надпись: ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ Кёне, т. I, стр. 397, № 1	18 мм, 3.32 г	»	»	»	
23	»	»	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова Сатира вправо (на монете сбита) *Об. стор.*: средняя часть Пегаса с подогнутыми ногами вправо, надпись: ΠΑΝ Бур., табл. XX, № 89.— Ор., № 415—416, стр. 56	15 мм, 1.77 г	»	Кон. II в. до н. э. (Перисад V)	»	
24	»	»	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова сатира вправо (на монете стерта)	10 мм, 1.57 г	Плох.	Кон. II в. до н. э. (Перисад V)	»	

Продолжение

№№ п. п.	№ квадрата	№ штыка	Описание монет и ссылка	Размер, вес	Сохранность	Датировка	Археологический слой	Примечание
			Об. стор.: 2 шапки Диоскура; надпись: ΠΑΝΤΙ Бур., табл. XX, № 81. — Ор., стр. 56					
	XVI	Под камнями № 107	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова Афины вправо *Об. стор.*: нос корабля Бур., табл. XXII, № 176. — Ор., № 485/486	11 мм, 1.35 г	Плох.	II в. до н. э.	Слой VII (III—II вв. до н. э.)	Сильно стерта, виден только реверс монеты
26		Там же	Пантикапей *Лиц. стор.*: безбородая голова вправо *Об. стор.*: лук в горите, надпись: ΠΑΝ Бур., табл. XXI, № 114. — Ор., № 479/484, стр. 69.	10 мм, 1.35 г	»	II в. до н. э.	Слой VII (III—II вв. до н. э.)	
27—28	»	»	Пантикапей (2 экз.) *Лиц. стор.*: голова Пана вправо *Об. стор.*: лук со стрелой Ор., № 402, 407, стр. 54 (поздний тип)	11 мм, 1.12 г	»	I в. до н. э.	Слой VII (III—II вв. до н. э.)	
29			Позднеримская или ранневизантийская, ближе подходит к типу монет имп. Аркадия	21 мм, 3.56 г	Плох.	VI—V вв. н. э.		
30—57			Стершиеся монеты и обломки, не поддающиеся определению (28 экз.)		»			

ранее II в. до н. э. очень немного. Зато большим количеством монет представлен период II—I вв. до н. э.

Все 4 монеты Синопы относятся ко времени Митридата VI Евпатора. Это очень показательно для периода наиболее оживленных сношений между городами Боспора и Синопой.

Фанагорийские монеты — одна I в. до н. э., вторая времени Митридата VI Евпатора.

Большое (относительно) количество монет последнего Перисада, Митридата VI Евпатора и его преемников дает основание говорить об оживленном характере торговли и денежного обращения в этот период.

Средневековых монет найдена всего лишь одна; датируется она ранним средневековьем.

По городам монеты, найденные при раскопках 1939 г., располагаются следующим образом:

Пантикапей	37 монет
Фанагория	3 »
Ольвия	1 »
Рим	1 »

Хронологически эти же монеты распределяются так:

Пантикапей	IV в. до н. э.	1 монета
	III » » » »	4 »
	II » » » »	12 »
	I » » » »	20 »
Цари Боспора, IV в. н. э.		2 »
Фанагория, I в. н. э.		2 »
Ольвия, III в. до н. э.		1 »
Рим, I в. н. э.		1 »

Весь монетный материал раскопок 1939 г. хронологически вполне соответствует, за небольшими исключениями, археологическим слоям. Особенно близкое соответствие монет прочему археологическому материалу наблюдается в более ранних слоях — VIII и IX. В остальных слоях иногда монеты на один век более ранние, чем слой, что всегда возможно, так как монеты могли еще долго иметь хождение после их чеканки.

В самых ранних слоях (X и XI, относящихся к IV—III и III—II вв. до н. э.) монеты не найдены совсем. Слой IX, в котором была найдена монета времени Перисада V, является самым ранним слоем, содержавшим монеты. Эта монета и является наиболее ранней датирующей монетой. Правда, были встречены и две более ранние монеты IV—III вв. до н. э., но обе они по условиям находки не могут считаться датирующими.

Основная масса монет падает на время II—I вв. до н. э. (32 экз.).

Монеты, чеканенные в Фанагории, тоже относятся к этому времени (I в. до н. э.).

Кроме автономных монет Пантикапея и Фанагории, в очень небольшом количестве встречены монеты боспорских царей позднего времени: Радамсадия (319 г. н. э.) и одного из поздних царей, но определить более точно невозможно, ввиду их плохой сохранности.

Обращает на себя внимание монета Ольвии; раньше при раскопках Фанагории монеты Ольвии не обнаруживались.

Монеты Рима встречаются в очень малом количестве, в материале 1939 г. имеется только одна римская монета.

№№ п. п.	№ квадрата	№ штыка	Описание монет и ссылка	Размер, вес	Сохранность	Датировка	Археологический слой	Примечание
1	XVII	Расчистка стены № 119	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова бородатого Пана вправо *Об. стор.*: лук со стрелой, надпись: **ΠANTI** Ор., № 410/411 (поздний тип)	17 мм, 2.8 г	Удовл.	I в. до н. э.	Слой IX (II—I вв. до н. э.)	Большинство монет с данным изображением относится к III в. до н. э., но, как установлено Орешниковым, данный тип монет является более поздним, судя по небрежности исполнения изображений, а также и потому, что на монетах I в. до н. э. встречается причеканка штемпеля данного типа. См.: Ор., № 401 и 410/411.
	Там же	Там же	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова бородатого Пана вправо *Об. стор.*: лук со стрелой, надпись: **ΠAN** Ор., № 401, 410/411 (поздний тип)	15 мм, 1.2 г	Плох.	То же	Там же	
	»	»	Пантикапей (?) (стертая)	18 мм, 1.1 г	Оч. плох.	То же	»	Монета, повидимому, Пантикапея, так как сохранилась часть лука; больше ничего определить невозможно.
1	»	»	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова сатира влево *Об. стор.*: совершенно стерта	12 мм, 0.97 г	Плох.	Нач. III в. до н. э.	»	
	»	У стены № 119	Пантикапей *Лиц. стор* совершенно стерта *Об. стор.* лук со стрелой и надпись: **AN** Ор., № 393.—Бур., табл. XX, № 73, 74	18 мм, 1.67 г	Оч. плох.	То же	»	По изображению на реверсе и величине очень похожа на монету. См.: Ор., № 393/395.

Продолжение

№№ п. п.	№ квадрата	№ штыка	Описание монет и ссылка	Размер, вес	Сохранность	Датировка	Археологический слой	Примечание
6	XVII	Около 15-й кладки	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова бородатого Пана влево *Об. стор.*: голова быка в 3/4 влево Ор., № 374/378. — Бур., табл. XIX, № 35, 36, 37	16 мм, 2.32 г	Плох.	Втор. пол. IV в. до н. э.	Слой VIII	
7	XVIII	Вымостка № 19	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова бородатого Пана вправо *Об. стор.*: лук со стрелой Ор.,№ 402—407, 188, стр. 54 (поздний тип)	14 мм, 0.95 г	«	I в. до н. э.	Слой VI (II—III вв. н. э.)	Около вымостки найдена штукатурка желтого и красного цвета, 2 куска мраморного лутерия, фрагмент сосуда красно-коричневого лака с рельефным изображением II—I вв. до н. э.
8	Там же	13	Пантикапей, виден только лук со стрелой	15 мм, 1.17 г	Оч. плох.	То же	Слой VII (I—II вв. н. э.)	
9	»	14	Пантикапей, виден только лук со стрелой	15 мм, 1.22 г	То же	»	Там же	
10	»	Там же	Пантикапей *Лиц. стор.*: стерта *Об. стор.* лук в горите и надпись: ΠΑΝ Ор., № 479/484. — Бур., табл. XXI, № 114	12 мм, 1.57 г	»	II в. до н. э.	»	
11	»	18	Пантикапей *Лиц. стор.* голова в венке или повязке вправо *Об. стор.*: стерта Ор., № 78/484. — Бур., табл. XXI, № 114	11 мм, 1.6 г	»	То же	Слой IX (II—I вв. до н. э.)	

Продолжение

№№ п. п.	№ квадрата	№ штыка	Описание монет и ссылка	Размер, вес	Сохранность	Датировка	Археологический слой	Примечание
12	XIX	6	Пантикапей *Лиц. стор.*: стерта *Об. стор.*: лук со стрелой, внизу надпись: ΠΑΝ Ор., № 402/407 (поздний тип)	11 мм, 1.32 г	Оч. плох.	I в. до н. э.	Слой V (IV—V вв. н. э.)	
13	Там же	Под полом в центр. уч.	Пантикапей *Лиц. стор.*: безбородая голова вправо. *Об. стор.*: лук в горите, надпись: ΠΑΝ: Ор., № 479/484. — Бур., XXI, 114	11 мм, 1.2 г	Плох.	II в. до н. э.	Там же	
14	»	7	Одного из боспорских царей	18 мм, 5.72 г	»	IV в. н. э.	»	
15	»	9 между пифосом и бровкой	Римская, имп. Веспасиана, 71 г. н. э. *Лиц. стор.*: голова императора в лавровом венке вправо *Об. стор.*: Церера, сидящая в кресле, влево Cohen, т. I, стр. 372—373	18 мм, 2.20 г	»	71 г. н. э.	Слой VI (II—III вв. н. э.)	
16	»	10	Пантикапей *Лиц. стор.*: стерта *Об. стор.*: лук в горите, внизу надпись: ΠΑΝ Ор., № 479/484. — Бур., табл. XXI, № 114	11 мм, 1.52 г	»	II в. до н. э.	Там же	

Продолжение

№№ п. п.	№ квадрата	№ штыка	Описание монет и ссылка	Размер, вес	Сохранность	Датировка	Археологический слой	Примечание
17—25	XIX	10	Пантикапей (?), 9 монет совершенно стертых, по фактуре похожих на предшествующие монеты	10—8 мм	Плох.	II в. до н. э.	Слой VI (II—III вв. н. э.)	
26	Там же	Там же	Пантикапей *Лиц. стор.*: безбородая голова вправо *Об. стор.*: лук в горите, внизу надпись: ΠΑΝ Ор., № 479/484. — Бур., табл. XXI, 114	10 мм, 1.62 г	»	То же	Там же	
27	»	»	Пантикапей *Лиц. стор.*: не сохранилась *Об. стор.*: лук в горите Ор., № 479/484. — Бур., табл. XXI, 114	10 мм	»	»	»	
28	»	13	Пантикапей, (по фактуре, а также по остатку надписи: ΠΑΝΤΙ) Похожа на тип: Бур., табл. XXII, 153, 158, 159	22 мм, 3.1 г	Оч. плох.	Втор. пол. III в. до н. э.	»	
29	XX	26	Фанагория *Лиц. стор.*: голова Аполлона в лавровом венке вправо. *Об. стор.*: треножник, сохранилась слева только буква А Бур., табл. XIII, 12	21 мм	Плох.	I в. до н. э. (63—47 гг. до н. э.)	»	
30	Там же	Там же	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова борода-	12 мм, 2.22 г	»	I в. до н. э.	»	

Продолжение

№№ п. п.	№ квадрата	№ штыка	Описание монет и ссылка	Размер, вес	Сохранность	Датировка	Археологический слой	Примечание
			того Пана вправо, почти совершенно стерта *Об. стор.*: лук со стрелой Ор., № 402—407 (поздний тип)					
31	XX	26	Пантикапей, внизу сохранилась надпись: ΠΑΝ	11 мм	Плох.	I в. до н. э.	Слой VI (II—III вв. н. э.)	
32	Там же	Там же	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова Аполлона в лавровом венке вправо *Об. стор.*: стерта Ор., № 479—484. — Бур., табл. XXI, № 114	11 мм, 1.2 г	»	II в. до н. э.	Там же	
33	XXI	Под вымосткой № 6	Пантикапей, виден лук со стрелой Ор., № 401 (поздний тип)	11 мм, 1.25 г	»	I в. до н. э.	»	
34	Там же	Там же	Пантикапей, виден лук со стрелой	14 мм	Оч. плох.	То же	»	
35	»	У кладки № 6	Пантикапей *Лиц. стор.*: безбородая голова вправо в венке или повязке *Об. стор.*: лук в горите, надпись стерта Ор., № 479/484. — Бур., табл. XXI, 114	9 мм, 1.7 г	Плох.	II в. до н. э.	»	

Продолжение

№№ п. п.	№ квадрата	№ штыка	Описание монет и ссылка	Размер, вес	Сохранность	Датировка	Археологический слой	Примечание
36	XXI	Вымостка (IV—V вв. н. э.)	Пантикапей *Лиц. стор.*: стерта *Об. стор.*: лук в горите Внизу надпись: ΠΑΝ Ор., № 479/484. — Бур., табл. XXI, № 114	11 мм	Плох.	II в. до н. э.	Слой VI (II—III вв. н. э.)	
37	Там же	Из-под вымостки № 6	Пантикапей	11 мм, 1.7 г	»	То же	Слой под вымосткой (I—IV вв. н. э.)	
38	»	Там же	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова бородатого Пана вправо *Об. стор.*: стерта Ор., № 407 (поздний тип)	13 мм, 1.8 г	»	I в. до н. э.	Там же	
39	»	Угол. Слой под вымосткой № 6	Пантикапей *Лиц. стор.*: стерта *Об. стор.*: лук со стрелой, надпись: ΠΑ.. Ор., № 402—407 (поздний тип)	12 мм, 1.3 г	»	То же	»	
40	»	13	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова Пана вправо *Об. стор.*: лук со стрелой Ор., № 402—407 (поздний тип)	12 мм, 1.1 г	»	»	Слой VII (I—II вв. н. э.)	
41	»	15	Радамсадий *Лиц. стор.*: голова царя вправо, надпись: ΒΑCΙΛΕΥC ΡΑΔΑΜ *Об. стор.*: голова императора вправо, 615 год босп. э.	20 мм, 6.5 г	»	319 г. н. э.	Слой VIII (I в. до н. э. — I в. н. э.)	

Продолжение

№№ п. п.	№ квадрата	№ штыка	Описание монет и ссылка	Размер, вес	Сохранность	Датировка	Археологический слой	Примечание
			Кёне. Собр. Кочубея, т. II, стр. 365, № 7					
42	XXI	15	Ольвия *Лиц. стор.*: голова богини в башенной короне вправо *Об. стор.*: стрелок, стреляющий из лука Бур., табл. VII, № 161	12 мм, 1.3 г	Плох.	III в. до н. э.	Слой VIII (I в. до н. э. —I в. н. э.)	
43	Там же	Там же	Пантикапей *Лиц. стор.*: не сохранилась *Об. стор.*: треножник, сбоку надпись: ΠΑΝ Ор., № 474	14 мм, 2 г	»	I в. до н. э. (Палемон I)	Там же	
44	»	»	Пантикапей *Лиц. стор.*: треножник *Об. стор*: звезда о 8 лучах, между лучами: Π—Α—Ν—Τ—Ι—Κ—Α—Π Ор., № 472/473, стр. 68	11 мм, 0.92 г	»	Кон. I в. до н. э. (Палемон I)	»	
45	»	16	Пантикапей (сохранились только следы надписи)	12 мм, 1.6 г	»	Кон. I в. до н. э.	»	
46	»	»	Пантикапей *Лиц стор.*: не сохранилась *Об. стор.*: лук и стрела	12 мм, 1.72 г	»	I в. до н. э.	»	
47	»	»	Пантикапей, видна только часть лука (поздний тип)	11 мм, 2.1 г	»	То же	»	
48	»	16а	Фанагория *Лиц. стор.*: стерта *Об. стор.*: лук со стрелой, внизу надпись: ΦΑ Ор., № 490/494	13 мм, 2.37 г	»	»	»	

Продолжение

№№ п. п.	№ квадрата	№ штыка	Описание монет и ссылка	Размер, вес	Сохранность	Датировка	Археологический слой	Примечание
49	XXI	16а	Фанагория *Лиц. стор.*: стерта *Об. стор.*: лук со стрелой, внизу надпись: ФА Ор., № 490/494	12 мм, 2.10 г	Плох.	I в. до н. э.	Слой VIII (I в. до н. э. — I в. н. э.)	
50	Там же	Там же	Пантикапей *Лиц. стор.*: безбородая голова вправо в венке или повязке *Об. стор.*: лук в горите Ор., № 479/484	11 мм, 1.32 г	»	II в. до н. э.	Там же	
51	»	»	Пантикапей, видна только надпись AN	13 мм, 1.54 г	Оч. плох.	То же	»	Уцелела половина монеты.
52	»	19	Пантикапей *Лиц. стор.*: голова Сатира вправо *Об. стор.*: половина Пегаса с подогнутыми ногами вправо; надпись: ΠAN Ор., № 415/416. — Бур., табл. XX, № 89.	13 мм	Плох.	II в. до н. э. (Перисад V)	Слой IX (II—I вв. до н. э.)	
53	»	»	Пантикапей, видна часть стрелы, внизу надпись: П.N	15 мм, 1.77 г	»	III в. до н. э.	Там же	
54	»	»	Пантикапей, видна только часть лука	14 мм, 1.25 г	Оч. плох.	I в. до н. э.	»	
55	»	»	Пантикапей, видна только часть лука	11 мм, 1.52 г.	Плох.	То же	»	
56—74	»	»	Стершиеся монеты, не поддающиеся определению (19 экз.)					

Общие выводы

Как показывают имеющиеся в наличии монеты, происходящие из раскопок Фанагории, основным материалом денежного обращения в ней были монеты Пантикапея — как автономные, так и царские.

Монеты, чеканенные в самой Фанагории, также встречаются, причем все они такого же чекана, типа и времени, как и монеты Пантикапея. Фанагория, очевидно, подражала им в своем чекане. Фанагорийские монеты встречались сравнительно редко, но зато регулярно в каждый год раскопок. Со времени подчинения Боспора Риму в Фанагории имели хождение и римские монеты, которые также встречаются регулярно в небольшом количестве, — это, главным образом, римские императорские монеты первых веков нашей эры.

Из монет других городов встречаются монеты тех центров, с которыми Боспор был тесно связан торговыми, а иногда и политическими интересами. Регулярно (за исключением раскопок 1939 г.) встречались монеты Амиса и Синопы, чаще всего времени Митридата VI и Фарнака. В этом нашли свое отражение глубокие экономические и политические связи Боспора с Понтом. Из других городов обнаружена лишь одна монета Ольвии в раскопках 1939 г.

Относительно хронологии монет мы имеем следующие данные: раскопки 1936 г. дали нам самый ранний материал, преимущественно III и II вв. до н. э., из раскопок 1937 г. получен, в основном, более поздний материал — конца II в. до н. э. — начала I в. н. э., раскопки же 1939 г. дали материал IV—I вв. до н. э.

Автономных монет Пантикапея встречено гораздо больше, чем царских. Это объясняется, повидимому, тем, что в поздний период Фанагория не имела уже тех широких торговых связей и того интенсивного хозяйства, которыми она обладала в более раннее время. Экономика ее постепенно падала в III—IV вв. н. э., как и хозяйственная жизнь всего Боспора.

Весьма показательно почти полное отсутствие средневековых монет, хотя верхние слои городища средневековые. Очень интересна монета № 1 раскопок 1937 г. Но вопрос о ней может быть выяснен только путем детального исследования специалистов по древнерусской нумизматике.

А. К. РЮМИН

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЧАДОБЕЦКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ НА р. АНГАРЕ

Летом 1948 г. при изучении третьей древней террасы р. Ангары в окрестностях с. Чадобец нам удалось посетить стоянку неолитического человека, впервые описанную Н. И. Витковским,[1] и собрать богатую коллекцию каменных орудий и керамики. Некоторые из нижеописанных орудий были получены нами от учителя Чадобецкой сельской школы А. А. Шабовича, с указанием точного местоположения их находок.[2]

Геологическое и геоморфологическое строение района Чадобецкой стоянки

Село Чадобец расположено на правом берегу Ангары, в 1.5 км выше устья р. Чадобец. Коренной склон долины р. Ангары, сложенный траппами, отступает здесь на 3—4 км от ее русла, и на правобережье большое развитие получают древние террасы с высотами 12, 18—20 и 35—40 м. Непосредственно выше с. Чадобец, на 800 м вдоль берега Ангары тянутся живописные скалы обрыва Поп. В обрыве обнажаются известняки и доломиты среднего кембрия, среди которых нередко встречаются линзообразные кремнистые пропластки. Они давали богатый материал для изготовления каменных орудий людям неолита, обитавшим в этих местах. Пласты известняков и доломитов Попа образуют антиклиналь с осью, расположенной перпендикулярно р. Ангаре и слабо наклонной на юго-восток.

В целом скалы Поп являются коренным цоколем четвертой надпойменной террасы Ангары, высота площадки которой над рекой составляет 40 м. Собственно коренной цоколь поднят на 35 м, поверх его лежит аллювиальный покров террасы мощностью в 5 м. Ширина площадки четвертой террасы достигает 2.5—3.0 км. Поверхность ее ровная, сложена легкими светлокоричневыми суглинками и изобилует массовыми высыпками средне- и крупногалечного материала. Встречается галька кварцитов и кварцитовидных песчаников, галька кремнистых сланцев, порфира, халцедона. Гальки твердых пород из этих высыпок также, повидимому, использовались неолитическим человеком в производстве орудий.

---

[1] Н. И. Витковский. Следы каменного века в долине р. Ангары. Изв. ВСРГО, т. XX, 1889.

[2] Автор считает долгом выразить свою глубокую благодарность А. П. Окладникову, определившему бо́льшую часть орудий, а также М. А. Лавровой, давшей ряд ценных указаний.

В 1.5 км от устья р. Чадобец поверхность четвертой древней террасы снижается и, благодаря развитию делювиальных отложений, пологим склоном переходит в слабо наклонную к Ангаре площадку третьей древней террасы с высотой 18—20 м. Третья терраса в основном аккумулятивная, незначительный выход коренного цоколя ее (длиной 30 м, при высоте 1.5 м) наблюдается в 500 м ниже с. Чадобец. В цоколе обнажаются горизонтально залегающие серые среднезернистые песчаники, переслаивающиеся с красными алевролитами (пестроцветная свита верхнего кембрия). Третья терраса сложена горизонтальнослоистыми, сероватожелтыми среднезернистыми песками с прослоями легких суглинков желто-бурого цвета, содержащих фауну пресноводных моллюсков (предположительно Helix). Верхняя часть разреза террасы (2—3 м) сложена светложелтыми уплотненными глинистыми песками, вблизи поверхности переходящими в лёссовидные суглинки, имеющие следы элювиального горизонта в виде системы вертикальных пор, инкрустированных известью.

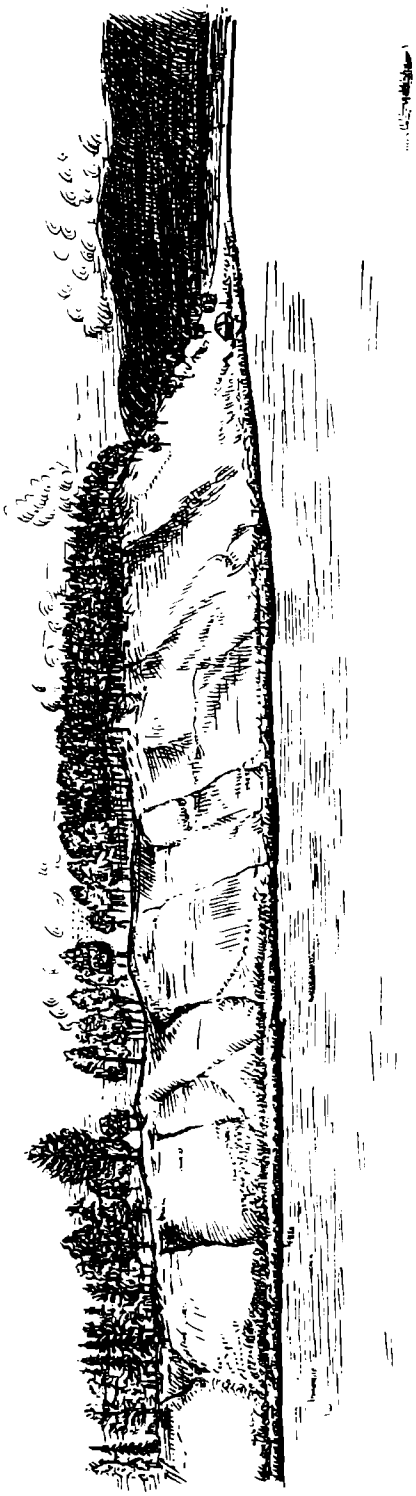


Рис. 1. Левый берег устья р. Чадобец. Третья надпойменная терраса Ангары с дюнными образованиями вдоль бровки.

В 1.0 км вверх по Чадобцу поверхность третьей террасы благодаря развитию делювия полого снижается и сменяется площадкой второй древней террасы Ангары, высота которой составляет 10—12 м. Вторую древнюю террасу слагают горизонтальнослоистые буровато-желтые среднезернистые пески с включением (особенно в нижней части ее разреза) мелкой гальки полимиктового состава.

В отложениях второй древней террасы Ангары известны находки остатков крупных позвоночных: Elephas primigenius, Rinoceros tichorhinus, Alces machlis и др. Они приурочены обычно к нижней части разреза второй террасы. В основании ее встречается также в значительном количестве пыльца луговых и степных трав, а из древесных форм преобладают светлохвой-

ные. Процентный состав пыльцы говорит о лесостепных условиях. Пыльцовый спектр более высоких горизонтов террасы указывает на постепенное облесение страны; ему предшествует климатический оптимум (пыльца Tilia, Quercus, Corylus).

Верхние горизонты террасы отлагались в условиях более сурового и холодного климата (темнохвойная тайга, много плауновых, папоротников).

Общий облик фауны и данные спорово-пыльцевого анализа позволяют отнести время отложения нижних горизонтов второй террасы к последней межледниковой эпохе (рисс-вюрмской).

Верхние горизонты террасы, указывающие на похолодание и некоторое увлажнение климата, говорят о начале последней (вюрмской) ледниковой эпохи.

Третья и четвертая террасы Ангары, фаунистически не охарактеризованные, имеют, повидимому, среднечетвертичный возраст.

Вдоль бровки III террасы, параллельно долине р. Чадобец, тянется узкий массив древних дюн, закрепленных растительностью (рис. 1). Ближе к с. Чадобец поверхность его деформирована дюнными всхолмлениями более поздней генерации. Формы подвижных дюнных образований частью неправильны, частью же наблюдается довольно правильная параболическая форма их с крутым вогнутым краем, обращенным на 0—40° при угле наклона крутого склона дюны на 40—45°. Отдельные вершины дюн поднимаются на высоту 33—35 м над Ангарой. Подобные образования находятся в стадии перевевания, наступая на сосновую рощу в тылу дюнного массива и на чадобецкие поля. Повидимому, оживление дюн относится к совсем недавнему времени и связано с деятельностью человека.

Чадобецкая стоянка приурочена к погребенному почвенному горизонту в дюнах третьей террасы. Снижение поверхности культурного слоя выше д. Зеледеево до уровня второй террасы указывает на частичный размыв третьей террасы до образования стоянки. В момент возникновения неолитических поселений в устье Чадобца условия существования были более благоприятны на покрытых лесом дюнах третьей террасы, чем на ниже расположенной и, вероятно, более сырой поверхности второй террасы.

Геологические условия залегания культурного слоя указывают на молодой возраст стоянки, так как вторая терраса была уже к этому времени сформирована. Человек обитал здесь во влажный послеледниковый период (атлантический), которому предшествовал засушливый период (бореальный), когда образовались дюны.

Описание стоянки

Более древняя, погребенная, поверхность дюн фиксируется культурным слоем Чадобецкой стоянки, выходы которого тянутся на 1600—1800 м вдоль бровки III террасы. Глубина залегания культурного слоя 1.0—1.5 м (неодинаковая в различных выходах).

Прослеживая уровень залегания культурного слоя, можно заметить, что выше д. Зеледеево он склоняется к поверхности II террасы, затем, постепенно поднимаясь, достигает высоты 25—28 м над рекой (против средней и нижней по течению части д. Зеледеево). Далее, к с. Чадобец, культурный слой снова опускается и вблизи окраин села сливается с поверхностью III террасы. Мощность культурного слоя составляет 15—20 см, что вместе со значительной площадью его распространения

свидетельствует о длительности существования неолитических поселений в устье Чадобца.

В культурном слое стоянки встречаются остатки кострищ, зола, обломки костей крупных млекопитающих (вероятно, лося) плохой сохранности; масса сколов и отщепов кремня, сосредоточение которых на отдельных участках указывает на местоположение мастерских, где производились орудия; много обломков богато орнаментированной керамики и, наконец, прекрасно отделанные каменные орудия.

Некоторые орудия собранной нами коллекции были извлечены непосредственно из культурного слоя стоянки (раскопы против нижнего конца д. Зеледеево), а часть их, в особенности наконечники стрел, была собрана в дефляционных котловинах, расположенных у бровки III террасы перед фронтом дюнного массива. В последнем случае орудия лежали не in situ, так как пески, включающие их, были выдуты вместе с более легкими компонентами культурного слоя (уголь и пр.).

Орудия Чадобецкой стоянки в большинстве относятся, по определению А. П. Окладникова, к серовскому этапу неолита Прибайкалья и характеризуются разнообразием назначений тех или иных предметов, большим техническим совершенством и тщательностью отделки. Общий ассортимент орудий указывает на охотничий уклад жизни в серовский этап.[1]

Все описываемые орудия можно разделить на несколько групп: топоры и тесла, наконечники стрел, скребки.

1. Т о п о р ы, как правило, имеют форму клина с расширенной рабочей частью и несколько суженным обухом (рис. 2, *1*, *2*). Размеры топоров сравнительно небольшие: 8—12 см в длину при ширине 6—8 см. Материалом для их изготовления служили различные кремнистые сланцы. Необходимая форма придавалась путем довольно грубой оббивки. Только лезвие обрабатывалось более тщательно. Полированных топоров, описанных для Чадобецкой стоянки Н. И. Витковским,[2] нами встречено не было.

Большой интерес представляет крупное тесло из кремнистого сланца (рис. 3, *16*). Длина его 21 см, ширина 6 см. Тесло в поперечном сечении плоско-выпуклое. Полукруглая рабочая часть его тщательно отшлифована. Ближе к обуху тесло имеет следы грубой обработки. В 3 см от конца обуховой части, по бокам тесла располагаются заплечики, способствовавшие прочному укреплению его на рукояти. Повидимому, орудия этого типа служили для обработки дерева: при постройке жилищ, выдалбливании лодок и т. д.

В коллекции имеется один кремневый молот (рис. 2, *5*) исключительно правильной формы, напоминающий современные геологические молотки. Длина его 13.5 см, один конец имеет квадратное сечение, другой заострен. Орудие носит следы оббивки с последующей зашлифовкой плоскостей на шлифовальных плитах. Повидимому, это был боевой молот.

2. Н а к о н е ч н и к и с т р е л (рис. 3, *1—11*) по форме и размерам весьма разнообразны: встречаются удлиненные овальные, треугольные с вогнутым и реже плоским основанием, ромбовидные. Некоторые наконечники имеют прямые черенки. Размеры наконечников стрел небольшие: 2—5 см в длину. Поражает исключительное совершенство

---

[1] А. П. О к л а д н и к о в. Неолитические находки в низовьях р. Ангары. ВДИ, № 4, 1939. — О н ж е. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, № 1 (2), 1938. — О н ж е. Археологические исследования на Ангаре. СА, IV, 1939.

[2] Н. И. В и т к о в с к и й, ук. соч.

их обработки: большинство наконечников имеет безукоризненно правильную форму. Материалом для их изготовления служил различный кремень, а также сливные кварциты и яшмы.

3. Скребки (рис. 3, *12*, *19*, *20*; рис. 2, *6*, *7*) имеют различную форму. Повидимому, она определялась случайной формой плоского

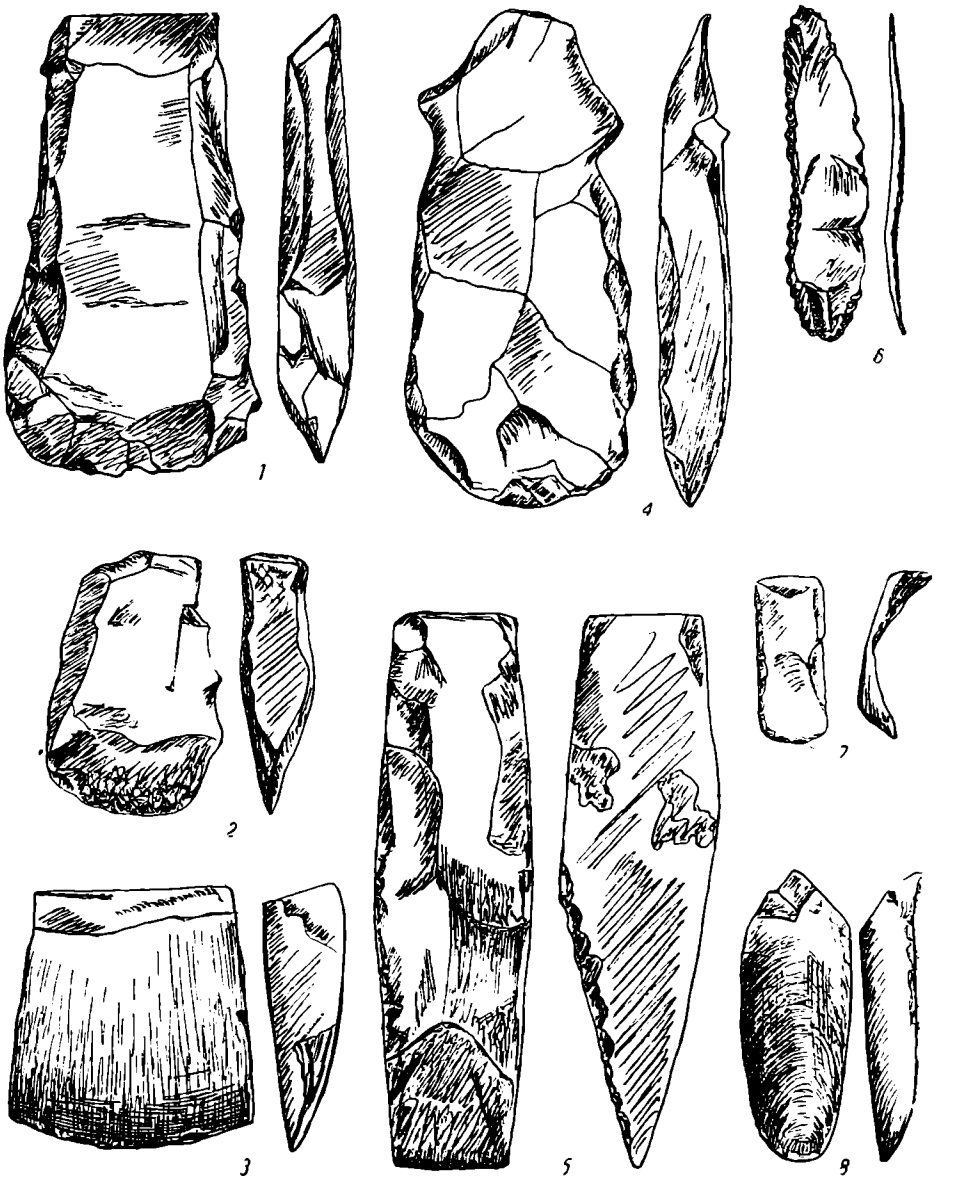


Рис. 2. Каменные орудия из Чадобецкой стоянки.

1, *2* — топоры (кремень); *3* — отшлифованный клин (обломок топора ?) из кремнистого сланца; *4* — тесло (кремнистый сланец); *5* — молот (кремень); *6*, *7* — скребки (кремень); *8* — рабочая часть тесла (кремнистый сланец).

скола кремня, который затем, будучи подправлен по рабочему краю мелкой оббивкой, служил скребком.

Материал скребков: кремень, яшмы. Размеры их незначительны: не более 6—8 см в длину.

4. В культурном слое Чадобецкой стоянки встречаются большие скопления обломков и сколов кремня, являющихся отходами при производстве орудий. Их можно разделить на две категории: 1) собственно

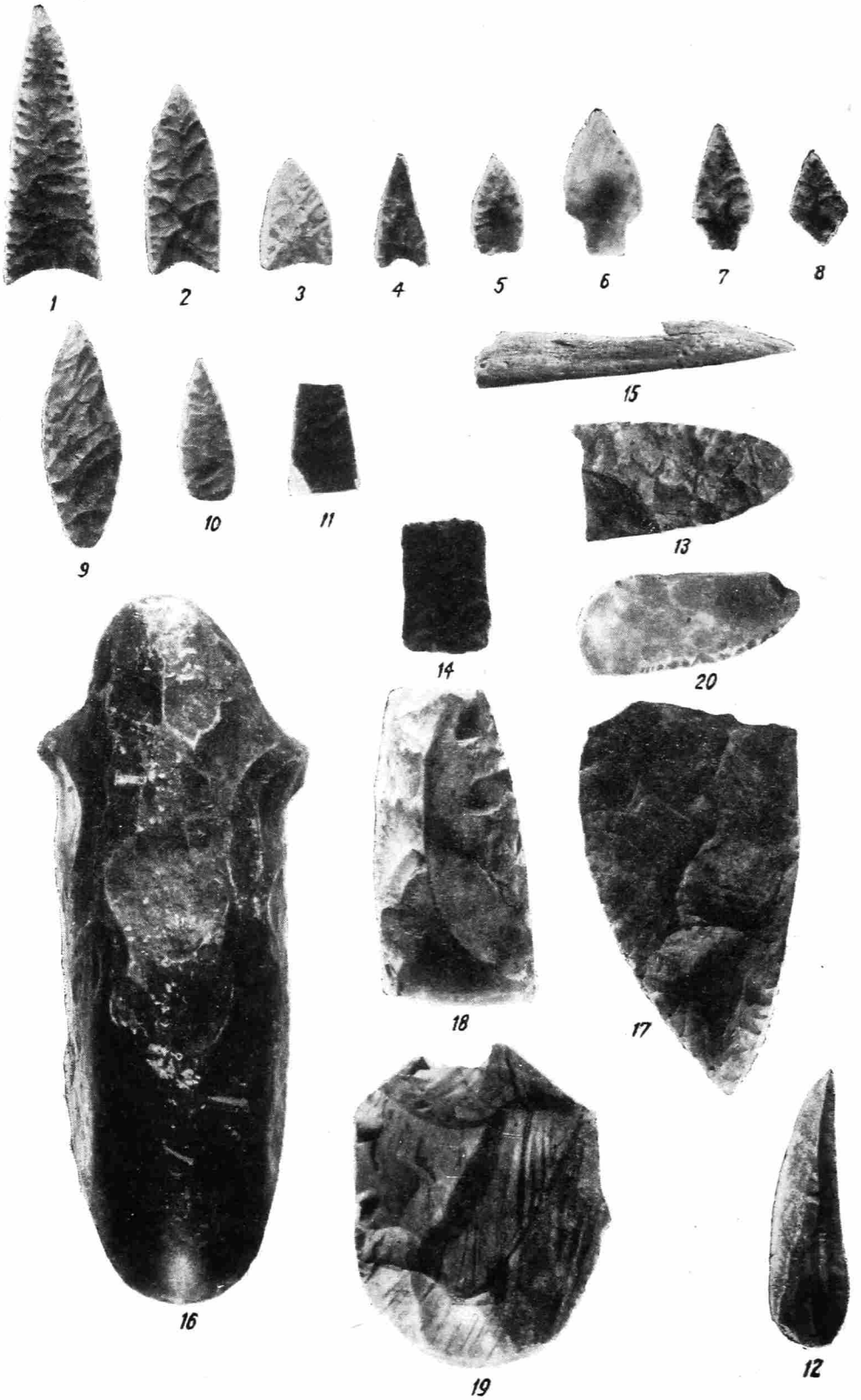


Рис. 3. Каменные и костяные орудия из Чадобецкой стоянки.

1—11 — наконечники стрел (кремень, кварцит, яшмы); *13* — верхняя часть наконечника копья (кремень); *14* — вкладыш (кремень); *15* — часть гарпуна (кость); *16* — тесло (кремнистый сланец); *17* — нож (кремень); *18* — топор или долото (кремнистый сланец); *12*, *19*, *20* — скребки (кремень, яшма).

сколы, т. е. тонкие пластинки, представляющие собой наружную часть исходного материала, и 2) внутренние части, нуклеусы, от которых из-за их небольших размеров уже невозможно было отбивать пластинки нужной величины.

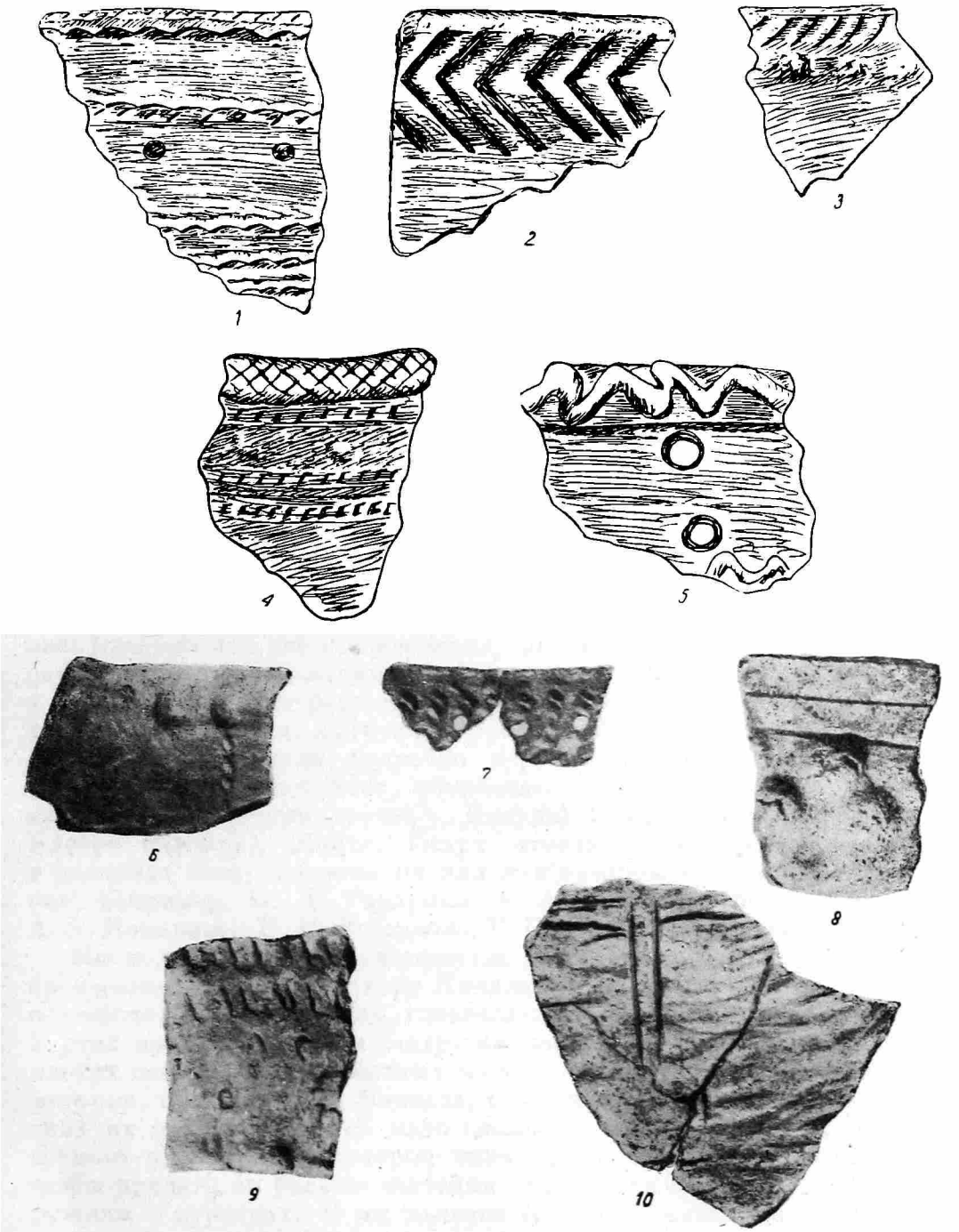


Рис. 4. Фрагменты керамики.

5. В одной из дефляционных котловинок против нижней части д. Зеледеево нами был обнаружен обломок костяного гарпуна плохой сохранности (рис. 3, *15*). Присутствие его указывает на то, что рыбная ловля также играла известную роль в хозяйстве человека серовского этапа.

6. Керамика. Во всех выходах культурного слоя, на вскрытых земляными работами участках его и на дне дефляционных котловинок в изобилии встречаются обломки глиняных сосудов неолитического человека (рис. 4, *1—10*). Большинство обломков богато орнаментировано, типы орнамента — ямочно-гребенчатый и гусенично-гребенчатый. Некоторые обломки имеют более простой орнамент, они также отличаются самим материалом, из которого изготовлялись горшки: масса состояла из глины с крупным песком и с примесью древесных частиц. Цвет обломков серый, толщина их 8—10 мм.

Обломки керамики, имеющие сложный орнамент, свидетельствуют о меньшем размере сосудов, толщина их стенок 4—8 мм; массой для изготовления этих сосудов служила глина, может быть даже прошедшая отмучивание.

Это обстоятельство, впрочем, не обязательно указывает на различие культур, о чем писал Н. И. Витковский,[1] делая вывод, что меньшие сосуды имеют более поздний возраст. Не исключена возможность, что различное назначение тех или иных сосудов обусловило различный характер отделки и материала, использованного для их изготовления. Насколько можно судить по отдельным фрагментам керамики, сосуды Чадобецкой стоянки были круглодонными или «бомбовидными», но уже имели отчетливо выраженную шейку с выделенным венчиком.

Остатков энеолита в виде металлических орудий или украшений в районе Чадобецкой стоянки нами обнаружено не было.

---

[1] Н. И. Витковский, ук. соч.

И. В. МЕГРЕЛИДЗЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ДИДО

Дидо, или Дидоэти, — страна дидойцев (самоназвание — цезы, аварское название — цунтинцы), расположена на северном склоне Кавказского хребта, по соседству с Телавским и Кварельским районами Грузинской ССР. Дидо административно входит в состав Дагестанской АССР, образует ее Цунтинский район (по-дидойски — Цетло), наиболее удаленный от центра Дагестана — Махач-кала. Основой хозяйства дидойцев является скотоводство, отчасти земледелие. В Дидоэти развито и ремесло.

С целью изучения дидойского языка мы, начиная с 1938 по 1939 г., три раза посетили Дидо, интересуясь одновременно как дидойским фольклором, так и этнографией и археологией. При нашей последней поездке мы обнаружили там описанные ниже археологические находки.

Страна Дидо археологически мало изучена. Там еще не производились археологические исследования, но тем не менее в специальной литературе известны сделанные на территории Дидо случайные находки, а также результаты разведочных работ. Распространяться здесь о них нет надобности ввиду наличия обзора А. А. Иессена [1] и статьи А. П. Круглова.[2] А. А. Иессен подробно перечисляет памятники, «известные из пределов Дидойского общества», указывает места находок — аулы Чаляхо, Кетури (вернее — Китури), Асахо, Ретло, Хупро (Хупри), Кидеро (Кидери), Шайтл, Гинух, отмечает, где эти вещи хранятся, и называет обнаруживших их лиц или авторов, которые о них писали, как, например, П. Д. Тарарина, А. А. Захарова (писал о коллекции А. А. Комарова), К. Н. Россикова, Г. Бапста, А. К. Сержпутовского и др.

Мы подозреваем, что упомянутые лица иногда одну и ту же богатую бронзовыми статуэтками гору Кидилашан (см. ниже) называют именами находящихся вблизи аулов, главным образом Ретло, Асах, Чаляхо и др. В этих аулах мы видели статуэтки, найденные на названной горе. Во многих центральных и местных музеях имеются бронзовые человеческие фигурки, привезенные с Кавказа, в частности из Дагестана, но об условиях их находки имеется мало сведений: многие из них хранятся без всякого паспорта.[3] Некоторые лица, предоставляя такие вещи музеям, чтобы придать им больше значения, ложно указывали, что они их обнаружили в курганах. И мы должны констатировать, что А. А. Иессена не подводит его интуиция, когда он при указании местности, лежащей

---

[1] А. А. Иессен. Работы на Сулаке. Отчет о работах. Изв. ГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935, стр. 29—39, в частности стр. 35, №№ 21—31.

[2] А. П. Круглов. Культовые места горного Дагестана. КСИИМК, вып. XII, М.—Л., 1946, стр. 31—40.

[3] Там же, стр. 31.

между аулами Амятлых и Кетури (Китури), названной его предшественником «курганами», слово «курган» ставит под вопросительным знаком, сам же он называет ее культовым местом.[1] Во всяком случае, на Кидилашане (по Тарарину — с. Чаляхо, откуда он в 1882 г. вывез 88 бронзовых фигур, или, по Г. Бапсту, — с. Ретло, где он на скалистой «остроконечной вершине, площадке диаметром около 4 м, покрытой тонким слоем земли», откопал 32 бронзовых человеческих фигурки и бронзовую бу-

Рис. 1. Бронзовый конь с озера Орзен. (С двух сторон).

лавку) было культовое место, что видно из нашего дальнейшего описания этой горы.

Далее следует помнить, что случайные находки неизвестных лиц и беспаспортные или же недостаточно паспортизированные вещи не всегда заслуживают доверия, так как они могут оказаться подделками. Даже А. А. Захаров был введен в заблуждение этими подделками и в своей сводной работе по кавказским антропоморфным изображениям поместил поддельную статуэтку.[2]

Подлинность обнаруженных нами в Дидо археологических вещей не вызывает сомнений. Имеются также надежные указания на места их находки.

---

[1] А. А. Иессен. ук. соч., стр. 35, № 22.

[2] А. П. Круглов, ук. соч., стр. 32. Ср. рец. на работу Т. Ивановской «Кавказские поясные пряжки» в «Сообщениях» ГАИМК (1931, № 1, стр. 33).

По нашим предварительным разведкам, а также по сведениям местных жителей, в Дидо намечаются 3 основных пункта, интересных в археологическом отношении.

1) Первый пункт находится на расстоянии 12—13 км к востоку от аула Шайтли, на горе Хилотл-остло. Это озеро Орзен, или Орезни, на берегах которого, как оказывается, находили разные бронзовые предметы, например голову оленя, тура, маленького коня, фигуру человека, руку человека и т. п. Об этих находках мы слышали от нескольких человек, и их слова подтверждает также серьезный любитель древностей дидоец Х. М. Алиев. Место это культовое: во время больших засух шайтлинские жители приводили туда барана или козу и резали их так, чтобы телом они лежали в озерной воде и чтобы кровь их лилась туда же; одновременно присутствующие кидали в озеро камни так, что от брызг воды создавалась иллюзия дождя. Они молились, чтобы бог послал

Рис. 2. Бронзовая фигурка коня из аула Хупри.

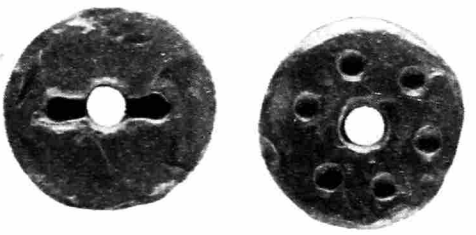


Рис. 3. Каменная «чортова мельница» из аула Хупри. (С двух сторон).

дождь, затем мясо съедали и возвращались домой с надеждой, что после этого пойдет дождь.

С середины северного берега маленького озера Орзен происходит бронзовый конь (рис. 1).

Эта бронзовая фигура, как и большинство описанных ниже статуэток с горы Кидилашан, покрыта темнозеленой патиной; вес ее 500 г, выс. 6. 8 см, дл. 13.5 см. На коне изображена узда; копыта слабо выражены, уши короткие, хвост тоже короткий; отливка хорошая. На животе (рис. 1, *а*) знаки или царапины; на левом боку (рис. 1, *б*) имеется повреждение.

2) Второй пункт, откуда происходят такие же находки, как орзенские, — аул Хупри. Рассказывают о таком случае: у подножья горы, на склонах которой расположен Хупри, у реки строили и ныне стоящую там мельницу. При рытье канав раскопали могилу, в которой находились человеческие кости, глиняный кувшин, бронзовые стрелы. Там, оказывается, была найдена приобретенная нами маленькая бронзовая фигурка коня с поднятой головой. Шея коня несоразмерно толста, уши маленькие, хвост короткий, копыта не выражены, узды нет, на спине петля для подвешивания (рис. 2).

По пути из аула Хупри в районный центр Шайри нам пришлось часто слышать о том, что в Хупри у одного крестьянина имеется «чортова мельница» (по-дидойски: шайтанес ачъур). Нам удалось приобрести и ее. Она представляет собою маленькую красноватую каменную модель ручной мельницы. На лицевой стороне, в верхней части, имеются, кроме отверстия, посредине (откуда в мельницу попадает зерно), шесть круглых углублений (вместо одного, как это бывает у настоящих ручных мельниц), куда вставляют деревянную ось, при помощи которой мельницу приводят в движение. На другой стороне также находится углубление, в которое

входит конец оси, придерживающей верхнюю часть мельницы на нижней (рис. 3).

3) Третий, самый богатый и всем дидойцам хорошо известный пункт, — возвышенность Кидилашан на Чаляхской горе в Асахском сельсовете, южнее аулов Ретло и Чаляхо, примерно на 3—4 км от аула Кимеtля.

Площадка на плоской вершине Кидилашан имеет около 15—20 кв. м; она немного наклонена с севера на юг и покрыта тонким слоем (от 5 до 25 см) земли. Западные и северные склоны Кидилашана представляют собою обрывистую черную скалу. У подножья Кидилашана, в сторону Ретло, имеется небольшая равнина с маленьким углублением (котлованом), в котором скопляется вода, высыхающая летом. Местные жители называют это углубление Орзен (озеро), рассказывают о нем легенды и относятся к нему с почтением.

Жители аулов Цебери и Кимеtль называют вершину Кидилашан и Кидилазох, буквально «у куклы», «около куклы», или Кидилашаних — «имеющая куклы». Бронзовых «кукол» крестьяне называют ласкательными именами «кидила», буквально «девчушка», что у дидойцев обозначает «куклу в девичьей одежде», или «ужила», буквально «мальчишка», — «кукла в мальчиковой одежде».

Найденных на Кидилашане бронзовых кукол «кидила» и «ужила», как это подчеркивают местные жители (например Махмад Али-Бахарчи и другие), дидойцы с места их находки не уносили. У дидойцев существовало поверье, что если взять оттуда какой-нибудь бронзовый предмет, то этим можно рассердить бога погоды, который может послать град и уничтожить все селение. Боясь этого, как взрослым, так и детям внушали, чтобы они таких вещей не брали.

Кидилашан и находящееся там же так называемое «озеро», подобно упомянутой в первом пункте горе Хилотл-остло-орзен, имеют культовое значение, — при сильных засухах здесь совершали жертвоприношение богу погоды.

Бесспорно к Кидилашану относятся вещи, откопанные Бапстом,[1] о котором А. А. Иессен пишет: «Ретл, или Ретло, к юго-востоку от Асахо. На одной из соседних вершин (4 часа подъема от Ретло) произвел раскопки Бапст в 1883 г. В течение двух часов работы были найдены, почти на поверхности, 32 бронзовых человеческих фигурки и большая бронзовая булавка, литая по восковой модели, со шнуровым орнаментом. Еще до Бапста якобы отсюда было добыто свыше 200 фигурок, переданных А. В. Комарову; фигурки из собрания Комарова в Музее Грузии обозначены сел. Кематль, находящимся рядом с Ретло».[2]

Летом 1939 г. 72-летний дидоец из аула Кимеtль (Асахского сельсовета) Рамазан Рамазанов рассказал нам, что примерно 40 лет тому назад летом в его доме остановилась проезжая русская женщина; ее сопровождали урядник андийской стражи и его сын: «Меня с лопатой повели на Кидилашан, где я стал копать землю и откопал: „горло“ [трубу] горнила толщиной в большой палец, длиной 10—15 см, покрытое перламутром [баргьалис машу — буквально „перламутра труба“]“ или жемчугом [маргьалиос мушу], бронзовые „куклы“ [статуэтки], маленького оседланного коня с сидящим на нем человеком, рогатого оленя, собачку, обломок сосуда, древесный уголь и др.».

---

[1] Germain Bapst. Souvenir du Caucase. Fouilles sur la grande chaîne. RA, III серия, т. V, Париж, 1885, стр. 35—46, в частности 38—41.

[2] А. А. Иессен, ук. соч., стр. 36.

«Около аула Киметль на кладбище мы, — говорит тот же Р. Рамазанов, — откопали: бусы, рукоятку шашки [?], кинжалы, кольца, деньги,[1] посуду, кости человека и др., и все это наша гостья уложила в ящик и увезла».

Житель того же Киметля, дидоец Махмед Ибрагимов (в 1939 г. ему было 55 лет) сообщает, что он был 10—11-летним мальчиком, когда в Дидо приехал один инженер, который оставался в ауле 3 дня и тому,

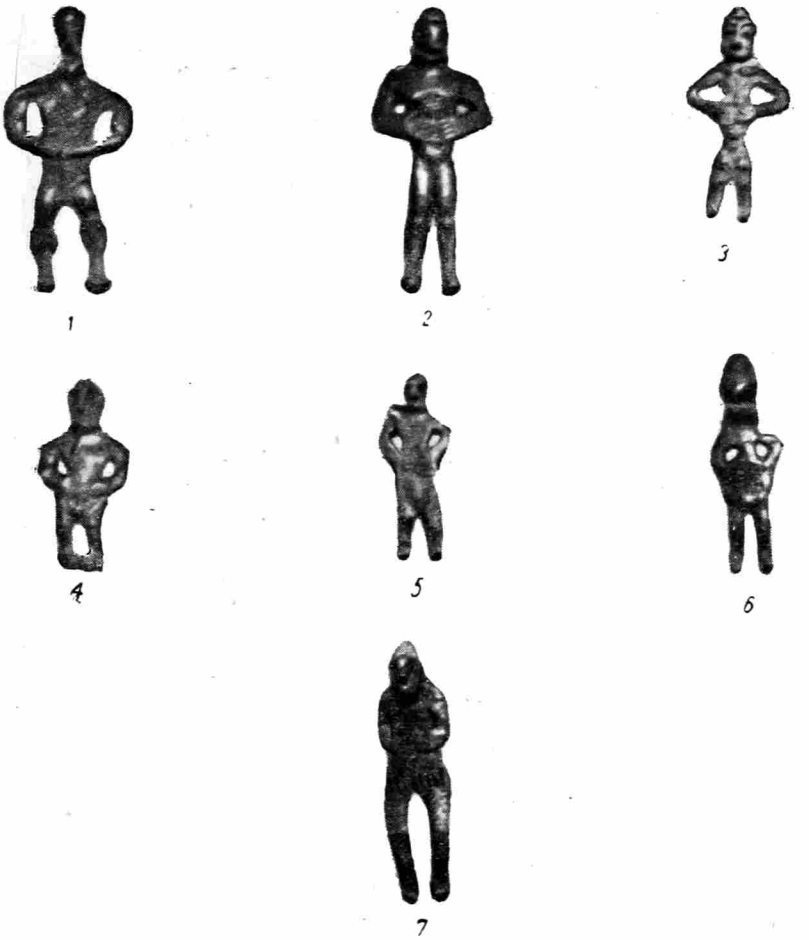


Рис. 4. Бронзовые статуэтки I подгруппы с горы Кадилашан.

кто ему приносил бронзовые вещи, платил от 20 коп. до 1 руб. Он закупил около 50 разных статуэток, среди которых была и фигура коня с сидящим на нем человеком; он зарисовал Кидилашан и уехал.

О вышеупомянутом киметлинском кладбище тот же М. Ибрагимов рассказывал, что на этом старом кладбище после дождя находили человеческие кости, цепочки и другие вещи.

14—27 VII 1939 мы произвели на Кидилашане разведочную раскопку. К сожалению, фотоснимок площадки и обнаруженных вещей оказался неудачным.

На глубине от 5 до 35 см были обнаружены почти все 45 целых и 6 поломанных бронзовых статуэток (отдельные из них нами куплены),

[1] Серебряные монеты с арабской надписью, датированные XIV в. (!), были, как говорят, найдены и в аулах Хупри и Шайтл.

высотой от 3 до 8.5 см, в большинстве 4—6 см; среди них: фигура воина в одежде, с колчаном, бляха из бронзы, голова оленя с рогами, нечто, подобное шилу, 10 обломков бронзовых украшений и 6 маленьких черепков черной керамики.[1] О последних можно будет говорить подробнее после доследования Кидилашана.

Из опубликованных бронзовых вещей с Кавказа наиболее сходными с нашими являются статуэтки, опубликованные Бапстом[2] и отчасти А. П. Кругловым,[3] но нельзя говорить о полной их идентичности, так как найденные вещи не единообразны даже внутри нашей коллекции.

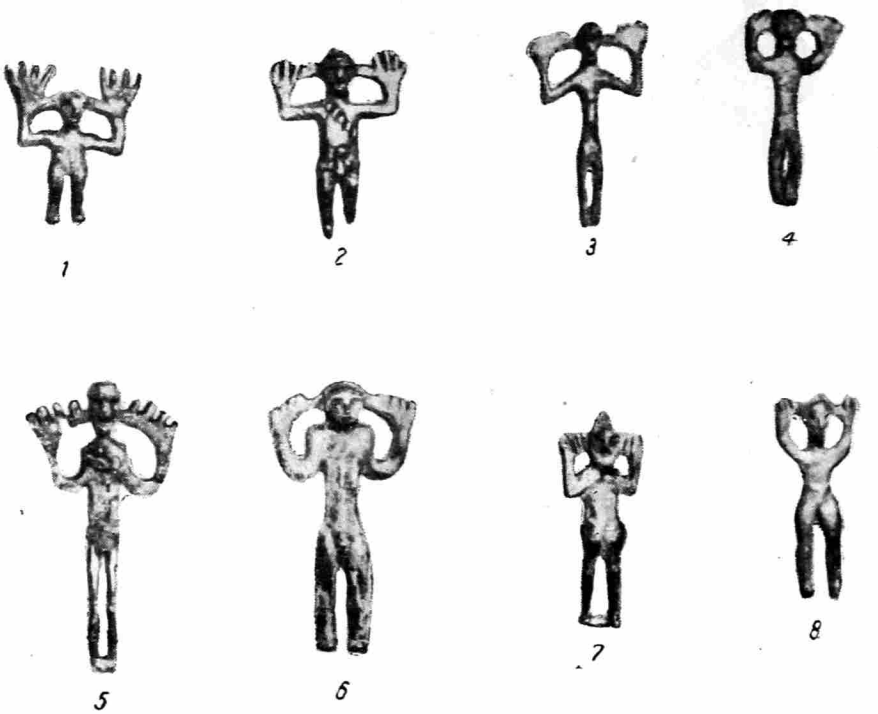


Рис. 5. Бронзовые статуэтки II подгруппы с горы Кадилашан.

Эти статуэтки распределяются на две группы: 1) фигура обнаженного мужчины и 2) изображение женщины. К первой группе относится громадное большинство наших статуэток. Исходя из положения рук, статуэтки можно разделить на 3 подгруппы:

1) Руки лежат на бедрах (рис. 4, *1—7*). Эти статуэтки напоминают ряд фигурок из коллекции Бапста (см. его рис. 1, 2, 4, 15, 16, 21, 22, 23, 25, 28, 31, 33).

2) Руки с растопыренными пальцами подняты вверх и большие пальцы приложены к ушам (рис. 5, *1—8*; рис. 6, *1—8*; рис. 7, *1—8* и рис. 8, *2*, *3*, *4*. Последняя фигура до некоторой степени своеобразна).

3) Приподнятые, согнутые руки с растопыренными пальцами (рис. 9, *1—10*). Аналогичные изображения имеются в коллекции Бапста (фигура № 12). Остальные статуэтки выходят за пределы трех подгрупп и представляют собою некоторую стилизацию, как, например, рис. 8, *1*, где

---

[1] Об этих находках независимо от нас были напечатаны заметки в хронике газеты «Коммунисти» (Тбилиси) от 1 IX 1939, № 200 (5600) под заглавием «Интересное открытие» и в газете «Ленинские искры» (Ленинград) от 15 X 1939, № 35 (1418), стр. 7, статья «Находки на Кидилашане».

[2] Germain B a p s t. Souvenir de deux missions au Caucase. Париж. 1886, табл. I, рис. 1—33.

[3] А. П. К р у г л о в, ук. соч.

изображена мужская фигура с согнутыми руками, причем кисти рук с растопыренными пальцами подняты до уровня плеч.

Другая статуэтка (рис. 8, *5*) представляет собой стилизованную фигуру с руками, поднятыми к ушам, и неразделенными ногами. По величине наши фигурки значительно меньше опубликованных А. П. Кругловым.

Кроме описанных изображений человека, нами найдена небольшая голова оленя с рогами, заканчивающимися тремя разветвлениями. Сама

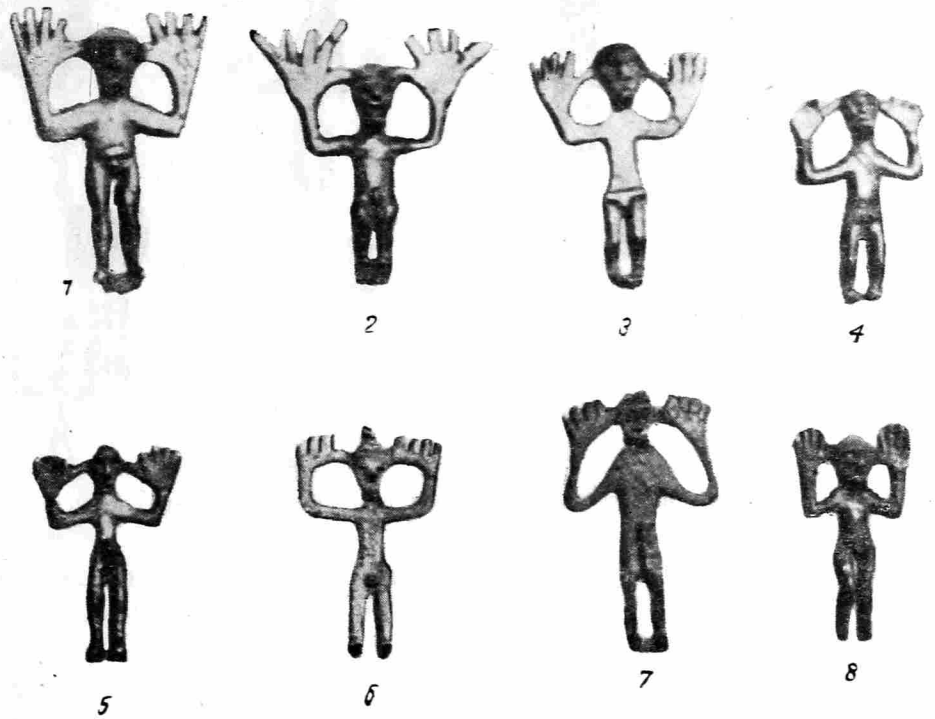


Рис. 6. Бронзовые статуэтки II подгруппы с горы Кадилашан.

голова, ноздри, глаза и уши выражены исключительно четко и красиво (рис. 10).

На рис. 11 представлена орнаментированная бляха с крестообразным изображением посредине и ушком на обороте (диам. бляхи 5 см), а на рис. 12 — статуэтка высотой 6 см, самая интересная вещь этой коллекции, представляющая воина, одетого в «полушубок». Ноги обуты, с правого плеча на левое бедро перекинут колчан. Правая рука лежит на бедре, левая положена на колчан. На голове показаны подрезанные волосы. Детали одежды и лица фотографией не переданы; на статуэтке они ясно выражены и представляют интерес для изучения древнекавказской одежды. В коллекции Гос. Музея Грузии имеется одна статуэтка, происходящая из ущелья Аргуни, изображающая человека с луком, но отличающаяся от нашей.[1]

Лица на наших статуэтках изображены длинными, с большими носами; они напоминают некоторые кавказские (например из Казбека), урартские и сирийские изображения. Впрочем, фаллические статуэтки мужчин в коллекции Бапста (см. его рис. 1, 14, 20, 22, 23, 30, 31, 33) и изображения женщин (там же, рис. 5, 10 — со стилизованной грудью с пятью сосками, рис. 32 — с признаком мужчины) имеют на бедрах пере-

[1] Коллекция Кавказского музея, т. V, Археология, Тифлис, 1902, стр. 47, № 1054.

вязку или пояс, чего наши статуэтки лишены, за исключением изображенных на рис. 7, *2*, *5*, *8* и 5, *2*; эта последняя, как и изображенная на рис. 6, *2*, имеет перекинутую через правое плечо на левый бок перевязь вроде пояса цепочкой.

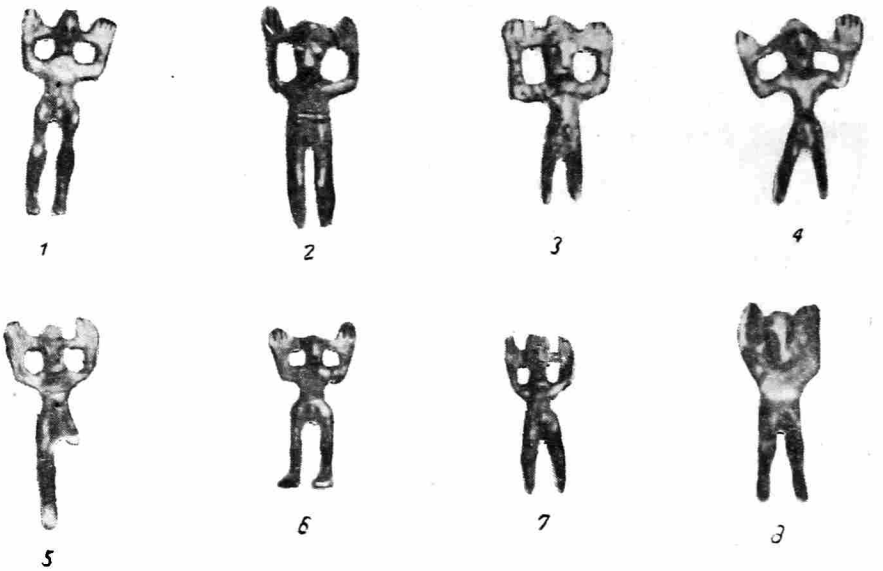


Рис. 7. Бронзовые статуэтки II подгруппы с горы Кадилашан.

Схожие с нашими статуэтками две фигуры мы видели на хевсурской выставке в Музее ССР Грузии в числе материалов Г. С. Читая и В. В. Бар-

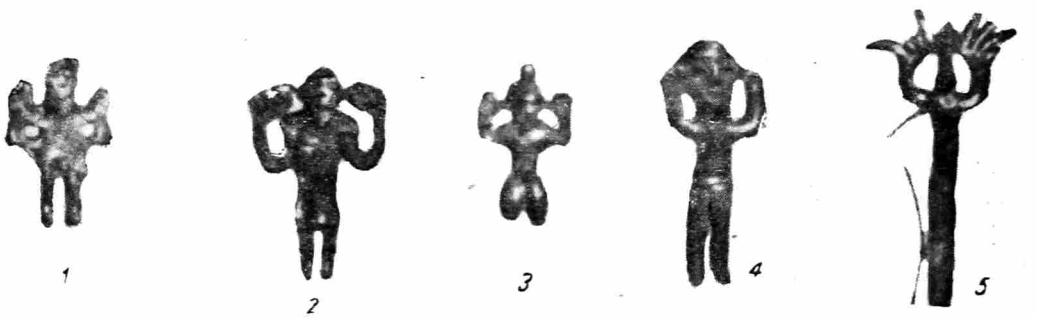


Рис. 8. Бронзовые стилизованные статуэтки II подгруппы с горы Кадилашан.

давелидзе. Подобные вещи находили и в Свании. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что подобные изображения распространены в горных местностях Кавказа (Свания, Казбек, Хевсурия, Тушетия, Дидо).

Итифаллические статуэтки являются свидетельством распространения в этих местностях в прошлом фаллического культа. О его определенном наличии и в древней Грузии, кроме предварительных указаний И. Ростомашвили (Ростомов), Е. С. Такайшвили, Ф. Сахония, Р. Эристави (Эристов), А. Ониани и др., существует специальное исследование С. И. Макалатия.[1] Об этом же культе в Грузии писали и И. А. Джавахи-

[1] С. И. Макалатия. Фаллический культ в Грузии. Журн. «Образователь», Историко-этногр. общ. Грузии, I, Тбилиси, 1926, стр. 123—136 (на грузинском языке).

швили[1] и Ш. Я. Амиранашвили.[2] Знаменателен тот факт, что, кроме бронзовых изображений фалла,[3] найдены и каменные, глиняные, костяные и деревянные изображения его. Обилие бронзовых предметов этого типа говорит о том, что уже в бронзовой эре этот культ имел большое распространение. Так как эти предметы часто встречаются в горах Кавказа, в частности в Дидо, то несомненно, что этот культ существовал у древних племен и там.

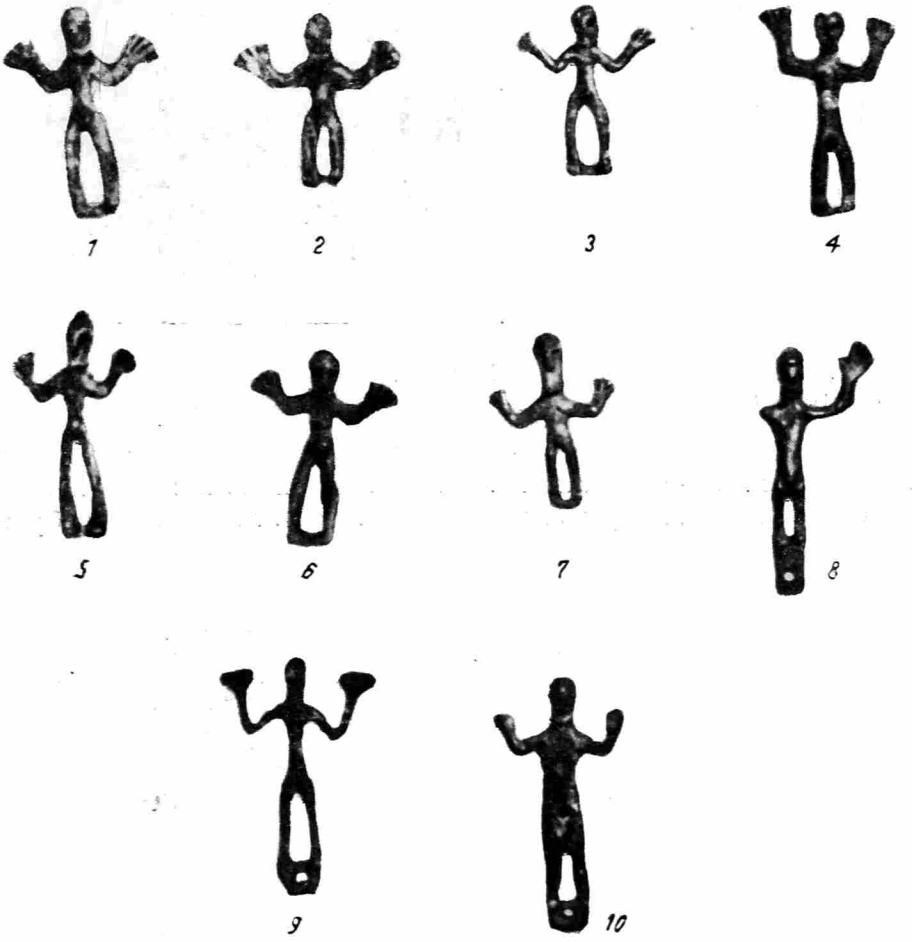


Рис. 9. Бронзовые статуэтки III подгруппы с горы Кадилашан.

С вопросом датировки наших статуэток дело обстоит сложнее. Крест на бляхе (рис. 11) не может заставить отнести эту бляху к христианской эпохе. Изображение креста часто встречается и раньше, например большая бронзовая урартская женская статуэтка VIII в. до н. э. имеет на груди вполне ясное изображение креста.[4] После работ А. А. Иессена, Б. А. Куфтина и С. И. Макалатия совершенно отпали долго державшиеся в литературе сомнения в большой древности кавказской металлургии. Сейчас ясно, что она возникла на Кавказе еще в конце III тысячелетия

[1] И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, т. I. Тбилиси, 1928.
[2] Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, т. I. Тбилиси, 1944, стр. 10, рис. 33.
[3] С. И. Макалатия, ук. соч., стр. 128—129, рис. 1, 2.
[4] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 233.

до н. э., а в начале I тысячелетия до н. э. местное производство изделий из бронзы прослеживается во всех основных районах Кавказа.[1]

Рис. 10. Бронзовая голова оленя.

Рис. 11. Бронзовая бляха с горы Кадилашан.

Однако для датировки наших статуэток пока еще нет достаточных опорных данных. В частности Ш. Я. Амиранашвили в своей «Истории грузинского искусства» указывает, что итифаллические изображения

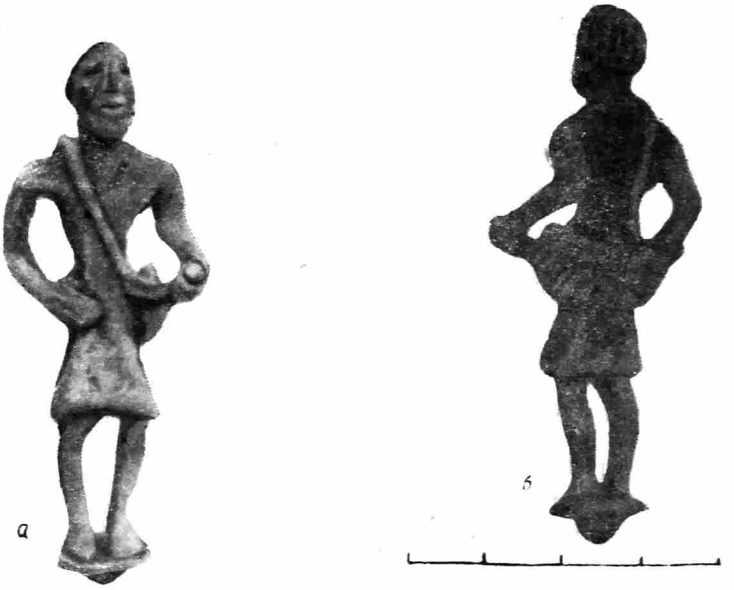


Рис. 12. Статуэтка воина с колчаном с горы Кадилашан. (С двух сторон).

из с. Стефанцминды (Казбек) представляют собою памятники раннего периода кавказского искусства, которое имеет определенные связи с искусством хеттских стран.[2] Ф. Ганчар датирует их II—I вв. до н. э.,

[1] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935. — Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. — Он же. Предисловие к книге С. И. Макалатия «Археологические раскопки курганных погребений в сел. Тквиави», Тбилиси, 1943.

[2] Ш. Я. Амиранашвили, ук. соч., стр. 74 и 75.

но Ш. Я. Амиранашвили считает, что они имеют бо́льшую древность. Дагестанские статуэтки пока также еще точно не датированы. Так, А. А. Иессен для статуэток из Ретло указывает дату в пределах I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э.[1]

К нашим статуэткам ближе всего стоят коллекции Бапста и находки А. П. Круглова. Последний заканчивает свою статью словами: «Мне представляется возможным датировать и данную группу дагестанских статуэток временем Казбекского клада, т. е. около V в. до н. э.».[2] Пока и эту датировку нужно считать проблематичной, ее могут уточнить лишь дальнейшие открытия новых коллекций и комплексное изучение сопровождавшего их инвентаря.

Наша коллекция с Кидилашана хранится в Горийском историко-этнографическом музее.

---

[1] А. А. Иессен. Работы на Сулаке, стр. 37.
[2] А. П. Круглов, ук. соч., стр. 40.

Н. М. ЕГОРОВ

БОРГУСТАНСКИЙ КЛАД 1941 г.

19 июля 1941 г. в Пятигорский музей краеведения пришел зонный диспетчер по дорожным работам А. П. Тесленко и передал следующее сообщение уполномоченного Боргустанского стансовета по дорожным работам Федора Ступака.

9 июля 1941 г. в станице Боргустанской на р. Дарья на дороге Бекешевская—Боргустан во время работ по постройке дороги, в 200 м по правую сторону от р. Дарьи найдены старинные красной меди вещи, а именно: топоров 30, копий 3, серпов 10, долот 8 штук. Вещи лежали в двух глиняных горшках, закопанных в 8 м один от другого на глубине 0.5 м (см. рисунок).

Станица Боргустанская расположена ныне в 25 км к западу от г. Ессентуки в верховьях двух небольших рек: Бугунты, левого притока р. Подкумок, и Дарьи, правого притока р. Кумы.[1]

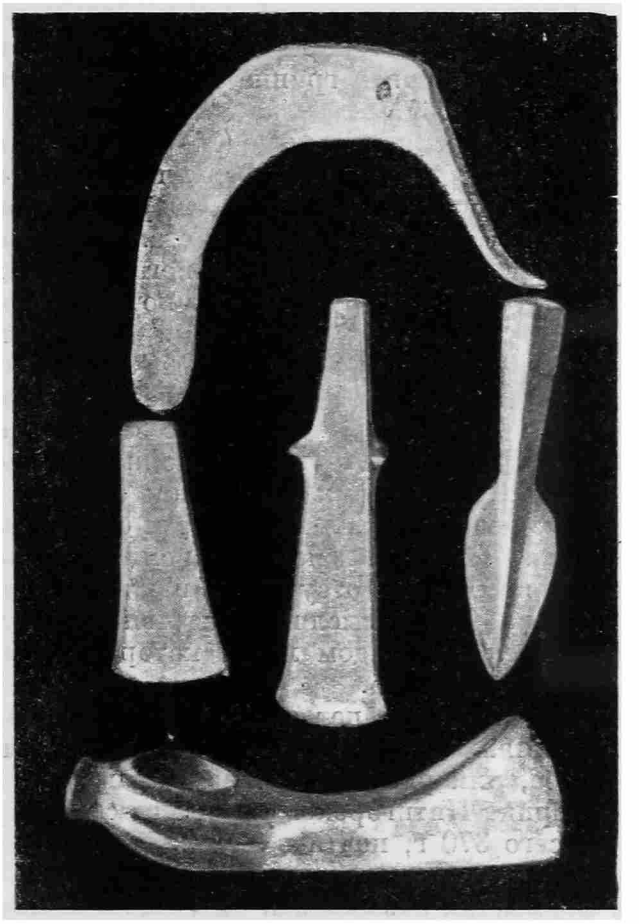
20 июля А. П. Тесленко принес и передал в музей: 1) крупный, без орнамента, несомненно рабочий топор кобанского типа, длина 21 см, вес 1350 г; 2) серп — типа серпов Гос. Исторического музея из станицы Бекешевской и серпов из под Бык-горы Пятигорского музея, но несколько меньшей величины, длина 18 см, вес 170 г; 3) наконечник копья листовидной формы со втулкой, имеющей продолжение и в листе, длина 16 см, вес 130 г; 4) долото или ручной топор, короткий, длина 14.5 см, вес 200 г, и 5) ручной топор длинный, с острием для насадки ручки и с выступами по бокам, длина 18.5 см, вес 280 г. Последние два предмета значатся в записке Ф. Ступака как долотья. 15 сентября я выяснил на месте, в Боргустанской станице, при помощи учителя станичной школы В. Ф. Забары, что еще один топор остался у казака Г. П. Зинченко. Этот топор удалось получить. Вес его 1350 г, размеры: длина 23.5 см, отверстие 32×45 мм.

Мне удалось побывать на месте находки и выяснить, что некогда там было древнее поселение. Оно расположено приблизительно в 0.5 км к северу от так называемого «Круглого бугра» возле ручья Гнилушки, притока р. Дарьи. Я собрал небольшую коллекцию черепков (36 штук) глиняной посуды, несколько костей животных и кусков обожженой глины. А. П. Тесленко сообщил мне, что обнаруженные два горшка

[1] Необходимо иметь в виду, что до 50—60-х годов прошлого столетия станица эта находилась в другом месте, именно в 20 км к западу от г. Кисловодска, на левом берегу р. Эшкакона перед впадением ее в р. Подкумок, в 3 км от Рим-горы, так что старые ссылки на происхождение археологических объектов из этой станицы необходимо связывать с Рим-горой, да и само название станицы связано с легендой о нахождении в районе Рим-горы средневекового города Borgo Santo.

с вещами находились ближе друг к другу, не в 8 м, как писал Ф. Ступак, а в 0.5—2 м, и что топоров было не 30, а больше — до 50. Да и по подсчету топоров, попавших в музей и отправленных в Ростов, выходило, что их должно было быть 35—40.

17 сентября в г. Ессентуках выяснилось, что 15—20 больших топоров, несколько мелких плоских и один наконечник копья уже отправлены в г. Ростов, что серпов не было, но нашлось еще 17 неотправленных больших топоров. Эти топоры удалось получить, и 29 сентября я



Предметы из Боргустанского клада.

сдал их в Пятигорский музей. Всего, таким образом, в музей поступило 19 топоров.

Все топоры этого клада резко разделяются на две группы: с тремя и с четырьмя ребрами на втулочной части; первых — 15 экземпляров, вторых — 4.

Трехреберные топоры по весу можно разбить на четыре группы. Первая из них заключает 3 топора, более легких, чем все остальные; средний их вес 1016 г, причем и друг от друга они резко отличаются по весу: в одном (№ 1) — 930 г, во втором (№ 14) — 998 г и в третьем (№ 7) — 1121 г; различаются они и другими измерениями. Топоры остальных трех групп близки друг к другу по весу и остальным измерениям: во второй группе два топора: № 5 — 1278 г и № 4 — 1290 г, средний вес — 1284 г; в третьей — восемь топоров: № 13 — 1325 г, № 15 — 1332 г, № 11 —

1340 г, № 2 — 1350 г, № 10 — 1352 г, № 12 — 1363 г, № 3 — 1380 г и № 9 — 1392 г, средний вес — 1352 г; в четвертой группе два топора: № 8 — 1420 г и № 6 — 1434 г, средний вес — 1427 г. Средний вес топоров этих трех групп — 1353 г. Таким образом, мы можем принять, что средний вес бронзового рабочего кобанского топора равнялся 1350 г.

Что касается группы четырехреберных топоров, состоящей всего из 4 экземпляров, то здесь мы наблюдаем такое разнообразие и в весе и в остальных измерениях, что нет возможности сделать общее заключение. Приводим табличку их измерений.

№№ по списку	Вес, в г	Длина, в см	Размер отверстия, в мм
№ 16	909	21.3	30 × 53
№ 17	1025	21.1	34 × 44
№ 19	1094	22.3	32 × 43
№ 18	1116	23	32 × 42

Можно предположить, что топоры этой группы могли иметь особое назначение, так же как и первая группа трехреберных топоров, к которым они очень близки по весу.

Все топоры, за исключением одного (№ 9), носят следы употребления, а некоторые, судя по щербинам на лезвии, представляли заведомый брак, негодный к дальнейшему употреблению. В то же время один топор (тот же № 9) не только не был в употреблении, но даже еще не закончен отделкой, на нем полностью сохранились выступы металла в месте стыка двух половинок формы. Наличие такого топора в этом кладе позволяет думать, что мы скорее всего имеем дело с кладом литейщика, который закопал свои ценности в грозное для жизни его селения время. Но отсутствие в кладе литейных форм мешает остановиться на этой мысли и заставляет предположить — не имеем ли мы здесь дело с кладом лица, которое промышляло сбытом новых топоров и сбором брака.

После находки этого клада нет сомнений что все топоры, которые находили в погребениях как самой Кобани, так и других мест, имели боевое, или парадное, или ритуальное назначение, так как вес их, как показывает вес топорика Пятигорского музея из совхоза № 25 (кн. пост. музея № 6517), — всего 370 г, почти в четыре раза меньше веса настоящего рабочего топора.

Что касается формы так называемой «молоточной» части, то все наши топоры определенно показывают, что их обух не употреблялся как молоток: каким он вышел из литейной формы, таким и оставался, подвергаясь может быть лишь незначительной обработке. Так как форма заливалась металлом именно с этой стороны, то в одних случаях мы видим какие-то выступы, шляпки, наросты на обухе; в других — когда металла наливали меньше — на обухе мы находим впадину (как, например, в топорах №№ 6, 7, 9, 11 и 12) или же обух представляет ребро, как в топорах № 16, 17 и 18. Только у топора № 19 обух имеет относительно ровную поверхность.

Что касается остальных предметов из этого клада, то, как уже сказано, в Пятигорский музей поступили лишь:

1) Один серп — типа серпов Филипповского клада из станицы Бекешевской, находящейся всего в 10 км от станицы Боргустанской. По словам Ф. Ступака, серпов было десять.

2, 3) Один плоский топорик, походящий на долото, и один топорик того же типа, но удлиненный и с выступами в средней части. Длина первого — 12, второго — 18.8 см. Судя по записке Ф. Ступака, таких топо-

риков в кладе было всего восемь. Незначительное количество их дает основание думать, что это были именно долотья, а не топорики.

4) Наконец, последний предмет (один из трех, если верить той же записке Ступака) — это втульчатый наконечник копья, довольно крупный, так же как и серпы и долотья не встречавшейся среди находок в Кобани формы. Вес его 130 г; длина 16, ширина 4 см; длина втулки составляет половину общей длины.

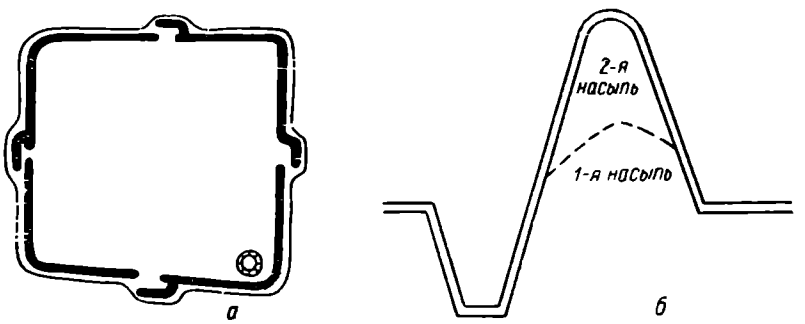
Таковы предварительные данные о составе и характере этого клада.

Л. Н. ИВАНЬЕВ

ДРЕВНОСТИ СЕЛА ЧУГУЕВКИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

В 1936 г. автору как участнику и консультанту комсомольского похода по партизанским тропам Сучан—Комсомольск удалось осмотреть ряд археологических памятников юго-восточной части Приморья.

Одним из интересных памятников этой территории являются развалины древней крепости, расположенной в с. Чугуевка, в центре района того же названия, при слиянии рр. Ула-хэ и Ту-да-гоу.



Древняя крепость в с. Чугуевке.
а — план крепости; *б* — структура двойной насыпи валов.

Развалины древней крепости находятся в конце села и занимают площадь 2—3 га. Крепость представляет четырехугольник несколько неправильной формы, обнесенный валом в один ряд и обведенный рвом трехгранной формы. Высота вала в настоящее время 5—7 м, глубина рва 4—5 м (см. рисунок 1, *а*). Более точные промеры вала и рва сделать не удалось, так как все валы и ров густо поросли орешником и другими кустарниковыми растениями, частично распространившимися и на площадь крепости.

Во всех четырех стенах (валах) крепости сделаны проемы, закрытые снаружи Г-образными небольшими валами (барбетами), служившими в прошлом, видимо, проходными воротами, о чем свидетельствуют остатки подъездных путей около них. В правом углу южной части крепости обнаружен значительно разрушенный колодец с каменной кладкой. По рассказам местных старожилов, в остальных угловых частях крепости также были колодцы, но они совсем разрушились и заросли кустарником. При проверке, в указанных местах среди растительности действи-

тельно были обнаружены отесанные куски базальта, служившие для обкладки колодцев.

В структуре валов крепости весьма интересны остатки двойной насыпи (рис. 1, *б*).

Бóльшая часть площади крепости была занята под пашни и огороды первыми поселенцами с. Чугуевки, причем местные старожилы рассказывали, что их предки, переселившиеся в эти места в 80-х годах прошлого века, застали еще у южного проема стены упавшие деревянные ворота, густо обитые железными гвоздями. Внутри крепости встречались ямы, заполненные большим количеством сине-серого кирпича и кровельной черепицы из глины того же цвета. Первые переселенцы находили бронзовые и железные предметы, которые они считали китайскими. В связи с этим среди местного населения бытует легенда, что древние обитатели были покорены каким-то народом и при осаде крепости в одном из колодцев схоронили изображение коня, сделанное из золота. Поиски сокровища и привели к разрушению колодцев крепости. Как установлено позднейшими расспросами, многие из жителей предпринимали «раскопки» в надежде обнаружить «золотую лошадь».

Использование внутренней части крепости под пашни и огороды и «раскопки» в поисках клада нарушили культурный слой, что несколько понизило научную ценность памятника.

К моменту обследования крепости площадь ее была усеяна черепицей и битым кирпичем; встречались в большом количестве черепки глиняных сосудов красного и серого цветов, базальтовые, грубой оббивки ядра различных размеров и фрагменты сильно разрушенных железных предметов, рассыпавшихся при прикосновении к ним. Установить первоначальное местонахождение всех этих предметов не представлялось возможным, поэтому мы могли только произвести сбор надземного наиболее характерного материала: ядер, черепков и образцов узорной черепицы.

Наиболее интересной и ценной находкой явилась обнаруженная среди черепицы на одном из огородов бронзовая монета типа китайского чоха.

Монета — бронзовая, литая, представляет собою диск с квадратным отверстием посредине. Сохранность хорошая. На лицевой стороне — надпись иероглифами так называемого «образцового» письма 木皆書 (кай-шу).

Монета была передана мною для определения доценту Дальневосточного Государственного университета А. В. Маракуеву,[1] который дал следующее определение:

Надпись читается 大定通寶 (Да дин тун бао), что в переводе значит: «Ходячая драгоценность (т. е. чох, — *Л. И.*) правления Великого установления». На оборотной стороне монеты надписи нет, что впрочем часто имеет место в истории дальневосточного монетного дела.

Найденная монета датируется второй половиной XII в. на следующих основаниях: государи с девизом «Великое установление» правили на Дальнем Востоке в следующие эпохи: в Китае во времена поздней Лянской династии, с 555 по 562 г. (Сюань-ди) и в 581 (Цзин-ди), в Аннаме с 1140 по 1163 г. (Ли-Ин-Цзун) и в Чжурчженском царстве (Цзинь) с 1161 по 1190 г. (Ши-Цзун).

---

[1] В настоящее время он работает в г. Томске.

На монетах Лянской династии иероглифы не могли быть такой правильной формы; аннамские же монеты в северную Манчжурию вообще не попадали, поэтому единственно возможным временем изготовления монеты следует считать годы правления «Великого установления» (1161—1190) чжурчженского императора Ши-Цзуна, под властью которого находилась вся нынешняя Манчжурия с примыкающими к ней районами Дальнего Востока и весь Северный Китай.[1]

---

[1] Из письма А. В. Маракуева к директору Владивостокского музея от 23 VIII 1936.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ПАДИ БОЛЬШОЙ ДУРАЛ НА АМУРЕ

(Предварительное сообщение)

Летом 1935 г. по инициативе В. Г. Богораза Институтом антропологии и этнографии Академии Наук СССР была организована археологическая экспедиция в долину р. Амура, в задачи которой входило выявление и обследование археологических памятников всех видов на пространстве между Хабаровском и устьем Амура.[1]

В числе многих древних памятников, обнаруженных и частично раскопанных экспедицией в 1935 г., значительный интерес представляет поселение в пади Большой Дурал, примерно в 5 км ниже с. Нижне-Тамбовского на левом берегу Амура, впервые отмеченное Г. Фовке.[2]

Падь Большой Дурал, широкая, покрытая лесом, теряется в глубине коренного берега, где над ней возвышаются эффектные гранитные столбы. Там, по словам местных жителей, — глухая, дикая тайга, водятся тигры. Г. Фовке передает, что нанайцы рассказывали ему, будто бы в древние времена здесь проходил с собакой какой-то древний великий вождь, преследовавший медведя. И медведь и охотник с собакой превратились в камни-столбы. «Издали, — пишет Г. Фовке, — „человек" действительно имеет поразительное сходство со статуей в классическом костюме, а „медведь" очень похож на скульптуру этого животного, смотрящего через груду камней на своего преследователя. Многие пытались добраться до вершины горы, но никому это не удавалось».

У покрытого крупной галькой берега Амура имеется террасовидный уступ, примыкающий к возвышенности коренного берега или более древней высокой террасе. На этом подъеме, с левой стороны пади расположен ряд древних жилых ям, поросших кустарником и высокими, в рост человека, зонтичными растениями и папоротником, сплошь маскирующими остатки древнего поселения. Ямы последнего расположены тесно друг около друга, составляя как бы одно целое. Очертания их, в основе, прямоугольные, внутренняя часть ям имеет вид слегка углубленных площадок, окруженных валом, с одной стороны (обращенной к реке) разомкнутым. Там, очевидно, помещался выход из жилья. Для того чтобы выяснить характер и, по возможности, возраст поселения в пади Большой Дурал, нами были осуществлены раскопки одной из ям, площадью 8×9 м. Рядом находилась другая землянка, таких же размеров и формы, и дальше шли остальные, расположенные целым поселком.

---

[1] А. П. Окладников. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре. СА, I, 1935, стр. 275—278. Коллекция №№ 5332 и 5333 Археолог. отд. Инст. этногр. АН СССР.

[2] G. Fowke. Exploration of the lower Amur valley. American Anthropologist, т. VIII, № 2, 1906, апрель—июнь, стр. 276—297.

На дне раскопанной ямы, в тонком дерновом слое, обнаружены разбитые и частично обожженные кости лося, грузило-кирпичик, обломки бутылки темнозеленого стекла.

Под дерном обнаружились камни, располагавшиеся плотной кладкой из массивных булыжников и плит-торцов в виде буквы «П», под которыми прослежен слой сажи. Это, несомненно, остатки каменных дымоходов, а вместе с тем и сооружений для сна, теплых лежанок или канов современного манчжуро-китайского образца. Каны располагались против входа, у задней стенки, и по боковым стенкам жилища (рис. 1). У входа, слева от него, сохранились остатки печи в виде одного огромного валуна и находившейся рядом с ним кучи камней. На канах найдены крупные шлифовальные камни, один плоский небольшой камень с отверстием, типа ручного жернова, и у северо-восточной стенки, между камнями кана, оказалась фарфоровая чаша с обломанными верхними краями, сохранившая внутри изображения воинов, пятнистого оленя, слона и китайские иероглифы. Поблизости, также между плитами кана, оказался небольшой медный кружочек с квадратным отверстием, сплошь покрытый грязносерой окисью меди, под которой не было заметно никаких знаков, хотя по своей форме и квадратному отверстию кружок напоминал обычную китайскую монету типа чоха.

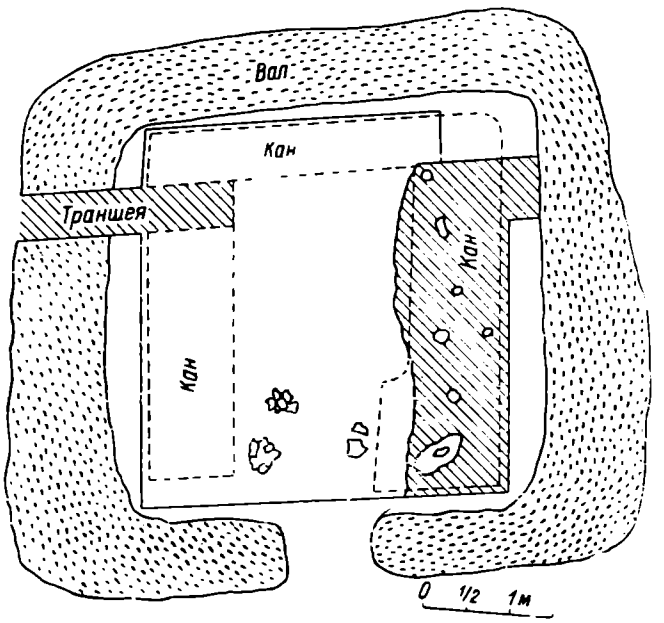


Рис. 1. Общий план жилища № 1 в пади Большой Дурал.

Косой штриховкой обозначена затронутая раскопками неолитическая землянка, пунктиром — кан.

Позднее кружок был расчищен Г. Г. Стратановичем, которому удалось установить, что это действительно медная китайская монета с полустертой легендой, которая читается крестообразно и «содержит первичное няньхао (наименование годов правления — 1102—1107) императора Хуэй Цзуна (1101—1121 гг.) Сунской династии».[1] Такую же общую дату дает и анализ найденной в жилище чаши.

Когда с целью детального изучения вала, окружавшего жилища, в нем на юго-западной стороне жилья была заложена специальная траншея, оказалось, что насыпью вала перекрыта древняя почва. В верхнем горизонте этой почвы оказались следы огнища в виде линзовидного в сечении небольшого скопления древесного угля и золы. В золе находились немногочисленные, но весьма типичные фрагменты лепной от руки, грубой глиняной посуды, хорошо известной по находкам на ряде других местных поселений, относящихся к железному веку, всего вероятнее к первому тысячелетию н. э. (Бохайское время?). Керамика эта обыкновенно сопровождается серой лощеной керамикой, близкой по технике изготовления к китайской керамике Ханьской династии.

[1] См. печатаемую ниже статью Г. Г. Стратановича.

Характерно, что жилища этого времени у Хабаровска имеют вид полуземлянок, и внутри них нет следов каменных канов, в то время, должно быть, еще не существовавших.

Второй очажок-зольник с аналогичными находками оказался в северо-восточной части жилища в таких же стратиграфических условиях — под насыпью вала, в верхнем слое погребенной древней почвы. Условия залегания упомянутой керамики свидетельствуют, таким образом, о том, что до сооружения исследованного жилища с канами на его месте существовало другое, более древнее поселение железного века.

Еще глубже, уже под «погребенной» почвой, оказался темный суглинок, в котором обнаружены каменные отщепы, наковальня для изготовления каменных изделий и грубая керамика ручной работы с оттисками ложнотекстильного штампа-лопаточки на внешней поверхности. Эти

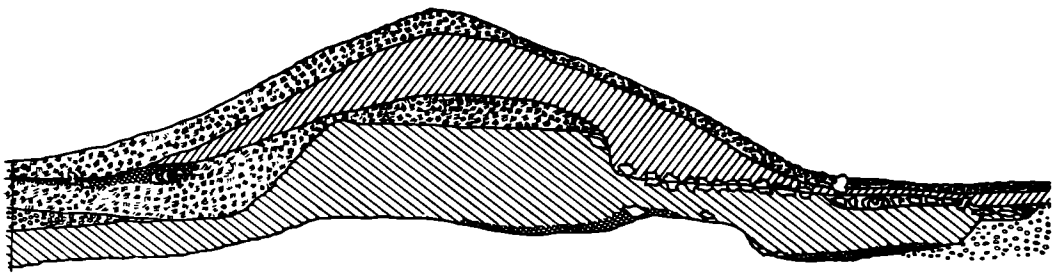


Рис. 2. Профиль вала и части внутреннего пространства жилища № 1.

находки связаны с двумя другими жилищами поздненеолитического, по здешним масштабам, типа, вероятно датирующимся временем около конца второго тысячелетия до н. э. (рис. 2).

Жилище № 1 из Большого Дурала является, таким образом, редким и чрезвычайно ценным четырехслойным памятником со сложной культурной стратиграфией, дающей отчетливое представление о взаимоотношении четырех этапов прошлого этой области.

Самые поздние находки принадлежат здесь этнографической современности: по словам местных жителей, в пади Большой Дурал лет 80 тому назад было старинное нанайское стойбище. От него и остались отмеченные выше обломки бутылки, типично нанайский глиняный грузик для сети и кости лося.

Исключительно ценны с исторической точки зрения находки в слое с канами, датирующие данный поселок в целом и впервые показывающие на вещественных данных культуру местного населения в низовьях Амура в сунское время.

Не меньший интерес представляют слои эпохи раннего железа и поздненеолитические жилища, подстилающие весь комплекс культурных наслоений Большого Дурала, охватывающих в общей сложности около трех тысячелетий исторического прошлого Приамурья.

Подобный памятник является редкостью и для многих других, лучше изученных территорий, для археологии же Приамурья он представляет собой в настоящее время факт исключительной важности как естественная хронологическая шкала его древних культур.

Раскопки в Большом Дурале, как и вообще на советском Дальнем Востоке, нужно продолжить в более широких, чем прежде, масштабах, без чего невозможно сколько-нибудь детальное освещение его исторического прошлого, в особенности ранних этапов.

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

КИТАЙСКАЯ ЧАША ИЗ УРОЧИЩА БОЛЬШОЙ ДУРАЛ

В 1935 г., в 4 км ниже села Нижне-Тамбовского, по левой стороне пади Большой Дурал, при раскопке одной из имеющихся там древних жилых ям А. П. Окладниковым найдена представляющая чрезвычайный интерес донная часть большой чаши, по типу керамики относящейся к китайским «селадонам».

Помимо того, что эта чаша может облегчить задачу датировки одного из слоев комплекса, она представляет большой интерес и как предмет торговли Китая с народами Амура, предмет производства товаров с учетом потребностей «заказчика» (потребителя).

Несмотря на то, что сохранилось собственно лишь основание чаши (плоскость дна с кольцеобразной ножкой), выступ в верхней (по отношению к рисунку) части ее дает возможность определить внутренний радиус закругления дна и, таким образом, предположительно реконструировать чашу применительно к более поздним образцам.

Если принять величину этого радиуса в 8.5 см, то высота чаши должна быть равна 19.5 см, при верхнем диаметре в 16. 5 см (сохранившаяся часть в чертеже реконструированного профиля чаши дана непрерывной линией, а профиль ее — заливкой; рис. 1).

Таким образом, по форме и размеру чаша представляет собой один из наиболее часто встречаемых образцов сосудов Дальнего Востока (употреблявшихся китайцами, судя по археологическим данным, по крайней мере, со времени Хань — 206 г. до н. э.—220 г. н. э., а позднее и народами, попавшими под влияние китайской культуры), бытующих там и по сегодня.

По характеру использования — это посуда, служащая как хранилище пищи (зерна и муки, мяса, жидкостей) у многих народов; как общая «миска», откуда накладывают в тарелки у китайцев, корейцев, японцев; как «тарелка» у китайцев, народов Амура (нивхи, нани) и т. д.

В связи с разнохарактерностью сопутствующих предметов, обнаруженных при раскопке, задачи датировки они не решают. Таким образом, здесь приходится исходить из анализа данных о самой чаше.

Определяющими моментами в этом отношении могут быть: 1) материал, 2) техника изготовления, 3) орнаментика, 4) условия залегания на месте находки.

1) Материалом служит керамическая масса, по своему составу стоящая на предпоследней к фарфору ступени. Масса эта богата содержанием кремния и — что важно для суждения о технике — железа. При

высоком обжиге она дает целиком спекающийся черепок,[1] твердый, не поддающийся царапанию, но серый и крупнозернистый. Это так называемый «грэ» (или Steinzeuge). Спекаемость, твердость грэ давала возможность покрытия черепка высокоплавкими глазурями.

2) В отношении типа продукции — это «селадон» излюбленного китайцами озерно-оливкового цвета (корейские «селадоны» сбиваются на белый, коричнево-серый или серый тона), краклированный, гладкий снаружи и орнаментированный внутри чаши.

Распространение изготовления «селадонов» в Китае наблюдается дважды: а) изготовление ранних образцов (из сохранившихся наиболее ценятся сунские 960—1280 гг. н. э.) и б) более поздних (мода на селадоны вновь возродилась в период Кан си 1662—1722 гг. н. э.).

Первые, ранние селадоны были, так сказать, «естественно-химическими» продуктами, так как творцы их использовали химическую способность материала грэ, богатого железом, при покрытии шпатовыми глазурями давать желаемый зеленоватый тон как следствие химического соединения железистых частей массы и шпатовой глазури. Слой глазури здесь тонок и органически связан с керамической массой.

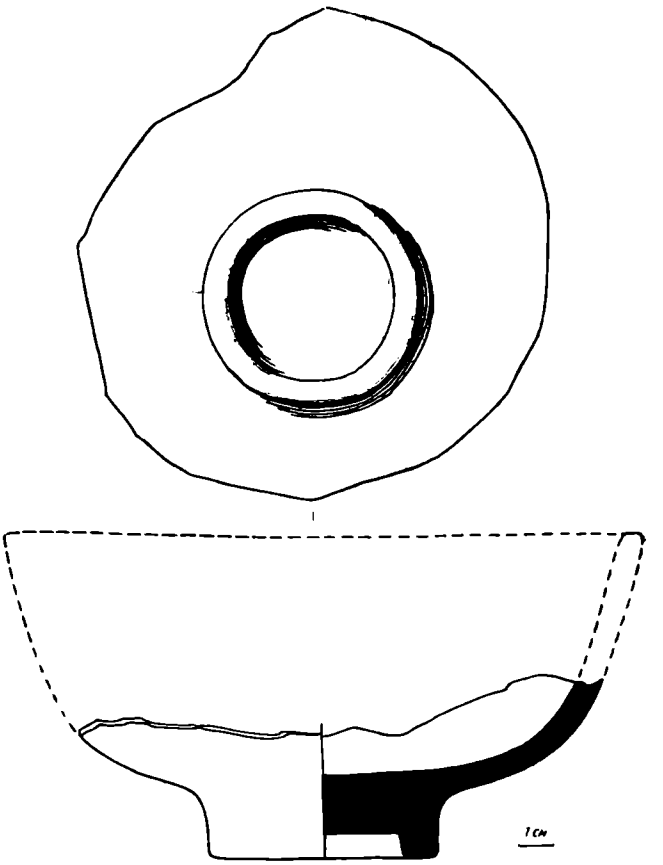


Рис. 1. Селадоновая чаша из пади Большой Дурал. Вид снизу и сбоку.

Вторые, поздние образцы возникали, как подделка, подражание сунским. В связи с тем, что керамической массой являлся уже фарфор (т. е. белый, чистый, целиком спекающийся черепок), — изделие приходилось покрывать толстым слоем глазури «селадонового цвета», органически не связанной с черепком. В целом предмете порой очень трудно различить подделку, так как мастера устраивали искусственные потеки глазури и даже зачернение поддонья (в ранних образцах неглазурованного) под грэ, так что только «бой» — фрагменты сосудов — позволяет с уверенностью определить технику и, таким образом, время изготовления. В тех случаях, когда налицо лишь подражание ранним образцам, часто встречается по нижней части ножки кольцеобразный надрез, не дававший глазури растекаться при обжиге.

В данном случае материал (грэ и тонкий органически связанный с черепком слой глазури), а также отсутствие кольца на ножке, позволяют отнести чашу, найденную А. П. Окладниковым, к ранним образцам и датировать время ее изготовления самое позднее, как отмечено выше, началом XIII в.

[1] Черепок — керамическая масса (тесто) после обжига.

Некоторое сомнение оставляет самое наличие высокой (0.7 см) ножки, не обязательной для ранних образцов.

3) Орнаментика: к элементам орнаментики следует отнести и самое краклирование, т. е. использование или нарочитое создание сети трещинок, образуемых при растрескивании глазури во время обжига. Использование этого вида «украшения» керамических изделий относится обычно к Сунскому времени.

Как было уже упомянуто, внешняя поверхность чаши орнаментирована совсем скупо. Сравнивая с позднейшими образцами, можно сказать с уверенностью, что кроме ножки, внешняя поверхность вовсе не была орнаментирована (в прямом смысле этого слова), представляя взору знатока лишь утонченное художественное сплетение линий кракле.

В более поздних образцах наблюдается более совершенное изготовление узора кракле — растрескивания, получаемого благодаря разнице в коэффициенте расширения массы и стекловидных глазурей при высоком обжиге. Кроме того, трещины кракле, для выделения рисунка их, затирались тушью, золотой пылью, «кровью угря» и т. п. (корейские кракле выделены в основном в коричневом тоне).

Случайность рисунка кракле, невыделенность его в нашем образце также позволяет отнести чашу к ранним изделиям.

Ножка орнаментирована несколькими лункообразными надрезами. Орнаментировка внутренней поверхности чаши выполнена двумя приемами: гравировкой и тиснением.

В обоих случаях выделение орнамента достигалось благодаря тому, что глазурь, стекавшая при обжиге в выбранные части или углубления тиснения, давала усиление тона расцветки при более светлом тоне фона.

Оба эти приема характерны для ранних образцов, даже досунских. Тиснение характерно для керамики Ханьской.[1] Наличие двойственности в приемах заставляет отречься от столь ранней датировки, тем более, что гравировка встречается и в поздних образцах, хотя и более резкая, более четкая, чем в нашем.

В противоположность внешней поверхности — внутренняя поверхность чаши богато орнаментирована. Гравировкой выполнен орнамент донца: медальон, отграниченный кольцевым подрезом с изображением «хуалу» — оленя-цветка (пятнистого оленя)[2] в центре. Над оленем вытиснен иероглиф «цзи» (сезон, время года и т. д.), служивший, повидимому, либо фабричной маркой частной мануфактуры, либо указывавший на выпуск данной вещи в заключительной партии изделий данного года (рабочего сезона).

Тиснением выполнен орнамент борта, состоящий из четырех более или менее симметрично расположенных фигур. Меж ними расположены три строчки текста. К сожалению, наличная часть чаши содержит лишь нижние половины фигур и последние иероглифы текстов. Таким образом, прочтение всего текста невозможно (особенно, если учесть нечеткость тиснения, замывы при обжиге и т. д.). Самое наличие иероглифа как составной части орнамента обычно в керамическом производстве Китая. Нижний (относительно расположения орнамента дна) рисунок, принимаемый предположительно за основной, состоит из 2 фигур — сидящей (повидимому, изображение чиновника) и стоящей (слуга при нем).

---

[1] Э. К. Кверфельд считал, что наш образец можно отнести именно к Ханьскому времени.

[2] «Пятнистые олени (Pseudaxis hortellorum и Pseudaxis Sica) на Дальнем Востоке являются наиболее ценными пантовыми оленями» (Д. Н. Кашкаров и В. В. Станчинский. Курс зоологии позвоночных. ИАН, 1940, стр. 883).

Слева к ним направлен слон (рис. 2),[1] покрытый попоной (чепраком) с креплением (видимо поддерживавшим груз или паланкин). Слон как составная часть орнамента присутствует в китайской керамике редко, причем реалистично трактуется в ранних образцах (включая сунские); стилизация наблюдается в поздних — времени Цянь Луна и др. Чаще можно встретить слона в форме самостоятельного изделия (типа курильниц, подсвечников и т. д.).

Справа — фигура в просторном халате с вольными складками и широкими рукавами, подпоясанная широким поясом-шарфом. Сапоги китайского типа с широкой, твердой, загнутой к носку подошвой. Интересно, что левая пола халата закинута поверх правой. Либо это ошибка мастера, исказившего соотношение частей халата в «плоском зеркале» поверхности чаши, либо (что более вероятно) намеренное изображение «левополого» иноземца.

Рис. 2. Селадоновая чаша из пади Большой Дурал.

«Левополыми» китайцы называли обитателей северных и западных границ империи, так что здесь возможно изображение их военачальника, данника китайцев.

В верхней части мы видим фигуру «лучника». В левой руке он держит лук, за правым плечом колчан. Клетчатость подола его одеяния дает возможность предполагать наличие доспехов (крупнопластинчатых лат). Сапоги обычного и для китайского и для северного воина типа

В фигурах лучника и иноземца обращает на себя внимание их динамичность, свободная и реалистическая постановка, соответствующая досунским образцам (вейские — III в. н. э., ранние танские), встречающаяся редко в сунских примерах.

Осмысляя орнамент чаши как сюжетное целое по исходным образцам [2] или по рисункам, встречающимся на бронзовых зеркалах,[3] мы с уверенностью можем сказать, что имеем здесь типичный колониальный комплекс подношения даров (дани) китайскому императору (в лице его представителя) как северными, так и южными «соседями».

Таким образом, орнаментика указывает на производство с учетом потребителя, а это предполагает наличие прочных торговых связей. Вероятен, однако, некоторый разрыв между временем изготовления

[1] Рисунок настолько нечеток, что Э. К. Кверфельд видел в нем с полным основанием стол и чиновника, облокотившегося на него. По наличной части рисунка оспаривать оба варианта трудно.

[2] Zimmerman. Die Chinesische Porcellain, № 15.

[3] Собрание Кунсткамеры Петра I.

чаши и временем попадания ее на Амур. Время изготовления ее данные орнаментики позволяют отнести к VII—XII вв. н. э.

4) Условия залегания легко представить по данным А. П. Окладникова. Чаша обнаружена им во втором (предположительно после-бохайском) слое, что позволяет отнести нижнюю границу времени попадания чаши на Амур к первой половине X в. н. э.

Известно, что сведения о народах, заселяющих Манчжурию и позднее оттесненных из Манчжурии на Амур, можно найти в самых ранних династийных историях Китая. Однако лишь с V в. (летопись Суйской династии — Суйшу) известия эти получают достоверность, так как базируются не на сообщениях случайных лиц или посланцев к китайскому двору, но на личных наблюдениях китайских посланцев, путешественников или миссионеров (буддистов). Сведения путешественников фиксировались в докладах, дневниках и т. п., из которых некоторые целиком, как раздел, входят в соответствующую главу династийной истории. Первоначально сведения носили отрывочный, нечеткий характер с индивидуалистичным отбором и оценкой фактов. Лишь с X в. (Сунская эпоха) сведения эти включают точный маршрут, имя автора, задачи его поездки, описание обычаев.

Из таких описаний следует отметить отчеты Ху Цзяо (947—954), Сун Хуаня (1020), Сюй Кан-цзуна (1126), Юйвень Мяо-чжао (1234).

Их сообщения, сделавшиеся доступными через переводы В. П. Васильева, Шаванна и других (некоторые исправления и дополнения к переводам сделаны профессором Н. В. Кюнером в 1940—1941 гг.), показывают спорадичность сношений с Китаем, а также значительное отличие быта и обычаев народов Амура от китайских. Изделия Китая были редки и ценились чрезвычайно высоко, особенно фарфор, так как местная утварь производилась из глины, дерева и металла. В разделе IV известий о Цзинь, составленных Юйвень Мяо-чжао, читаем: «. При угощении гостей лучшее вино наливается в золотые и серебряные сосуды, а средственное в глиняные».[1] Таким образом исчерпывающе объясняется странная по началу обособленность чаши от комплекса сопутствующих предметов.

Между прочим там же (и в ряде других известий) встречается упоминание о канах. «Женщины, как большие, так и малые, сидят во [время пиршества] на нарах [род печи]», т. е. на канах, которые были заимствованы у чжурчженей китайцами позднее, а в то время были диковинными для путешественников-китайцев. Таким образом, «каны маньчжуро-китайского типа» (см. отчет А. П. Окладникова) не могут служить для датировки.

Закрепление экономических связей и влияния Китая на Амуре идет убыстренным темпом в период Монгольской (Юань) и Минской династий. Влияние Китая при Минах настолько сильно, что евнух И-ши-хо, побывавший во главе посольства у Тыра в 1410 и снова в 1433 г., говорит о значительных изменениях, происшедших в обычаях и этническом составе населения за 23 года. Здесь уже развит обмен, и хотя китайские изделия ценятся попрежнему высоко, они встречаются комплексно и чаще.

Все вышеизложенное позволяет и дату возможного попадания чаши на Амур отнести также к Сунскому времени (т. е. примерно XI—XII или XIII вв. н. э.).

---

[1] Цитируется по: В. В а с и л ь е в. История и древности восточной части Средней Азии. СПб., 1857, стр. 203.

Такой вывод подтверждается найденной вместе с чашей монетой с полустертой легендой. Нам удалось определить, что легенда на монете, читаемая крестообразно, содержит первичное няньхао — наименование годов правления (1102—1107) императора Хуэй Цзуна (1101—1121) Сунской династии. Это также подкрепляет нашу догадку, тем более, что путешественник Сюй Кан-цзун, наиболее подробно описавший чжурчженей того времени, посетил их столицу в 1126 г., а с его экспедицией на Амур несомненно попадает некоторое (хотя и не слишком значительное) число предметов быта и обмена китайской работы.

Г. А. ЧЕРНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЫ[1]

В восточной части Большеземельской тундры мною были обнаружены следы древнего человека, представленные кремневыми орудиями, глиняной посудой и бронзовыми изделиями. Кроме этого, была раскопана могила, в которой оказалось большое количество медных и железных изделий. В район исследований пришлось попадать через реку Б. Роговую, на которой также были обнаружены стоянки.

Первые археологические находки на р. Б. Роговой были обнаружены в 1910 г. Н. А. Куликом,[2] который на левом берегу реки в 180 км от ее устья нашел некоторое количество черепков глиняной посуды с орнаментом. В указанном пункте автору не удалось обнаружить ни черепков, ни яреев,[3] на которых Н. А. Куликом были собраны черепки глиняной посуды. Повидимому, эти яреи заросли. Эти места были осмотрены также производившим здесь исследования в 1932 г. М. П. Кудрявцевым, который в верховьях Роговой не обнаружил ни одной стоянки. Три стоянки на р. Роговой мне удалось обнаружить значительно выше (по реке) места, указанного Н. А. Куликом.

Следующие стоянки, в количестве 15, были обнаружены на берегах р. Падимей-вис, впадающей с левой стороны в р. Коротаиху. Здесь же была расположена и древняя могила. Остальные 10 стоянок найдены на берегах Коротаихи и две из них на левом притоке р. Тарь-ю.[4]

Материалы этих памятников существенно дополняют наличные скудные сведения о древностях этого обширного района на севере РСФСР и о древнейшей истории его населения.

Они, несомненно, будут одинаково интересны как для исследователей прошлого северных областей Европейской части Советского Союза, так и для тех археологов, которые заняты изучением его азиатской части.

1-я стоянка обнаружена на левом берегу Малек-виса, впадающего с правой стороны в р. Б. Роговую в 8—10 км выше устья р. Ыджыд-пятомбоя (рис. 1). Здесь на левом берегу ручья, в 1 км от р. Б. Роговой

---

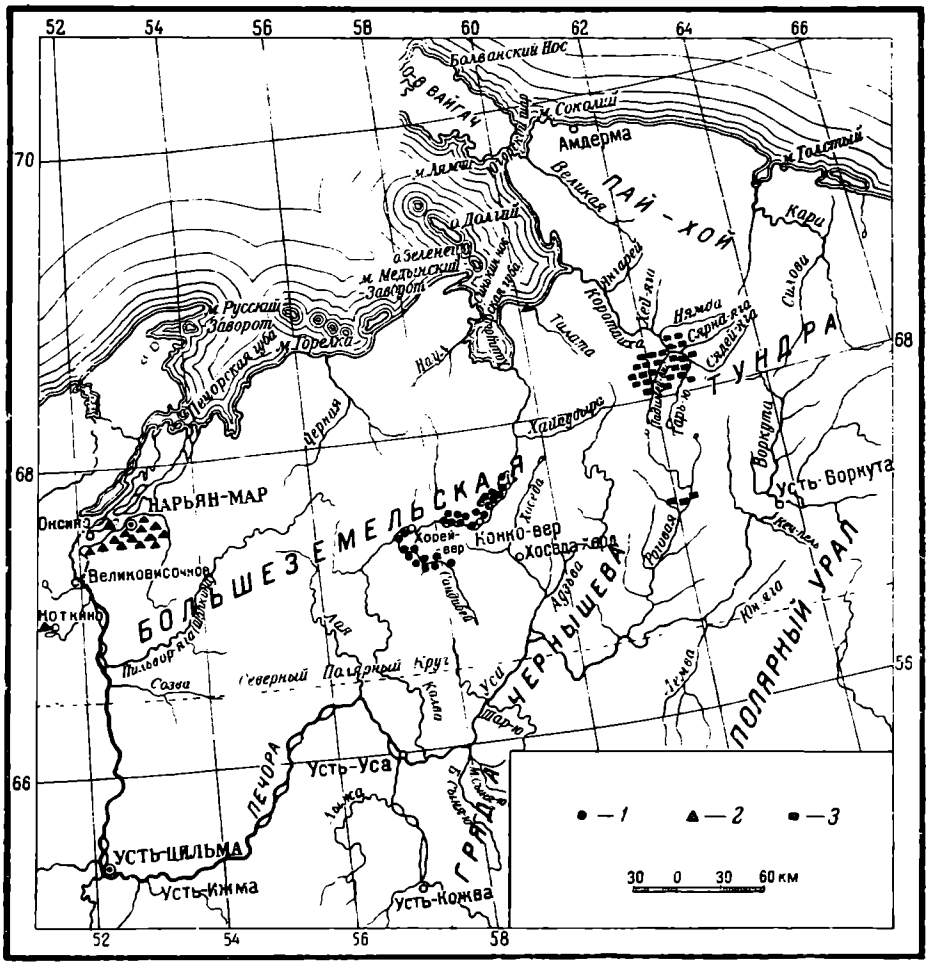
[1] Публикуя настоящую статью, редакция считает необходимым отметить, что вопрос о датировке керамического и кремневого материала из Большеземельской тундры не имеет еще об щепризнанного решения. *Ред.*

[2] Н. А. Кулик. Поездка в Большеземельскую тундру летом 1910 г. Пгр., 1914.

[3] Ярей — котловина выдувания песков.

[4] Весь собранный археологический материал передан в Сыктывкарский краеведческий музей Коми АССР. В сборах археологических находок принимала участие коллектор партии Г. К. Фрумкина. Зарисовка кремневых орудий и черепков глиняной посуды исполнена Т. Н. Черновой. Указанным лицам приношу искреннюю благодарность.

расположены яреи, образующие овал до 100 м длины и 50 м ширины. Овал вытянут с В на З вдоль течения ручья. Яреи расположены на III террасе, причем к С от них имеется озеро до 300 м длины и 100 м ширины, представляющее собой старицу. Поверхность террасы очень ровная. Однако внутри излучины старицы развеваемые пески образуют возвышенности, не превышающие 3 м.


52
54
56
58
60
62
64
66
70
68
66
56
Балванский Нос
Сокольий
Амдерма
Толстый
Кара
Сыони
Ямала
Сарта-яха
Хайпудыр
Воркута
Усть-Воркута
Кожва
Ворыква
Ю.-яга
Ижма
Усть-Уса
Усть-Цильма
Усть-Кожва
НАРЬЯН-МАР
Оксино
Великовисочное
Нотчино
Хорей-вер
Конко-вер
Хосява-хада
Тильвор
Созва
Северный Полярный Круг
Кожва
Усы
Шарью
Ижма
Пижма
Цильма
Печора
Большеземельская тундра
Полярный Урал
Чернышева гряда
Пай-хой
Мелкий
Завороты
Русский
Горелка
Долгий
Зеленец
Лямцы
Ледяная
Короткая
Тиманта
Нядей
Черная
Пижемская
Печорская губа
Ледяная губа
Ледяной
Ледяная
Ледяной
Ледяная
Ледяной
Ледяная

имел ямки с наружной и внутренней стороны. Кроме черепков, найдена одна глиняная пробка (?) или ушко. Среди черепков оказался один глиняный обломок формы для литья бронзовых изделий, на нем уцелели мелкие кусочки металла. Помимо того, аналогичные фрагменты формы найдены на песках вместе со шлаком и тонкой медной (?) пластинкой, согнутой пополам. На стоянке обнаружен также один четырехугольный железный кусочек.

2-я стоянка расположена на правом берегу р. Б. Роговой в 7—8 км выше устья Малек-виса. Здесь, на 11-метровой террасе, сложенной вверху желтыми песками, расположены большие яреи с заросшими дюнами. На яреях найден один кремневый наконечник стрелы ланцетовидной формы, с прямым тупым насадом (табл. I, *1*), из серого камня.

3-я стоянка находится на левом берегу р. Б. Роговой в 300—400 м выше 2-й стоянки, на той же террасе. Яреи расположены лишь вблизи ее бровки (рис. 2), и имеют до 50 м в поперечнике и глубину до 2.5 м.

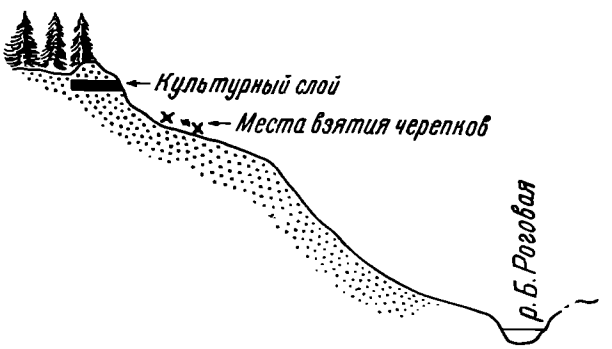


Рис. 2. Культурный слой 3-й стоянки, расположенной на берегу р. Б. Роговой.

Здесь в четырех местах найдены черепки глиняной посуды в количестве 163, из них 43 с орнаментом, принадлежащие трем сосудам. У одного сосуда ямки нанесены попарно (табл. II, *1*), у двух остальных — на одинаковом расстоянии. Все сосуды довольно тщательно сделаны. Орнамент доходит до выпуклой части сосуда (табл. II, *3*). Один сосуд имеет яркокрасный обжиг, другой — желто-красный. Толщина стенок 0.3—0.5 см у венчика, который почти не имеет утолщения.

На склоне террас, вверху между яреями виден культурный слой, ниже его по склону были найдены черепки глиняной посуды. Повидимому, и остальные черепки принадлежат этому же культурному слою (рис. 2). Кроме черепков глиняной посуды, ниже культурного слоя найдены мелкие обожженные кости белого цвета. Одна кость, обработанная в виде шила (табл. II, *14*), на своей поверхности несет следы острого орудия.

На р. Падимей-вис обнаружено 15 стоянок (№№ 4—18), почти все в нижнем течении реки (рис. 1). Здесь же найдена древняя могила.

4-я стоянка была обнаружена на правом коренном берегу Падимей-вис, примерно в 2 км ниже (по реке), слева от местности Тадибей-хасырей-ты. На самом высоком месте, между рекой и озером, есть несколько небольших и неглубоких (до 0.5 м) яреев, где в трех местах собраны черепки. Всего собрано 73 обломка, из них 3 с орнаментом принадлежат, видимо, одному сосуду (табл. II, *6*). Форму его восстановить не удалось. Толщина стенок около 0.6 см. В одном месте лежало несколько камней, имеющих следы обжига. Здесь же попадались куски угля и обож-

женные мелкие косточки. Камни были засыпаны эоловым песком, до 10 см толщиной, позднее покрывшимся растительностью.

В 50 м от места находок черепков глиняной посуды на одном из небольших яреев собраны кремневые орудия — 3 обломка от наконечников стрел, 1 скребок (табл. I, *2*), 1 ножевидная пластинка и 4 кремневых отщепа.

5-я стоянка обнаружена на левом берегу Падимей-вис, примерно в 10 км ниже устья Нядей-ю. Здесь к реке подходит IV терраса, отделенная от реки узкой полосой — II террасой.

На IV террасе расположен один большой ярей, начинающийся от самой бровки террасы и далеко вдающийся в глубь берега. В четырех пунктах западной части ярея собрано 203 черепка глиняной посуды, принадлежащих семи сосудам. Из этих черепков 43 с орнаментом. Один сосуд имеет простой ямочный орнамент и только на верху венчика, не имеющего утолщения, несет глубокие оттиски продолговатого штампа (табл. II, *5*). На внутренней стороне против ямок отчетливые бугорки. Форма сосуда — прямостенная. Повидимому, это была неглубокая плошка с толщиной стенок в 0.5 см.

Два других сосуда имеют ямочно-гребенчатый орнамент, причем оттиски гребенчатого штампа нанесены выше ямок (табл. II, *4*). На двух следующих сосудах (табл. II, *7*) оттиски гребенчатого штампа нанесены как выше, так и ниже ямок, весь орнамент выполнен очень тщательно. Стенки этих сосудов заметно выпуклы, толщина их 0.7 см у венчика и 0.4 см в боковой части. Диаметр каждого 20 см. Последние два сосуда отличаются от описанных выше тем, что имеют довольно сильно утолщенные венчики (табл. II, *11*). Стенки у них также выпуклые (табл. II, *9*). У всех сосудов к глине примешан в большом количестве розоватый кварц. В двух местах черепки собраны около обожженных валунов.

Кроме черепков глиняной посуды, на песках найдены 5 кремневых отщепов и несколько железных изделий.

6-я стоянка находится за ручьем, примерно в 260 м к В от большого ярея. Здесь на небольшом яре собрано 30 черепков глиняной посуды от трех сосудов, из них 5 с ямочно-гребенчатым орнаментом (табл. II, *8*), и один кремневый отщеп.

7-я стоянка находится невдалеке от 6-й, на небольшом ярее, расположенном у самой бровки и террасы. На этом ярее, среди обожженных валунов, собраны 77 черепков глиняной посуды. Из них 17 с орнаментом. Черепки принадлежат трем сосудам. От двух имеются лишь черепки от венчиков, все — с ямочно-гребенчатым орнаментом. Один был обожжен сильнее другого. Третий сосуд с прямыми стенками имеет оригинальный ямочно-гребенчатый орнамент, спущенный под венчиком. Последний слегка отогнут наружу (табл. II, *10*). Из каменных орудий найдено 4 круглых скребка, сделанных из светло-серого кремня, один из них обработан тонкой ретушью.

8-я стоянка была обнаружена за вторым ручьем, к СВ от 7-й стоянки, на ярее продолговато-овальной формы. В южной части его на желтых песках собрано 11 круглых скребков и 1 нуклеус. Восемь скребков и нуклеус сделаны из черного кремня (табл. I, *3*), три остальных — из серого. Обработка их грубая.

9-я стоянка расположена в южной части круглого большого ярея. Здесь найден один круглый скребок из серого кремня.

10-я стоянка обнаружена на небольшом продолговатом ярее. На нем собрано 6 черепков глиняной посуды, из них 3, принадлежащие двум сосудам, имеют орнамент. Один сосуд представлял собой горшок с круглым дном и слегка выпуклыми стенками, несущими ямочно-гре-

бенчатый орнамент. Другой, в виде неглубокой плошки, с круглым дном и неровными стенками, несет лишь гребенчатый орнамент.

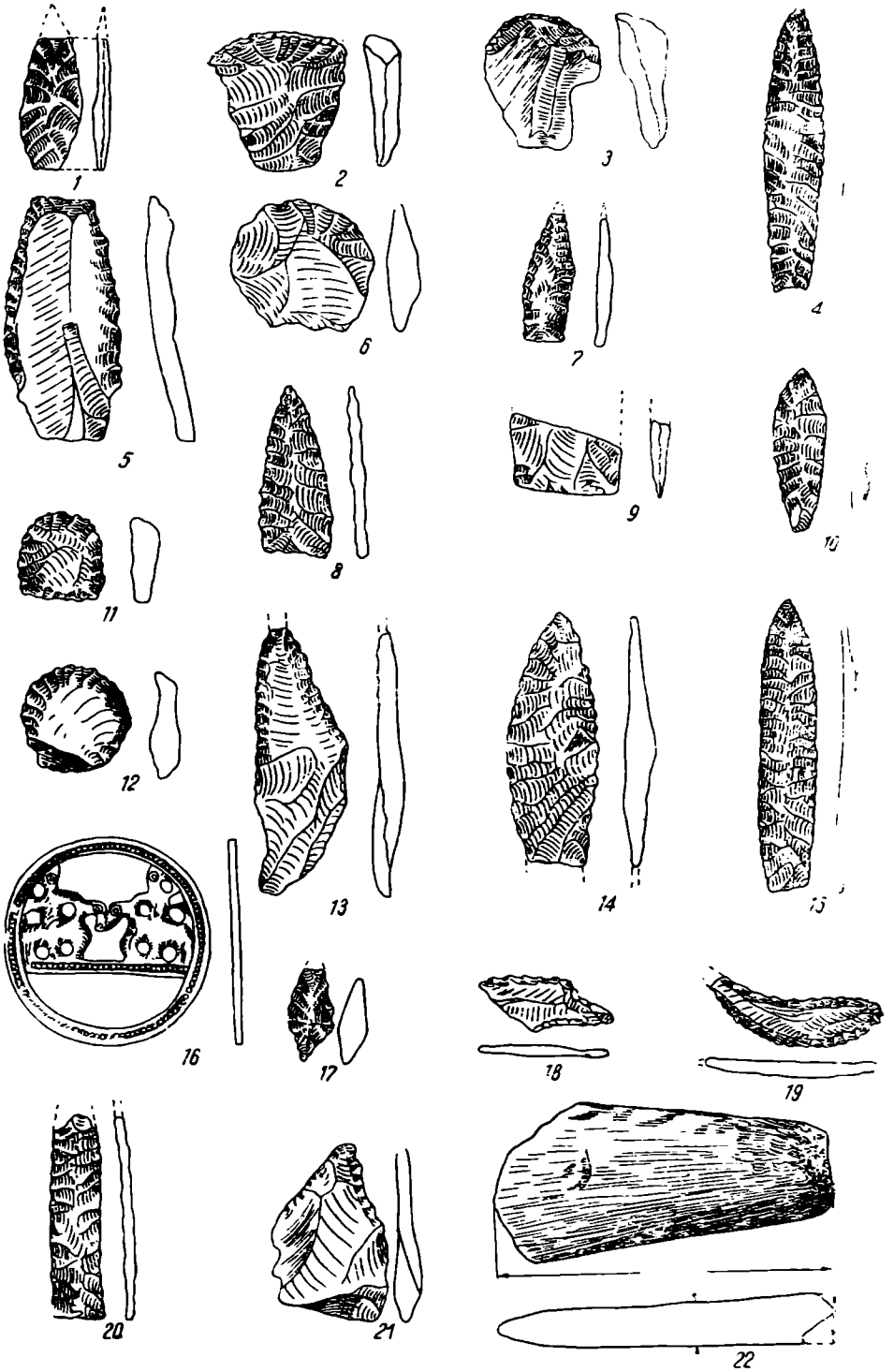


Табл. I. Кремневые изделия со стоянок восточной части Большеземельской тундры (*16* — бронзовый амулет).

11-я стоянка находится на бровке террасы, которая подходит непосредственно к реке. Здесь, на большом круглом ярее собрано 35 черепков глиняной посуды, из них 6 от одного сосуда с плохо сохранившимся

ямочно-гребенчатым орнаментом, без утолщенного венчика и с прямыми вверху стенками.

Табл. II. Фрагменты глиняных сосудов и костяное шило (14) со стоянок восточной части Большеземельской тундры.

12-я стоянка расположена несколько севернее 11-й. В южном конце узкого изогнутого ярея здесь собрано 20 черепков от одного сосуда. Орна-

мент на них ямочный с полосками вдоль ямок (табл. II, *12*). Сосуд имел прямые стенки. Среди черепков найден обломок наконечника стрелы из серого камня, 1 кремневый отщеп, использованный в качестве скребка (на обеих его сторонах имеется мелкая ретушь), и 1 каменный топор. Топор сделан из гальки розового кварцевого песчаника. На обоих концах имеются следы ударов, а тупой конец кроме этого несет еще и следы сколов. Обе плоские поверхности топора гладкие, но не шлифованные.

13-я стоянка была обнаружена значительно ниже 12-й у небольшого ручья. Здесь яреи тянутся вдоль р. Падимей-вис на протяжении 300 м, расположены они на III террасе и доходят вверх по ручью до небольшого озера квадратной формы. Между этим озером и ручьем, на небольших яреях, вблизи единственного останца найден один черепок глиняной посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом. Венчик его несколько утолщен, а стенки слегка выпуклые. Среди 11 отщепов найдены также 2 наконечника стрел, один из них, целый (табл. I,*4*), сделан из серого камня и имеет ланцетовидную форму, другой, с обломанным концом, сделан из розового кремня. Два скребка: один продолговатый (табл. I, *5*), с трех сторон обработанный мелкой ретушью, и другой круглый (табл. I, *6*). Первый сделан из светлосерого окременелого известняка, второй — из кремня.

14-я стоянка находится несколько в стороне от реки Падимей-вис, на небольших яреях, расположенных на самой бровке террасы. На одном из яреев найден 1 кремневый наконечник стрелы с широким основанием (табл. I, *8*).

15-я стоянка находится на противоположном берегу р. Падимей-вис, но здесь на небольших яреях найдено лишь 8 кремневых отщепов.

16-я стоянка находится далеко от реки, в центральной части излучины, на больших яреях, расположенных на бровке террасы.

Черепки глиняной посуды найдены тут в двух местах. В одном месте собрано 125 черепков. Из них 60 с ямочно-гребенчатым орнаментом, все они принадлежат одному сосуду, имевшему слабо выпуклые стенки. В другом месте собрано 127 черепков. Из них 27, с ямочно-гребенчатым орнаментом, принадлежат трем различных сосудам. Один сосуд имел утолщенный венчик. На двух других гребенчатый орнамент спускается от венчика на выпуклые боковые части сосуда. Кроме того, найдены 3 кремневых отщепа.

17-я стоянка была обнаружена на правом берегу Падимей-вис, в 460 м ниже устья Юнко.

Здесь на небольшом ярее собрано в одном месте 62 черепка, из них 2 с ямочно-гребенчатым орнаментом, принадлежащих одному сосуду.

18-я стоянка находится в самом нижнем течении Падимей-вис, на ее правом берегу, на III террасе, несколько отстоящей от реки. Здесь, против большой старицы, на бровке террасы расположены большие яреи с невысокими останцами, на которых собрано в трех местах 178 черепков глиняной посуды. Из них 48, с ямочно-гребенчатым орнаментом, принадлежат пяти сосудам (табл. II, *13*). Все сосуды имели сильно выпуклые бока, венчик их не был утолщен. Толщина стенок у венчика 0.5—0.6 см, а у дна часто достигала всего лишь 0.2 см. Диаметр сосудов в горле был различен (20—25 и 15 см).

Р. Коротаиха была исследована вверх от устья Падимей-вис до р. Тарь-ю, выше которой она носит название Сядей-яга. Здесь, на сравнительно небольшом ее отрезке было обнаружено 10 стоянок.

19-я стоянка находится на левом берегу реки Коротаихи в 1.5 км выше устья Падимей-вис. Яреи расположены на бровке II террасы. На них собрано 20 кремневых отщепов и 1 сломанный наконечник стрелы, сделанный из серо-желтого камня.

20-я стоянка обнаружена на правом берегу р. Коротаихи, несколько выше 19-й стоянки. На развеваемых песках собрано 47 черепков глиняной посуды, из них 15 с ямочно-гребенчатым орнаментом, принадлежащих двум сосудам. От одного из них мы имеем лишь один черепок с гребенчатым орнаментом и сильным обжигом. Сосуд представлял собой неглубокую плошку с орнаментом. Второй сосуд, в виде горшка значительно больших размеров, с ямочно-гребенчатым орнаментом, имел выпуклые стенки. Из кремневых орудий найдена 1 заготовка для наконечника стрелы, 1 обломок основания наконечника копья (табл. I, *9*) и 20 отщепов. Тут же, на песках, найдена тонкая бронзовая ланцетовидная пластинка яркозеленого цвета, с гладкой поверхностью.

21-я стоянка находится почти в средней части большой излучины р. Коротаихи на правом ее берегу, на бровке III террасы. Здесь имеются небольшие яреи с останцами, в которых сохранился культурный слой.

Черепки глиняной посуды были извлечены из культурного слоя, а также собраны в осыпи на желтых песках, расположенных непосредственно ниже его. На песках, залегающих выше культурного слоя, черепков и кремневых орудий найдено не было. Всего извлечено из культурного слоя и собрано в осыпях 80 черепков глиняной посуды, из них 65, принадлежащих пяти сосудам с орнаментом. Все сосуды были с плоскими боками без утолщенных венчиков и, повидимому, неглубокие — в виде плошек. Орнамент на всех черепках ямочно-гребенчатый, причем у двух ямки расположены в три ряда (табл. III, *1*). Кроме того, на внутренней стороне этих сосудов есть оттиски гребенчатого орнамента. Орнамент как с наружной, так и с внутренней стороны опускается довольно низко. На третьем сосуде ямки нанесены в два ряда (табл. III, *5*), на внутренней стороне видны те же оттиски, что и на внешней, расположены они ниже ямок. От двух остальных сосудов мы имеем черепки только от самой верхней части (табл. III, *6*). Большое количество черепков с орнаментом принадлежит боковым частям сосуда (табл. III, *4*, *7*, *8*). Толщина стенок у всех сосудов возле венчика 0.5—0.6 см и несколько меньшая в боковой части. Обжиг довольно сильный, большинство черепков имеет розоватый цвет. Кроме черепков, собрано 32 кремневых отщепа, 3 обломка от наконечников стрел и 1 целый наконечник с острым насадом (табл. I, *10*).

22-я стоянка расположена несколько ниже 21-й. Здесь на небольших яреях собрано 33 черепка глиняной посуды, из них 6 от двух сосудов с орнаментом. Один сосуд имел очень выпуклые стенки с утолщенным венчиком (табл. III, *15*), орнамент ямочно-гребенчатый, довольно тщательно выполненный. От второго, повидимому прямостенного, сосуда мы имеем черепки боковой его части, причем здесь видны оттиски гребенчатого орнамента (табл. III, *12*). Из каменных изделий собраны 3 отщепа и 1 маленький скребок из светлосерого кремня. Кроме того найдено несколько мелких жженых косточек.

23-я стоянка была обнаружена на длинном ярее, расположенном выше от 22-й п к В от Седмылька. В нижнем конце ярея было собрано 13 отщепов, 9 круглых скребков, сделанных из светлосерого кремня (табл. I, *11*, *12*), и 1 заготовка для наконечника стрелы.

В средней части ярея собраны черепки глиняной посуды в количестве 25 штук. Из них 10 с ямочно-гребенчатым узором относятся к двум сосудам, имевшим слегка выпуклые стенки (табл. III, *13*). В верхнем конце ярея найден один ланцетовидный наконечник стрелы с тупым, несколько суженным тыльем, сделанный из светлосерого кремня (табл. I, *15*). В поперечном сечении наконечник имеет вид треугольника, причем одна сторона его плоская, а другая выпуклая.

24-я стоянка находится на левом берегу р. Коротаихи, почти против устья Сярна-яга. На небольшом ярее, расположенном на краю террасы, собраны 32 черепка глиняной посуды, из них всего 2 имеют ямочно-гребенчатый орнамент и принадлежат одному сосуду со слегка выпуклыми боками (табл. III, *9*).

25-я стоянка обнаружена на левом берегу р. Коротаихи, несколько выше устья Сярна-яга. На бровке III террасы расположены яреи, тянущиеся на значительном расстоянии вверх по реке. В самом нижнем конце яреев, ближе к устью Сярна-яга, собрано 42 кремневых отщепа, 15 скребков, из них 12 круглых и 3 продолговатых, 2 заготовки для наконечников стрел (табл. I, *13*, *14*), 3 обломка наконечников стрел (табл. I, *17*), 1 обломок наконечника копья, 2 кремневых орудия неизвестного назначения (табл. I, *18*, *19*). Одно из них (табл. I, *18*) возможно служило для прокалывания. Почти все кремневые орудия сделаны из светлосерого кремня, частично из окременелого известняка серого и коричневатого цветов. Среди кремневых орудий найдена одна тонкая шлифованная пластинка неизвестного назначения, сделанная из зеленовато-глинистого сланца. Также найдены и черепки глиняной посуды в количестве 16, из них один с гребенчатым орнаментом (табл. III, *11*).

26-я стоянка находится на правом берегу р. Коротаихи, несколько выше устья Сярна-яга. Терраса, на которой расположены яреи, не подмывается рекой, а отделена от последней более низкими террасами. Здесь найдено 50 кремневых отщепов и 6 черепков глиняной посуды, принадлежащих одному сосуду с ямочно-гребенчатым орнаментом, резко выпуклыми стенками и утолщенным венчиком. На песках найден круглый бронзовый амулет с изображением двух всадников, видимо, не на лошадях, а на оленях, о чем свидетельствуют крупные размеры изображенных всадников относительно фигур животных и то, что они держатся рукой как будто за оленьи рога (табл. I, *16*).

На р. Тарь-ю найдено две стоянки.

27-я стоянка была обнаружена на правом высоком берегу р. Тарь-ю, почти у ее устья. Здесь, на больших яреях, местами слегка глинистых, найдено 107 кремневых отщепов, 1 ножевидная пластина и 1 обломок копья.

28-я стоянка находится на левом берегу р. Тарь-ю выше 27-й стоянки. На небольших яреях, расположенных по краю террасы, собрано 6 кремневых поделок, одна из них тонкая, с мелкой ретушью на обеих сторонах (табл. I, *21*), другая является обломком наконечника копья, две представляют собой сломанные наконечники стрел. Все орудия сделаны из светлосерого и желтого кремня.

Кроме описанных памятников, на левом берегу р. Падимей-вис, между 5-й и 6-й стоянками обнаружена старая могила.

Она находилась на небольшом возвышенном участке, где в развеваемых песках была видна одна деревянная доска гроба, стоявшая на ребре и обожженная сверху. Крышки не оказалось. Гроб имел 1 м ширины, 2 м длины и 0.3—0.4 м высоты.

Покойник был положен ногами к ЮВ. Гроб был сделан без гвоздей, углы его были скреплены посредством пазов. Поверх гроба была наложена березовая кора, сшитая из кусочков и служившая, повидимому, ранее крышей для чума. Под ней сохранились позвоночник и ребра, две бедренных кости, несколько фаланг пальцев руки. Черепа не оказалось. Позвонки и ребра находились внутри оленьей шкуры, возможно, служившей одеждой, она оказалась тщательно зашитой, причем заплатки сохранились хорошо. Между шкурой и костями позвоночника, внутри, лежала связка амулетов. Один медный амулет (табл. IV, *12*) находился

отдельно в ногах покойника, он изображает всадника с пикой, едущего на коне. Второй амулет (табл. IV, *1*) имеет круглое отверстие в верхней

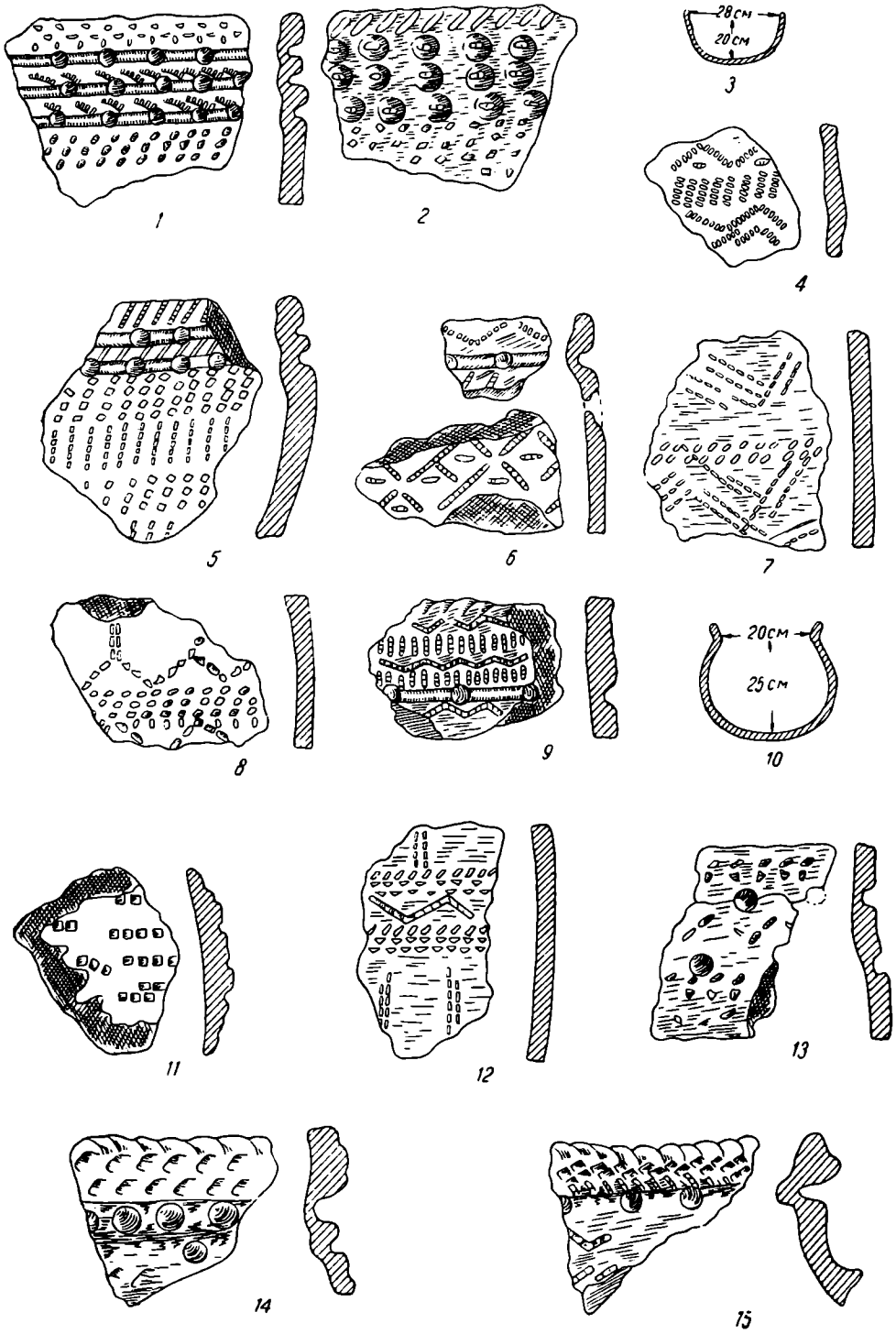


Табл. III. Фрагменты глиняных сосудов со стоянок восточной части Большеземельской тундры.

части, служащее для подвешивания. На амулете изображен охотник с луком в руках. Сзади него — зверь без передних ног, так что передние его ноги являются и ногами человека. За спиной всадника сумка со стре-

лами. Под фигурой зверя изображено какое-то непонятное животное. Третий амулет — 4 мм толщиной — имеет также круглое отверстие (табл. IV, *2*). Здесь изображен бой четырехглавого зверя со львом, стоящим на задних лапах. Четвертый амулет (табл. IV, *5*) с тремя отверстиями, наверху его имеется ушко для подвешивания. Подобных амулетов с одинаковым изображением два, но на одном из них рисунок почти не сохранился. Здесь изображен крылатый всадник с копьем. Два медных амулета имеют круглые ушки на окружности кольца. На одном амулете изображен конь (табл. IV, *11*), на втором — двуглавый орел (табл. IV, *13*). Кроме перечисленных амулетов, имеющих изображения, оказалось еще 6 медных дисков с ушками, диаметром 4 см, толщ. 1.5 мм (табл. IV, *10*). Диски связаны были кожаным ремешком. На ремешках были нанизаны стеклянные и фарфоровые бусы: белого, синего, желтого и голубоватого цветов, причем синие и желтые бусы прозрачны. Всего найдено 20 бусинок. Кроме того, на ремешках были надеты металлические трубочки, 3 медных и 1 цинковая (?) (табл. IV, *6*). Здесь же была найдена тонкая металлическая пластинка с отверстиями на одном краю (табл. IV, *9*), служившая, повидимому, для подвешивания бус, а также две одинаковых круглых, медных, изогнутых ручки, возможно, браслет (табл. IV, *4*), и одна медная пуговица с ушками (табл. IV, *7*). На фалангах пальцев руки было найдено три сильно окисленных медных кольца (табл. IV, *8*). В ногах покойника лежало несколько вещей: 2 медных колокольчика, причем у одного из них сделано напильником (?) отверстие, в которое продет ремешок с медной пуговицей на конце (табл. IV, *3*); железный сильно ржавый топор с частично уцелевшей деревянной ручкой; длинная железная, слегка изогнутая, напоминающая косу пластинка (таким орудием оленеводы обычно выделывают оленьи шкуры); лезвие ножа, также сильно поржавевшее; несколько тонких изогнутых железных пластинок, вероятно, от котла; одна деревянная палочка неизвестного назначения, сделанная острым ножом. С левой стороны у гроба в головах лежал в песке медный колокольчик, диаметром 11.5 см, со следующей надписью: «1814 сеи. кол. лит. валдае. кого. люблю. того. и дарю».

На основании собранного археологического материала можно сделать вывод, что стоянки древнего человека в низовье р. Печоры и восточной части Большеземельской тундры указывают на значительное расселение человека по всей Большеземельской тундре — особенно если принять во внимание стоянки, обнаруженные нами (23-я, 24-я и 25-я) и другими исследователями (10-я) в центральной ее части. Древний человек селился в Большеземельской тундре, главным образом, в областях широкого развития песчаных отложений, преимущественно на речных террасах и частично у озер. Несмотря на тщательные поиски, в области водораздела р. Б. Роговой и р. Падимей-вис, где наблюдается развитие конечноморенного ландшафта, стоянок обнаружить не удалось, хотя там имеется большое количество рыбных озер. Все же вблизи этих озер человек, очевидно, не везде селился из-за отсутствия сухих мест. Это тем более вероятно, что климат того времени, повидимому, был более влажным, чем современный. Во всяком случае налицо связь стоянок с определенными геоморфологическими условиями. Люди селились реже у озер Падимей-ты, чем на озерах Колва-ты, где обнаружено большое количество стоянок,[1] указывающих на продолжительное заселение этих мест.

[1] Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. Тр. Четвертичной комиссии, т. VII, вып. 1, 1948. — Он же. Стоянки древнего человека на рр. Колва, Колва-вис и Санди-бей-ю в Большеземельской тундре. КСИИМК, IX. — Он же. Стоянки древнего человека в нижнем течении р. Печоры. КСИИМК, XXIII.

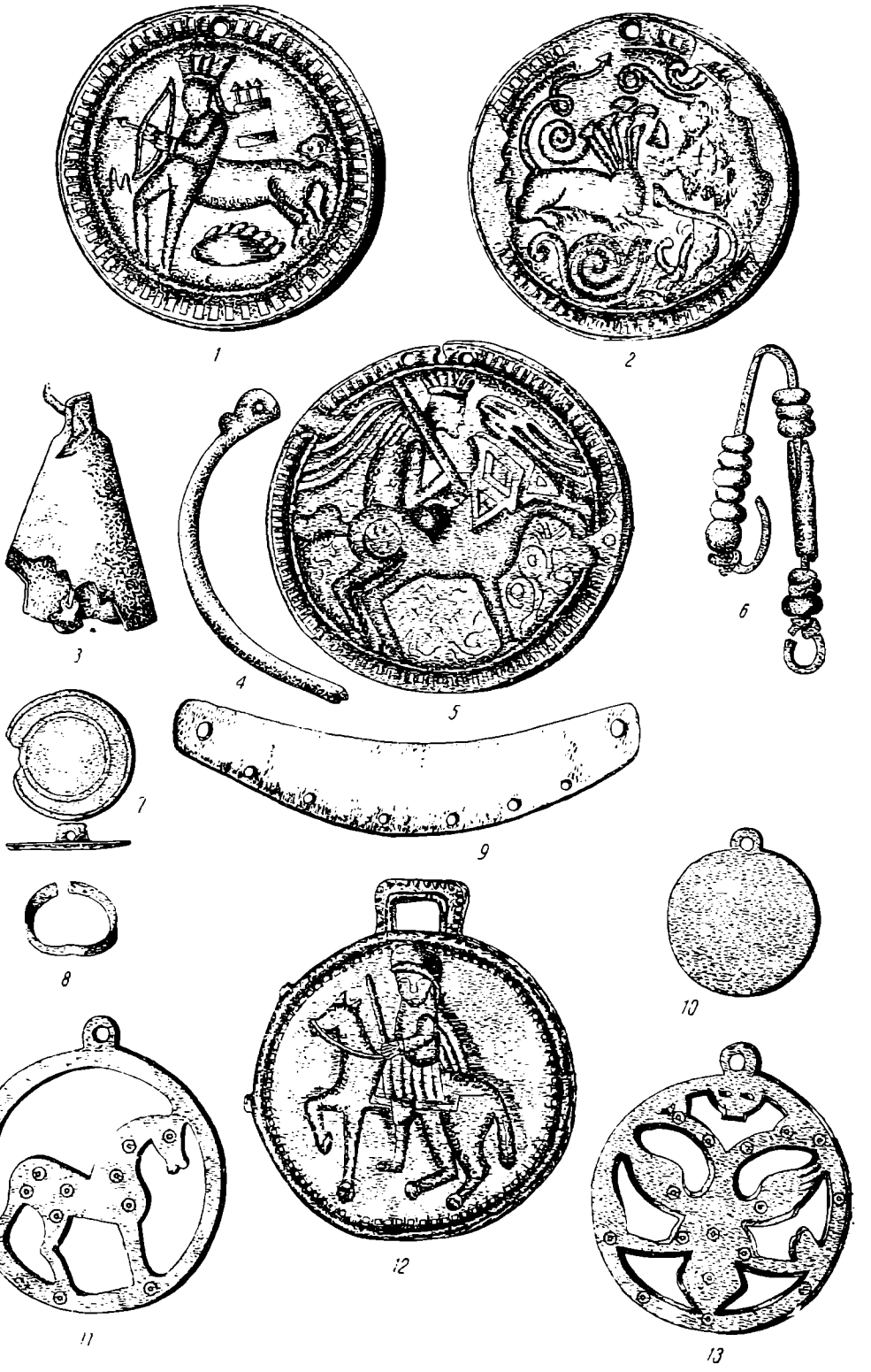


Табл. IV. Находки из древней могилы:

1 — медный амулет с изображением кентавра; *2* — медный амулет — бой льва с чудовищем; *3* — медный колокольчик с кожаным ремешком; *4* — медная ручка или браслет; *5* — медный амулет с изображением всадника с крыльями; *6* — кожаный ремешок с бусами и медной трубочкой; *7* — медная пуговица; *8* — медное кольцо; *9* — медная пластинка для подвешивания бус; *10* — медный диск; *11* — медный прорезной амулет с изображением коня; *12* — медный амулет с изображением всадника; *13* — прорезной амулет с изображением двуглавого орла.

Это зависит от того, что само по себе происхождение озер Колва-ты и Падимей-ты — различное. Первое образовалось южнее конечноморенного ландшафта.

Из числа обнаруженных в Большеземельской тундре 28 стоянок к временным поселениям можно отнести стоянки, где были найдены только лишь единичные орудия, которые могли быть просто потеряны человеком при передвижении (стоянки 2-я на р. Б. Роговой, 9-я, 14-я, 15-я и 19-я на р. Падимей-вис, 27-я на р. Коротаиха). Остальные стоянки, где найдена керамика, указывают на проживание в этих местах древнего человека более продолжительное время. Некоторые места были, повидимому, излюбленными, так как древний человек продолжал селиться на них долгое время. Сюда относятся стоянки по р. Падимей-вис (5-я и 12-я), на р. Коротаихе, против устья Падимей-вис (стоянки 20—22-я) и у устья Сярна-яга (стоянки 24—26-я).

Весь археологический материал (за исключением стоянок 3-й и 21-й) собран на развеваемых эоловых песках в котловинах выдувания или на яреях. В стоянках 3-й и 21-й археологический материал частью был извлечен из культурного слоя, выше которого залегают пески мощностью более 1 м, заросшие сверху дерном. Это обстоятельство указывает на то, что со времени пребывания здесь древнего человека развевание песков происходило два раза: первый раз, возможно, тогда, когда здесь еще жил человек, и второй раз много позже.

Расселение древнего человека несомненно способствовало развитию эоловых процессов. Вследствие сжигания костров, уничтожавших дерн, заселенные участки долго не зарастали и в первую очередь подвергались развеванию. Характерно, что не раз приходилось обнаруживать археологический материал именно на небольшом ярее, вокруг которого все было задернованно. Можно предполагать, что если на задернованных участках и будут когда-либо обнаружены стоянки, то во всяком случае в незначительном количестве. Наибольшее же их количество будет обнаружено именно в тех местах, где широко распространены эоловые отложения.

Что касается времени первоначального заселения этих районов человеком, то нужно иметь в виду находки целых стволов деревьев на склонах мусюров и по долинам рек в области типичной тундры.[1] Отсюда следует, что в послеледниковый период климат здесь был более теплым, чем современный. О более теплом климате говорит и присутствие крупной древесины в поверхностных торфяниках Большеземельской тундры.[2]

На основании анализов торфяников А. А. Егорова[3] приходит к выводу, что во время образования торфяников карской тундры имел место период, когда климат в этом районе был мягче современного и граница древесных пород была сдвинута далеко к северу, но хвойные все же не доходили до моря. Ею же указывается, что этот более теплый период был довольно значительным. Ю. А. Ливеровский,[4] касаясь истории климата Большеземельской тундры, указывает на присутствие здесь лесных почв, которые перекрываются эоловыми песками, в основании коих были най-

---

[1] Стволы деревьев и пни были встречены в большом количестве нами на р. Падимей-вис и на берегу озера Падимей-ты.

[2] Ю. А. Ливеровский. Геоморфология и четвертичные отложения северных частей Печорского бассейна. Тр. Геоморфолог. инст., вып. 7, 1933. — Г. А. Чернов. Четвертичные отложения юго-восточной части Большеземельской тундры. Тр. Северной базы АН СССР, вып. 5, 1939.

[3] А. А. Егорова. Некоторые данные пыльцевого анализа торфяников Карской губы. Бюлл. АИЧПЕ, № 2.

[4] Ю. А. Ливеровский, ук. соч.

дены остатки древнего человека. Отсюда он делает вывод, «что расселение человека, вероятно, произошло в тот период, когда подзолистые почвы только что начали погребаться эоловыми песками». Сопоставляя со своими материалами данные М. А. Лавровой о древних дюнах Онежского полуострова, Ю. А. Ливеровский приходит к заключению, что древний человек в пределах европейских тундр появился в атлантический период. По нашим данным, заселение Большеземельской тундры происходило, повидимому, несколько позже, а именно в суббореальный период, который был более теплым, чем современный.[1]

Нельзя, однако, не отметить, что М. П. Кудрявцев делает совершенно другие выводы, так как несколько выше устья Врака-вис, в древнем аллювии 14-метровой террасы им был найден бивень мамонта. Несмотря на то, что он был сильно выветрившимся, крошился на куски и залегал в аллювии террасы, М. П. Кудрявцев все же считает, что бивень находился здесь in situ. Отсюда он делает неправильные выводы, считая, что мамонт жил не в межледниковое время, как полагают другие, а в послеледниковое, когда образовались мощные торфяники р. Б. Роговой. Образование этих торфяников, по данным А. Герасимова, падает на атлантический и суббореальный климатические периоды известной школы Блитта—Сернандера, т. е. 1000—500 лет до н. э.[2] М. П. Кудрявцев, ссылаясь на найденные Н. А. Куликом[3] кости мамонта в торфяниках, залегающих на террасах, пишет: «Не останавливаясь на критике положения А. Герасимова о возрасте этого горизонта, укажем все же, что оно стоит в противоречии с находками костей мамонта в торфяниках этой реки и остатками неолитических стоянок в песках ее древней террасы. Основываясь на этих фактах, естественней отнести образование нижних горизонтов торфяников к эпохе последнего мамонта и охотившегося за ним неолитического человека». Это заключение, сделанное М. П. Кудрявцевым, совершенно не увязывается с нашими наблюдениями, согласно которым мамонт жил в последний межледниковый период. Теперь мы знаем, что район, где были найдены кости мамонта в аллювии террас, не подвергался последнему, III оледенению, а поэтому здесь межледниковые отложения были сильно перемыты водами последнего оледенения и дали широкое развитие древним высоким террасам, на которых и были нами обнаружены стоянки на р. Б. Роговой. К северу же от р. Б. Роговой, в бассейне р. Коротаихи, широко распространены отложения последнего, III оледенения.

Таким образом, собранный на стоянках рр. Б. Роговой, Коротаихи и Падимей-вис археологический материал, несмотря на столь различные районы, характеризует одно и то же достаточно позднее время заселения древним человеком этих мест. На всех обнаруженных нами стоянках Большеземельской тундры нигде не удалось найти хотя бы небольшие кусочки мамонтовой кости, а это ясно свидетельствует о том, что древний человек не пользовался костью мамонта и вообще не имел с ним дела — тем более с живым.

Если сравнить, далее, наш археологический материал с материалами стоянок, обнаруженных в центральной и западной частях Большеземельской тундры, то мы найдем большое их сходство.

---

[1] Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры.

[2] Г. А. Чернов. Четвертичные отложения юго-восточной части Большеземельской тундры. Тр. Северной базы АН СССР, вып. 5, 1939.

[3] Н. А. Кулик. Поездка в Большеземельскую тундру летом 1910 г. Пгр., 1915. — Он же. Предварительный отчет о поездке в Большеземельскую тундру летом 1910 г. Зап. Минералог. общ., 2 серия, ч. 51, Пгр., 1915.

Обработка и формы каменных орудий здесь почти тождественны. То же самое можно сказать и в отношении керамики, которая обнаруживает большое сходство с керамикой остальной части Большеземельской тундры. Если сравнить керамику по орнаменту, то некоторые сосуды оказываются почти с тем же рисунком, оттиски гребенчатого орнамента сделаны чуть ли не одним и тем же штампом, имеющим форму овала, четырехугольника, треугольника и мелкозубчатым штампом. Насечки последнего расположены параллельными рядами или косо и зигзагообразно.

Ямочный орнамент на большинстве сосудов расположен в один ряд, на одинаковом расстоянии, обычно в самом верху венчика, и только некоторые сосуды несли парные ямки. Другие сосуды имели дополнительные ямки, которые всегда наносились ниже общего ряда ямок. Только редкие сосуды имели ямки в два и в три ряда. Такие сосуды в небольшом количестве были обнаружены и на стоянках центральной части Большеземельской тундры. Исключением являются два сосуда 21-й стоянки, на которых гребенчатый орнамент был нанесен и на внутренней стороне. Подобных сосудов с отпечатками на внутренней стороне на остальных стоянках Большеземельской тундры нами найдено не было.

У большинства сосудов орнамент наносился в самой верхней их части и только на некоторых гребенчатый орнамент был нанесен и на боковых частях сосуда.

Все сосуды круглодонные и имели прямые, а также слабо или довольно сильно выпуклые стенки, причем сосуды, на которых орнамент был нанесен и на боках, всегда имели прямые стенки. Кроме того, эти сосуды были менее глубокими и не имели утолщенного венчика, который на прочих часто делался более толстым, чем остальная часть сосуда.

Все сосуды изготовлялись без гончарного круга. Толщина черепков колеблется от 3 до 7 мм, причем меньшая толщина всегда приходилась на не имеющие орнамента черепки от донной части. В качестве дополнителя в глину примешивались довольно крупные зерна кварцевого песка и — реже — белой слюды. Обжиг сосудов различный. Некоторые сильно обжигались лишь с одного бока, имеющего яркокрасный цвет, остальная часть окрашена от желтого до серого цвета. На внутренней стороне сосудов встречается штриховка в разных направлениях, повидимому, сделанная пучком травы при сглаживании сосуда, а также отпечатки пальцев, видимо, женских.

По типу орнамента, керамика сосудов всей Большеземельской тундры, если сравнить ее с керамикой беломорских сосудов, обнаруженных В. И. Смирновым,[1] может быть отнесена ко второй и третьей фазам развития северного неолита, причем ко второй фазе нужно отнести сосуды с прямыми стенками, где ямочно-гребенчатый орнамент наносился и на боках (табл. III, *1*, *5*, *6*, *12*, *13*); эти последние извлечены преимущественно из культурного слоя 21-й стоянки.

Большинство остальных сосудов относится к третьей фазе и только некоторые хорошо выполненные, с утолщенным венчиком и сильно выпуклыми боками (табл. II, *7*, *13*; табл. III, *15*) принадлежат, повидимому, к четвертой стадии развития северного неолита, к которой предположительно были отнесены сосуды с ямочно-гребенчатым и ногтевым орнаментом, обнаруженные на стоянках в центральной части Большеземельской

---

[1] В. И. Смирнов. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области. СА, IV.

тундры.[1] Сосудов с ногтевым орнаментом на стоянках в восточной части Большеземельской тундры нами не обнаружено. Возможно, что часть наших сосудов относится к середине первого тысячелетия до н. э., так как в них наблюдается сходство с керамикой, относящейся к ананьинской культуре.

Следует отметить также, что на полуострове Ямал экспедицией Академии Наук в 1935 г. были обнаружены древние стоянки, относящиеся к I—III вв. н. э. Среди большого количества костяных изделий там встречалась и керамика, которая имела форму скифских бронзовых котлов с полой подставкой, небольшое количество каменных изделий в виде наконечников стрел, топоров и т. п, а также несколько бронзовых изделий, служивших в качестве украшений. Хотя об этих находках имеется лишь краткое сообщение, все же можно с уверенностью сказать, что описанные большеземельские сосуды и кремневые орудия в массе своей более древние, чем со стоянки Ямала, где керамика выглядит более поздней.

Датировка наших стоянок отчасти подтверждается большим сходством с некоторыми памятниками эпохи бронзы Приобья.[2] Так, например, керамика, относимая В. Н. Чернецовым к I тысячелетию до н. э., имеет большое сходство с некоторыми нашими сосудами (ср. табл. II, *1*, *3*, *11* с рисунками 2, 14—17 работы Чернецова).[3]

Кроме того, Чернецов указывает, что каменные орудия с данной керамикой встречаются реже, чем с более ранней, и представлены, главным образом, наконечниками стрел и скребками, что мы имеем и на некоторых наших стоянках.

Наконечники стрел с пильчатыми краями, как, например, наконечники, найденные нами в центральной части Большеземельской тундры,[4] имеют сходство с наконечниками погребений Большого Оленьего острова на Кольском заливе, которые датируются А. В. Шмидтом [5] второй половиной I тысячелетия (1000—500 гг.) до н. э.

В коллекции МАЭ, № 1169 (сборов А. В. Журовского в центральной части Большеземельской тундры), среди аналогичных нашим кремневых орудий и керамики имеется один бронзовый трехгранный наконечник стрелы скифского типа. В таком случае и наши стоянки относятся скорее к первой половине I тысячелетия до н. э.

Что касается описанной выше могилы, то амулеты с изображением всадников и кентавров давно известны в литературе и описаны, например, Д. Н. Анучиным.[6] Им указываются, например, круглые прорезные бляхи, состоящие из ободка, заключающего внутри геометрический узор или изображение лошади, оленя, всадника на лошади и лебедя. Последний имеет большое сходство с нашими двумя амулетами такого же размера и с теми же круглыми насечками. Им описываются и другие круглые бляхи, которые изображают человека на лошади с жезлом или мечом в руке, как наша бляха (табл. IV, *12*); изображение полкана или кентавра, стреляющего из лука (табл. IV, *1*), и человека в короне, верхом на лошади, с жезлом или копьем в руке, с крыльями и с каким-то предметом на шее лошади (табл. IV, *5*).

---

[1] Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека на рр. Колва, Колва-вис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре. — Он же. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры.

[2] В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, IX, 1941.

[3] Там же.

[4] Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека на рр. Колва. . . , рис. 25, *2*.

[5] А. В. Шмидт. Древний могильник на Кольском заливе. Матер. Комисс. экспедиционных исслед. АН СССР, вып. 23, 1930.

[6] Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований у Приуральской чуди. Матер. по археологии восточных губ., изд. Моск. археолог. общ., т. III, М., 1899.

Анучин указывает, что подобные вещи часто встречались в могилах остяков (хантов) и вогулов (маньси). Могилы маньси и хантов устраивались неглубоко в земле, и умерший, завернутый в шкуры, помещался в челноке с отпиленными концами и покрытом сверху досками или берестой. В такой гроб клали вещи умершего, среди которых встречались колокольчики, кольца, синие бусы и иногда картинки времен Анны Иоанновны, приобретенные, как указывает Д. Н. Анучин, очевидно, у русских торговцев.

Нахождение этих могил к западу от Урала, как замечает Д. Н. Анучин, указывает на то, что маньси и ханты жили здесь еще лет 200 тому назад. Наши находки тоже показывают, что маньси и ханты, возможно, жили и в восточной части Большеземельской тундры.

А. Л. ЯКОБСОН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АМФОРЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

(Опыт хронологической классификации)

Средневековые амфоры — один из наиболее массовых видов археологического материала; они постоянно и в большом количестве встречаются при раскопках поселений северного Причерноморья, — и тех, которые продолжали развиваться в средние века (как Херсонес), и тех, которые особенно пострадали от гуннского нашествия и лишь доживали свой век (как Боспор, Фанагория). Правильная датировка средневековых амфор имеет поэтому большое значение при исследовании этих городов, ибо нередко дает ориентировку в сложных напластованиях поздней поры их существования.

Между тем, хронология и хронологическая классификация этого рода материала еще слишком слабо разработана. Именно в силу этого материал из средневековых слоев городищ часто остается без определения и исследования; он лежит мертвым капиталом в фондах наших музеев: не имея обоснованной даты, он лишен значения исторического источника.

Настоящая заметка имеет цель практическую и вспомогательную — дать, хотя бы в предварительном виде, хронологическую классификацию средневековых амфор на основании довольно обширного и более или менее определенно датированного материала из раскопок городов северного Причерноморья и примыкающих к нему районов юго-востока.

1

Особенно неблагополучно обстоит дело с раннесредневековыми амфорами, бытовавшими с V по VII—VIII вв. Этот материал в большинстве случаев относят к позднеантичному времени, соответственно определяя и тот слой, в котором такие амфоры находили. Вот почему, например, в отчетах о раскопках Херсонеса мы не найдем ясно выделенных раннесредневековых слоев; они целиком объединялись с так называемыми «позднеримскими». Это в значительной мере объясняется тем, что сами формы раннесредневековой керамики, в частности и амфоры, действительно столь похожи на позднеантичные, что легко могут быть приняты и принимались за таковые: исследователи нередко больше доверяли внешнему сходству керамики, чем стратиграфии находок и сопровождающему их материалу. Немалое значение имело и то, что редко удавалось восстановить формы целиком, ибо встречавшиеся фрагменты были слишком недостаточны для этого.

Теперь в нашем распоряжении уже имеются довольно прочно датированные амфоры из раннесредневекового слоя Херсонеса. Одна из таких амфор найдена при раскопках 1947 г. одного из северных прибрежных

кварталов города в раннесредневековой кладовой (пом. 6), использовавшей винодельню римского времени. Винодельня функционировала до середины IV в., а кладовая существовала в V в. и до середины VI в., что определяется монетными находками в засыпи, покрывавшей эту кладовую (здесь найдены монеты имп. Зинона, Анастасия, Юстина I и Юстиниана I).[1] Амфора, таким образом, вероятнее всего относится к V—началу VI в. Она отличается большими размерами (выс. около 90 см), изготовлена из желтой глины, имеет конический гладкий корпус, острое дно и прямое горло (венчик не сохранился); ручки — овальные в сечении, с продольным желобком (рис. 1, *1*).

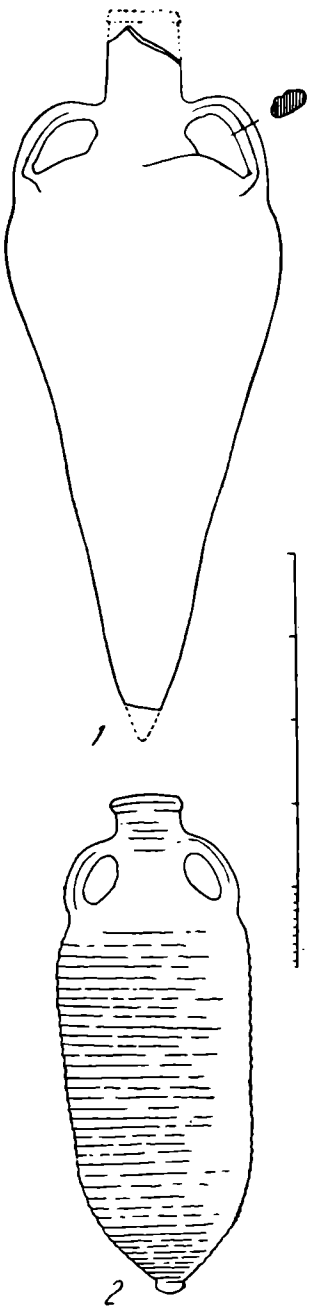


Рис. 1.

1 — амфора из Херсонеса. участок раскопок 1947 г., пом. 6; *2* — амфора из музея в г. Курске.

Несколько аналогичных амфор того же времени найдены на том же участке раскопок 1947 г.,[2] в пом. 16, являвшемся кладовой дома. Раннесредневековую дату кладовой, или, вернее, одного из ранних периодов ее существования, определяют многочисленные монеты IV и V вв. (Константина Великого, Валента, Феодосия I, Льва I, Зинона, Анастасия), лишь одна монета относится к I в. н. э., две — позднеримские (IV в.).[3] Датирующими слой являются, очевидно, позднейшие из этих монет, т. е. монеты V в., которых было большинство. Раннесредневековую дату подтвердили и находки фрагментов краснолаковых блюд; на одном из них — вдавленный штампом равноконечный крест. В этом слое найдено не менее 15 раздавленных амфор, лежавших в беспорядке, некоторые одна над другой.

Наблюдаются два типа амфор. Большинство (10—11 экз.) по своему типу примыкают к амфоре из пом. 6, но отличаются меньшими размерами (высота их до 60 см); они красноглиняные (лишь одна — палевого цвета), бороздчатые, имеют сравнительно высокое горло, слегка суживающееся кверху, распластанный венчик (иногда с врезной перетяжкой), небольшие массивные ручки, примыкающие к верхней части горла; ручки — овальные в сечении, с выпуклым продольным ребром. Все эти амфоры — остродонные, но без расширения на конце, как на амфорах III—IV вв. (рис. 2, *3*, *4*).

В качестве варианта отметим бороздчатую амфору из экспозиции Херсонесского музея, беспаспортную, со слегка грушевидным корпусом, также остродонную (рис. 2, *5*).

Простое сравнение херсонесских амфор с позднеантичными амфорами северного Причерноморья (III—IV вв.), например из Танаиса,[4] ясно показывает характер изменений, которые с те-

[1] Г. Д. Белов. Античный дом в Херсонесе. ВДИ, 1950, № 2, стр. 118.
[2] См. краткий отчет о раскопках этого года в КСИИМК, XXXV, 1950.
[3] Определения Л. Н. Беловой.
[4] Т. Н. Книпович. Танаис. Л., 1949, рис. 28, *а*.

чением времени были выработаны: форма корпуса стала приближаться к яйцевидной, ручки стали меньше и как бы прижались к корпусу, горло расширилось.

Амфоры другого типа из той же кладовой — также красноглиняные и бороздчатые: они больше по размеру (выс. около 80 см), имеют грушевидный корпус, округлое днище, высокое горло и широкий венчик в виде валика, высокие ручки, вертикально поднимающиеся от плеч и горизонтально примыкающие к верхней части горла; в сечении ручки почти округлые с глубоким продольным желобком (рис. 2, *8*). Этот тип также в основном удерживает непосредственно предшествующие позднеантичные формы (III—IV вв.), известные на Боспоре и Ай-тодоре.[1] Все они бороздчатые, имеют удлиненный яйцевидный корпус, заостренное днище, вытянутое горло, венчик в виде валика; форма ручек близка к только что описанным. Вместе тем ясно выступают и существенные отличия херсонесских амфор V в., особенно грушевидность корпуса и округленность днища. Таким образом, оба типа амфор из пом. 16 представляют собой звено дальнейшего развития позднеантичной амфоры, но уже в средневековый период — в V в.[2]

В V и VI вв. бытовали и другие типы амфор, резко отличающиеся от античных. Один из них представлен на рис. 3, *9*. Амфора имеет большие размеры (выс. около 60 см), корпус ее цилиндрический, дно округлое, широкое горло заканчивается прямым венчиком (наподобие стоячего воротничка) или слегка наклоненным вовнутрь; ручки — массивные, кольцеобразные, в виде ушек. Характерной чертой этих амфор (хотя и не всех экземпляров) является глубокое и частое рифление верхней части корпуса (бороздки рифления дают в сечении зигзаг) (рис. 3, *10*). Фрагменты таких амфор часто встречаются в раннесредневековом слое Херсонеса — как в дореволюционных раскопках,[3] так и в новейших.[4]

Почти целый экземпляр, но без паспорта, находится в экспозиции ГХМ. Аналогичная амфора с незначительными отличиями найдена при раскопке жилища в сел. Ягнятин Житомирской обл.[5] Судя по специфической форме и крупному размеру, амфоры эти имели, вероятно, специальное назначение, для определения которого пока нет данных.

Бытовали и уменьшенные варианты таких амфор, предназначавшихся для масла и вина, полностью удерживавшие формы позднеантичные — IV в. Они имеют более узкий и пропорционально более короткий цилиндрический корпус, короткое и узкое горло, выделенный узкий венчик и широко расставленные, как бы оттопыренные ручки (рис. 3, *11*).[6]

---

[1] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. Л., 1934, стр. 48. — О. Э. Ланговая. Позднеримские амфоры из Мирмекия. СА, VII, 1941, стр. 290. — В. Д. Блаватский. Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 327.

[2] Впрочем, изменения эти, вероятно, не сразу сказались. Так, амфора Курского музея, найденная, по справке Музея, в Судже (рис. 1, *2*) и, быть может, синхронная известному Суджинскому кладу, т. е. относящаяся к V в., целиком повторяет упомянутую амфору IV в. из Мирмекия (СА, VII, стр. 290).

[3] Например №№ 2616/11, 3315/09 (хранятся в фондах ГХМ).

[4] На участке раскопок 1935 г. — в колодце *Б* с монетами Зинона и Юстиниана (см.: Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. Севастополь, 1938, стр. 272—273, рис. 109) и на участке раскопок 1948 г. (в раннесредневековом слое).

[5] Публикация Е. В. Махно (Археологічні памьятки УРСР, I, 1949, табл. II, 7; стр. 167, 169). Корпус амфоры имеет легкое расширение книзу, как у позднеантичных амфор (ср.: Т. Н. Книпович. Танаис, рис. 28, *б*).

[6] Целый экземпляр, беспаспортный, находится в экспозиции ГХМ. К этой группе следует отнести и амфору, изданную Н. Петровым (Достопримечательности музея Киевской духовной академии, вып. IV—V, табл. XI).

Другим вариантом являются подобные, также небольшие амфоры с цилиндрическим корпусом, узким горлом и узким венчиком, но с той

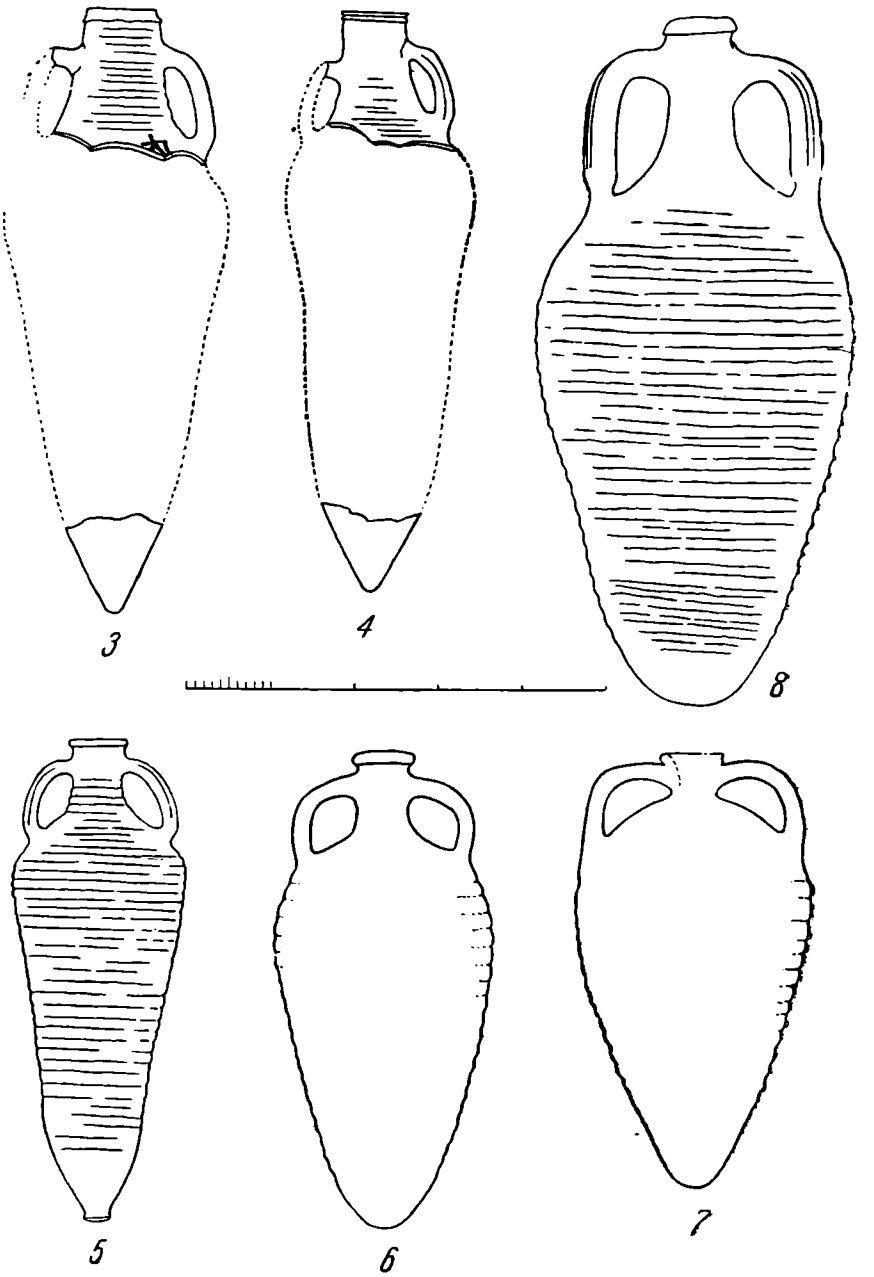


Рис. 2. Амфоры V—VII вв.

3 и *4* — из Херсонеса, пом. 16, раск. 1948 г.; *5* — из Херсонеса, без паспорта; *6* — из Агойского могильника (Карповка, Кавказское побережье Черного моря), погребение № 1 (по А. А. Миллеру); *7* — из случайных находок на Кадошском мысе близ Туапсе (по рис. М. И. Артамонова); *8* — из Херсонеса, пом. 16, раск. 1948 г.

отличительной особенностью, что днище их резко сужается книзу, заканчиваясь как бы стержнем, а ручки уменьшены и прикреплены к горлу (рис. 3, *12*).[1] Аналогичная амфора (выс. 58 см), в которой

[1] Целый экземпляр дали раскопки Тиритаки в 1940 г. (№ 145).

хранилась нефть, найдена была в 1939 г. в Тиритаке;[1] совершенно такая же, но меньшего размера (45 см высотой) и без паспорта, хранится в Новочеркасском музее (рис. 3, *13*). Корпус обеих амфор имеет легкий перехват в средней части (для удобства ношения на плече), а небольшие ручки близки изображенным на рис. 3, *11*.

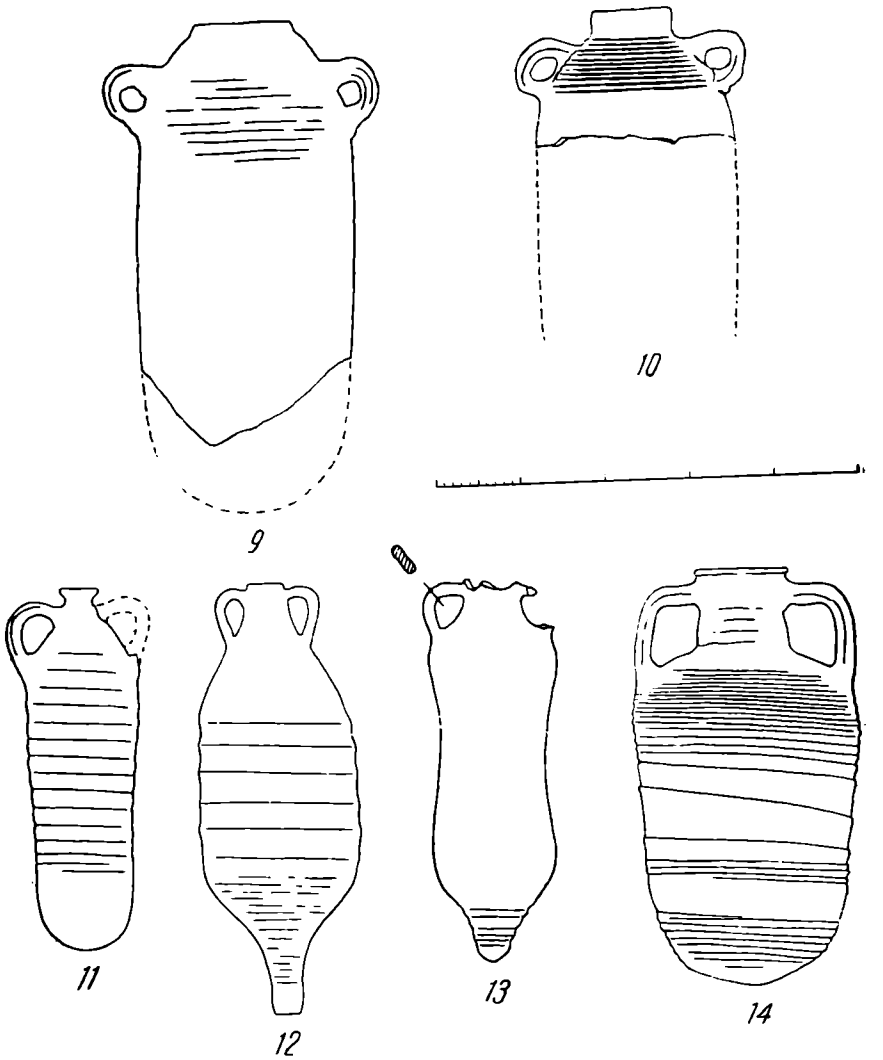


Рис. 3. Амфоры V—VII вв.

9 — из Херсонеса, без паспорта; *10* — из Херсонеса. № 2616 11; *11* — из Херсонеса, без паспорта; *12* — из Тиритаки, раск. 1940 г., № 165в; *13* — из Новочеркасского музея (Ростовск. обл.). № 595; *14* — из Херсонеса, пом. 6, раск. 1947 г.

Форма такого рода амфор выработана была, как сказано, в позднеантичный период и, судя по материалам из городов Боспора, в IV в. была там довольно распространенной. Вместе с тем такие амфоры, особенно второго из названных вариантов (рис. 3, *12*, *13*), продолжали бытовать и в следующем столетии: верхние части этих амфор с типичными, как бы оттопыренными ручками, довольно часто встречались в ранне-

[1] Издана В. Ф. Гайдукевичем [ВДИ, 1940, № 3—4 (12—13), стр. 313].

средневековых слоях Херсонеса.[1] Близкой аналогией остродонной амфоры, изображенной на рис. 3, *12*, может служить амфора Керайона на о-ве Самосе, также относящаяся к раннему средневековью.[2]

Из всей этой серии круглодонные амфоры с грушевидным корпусом являются как бы исходным пунктом всего дальнейшего развития форм средневековой тары северного Причерноморья.

Хронологически ближайшее звено дает амфора VI—VII вв. из пом. 6 участка раскопок 1947 г., найденная в засыпи, покрывавшей раннесредневековую кладовую (рис. 3, *14*). Дата амфоры определяется не только сопровождающим керамическим материалом [3] и стратиграфией находки, но и монетами — конца IV в., V в. (имп. Зинона) и VI в. (имп. Юстиниана I); [4] очевидно, что и в данном случае датирующее значение имеют последние, т. е. монеты VI в. Амфора эта также круглодонная, бороздчатая (по фактуре ее особенно хорошо видна ленточная техника изготовления); корпус ее укоротился и приобрел яйцевидную форму со слабым сужением книзу; вся она уменьшилась, укоротилось и горло, а соответственно и ручки.

Эти небольшие амфоры были, повидимому, наиболее употребительными в раннесредневековых городах северного Причерноморья. В Херсонесе находки их [5] довольно многочисленны как из раскопок советского времени,[6] так и из дореволюционных.[7] Совершенно аналогичные амфоры известны и из раскопок Фанагории [8] и боспорских городов — Мирмекия [9] и Тиритаки.[10]

К этой группе можно присоединить и своеобразную амфору из раннесредневекового некрополя (VI—VII вв.) близ Агойского аула (Карповки) на Кавказском побережье Черного моря [11] (рис. 2, *6*) и амфору из случайных находок на Кадошском мысе близ Туапсе [12] (рис. 2, *7*). Впрочем, обе выделяются среди остальных, синхронных им: остродонность придает им несколько архаический облик и сближает их с амфорами V в. (рис. 2, *5*).

Следует подчеркнуть, что именно рассмотренный тип амфор с продолговатым круглодонным корпусом оказался наиболее устойчивым в северном Причерноморье и тесно с ним связанных юго-восточных степных районах. С теми или иными изменениями, иногда незначительными,

---

[1] № 2927/10 (из раннесредневекового некрополя), № 35696 из раскопок 1936 г. и из раскопок 1948 г. у западной крепостной стены на стыке 1-й и 2-й куртин, в слое, стратиграфически связанном с этой стеной, датируемой концом V и первой половиной VI в.

[2] A. M. Schneider. Samos in frühchristlicher und byzantinischer Zeit. Mitteil. des deutsch. archäolog. Instituts, Athenische Abteilung, LIV, 1929, табл. XLVIII.

[3] Обломки краснолаковых блюд, фрагменты амфор с глубоким и резким рифлением (от амфор типа, изображенного на рис. 3, *9*, *10*).

[4] Г. Д. Белов, ук. соч., ВДИ, 1950, № 2, рис. 15.

[5] Преимущественно во фрагментах, из которых учитываются только те, что дают представление о форме сосуда.

[6] Например № 1208/31 (в цистерне, пом. 17), № 488/32 (в цистерне), №№ 845, 863, 864/34 (в пом. IV), № 433/35 (найдена с с.-в. стороны базилики VI в., в слое, синхронном ей, т. е. слое VI в.). Аналогичные амфоры (верхние части их) были найдены в 1948 г. при раскопках западной линии крепостной стены, на стыке 1-й и 2-й куртин с тыльной их стороны, в нижнем горизонте напластований, стратиграфически связанных с кладкой этой стены, относящейся, вероятно, к VI в., что устанавливается типом квадровой кладки.

[7] Например № 334/11 в вырубе под протейхизмой западной стены, датируемой VI в.; № 2927/10 (из некрополя).

[8] Из раскопок 1939 г., Сеп./I штих 1, №№ 25, 698, 734 (хран. в МИИ, в Москве).

[9] Из раскопок 1936 г., раскоп *Б*, слой 2, № 1439 (хран. в ЛОИИМК).

[10] Из раскопок 1932—1934 гг. См.: МИА СССР, вып. 4, 1941, стр. 56, рис. 81.

[11] ПАК, вып. 33, рис. 19 (стр. 89).

[12] По материалам М. И. Артамонова.

эта форма удержалась до IX в. включительно и уже известна во многих образцах из восточной части Крыма, Нижнего Подонья и из поселений степной полосы — так называемых «салтово-маяцких».

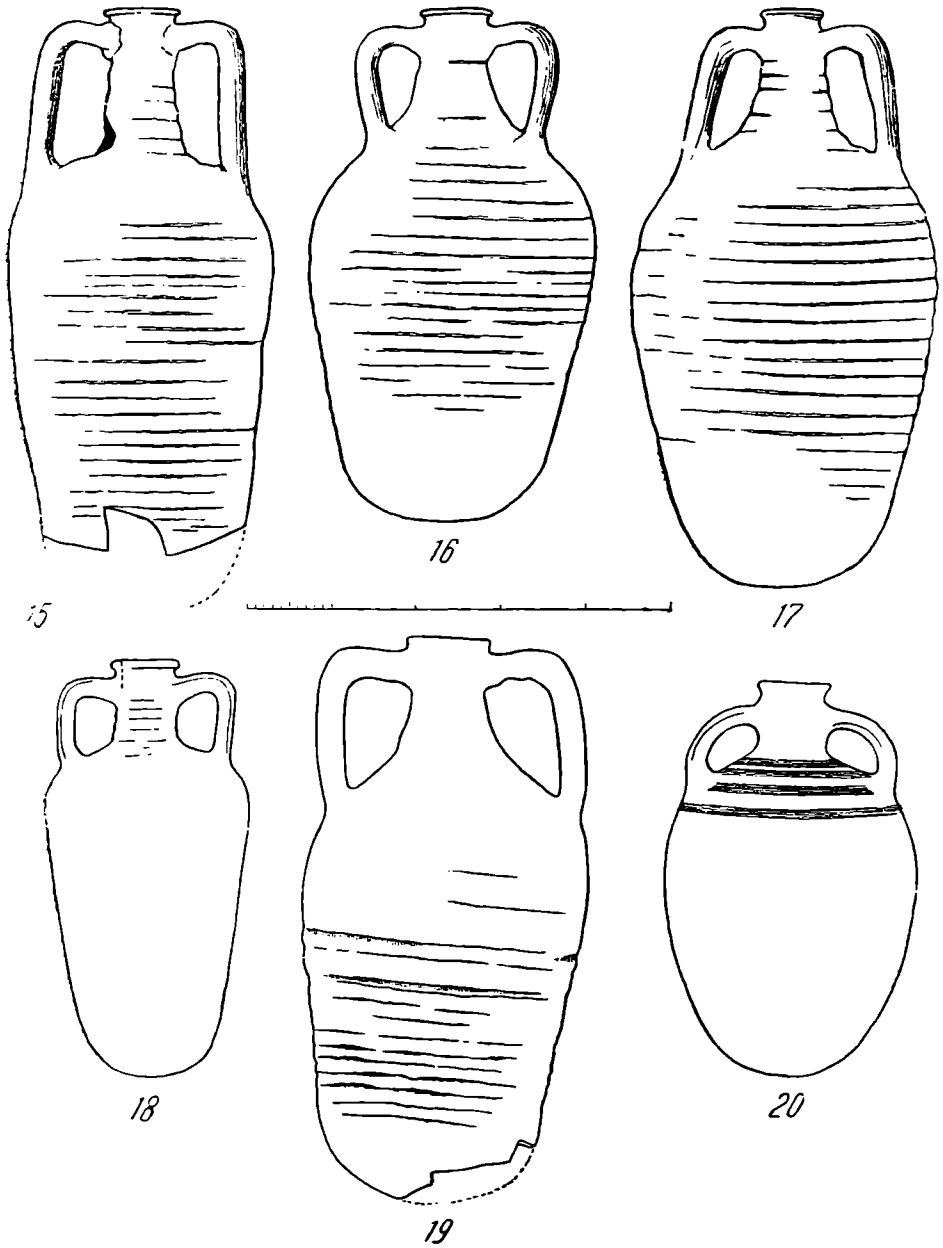


Рис. 4. Амфоры VIII—IX вв.

15, *16*, *17* — из городища Верхнее Салтово; *18* — из ст. Кривянской (Новочеркасский музей); *19*—из Тамани, раск. 1931 г., № 276-97; *20* — из ст. Пролетарской (на Маныче) (Новочеркасский музей). Даны по рис. М. И. Артамонова.

Трудность изучения этих более поздних разновидностей амфор V—VII вв. проистекает из-за отсутствия надежно датированных изделий. Особенно важен материал из раскопок Верхне-Салтовского городища, где открыта и гончарная мастерская, вырабатывавшая такие амфоры (рис. 4, *15*, *16*, *17*).[1] Соответственно основному материалу из Салтовского

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. Л., 1935, рис. 35. — В. А. Бабенко. Памятники Хозарской культуры на юге России. Тр. XV АС, I, 1914, стр. 468—469.

городища и могильника, амфоры следует датировать по преимуществу VIII в., может быть частично IX в.; более точных данных для датировки мы не имеем. Близкую форму имеет амфора, найденная близ ст. Кривянской (рис. 4, *18*) и на Тамани (рис. *4*, *19*).[1]

Все эти амфоры имеют продолговатый корпус, округленное днище, довольно высокое горло и ясно обозначенный, немного отогнутый венчик; ручки поднимаются почти вертикально и прикреплены к горлу ниже венчика; корпус — бороздчатый.

Намечается и хронологически последующая группа амфор, представленных частично или полностью сохранившимися экземплярами из рас-

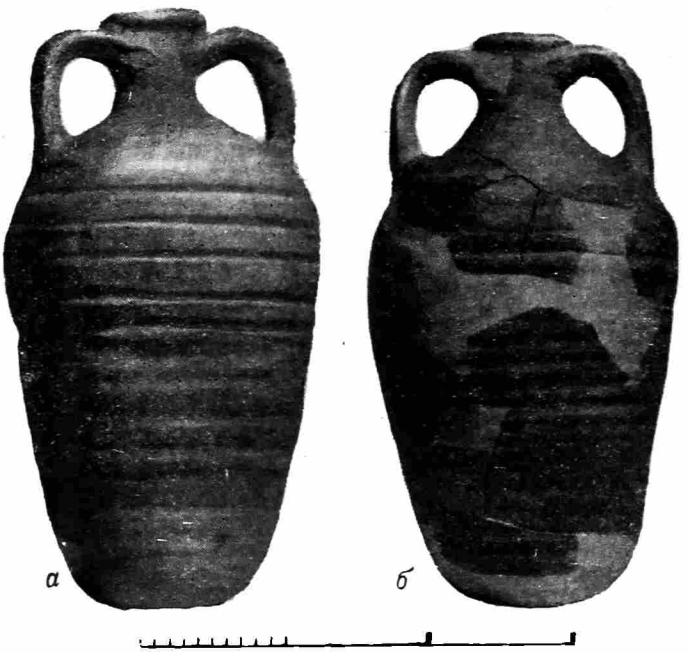


Рис. 5.

а — амфора из Тиритаки, раск. 1946 г. (инв. № Л.406);
б — амфора из Саркела, раск. 1949 г.

копок Тиритаки[2] (рис. 5, *а*), Коктебеля[3] (рис. 6, *21*), на Тамани[4] (рис. 6, *22*) и из городищ в районе ст. Цымлянской (левобережного Саркелского и Потайновского)[5] (рис. 5, *б*). Некоторыми чертами эти амфоры отличаются от собственно салтовских; корпус их пропорционально еще более укоротился, горло также укоротилось, ручки (овальные в сечении) прикреплены непосредственно под самым венчиком, почти не выделенным. Поверхность амфор бороздчатая, хотя встречается и сглаженная (в Саркеле).

---

[1] Из раскопок 1931 г., горизонт II, раскоп II, № 276-97.

[2] См.: В. Ф. Гайдукевич. Памятники раннего средневековья в Тиритаке. СА, VII, 1940, стр. 203. — Другая, почти такая же, опубликована И. И. Ляпушкиным (Славяно-русские поселения на Дону и Тамани. МИА СССР, вып. 6, 1941, табл. XI, *8*).

[3] См.: Н. С. Барсамов. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1929—1931 гг. Феодосия, 1932, табл. V, *2*. — О неверной датировке керамического материала из Коктебеля, в том числе и амфор, см.: И. И. Ляпушкин, ук. соч., стр. 227—228.

[4] Из раскопок 1931 г., горизонт II, раскоп II, №№ 145—234. Другая подобная амфора оттуда же опубликована И. И. Ляпушкиным (ук. соч., табл. III, *2*). От других таманских амфор она отличается лишь более округлым изгибом ручек.

[5] М. И. Артамонов, ук. соч., рис. 32 и 34. — Одну такую амфору из раскопок Саркела в 1949 г. удалось склеить (рис. 5, *б*).

Своеобразным вариантом этой формы выглядит амфора, найденная близ ст. Пролетарской на Маныче (хранится в Новочеркасском музее). Корпус ее округло-яйцевидный (в точном смысле слова), ручки плавно спускаются на плечи; верхняя часть корпуса украшена четырьмя зонами

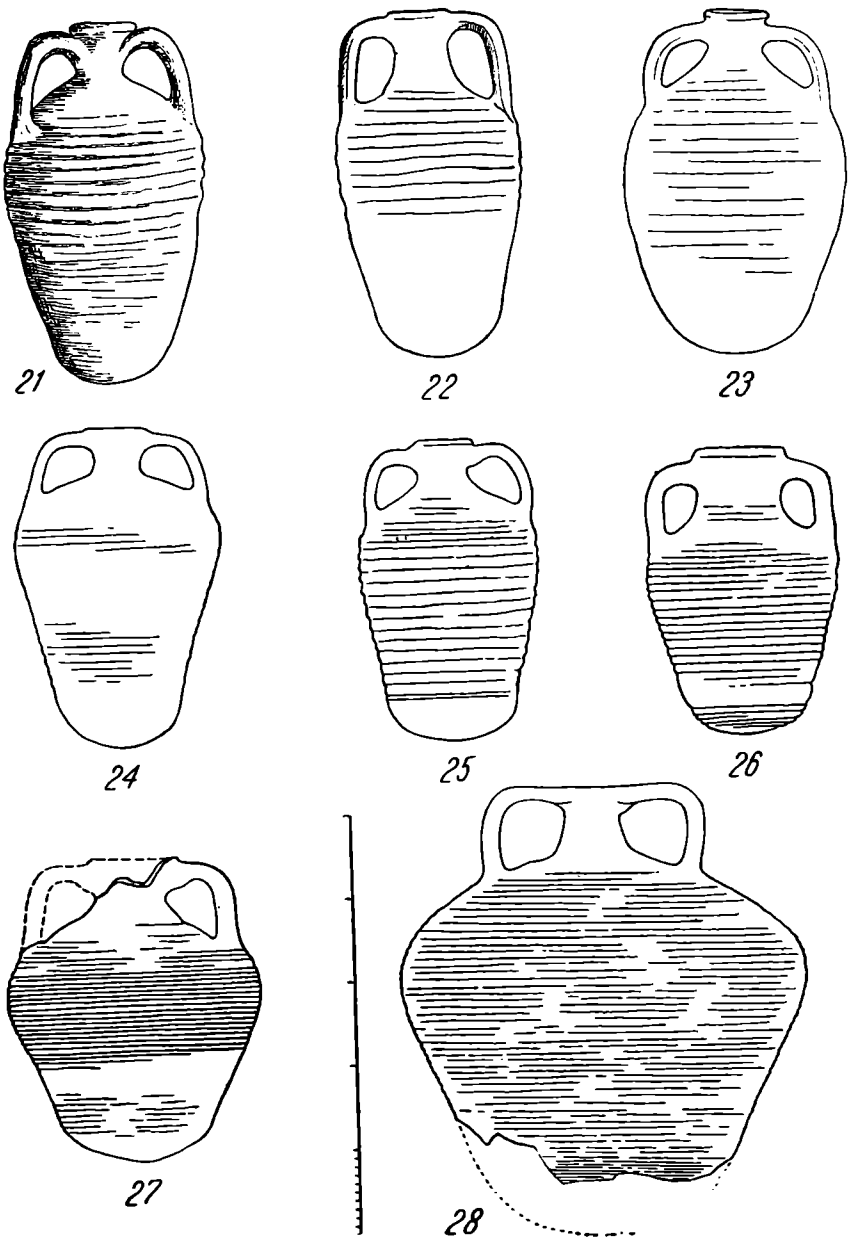


Рис. 6. Амфоры IX—X вв.

21 — из Коктебеля, раск. 1929 г. (по Н. С. Барсамову); *22* — из Тамани, раск. 1931 г., №№ 145—234; *23* — из Гнездовского могильника, раск. 1949 г. (по Д. А. Авдусину); *24* — из Херсонеса, амфора была заложена в стену храма № 9 в западной части городища; *25* — из Херсонеса, № 3290/08; *26* — из Херсонеса, № 3145 инв., 1925 г.; *27* — из Саркела, раск. 1949 г.; *28* — из Херсонеса, раск. 1940 г., из ямы под черепицеобжигательной печью.

мелкого линейного рифления; остальная поверхность гладкая (рис. 4, *20*).

К этой же группе следует присоединить и амфору с русской надписью гороухща, найденную в 1949 г. в Гнездовском могильнике (близ Смо-

ленска) — в захоронении начала X в.[1] (рис. 6, *23*), очень близкую по форме к приведенным амфорам из Тиритаки, Коктебеля, Саркела и Пролетарской.

Такого рода амфоры, происходящие из Саркелского городища, связаны исключительно с нижними его слоями, принадлежащими хазарскому периоду Саркела, и относятся, соответственно этому, ко времени не ранее второй половины IX в. и не позднее первой половины X в. Правильнее говорить именно о IX в., ибо в следующем столетии по всему обширному району северного Причерноморья, как и в Саркеле, господствующей и, собственно, единственно бытующей, становится уже иная форма амфоры, хотя генетически и связанная, притом непосредственно, с только что описанными формами. С другой стороны, эти амфоры и не древнее IX в., на что указывает факт совместной находки с ними (как на Коктебельском городище и в Тиритаке,[2] так и в Саркеле [3]) высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, изготовлявшихся, как это бесспорно показывают раскопки Херсонеса, лишь в IX и X вв.; ранее IX в. такие кувшины не встречаются вовсе (о них см. ниже). Не встречаются они и на салтово-маяцкой группе поселений, не говоря уже о роменских. Амфора из Гнездова (вероятно привозная), найденная в погребении начала X в. (на что указывают монетные находки), подтверждает предложенную датировку этой группы амфор в основном IX в.

Приведенный материал показывает, что вся рассмотренная группа амфор, бытовавшая в VIII—IX вв., не однородна. Отмеченные различия заставляют расчленить ее на два варианта, две подгруппы, хронологически следующие одна за другой.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в таком крупном, по масштабам Крыма, средневековом городе, как Херсонес, эти амфоры, особенно второго варианта, не были распространены и для него не характерны. Такое явление вряд ли случайно. Оно может указывать на отсутствие производства рассмотренных амфор в Херсонесе VIII—IX вв., а с другой стороны, такое явление, возможно, объясняется тем, что районы, где производились эти амфоры — восточная часть Крыма, Таманский полуостров, Салтово — были в то время (VIII—IX вв.) слабо связаны с Херсонесом, ослабленным тогда упадком своей экономики и временно утратившим значение ремесленного центра.

За всей группой амфор VIII—IX вв. в литературе упрочился термин «салтовский тип».[4] Однако распространенность их не только в степных поселениях салтово-маяцкой группы, но и в собственно северном Причерноморье делает этот термин весьма условным. Более того, для второй подгруппы описанных амфор, не встречающихся среди известного материала собственно салтово-маяцких поселений, этот термин и вообще не правомерен.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что рассмотренные амфоры носят специфически местный характер: за пределами северного Причерноморья и примыкающих к нему районов степного юго-востока они не встречаются; не характерны они и для Византии.

2

Можно констатировать любопытный факт: чем позднее, тем ограниченнее становится ассортимент крупной керамической тары. Разнообразие

---

[1] Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. Вестн. Акад. Наук СССР, 1950, № 4, рис. 3 (к стр. 73).

[2] И. И. Ляпушкин, ук. соч., стр. 227 и табл. XI, 9.

[3] Там же, стр. 208, 227.

[4] То же.

раннесредневековых амфор уступает место одному-двум видам, господствующим повсеместно почти без изменений. Возможно, что это стоит в связи с расширившимся производством их в ремесленных центрах северного Причерноморья (в первую очередь Херсонеса), вступивших в X в., как известно, в полосу определенного хозяйственного подъема. В противоположность им, лесостепные и степные районы с поселениями роменской и салтово-маяцкой культур, если и существовали в X в., то находились в это время, повидимому, в глубоком упадке, что нельзя не связать с нашествием печенегов и падением Хазарского каганата.[1] Понятно, что новые формы керамики здесь уже не вырабатывались и не исходили оттуда; вообще сомнительно, продолжалось ли там их ремесленное производство. Развитие ремесла в собственно причерноморских центрах в X в., в частности расширение производства керамической тары, могло вызвать и некоторую стандартизацию продукции, сбывавшейся не только на месте, но и распространявшейся (именно в качестве тары) в тех областях, с которыми существовали торговые связи, например на нижнем Дону.

Насколько ограничен ассортимент амфор IX—X в., показывает рис. 4. По сути дела, речь может итти лишь о двух видах домашней тары, притом без каких-либо разновидностей (рис. 6, *24—28*).

Это небольшие амфоры (выс. 35—40, диам. 22—25 см; у некоторых экземпляров достигает 30 см) темнокрасного (кирпичного) обжига; слегка грушевидные, бороздчатые, со скругленным днищем, коротким и более или менее широким горлом; массивные ручки, почти круглые в сечении, поднимаются от плеч, имеют угловатый перегиб и присоединяются к горлу под самым венчиком, почти не выраженным. Отличительной особенностью этих амфор, в сравнении с предыдущим видом, является, помимо кирпичного цвета черепка, и укороченный корпус, вследствие чего сосуд приобрел приземистые пропорции (рис. 6, *24—27*). Амфоры эти в массе находятся в Херсонесе, где хорошо датируются монетами второй половины IX и X вв., начиная с Василия I и кончая Василием II. Вне слоя с этими монетами они совершенно не встречаются. Только такими амфорами пользовались и в хазарском Саркеле (рис. 6, *27*), где они находятся исключительно в нижнем слое, датируемом временем не позднее X в., причем по некоторым признакам их можно считать привозными (из Тавриды).

Аналогичные амфоры бытовали и в Византии, где они также являлись господствующей формой, как это показали раскопки дворца в квартале Манганы (Константинополь), в той его части, которая была построена Василием I.[2]

В том же Херсонесе и в том же слое изредка встречаются и большие амфоры (выс. 53—55 см), но несколько иной формы, изготовлявшиеся из желтой глины. Они имеют широкий, словно раздутый корпус, покатые плечи и широкое, также округленное днище. Характерной особенностью этих амфор являются уплощенные ручки, соединенные с горлом на уровне его верхнего края (венчик, таким образом, утратился; рис. 6, *28*).[3]

---

[1] См., например: И. И. Ляпушкин. Из истории левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, 1949, стр. 394.

[2] R. Demangel et E. Mamboury. Le quartier des Manganes et la première région de Constantinople. Париж, 1939, стр. 46, 148—149, рис. 198. — Амфоры были употреблены для заполнения шелыг сводов и куполов дворца. Кстати заметим, что одна из херсонесских амфор этого типа (рис. 4, *17*) была применена в кладке храма (№ 9) в западной части городища, очевидно для облегчения кладки.

[3] Один целый экземпляр найден в 1940 г. в яме под черепицеобжигательной печью вместе с описанными амфорами IX—X вв. и кувшинами с плоскими ручками (МИА, вып. 17, 1950, стр. 155, рис. 91). Несколько фрагментов таких амфор встречалось и при старых

За пределами Херсонеса фрагменты таких амфор мне известны только в Саркеле (раскопки 1949 и 1950 гг.). Но и в Херсонесе они редки; наиболее употребительными являлись небольшие красноглиняные амфоры (рис. 6, *24—27*).

Они, и только они, имеют одну примечательную особенность — именно ремесленные клейма на ручках, помещавшиеся на верхней их стороне вблизи горла. Правда, клейма имеются далеко не на всех таких амфорах.

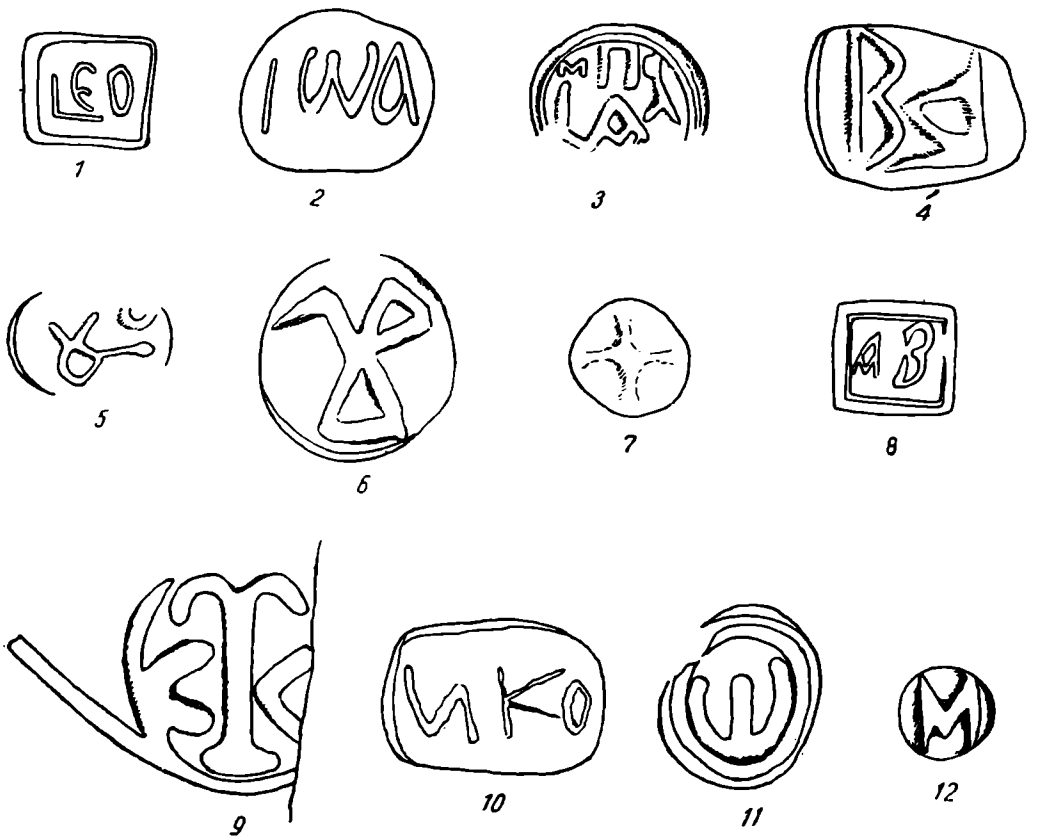


Рис. 7. Клейма на ручках амфор X в.
1—8 — Херсонес; *9—12* — Саркел.

Это обстоятельство пока трудно объяснить, но несомненно, что единственный смысл их — служить именно знаком ремесленника.

Всего мной выявлено 12 различных клейм, из них 8 — из Херсонеса; все они буквенные и представляют собой монограммы или начальную букву имени (рис. 7—9).

Клеймение гончаром своих изделий, причем только амфор, до IX—X вв. не наблюдается.[1] И этот факт, возможно, стоит в связи с развитием ремесленного производства тары в ту пору экономического подъема, хотя более или менее полной характеристики этого явления пока дать невозможно, ибо имеющийся материал, как мы видели, очень ограничен. Можно добавить, что среди аналогичных амфор константинопольского

раскопках. На цельном экземпляре особенно хорошо видна техника выделки таких сосудов. Они изготовлялись частями, затем соединявшимися (с внутренней стороны хорошо видны отпечатки пальцев, идущие по шву соединения днища с корпусом).

[1] Имею в виду только средневековую керамику.

дворца в Манганах имеется немало с подобными же клеймами. По-видимому клеймение тары ремесленниками в IX—X вв. не было явлением узко местным.

Остаются неясными и причины, по которым клеймение тары в дальнейшем прекратилось: на посуде, в том числе и амфорах, последующего времени клейма не накладывались. Ремесленные метки ставились лишь на кровельных черепицах, где они обычны.

Для полноты характеристики керамической тары IX—X вв. отметим и кувшины, представляющие собой наиболее массовый материал из раскопок северопричерноморских городов того времени.

Они тонкостенные, изготовлены из хорошо отмученной глины кирпично-красного обжига. Корпус их высокий (50—60 см) и стройный

Рис. 8. Клейма на ручках амфор X в. из Херсонеса.

(диаметр 16—20 см), резко сужающийся к плоскому днищу; горло — сильно вытянутое и расширяющееся кверху раструбом; венчик всегда ясно выражен (в виде ординарного или двойного ободка). Характерной особенностью таких кувшинов является широкая (иногда до 7 см ширины) и плоская ручка, круто поднимающаяся от начала плечиков корпуса к средней части горла (рис. 10, *29—32*). Кувшины эти были самой распространенной формой домашней тары: в Херсонесе среди керамических находок слоя IX—X вв. (датированного монетами) такие кувшины преобладали.[1] То же показали и раскопки 1949 г. в Саркеле, где эти кувшины, в противоположность амфорам, несомненно изготовлялись на месте.

Некоторые из таких кувшинов снабжали двумя ручками (рис. 10, *30*), тем самым придавая им облик амфоры.

Повидимому, описанная форма этих сосудов не была изначальной и стабильной. На протяжении IX—X вв. она претерпела ряд изменений, прежде чем приобрести окончательную форму. Изменения эти выразились в резком сужении нижней части, которая приобрела характер высокого поддона, благодаря чему сильнее выделилась основная часть корпуса; кроме того, резко повысилось горло, расширяющееся раструбом. Хронология этих изменений пока не поддается точному определению. Можно лишь предполагать, что кувшины со слабо суживающимся корпу-

[1] Например, на участке раскопок 1948 г. только в одном помещении их хранилось до 60 экз., считая по днищам.

сом более древние и относятся к IX в. К этому заключению склоняют некоторые кувшины такой формы, найденные в хазарском слое Саркела (один из них воспроизведен на рис. 10, *29*); они не красноглиняные, а серые и корпусом своим напоминают хазарские сосуды IX в., с которыми, возможно, и связана их форма.

Судя по материалам раскопок в Херсонесе, кувшины с плоскими ручками после X в. вышли из употребления, ибо в более поздних слоях они

Рис. 9. Клейма на ручках амфор X в. из Саркела.

совершенно не встречаются. Некоторую оговорку следует сделать относительно Саркела, где эта форма доживает до XI в.[1]

3

Можно проследить и дальнейшие видоизменения амфоры X в. Развитие выразилось в некотором изменении корпуса амфор, который с течением времени все больше и больше приобретал грушевидность, но главным образом в изменении верхней части амфоры: ручки начали вытягиваться вверх, поднимаясь до уровня венчика, у которого появился резко отогнутый наружу край (напоминая отложной воротничок; см. рис. 10, *33*, *34*). В дальнейшем ручки еще сильнее вытягиваются, выступая над краем сосуда; в сечении ручки уплощенные. Цвет амфор — светлокрасный, иногда оранжевый. Судя по имеющимся фрагментам и целой амфоре

[1] Кувшины с плоскими ручками встречались вместе с амфорами, характерными для XI в. (см. ниже).

из Поднепровья (рис. 10, *33*), поверхность их сглажена и лишена бороздчатости.

Такие амфоры (во фрагментах) обычно встречаются в славянском слое Саркела,[1] где датируются временем в пределах конца X и XI в.,[2] не позднее, ибо следующий культурный слой, по наблюдениям на месте,

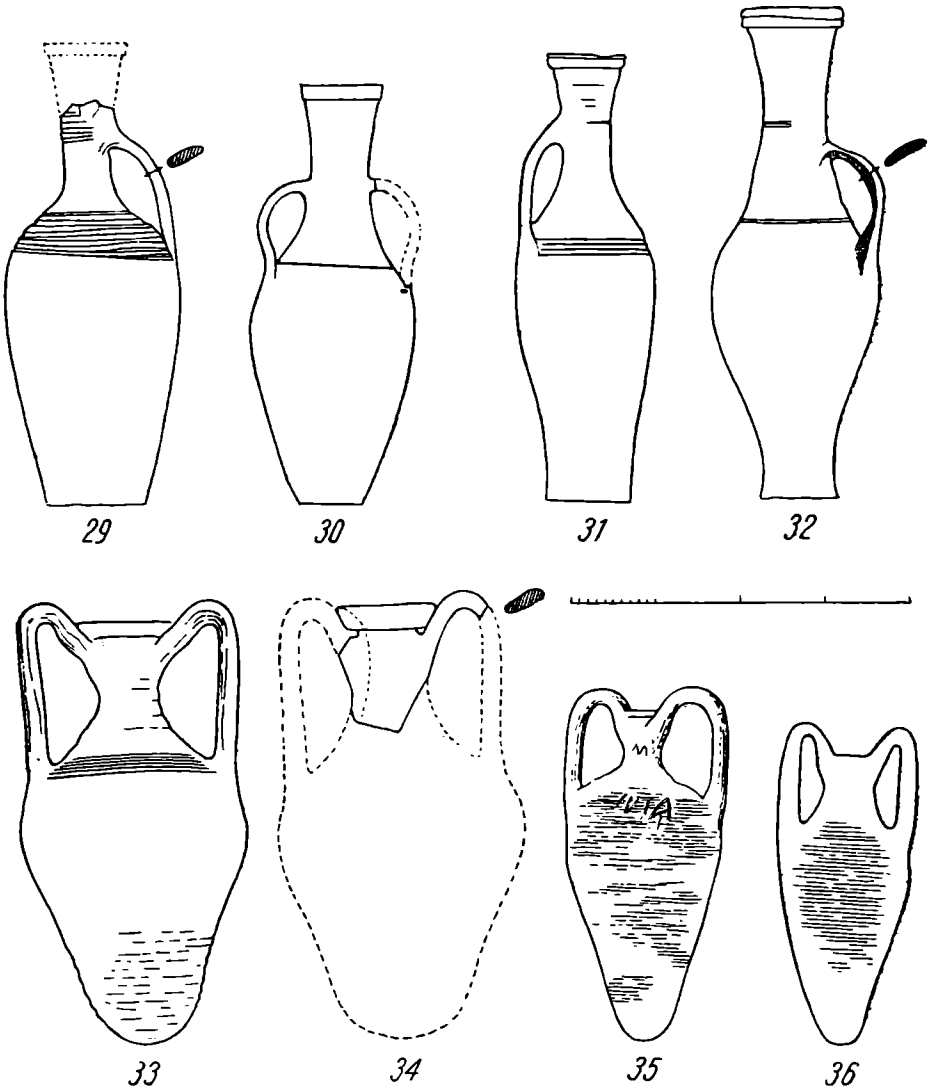


Рис. 10. Кувшины IX—X вв. и амфоры XI—XII вв.

29 — кувшин из Саркела, раск. 1950 г., № II 1324; *30* — кувшин из Херсонеса № 2112/12; *31* — кувшин из Тиритаки; *32* — кувшин из Саркела, раск. 1950 г., № I/2443; *33* — амфора из Поднепровья (по В. Ханенко); *34* — амфора из Саркела (сборы Сев.-Кавк. экспедиции); *35* — голосник из Мстиславова храма 1160 г. во Владимире Волынском (реконструкция М. И. Артамонова по матер. И. Шляпкина); *36* — амфора из Херсонеса, № 3419 08.

характеризуется, как увидим, иными формами, хотя и близкими к только-что описанным. Такую датировку косвенно, с негативной стороны, подтверждает и материал из Херсонеса, где в слоях XII—XIII вв. также преобладают амфоры иного, последующего типа. Цельный экземпляр

---

[1] См.: М. И. Артамонов, ук. соч., рис. 33, *4*, *5*. — И. И. Ляпушкин, ук. соч., табл. IX, *5*, *6*.

[2] И. И. Ляпушкин (ук. соч., стр. 218) относит их к XI—XII вв., однако для XII в. такие амфоры уже не характерны.

амфоры XI в. найден в Поднепровье [1] (рис. 10, *33*): издатель относит их к числу привозных. Можно думать, что у наиболее ранних амфор этой группы ручки возвышались незначительно, не выступая над венчиками.[2] В такой хронологии убеждает и константинопольский материал: как показывают раскопки дворца в Манганах, аналогичные амфоры бытовали вместе с амфорами, типичными для X в. Возможно поэтому думать, что и в северном Причерноморье они появляются еще в X в. (как это намечает и стратиграфия их находок в Саркеле), но все же имели распространение преимущественно в XI в.

Только что охарактеризованный тип грушевидных амфор, у которых уплощенные ручки поднимаются до уровня венчика или немного выступают над ним, был, в сущности, промежуточным и продержался недолго. Как показывает массовый материал из верхних слоев Херсонеса и соседних поселений (Эски-кермен), а также Саркела, к началу XII в. (а возможно, в конце XI в.) на основе этой формы была выработана другая, оказавшаяся более устойчивой, именно форма большой грушевидной амфоры с сильно расширявшимся, как бы вздутым корпусом, всегда бороздчатым и с высоко поднятыми над краем сосуда дугообразными массивными ручками, округлыми в сечении; они имеют довольно резкий перегиб в верхней части и круто спускаются к горлу, утратившему шейку и венчик (рис. 11, *37*, *38*). Размер таких амфор колеблется: по высоте (вместе с ручками) от 33 до 65 см, по диаметру корпуса от 22 до 47 см. Меньшие размеры встречаются редко. Цвет обжига всегда интенсивно красный, до оранжевого.

В верхних слоях Херсонеса, которые можно датировать в пределах XII—XIII вв., отчасти XIV в., такие амфоры преобладают и служили основным видом домашней тары для хранения зерна и мелкой рыбы (хамсы), как это неоднократно было установлено раскопками. В нижележащих культурных слоях такие амфоры не встречались. То же наблюдалось при раскопках 1936—1937 гг. в Эски-кермене,[3] где верхний слой с такого рода амфорами относится к XII и XIII вв.; в конце XIII в., как это выяснил Н. И. Репников, город погиб в результате татарского разгрома орд Ногая.

В Саркеле (славянской Белой Веже) грушевидные амфоры с высоко поднятыми ручками также характерны только для верхнего горизонта славянского слоя, соответствующего последнему периоду жизни города. Этот верхний слой датируется концом XI и XII в.[4] В 1117 г. Белая Вежа, разгромленная половцами, судя по всему, перестала существовать как большое городское поселение.[5]

Тип описанной грушевидной амфоры, повидимому, получил в XII и XIII вв. очень широкое распространение на обширной территории, включая не только собственно северное Причерноморье, но и Подонье

---

[1] Б. и В. Ханенко. Древности Поднепровья, вып. V, табл. XL, 1371.

[2] См.: М. И. Артамонов, ук. соч., рис. 34, *4*, *5*. — И. И. Ляпушкин, ук. соч., табл. IX, *5*. — На такую относительную хронологию уже указывал М. И. Артамонов (там же, стр. 74); теперь намечается и абсолютная хронология подобных амфор.

[3] См.: сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», Л., 1941, стр. 281, рис. 2 (выс. амфоры 65 см).

[4] Основываемся на всем комплексе находок: типично славянской керамике XI—XII вв. (горшки), вятических украшениях того же времени и пр. Некоторые соображения о хронологии этих амфор по подъемному материалу см.: М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 75—76, 109.

[5] В Ипатьевской летописи под этим годом сказано, что «в том же лете придоша Беловежьци в Русь» (ПСРЛ, II, ст. 285). Повидимому, остатки жителей Белой Вежи покинули город и направились в коренные русские земли.

(Белая Вежа, Кобяково городище,[1] древняя Тана, ныне Азов;[2] см. рис. 11, *39*) и Поднепровье: некоторые из древнерусских корчаг воспроизводят форму именно таких амфор, на что указывает корчага, найден-

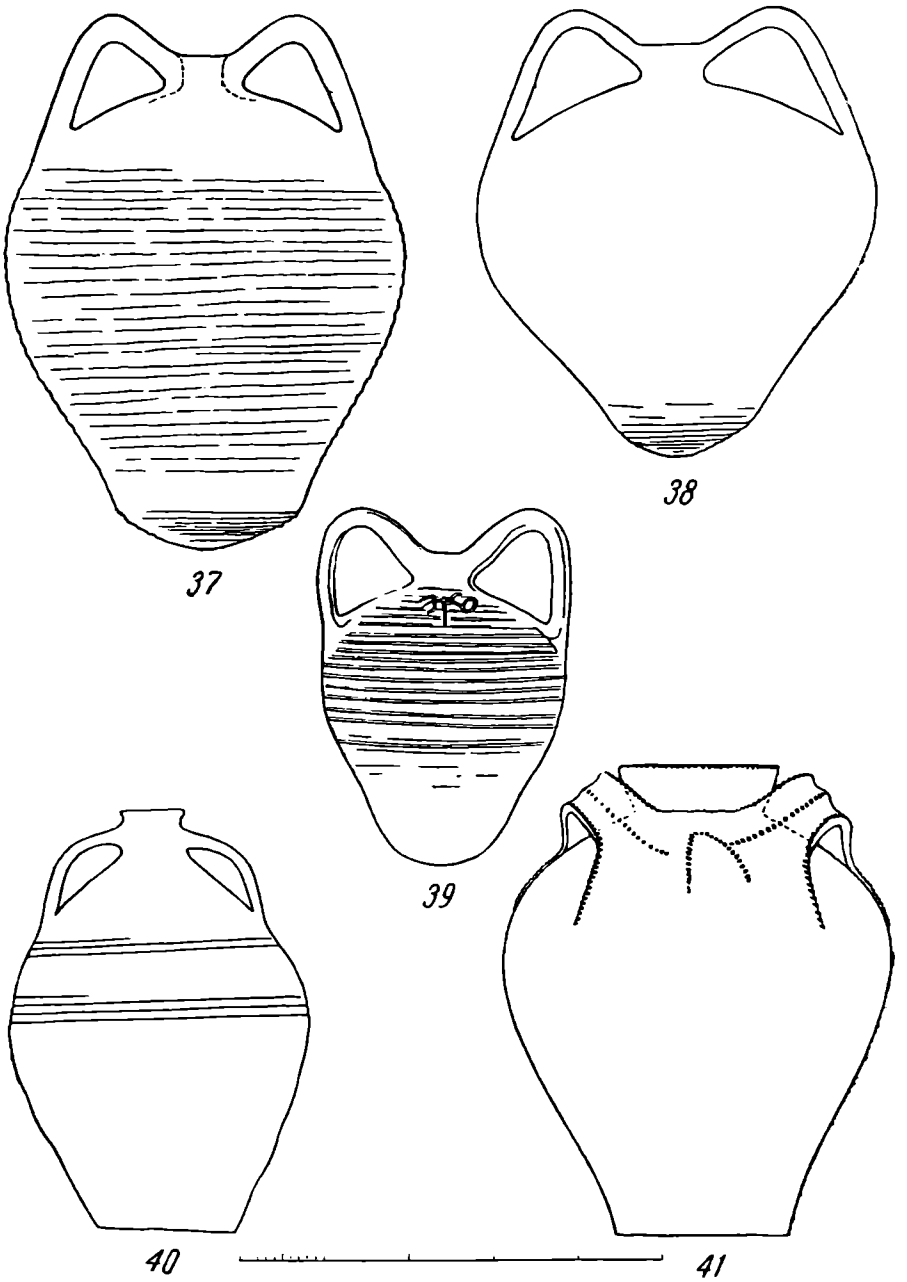


Рис. 11. Амфоры XII—XIII вв.

37 — из Херсонеса, № 1144/40; *38* — из Балаклавы (извлечена со дна залива. Херсонесский музей); *39* — из Азова (Новочеркасский музей); *40* — из Херсонеса, № 554/32; *41* — из Херсонеса, № 553/32.

ная в верхнем слое XII—XIII вв. Ковшаровского городища близ Смоленска, т. е. в верховьях Днепра[3] (форма корпуса яйцевидная), на горо-

[1] См.: М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 107, рис. 43; соображения о дате — стр. 109.

[2] Хранится в Новочеркасском музее Ростовской обл.

[3] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленского Гос. унив., т. III, ч. 3, Смоленск, 1926, рис. 42, стр. 237, 238. О дате — стр. 245

дище Бакожино из раскопок 1930 г.[1] (рис. 12); наконец, в самом Киеве,[2] в частности, из последних раскопок М. К. Каргера (1949) на территории Михайловского монастыря (амфора найдена в землянке, погибшей, вероятно, при нашествии татар).

К той же группе амфор близок и сосуд, оказавшийся заложенным в качестве голосника в Мстиславов храм 1160 г. во Владимире Волынском;[3] размер амфоры небольшой, а корпус более вытянутый, сужается книзу конусом, днище округленное; горло более высокое, ручки также дуговидные и высоко поднятые (рис. 10, *35*, по реконструкции М. И. Артамонова).

Такого рода амфоры представляют как бы уменьшенный и соответственно немного видоизмененный вариант широких грушевидных амфор, вариант, также хорошо известный по раскопкам верхних слоев в Херсонесе, где эти амфоры употреблялись в качестве мелкой домашней тары (преимущественно, вероятно, для жидкостей, в частности, для воды).[4]

Характерной чертой таких амфор является небольшой размер (выс. 38—40 см), узкий корпус и высокие, массивные (овальные в сечении), вертикально поднимающиеся ручки. Поверхность корпуса обычно сглажена, обжиг также интенсивно красный (рис. 10, *36*).

В хозяйственных кладовых позднесредневековых жилых усадеб Херсонеса эти амфоры находятся большей частью совместно с большими грушевидными амфорами и, следовательно, синхронны им. В верхнем (славянском) слое Саркела они также, и притом часто, встречаются в том же сочетании с грушевидными амфорами, но, судя по фрагментам, отличаются от херсонесских бо́льшими размерами. В целом виде такая амфора найдена и на Кавказском побережье Черного моря, где она была использована в качестве урны.

Подобно тому, как из амфоры X в. была постепенно выработана форма большой грушевидной амфоры с высоко поднятыми ручками, точно так же к форме плоскодонных и высокогорлых кувшинов X в. восходит обычная в XII—XIII вв. форма кувшина, большей частью одноручного, но нередко и двуручного также плоскодонного, с плоскими ручками, но более широким гладким корпусом и более высоким горлом (рис. 11, *40*). Корпус их гладкий, иногда в верхней части сосуда украшен зонами мелкого рифления и обычно покрыт ангобом. Генетическая связь таких кувшинов с кувшинами X в. несомненна.

В позднесредневековых слоях Херсонеса,[6] как и в Эски-кермене,[7] такие кувшины были, повидимому, обязательны в каждой жилой усадьбе и вместе с двумя вышеописанными типами амфор являются для XII—XIII вв. характернейшей формой.

В Херсонесе и Эски-кермене в том же позднесредневековом слое изредка встречается и другой, так сказать, парадный, богато украшенный вариант таких сосудов, им вполне одновременный. Сохраняя в основном форму кувшинов, эти нарядные сосуды отличаются, во-первых,

---

[1] Бывш. Сквирский у. Киевской губ. Амфора имеет ту особенность, что днище у нее плоское.

[2] И. Хойновский. Раскопки великокняжеского дворца древнего града Киева. Киев, 1893, табл. XVII, *99*; рисунок не совсем верен.

[3] См.: М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 75.

[4] См., например: МИА СССР, вып. 4, стр. 260, рис. 102.

[5] МАК, II, табл. VI, *4* и стр. 77.

[6] См.: МИА СССР, вып. 4, стр. 248, рис. 83.

[7] См. сб.: «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 281, рис. 1, *4*.

бо́льшими размерами (высота одного целиком склеенного сосуда из раскопок 1932 г. — 56 см, диаметр корпуса — 45 см), во-вторых, наличием трех плоских ручек, которые прикреплены к корпусу не вертикально, а горизонтально близ короткого, слегка расширяющегося кверху горла, окружая его (рис. 11, *41*).[1] Корпус таких трехручных сосудов также гладкий, но в верхней части украшен налепными валиками с насечками; такие же насечки окаймляют край ручек и венчик.

Вне Херсонеса и Эски-кермена, вообще вне Крыма, позднесредневековые кувшины с плоскими ручками мне не известны, если не считать амфору, происходящую из Селитряного на Волге (золотоордынский

Рис. 12. Корчага из Бакожино, раск. 1930 г., XII—XIII вв.

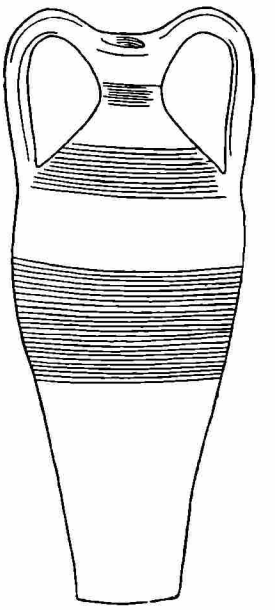


Рис. 13. Амфора из Селитряного, XIII—XIV вв.

город Сарай-Берке), своеобразно сочетающую форму таких кувшинов с амфорой, имеющей высоко поднятые ручки (рис. 13). Насколько распространена была в Поволжье такая форма сосудов и насколько она была характерной для того района, сказать затрудняюсь. По времени она относится, очевидно, к периоду подъема золотоордынских городов Поволжья, т. е. к XIII—XIV вв.

Этим в сущности почти исчерпывается наличный материал по интересующей нас теме.

Половецкий разгром славянского Подонья в XII в., татарское разорение юго-западного Крыма в конце XIII в., в результате которого погиб и Эски-кермен, а затем и Херсонес, — все это катастрофически отразилось на экономической жизни края и его ремесла, включая и гончарное. Монгольское нашествие оборвало экономическое развитие и Киевского государства. Не случайно, поэтому, что новые керамические формы появились и в Крыму и на Руси много позднее.

---

[1] Херсонесский экземпляр издан в МИА СССР (вып. 4, стр. 249, рис. 84); эски-керменский экз. — в сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» (Л., 1941, стр. 281, рис. 3).

Представленный выше материал, охватывающий время с V по XIII в. включительно, конечно, не полон. Хронологически последовательный ряд амфор, одного из наиболее массовых видов керамики, находимой при раскопках, нередко приходилось восполнять предположительно. Но и в таком виде сделанный обзор окажет, полагаем, помощь исследователям в датировке слоев при раскопках средневековых поселений нашего Юга.

Е. П. АЛЕКСЕЕВА

ДОКУМЕНТЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ФОНДАХ ЦГИАЛ

В фондах Центрального Государственного исторического архива в Ленинграде хранятся ценные документы по археологии, почти совершенно неизвестные археологам. С наиболее интересными из этих документов мы и хотим познакомить читателя в настоящем сообщении.

Мы не ставим себе задачу дать исчерпывающую характеристику материалов по тому или иному вопросу. Но наиболее ценные, на наш взгляд, документы попытаемся раскрыть подробнее, о менее ценных упомянем кратко. Документы по археологии имеются как в фондах личного происхождения, так и в фондах различных ведомств.

Материалы фондов личного происхождения для нас наиболее интересны: это, в большинстве своем, неопубликованные отчеты о раскопках археологических памятников, дневники раскопок, записные книжки с черновыми записями и зарисовками, сделанными во время полевых исследований, рисунки, планы.

Ценность этого материала заключается в том, что он дает нам возможность расширить круг наших знаний об археологических памятниках.

Но материалы личных фондов и наиболее фрагментарны — и это всегда должны учитывать исследователи.

В фондах различных ведомств также имеются документы с описанием археологических памятников и об открытии и исследовании их.

Эти материалы более компактны, чем материалы личных фондов. Они также не опубликованы, но в ряде случаев сведения, содержащиеся в них, имеются и в документах фондов Архива Института истории материальной культуры АН СССР, известных широкому кругу археологов.

В ведомственных фондах хранятся также материалы о деятельности различных археологических обществ, институтов, комитетов, материалы по организации экспедиций, археологических съездов, конгрессов. Здесь исследователь найдет новые ценнейшие данные по истории археологической науки в нашей стране в XIX — начале XX в.

I

Остановимся прежде всего на документах, содержащих сведения непосредственно о самих археологических памятниках, об их открытии и исследовании.

1. Славянская и древнерусская археология. По этому разделу документы представлены наиболее полно. В фонде директора С.-Петербургского археологического института

Н. В. Калачева (437 ед. хр.) — отчеты о раскопках сопок и курганов в Петербургской и Новгородской губ. в 1877—1889 гг., представленные Н. В. Калачеву (№ 275 — о раскопках Палицкого могильника в Петербургской губ. в 1879 г., с планами; № 300 — о раскопках курганов близ с. Избоище Устюжского у. Новгородской губ. в 1881 г. Радзевичем; № 334 — о раскопках курганов в Старорусском у. Новгородской губ. в 1889 г. П. Б. Потехиным и курганов у д. Пробужа Боровичского у. Новгородской губ. в 1888 г. В. Н. Коленским, с планами).

В фонде хранятся также рукописи лекций Н. В. Калачева в С.-Петербургском археологическом институте, черновики его работ, описание рукописных и нумизматических коллекций Н. В. Калачева.

В фонде новгородского археолога-краеведа В. С. Передольского (55 ед. хр.) содержатся следующие документы по археологии: отчет В. С. Передольского о раскопках в Новгородской губ. в 1889 г. (№№ 8 и 10 — о раскопках жальников и курганов в местностях Тюремное поле, Юрьевско-Горской, Коломцы); дневник раскопок в 1889 г.; описание археологических коллекций В. С. Передольского; рукописи его работ по археологии Новгородского края; письма к В. С. Передольскому А. А. Иностранцева, А. А. Спицына, В. Г. Тизенгаузена.[1]

Описание памятников XI—XIV вв. г. Дрогичина (Бельский у. Гродненская губ.) и его окрестностей дано в рукописи работ Н. П. Авенариуса (в фонде И. Н. Авенариуса).

В фонде канцелярии министра финансов (оп. I, 1838—1844, № 187) имеются донесения со сведениями об археологических памятниках, присланные из различных губерний на запрос министра финансов Е. Ф. Канкрина. Наиболее интересные из этих донесений:

По Псковской губ. — Изборский район (на немецк. яз.): сведения о раскопках кривичских курганов на правом берегу р. Смолки; описание и акварельные рисунки вещей, найденных в этих курганах; планы; рисунки «чудских древностей»; зарисовки церквей; археологическая карта Изборского района.

По Новгородской губ. — Старая Ладога: исторический очерк, топографическое описание с. Успенского и его «древностей»; акварельные рисунки «Рюриковой крепости».

Древний Новгород: замечания к виду древнего Новгорода, скопированного с изображения под иконой Знамения богоматери новгородского Знаменского собора; описание древних стен Новгорода.

По Смоленской губ.: описание монастырей Спасо-Авраамиева, Свято-Троицкого и др., церквей Петра и Павла, Михаила Архангела и др. и каменных стен Смоленска.

По Киевской губ.: описание гробниц в Десятинной церкви, земляных укреплений «Замок» близ м. Корсуна, валов и курганов на левом берегу р. Росовы между сел. Козыном и Масловкой и др.

Материалы об археологических памятниках г. Киева и его окрестностей имеются также в фонде Канцелярии министра народного просвещения (д. № 609, 1835, «По всеподданейшей докладной записке министра о древних памятниках, в западных губерниях открываемых, и об открытии Временного комитета по изучению древностей в г. Киеве»); здесь имеются документы с описанием киевских церквей — Десятинной, «Золотые Ворота», св. Ирины и др., и «предположения» о древних крепостных воротах, о «дировой могиле» и других памятниках; описание

---

[1] В этом фонде имеются также материалы сына В. С. — В. В. Передольского — по этнографии Сибири.

кладов, найденных в 1824 г. близ северной стены Михайловского монастыря и в 1827 г. на Львовской улице близ Сретенской церкви.

В фонде Канцелярии министра народного просвещения — ряд дел об археологических находках, в том числе о находке бронзовых кувшинов с грамотами XIV в. в Московском Кремле против Константиново-Еленинской церкви (№ 428, 1948).

Материалы по реставрации древнерусских церквей хранятся в фондах Синода.

В Департаменте общих дел МВД[1] по 2-му столу V отд. — группа дел за 1890—1917 гг. «о разных находках, имеющих археологическое значение», с краткими сообщениями губернаторов министру внутренних дел об археологических находках и раскопках[2] и дела о состоянии археологических памятников и о мерах к их сохранению.

Дела о сохранении археологических памятников (главным образом, церквей) хранятся также в фонде департамента народного просвещения (по разряду ученых учреждений). В этом же фонде по Академии Наук имеются сообщения о находках «древностей», начиная с 1800 г., в том числе «древностей» славянских и древнерусских.

2. Античная археология. Документы по этому разделу не менее интересны, чем по разделу предыдущему, но, к сожалению, представлены не так полно. В фонде гр. Бобринских есть материалы, связанные с археологической деятельностью гр. А. А. Бобринского (22 ед. хр.) — записные книжки с зарисовками и путевыми заметками, сделанными во время пребывания его в Крыму в 1886—1888 гг. (описание и рисунки археологических памятников, в частности — керченских погребений).

В фонде Б. В. Фармаковского (230 ед. хр.) — записные книжки с описанием, чертежами и рисунками археологических памятников юга России (№ 243, 1909 — Анапа; № 245, 1890 и № 247, 1905 — Керчь и др.); исследование о кладах, найденных в 1906 г. близ м. Янчар-крака Таврической губ. и в 1908 г. у д. Ивановки близ г. Никополя Екатеринославской губ., с рисунками и фотографиями; заметки, зарисовки и фотографии археологических памятников, находящихся вне пределов нашей страны — памятников греческой и римской культуры, обнаруженных при раскопках Карфагена, Помпеи, Трои и др. (№ 235, 1909 — Рим, Этрурия, Неаполь, Константинополь); фотографии и транскрипции греческих и латинских надписей, в том числе из Македонии; письма к Б. В. Фармаковскому — В. Д. Блаватского, Б. Л. Богаевского,

---

[1] До образования Археологической комиссии (1859 г.) исследованием археологических памятников в стране ведало сначала Министерство внутренних дел, а затем (с 1852 г., когда министром стал гр. Л. А. Перовский) Министерство императорского двора (см. ниже). Документация об археологических памятниках и об их исследовании до 1852 г. поступала в Департамент общих дел МВД (I отд., 3-й стол). Впоследствии 202 дела из этого фонда были переданы Археологической комиссии и хранятся ныне в Архиве ИИМК АН СССР. В фонде осталось несколько дел о «древностях», найденных в различных губерниях России в 30—50-е годы XIX в., но эти материалы, на наш взгляд, не представляют большого интереса.

По 3-му столу I отд. имеется также дело «о передаче гр. Л. А. Перовскому дел об археологических раскопках и находимых древностях» (№ 81, 1852). Здесь есть список дел, переданных Л. А. Перовскому из Департамента общих дел МВД, и опись рисунков. Рисунки эти мне разыскать не удалось. В описи перечислены зарисовки церквей, замков, крепостей.

Планов расследованных в 30—40-е годы XIX в. могильников и курганов и рисунков вещей, найденных в них, в описи не значится.

[2] Большая часть вещей, обнаруженных при этих раскопках, и случайные находки, о которых сообщают губернаторы, поступала в распоряжение Археологической комиссии, меньшая часть передавалась местным археологическим обществам и музеям.

В. П. Бузескула, Н. И. Веселовского, К. А. Иностранцева, С. Н. Кондакова, М. И. Ростовцева, А. Тальгрена, И. И. Толстого.

В уже упомянутом нами деле № 187 фонда Особой канцелярии министра финансов имеются: сообщение об археологических памятниках Таврической губ, керченские «древности»; акварельные и карандашные рисунки глиняных и металлических сосудов, переданных в Эрмитаж и Керченский музей.

По 2-му столу V отд. Департамента общих дел МВД — краткие сообщения губернаторов министру внутренних дел о расследовании памятников античной культуры Причерноморья (1890—1917).

Сообщения о находках отдельных предметов античной культуры — в фонде Департамента народного просвещения (по Академии Наук).

В том же фонде, по разряду ученых учреждений, содержатся дела по вопросу о мерах сохранения памятников, в том числе Херсонеса (№ 174001, 1887, оп. 142), с докладной запиской гр. П. С. Уваровой о состоянии археологических памятников Херсонеса и мерах к их сохранению.

3. Археология Кавказа. По этому разделу материалов не много. В фонде Канцелярии министра народного просвещения находится сообщение о находках древних вещей, в том числе бронзовых браслетов кобанского типа на левом берегу р. Аргуна у укрепления Воздвиженского и др.

В фонде Бобринских — записные книжки гр. А. А. Бобринского с зарисовками и черновыми записями о раскопках сарматских и аланских могильников на Кавказе в 1888 г. (в частности, могильники Харх V—IX вв. н. э. у сел. Чми в 22 км от Дзауджикау). Эти материалы не велики по объему и очень фрагментарны, но, тем не менее, очень ценны, так как иллюстрированного материала по раскопкам А. А. Бобринского на Кавказе мы до сих пор не имели ни в литературе, ни в рукописях, хранящихся в архиве ИИМК.

4. Археология Крыма эпохи раннего и позднего средневековья. Материалы фонда художника и археолога Д. М. Струкова (381 ед. хр.). Интересных документов здесь не много — зарисовки и планы средневековых памятников Крыма, в том числе памятников, открытых в г. Инкермане и близ него; пещерные храмы, развалины наземных храмов, крепостей и др. Письма к Д. М. археологов, в том числе В. Ф. Миллера.

Сведения о средневековых памятниках Херсонеса имеются в уже упомянутой нами записке гр. П. С. Уваровой (ф. Департамента народного просвещения по разряду ученых учреждений).

5. Скифские памятники. О них мы имеем лишь отдельные сообщения в фонде Канцелярии министра народного просвещения (№ 91, 1852 — о находке бронзовых, железных и золотых вещей в Александропольском кургане в 1851 г.; рисунков и планов нет).

В фонде Департамента общих дел МВД, по 2-му столу V отд. — сообщения губернаторов министру внутренних дел о расследовании скифских курганов (1890—1917).

6. Археологические памятники Византии. Документы фонда В. Э. Регеля — зарисовки и фотографии надгробных плит, остатков византийских храмов и дворцов; письма к В. Э. Регелю Д. В. Айналова, Ф. И. Успенского.

II

Переходим ко второй группе документов — материалам по истории археологической науки в нашей стране.

Сведения о деятельности археологических обществ, институтов и комитетов, начиная с 1801 г., имеются в фонде Министерства народного просвещения, по разряду ученых учреждений: документы о деятельности Московского общества истории и древностей, Русского археологического общества и др. (сведения о деятельности Русского археологического общества имеются также в фонде Придворной конторы вел. кн. Константина Константиновича и вел. кн. Елизаветы Маврикиевны);[1] документы о деятельности институтов — С.-Петербургского археологического, Русского археологического в Константинополе и др. Документы о деятельности С.-Петербургского археологического института хранятся также в фонде Н. В. Калачева и в фонде придворных контор вел. кн. Константина Константиновича и вел. кн. Елизаветы Маврикиевны.

В ЦГИАЛ находится фонд Русского археологического института в Константинополе (68 ед. хр.):[2] записки и рукописи статей Ф. И. Успенского; материалы о деятельности института; переписка об археологическом изучении Балканского полуострова и, в частности, Болгарии (№ 2, 1896—1905); материалы по организации экспедиции в средневековую болгарскую столицу Абобу; сведения о Трапезундской экспедиции (№ 54, 1916—1917), отчеты членов экспедиции (№ 57, 1917) — Н. Д. Протасова, А. Е. Крымского, Н. Б. Бакланова, Н. Е. Макаренко.

В фонде Департамента народного просвещения (по разряду ученых учреждений) имеются богатейшие материалы по организации археологических съездов, конгрессов, экспедиций.

Документация о средствах, затраченных на производство археологических раскопок, имеется в фондах Министерства императорского двора,[3] в частности — в фонде Главного управления уделов.

Таковы наиболее интересные из выявленных в настоящее время документов по занимающему нас вопросу.

Совершенно очевидно, что при дальнейшей работе над материалами богатых и разнообразных отделов ЦГИАЛ обнаружатся новые документы, содержащие ценнейшие сведения об археологических памятниках нашей страны, об их открытии и изучении.

---

[1] Фонд Русского археологического общества хранится в архиве ИИМК АН СССР.

[2] Часть фонда Русского археологического института в Константинополе находится в архиве Академии Наук.

[3] Как мы отмечали выше, с 1852 г. Министерство императорского двора ведало археологическими исследованиями в стране. В 1859 г. при Министерстве была образована Археологическая комиссия и дела об археологических раскопках (52) были переданы ей. Ныне эти дела хранятся в архиве ИИМК АН СССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ	— Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
ВДИ	— Вестник древней истории
ВСРГО	— Восточносибирское отделение Русского географического общества
ВУАК	— Вестник Ученой архивной комиссии
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГРМ	— Государственный Русский музей
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия ГАИМК
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
ЛГУ	— Ленинградский Государственный университет
ЛОИИМК	— Ленинградское отделение института истории материальной культуры Академии Наук СССР
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАО	— Московское археологическое общество
МАР	— Материалы по археологии России
МГУ	— Московский Государственный университет
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР
НИГРИЗ	— Научно-исследовательский геолого-разведочный институт золотопромышленности
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАНИОН	— Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РАО	— Русское археологическое общество
СА	— Советская археология
СЭ	— Советская этнография
ТОИПК	— Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
Тр. .. АС	— Труды I—XV Всероссийских археологических съездов
УАН	— Украинская Академия Наук
AJA	— American Journal of Archaeology
AM	— Mitteilungen des K. Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
RA	— Revue archéologique
SC	— Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Е. Б. Томсинская*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректор *Н. А. Хромцова*

*

РИСО АН СССР № 4584. М-40185.
Подписано к печати 10/X 1951 г. Бумага
70×108/16. Бум. л. 11. Печ. л. 30.14.
Уч.-изд. л. 29. Тираж 2000. Заказ № 110.
Цена в переплете 26 руб.

1-я тип. Издат. Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12